

**Материалы
по Археологии,
Истории
и Этнографии
Таврии**

Выпуск XIX

**Materials
in Archaeology,
History
and Ethnography
of Tauria**

Volume XIX

Симферополь - Керчь

2014

Simferopol - Kerch

УДК 94(477.75)(082)

ББК 63.3(4Укр-6Крм)я43

М 34

Крымское отделение Института востоковедения

*Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Крымского отделения Института востоковедения
(Протокол № 5 от 24.06.2014 г.)

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (гл. редактор)

А.Г. Герцен, к.и.н.

Ф. Дайм, д.и.н. (Германия)

В.Н. Зинько, д.и.н.

Г.Ю. Ивакин, чл.-кор. НАНУ, д.и.н. (Украина)

В.А. Сидоренко, к.и.н.

В.П. Степаненко, д.и.н., проф.

И.Н. Храпунов, д.и.н.

К. Цукерман, д.и.н. (Франция)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом
Крымского отделения Института востоковедения
(Протокол № 5 от 24.06.2014 г.)

Ответственный секретарь С.И. Власова

М34 **Материалы по археологии, истории и этнографии Тав-**
рии. Вып. XIX. – Сб. / Отв. ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько.
– Симферополь–Керчь, 2014. – 544 с.

ISBN 978-966-1538-52-7

В очередной выпуск вошли статьи по археологии и истории Таврии,
подготовленные российскими и украинскими исследователями.

Для историков, археологов, музейных сотрудников, а также для всех,
кто интересуется историей и культурой Крыма.

УДК 94(477.75)(082)
ББК 63.3(4Укр-6Крм)я43

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

Свидетельство о гос. регистрации в Украине – серия КВ, № 8049, 23.10.2003 г.

АРХЕОЛОГИЯ

В. В. КРАПИВИНА, П. Д. ДИАТРОПТОВ

ДИПИНТИ И ГРАФФИТИ НА АМФОРАХ РИМСКОЙ ОЛЬВИИ

Граффити и дипинти на античной керамике привлекали внимание исследователей, начиная с XIX века. Историография вопроса обширна, чтобы не повторяться, отсылаем читателя к наиболее значительным работам последнего времени [1–5]. В предлагаемой работе публикуются дипинти и граффити на амфорах первых веков н. э., обнаруженные, прежде всего, на участке Р-25 в южной части Верхнего города (дипинто, найденное при раскопках винодельни, имеет маркировку ВИН) и, в меньшей степени, в Нижнем городе Ольвии (участки НГС, НГФ, КЛИФ)¹.

Прежде всего, мы имеем дело с узкогорлыми светлоглиняными амфорами типов В, С, D, E, F согласно классификации Д. Б. Шелова [6, с. 16-21; 1, с. 28-32]. Датировки следующие: тип В – вторая треть I – середина II вв., тип С – конец II в., тип D – первая половина III в. (это самый распространенный тип узкогорлых амфор в Северном Причерноморье, в том числе и в Ольвии), тип E – IV – начало V вв. (или конец IV – начало VI вв. [7, с. 420-423]), тип F – конец III – IV вв. Как полагает С. Ю. Внуков, узкогорлые светлоглиняные амфоры производились в Гераклее Понтийской [8, с. 28]. Многие другие исследователи с этим согласны [см., напр.: 9, с. 144; 10, с. 344]. Представлены также и другие типы амфор первых веков н. э., объединенные в разделе «Прочее», характеристика и датировка этих типов даны непосредственно в тексте раздела. Материал располагается в соответствии с типами амфор, а в рамках каждого типа – в алфавитном порядке. Существуют различные классификации граффити и дипинти [см.: 3], однако подавляющее большинство надписей (чаще всего меток из одной или двух букв) невозможно однозначно отнести к той или иной рубрике, так что, по нашему мнению, наиболее корректным способом публикации является указанный выше. Очевидно, что подавляющее большинство дипинти, нанесенных на амфоры, относится к сфере хозяйственной деятельности (торговля и хранение продуктов). То же можно сказать и о нанесенных на амфоры граффити, хотя здесь разнообразие несколь-

¹ Рисунки, сопровождающие публикацию, выполнили О. Креминская и Т. Зиновьева.

ко больше. Поскольку количество граффити очень незначительно, они не выделяются в отдельную рубрику, а публикуются в общем алфавитном порядке вместе с дипинти, с указанием характера надписи в каждом отдельном случае.

Для понимания нашего материала большое значение имеет сопоставление его с большим массивом ранее опубликованных дипинти и граффити, учитывая, естественно, высказанные публикаторами точки зрения². Особенно серьезным подспорьем являются дипинти Танаиса [1], учитывая огромное их количество (более двух тысяч). Разумеется, различия между Танаисом и Ольвией очень велики, однако амфоры в оба города ввозились из одних и тех же центров. Публикаторы танаисских дипинти пришли к выводу, что большинство выполнены в самом городе и лишь некоторые в тех центрах, откуда амфоры поступали в Северное Причерноморье [1, с. 34]. Однако сопоставление материала Танаиса и Ольвии показывает, что около 50 меток на амфорах идентичны для обоих центров (притом, что в Ольвии выявлено 126 разновидностей меток), прежде всего, это метки из одной или двух букв (естественно, такие совпадения отмечены и в других центрах). Кроме того, палеография дипинти Танаиса и Ольвии практически идентична: надписи выполнены красной краской с помощью кисти (в Танаисе, по данным Б. Беттгера и Д. Б. Шелова, регулярно прослеживается применение кистей разных размеров, в Ольвии такие примеры единичны), там и там мы видим сочетание курсивных и (в меньшей степени) унциальных форм букв (более тонкие наблюдения, сделанные на обширном материале Танаиса, вряд ли можно повторить на гораздо более ограниченном ольвийском материале). Конечно, отчасти это можно объяснить общностью культурного контекста позднеантичного мира, но мы полагаем все же, что, по крайней мере, значительная часть совпадающих меток на амфорах Танаиса и Ольвии нанесена в тех центрах, где в них загружались те или иные продукты.

В этой связи можно предполагать, что такие метки могли обозначать либо сокращенные названия товаров, в том случае, если на одном корабле везли несколько их разновидностей, либо сокращения имен, в том случае, если на одном корабле везли товары, принадлежавшие разным поставщикам или предназначенные разным получателям. Полной уверенности здесь, разумеется, быть не может. Возможно, груз сопровождался своего рода накладными, где сообщалась необходимая информация, позволяющая понять конкретный смысл тех или иных сокращений. Не исключены, конечно, и другие толкования подобных меток, цифровые обозначения, например, о чем речь идет в каждом отдельном случае. Цифровые метки могли иметь разное значение: цена продукта, объем, порядковый номер амфоры в партии. Как убедительно предположил С. М. Ильяшенко [11, с. 203], в ряде случаев такие метки, нанесенные на среднюю часть горла, могли обозначать номера пифосов на винном складе, из которых разливалось вино в амфоры для продажи. Этот вывод сделан на основании анализа меток на

² См. библиографию. Конкретные ссылки даны в соответствующих местах каталога.

амфорах, сохранившихся в первоначальном порядке *in situ* в подвалах Танаиса, и является вполне надежным. В Ольвии ничего подобного не обнаружено, поэтому столь же уверенно трактовать числовые метки на горлах ольвийских амфор мы не можем, но часть из них, скорее всего, имеет такое же значение.

Тип В

1. *О-83, Р-25/69*. Яма № 61.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: А. Возможно, сокращение имени или цифровая метка (1) [ср.: 1, с. 92, 229 – в Танаисе такие метки встречаются более 100 раз]. Возможно, такие метки служили сокращением слова ἀμπέλινος, т.е. «винопродукт» [12, с. 18; 5, с. 231].

2. *О-2009, Р-25/574*. Поверхность № 1585.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: В. Вероятно, сокращение имени, или цифровая метка (2), или обозначение содержимого амфоры, например, β(άκχος) – «вино», β(άλσαμον) – «бальзам», β(άμμα) – «краска» [ср.: 13; 1, с. 88, 92, 229 – в Танаисе встречено более 90 раз; 2, с. 48; 5, №№ 101, 525, 701, 1174 с указанием различных значений и ссылками на литературу].

3. *О-97, Р-25/542*. Сырцовый массив под западной частью кладки № 870 и к западу от нее.

Светлоглиняная узкогорлая амфора без дна и венчика, на плече граффито в две строки: ΕΥΧΗΝ / ΕΡΑΤΟΣ (справа уходит в облом) – εὐχὴν / 'Ερατοσ[θένης] (?) – «по обету Эратосфен». Получается, что в этом месте в первые века н. э. располагалось святилище, в которое некий Эратосфен принес заранее обещанное жертвоприношение – вино или масло в амфоре.

4. *О-94, Р-25/1266*. Вымостка № 430.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Θ. Возможно, сокращение имени или цифровая метка (9). Возможно также, это обозначение содержимого амфоры – фасосского вина [ср.: 5, с. 231]. В Танаисе такие метки встречены более 80 раз [1, с. 231].

5. *О-2010, Р-25/1771*. Яма № 1605.

Основание горла розовоглиняной амфоры. Дипинти черной краской: ΚΗ (с уклоном вправо и вниз), ΓΡ (по горизонтали). В средней части горла дипинто черной краской: ΣΑ (?).

6. *О-2010, Р-25/1770*. Яма № 1605.

Светлоглиняная узкогорлая амфора, собранная из фрагментов. У основания горла дипинто черной краской: ΝΣ. Возможно, инициалы. Ниже, на плече еще одно дипинто неясного характера, возможно, Π.

7. *О-2010, Р-25/1772*. Яма № 1605.

Почти полная аналогия предыдущему. Дипинто ΝΣ у основания горла, дипинто на плече отсутствует.

Тип С

8. *O-2004, P-25/3303.* Печь № 1330 и уровень пола № 1192.

Горло узкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Г. Возможно, сокращение имени или цифровая метка (3) [13, F 317, etc.; 1, с. 92, 230 – в Танаисе встречено 59 раз; 5, №№ 104, 248, 935]. Возможно также, это сокращенное обозначение содержимого амфоры, например, γ(λυκύς) – «сладкое (вино)» [12, №№ 305-309; 14, № 36].

9. *O-2007, P-25/775.* Яма № 691.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ΕΝΠΟΡΙΑ (= ΕΜΠΟΡΙΑ: Εμπόρια).

Буквально это слово означает «товар». Собственно, содержимое амфоры и являлось, прежде всего, товаром, так что не имело смысла это специально обозначать. Вряд ли в данном контексте следует видеть другое значение этого слова – «торговый центр» во множественном числе, хотя названия населенных пунктов Ἐμπόριον («торговый центр») засвидетельствованы в разных частях античного мира. Возможно, и в данном случае это название какой-то местности или населенного пункта («Торжища»), откуда происходит продукт, помещенный в амфору, хотя это и маловероятно. Возможно, это личное женское имя, означающее поставщицу или получательницу товара. В словарях засвидетельствованы такие имена (мужские), как: Ἐμπορικὸς, Ἐμπορίων, Ἐμπορος. Конечно, в древнегреческой деловой жизни ведущую роль играли мужчины, однако в качестве редкого исключения можно вспомнить, например, Никагиду, засвидетельствованную в родосских амфорных клеймах в качестве владелицы керамической мастерской.

Тип С (?)

10. *O-84, P-25/371.* Слой желтоглинистый с сероглинистыми включениями.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: ΖωС. Ζώσ(ιμος). Широко распространенное греческое имя. Амфора типа С (ранний D?).

11. *O-96, P-25/1370.* Яма № 557.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: X / O. Возможно, мера объема жидкости χο(ύς) = 3,28 л или сыпучих тел χο(ῖνιξ) = 1,1 л [ср.: 3, с. 173]. В Танаисе метки X встречены 28 раз [1, с. 235]. Амфора типа С или В.

Тип D

12. *O-84, P-25/380.* Слой темный, сероглинистый, с желтоглинистыми и золистыми включениями.

Светлоглиняная узкогорлая амфора без венчика и ножки. Дипинто красной краской (выцветшей) на плечевой части: А.

Ср. № 1.

13. *O-88, P-25/276.* Слой темный, желтоглинистый.

Стенка светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: А.

- Ср. № 1.
Амфора типа D (?).
14. *O-97, P-25/545*. Сырцовый массив под западной частью кладки № 870 и к западу от нее.
Стенка светлоглиняной амфоры с граффито: А (или Δ?).
О значении А см. выше, Δ может быть обозначением числа 10 по акрофонической системе.
15. *O-2004, P-25/1533*. Яма № 1310.
Часть горла розовоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской, ориентированное основанием вверх, уходящее справа в облом: А.
Ср. № 1.
Амфора типа D (?).
16. *O-2004, P-25/1518*. Яма № 1310.
Амфора узкогорлая светлоглиняная. Дипинто красной краской у основания горла: А.
Ср. № 1.
17. *O-2004, P-25/2152*. Яма № 1326.
Стенка светлоглиняной амфоры (переход от тулова к горлу). Дипинто красной краской: А.
Ср. № 1.
18. *O-2001, НГФ/1235*. При снятии части вымостки № 9.
Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской, ориентированное вертикально: А.
Ср. № 1.
19. *O-2004, P-25/1336*. Яма № 1326.
Амфора узкогорлая розовоглиняная. Дипинто красной краской у основания горла: АI. Слева от А три точки, расположенные с наклоном слева направо, снизу вверх.
И. А. Емец [2, с. 44-45] предлагает видеть в аналогичных сокращениях на амфорах с территории Боспора слово *αἶρα* – «плевел» (со ссылкой на аналогию с Афинской агоры [13, Hd. 11]). Это толкование маловероятно. Исследователи толковали сочетания букв такого рода (АI, АВ, АГ и пр.) как обозначения порядковых номеров партий амфор с вином (в данном случае – первой [см.: 5, с. 231]). Однако это с тем же успехом может обозначать амфору № 1 в партии, или число 11, или сокращение имени. Три точки, скорее всего, – число 3 [ср.: 5, с. 102, № 500]. Число 11 обозначает, возможно, объем в котилах, что приблизительно соответствует объему узкогорлой амфоры. Три, возможно, обозначение цены (3 обола, 3 халка).
20. *O-2007, P-25/1601*. Яма № 1488.
Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: АА. Справа уходит в облом.

Возможно, сокращение имени [ср.: 1, с. 229 – в Танаисе 35 раз встречено сокращение АЛЕ, вероятно, сокращение одного из имен, начинающихся на 'Αλεξ– с. 74]. Возможно, ἄλ(ς) – «соль».

И. А. Емец [3, с. 177] приводит следующие сокращения в дипинти на амфорах: АЛ, АЛМ, АЛО, АЛФ. Со ссылкой на Д. Б. Шелова [15, с. 113], он дополняет АЛМ как ἄλμ(άς), ἄλμ(ια) – «соленые или маринованные продукты», а АЛО как ἄλο(ιφή) – «жир, масло, мазь», оставляя другие аббревиации без толкований. АЛФ можно дополнить как ἄλφ(ιτου) – «ячменная крупа, мука» [ср.: 2, с. 45]. В принципе, все эти дополнения возможны и в нашем случае.

21. O-84, P-25/684. Яма № 150.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: А / Λ.
Ср. № 20.

22. O-2004, P-25/2585. Выборка № 1263.

Стенка светлоглиняной амфоры с рифлением. Дипинто красной краской: АМ.
Сокращение имени или, может быть, сокращение ἄμ(πέλινος οἶνος) – «виноградное вино» [ср.: 5, № 678; 1, с. 229 – в Танаисе такое сокращение встречено 3 раза, там же встречены сокращения АМА, АΜΑΝΙ, ΑΜΑC, ΑΜΕ].
Амфора типа D (?).

23. O-2004, P-25/1257. Пол № 1307.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Π. Выше, вероятно, остатки еще одной буквы – неразборчиво. Возможно, ΑΠ по вертикали. ΑΠ(Ο) – «от», обычно предшествует имени поставщика, указанному на амфоре.
Ср. № 148.

24. O-98, P-25/3149. Углубление № 995.

Стенка амфоры светло-коричневой глины. Дипинто красной краской.
Монограмма ΑΤ или ΤΑ.
Возможно, сокращение имени, например, Ἀτ(ταλος) или Τά(υταλος) или характеристика содержимого, например, ἄτ(έραμνος οἶνος) – «крепкое вино» [ср.: 5, № 93]. ΤΑ, возможно, τάρ(ιχος) – «соленая рыба» [ср.: 2, с. 53].
Амфора типа D (?).

25. O-2001, НГФ-1/445а. Пол № 13.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской, повернуто основанием вверх: Β.
Ср. № 2.

26. O-96, P-25/1460. Углубление № 828.

Горло узкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Β.
Ср. № 2.

27. O-82, P-25/725а. Слой темный, желтоглинистый, с темными сероглинистыми включениями.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры с энглифическим клеймом ΕΥ.
Дипинто красной краской: Β.

- Ср. № 2.
28. *O-2002, P-25/737*. При разборке завала камней к западу от вымостки № 1121. Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: В.
Ср. № 2.
29. *O-98, P-25/1926*. Пол № 925.
Стенка амфоры светло-коричневой глины с блестками. Дипинто красной краской: В.
Ср. № 2.
30. *O-98, ВИН/101*. Слой темный, желтоглинистый, со светлыми желтоглинистыми прослойками, включениями зеленой глины.
Желобчатая ручка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: В.
Ср. № 2.
Амфора типа D (?).
31. *O-2007, P-25/3670*. Углубление № 1542.
Стенка светлоглиняной небольшой амфоры или кувшина с дипинто красной краской: В (?). Часть буквы уходит в облом слева и снизу.
Ср. № 2.
32. *O-2008, P-25/1637*. Слой темный, желтоглинистый, со светлыми желтоглинистыми прослойками.
Часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: ВА.
Ниже неразборчивые остатки еще одной строки.
Возможно, начало имени (только, скорее всего, не Βασιλίδης) или обозначение содержимого, например, βᾱ(κχος) – «вино», βα(λασμου) – «бальзам», βα(μμα) – «краска» [ср.: 1, с. 88, 92, 229 – в Танаисе такие сокращения встречены 13 раз; 2, с. 47-48].
Амфора типа D или F.
33. *O-90, P-25/2694*.
Основание горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: ВА.
Ср. № 32.
34. *O-90, P-25/1694*. Яма № 629.
Нижняя часть горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ВА / А (?).
ВА – ср. № 32. Значение метки А – см. № 1.
35. *O-88, P-25/1463*. Яма № 420.
Горло узкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: ВI / Г.
ВI – возможно, сокращение имени, например, Βι(θυσ), Βι(ων), возможно – обозначение какого-то товара из Вифинии. В Танаисе сокращение ВI встречено 2 раза [1, с. 230]. Относительно значения Г см. № 8. В целом это может быть обозначение имени с инициалом патронимика, может быть, три весовых единицы вифинского товара, может быть, вифинское сладкое вино.

36. *O-95, P-25/643.* Слой желтоглинистый, с большим количеством сероглинистых и золистых включений.
Нижняя часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: нечто вроде Г, повернутой налево.
Ср. № 8.
37. *O-88, P-25/1467.* Яма № 420.
Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Г.
Ср. № 8.
38. *O-2003, P-25/2259.* Яма № 1250.
Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Г.
Ср. № 8.
39. *O-2008, P-25/1560.* Яма № 1567.
Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Г.
Ср. № 8.
40. *O-83, P-25/73.* Яма № 61.
Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Г, перевернутая вниз.
Ср. № 8.
41. *O-84, P-25/470.* Слой желтоглинистый, со светлыми желтоглинистыми и золистыми включениями.
Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. В средней части дипинти красной краской в две строки: Г / X.
Вероятно, обозначение цифры и денежной единицы: γ' χ (αλκοί) – «три халка» [ср.: 5, № 494].
42. *O-88, P-25/332.* Слой желтоглинистый, с сероглинистыми включениями.
Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ГК.
Вероятно, числовая метка по алфавитной системе (24). Возможно, по аналогии с материалами Танаиса, номер пифоса, из которого была заполнена вином партия амфор [см.: Введение; 11, с. 203].
43. *O-84, P-25/792.* Шурф I. Гумус.
Светлоглиняная амфора. Дипинто у основания горла красной краской: Δ.
Скорее всего, цифровая метка по акрофонической системе (10) или по алфавитной системе (4). Обозначение цены или веса содержимого или порядкового номера амфоры в партии. В Танаисе встречено более 90 раз [1, с. 230]. Ср. также № 42.
44. *O-82, P-25/537.* Слой темный, желтоглинистый.
Основание горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. На плече сильно выцветшее дипинто красной краской: Δ.
Ср. № 43.
45. *Без №.* Горло розовоглиняной узкогорлой амфоры. Граффито: Δ.
Ср. №№ 42, 43.

46. *О-88, P-25/141*. Из завалов камней.
Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Δ.
Ср. № 43.
47. *О-94, P-25/1854*. Зачистка южного борта под кладкой № 763.
Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Δ.
То же, что № 43. Ср. также № 42.
48. *О-2000, P-25/905*. Выборка № 1067.
Часть горла узкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Δ.
То же, что № 43. Ср. также № 42.
49. *О-82, P-25/703*. Яма № 37.
Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской в две строки: ΔΙ / Ο (или Θ; уходит в облом слева).
ΔΙ – обозначение числа 11 (по акрофонической системе) или 14 (по алфавитной системе) или сокращение имени, например, Δι(όδωρος), Δι(ονύσιος). Ο – возможно, инициал патронимика. Ο значении Θ см. № 4. Ср. также № 42.
50. *О-2005, P-25/2087*. Слой темный, желтоглинистый, гумусированный.
Плечевая часть красноглиняной амфоры с основанием ручки и с переходом к горлу. Дипинто красной краской при переходе от плеча к основанию горла, повернуто вниз: Ε (лунарное).
Возможно, ἔ(λαιον) – «масло» [ср.: 2, с. 49; 3, с. 179]. Может быть и цифровая метка (5). В Танаисе такие метки встречены около 80 раз [1, с. 230].
Тип амфоры неясен (тип D?). III в.
51. *О-2008, P-25/1539*. Яма № 1567.
Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. В нижней части горла дипинто красной краской: Ε.
Ср. № 50.
52. *О-83, P-25/406*. Слой желтый, гумусированный.
Нижняя часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. На плечевой части дипинто красной краской: Ε (повернуто вниз).
Ср. № 50.
53. *О-89, P-25/955*. Из завала и из-под завала камней № 425.
Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Ε (?).
То же, что № 50.
54. *О-83, P-25/128a*. Слой желтый, гумусированный.
Нижняя часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. На плечевой части дипинто красной краской: Ε (повернуто вниз).
Ср. № 50.
55. *О-88, P-25/1433*. Яма № 422.
Часть горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: край буквы Ε, С или Υ.
56. *О-2004, P-25/1735*. Из консервационной засыпки.

Плечевая часть амфоры розовой глины. Дипинти красной краской в две строки, уходит в облом справа: ΕΛΠΙ [...] / ΑΘ[...].

Вероятно, имя с патронимиком, например, 'Ελπι[διφόρος] / 'Αθ[ηναίου].

Амфора типа D (?).

57. *O-84, P-25/86.* Гумус.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры с выдавленными по сырой глине буквами: ΕΥ.

Вероятно, сокращение одного из многочисленных имен, начинающихся с этого слога. Это имя мастера или владельца керамической мастерской.

И. А. Емец [2, с. 49-50] отмечает, что такие сокращения широко распространены на Боспоре и в других частях Северного Причерноморья. Он предполагает, что это характеристика товара: εὖ – «хорошо», что маловероятно.

58. *O-84, P-25/20.* Слой темно-желтый, со светлоглинистыми прослойками и золистыми включениями.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской в средней части горла: Ζ.

Возможно, сокращение имени или цифровое обозначение (7). Ср. № 42. В Танаисе подобные метки встречены 130 раз [1, с. 231].

59. *O-88, P-25/1462.* Яма № 420.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Ζ.
Ср. № 58.

60. *O-2005, P-25/640.* Слой рыхлый, темный, желтоглинистый, гумусированный.

Нижняя часть горла узкогорлой амфоры. Глина светлая, с крупным песком, мелкими белыми и черными включениями. Дипинто красной краской: Ζ (?) или σ (сигма). Уходит в облом наверху.

Скорее всего, цифровая метка (6 или 7). Ср. № 58.

61. *O-86, P-25/192.* Слой темный, гумусированный.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Ζ (?).

То же, что № 58.

62. *O-88, P-25/333.* Слой желтоглинистый, со светлыми желтоглинистыми и сероглинистыми включениями.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ΖΑ (?).

Возможно, начало имени или инициалы имени и патронимика. В Танаисе подобные метки встречены более 100 раз [1, с. 231].

63. *O-2004, P-25/1796.* Пол № 1288.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ΖΗ.

Возможно, начало имени Ζη(ων). Такая метка встречена в Танаисе [1, с. 231].

64. *O-2008, P-25/1561.* Яма № 1567.

Плечевая часть узкогорлой розовоглиняной амфоры с рифленой поверхностью. Дипинто красной краской: Ζ(?) Ζ(?).

Ср. № 58.

Амфора типа D (?).

65. *O-83, P-25/74. Яма № 61.*

Стенка амфоры розовоглиняной. Дипинто красной краской: Н.

Возможно, сокращение имени, цифровая метка (8) или обозначение содержимого амфоры (гераклеийское вино) [ср.: 12, с. 18; 5, с. 40-41, 231, № 118]. В Танаисе такие метки встречены более 80 раз [1, с. 231].

Амфора типа D (?).

66. *O-97, P-25/1651 б. Пол № 883.*

Часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры с рифлением. Дипинто красной краской: Н.

Возможно, цифровая метка по алфавитной системе (8).

Ср. №№ 42, 65.

67. *O-92, P-25/3335. Пол № 667.*

Амфора узкогорлая светлоглиняная. Дипинто на плече красной краской: Н (ориентировано по вертикали).

Ср. № 65.

68. *O-99, P-25/967. При разборке сырцово-каменного завала № 637.*

Плечевая часть светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: Н (уходит в облом вверх и вниз).

Ср. № 65.

69. *O-84, P-25/802. Заполнение подвала I.*

Верхняя часть розовоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: НВ.

С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников трактуют аналогичную метку (но не дипинто, а граффито) на амфоре с хоры Боспора как обозначение цены в 2 обола [5, № 798]. Это можно также предположительно рассматривать как инициалы имени и патронимика.

70. *O-90, P-25/205. Слой темный, желтоглинистый, с сероглинистыми включениями. Фрагмент горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: Н (?) / ΠΘ / ΛΑ.*

ΠΘ – π[θου]. ΛΑ – λ[υνοι]. Надпись можно истолковать, исходя из танаисских аналогий. С. М. Ильяшенко [16] выделил группу из пятнадцати однотипных дипинти, составленных по следующей схеме: ΓΕΥΜΑ (ΓΕΥΜΑΤΕΡΑ) («проба») / ΠΙΘΟΥ (числовое обозначение номера пифоса) / ΛΑΓΥΝΟΙ (числовое обозначение количества лагинов). С. М. Ильяшенко предполагает, что таким образом помечались амфоры, в которых производители посылали пробы вина с обозначением номера того или иного пифоса с винного склада и указанием имеющегося на продажу объема вина в лагинах. На основании пробы виноторговец мог сделать заказ партии вина с указанием номера пифоса, содержимое которого его устраивало. Таким образом, схема торговли, засвидетельствованная ранее для Танаиса, имела также место и в Ольвии. Возможно, в первой строке нашего дипинти, от которой мало что сохранилось, также стояло ΓΕΥΜΑ (ΓΕΥΜΑΤΕΡΑ).

71. *O-91, P-25/245. Выборка № 544.*

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Θ.

То же, что № 4.

72. *O-2008, P-25/1558. Яма № 1567.*

Основание горла узкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Θ.

Ср. № 4.

73. *O-94, P-25/388.*

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Θ.

Ср. № 4.

Амфора типа D (?).

74. *O-90, P-25/1369. Яма № 557.*

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры без венчика и ручек. В середине горла дипинто красной краской: Θ. Буква ориентирована по вертикали.

Ср. № 4.

75. *O-88, P-25/765. Завал камней № 361.*

Основание горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: Θ.

Ср. № 4.

76. *O-2000, P-25/1503. Яма № 1082.*

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ΘН.

Возможно, инициалы имени и патронимика. Может быть, также обозначение содержимого амфоры: θη(ρακιά) – «противоядие, лекарство».

Амфора типа D (?).

77. *O-2009, P-25/1257. Яма № 1642.*

Верхняя часть светлоглиняной узкогорлой амфоры. В средней части горла сильно выцветшее дипинто красной краской, ориентированное по вертикали: ΘΙ.

Вероятно, цифровая метка (19). Может быть, сокращение имени, например, ΘΙ(μβρω). Выше на горле выдавлены по сырой глине две вертикальные черты.

Вероятно, метка гончара.

78. *O-88, P-25/406. Слой темный, желтоглинистый, со светлыми желтоглинистыми включениями.*

Часть горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской ΘΙ.

Ср. № 77.

79. *O-89, P-25/1581. Яма № 486.*

Часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: ΘΥΙ (?).

Возможно, θυί(α) (= θύον) – «фимиама», благовония для культовых целей.

80. *O-83, P-25/76. Яма № 61.*

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Ι.

Возможно, инициал имени или цифровая метка (1 по акрофонической системе

или 10 по алфавитной системе). В Танаисе такие метки встречены почти 100 раз [1, с. 231].

81. O-2008, P-25/2283. Яма № 1495.

Стенка светлоглиняной амфоры со слабым рифлением. Дипинто красной краской: I и незначительные остатки еще одной буквы.

Ср. № 80.

82. O-2007, P-25/774. Углубление № 1470.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской в две строки: M (перевернуто вверх основанием) / IG.

IG – скорее всего, цифровая метка (13). В Танаисе такие метки встречены 75 раз [1, с. 231]. Ср. № 42. M в данном случае означает, скорее всего, содержимое амфоры: μ(έλισσα) – «мед», μ(ελίτειον) – «медовое вино», возможно, вино Менды [5, №№ 44, 45, 130, 132, 140, 141 и др., с. 231].

83. O-92, P-25/3334. Пол № 667.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ID.

Скорее всего, цифровая метка (14). Ср. № 42. В Танаисе такие метки встречены 71 раз.

84. O-88, P-25/1524. Зачистка дверного проема в кладке № 345.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: IZ.

Скорее всего, цифровая метка (17). Ср. № 42. Хотя не исключено, что IG, ID, IZ – это инициалы имен и патронимиков. В Танаисе метки IZ встречены 20 раз [1, с. 231].

85. O-2009, P-25/3242. Яма № 1671.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: IK (?). Перевернуто.

Возможно, инициалы имени и патронимика.

86. O-97, P-25/2. К востоку от кладки № 602.

Фрагмент горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: IΦΩNA / E.

IΦΩNA – неясно. E – ср. № 40.

87. O-2004, P-25/3922. Случайная находка.

Основание горла светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской, ориентированное по вертикали: K (остаток другой буквы, может быть – I, уходит вниз в облом).

Возможно, инициал имени, цифровая метка (20) или обозначение содержимого амфоры, например, коского или кидского вина [ср.: 5, с. 66-67, 231, №№ 279, 291, 299, 805, 1002 и др.]. В Танаисе такие метки встречены 45 раз [1, с. 232].

88. O-2000, P-25/2176. Слой пожарища и уровень пола № 814.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: KA.

Возможно, начало имени, например, Κα(λλι)νκος, Κα(λλι)κράτης и т.п. или цифровая метка (21). Ср. № 42. Возможно также, определение качества содержимого

амфоры: κα(θαρός) – «чистый», κα(λός) – «хороший» [ср.: 5, №№ 335-338, 599, 708, 752; 2, с. 50, 51]. В Танаисе такие метки встречены 44 раза [1, с. 232].

89. *О-88, Р-25/407.* Слой темный, желтоглинистый, со светлыми желтоглинистыми включениями.

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: ...KON / ...N(?)Т... KON – либо окончание какого-то слова среднего рода, либо начало имени, например, Κό(υιν), Κο(υκόρδιος). N(?)Т – неясно.

90. *О-84, Р-25/402.* Яма № 144.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской на плече: Λ. На горле, возможно, было что-то написано черной краской, но неразборчиво. Возможно, инициал имени или цифровая метка (30). Трактуется также как обозначение весовой единицы – римского фунта (libra, греч. λίτρα = 327,45 г [ср.: 5, № 9 и др.]). В данном случае это толкование вряд ли приемлемо: помещать в амфору, хоть и небольшую, такое незначительное количество продукта явно бессмысленно. Более вероятно здесь трактовка этой буквы как сокращение слова лагинос в качестве меры объема (3,28 л), близкой к размерам небольшой узкогорлой амфоры [1, с. 96]. Э. И. Соломоник предлагает понимать эту букву на амфорах как сокращение слов λευκός οἶνος) – «белое вино» [14, №№ 22, 24, 25]. В Танаисе такие метки встречены более 110 раз [1, с. 232].

91. *О-2004, Р-25/1520.* Яма № 1310.

Амфора узкогорлая светлоглиняная. Дипинто красной краской на плече: возможно, Λ, ориентированная по вертикали, или знак < (знак половины чего-то; ср. № 139).

92. *О-2002, Р-25/1372.* Из зачистки помещения к югу от кладки № 386.

Часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Сильно выцветшее дипинто красной краской: Λ, лежащая на боку (ориентированная по вертикали), или < (знак половины чего-то; ср. № 91).

Амфора типа D (?).

93. *О-2001, НГФ/533а.* При разборке завала камней № 12.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинти красной краской в две строки: ΛΓ / ζ.

Здесь, похоже, две цифровых метки: ΛΓ – 33 и ζ – 6. Это могут быть порядковые номера амфоры и партии амфор, вряд ли обозначение объема или веса. Вторая цифра может обозначать цену в халках или оболлах. Ср. также № 42. В принципе, ΛΓ можно понимать как инициалы имени и патронимика или аббревиатуру λευκός γλυκύς) – «белое сладкое». Метка ΛΓ встречена в Танаисе [1, с. 232].

94. *О-84, Р-25/120.* Слой темный, желтоглинистый.

Нижняя часть горла светлоглиняной узкогорлой амфоры с дипинти красной краской в две строки: ΛΕω (?) / Γ.

ΛΕω – вероятно, начало одного из многочисленных имен, начинающихся с этого слога, например, Λέων и т.п. Γ – ср. № 8.

95. *O-94, P-25/464.*

Стенка красноглиняной амфоры с графитом: М (внизу уходит в облом). Означает, вероятно, инициал имени или число (40), возможно, также обозначало содержимое амфоры: $\mu(\acute{\epsilon}\lambda\lambda\sigma\alpha)$ – «мед», $\mu(\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau\epsilon\iota\omicron\nu)$ – «медовое вино», возможно, вино Менды [5, №№ 44, 45, 130, 132, 140, 141 и др., с. 231]. В Танаисе такие метки встречены 24 раза [1, с. 232].

96. *O-91, P-25/246.* Выборка № 544.

Фрагмент горла светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: М.
Ср. № 95.

97. *O-2004, P-25/949.* Из светлой желтоглинистой трамбовки и верхнего уровня пола № 1278.

Основание горла светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: М.
Ср. № 95.

Амфора типа D, F (?).

98. *O-2004, P-25/746, 948* (склеено из двух фрагментов). Углубление № 1285.

Плечевая часть светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: М.

Ср. № 95.

98а. *O-2010, P-25/3699.* Яма № 1737.

Верхняя часть розовоглиняной узкогорлой амфоры с дипинто красной краской на плечевой части, ориентированным по вертикали: М.

Ср. № 95.

99. *O-2006, P-25/329.* Выборка нового времени и сырцовый грунт к востоку от траншеи № 1021.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: N. Возможно, инициал имени, или цифровая метка (50) (ср. № 42), или сокращенное обозначение содержимого амфоры, например, $\nu(\acute{\epsilon}\omicron\varsigma)$ – «новый, свежий (новое вино)» [ср.: 5, № 153 и др.]. Предложенная теми же авторами трактовка этой буквы как аббревиации $\nu(\acute{\epsilon}\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\varsigma \omicron\lambda\upsilon\varsigma)$ – «смешанное (с водой) вино» [5, №№ 602, 899], представляется абсолютно нереальной, т.к. вино разбавляли при подаче на стол, а разливать в амфоры для транспортировки на большие расстояния уже разбавленное (официально, разумеется) водой вино было бы, конечно, нерентабельно. В Танаисе такие метки встречены 55 раз [1, с. 233].

100. *O-83, P-25/71.* Яма № 61.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: N.
Ср. № 99.

101. *O-97, P-25/1651.* Пол № 883.

Часть горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: NAM. Выше есть незначительные остатки еще одной строки.

Вероятно, начало имени, например, $\text{N}\acute{\alpha}\mu(\gamma\epsilon\upsilon\omicron\varsigma)$, $\text{N}\acute{\alpha}\mu(\omicron\upsilon\chi\omicron\varsigma)$ и т.п.

- 102.** *О-94, Р-25/994.* Ниже сырцового массива (по помещению южного дома) из слоя пожараща.
Плечевая часть красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: NE.
Возможно, $\nu\epsilon(\sigma)$ (ср. № 70) или начало одного из многочисленных имен, начинающихся с этого слога. В Танаисе такие метки встречены 4 раза [1, с. 233].
- 103.** *О-97, НГС/1645.* Слой пепельный.
Часть горла амфоры с остатками клейма: ...о. Дипинто красной краской: NO (?).
Возможно, начало имени, например, $\text{No}(\nu\mu\eta\iota\sigma)$. Или, возможно, $\nu\theta(\mu\sigma\mu\alpha)$ – «законная норма, полная мера».
Амфора типа D (?).
- 104.** *О-84, Р-25/121.* Слой темный, желтоглинистый.
Нижняя часть горла светлоглиняной амфоры с дипинто красной краской: NOY (слева примыкает к облому).
Возможно, сокращение имени (ср. № 103), или же окончание какого-то слова в родительном падеже.
- 105.** *О-2004, Р-25/1736.* Из консервационной засыпи, по останцу со строительными остатками IV в. н.э.
Стенка светлоглиняной амфоры с рифлением. Дипинто красной краской: O.
Возможно, сокращение имени или цифровая метка (70). Возможно, сокращение слова $\sigma\iota\nu\sigma$ [ср.: 5, №№ 85, 342]. Такая метка встречена в Танаисе [1, с. 233].
- 106.** *О-98, Р-25/2910.* Яма № 982.
Стенка амфоры розовоглиняной. Дипинто красной краской: O.
Ср. № 105.
- 107.** *О-2009, Р-25/3270.* Яма № 1671.
Основание горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: O (?).
Ср. № 105.
- 108.** *О-2005, Р-25/1674.* Выборка № 1335.
Часть горла светлоглиняной амфоры с дипинти красной краской в две строки: O / XEP. Сильно выщелено.
O – ср. № 75. Возможно, $\sigma\iota\nu\sigma$ $\chi\epsilon\rho(\sigma\omicron\nu\eta\sigma\iota\sigma)$ – «Херсонесское вино».
- 109.** *О-2009, Р-25/867.* При разборке поверхности № 1584.
Фрагмент горла с венчиком светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: OI (?).
 $\sigma\iota\nu\sigma$ (?).
- 110.** *О-99, Р-25/1124.* Вдоль восточного склона террасы по выборке нового времени.
Стенка амфоры коричневой глины. Дипинто красной краской: OKES.
- 111.** *О-2009, Р-25/3251.* Яма № 1671.
Часть горла без венчика светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: OAY.
Неясно, такие толкования, как $\theta\lambda\upsilon(\rho\alpha)$ – «полба», $\text{O}\lambda\upsilon\theta\iota\sigma$ $\sigma\iota\nu\sigma$ – «олинфское

вино (?)), являются чисто гадательными. Прочие напрашивающиеся толкования по понятным причинам оставляем без рассмотрения.

112. *О-2002, P-25/178.* Придонная часть ямы № 1126.

Горло узкогорлой амфоры розовой глины. Дипинто красной краской, очень слабо различимое: ОС (?).

Возможно, сокращение οἶνος τῆς Σινοῦπτης) – «синопское вино». Такая метка встречена в Танаисе [1, с. 233].

113. *О-2004, P-25/1534.* Яма № 310.

Стенка у основания горла светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ОУ. Ориентировано по вертикали, внизу уходит в облом.

Возможно, начало имени, например, Οὐλλπιος), Οὐ(αλέριος). Возможно, мера веса οὐγκία) – унция (27,3 г). В узкогорлую амфору могло войти около 10 унций какого-либо продукта.

114. *О-83, P-25/129.* Светлый желтоглинистый слой с сероглинистыми и золистыми включениями.

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: П.

Возможно, инициал имени или цифровая метка (5 по акрофонической системе или 80 по алфавитной) [ср.: 5, № 285, 818, 819]. Предлагается также трактовка таких знаков на амфорах как сокращение Π(άριος οἶνος) – «паросское вино» [5, № 604] или π(αλαιὸς οἶνος) – «старое вино» [5, № 1179]. В Танаисе такие метки встречены 19 раз [1, с. 233].

Амфора типа D(?).

115. *О-2008, P-25/2629.* Яма № 1604. Верхняя часть – трамбовка из полевки, ниже – грунт темный, желтоглинистый.

Плечевая часть светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: П. Ориентировано по вертикали.

Ср. № 114.

116. *О-90, P-25/1370.* Яма № 557.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры без венчика и ручек. Дипинто красной краской, ориентированное по вертикали: П.

Ср. № 114.

117. *О-94, P-25/249.* К востоку от сырцово-каменного массива.

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: П.

То же, что № 114.

118. *О-93, P-25/1808.* Темный, желтоглинистый слой с включениями угля и извести.

Основание горла светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ПД.

Возможно, инициалы имени и патронимика или цифровая метка (15 по акрофонической системе или 84 по алфавитной). В Танаисе такие метки встречены 6 раз [1, с. 233].

119. *О-89, P-25/994.* Из завала камней № 425.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: ГЕУ /

ΠΘΟΥ / ΛΑΓΥΝΟΙ / ... В четвертой строке неясные знаки, внизу уходящие в облом.

Ср. № 70. Здесь мы также видим обозначение пробы вина из определенного пифоса, на основании которой можно было сделать заказ.

120. *О-82, Р-25/411*. Грунт желтосероглинистый с желтоглинистыми и золистыми включениями.

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Π Δ.

Возможно, πί(θου) Δ – «из четвертого пифоса» (или десятого, по акрофонической системе) [ср.: 5, №№ 343, 344 и др.].

121. *О-2009, Р-25/3166*. Из нижних уровней трамбовки № 1500.

Стенка розовоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: Π / ΟΚΙΑ / ΟΥ Ι.

Слева и внизу уходит в облом.

Амфора типа D (?).

122. *О-2002, Р-25/427*. Выборка нового времени к северу от завала камней № 1124.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: ΠΡ (?) / ΓΛΥ.

ΠΡ – вероятно, начало одного из многочисленных имен, начинающихся с этого слога. ΓΛΥ – γλυκύς) – «сладкое вино» (ср. №№ 8, 42). В Танаисе встречены пометки ΠΡΑ, ΠΡΟ [1, с. 234].

123. *О-2004, Р-25/2946*. Из сырцово-каменного завала № 1210.

Основание горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: Π / ΚΥ (ΚΟΥ).

Π – ср. № 115. ΚΥ – возможно, κί(αθος) – киаф (мера объема ок. 0,0456 л). В таком случае это обозначение объема в 5 киафов. Возможно, сокращение одного из имен, начинающихся с этого слога.

124. *О-89, Р-25/1289*. Яма № 462.

Часть горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: Π / Τ.

Π – ср. № 114. Τ – скорее всего, инициал имени. Вряд ли это цифровая метка (300 – слишком много для небольшой амфоры, как обозначение объема или стоимости). Предложенное толкование этой буквы как сокращение слова τ(άλαντον) – «талант» (мера веса 26,2 кг) [5, № 5906] в данном случае, конечно, не подходит, опять же, ввиду небольшого размера амфоры. Возможно, это сокращенное обозначение содержимого амфоры τ(άρηχος) – «соленая рыба» [ср.: 17, с. 173, рис. 4,12]. Разумеется, речь может идти только о мелкой рыбе типа кильки или анчоуса. Опять же, в данном случае малоубедительное толкование: зачем везти в Ольвию рыбу со стороны, когда и в наше время лиман изобилует рыбой. В целом, скорее всего, это инициалы имени и патронимика поставщика.

125. *О-88, Р-25/137*. Слой темный, желтоглинистый, гумусированный.

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Ρ.

Возможно, начало имени, или цифровая метка (100), или сокращение слова

ῥ(όδιος) – «родосское вино» [ср.: 5, №№ 11, 157, 841]. В Танаисе такие метки встречены 9 раз [1, с. 234].

Амфора типа D (?).

126. *О-90, Р-25/1366.* Яма № 557.

Нижняя часть горла светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Р и далее наклонная черта справа налево и сверху вниз; слева буква вплотную примыкает к облому.

Ср. № 125.

127. *О-83, Р-25/75.* Яма № 61.

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: РА.

Возможно, начало имени или цифровая метка (101). Такая метка встречена в Танаисе [1, с. 234].

Амфора типа D(?).

128. *О-88, Р-25/1464.* Яма № 420.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: РАМ (НАМ ?).

Возможно, имя, например, Νάμ(ηνος).

129. *О-89, Р-25/795.* Зачистка завала камней № 440.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ΡΙ (?).

Возможно, начало имени, например, ῥι(νίας), или цифровая метка (110), или обозначение содержимого амфоры ῥι(ζα) – «целебный корень, зелье».

130. *О-90, Р-25/1371а.* Яма № 557.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры с дипинти красной краской: С / Н / Ε (?).

С – возможно, инициал имени. Н – ср. № 65, Ε – ср. № 50.

131. *О-99, Р-25/963.* Разборка сырцово-каменного завала № 637.

Стенка светлоглиняной амфоры (основание горла). Дипинто красной краской: СΙ (?).

Возможно, начало имени, например, Σι(λουανός), Σι(μίας), Σι(ραχος) и т.п.

Возможно, обозначение содержимого амфоры, например, Σι(δώνιος) или Σι(κελός), т.е. какой-то товар сидонского или сицилийского происхождения, или σί(λφιον) – растение сильфий, применявшееся как приправа или лекарственное средство, или σί(ναπι) – «горчица», или σι(σύμβριον) – предположительно, тимьян или мята.

132. *О-2009, Р-25/1555.* Из темного гумусированного грунта вдоль сырцового массива.

Часть горла розовоглиняной узкогорлой амфоры со светлой обмазкой. Дипинто красной краской: СТО. Слева уходит в облом.

Амфора типа D (?).

133. *О-2009, Р-25/2770.* Южная часть ямы № 1626.

Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: Т.

В Танаисе такие метки встречены 8 раз [1, с. 234].

134. *O-2005, P-25/2091*. Вдоль восточного склона. Слой темный, желтоглинистый, гумусированный.
Нижняя часть горла с переходом к плечу светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: или Т, положенное на бок, или знак драхмы [ср.: 5, с. 318, 319, указатель знаков].
Ср. № 133.
135. *O-90, P-25/1372*. Яма № 557.
Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: ТА (?).
Возможно, начало имени, например, Τά(νταλος), Τα(τάριον) [ср.: 5, № 1100].
Возможно, обозначение содержимого амфоры τάριχος) – «соленая рыба» (разумеется, в узкогорлой амфоре могла храниться лишь мелкая рыба, наподобие кильки или анчоуса) [ср.: 17, с. 173; 5, № 821]. С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников истолковывают букву Т на амфоре, найденной на Боспоре, как сокращение τ(άλαντον), т.е. как указание на вес в один талант, отвергая восстановление τ(άριχος), сделанное И. А. Емецом и Б. Г. Петерсом, однако в нашем случае содержимое небольшой амфоры явно не могло весить талант (26,2 кг), так что эта трактовка здесь неприемлема и остается принять альтернативную.
Ср., впрочем, № 124.
136. *O-91, P-25/654a*. Гумус.
Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Υ.
Ср. № 129.
137. *O-93, P-25/485*. Выборка над кладкой № 1076.
Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинто красной краской: Υ(?) I.
Непонятно.
138. *O-90, P-25/1371 б*. Яма № 557.
Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Φ.
Возможно, инициал одного из многочисленных имен, начинающихся с этой буквы. Возможно, обозначение содержимого амфоры, например, φ(οίνιξ οἶνος) – «красное вино», φ(αύλος οἶνος) – «вино низкого качества», φ(αρμάκιον) – «лекарство» [ср.: 15, с. 108; 1, с. 90; 2, с. 54; 3, с. 182; 5, № 89, 168, 576, 946, 1083].
В Танаисе такие метки встречены почти 100 раз [1, с. 235].
139. *O-2004, P-25/1535*. Яма № 1310.
Стенка светлоглиняной амфоры (переход от тулова к горлу). Дипинто красной краской: Φ.
То же, что № 138.
140. *O-2009, P-25/2769*. Южная часть ямы № 1626.
Почти целая светлоглиняная узкогорлая рифленая амфора без ручек и венчика.
На плече дипинто красной краской, ориентированное по вертикали: ΦΕ.
Возможно, начало имени Φέ(λιξ).
141. *O-91, P-25/191*.
Горло светлоглиняной узкогорлой амфоры. Граффито: Χ.

Возможно, инициал имени. Ср. также № 11.

142. *О-2005, Р-25/2472*. Выборка № 1335.

Плечевая часть светлоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинти красной краской, сильно выцветшее: ХС / СОУШ (?).

Верхняя строка, возможно, инициалы, нижняя – обозначение товара в родительном падеже с указанием его количества или цены. Все это чисто предположительно, от букв остались только следы.

143. *О-2002, Р-25/128*.

Плечевая часть светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Ψ.

Возможно, инициал имени, например, Ψ(υχαρίων), возможно, цифровая метка (50 по акрофонической системе) [ср.: 5, №№ 373, 590в, 1038].

Амфора типа D (?).

144. *О-82, Р-25/442*. Слой темный, желтоглинистый.

Стенка светлоглиняной амфоры с дипинто красной краской, уходящим в облом слева и примыкающим к облому сверху: ω (?).

Неясно. Такие метки в Танаисе встречены 18 раз [1, с. 235].

145. *О-90, Р-25/1064а*. Над уровнем пола № 550.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: две буквы, по-видимому, не греческого алфавита. Или, возможно, сигма и незамкнутый омикрон. Тогда это цифровая метка (76).

Ср. № 42.

146. *О-2008, Р-25/1551*. Яма № 1567.

Ручка с частью горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. На ручке в нижней части три горизонтальных насечки. Несомненно, числовое обозначение, но что конкретно имеется в виду, сказать невозможно.

147. *О-93, Р-25/2746*. Выборка № 544.

Основание горла светлоглиняной узкогорлой амфоры. Кружок, оттиснутый по сырой глине.

Тип Е

148. *О-91, Р-25/1428*. Яма № 628.

Горло узкогорлой амфоры красно-коричневой глины. Дипинти красной краской: Α / Π.

ἄπ(ό) – «от». Далее следовало несохранившееся имя поставщика (производителя или торговца) [ср.: 5, №№ 317 и др., всего 19 примеров; 7, с. 420-423; 18, С. 313-328].

149. *О-2005, Р-25/1381*. Между створом выборки № 1204 и вымосткой № 1280.

Горло узкогорлой красноглиняной амфоры с основанием профилированной ручки. Дипинти в нижней части горла: Α / Π.

Ср. № 148.

150. *О-2001, НГФ-1/533а, 534а*. Разборка завала камней № 12.

Горло розовоглиняной узкогорлой амфоры. Дипинти красной краской в пять

строк: А / П / ΒΑΣΙ / ΔΟΜΕ / Α. Имеется также граффито Π, выдавленное по сырой глине (справа уходит в облом).

ἀ/π(ὸ) / Βασιλίδου – «от Басилида». Это, несомненно, имя торговца, представлявшего амфоры с различным содержимым в разные пункты Северного Причерноморья. Амфоры с этим именем, выполненным в технике дипинти, обнаружены в разных местах на Боспоре, на хоре Херсонеса [ср.: 19, №№ 9, 10; 7, с. 425; 20, S. 488-492, №№ 3-23; 1, с. 102, № 2112; 21, с. 211; 2, с. 47; 5, №№ 361, 363, 367]. Как справедливо отмечают С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников, В. И. Кузищев и А. И. Иванчик совершенно необоснованно сочли Басилида или Басилидов владельцами усадьбы на хоре Херсонеса – все факты свидетельствуют против такой трактовки.

ΔΟΜΕ – неясно. Усматривать здесь эпическую форму аориста от глагола δίδωμι вряд ли сообразно, хотя, может быть, здесь и в самом деле имеется в виду: «От Басилида отдано (что-то)». Α – либо цифровая метка (1), либо обозначение содержимого амфоры (ср. № 1).

151. O-2004, P-25/2175. Разборка нижнего уровня завала № 1210 по выборке № 1293. Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: Α / Π / ΒΑΣΙΛ.

ἀ/π(ὸ) / Βασιλίδου – «от Басилида».

Ср. № 150.

152. O-91, P-25/835. Гумус.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской и граффито: Α / Π / Λ (граффито) / ΕΥΚΑΡΠΟΥ.

ἀπ(ὸ) Εὐκάρπου – «от Эварка» [ср.: 1; 13]. ἀπ(ὸ) – ср. № 102. Λ – возможно, цифровая метка (30), возможно, обозначение меры в один лагинос.

153. O-2005, P-25/357. Выборка № 1334.

Горло узкогорлой розовоглиняной амфоры с основаниями ручек. Дипинто красной краской в нижней части горла: ΒΑΣΙΛ. Была еще строка ниже, от которой сохранились верхняя часть Α, Δ или Λ и часть еще одной буквы.

Ср. № 150.

154. O-99, P-25/957.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: ΙΜ (?) / ΟΝ (?).

ΙΜ – неясно. ΟΝ – возможно, начало имени, например, Ὀν(ασικλής), Ὀν(ηρος) и т.п.

155. O-2005, P-25/2132. Завал камней № 1416.

Стенка светлоглиняной амфоры, плечевая часть. Дипинто красной краской: ΑΒ. Вероятно, цифровая метка (32). В Танаисе такие метки встречены 5 раз [1, с. 232].

156. O-98, P-25/2353. К югу от траншеи под кладку № 888, из желтоглинистой трамбовки.

Горло красноглиняной амфоры. Два дипинти в нижней части красной краской, одно между ручками в две строки: ΛΙ / ΒΑΣΙ, одно – под правой ручкой: неясный знак.

Возможно, обозначение имени с патронимиком, например: Λι(λλις) (или Λίλλων) Βασι(λίδου). В таком случае это может быть сын того поставщика Басилида, который фигурирует в №№ 103, 104, 106. Возможно, ΛΙ обозначает содержимое амфоры, например, λι(βανος) – «ладан», λι(βυς) – какой-либо товар ливийского происхождения (это может быть также и имя), λι(παρόν) – «жир». Возможно, это обозначение весовой единицы λι(τρα) – римский фунт (ср. № 65) [ср.: 5, №№ 198, 250, 252, 254, 756, 757, 1143]. В двух последних случаях следует признать, очевидно, что здесь упомянут тот самый Басилид (см. выше).

157. О-90, Р-25/431. Гумус.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти черной (2 верхних строки) и красной (нижняя строка) красками: ΞΙΓ / ΛΕΥΚΟΝ / Υ ΘΙΔ.

Надо полагать, что верхние строки написаны поставщиком, а нижняя – получателем товара, иначе мы не можем объяснить применение разных красок.

Ξ – возможно, сокращение слова ξ(έστης) (мера жидкости, ок. 0,55 л) [ср.: 13, На 37, Не 36, Не 44 etc.; 15, с. 103, рис. 2, 14; 3, с. 173, 174]. ΙΓ – возможно, цифровая метка (13). 13 ксестов = ок. 7,15 л.

ΛΕΥΚΟΝ Λεύκον(ος): Λεύκων – широко распространенное греческое имя.

Υ ΘΙΔ – неясно.

158. О-2004, Р-25/807. Выборки №№ 1284, 1283.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Π.
Ср. № 114.

159. О-2002, Р-25/137. Гумус.

Горло красноглиняной узкогорлой амфоры с дипинто красной краской: Χ.

Ср. № 11, 141. Возможно, монограмма ΧΡ. В таком случае это, скорее всего, сокращение имени, например, Χρ(υσίππος). В Танаисе встречены 2 такие метки [1, с. 235].

Тип F

160. О-2006, Р-25/1721. Слой темный, желтоглинистый, слегка гумусированный.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти в две строки красной краской, уходит в облом внизу и справа: Α / Π (?).

Вероятно, ἀπ(ό) (?) (ср. № 148).

161. О-2006, Р-25/1722. Слой темный, желтоглинистый, слегка гумусированный.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской, с обеих сторон горла, монограммы: ΑΠ (вероятно, ἀπ(ό) ср. № 149) и Π (другие буквы неясны, возможно, ΠΧ).

162. О-2004, Р-25/1728. Из консервационной засыпи, по останцу со строительными остатками IV в. н. э.

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинти красной краской в две строки, уходит в облом справа: Α / Π.

Вероятно, ἀπ(ό) (ср. № 148).

163. *О-2004, Р-25/344. Завал камней № 1256.*

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: М.
Ср. № 67.

164. *О-98, Р-25/350. К западу от завала камней № 635.*

Горло узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: О (?) или Е (?).

Ср. №№ 105 (О), 50 (Е).

Амфора типа F (?).

165. *О-2003, Р-25/666. Ниже завала камней № 1182.*

Горло узкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: ПРАХ (?) / П.

Неясно. Возможно, ПР и АХ сокращения имени и патронимика, например, Πρ(ωτογένης) Ἀχ(ιλλοδώρου). П – ср. № 114.

166. *О-83, Р-25/398. Шурф у кладки № 76.*

Обломок горла узкогорлой светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ТЕР.

Возможно, сокращение имени, например: Τέρ(τιος), Τέρ(τυλλος). Возможно, характеристика содержимого амфоры, например, τερ(έβινθος) – «теребинт» (растение, использовавшееся как парфюмерное и лечебное средство).

Вероятно, амфора типа F.

167. *О-92, Р-25/1399. Очаг № 609 и завал камней № 630.*

Горло узкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ТРҮФ.

Вероятно, сокращение имени Τρύφ(ων).

Прочее

168. *О-87, Р-25/3. Зачистка участка.*

Горло красноглиняной широкогорлой амфоры с желобчатым венчиком. Граффити: под венчиком, между ручками – IEC< (Е лунарное, С квадратное); под левой ручкой – Ф / N.

IEC< – предположительно можно расшифровать как ι'ε' σ(αμνία) <, т.е. 15 кружек (или кувшинов) с половиной [о значении знака, обозначающего половину, см.: 13, р. 115, 116; 5, №№ 28, 162 и др.]. Ф и N – вероятно, инициалы имени и патронимика.

Амфора с желобчатым венцом.

169. *О-2008, Р-25/2436. Яма № 1591.*

Фрагмент горла амфоры с желобчатым венцом II-III вв. н.э. Глина красная с мелкими белыми включениями. У основания ручки граффито, ориентированное вертикально: P.

Амфора со сложнопрофилированными ручками.

170. *О-88, Р-25/1434. Яма № 422.*

Стенка красноглиняной рифленой амфоры. Дипинто красной краской: В.

Ср. № 2.

Амфора со сложнопрофилированными ручками либо типа мирмекийской.

171. *О-2009, Р-25/3271*. Яма № 1671.

Стенка розовоглиняной амфоры с рифленой поверхностью. Дипинто красной краской: ΔΙ. Уходит в облом наверху.

Сокращение одного из имен, начинающихся с этого слога, либо цифровая метка (14 по алфавитной системе или 11 по акрофонической). И. А. Емец [2, с. 48-49] предлагает восстановление δίκαιος – «справедливая мера», что маловероятно. В Танаисе встречено 8 раз [1, с. 230].

Вероятно, от амфоры со сложнопрофилированными ручками.

172. *О-95, Р-25/144*. Сырцовый массив в западной части помещения I, пол № 698.

Стенка красноглиняной амфоры с дипинти красной краской в две строки: Θ Β / Ξ Ε.

Θ Β – возможно, сокращение θάσιος βράχος – «фасосское вино» (ср. № 2).

Ξ Ε – вероятно, ξέστος – ксест, мера объема (ср. № 112) или ξέστοι ε' – «5 ксестов». Может быть также сокращением одного из имен, начинающихся с этого слога.

Амфора со сложнопрофилированными ручками.

173. *О-83, Р-25/543*. Случайная находка.

Стенка рифленой розовоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: ΖΥ.

Подходят (хотя и не слишком удачно) следующие дополнения этого слога, характеризующие содержимое амфоры: ζύθος – «ячменное египетское пиво», ζύμη – «закваска».

Горло амфоры со сложнопрофилированными ручками (?).

174. *О-90, Р-25/896*. Грунт темный, желтоглинистый, гумусированный.

Горло широкогорлой красноглиняной амфоры с рифлением. Дипинто красной краской, слабо различимое: ΛΔ.

Возможно, числовая метка (34) или инициалы имени и патронимика. Такая же метка встречена в Танаисе [1, с. 232].

Амфора со сложнопрофилированными ручками (мелкая фракция).

175. *О-89, Р-25/406*. Яма № 460.

Горло большой широкогорлой красноглиняной амфоры со светлым ангобом. Дипинти красной краской, под левой ручкой и между ручками, одно над другим. Верхнее дипинто между ручками плохо сохранилось (размыто, с утратой ангоба), нижнее дипинто между ручками выполнено гораздо более крупными буквами (раза в три). Возможно, над верхним дипинто между ручками имеется еще одно, плохо сохранившееся – ΧΡΟ или ΚΡΟ, возможно, это граффито, процарапанное по ангобу или же просто сколы ангоба.

[Ρ] (?) Π (?) Β (?)

ΡΠΒ ΡΠ [Β]

Возможно, числовое обозначение (182). Что это число означает и почему повторено трижды, неясно.

Амфора со сложнопрофилированными ручками.

176. *О-2009, Р-25/1245. Яма № 1642.*

Горло широкогорлой красноглиняной амфоры с основанием сложнопрофилированной ручки. Граффито по сырой глине: X.

Инициал гончара или хозяина мастерской.

Амфора со сложнопрофилированными ручками II-III вв. н. э.

177. *О-2000, Р-25/208. Зачистка южного помещения башни и траншей №№ 954, 1021.*

Стенка светлоглиняной амфоры с граффито из двух букв, уходящих вниз в облом: BA (BA ?), (BA ?).

BA – ср. № 32. BA – возможно, числовое обозначение (32). BA – возможно, инициалы имени и патронимика или цифровое обозначение (12).

Амфора с двуствольными ручками.

178. *О-90, Р-25/1594. К северу от помещения № 621 до кладки № 4611.*

Стенка красноглиняной амфоры со светлым ангобом. Дипинто черной краской: IΨI. Вероятно, начало имени.

Амфора с двуствольными ручками.

179. *О-2010, Р-25/1769. Яма № 1605.*

Амфора светлокоричневой глины с блестками и светлым ангобом, с двуствольными ручками, почти полностью собранная из фрагментов. Дипинто черной краской у основания горла: CAC.

180. *О-88, Р-25/1434. Яма № 422.*

Стенка красноглиняной рифленой амфоры. Дипинто красной краской: B.

Ср. № 2.

Амфора со сложнопрофилированными ручками либо типа мирмекийской (аналогична № 172).

181. *О-98, Р-25/1881. Яма № 956.*

Целая амфора красной глины со светлым ангобом. Дипинто на горле под венчиком красной краской: ΘE (монограмма).

Может быть, сокращение имени, например, Θε(όδωρος). В Танаисе встречены 4 подобные метки [1, с. 231].

182. *О-2010, Р-25/1340. Слой сероглинистый с желтоглинистыми включениями.*

Горло красноглиняной амфоры со светлым ангобом. У основания дипинто красной краской: ΠH.

Возможно, цифровая метка (18) или инициалы. В Танаисе такие метки встречены 22 раза [1, с. 231].

183. *О-2000, Р-25/574. Выборка № 543.*

Стенка розовоглиняной амфоры с рифлением, со светлым ангобом. Дипинто красной краской: K.

Ср. № 87.

Амфора типа мирмекийской (?).

184. *О-90, Р-25/613. К востоку от кладки № 521.*

Часть горла красноглиняной амфоры с белым ангобом. Дипинти красной кра-

ской: К / KN (?) (возможно, КОУ ?, КУ ?).

К – ср. № 87, вторая строчка – неясно.

Вероятно, амфора типа мирмекийской.

185. *O-83, P-25/399.* Шурф у кладки № 76.

Стенка амфоры розовоглиняной со светлым ангобом. Дипинти красной краской: MI / Π.

MI – вероятно, сокращение имени, например, Μι(κίωι), Μί(λιος) и т.п. Π – ср. № 81. В целом, возможно, сокращение имени и патронимика.

Амфора типа мирмекийской (?).

186. *O-97, P-25/429.* Яма № 879.

Горло амфоры типа мирмекийской. Дипинто красной краской, сильно выцветшее: NB. Вероятно, инициалы или цифровая метка (52).

Под правой ручкой дипинто красной краской: O A. Возможно, инициалы или цифровая метка (81).

В Танаисе метка NB встречена однажды [1, с. 233].

187. *O-82, P-25/1253.* Слой темный, сероглинистый, горелый.

Боковина красноглиняной амфоры с рифлением. Дипинто красной краской: O. Ср. № 105.

Амфора типа мирмекийской (?).

188. *O-83, P-25/208.* Слой светлый, желтоглинистый, с золистыми включениями.

Горло широкогорлой розовоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: PO.

Может быть, ' Ρό(δλος) – «Родосское вино» (ср. № 88). Возможно, также, начало одного из многочисленных имен, начинающихся с этого слога.

Амфора типа мирмекийской.

189. *O-99, P-25/449.* Слой темный, желтоглинистый, с большим количеством сероглинистых включений, углей.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: CI (?).

Возможно, числовое обозначение (210) или сокращение имени, например, Σι(βανός) или Σι(μίας).

Амфора типа мирмекийской.

190. *O-91, P-25/1389.* Пол № 397.

Стенка коричневоглиняной с блестками амфоры. Дипинто красной краской: Λ. Ср. № 64.

Первые вв. н. э. Неизвестный центр.

191. *O-99, P-25/2365.* Завал камней № 1009.

Стенка амфоры светлокоричневой глины. Дипинти красной краской: MX / ΠΠ.

MX – возможно, числовое обозначение (640), что это число означает – неясно. ΠΠ – неясно. Единственное, что нам удалось обнаружить для интерпретации этого слога, ῥιπ(ῆ οἴνου) – «крепость вина», выражение, встреченное у Пиндара, весьма далекого по времени от изучаемого материала. Опять же вопрос, могло

ли словосочетание, взятое из высокой поэзии, быть использованным в сугубо практической надписи на обычной торговой амфоре.

Первые вв. н. э. Тот же неизвестный центр, что и № 190 (может быть, с двухствольными ручками).

192. *О-2004, Р-25/1876.* Разборка вымостки под помещением с выборками №№ 1284, 1293, 1312.

Стенка розовоглиняной амфоры. Дипинти красной краской: ПО / МН.

Вероятно, сокращения имени и патронимика от многочисленных имен, начинающихся на эти слоги. Возможны и другие трактовки [ср.: 5, №№ 150, 431, 555, 612, 884]. В Танаисе встречена метка ПО [1, с. 234].

Тот же неизвестный центр, что и № 190.

193. *О-97, Р-25/993.* Слои серозолистый.

Стенка светлоглиняной амфоры с граффито: А.

Ср. № 1.

194. *О-99, Р-25/61.* Из южной части выборки № 592, при зачистке кладки № 790.

Плечевая часть амфоры светлокорицневой глины с грубыми светлыми включениями. Граффито: А.

Ср. № 1.

195. *О-99, Р-25/892.* Зачистка сырцово-поверхности к юго-западу от печи № 1003.

Стенка светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской: А (?).

Ср. № 1.

Амфора светлоглиняная узкогорлая.

196. *О-2004, Р-25/2584.* Дно выборки № 1263.

Стенка амфоры с граффито: А.

Ср. № 1.

II-III вв. н. э.

197. *О-94, Р-25/336.* К югу от кладки № 650.

Плечевая часть красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: АІ (?).

Ср. № 19.

Первые вв. н. э.

198. *О-99, Р-25/1123.* Вдоль восточного склона по выборке нового времени.

Стенка амфоры с основанием ручки. Дипинто красной краской: В.

Ср. № 2.

II-III вв. н. э.

199. *О-93, Р-25/2.* Из кладки № 570 и из-под нее.

Стенка амфоры с граффито. Остракон, т.к. буква вырезана на внутренней стороне стенки: Е.

Ср. № 50. Однако, поскольку это метка на остраконе, она не может относиться к содержимому амфоры.

200. *О-89, Р-25/762.* Слои сероглинистый, с золистыми и желтоглинистыми включениями.

Стенка амфоры розовоглиняной. Дипинто красной краской: Е.

Ср. № 50.

Рифленая стенка (конец II – III вв. н. э.).

201. *О-82, Р-25/1232*. При зачистке бортов раскопа.

Стенка амфоры красной глины со светлым покрытием. Дипинто красной краской: Е, С (?). Уходит в облом вверху, внизу и справа.

Ср. № 50.

Вероятно, II-III вв. н. э.

202. *О-87, Р-25/2*. Зачистка участка.

Фрагмент стенки (переход от горла к плечу) красноглиняной амфоры с граффито: геометрический рисунок, возможно, монограмма ЕК или КЕ.

II-III вв. н. э.

203. *О-98, Р-25/2352*. К югу от траншеи под кладку № 888, из желтоглинистой трамбовки.

Стенка красноглиняной амфоры с граффито под основанием ручки: Θ (квадратных очертаний).

Ср. № 4.

II в. н. э. (?).

204. *О-2004, Р-25/3921*. Случайная находка.

Фрагмент горла красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Θ. Ориентировано по вертикали.

Ср. № 4.

Первые вв. н. э.

205. *О-82, Р-25/1152*. Грунт желтоглинистый, с сероглинистыми и золистыми включениями.

Красноглиняная амфора со светлым ангобом. Нижняя часть горла с переходом к плечу. Дипинти красной краской в три ряда: ΘΡΥ / Ο / Π.

Буквы ΡΥ в верхнем ряду даны в виде монограммы, возможно, ΤΡΥ. Монограмма выполнена более толстой кистью, чем прочие буквы.

ΘΤΡΥ: ΤΡΥ – возможно, сокращение имени, например, Τρί(φων). Что означает в данном контексте Θ – неясно.

Ο – ср. № 105. Π – ср. № 114. Возможно, οἶνος) π(αλαιός) – «старое вино».

Слева дипинто красной краской, латинскими буквами: OBL. Возможно, сокращенное obl(aticus) – «приносимый, жертвуемый». В таком случае это дар, принесенный кем-то из солдат римского гарнизона в святилище богов, почитаемых в римской армии. В Ольвии найдено несколько мраморных вотивных рельефов фракийского круга с изображениями Фракийского Всадника, Митры и других богов, поставленных римскими военными, в связи с чем исследователи давно уже предположили наличие в городе такого святилища [см.: 22; 23, с. 168-171; 24; 25, с. 17-18; 26, с. 151-155; 27; 28].

Со светлым ангобом, первые вв. н. э.

206. *О-2002, Р-25/2010*. Яма № 1173.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинти красной краской, сверху уходит в облом: I / M.

Возможно, инициалы.

207. O-94, P-25/1. Зачистка участка.

Стенка красноглиняной амфоры с белым ангобом. Дипинто красной краской: IC. Возможно, сокращение имени, например: 'Ισ(ταῖος), 'Ισ(τιαῖος), 'Ισ(τικῶν) [ср.: 5, №№ 412, 413].

Первые вв. н. э.

208. O-2000, P-25/1189. Выборка № 809.

Стенка красноглиняной амфоры с граффито: Λ или Δ (внизу уходит в облом). Ср. № 90.

209. O-89, P-25/1657. Над завалом камней № 425 и из него.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской. Невнятные фрагменты двух букв, в т.ч., возможно, Λ (ср. № 90).

210. O-2000, P-25/72. Зачистка сырцовых массивов.

Стенка красноглиняной амфоры с граффито: Λ (или Υ, в зависимости от ориентации по вертикали; уходит в облом внизу или наверху).

Λ – ср. № 90. Υ – возможно, инициал имени или обозначение содержимого амфоры [ср.: 5, №№ 43, 83, 166 и др.]. Предложенное С. Ю. Сапрыкиным и А. А. Масленниковым восстановление ὕ(δωρ) – «вода», как представляется, предполагает маркировку амфор с помощью граффити при использовании в домашнем хозяйстве. Перевозить воду в амфорах вряд ли кто-нибудь стал бы. Другие восстановления этой буквы могут иметь чисто предположительный и не слишком убедительный характер, например: ὕ(λότομον) – «лесное зелье», ὕ(οοκύαμος) – «белена», ὕ(πόγυαμμα) – «сурьма» и т.п.

Красноглиняные амфоры II-III вв. н. э.

211. O-2003, P-25/638. Нижний уровень завала камней № 1182.

Стенка амфоры красноглиняная с неравномерным рифлением. Глина красная с крупными черными и мелкими белыми включениями. Граффито, выдавленное по сырой глине: M.

Ср. № 95.

Вероятно, IV в. н. э.

212. O-2000, P-25/73. Зачистка по сырцовым массивам.

Фрагмент стенки красноглиняной амфоры с граффито: M.

Красноглиняные амфоры II-III вв. н. э.

213. O-2006, P-25/329a. Выборка нового времени и сырцовый грунт к востоку от траншеи № 1021.

Стенка красноглиняной амфоры с граффито: пять наклонных линий, уходящих в облом сверху, а две крайних левых – в облом слева. Справа от этих линий нечто вроде буквы M. От ее правой гасы отходит с наклоном вниз линия и уходит в облом справа (может быть, это лигатура MΛ?).

Ср. № 95.

II–III вв. н. э.

214. *O-82, P-25/1252*. Слой темный, сероглинистый, горелый.

Плечевая часть светлоглиняной амфоры. Дипинто красной краской, выцвело: МАКР Х Х.

Возможно, сокращение имени, например, Μακρ(όβιος). Что означают кресты или буквы Х, неясно.

Тип амфоры неопределим, может быть, с воронковидным горлом.

215. *O-95, P-25/153*. Зачистка каменного завала № 742 и пола № 740.

Стенка красноглиняной амфоры с граффито: ΜΑΡΙ.

Возможно, μάρι(ς) – мера жидкости = 6 котил (1,644 л). Возможно, имя Μάρι(ος) [ср.: 5, № 1029].

216. *O-99, P-25/3044, 3142, 3143*. Завал камней № 695 (на уровне пола № 841).

Амфора (без дна) с воронкообразным широким горлом и рифлением на тулове. Глина светло-коричневая без заметных включений (местами с блестками слюды), светлый коричневатый ангоб. Дипинто красной краской на тулове у основания горла: ΜΟΙΕ.

Первая половина III в. н. э.

217. *O-88, P-25/142*. Из завалов камней.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской неразборчиво (возможные чтения: ΟΠ ?, ΡΗ ? и т.д.)

Первые вв. н. э.

218. *O-99, P-25/611*. При зачистке участка.

Стенка красноглиняной амфоры. Граффито: ΠΑ (монограмма). Внизу и справа уходит в облом.

Возможно, цифровая метка (81) или начало имени, например, Πα(υσαίνας).

И. А. Емец [2, с. 53] предлагает дополнение аналогичных меток: πά(σσοϛ οἶνοϛ) – «изюмное вино» (со ссылкой на материалы Афинской агоры [13, Hd 9]). Почему-то он отвергает восстановление таких меток, как πα(λαῖοϛ οἶνοϛ) – «старое вино» [12; 5, № 1112], что не менее приемлемо. С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников [5, № 292] предлагают также трактовать такие метки как сокращение π(ιθου) α' – «из пифоса № 1», т.е. как характеристику содержимого серии амфор. В Танаисе такие метки встречены 12 раз [1, с. 233].

219. *O-2003, P-25/539*. Гумус.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Ρ.

Ср. № 125.

220. *O-2001, НГФ-1/1707*. Из трех уровней пола № 11.

Стенка красноглиняной амфоры с рифлением. Дипинти красной краской, уходит в облом слева и справа: [...]Ρ(?) / ΑС[...](?).

Ρ – возможно, окончание имени. ΑС в таком случае, может быть, начало патро-

нимика, например, от имени ἼΑΣ(κληπιάδης), ἼΑΣ(κληπιόδωρος) и т.п. [ср.: 5, №№ 329, 611].

Рифленая стенка II-III вв. н. э.

221. О-2000, Р-25/71. Зачистка сырцовых массивов.

Стенка амфоры розовой глины. Граффито уходит в облом справа: СЕ.

Возможно, начало имени, например, Σε(ίλιος), Σέ(ξτος) и т.п. Возможно, числовое обозначение (205). Возможно, обозначение содержимого амфоры: σέ(λινον) – «сельдерей», σε(μίδαλις) – «мука», σέ(ρις – «цикорий». В Танаисе такие метки встречены 2 раза [1, с. 234].

222. О-88, Р-25/145. Из завалов камней.

Стенка розовоглиняной амфоры. Граффито: Х.

Возможно, мера объема жидкости χ(ούς) = 3,28 л или сыпучих тел χ(οίλιξ) = 1,1 л. Ср. №№ 11, 141.

223. О-98, Р-25/2316. Выборка № 543.

Стенка амфоры с граффито: Х.

Ср. №№ 11, 141.

II в. н. э.

224. Без №.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Х.

Ср. №№ 11, 141.

225. Без №.

Стенка красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской: Х.

Ср. №№ 11, 141.

226. О-2007, Р-25/605. Западная часть трамбовки № 1468.

Стенка красноглиняной амфоры. Граффито: Х или Λ. Уходит в облом вверху и справа.

227. О-2003, Р-25/540. Гумус.

Тулово красноглиняной амфоры. Дипинто красной краской. Монограмма: Ψ, Υ, Κ, С (?). Возможно, включает имя, начинающееся с ΥΨ или ΨΥ.

Амфора типа 100 (?) по И. Б. Зеест.

228. О-82, Р-25/1258. Слой темный сероглинистый, горелый.

Горло красноглиняной амфоры с дипинти красной краской в три строки: ςΥ / < / Ε.

В верхнем ряду, по-видимому, сигма (=б), изображенная более бледной краской, чем остальные буквы, справа от нее Υ, значение которой неясно, ниже условный значок, означающий половину (ср. № 139), в не вполне понятном сочетании с двумя вышеуказанными буквами. Вероятно, здесь имеется в виду объем или цена продукта, содержавшегося в амфоре. Наиболее понятно значение буквы Ε (ср. № 50). В Танаисе знак < встречен 2 раза, сигма – 28 раз [1, с. 231, 235].

Красноглиняная амфора II в. н. э.

Подставки под амфоры

229, 230. *О-2001, Клиф/490, 506. Клиф-2/490.* Из третьего уровня вымостки.

Две подставки под амфору, целая и фрагмент. На обеих по сырой глине вырезаны одинаковые знаки: А (или, скорее, лигатура АУ), сверху буква примыкает к длинной горизонтальной черте.

Скорее всего, сокращение имени, например, Αὐ(τοκλήης).

Указатель

Α – 1, 12-18, 193-196, 229, 230	Θ – 4, 72-76, 203, 204
ΑΙ – 19, 197	ΘΒ / ΞΕ – 172
ΑΛ – 20, 21	ΘΕ – 181
ΑΜ – 22	ΘΗ – 76
Α / Π – 23, 148, 160, 161, 162	ΘΙ – 77, 78
Α / Π / ΒΑΣΙ / ΔΟΜΕ / Α – 150	ΘΡΥ (ΘΤΡΥ ?) / Ο / Π – 206
Α / Π / ΒΑΣΙΑ – 151	Ι – 80, 81
Α / Π / ΕΥΚΑΡΠΟΥ – 152	ΙΓ – 82
ΑΤ – 24	ΙΔ – 83
ΑΥ – 230	ΙЕС< – 167
Β – 2, 25-31, 170, 180, 198	ΙΖ – 83
ΒΑ – 32, 33, 177	ΙΗ – 182
ΒΑ / Α – 34	ΙΚ – 85
ΒΑΣΙΑ – 153	Ι / Μ – 206
ΒΙ / Γ – 35	ΙΜ / ΟΝ – 154
Γ – 8, 36-40	ΙС – 207
Γ / Χ – 41	ΙΦωΝΑ / Ε – 86
ΓΕΥ / ΠΙΘΟΥ / ΛΑΓΥΝΟΙ / Υ< (?) – 119	ΙΨ – 227
ΓΕΥΜΑ (?) – 70	ΙΨΙ – 178
ΓΚ – 42	Κ – 87, 183
Δ – 43-48	Κ / ΚΝ – 184
ΔΙ – 171	ΚΑ – 88
ΔΙ / Ο – 49	ΚΟΝ / ΝΤ – 89
Ε – 50-55, 199, 200, 201	Λ – 90, 91, 190, 207 – 210
ΕΚ – 202	ΛΑ – 70
ΕΛΠΙ / ΑΘ – 56	ΛΒ – 155
ΕΝΠΟΡΙΑ – 9	ΛΓ / ς – 93
ΕΥ – 57	ΛΔ – 174
ΕΥΧΗΝ ΕΡΑΤΟΣ – 3	ΛΕω / Γ – 94
Ζ – 58-61	ΛΙ / ΒΑΣΙ – 156
ΖΑ – 62	Μ – 95-98, 163, 211-213
ΖΗ – 63	ΜΑΚΡ ΧΧ – 214
ΖΖ – 64	ΜΑΡΙ – 215
ΖΥ – 173	ΜΟΙΕ – 216
ΖωС – 10	ΜΙ / Π – 185
Η – 66-69	ΜΧ / ΡΙΠ – 191

N – 99, 100	P / AC – 220
NAM – 101, 128	PA – 127
NB / OA – 186	PAM – 128
NE – 102	PI – 129
NO – 103	PO – 188
NOY – 104	PIB – 175
NC – 6, 7	C / H / E – 130
ΞΓ / ΛΕΥΚΟΝ / Υ ΘΙΔ – 157	CAC – 179
O – 105, 106, 107, 164, 187	CE – 221-225
O / XEP – 108	CI – 131, 179
OI – 109	...CTO – 132
OKEC – 110	T – 133, 134
OAΥ – 111	TA – 24, 135
OP – 217	TEP – 166
OC – 112	TPYΦ – 167
OY – 113	Y – 136
OYI – 79	Y(?)I – 137
Π – 114-117, 158	Φ – 138, 139
Π / KY – 123	ΦE – 140
Π / OKIA / OY I – 121	ΦN – 168
Π / T – 124	X – 141, 159, 176, 222, 223, 224
ΠA – 220	X/O – 11
ΠΔ – 118	XP – 159
ΠΔ – 120	XC / COYIII(?) – 142
ΠΘ – 70	Ψ – 143
ΠO / MH – 192	ω – 144
ΠP / ΓAY – 122	ςY / < / E – 229
ΠPAX / Π – 165	OBL – 205
P – 125, 126, 169, 219	

* * *

Итак, мы рассмотрели 230 дипинти и граффити на амфорах разных типов первых веков и позднеантичного времени из Ольвии, на которых встречено почти 130 разновидностей надписей (в большинстве это метки из одной или двух букв, одинаковые метки часто встречаются на нескольких фрагментах амфор). Одна надпись латинская, остальные – греческие. Из них лишь небольшая часть поддается однозначной трактовке. Это, прежде всего, имена, написанные полностью или в виде достаточно понятных сокращений (13), посвятельные надписи (1 несомненная, 1 предположительная), обозначение объема (1), цифровое обозначение (1). Все прочие метки могут быть трактованы по-разному (см. Введение), хотя очевидно, что большинство из них относится к сфере хозяйственной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беттгер Б., Шелов Д. Б.* Дипинти на амфорах из Танаиса. М., 1998.
2. *Емец И. А.* Значение некоторых аббревиаций на античных амфорах с территории Боспора Киммерийского // *Археология*. 2004. № 1.
3. *Емец И. А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 2005.
4. *Емец И. А.* Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М., 2012.
5. *Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.* Граффити и дипинти хоры Азиатского Боспора // *Боспорские исследования*. Симферополь; Керчь, 2007. Suppl. 1.
6. *Шеллов Д. Б.* Личные имена на амфорах из Танаиса // *НЭ*. 1978. II.
7. *Ильяшенко С. М.* Надписи группы α/π на позднеантичных амфорах Северного Причерноморья // *Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников*. СПб., 2005.
8. *Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. М., 2003.
9. *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. М.; Саратов, 2003.
10. *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Цистерна римского времени на западном плато Первого кресла горы Митридат // *Древности Боспора*. М., 2005. Вып. 8.
11. *Ильяшенко С. М.* Цифровые *dipinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах III в. н.э. из Танаиса // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов*, 2006.
12. *Соломоник Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.
13. *Lang M.* Graffiti and Dipinti // *The Athenian Agora*. 1976. Vol. XXI.
14. *Соломоник Э. И.* Надписи на крымских амфорах первых веков н.э. // *Археология*. 1993. Вып. 2.
15. *Шеллов Д. Б.* Дипинти на амфорах из танаисских комплексов // *НЭ*. 1989. XV.
16. *Ильяшенко С. М.* Об одной категории дипинти на светлоглиняных амфорах из Танаиса // *ВДИ*. 1996. № 4.
17. *Емец И. А., Петерс Б. Г.* Граффити из поселения Михайловка // *РА*. 1994. № 2.
18. *Il'jasenko S. M.* Aufschriften des Typs α/π auf den spatantiken Amphoren in Tanais // *Eurasia Antiqua*. 2005. Bd. 11.
19. *Емец И. А., Чевелев О. Д.* Эпиграфические материалы с Керченского полуострова // *Эпиграфический вестник*. 1995. № 1.
20. *Gudimenko I. V., Il'jaschenko S. M.* Amphorenaufschriften auf der Siedlung Rogozkino XIII // *Eurasia Antiqua*. 2001. Bd. 7.
21. *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 1998. № 1.
22. *Книпович Т. Н.* К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I-III вв. н. э. // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 1968.
23. *Крапивина В. В.* Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // *Древнее Причерноморье*. Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994.
24. *Крыкин С. М.* Deus Sanctus Porobonus // *ВДИ*. 1992. № 3.
25. *Ростовцев М. И.* Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // *ИАК*. 1911. Вып. 40.

26. *Русяева А. С.* Религия и культуры античной Ольвии. Киев, 1993.
27. *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеримского времени // ВДИ. 1973. № 1.
28. *Щеглов А. Н.* Два votivных рельефа из Ольвии // Записки Одесского археологического общества. 1967. Т. II.

Крапивина В. В., Диатроптов П. Д.

Дипинти и граффити на амфорах римской Ольвии

Резюме

Публикуемые материалы найдены, в основном, при раскопках участка Р-25 в южной части Верхнего города Ольвии. Прежде всего, это узкогорлые светлоглиняные амфоры типов В, С, D, E, F по классификации Д.Б. Шелова. Датировки типов следующие: В – вторая треть I – середина II вв., С – конец II в., D – первая половина III в., E – IV – начало V вв. (или конец IV – начало VI вв.), F – конец III – IV вв. Как полагает С.Ю. Внуков, узкогорлые светлоглиняные амфоры производились в Геракле Понтийской. Материал располагается в соответствии с типами амфор, а в рамках каждого типа – в алфавитном порядке. Существуют различные классификации граффити и дипинти, однако большинство надписей (чаще всего меток из одной или двух букв) невозможно однозначно отнести к той или иной рубрике. Очевидно, что большинство дипинти, нанесенных на амфоры, относятся к сфере хозяйственной деятельности (торговля и хранение продуктов). То же можно сказать и о граффити, нанесенных на амфоры, которые публикуются здесь в общем алфавитном порядке вместе с дипинти, с указанием характера надписи в каждом отдельном случае. Для понимания нашего материала большое значение имеет сопоставление его с большим массивом ранее опубликованных дипинти и граффити. Особенно серьезным подспорьем являются дипинти Танаиса, учитывая огромное их количество (более двух тысяч). Различия между Танаисом и Ольвией велики, однако амфоры в оба города ввозились из одних и тех же центров. Сопоставление материала Танаиса и Ольвии показывает, что около 50 повторяющихся разновидностей меток на амфорах идентичны для обоих центров, прежде всего, это метки из одной или двух букв (естественно, такие совпадения отмечены и в других местах), и нанесены они явно в тех центрах, где в них загружались те или иные продукты. В этой связи можно предполагать, что такие метки могли обозначать либо сокращенные названия товаров, либо сокращения имен поставщиков или получателей. В ряде случаев это были, вероятно, числовые метки, которые могли иметь разное значение: цена продукта, объем, порядковый номер амфоры в партии, номера пифосов на винном складе, из которых разливалось вино в амфоры для продажи.

Krapivina V. V., Diatroptov P. D.

Dipinti and Graffiti on Amphorae from Roman Olbia

Summary

The published materials were found mainly during the excavations of the plot P-25 in the southern part of Upper city of Olbia. First of all, these are light-clay amphorae of types B, C, D, E and F according to D. B. Shelov's classification. Dating of types are the following: B – the second third of the 1st – the mid-2nd centuries; C – the end of the 2nd century; D – the first half of the 3rd c.; E – the 4th – the beginning of the 5th cc. (or the end of the 4th – the beginning of the 6th cc.); F – the end of the 3rd – the 4th cc. S. Yu. Vnukov believes that light-clay amphorae were manufactured in Heracleia Pontos. Material is arranged in accordance with the types of amphorae; within every type they are given in alphabetic order. There are different classification of graffiti and dipinti; however, it is impossible to attribute majority of inscriptions (usually they are marks of one or two letters) to one or another heading. Most likely, the majority of dipinti on amphorae apply to the sphere of household activity (trade and storage of foodstuff). The same can be said about graffiti on amphorae that are published here in general alphabetical order together with dipinti with indication of the character of inscription in every individual case. It is very important to correlate this material with dipinti and graffiti published earlier, for example from Tanais, taking into account their great quantity (more than two thousand). Distinctions between Tanais and Olbia are great; however, amphorae were brought to both cities from the same centers. Comparison of the materials from Tanais and Olbia demonstrates that approximately 50 repeated varieties of marks on amphorae are identical for both centers; these are mainly marks consisting of one or two letters (it is quite natural that such coincident are noticed in other places, as well) and were obviously put in the same centers where foodstuff was loaded. Thereupon, these marks might have meant either abridged notation of goods or abbreviated names of suppliers or receivers. In some cases, they were perhaps some numerical marks having different meanings: price of the product, volume, number of amphorae in the production lot, number of pithoi on wine storehouse, where wine was poured into amphorae for sale.

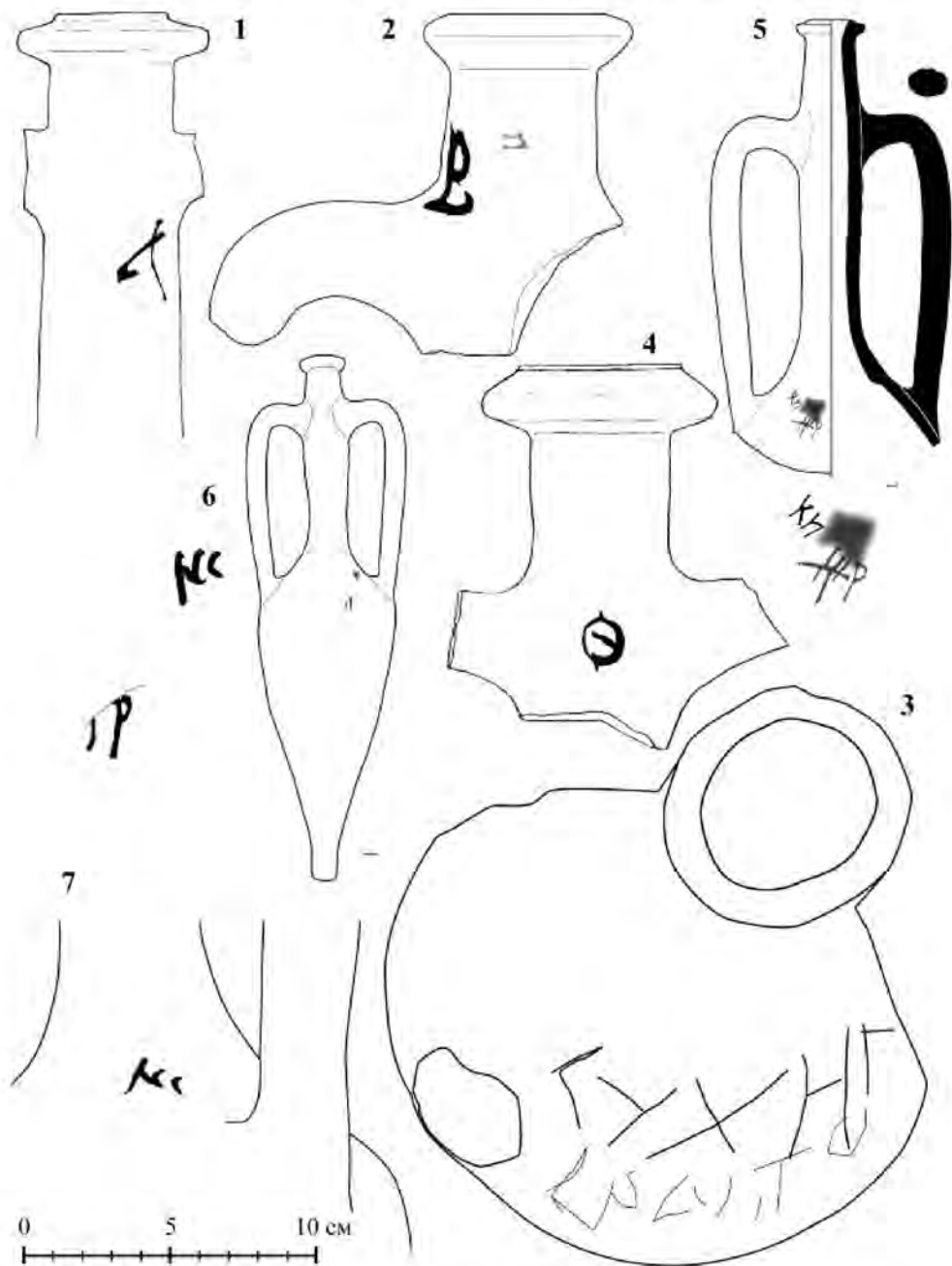

Рис. 1.

1 – О-83, Р-25/69 (кат. № 1); 2 – О-2009, Р-25/574 (кат. № 2); 3 – О-97, Р-25/542 (кат. № 3); 4 – О-94, Р-25/1266 (кат. № 4); 5 – О-2010, Р-25/1771 (кат. № 5); 6 – О-2010, Р-25/1770 (кат. № 6); 7 – О-2010, Р-25/1772 (кат. № 7).

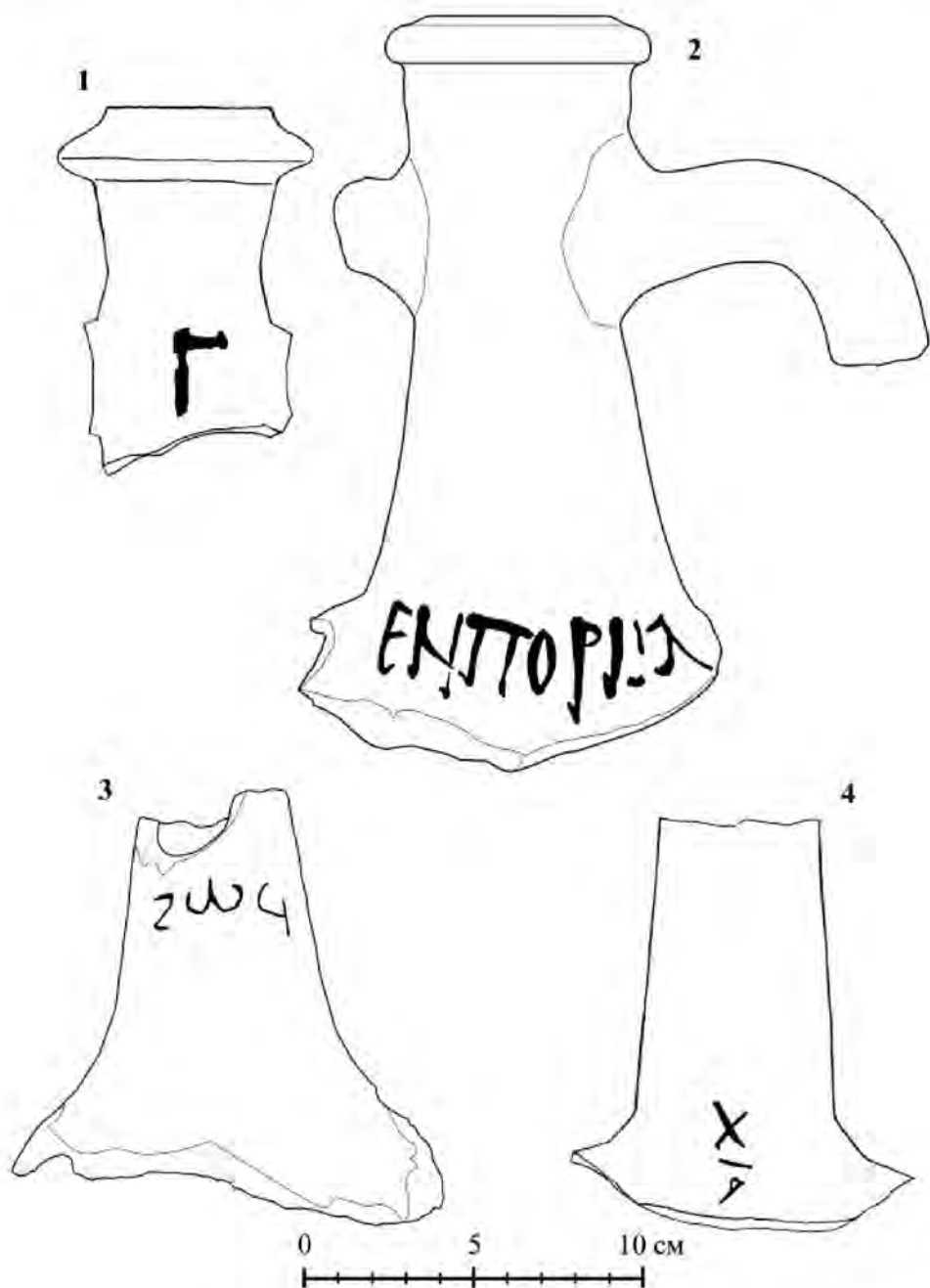

Рис. 2.

1 – O-2004, P-25/3303 (кат. № 8); 2 – O-2007, P-25/775 (кат. № 9); 3 – O-84, P-25/371 (кат. № 10);
4 – O-96, P-25/1370 (кат. № 11).

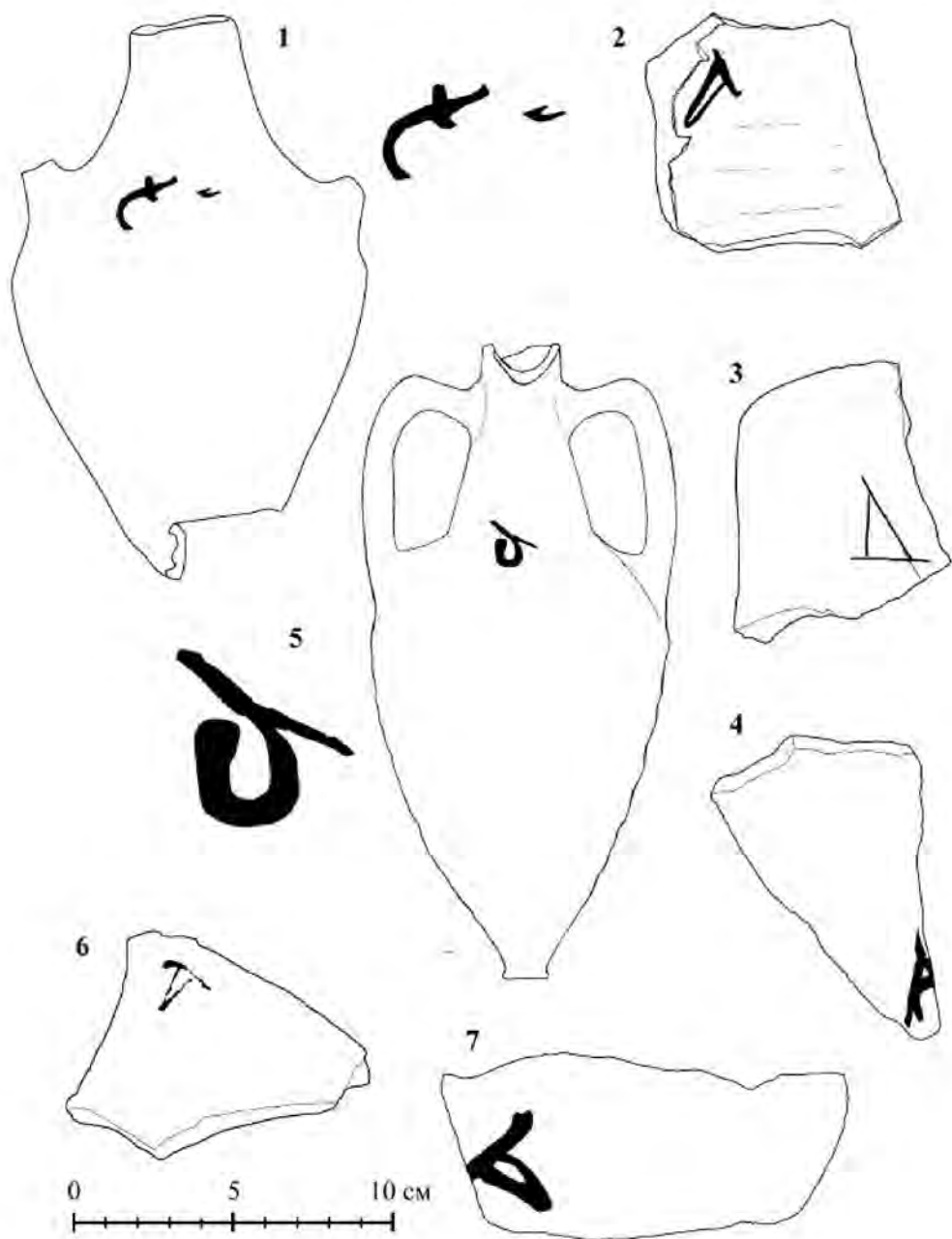

Рис. 3.

1 – О-84, Р-25/380 (кат. № 12); 2 – О-88, Р-25/276 (кат. № 13); 3 – О-97, Р-25/545 (кат. № 14); 4 – О-2004, Р-25/1533 (кат. № 15); 5 – О-2004, Р-25/1518 (кат. № 16); 6 – О-2004, Р-25/2152 (кат. № 17); 7 – О-2001, НГФ/1235 (кат. № 18).

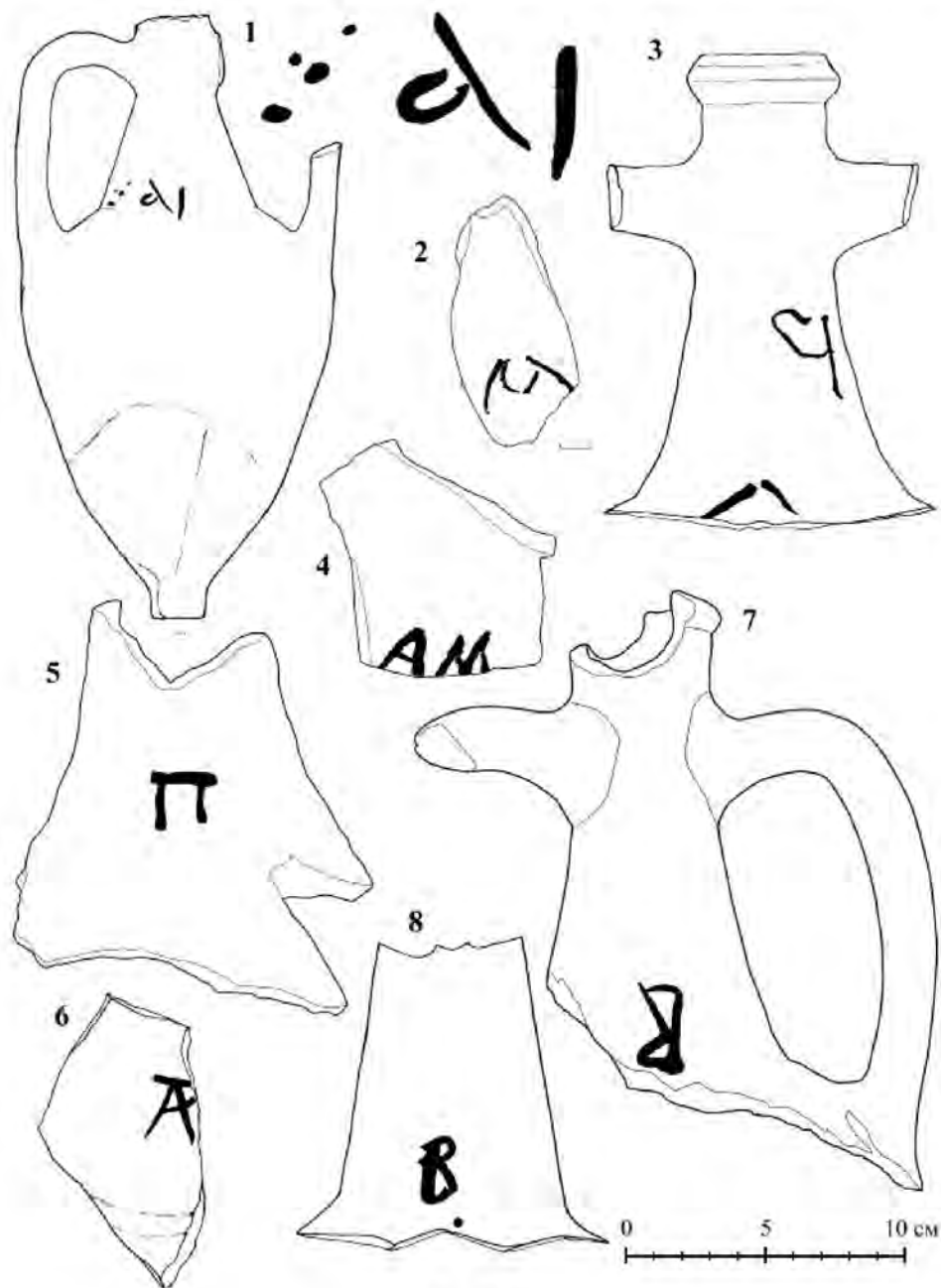

Рис. 4.

1 – О-2004, Р-25/1336 (кат. № 19); 2 – О-2007, Р-25/1601 (кат. № 20); 3 – О-84, Р-25/684 (кат. № 21); 4 – О-2004, Р-25/2585 (кат. № 22); 5 – О-2004, Р-25/1257 (кат. № 23); 6 – О-98, Р-25/3149 (кат. № 24); 7 – О-2001, НГФ/445а (кат. № 25); 8 – О-96, Р-25/1460 (кат. № 26).

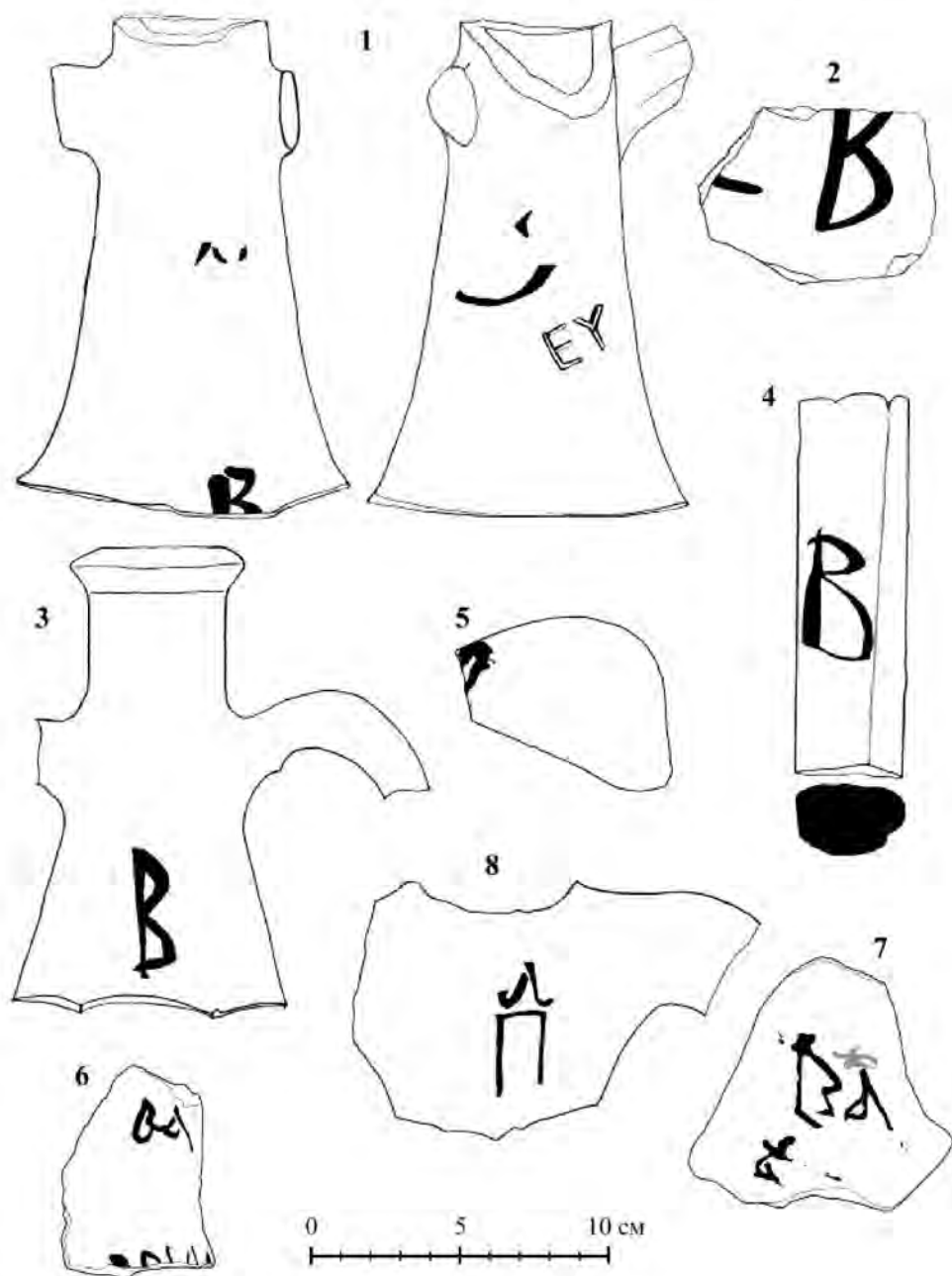

Рис. 5.

1 – О-82, Р-25/725а (кат. № 27); 2 – О-2002, Р-25/737 (кат. № 28); 3 – О-98, Р-25/1926 (кат. № 29); 4 – О-98, ВИИ/101 (кат. № 30); 5 – О-2007, Р-25/3670 (кат. № 31); 6 – О-2008, Р-25/1637 (кат. № 32); 7 – О-90, Р-25/2694 (кат. № 33); 8 – О-90, Р-25/1694 (кат. № 34).

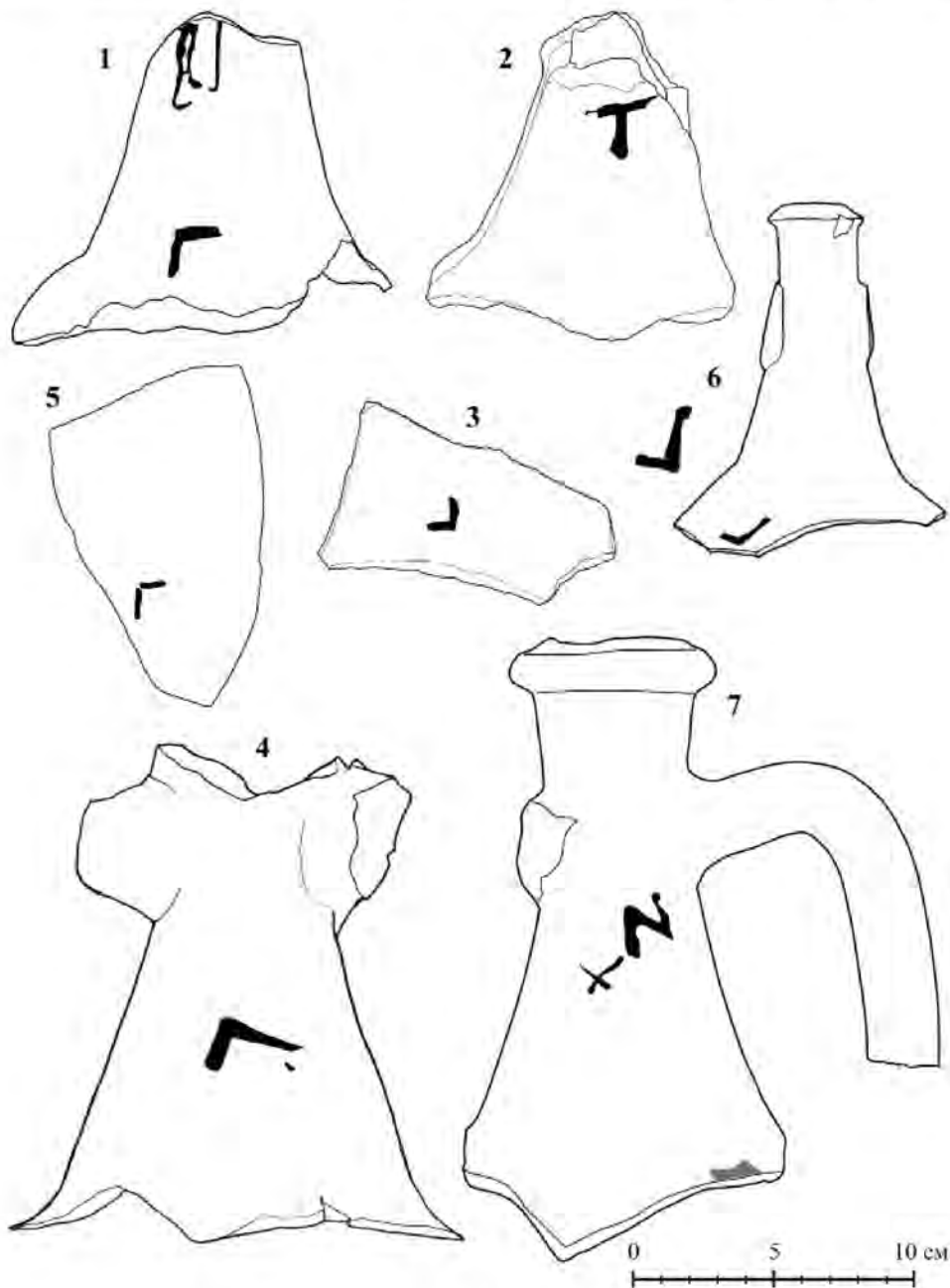

Рис. 6.

1 – О-88, Р-25/1463 (кат. № 35); 2 – О-95, Р-25/643 (кат. № 36); 3 – О-88, Р-25/1467 (кат. № 37); 4 – О-2003, Р-25/2259 (кат. № 38); 5 – О-2008, Р-25/1560 (кат. № 39); 6 – О-83, Р-25/73 (кат. № 40); 7 – О-84, Р-25/470 (кат. № 41).

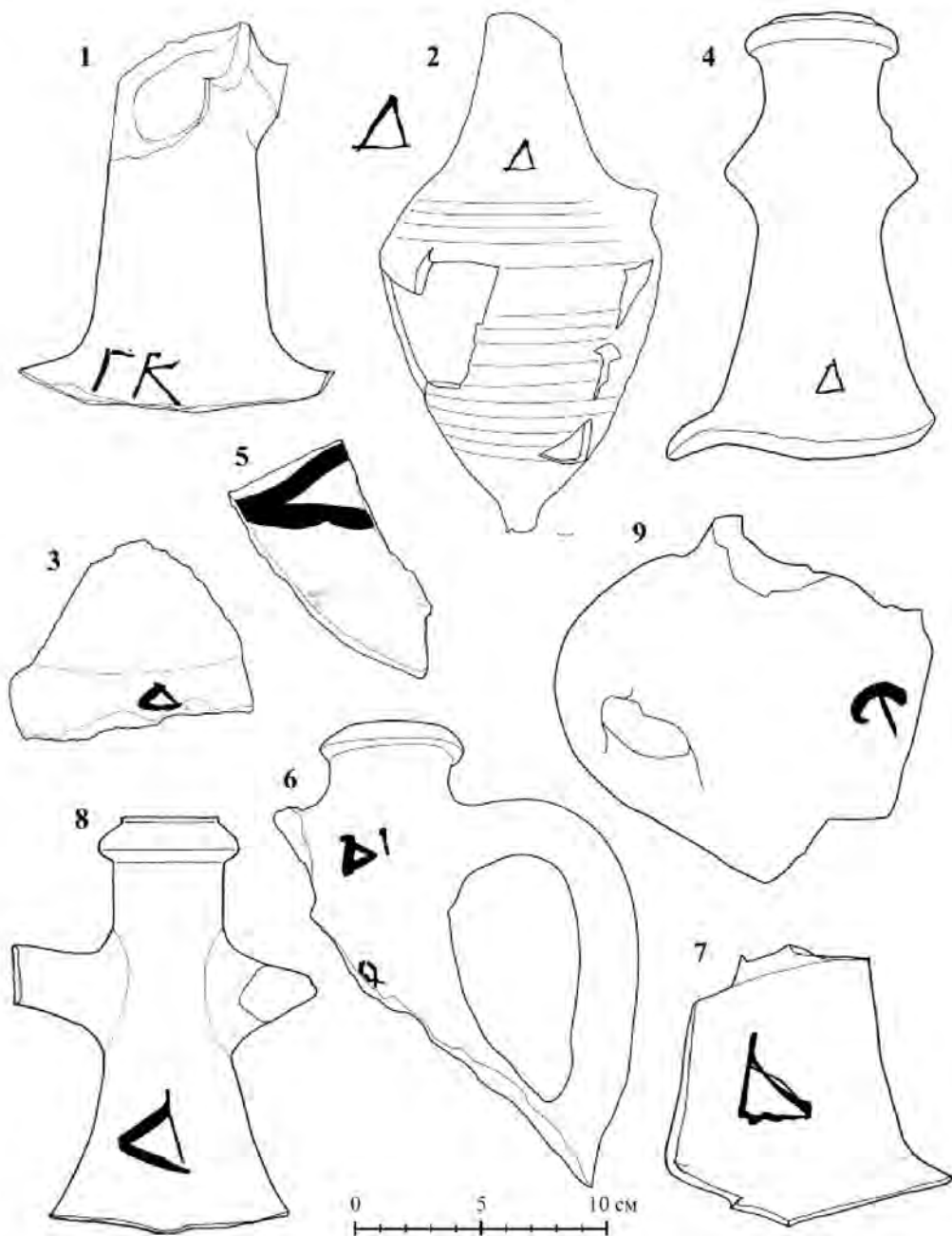

Рис. 7.

1 – О-88, Р-25/332 (кат. № 42); 2 – О-84, Р-25/792 (кат. № 43); 3 – О-82, Р-25/537 (кат. № 44); 4 – Без № (кат. № 45); 5 – О-88, Р-25/141 (кат. № 46); 6 – О-82, Р-25/703 (кат. № 49); 7 – О-2000, Р-25/905 (кат. № 48); 8 – О-94, Р-25/1854 (кат. № 47); 9 – О-2005, Р-25/2087 (кат. № 50).

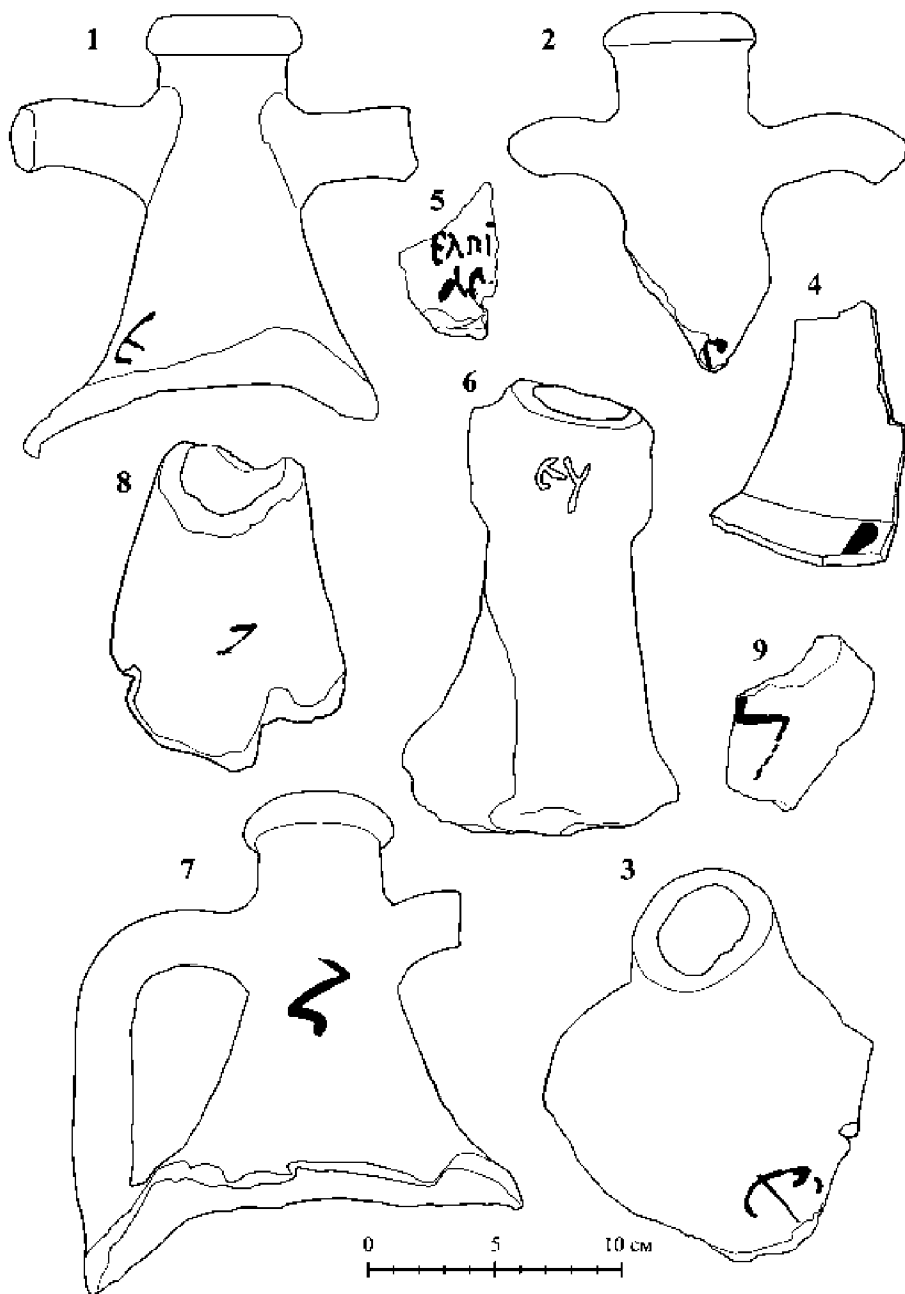

Рис. 8.

1 – О-2008, Р-25/1539 (кат. № 51); 2 – О-89, Р-25/955 (кат. № 53); 3 – О-83, Р-25/128а (кат. № 54);
 4 – О-88, Р-25/1433 (кат. № 55); 5 – О-2004, Р-25/1735 (кат. № 56); 6 – О-84, Р-25/86 (кат. № 57); 7 –
 О-84, Р-25/20 (кат. № 58); 8 – О-88, Р-25/1462 (кат. № 59); 9 – О-2005, Р-25/640 (кат. № 60).

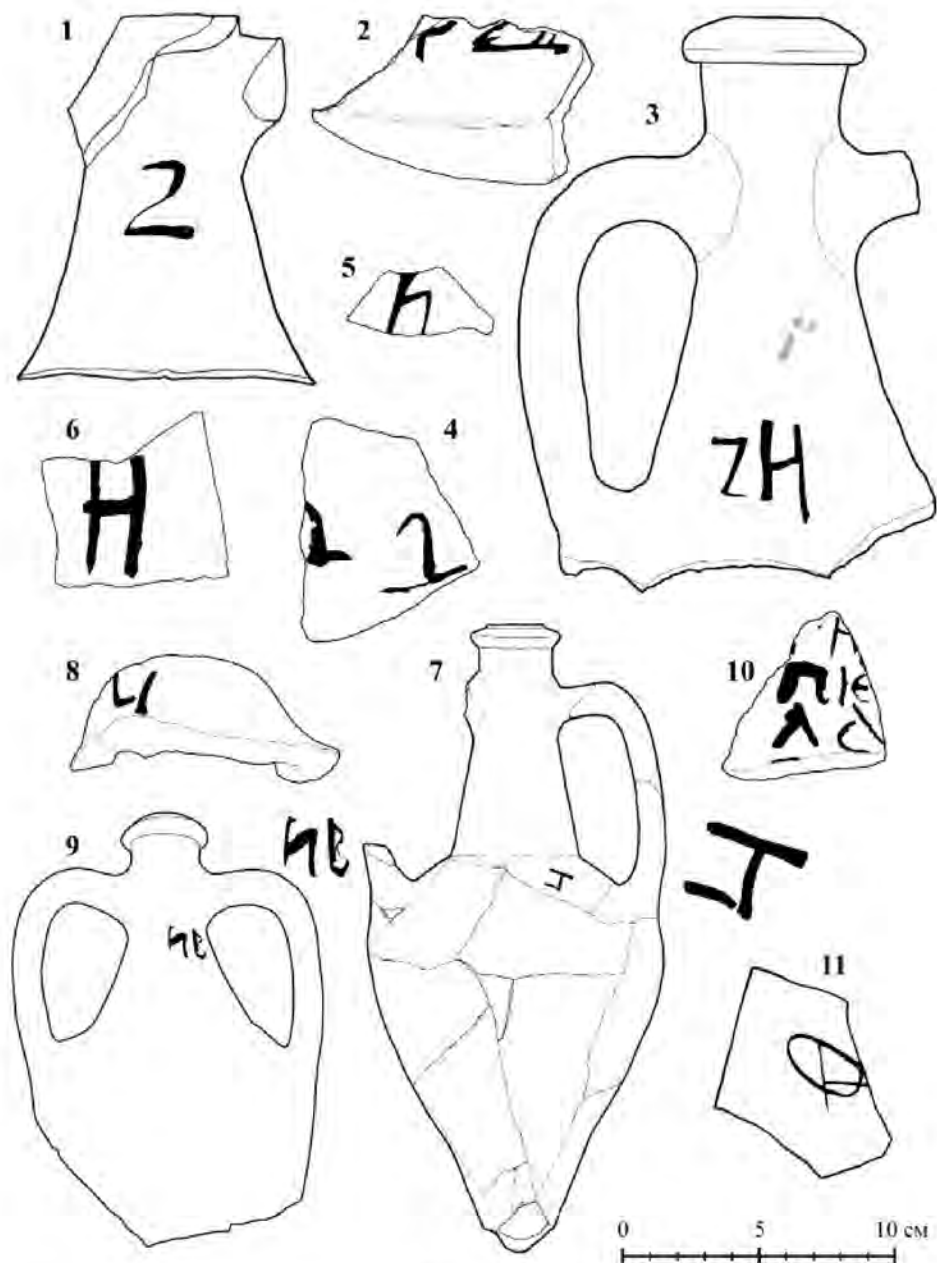

Рис. 9.

1 – О-86, Р-25/192 (кат. № 61); 2 – О-88, Р-25/333 (кат. № 62); 3 – О-2004, Р-25/1796 (кат. № 63); 4 – О-2008, Р-25/1561 (кат. № 64); 5 – О-83, Р-25/74 (кат. № 65); 6 – О-97, Р-25/16516 (кат. № 66); 7 – О-92, Р-25/3335 (кат. № 67); 8 – О-99, Р-25/967 (кат. № 68); 9 – О-84, Р-25/802 (кат. № 69); 10 – О-90, Р-25/205 (кат. № 70); 11 – О-91, Р-25/245 (кат. № 71).

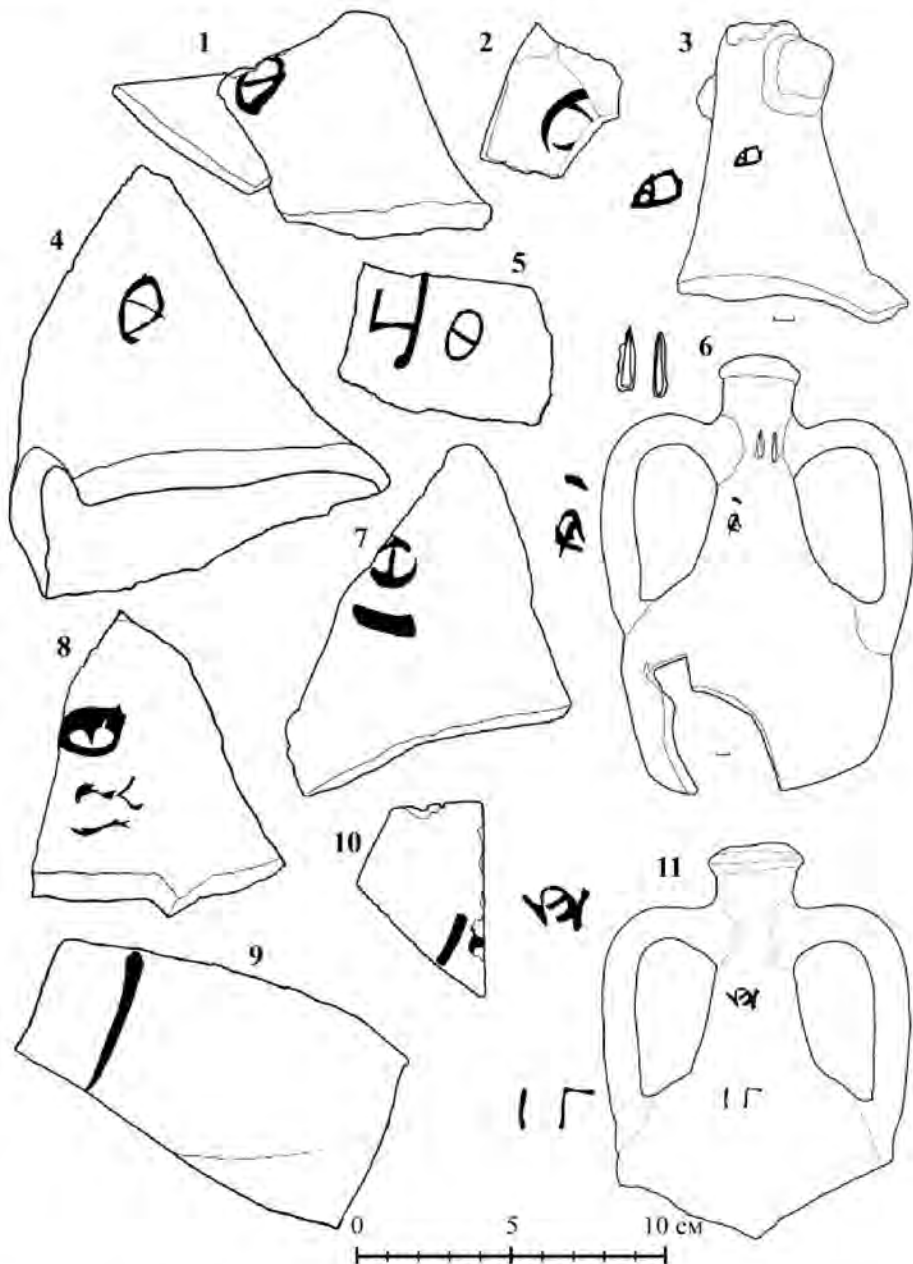

Рис. 10.

1 – О-2008, P-25/1558 (кат. № 72); 2 – О-94, P-25/388 (кат. № 73); 3 – О-90, P-25/1369 (кат. № 74); 4 – О-88, P-25/765 (кат. № 75); 5 – О-2000, P-25/1503 (кат. № 76); 6 – О-2009, P-25/1257 (кат. № 77); 7 – О-88, P-25/406 (кат. № 78); 8 – О-89, P-25/1581 (кат. № 79); 9 – О-83, P-25/76 (кат. № 80); 10 – О-2008, P-25/2283 (кат. № 81); 11 – О-2007, P-25/774 (кат. № 82).

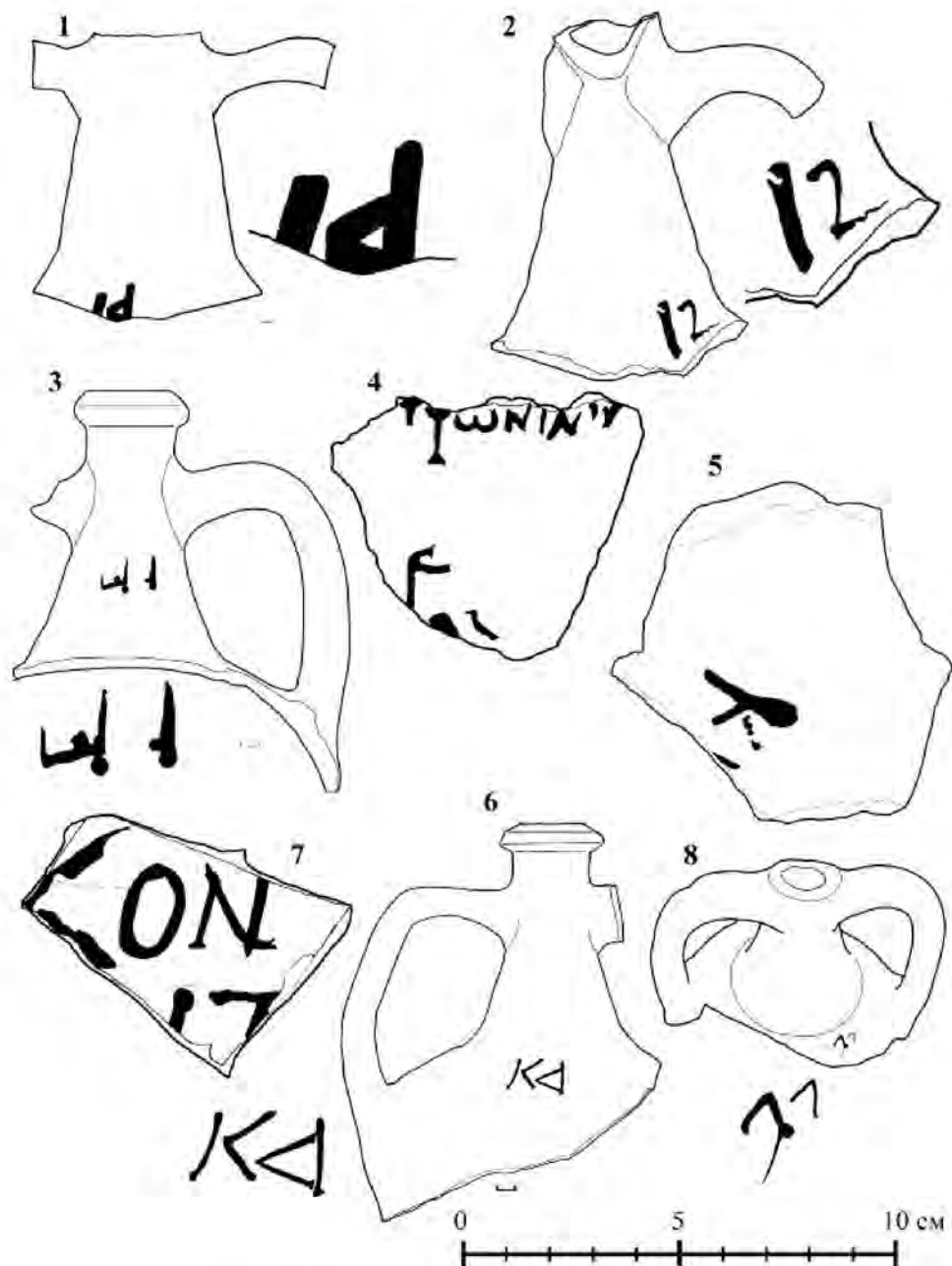

Рис. 11.

1 – О-92, Р-25/3334 (кат. № 83); 2 – О-88, Р-25/1524 (кат. № 84); 3 – О-2009, Р-25/3242 (кат. № 85); 4 – О-97, Р-25/2 (кат. № 86); 5 – О-О-2004, Р-25/3922 (кат. № 87); 6 – О-2000, Р-25/2176 (кат. № 88); 7 – О-88, Р-25/407 (кат. № 89); 8 – О-84, Р-25/402 (кат. № 90).

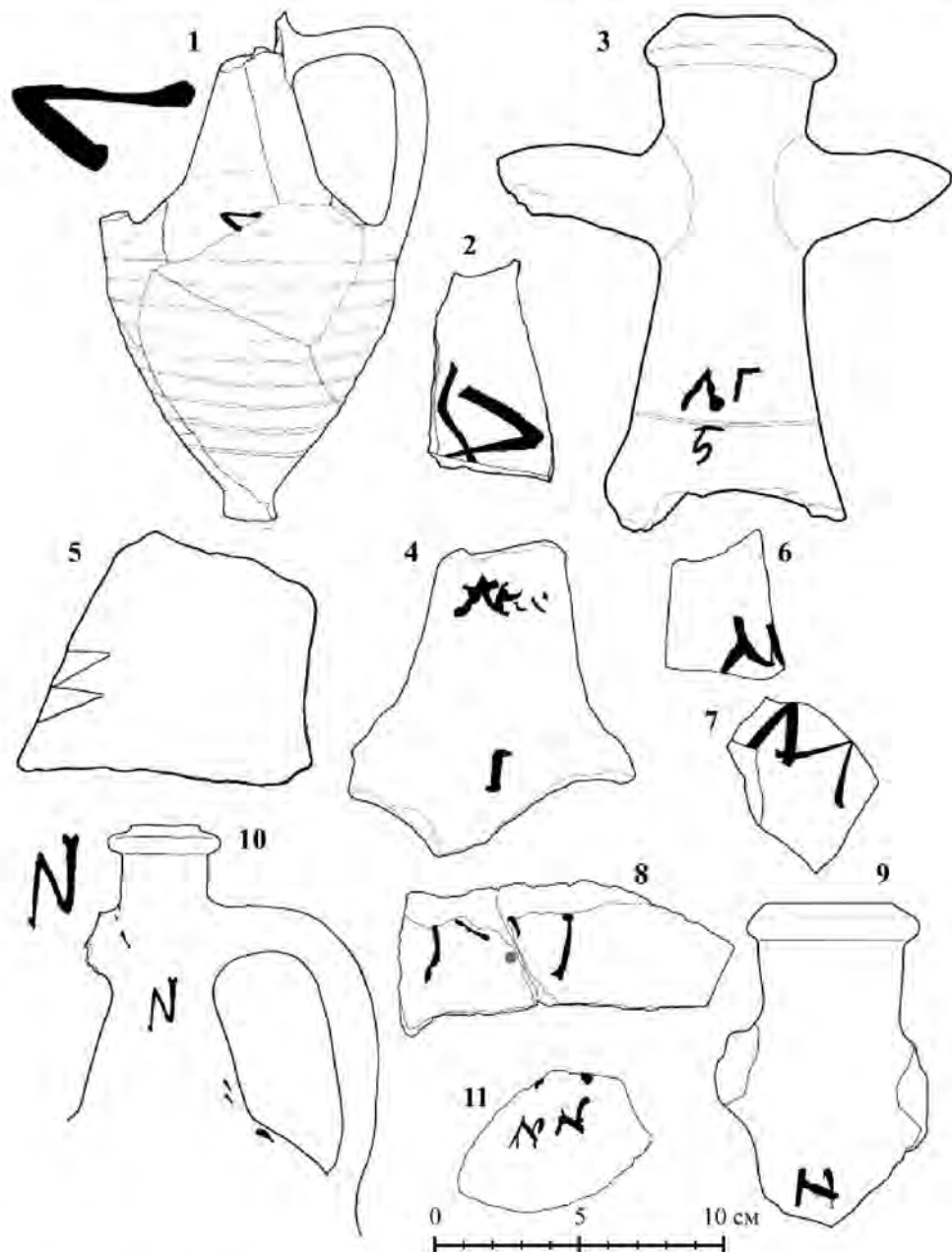

Рис. 12.

1 – О-2004, Р-25/1520 (кат. № 91); 2 – О-2002, Р-25/1372 (кат. № 92); 3 – О-2001, НГФ/533а (кат. № 93); 4 – О-84, Р-25/120 (кат. № 94); 5 – О-94, Р-25/464 (кат. № 95); 6 – О-91, Р-25/246 (кат. № 96); 7 – О-2004, Р-25/949 (кат. № 97); 8 – О-2004, Р-25/746, 948 (кат. № 98); 9 – О-2006, Р-25/329 (кат. № 99); 10 – О-83, Р-25/71 (кат. № 100); 11 – О-97, Р-25/1651 (кат. № 101).

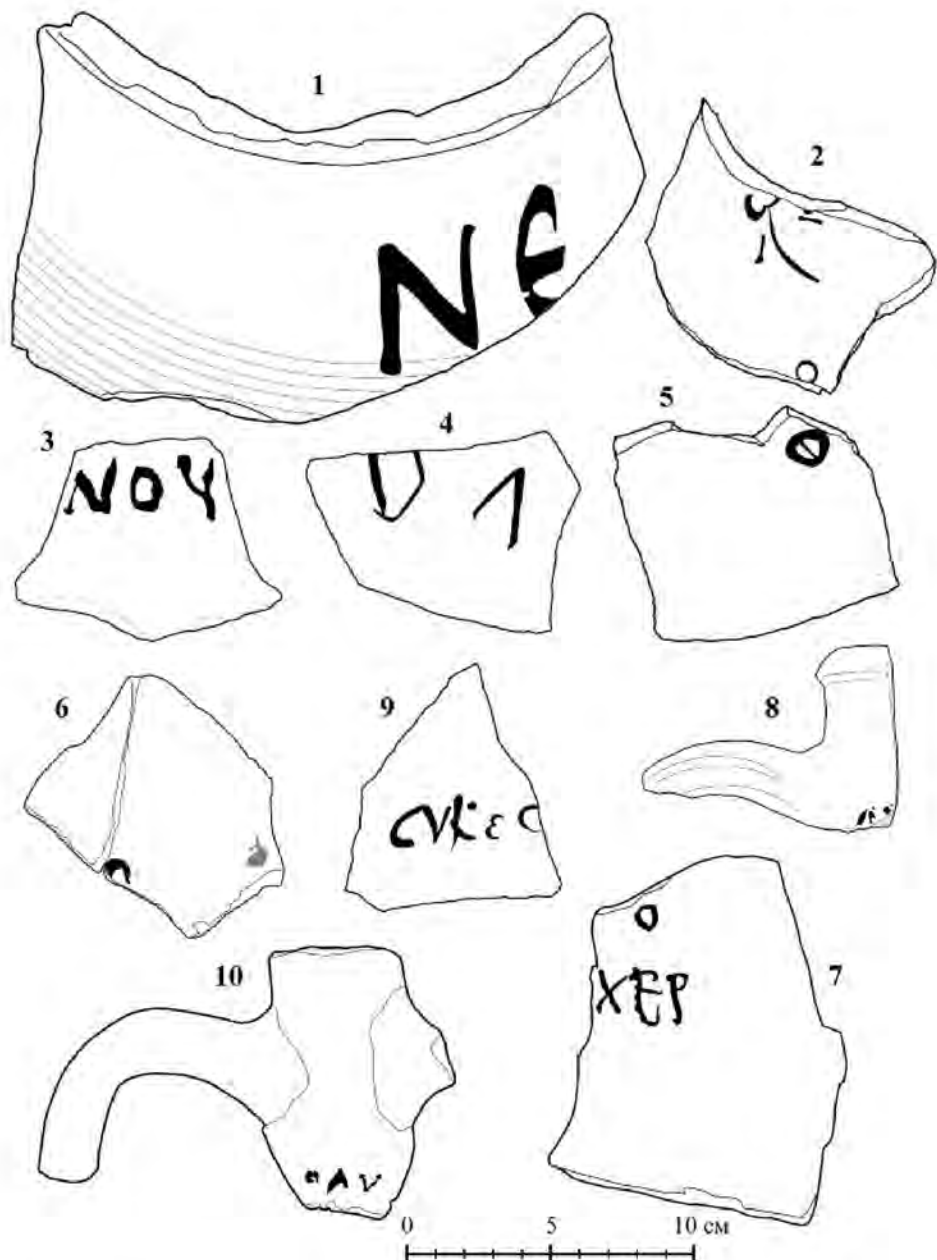

Рис. 13.

1 – O-94, P-25/994 (кат. №102); 2 – O-97, НГС/1645 (кат. № 103); 3 – O-84, P-25/121 (кат. № 104); 4 – O-2004, P-25/1736 (кат. № 105); 5 – O-98, P-25/2910 (кат. № 106); 6 – O-2009, P-25/3270 (кат. № 107); 7 – O-2005, P-25/1674 (кат. № 108); 8 – O-2009, P-25/867 (кат. № 109); 9 – O-99, P-25/1124 (кат. № 110); 10 – O-2009, P-25/3251 (кат. № 111).

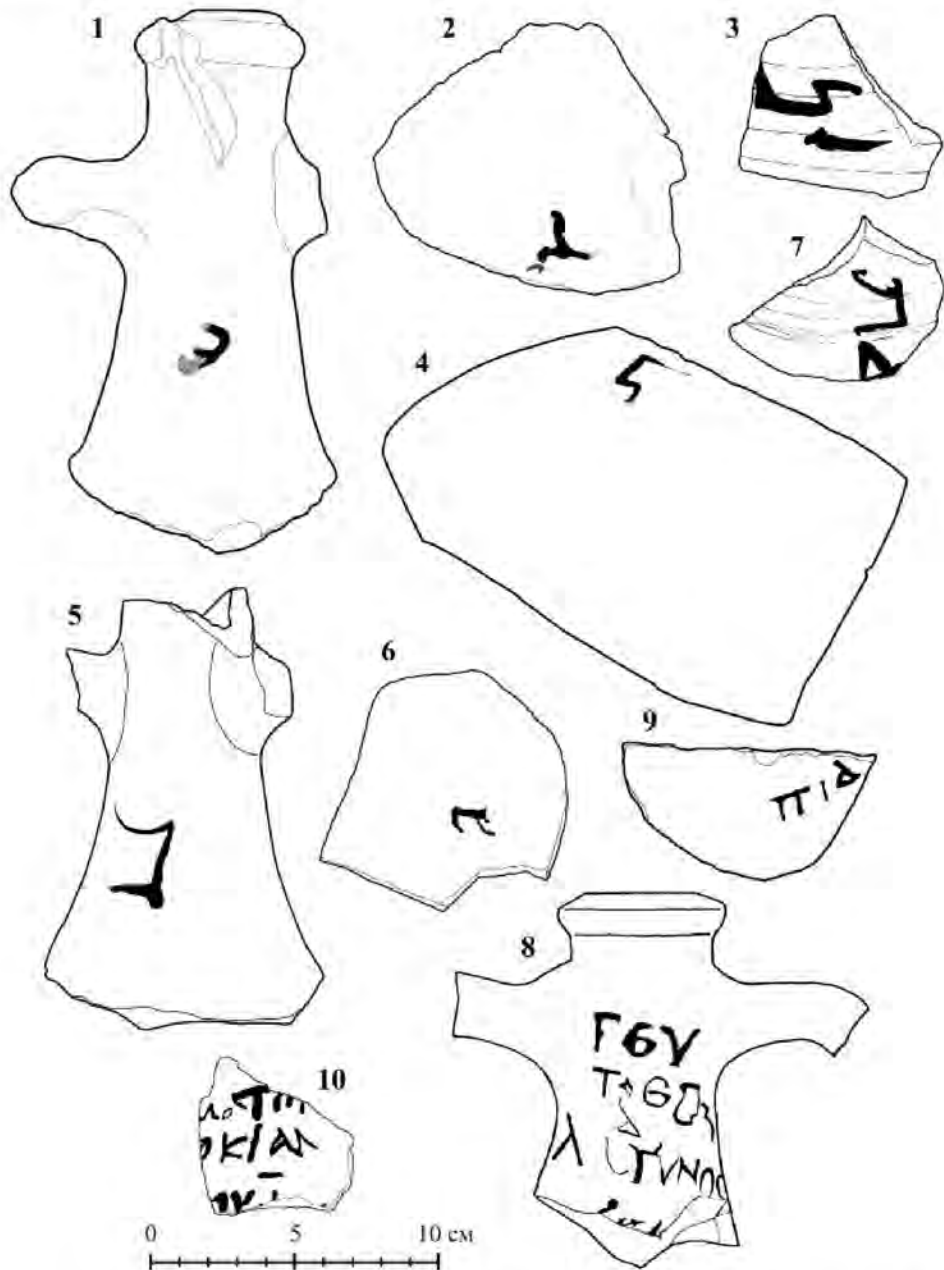

Рис. 14.

1 – О-2002, P-25/178 (кат. № 112); 2 – О-2004, P-25/1534 (кат. № 113); 3 – О-83, P-25/129 (кат. № 114); 4 – О-2008, P-25/2629 (кат. № 115); 5 – О-90, P-25/1370 (кат. № 116); 6 – О-94, P-25/249 (кат. № 117); 7 – О-93, P-25/1808 (кат. № 118); 8 – О-89, P-25/994 (кат. № 119); 9 – О-82, P-25/411 (кат. № 120); 10 – О-2009, P-25/3166 (кат. № 121).

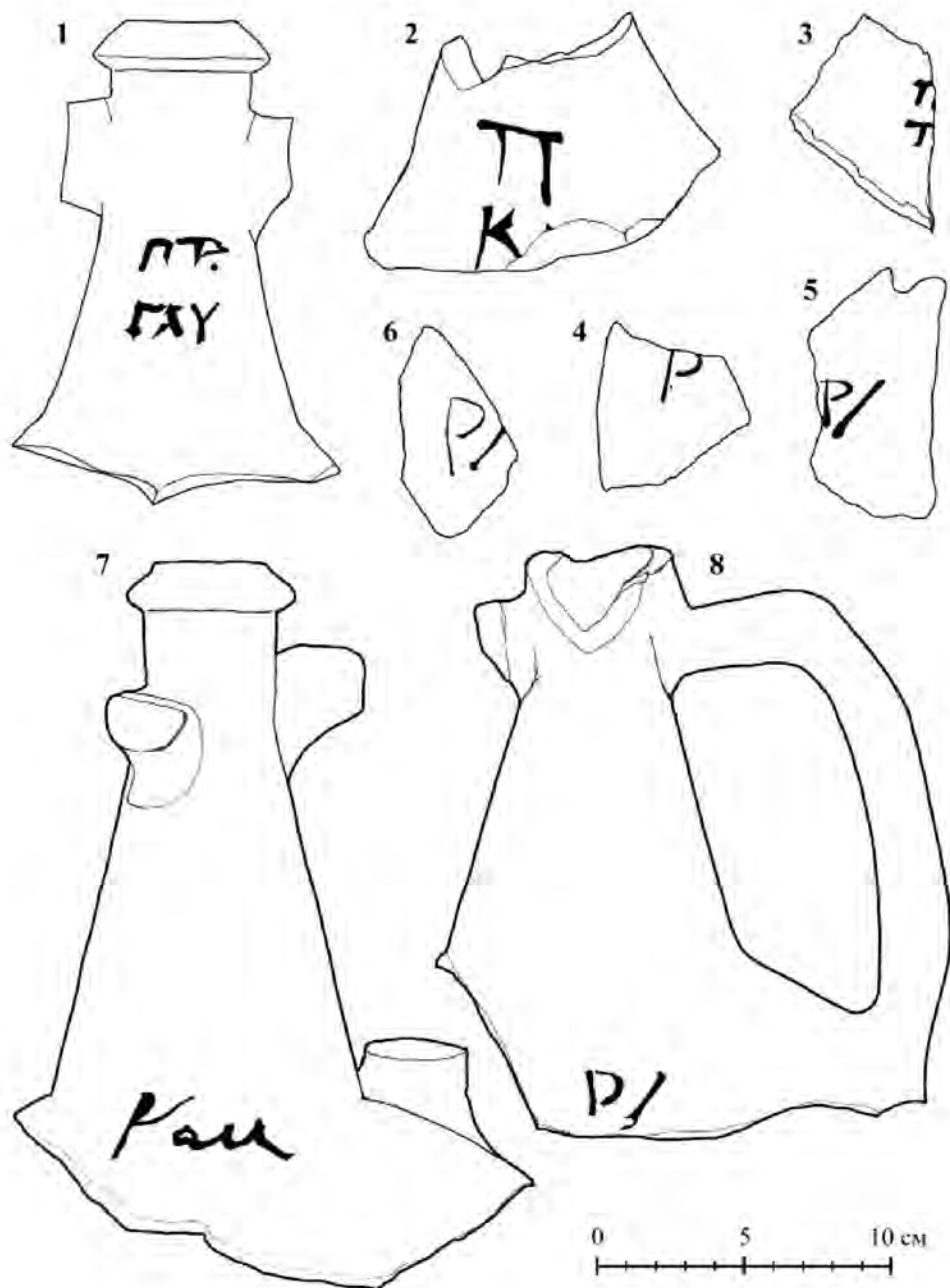

Рис. 15.

1 – О-2002, Р-25/427 (кат. № 122); 2 – О-2004, Р-25/2946 (кат. № 123); 3 – О-89, Р-25/1289 (кат. № 124); 4 – О-88, Р-25/137 (кат. № 125); 5 – О-90, Р-25/1366 (кат. № 126); 6 – О-83, Р-25/75 (кат. № 127); 7 – О-88, Р-25/1464 (кат. № 128); 8 – О-89, Р-25/795 (кат. № 129).

Рис. 16.

1 – О-90, Р-25/1371а (кат. № 130); 2 – О-99, Р-25/963 (кат. № 131); 3 – О-2009, Р-25/1555 (кат. № 132);
 4 – О-2009, Р-25/2770 (кат. № 133); 5 – О-2006, Р-25/2091 (кат. № 134); 6 – О-90, Р-25/1372 (кат. № 135);
 7 – О-91, Р-25/654а (кат. № 136); 8 – О-93, Р-25/485 (кат. № 137); 9 – О-2004, Р-25/1535 (кат. № 139).

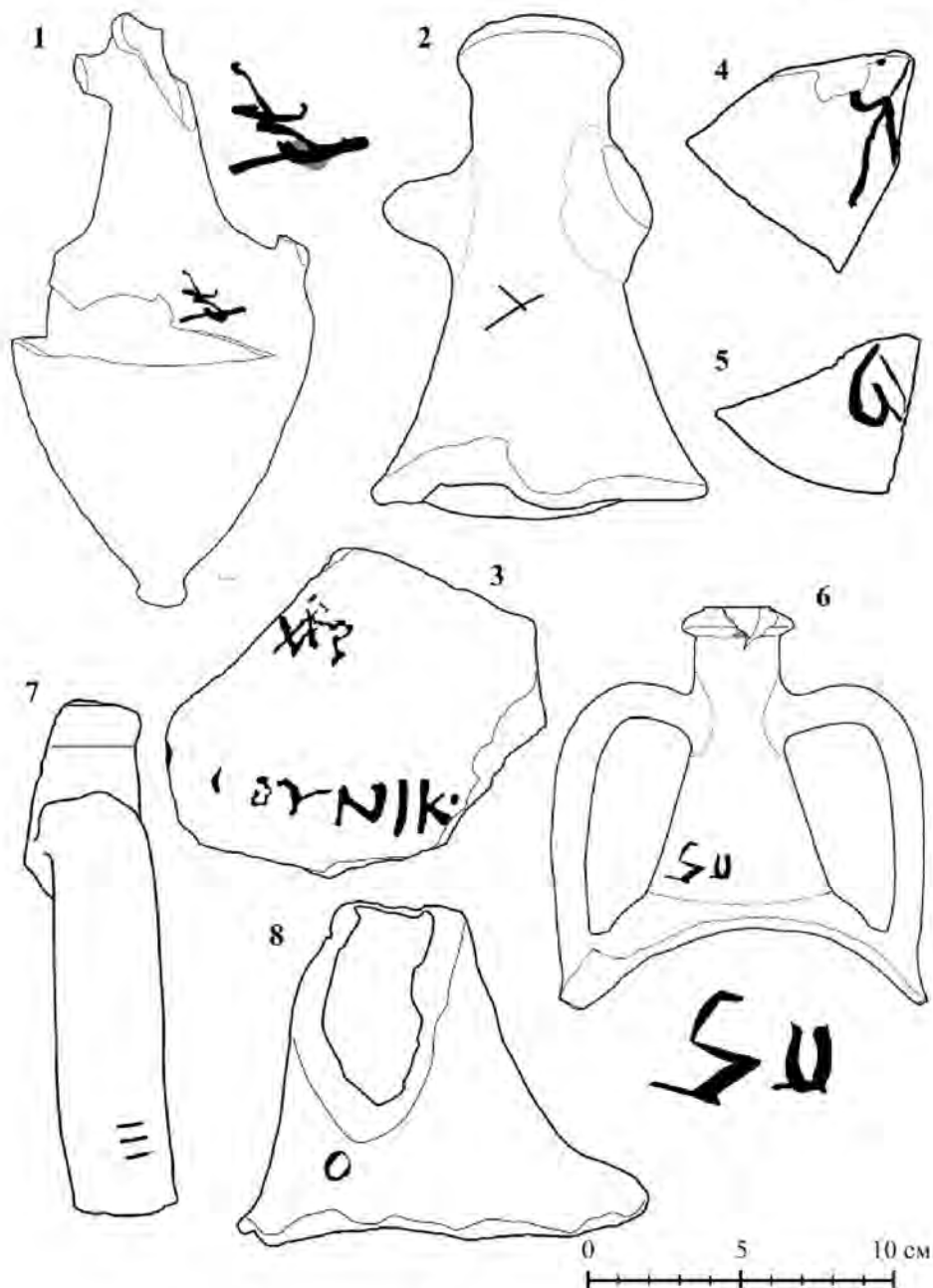

Рис. 17.

1 – О-2009, Р-25/2769 (кат. № 140); 2 – О-91, Р-25/191 (кат. № 141); 3 – О-2005, Р-25/2472 (кат. № 142); 4 – О-2002, Р-25/128 (кат. № 143); 5 – О-82, Р-25/442 (кат. № 144); 6 – О-90, Р-25/1064а (кат. № 145); 7 – О-2008, Р-25/1551 (кат. № 146); 8 – О-93, Р-25/2746 (кат. № 147).

Рис. 18.

1 – О-91, Р-25/1428 (кат. № 148); 2 – О-2005, Р-25/1381 (кат. № 149); 3 – О-2001, НГФ 533а, 534а (кат. № 150); 4 – О-2004, Р-25/2175 (кат. № 151); 5 – О-91, Р-25/835 (кат. № 152).

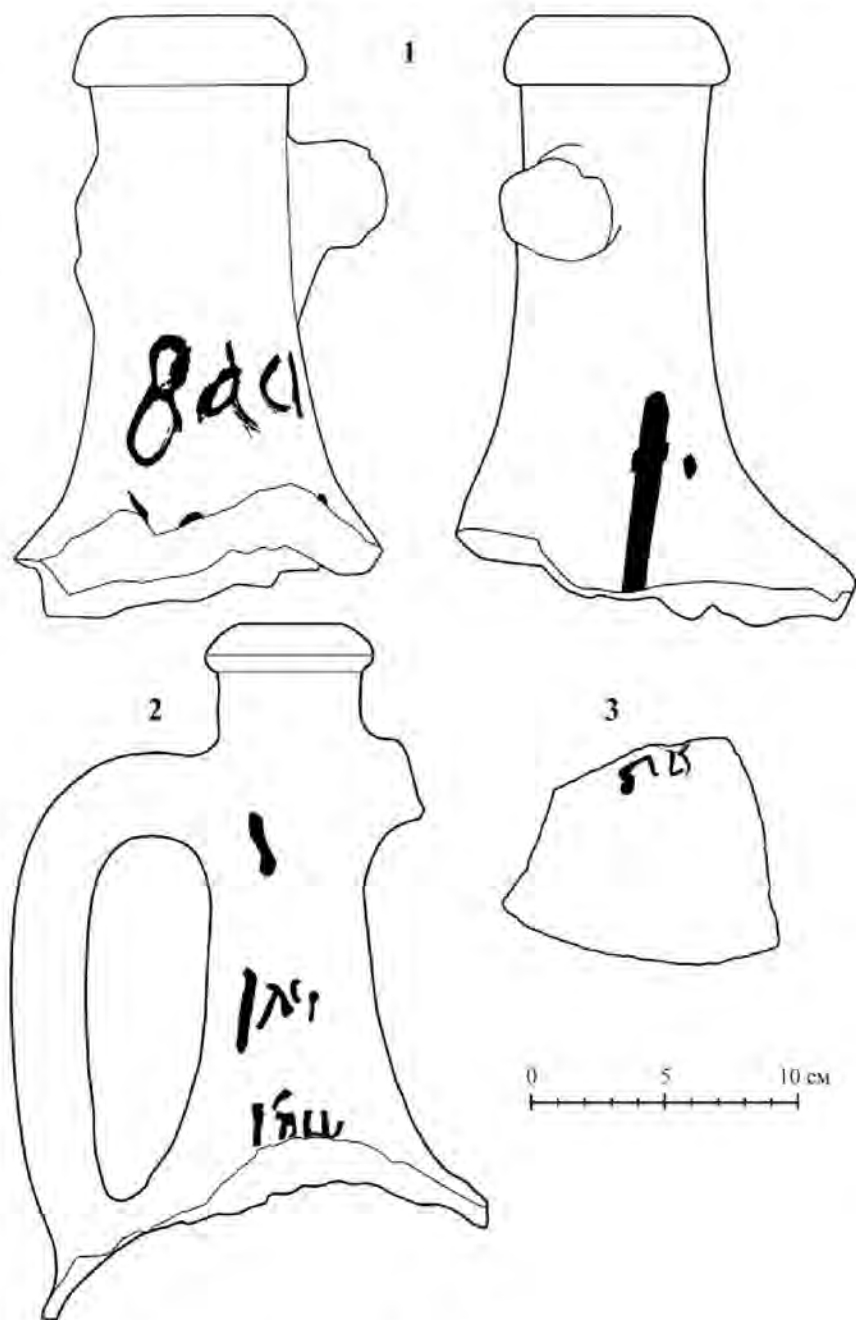

Рис. 19.

1 – О-2005, Р-25/357 (кат. № 153); 2 – О-99, Р-25/957 (кат. № 154); 3 – О-2005, Р-25/2132 (кат. № 155).

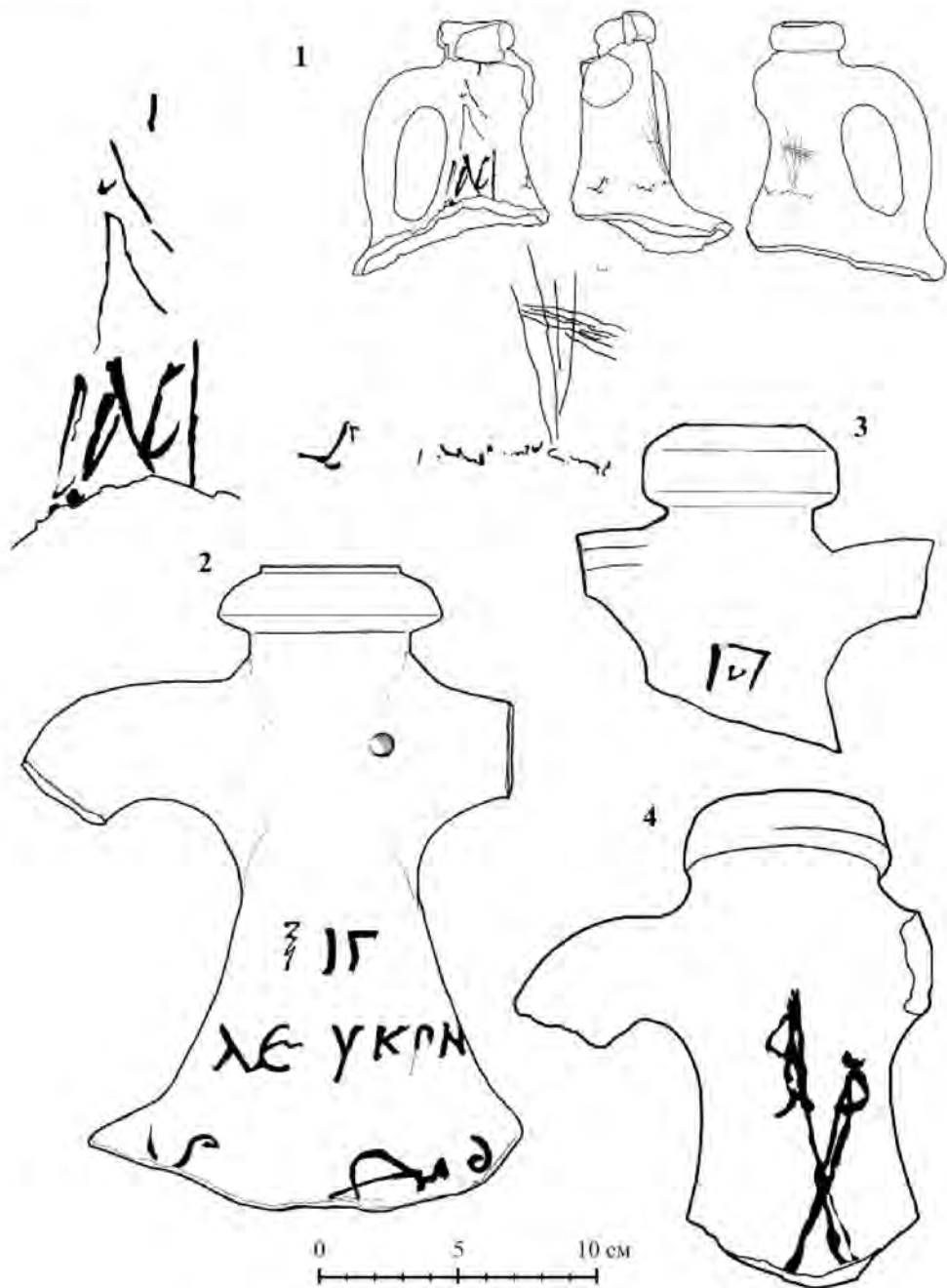

Рис. 20.

1 – О-98, Р-25/2353 (кат. № 156); 2 – О-90, Р-25/431 (кат. № 157); 3 – О-2004, О-25/807 (кат. № 158); 4 – О-2002, Р-25/137 (кат. № 159).

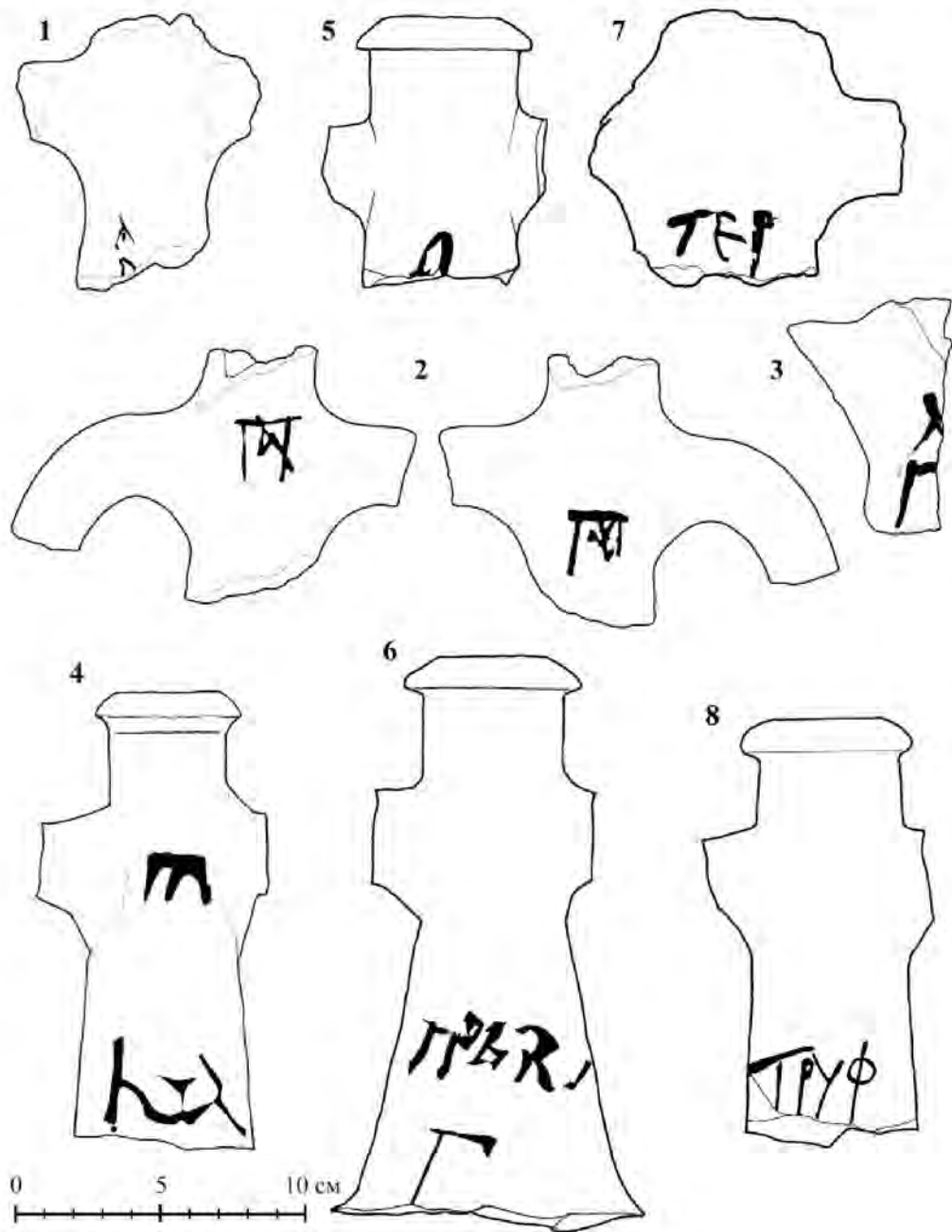

Рис. 21.

1 – O-2006, P-25/1721 (кат. № 160); 2 – O-2006, P-25/1722 (кат. № 161); 3 – O-2004, P-25/1728 (кат. № 162); 4 – O-2004, P-25/344 (кат. № 163); 5 – O-98, P-25/350 (кат. № 164); 6 – O-2003, P-25/666 (кат. № 165); 7 – O-83, P-25/398 (кат. № 166); 8 – O-92, P-25/1399 (кат. № 167).

Рис. 22.

1 – О-87, Р-25/3 (кат. № 168); 2 – О-2008, Р-25/2436 (кат. № 169); 3 – О-88, Р-25/1434 (кат. № 170); 4 – О-2009, Р-25/3271 (кат. № 171); 5 – О-95, Р-25/144 (кат. № 172); 6 – О-83, Р-25/543 (кат. № 173).

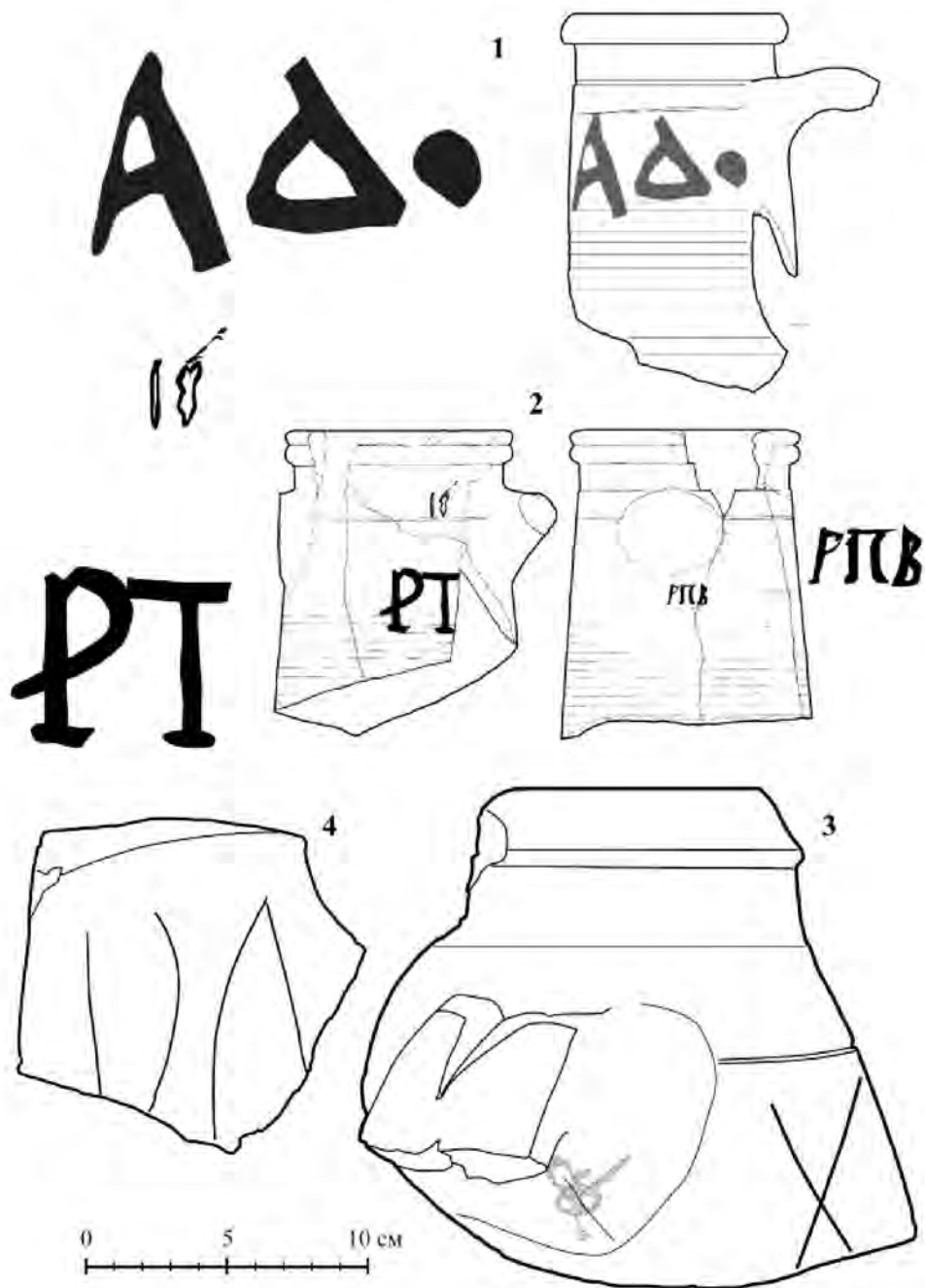

Рис. 23.

1 – О-90, Р-25/896 (кат. № 174); 2 – О-89, Р-25/406 (кат. № 175); 3 – 2009, Р-25/1254 (кат. № 176); 4 – О-2000, Р-25/208 (кат. № 177).

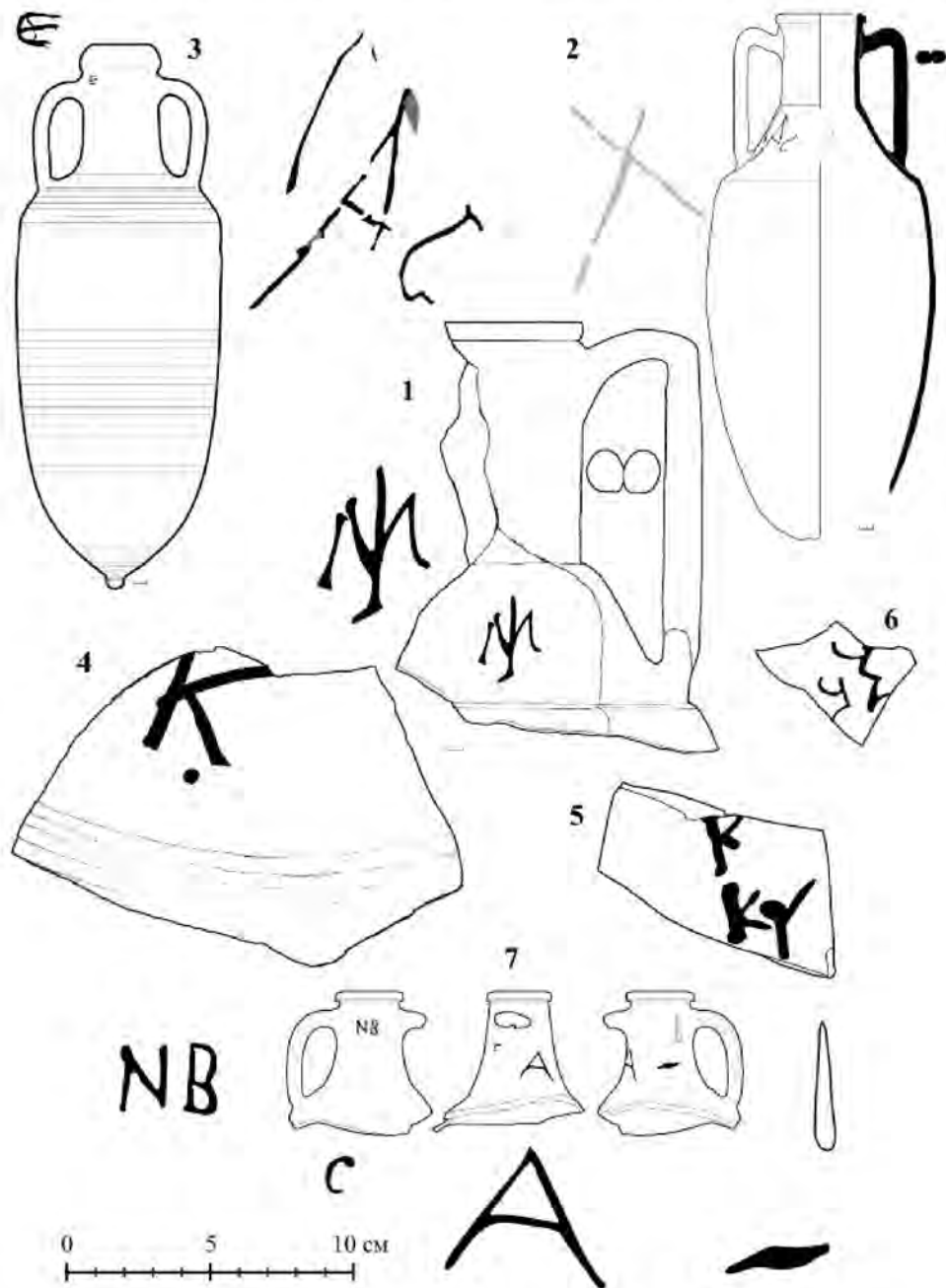

Рис. 24.

1 – O-90, P-25/1594 (кат. № 178); 2 – O-2010, P-25/1769 (кат. № 179); 3 – O-98, P-25/1881 (кат. № 181); 4 – O-2000, P-25/574 (кат. № 183); 5 – O-90, P-25/613 (кат. № 184); 6 – O-83, P-25/399 (кат. № 185); 7 – O-97, P-25/249 (кат. № 186).

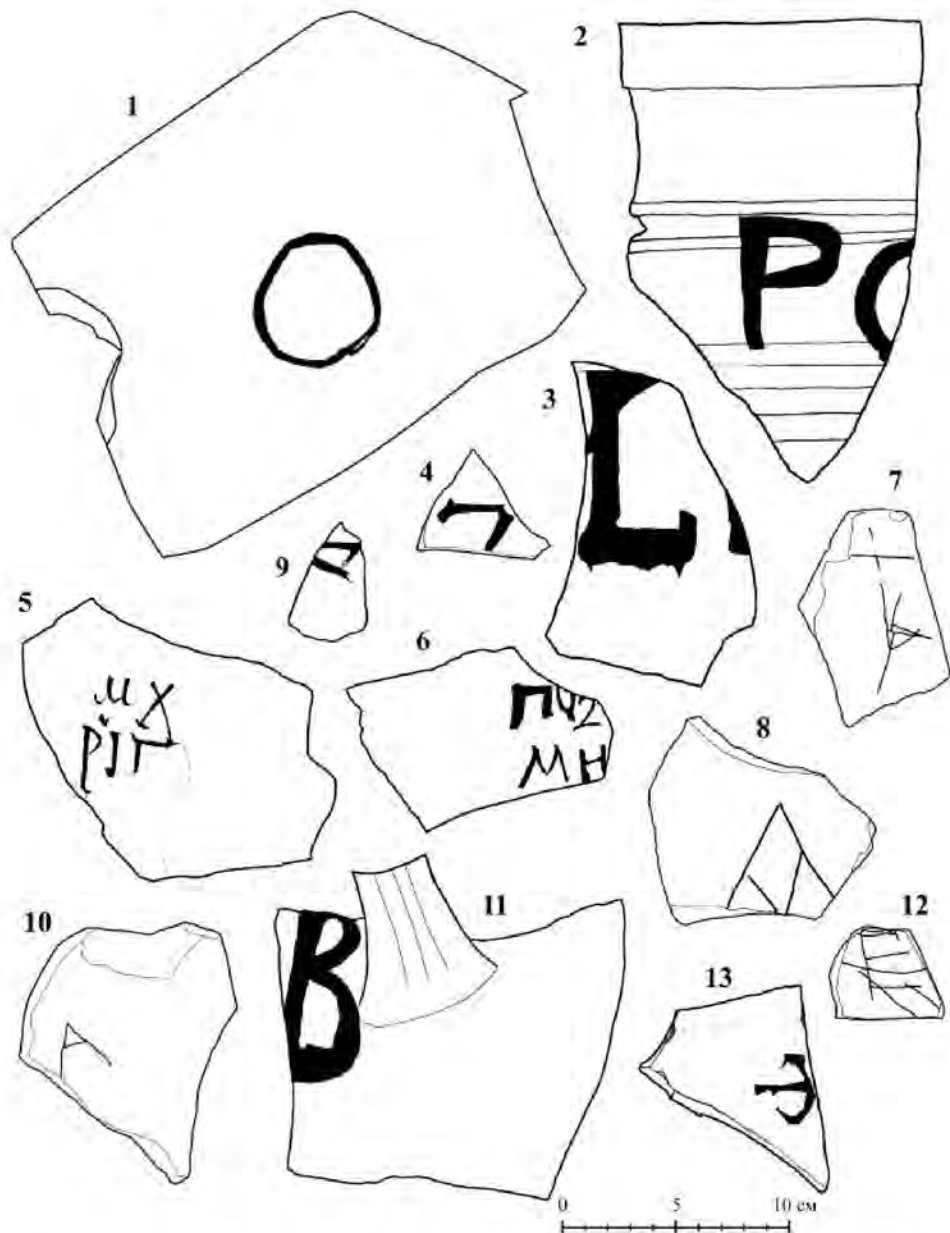

Рис. 25.

1 – O-82, P-25/1253 (кат. № 187); 2 – O-83, P-25/208 (кат. № 188); 3 – O-99, P-25/449 (кат. № 189); 4 – O-91, P-25/1389 (кат. № 190); 5 – O-99, P-25/2365 (кат. № 191); 6 – O-2004, P-25/1876 (кат. № 192); 7 – O-97, P-25/993 (кат. № 193); 8 – O-99, P-25/61 (кат. № 194); 9 – O-99, P-25/892 (кат. № 195); 10 – O-2004, P-25/2584 (кат. № 196); 11 – O-99, P-25/1123 (кат. № 198); 12 – O-93, P-25/2 (кат. № 199); 13 – O-89, P-25/762 (кат. № 200).

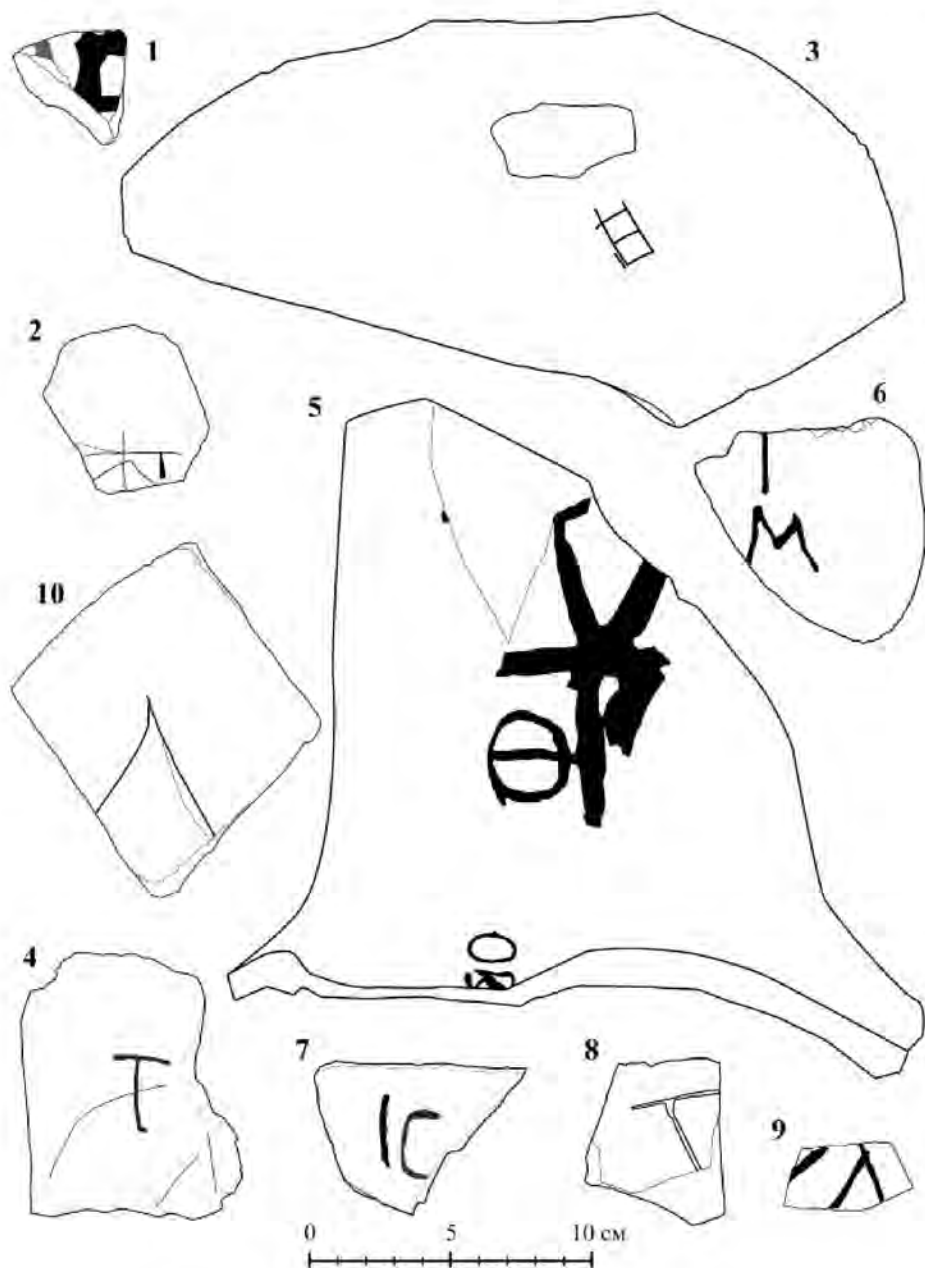

Рис. 26.

1 – О-82, Р-25/1232 (кат. № 201); 2 – О-87, Р-25/2 (кат. № 202); 3 – О-98, Р-25/2352 (кат. № 203); 4 – О-2004, Р-25/3921 (кат. № 204); 5 – О-82, Р-25/1152 (кат. № 205); 6 – О-2002, Р-25/2010 (кат. № 206); 7 – О-94, Р-25/1 (кат. № 207); 8 – О-2000, Р-25/1189 (кат. № 208); 9 – О-89, Р-25/1657 (кат. № 209); 10 – О-2000, Р-25/72 (кат. № 210).

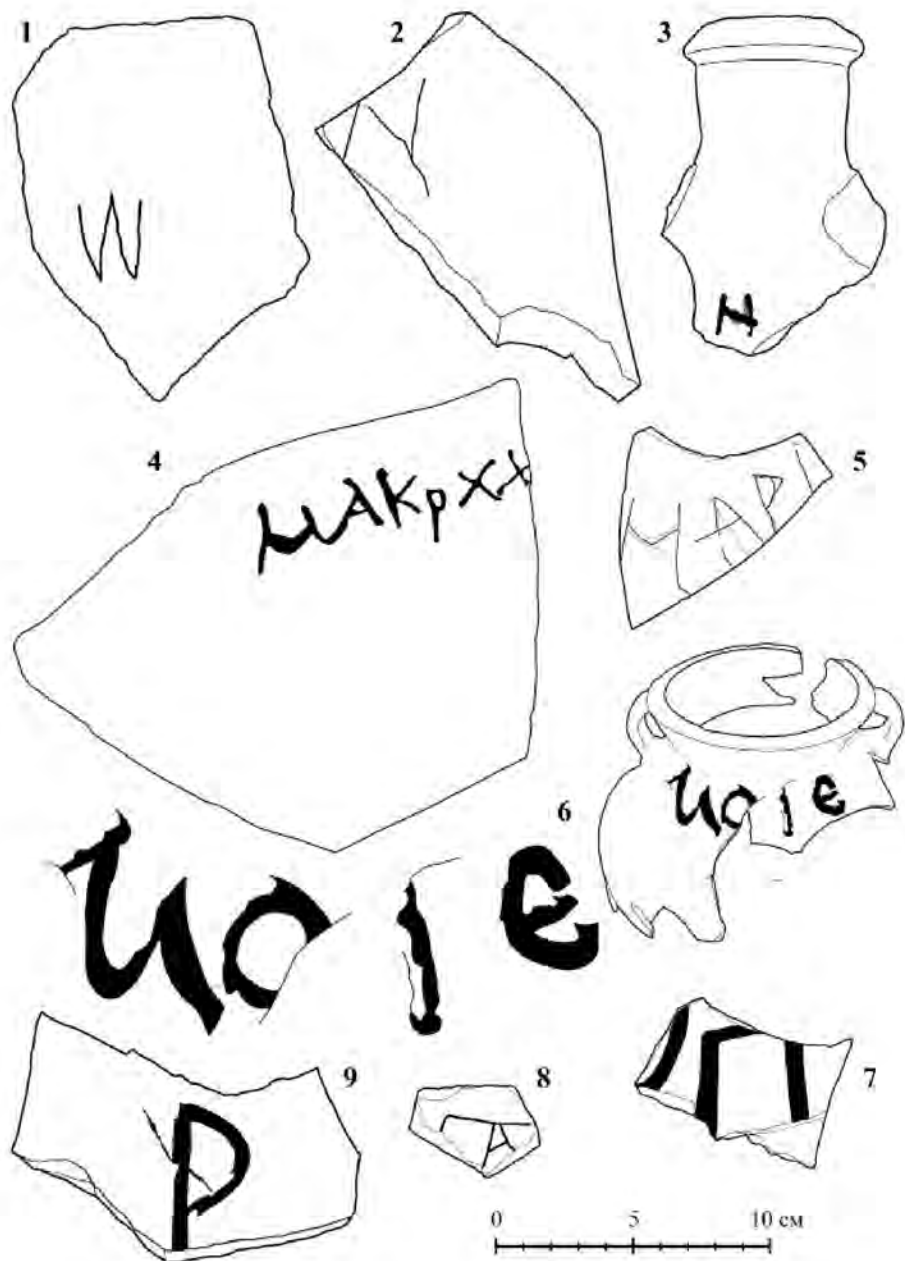

Рис. 27.

1 – О-2003, Р-25/638 (кат. № 211); 2 – О-2000, Р-25/73 (кат. № 212); 3 – О-2006, Р-25/329а (кат. № 213); 4 – О-82, Р-25/1252 (кат. № 214); 5 – О-95, Р-25/153 (кат. № 215); 6 – О-99, Р-25/3044, 3142, 3143 (кат. № 216); 7 – О-88, Р-25/142 (кат. № 217); 8 – О-99, Р-25/611 (кат. № 218); 9 – О-2003, Р-25/539 (кат. № 219).

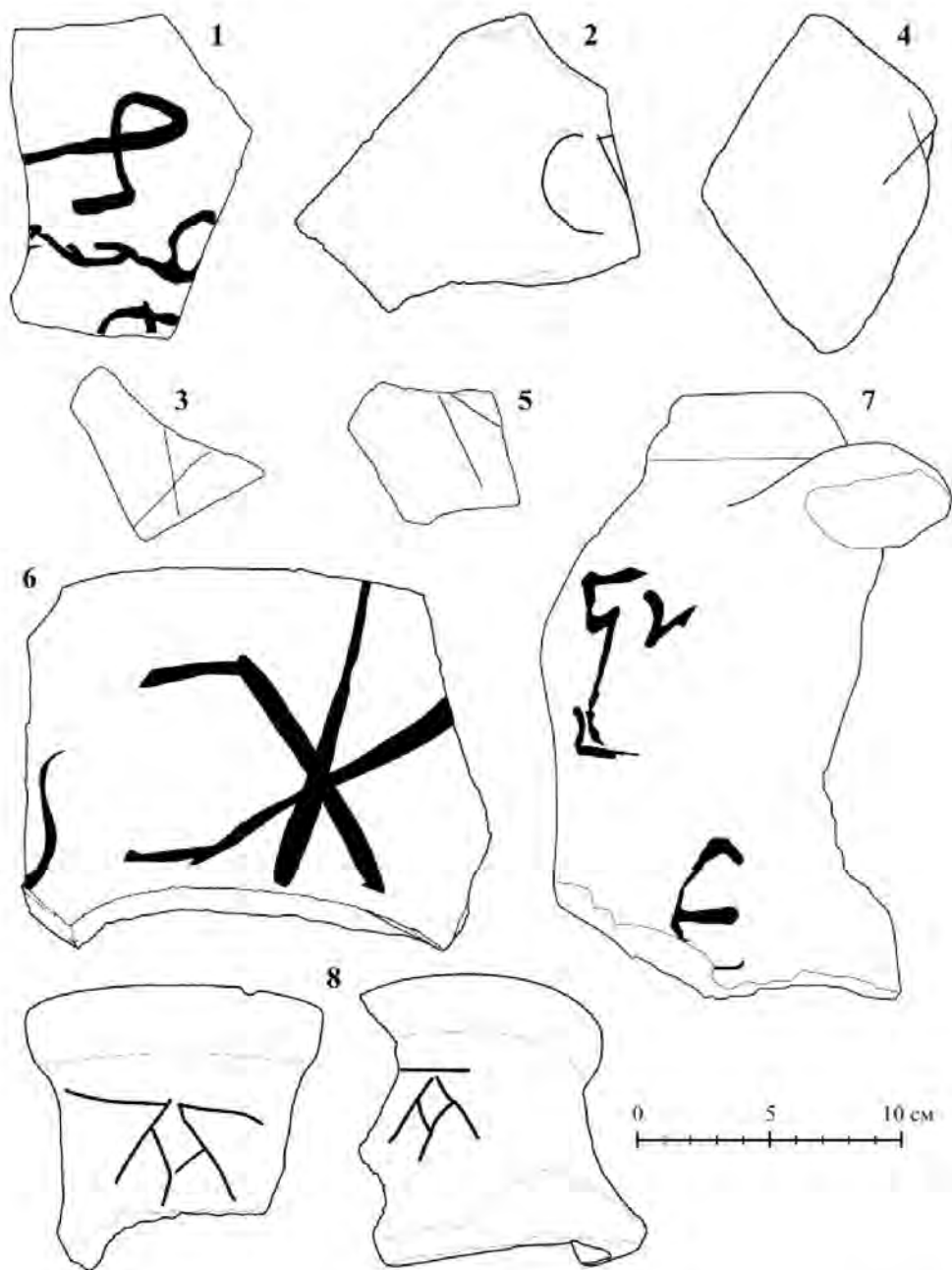

Рис. 28.

1 – О-2001, НГФ/1707 (кат. № 220); 2 – О-2000, Р-25/71 (кат. № 221); 3 – О-88, Р-25/145 (кат. № 222);
 4 – О-98, Р-25/2316 (кат. № 223); 5 – О-2007, Р-25/605 (кат. № 226); 6 – О-2003, Р-25/540 (кат. № 227);
 7 – О-82, Р-25/1258 (кат. № 228); 8 – О-2001, Клиф/490, 506 (кат. №№ 229, 230).

А. В. СМОКОТИНА

АМФОРЫ LR 1 НА БОСПОРЕ

Амфоры Late Roman 1 (LR 1) являются одними из наиболее широко распространенных в бассейне Средиземноморского и Черного морей [27, p. 212-216; 28, p. 120, fig. 14]. Их эволюция с конца IV до середины VII вв. была прослежена Д. Пьери, который на основании диаметра венчика и по форме тулова выделил два основных (LR 1A и 1B) и несколько производных вариантов таких амфор (переходные формы и маленькие модули) [24, p. 69-85, pl. 1-22]. LR 1A имеют тулово яйцевидной формы с «лестничными» желобками (так называемое рифление типа «набегающая волна» в отечественной историографии) и небольшим округлым выступом на дне. Венчик с внешним диаметром 5,0-7,5 см сформован в виде пояса или «манжета» высотой 1,0-2,5 см, узкое горло чаще всего слегка расширяется книзу. Д. Пьери датирует этот вариант концом IV – V вв. [24, p. 70-74, pl. 1-12, fig. 25]. У амфор LR 1B1 VI – середины VII вв. диаметр венчика увеличивается до 10,0-12,5 см, вместо пояса или «манжета» на горле появляется простое ребро, а тулово расширяется в придонной части [24, p. 75-76, pl. 15-18, 20].

В Крым амфоры LR 1 доставляются с конца IV – начала V вв. и вплоть до VII в. В настоящее время назрела необходимость обратить внимание работающих с крымским материалом исследователей на некоторое морфологическое сходство венчиков раннего узкогорлого варианта LR 1A [24, p. 70-74, pl. 1-12, fig. 25] с гераклеями амфорами типа E по Шелову [7, с. 19, рис. 9]. Оба типа принадлежат светлоглиняным амфорам и характерны для комплексов V в. Немногочисленность находок LR 1A в Крыму, наряду с недостаточным вниманием к глиняному тесту и примесям таких сосудов, в некоторых случаях приводит к неправильной интерпретации фрагментированных верхних частей LR 1A в качестве амфор типа E по Шелову.

Данная работа основана, главным образом, на материалах из недавних раскопок в Босфорском переулке г. Керчи (древние Пантикапей и Боспор), которые проводились экспедицией Крымского отделения Института востоковедения во

главе с А. И. Айбабиным в 2007-2009 гг.¹ (рис. 1,1; 2). В ходе трехлетних археологических исследований были открыты многочисленные комплексы римского и ранневизантийского времени. Их анализ позволил выявить новые для причерноморского региона типы сосудов и получить более детальную информацию о соотношении местных и импортных амфор в различные хронологические периоды.

LR 1 в комплексе рыбозасолочных цистерн на Боспоре

Одним из наиболее важных и информативных объектов исследований являлся большой рыбозасолочный комплекс, состоящий из 16 изученных цистерн. Он был построен в римский период, вероятно, до IV в. Затем в период с конца IV/начала V вв. и до второй четверти – середины VI в. цистерны постепенно прекращали использовать и засыпали. В результате изучения находок из их заполнения удалось получить новые данные о морфологической эволюции амфор LR 1 и об объемах их поставок на Боспор в разные хронологические периоды. Эти наблюдения подтверждаются также материалами из других синхронных комплексов на исследованном участке в Босфорском переулке г. Керчи.

Керамику из заполнения рыбозасолочных цистерн можно условно разделить на несколько хронологических периодов (табл. 1). Анализ комплексов показывает, что амфоры раннего варианта LR 1А по Д. Пьери [24, р. 70-74, pl. 1-12] импортировались в регион в небольшом количестве с конца IV или начала V вв. до первой четверти VI в. включительно. В этот период их количество иногда достигает 5%, но, в основном, составляет около 2-3% всех амфорных находок.

LR 1 в комплексах конца IV/начала V – первой половины V вв.

Предварительно установлено, что шесть рыбозасолочных цистерн (II-1, II-3, II-6, II-7, II-11 и II-12) были засыпаны в последней четверти/конце IV – первой половине V вв., при этом амфоры LR 1 были найдены только в четырех из них (II-6, II-7, II-11 и II-12) (табл. 1,1). Они представлены немногочисленными фрагментами стенок и несколькими обломками горл варианта LR 1А с венчиком в виде пояса диаметром около 6-7 см и датируются концом IV – V вв. (рис. 3,1-2) [24, р. 70]. Все находки этого типа фрагментированы, неповрежденные и археологически целые амфоры V в. раскопками в Босфорском переулке не выявлены.

1. (K09.356.29a). Рис. 3,1; 7,1.

Горло с венчиком диаметром ок. 6,4 см, с прилепом двух ручек (сколоты), фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (7.5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-7 (табл. 1,1).

2. (K09.282.48). Рис. 3,2; 7,2.

¹ Выражаю глубокую признательность А. И. Айбабину за возможность опубликовать найденный в ходе исследований керамический материал.

Венчик диаметром ок. 7,5 см, фрагмент. Глиняное тесто слегка пережженное, серое и красновато-желтое (5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-12 (табл. 1,1).

Материал из первой группы цистерн характеризуется преобладанием местных боспорских розовоглиняных и коричневоглиняных амфор, главным образом, типов Зеест 84 и Зеест 96-97, а также синопских амфор, в первую очередь, типа Зеест 100 [4, с. 116, 119-120; 19, р. 128-129, pl. 18,1-5]. Гераклейские амфоры типа Е по Шелову также являются одними из наиболее типичных находок в рассматриваемых комплексах [7, с. 19, рис. 9]. Понтийская продукция группы Pontic Red Slip (PRS) преобладает среди краснолаковой керамики. Она представлена формами второй половины IV – первой половины V вв. (PRS 1A, 1A/B, 2, 4), в то время как находки краснолаковых сосудов этого времени из североафриканского (African Red Slip – ARS) и фокейского (Late Roman C/Phocian Red Slip – LRC/PhRS) регионов были найдены только в единичных экземплярах [8, р. 422-428; 18, р. 13-299, 323-370].

LR 1 в комплексах около середины V в.

Следующие три цистерны (II-4, II-8A1, II-8A2), вероятно, были засыпаны немного позже, около середины V в., предположительно, во второй или, скорее, в третьей четверти V в. (табл. 1,2). Керамический комплекс из их заполнения характеризуется тем же набором амфорных типов, но с более значительной долей синопских амфор. Новая форма краснолаковых блюд PRS 7 впервые появляется в этих цистернах и указывает на формирование комплексов не ранее второй четверти – середины V в. [8, р. 427-428, fig. 13,575-577]. Керамика понтийского производства (PRS) в это время продолжала быть наиболее массовой группой краснолаковой посуды на Боспоре, вместе с тем, немного возросло количество находок сосудов LRC/PhRS.

Амфоры LR 1, найденные в комплексах около середины V в., также относятся к раннему варианту этих сосудов с венчиком диаметром около 6-7 см. У большинства из них край оформлен в виде пояса (рис. 3,3-6), однако теперь у некоторых амфор он становится слабо выраженным или почти исчезает (рис. 3,7-8).

3. (K09.312.45a). Рис. 3,3; 7,3.

Венчик диаметром ок. 6 см, фрагмент. Глиняное тесто желтоватого цвета (10 YR 7/6) со светло-красной сердцевиной (2.5 YR 7/6).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

4. (K09.311.26a1). Рис. 3,4.

Венчик диаметром ок. 6,5 см, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 7/6).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

5. (K09.311.26a2). Рис. 3,5; 7,5.

Венчик диаметром ок. 6,8 см, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (7.5 YR 8/6).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

6. (K09.312.4561). Рис. 3,6; 7,6.

Венчик диаметром ок. 7 см, с пальцевым вдавлением на месте прилепа ручки (сколота), восстановлен из двух фрагментов. Глиняное тесто розовое (7.5 YR 8/4).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

7. (K09.312.4562). Рис. 3,7.

Венчик диаметром ок. 7,5 см с прилепом ручки, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

8. (K09.311.26a3). Рис. 3,8; 7,8.

Венчик диаметром ок. 8 см, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

9. (K09.312.45). Рис. 3,9.

Стенка 7,0x8,0 см со следами смоления на внутренней поверхности, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/8).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

10. (K09.311.266). Рис. 3,10.

Ручка 3,2x2,8 см, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (7.5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

11. (K09.312.4561). Рис. 3,11.

Ручка 3,4x2,4 см, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6) со светло-коричневой сердцевинной (7.5 YR 6/4), немного более светлое у поверхности.

Керчь-2009, цистерна II-4 (табл. 1,2).

12. (K09.291.34). Рис. 3,12.

Ручка 3,3x2,9 см, фрагмент. Глиняное тесто желтоватое (10 YR 7/6) с красно-желтой сердцевинной (5 YR 7/6).

Керчь-2009, цистерна II-8A2 (табл. 1,2).

LR 1 в комплексах конца V – первой четверти VI вв.

Венчик некоторых амфор LR 1A из заполнения цистерн, засыпанных с конца V до первой четверти VI вв., также не выделен, пояс или «манжет» отсутствует (рис. 4,15). Вероятно, две рыбозасолочные цистерны (II-2, II-9) прекратили использовать в этот период. Количество амфор LR 1 в комплексах остается незначительным: 2,6% и 3,2% (табл. 1,3), в то время как доля синопского импорта существенно уменьшается. Как и прежде, посуда понтийского производства составляет около половины всей краснолаковой керамики. Импорт LRC/PhRS немного увеличивается, на Боспор доставляются новые формы сосудов, изготовленные в фокейском регионе: PhRS/LRC 3 ранние, 3E и 5 по Дж. Хейсу [18, р. 329-339].

13. (K09.305.15.1). Рис. 4,13; 7,13.

Венчик диаметром ок. 7,5, с прилепом ручки (сколота) с пальцевым вдавлением, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 7/6).

Керчь-2009, цистерна II-9 (табл. 1,3).

14. (K09.305.15.2). Рис. 4,14; 7,14.

Венчик диаметром ок. 6-7 см, с прилепом ручки (сколота), фрагмент. Глиняное тесто розовое (7.5 YR 7/4).

Керчь-2009, цистерна II-9 (табл. 1,3).

15. (K09.305.16a). Рис. 4,15.

Горло с дипинти красной краской, с венчиком диаметром 7,3 см и прилепом ручки, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное.

Керчь-2009, цистерна II-9 (табл. 1,3).

16. (K09.354.2161). Рис. 4,16.

Стенка 7,2x5,1 см, с дипинти красной краской на плечиках, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное.

Керчь-2009, цистерна II-2 (табл. 1,3).

17. (K09.354.2162). Рис. 4,17.

Стенка 6,6x7,8 см, с дипинти красной краской на плечиках, восстановлена из двух фрагментов. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-2 (табл. 1,3).

LR 1 в комплексах второй четверти – середины VI в.

Импорт амфор LR 1 на Боспор заметно увеличивается со второй четверти VI в., иногда их доля в некоторых комплексах достигает 20-25%. LR 1 составляют около 12-13% всех амфорных находок в заполнении пяти наиболее поздних рыбозасолочных цистерн в г. Керчи (II-5, II-10A1, II-10A2, II-10B1, II-10B2) с засыпью второй четверти – середины VI в. (табл. 1,4). Со второй четверти VI в. они становятся третьими по количеству находок сосудами после критских и понтийских амфор (Зеест 99/TRC 4 и Антонова 5) [4, с. 120; 26, р. 306-307; 2, с. 85], которые начинают доминировать на Боспоре в комплексах этого времени. Тем не менее, необходимо отметить, что иногда количество LR 1 в некоторых керченских комплексах со специфическими особенностями формирования может оставаться относительно незначительным, как это наблюдалось, например, в единовременной засыпи ямы № 3 второй половины – конца VI в. [6, табл. 2,5]. Со второй четверти VI в. возрастают также поставки на Боспор краснолаковой керамики группы LRC/PhRS, главным образом, наиболее популярных мисок форм 3F и 3G по Дж. Хейсу [18, р. 333-338]. Посуда этой группы в рассматриваемых комплексах составляет более половины всей краснолаковой керамики, в то время как понтийские сосуды PRS, вероятно, присутствуют уже только в качестве примеси материала более раннего времени.

Основная часть амфор LR 1 из боспорских комплексов второй четверти – второй половины VI в. относится к позднему варианту LR 1B1 по Д. Пьери [24, р. 75-76, pl. 15-18; 20]. Они характеризуются отогнутым наружу венчиком диаметром около 10-12 см, часто с ребром на горле (рис. 5,24-27). В то же время не-

которые целые и фрагментированные амфоры с более узким горлом и диаметром венчика около 8-9 см также хорошо известны в комплексах этого периода (рис. 4,18; 5,19-23). Очевидно, они относятся к ранним сериям LR 1B, которые производились с первой половины VI в., или принадлежат переходным вариантам LR 1A конца V – начала VI вв. [24, р. 72, 75-76, pl. 13-20]. Большое разнообразие размеров горла LR 1 может объясняться также изготовлением этих амфор в разных производственных центрах. По наблюдениям Д. Ф. Вильямса², в глиняном тесте одной из найденных в Керчи амфор с диаметром венчика около 9 см (рис. 5,21; 7,21) не содержится включений серпентина, характерных для основного региона производства LR 1 в районе Киликии и Кипра (см. Приложение). В то же время некоторые кипрские мастерские, по всей видимости, продолжали изготавливать амфоры LR 1 с венчиками диаметром около 8-9 см даже во второй половине – конце VI в. [12, р. 549-550].

18. (K08.97.34a). Рис. 4,18.

Археологически целая амфора с венчиком диаметром ок. 8 см, высотой ок. 47 см, с наибольшим диаметром тулова ок. 23,7 см, с дипинти красной краской на плечиках и под ручкой, восстановлена из 11 фрагментов. Глиняное тесто красновато-желтое.

Керчь-2008, яма 20, около середины VI в.

19. (K09.258.27a). Рис. 5,19.

Венчик диаметром ок. 8 см, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6), немного более светлое у поверхности.

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

20. (K09.267.19). Рис. 5,20; 7,20.

Горло со слегка деформированным венчиком диаметром ок. 7,8-8,6 см, с прилепом двух ручек (сколоты), фрагмент. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6) с розовой сердцевинной (7.5 YR 7/4).

Керчь-2009, цистерна II-10A (табл. 1,4).

21. (K09.258.2762). Рис. 5,21; 7,21.

Венчик диаметром ок. 9 см, фрагмент. Глиняное тесто светлое красновато-коричневое (2.5 YR 7/4).

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

22. (K09.258.2761). Рис. 5,22; 7,22.

Венчик диаметром ок. 8 см, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

23. (K09.168.104a). Рис. 5,23.

² Благодарю Д. Ф. Вильямса за помощь в подготовке данной статьи. Исследователем был выполнен петрографический анализ фрагмента одной из найденных в Керчи амфор LR 1 и сделаны выводы о возможном районе ее производства.

Венчик диаметром ок. 7,7 см, фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-5 (табл. 1,4).

24. (K07.168.38a). Рис. 5,24; 7,24.

Венчик диаметром ок. 11 см, с прилепом ручки (сколота), фрагмент. Глиняное тесто светло-коричневое (10 YR 7/3).

Керчь-2007, цистерна II-5 (табл. 1,4).

25. (K09.258.27в2). Рис. 5,25; 7,25.

Венчик диаметром ок. 11 см, с прилепом ручки (сколота), фрагмент. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8) с розовой сердцевинкой (7.5 YR 7/4).

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

26. (K09.258.27в1). Рис. 5,26; 7,26.

Венчик диаметром ок. 9-10 см, с прилепом ручки, восстановлен из двух фрагментов. Глиняное тесто красновато-желтое (7.5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

27. (K09.258.27в4). Рис. 5,27; 7,27.

Венчик диаметром ок. 11-12 см, с прилепом ручки (сколота), фрагмент. Глиняное тесто красновато-желтое (5 YR 6/6) с более светлой сердцевинкой (7.5 YR 6/6).

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

28. (K09.258.27е1). Рис. 5,28.

Стенки 10,3х5,2 см, с дипинти красной краской, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное.

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

29. (K09.258.27г1). Рис. 5,29.

Ручка 3,4х2,5 см, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное.

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

30. (K09.258.27г3). Рис. 5,30.

Ручка 3,0х2,6 см, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное.

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

31. (K09.258.27ж). Рис. 5,31.

Дно, фрагмент. Глиняное тесто светлое красновато-желтое.

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение (табл. 1,4).

Амфоры LR 1 попадали в комплексы Босфорского переулка г. Керчи до конца VI в. К началу VII в. исследованный участок города был заброшен и стал использоваться для захоронений [1, с. 6]. Таким образом, мы не можем судить об особенностях импорта LR 1 на Боспор в VII в. на основании раскопок 2007-2009 гг. Тем не менее, очевидно, что амфоры LR 1 продолжали поставляться в регион и в первой половине VII в., что подтверждается находками таких сосудов в других районах города и в некоторых близлежащих боспорских городах [5, рис. 50].

Вопросы производства и продукция, перевозившаяся в амфорах LR 1 (fabric, origin and content)

Главными производственными центрами амфор LR 1 были Киликия на юге Малой Азии и, вероятно, Кипр. Кроме того, они предположительно производились также на острове Родос и в некоторых других производственных центрах региона [14, p. 236-243; 21, p. 245-249; 12, p. 549-553; 13, p. 291-293; 24, p. 80, fig. 38; 11, p. 690; 9, p. 203-207]. Различных оттенков красноватое и желтоватое глиняное тесто найденных в Керчи амфор (2.5 YR 6/6;6/8;8/3;8/4; 5 YR 6/6;6/8;7/6; 7.5 YR 6/4;6/6;7/4;8/4;8/6; 10 YR 7/6;8/4) достаточно плотное и песчанистое, с визуальными различиями включениями известняка, песка, иногда пироксена, а также неопределенных темных минеральных частиц (рис. 7,1-3,5,6,8,13,14,20-22,24-27,38). Очевидно, они были изготовлены в различных мастерских, но геологическое сходство глины главных производственных центров этих амфор в районе Киликии и на Кипре сильно затрудняет их более точную локализацию [30, p. 162-167]. Более того, выполненный Д. Ф. Вильямсом петрологический анализ фрагмента одной из найденных в Керчи амфор LR 1 (рис. 5,21; 7,21) указывает на ее изготовление за пределами главного производственного региона (см. Приложение), однако выделять такие сосуды на основании только визуального осмотра пока не представляется возможным.

Амфоры LR 1 использовались, главным образом, для транспортировки вина. Это косвенно подтверждается многочисленными находками в различных средиземноморских центрах сосудов с сохранившимся смолением на внутренней поверхности стенок [24, p. 81-85; 16, p. 184]. На винное содержимое указывают также редкие керченские находки LR 1 со следами смоления. В то же время они сохранились только на одном фрагменте стенки LR 1 из более четырехсот черепков, которые были найдены в заполнении боспорских рыбозасолочных цистерн (рис. 3,9). Вероятно, это было вызвано, в первую очередь, условиями хранения керамики в земле. На абсолютном большинстве амфор из раскопок в Босфорском переулке г. Керчи не сохранились следы смоления, вне зависимости от их главного содержимого или производственного центра.

Понтийская имитация LR 1

Товары из Киликии были хорошо известны и широко распространены в различных частях средиземноморского и понтийского регионов. Очевидно, по этой причине имитации амфор LR 1, использовавшихся для транспортировки этих товаров, были зафиксированы в Северной Африке, Египте и Синопе в комплексах, главным образом, начиная с VI в. [17, p. 68, fig. 16; 25, p. 615]. По всей видимости, еще один вариант амфор, копировавший LR 1, удалось выявить в бассейне Черного моря. Некоторые редкие фрагменты ручек и стенок сосудов, изготовленные из близкого понтийским амфорам типа 5 по Антоновой глиняного теста и имитирующие форму LR 1 (рис. 6,34), были найдены на Боспоре в комплексах не ранее второй

четверти VI в. Фрагмент подобной ручки был также обнаружен на Мангупе в слое второй – третьей четверти VI в.³ (рис. 1,4). Они относятся к импортной продукции и, предположительно, были изготовлены в причерноморском регионе, возможно, в северной части Малой Азии. Аналогичные амфоры намного чаще встречаются в комплексах VI в. в Помпеиополисе (рис. 1,5), где была восстановлена форма их горла и венчика (рис. 6,32,33)⁴. Такие сосуды были изготовлены из глиняного теста красного цвета с видимыми включениями известняка, песка и железистых частиц (рис. 7,32) и покрыты светлым ангобом, предположительно, для приобретения большего сходства с LR 1.

32. (P12.O5.85). Рис. 6,32; 7,32.

Венчик диаметром около 7 см, с прилепом ручки, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/8), сосуд частично покрыт светлым ангобом.

Помпеиополис-2012, контекст конца V – VI вв.

33. (P12.O1.206). Рис. 6,33.

Венчик с ручкой, деформирован в результате пребывания в огне (брак?), фрагмент. Глиняное тесто пережженное, темное, красновато-коричневое (2.5 YR 3/4), сосуд частично покрыт светлым ангобом.

Помпеиополис-2012, комплекс второй четверти VI в. (+?).

34. (K08.92.23). Рис. 6,34.

Стенка с ручкой, фрагмент. Глиняное тесто красное (2.5 YR 5/8), сосуд покрыт светлым ангобом.

Керчь-2008, яма 19, засыпь второй четверти VI в.

Варианты LR 1 с воронковидным горлом

Глиняное тесто LR 1 использовалось также для производства некоторых других нестандартных форм амфор. Начиная с V в., в Керчи встречаются находки фрагментов сосудов с воронковидным горлом и утолщенным венчиком диаметром около 9,2-12,0 см, которые, предположительно, копировали верхнюю часть амфор LR 2, но при этом были изготовлены из стандартного глиняного теста LR 1 (рис. 6,38-40; 7,38). Два фрагмента таких амфор были найдены в слое с материалом IV – начала V вв. на варварском поселении Нейзац около Симферополя (рис. 1,3; 6,36,37) [3, с. 188, рис. 21,5-6]. Горло однотипной амфоры обнаружено также в Гермонассе

³ Анализ керамики из некоторых комплексов Мангупа V-VI вв. выполнен автором в рамках подготовки к печати совместной статьи, посвященной результатам археологических исследований IV-го горизонта застройки в районе церкви св. Константина (Мангуп), проводившихся экспедицией Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь) под руководством А. Г. Герцена.

⁴ Мои наблюдения во время работы в 2013 г. с керамическим материалом из раскопок Помпеиополиса археологической экспедицией Мюнхенского университета под руководством Л. Саммерер.

в заполнении ямы с материалом первой половины VI в. (рис. 1,2; 6,35)⁵. Возможно, такая морфология горла и венчика могла быть характерна для редких вариантов амфор LR 1, производившихся в некоторых отдельных мастерских. Например, аналогичные амфорные горла диаметром около 10-11 см, но, к сожалению, без детальной прорисовки профилей, были опубликованы среди продукции V в. из производственного центра LR 1 в Элеусса Себаста (Elaiussa Sebaste) в Киликии [15, 818, fig. 5,22-23]. Отметим также некоторое сходство рассматриваемых сосудов, в первую очередь, амфоры с небольшим ребром на горле из заполнения керченской рибзасолочной цистерны II-10 (рис. 6,38; табл. 1,4), с амфорами варианта LR 1B2 по Д. Пьери, которые встречались в комплексах Марселя конца VI – начала VII вв. [10, p. 108, fig. 6,47,48; 24, p. 76, pl. 19], были найдены в Таррагоне [20, p. 269, fig. 117,7; 118,7] и Египте [16, p. 211, fig. 26,1-4; 24, p. 76].

35. (H13.117.12). Рис. 6,35.

Горло с венчиком диаметром ок. 9,2 см, с прилепом ручки, фрагмент. Глиняное тесто розовое (7.5 YR 8/4).

Гермонасса-2013, яма 31 с материалом первой половины VI в.

36. (N03.21/5). Рис. 6,36.

Венчик диаметром ок. 11 см, фрагмент. Глиняное тесто светло-коричневое (10 YR 8/3).

Нейзац-2003, слой IV – начала V вв.

37. (N03.21/6). Рис. 6,37.

Венчик диаметром ок. 11 см, фрагмент. Глиняное тесто розовое (2.5 YR 8/4).

Нейзац-2003, слой IV – начала V вв.

38. (K09.258.27в3). Рис. 6,38; 7,38.

Горло с венчиком диаметром ок. 10 см, с прилепом ручки (сколота), фрагмент. Глиняное тесто розовое (5 YR 7/4) и светло-красное (2.5 YR 6/6) к внешней поверхности.

Керчь-2009, цистерна II-10, верхнее заполнение, вторая четверть – середина VI в. (табл. 1,4).

39. (K08.109.30). Рис. 6,39.

Венчик диаметром ок. 12 см, фрагмент. Глиняное тесто розовое (7.5 YR 8/3).

Керчь-2008, строительный комплекс IV (СК-IV), двор. Коричневый суглинок под вымосткой, середина – третья четверть V в.

40. (K08.109.29). Рис. 6,40.

Венчик диаметром ок. 11 см, фрагмент. Глиняное тесто светло-красное (2.5 YR 6/6).

Керчь-2008, строительный комплекс IV (СК-IV), двор. Коричневый суглинок под вымосткой, середина – третья четверть V в.

⁵ Археологические исследования в Гермонассе-Тмутаракани проводятся экспедицией Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва) под руководством Т. А. Ильиной, которой я благодарна за возможность использовать в своей работе материал из неопубликованных раскопок.

* * *

Таким образом, хронологические и количественные особенности импорта LR 1, наряду с существенным увеличением поставок этих амфор на Боспор, начиная со второй – третьей четверти VI в., указывают на хорошую интегрированность боспорского региона в широкую восточно-средиземноморскую и понтийскую торговлю. Очевидно, эти амфоры доставлялись на Боспор морским путем и, по крайней мере, один из торговых маршрутов проходил через Синоп, о чем свидетельствуют недавние совместные находки LR 1В и синопских “cattot” амфор в кораблекрушениях близ Синопы и южного побережья Крыма [29, p. 192, 194-195, fig. 2; 22, p. 160-166, fig. 2-5; 23, p. 209, fig. 1].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И., Смокотина А. В., Хайрединова Э. А. Некоторые итоги раскопок ранне-средневековой Керчи в 2007 г. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Militaria. Керчь, 2008.
2. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
3. Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
4. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
5. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Археологические комплексы VIII-IX вв. // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. Suppl. 5.
6. Смокотина А. В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
7. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156.
8. Arsen'eva T. M., Domžalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8.
9. Autret C., Yağci R., Rauh N. K. A LR 1 amphora Kiln Site at Soli-Pompeiopolis // Anadolu Akdenizi Arkeoloji Haberleri. News of Archaeology from Anatolia's Mediterranean Areas. Antalya, 2010. 8.
10. Bonifay M., Pieri D. Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu // JRA. 1995. Vol. 8.
11. Burrigato F., Di Nezza M., Ferrazzoli A. F., Ricci M. Late Roman 1 amphora types produced at Elaiussa Sebaste // BAR S1662(II). LRCW 2. Oxford, 2007. Vol. II.
12. Demesticha S. The Paphos kiln: manufacturing techniques of LR1 amphoras // RCRF Acta. 2000. 36.
13. Demesticha S., Michaelides D. The Excavation of a Late Roman 1 Amphora Kiln in Paphos // La céramique Byzantine et proto-islamique en Syrie-Jordanie (IVe-VIIIe siècles apr. J.-C.). T. 159. Beyrouth, 2001.
14. Empereur J.-Y., Picon M. Les régions de production d'amphores impériales en Méditerranée orientale // Anfore romane e storia economica: un decennio di ricerca. Roma, 1989.
15. Ferrazzoli A. F., Ricci M. Un centro di produzione delle amfore LR 1: Elaiussa Sebaste in Cilicia // BAR IS2185(I). LRCW 3. Oxford, 2010. Vol. II.
16. Fournet J.-L., Pieri D. Les dipinti amphoriques d'Antinoopolis // Antinoopolis I: Scavi e materiali. Firenze, 2008.

17. *Ghaly H.* Pottery Workshop of Saint-Jeremia (Saqqara) // *Cahiers de la Céramique Egyptienne.* 1992. 3.
18. *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. London, 1972.
19. *Kassab Tezgör D.* Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // *Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope.* Paris, 2010.
20. *Keay S. J.* Late roman amphorae in the Western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence // *BAR IS 196.* Oxford, 1984.
21. *Manning S. W., Monks S. J., Sewell D. A., Demesticha S.* Late Roman type 1a amphora production at the Late Roman site of Zygi-Petrini, Cyprus // *Report of the Department of Antiquities Cyprus.* 2000.
22. *Morozova I. I.* Medieval Maritime Traffic and Amphorae Distribution along the Northern Coast of the Black Sea // *Actas del VIII Congreso Internacional de Cerámica. Medieval en el Mediterráneo.* Ciudad Real, 2009. Tomo I.
23. *Morozova I. I., Albertson J. A.* Byzantine shipwrecks explored by the centre for underwater archaeology in the Black sea // *1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття).* Київ, 2012.
24. *Pieri D.* Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve-VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
25. *Pieri D.* Les centres de production d'amphores en Méditerranée orientale Durant l'antiquité tardive: quelques remarques // *BAR S1662(II).* LRCW 2. Oxford, 2007. Vol. II.
26. *Portale E. C., Romeo I.* Contenitori da Trasporto // *Gortina V.3. Lo scavo del pretorio (1989-1995).* Padova, 2001. Vol. V.3, t. I.
27. *Riley J. A.* The Coarse Pottery from Berenice // *Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice).* Economic life at Berenice. Tripoli, 1979. Vol. II.
28. *Riley J. A.* The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2 and 1977.3 // *Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan.* Ann Arbor, 1981. Vol. VI.
29. *Ward C.* Four Ships of Late Antiquity in the Black Sea // *Ancient civilizations from Scythia to Siberia.* Leiden, 2011. Vol. 16.
30. *Williams D.* Late Roman amphora 1: a study of diversification // *Trade Relations in the Eastern Mediterranean from the Late Hellenistic Period to Late Antiquity: The Ceramic Evidence.* Odense, 2005.

Смокотина А. В.

Амфоры LR 1 на Боспоре

Резюме

Работа основана, главным образом, на материалах раскопок в Босфорском переулке г. Керчи, которые проводились экспедицией Крымского отделения Института востоковедения во главе с А. И. Айбабиным в 2007-2009 гг. В ходе трехлетних археологических исследований были открыты многочисленные комплексы римского и ранневизантийского времени, анализ которых позволил выявить новые для причерноморского региона типы сосудов и получить более детальную информацию о соотношении местных и импортных амфор в различные хронологические периоды.

Амфоры LR 1А импортировались в регион в небольшом количестве с конца IV / начала V вв. до первой четверти VI в. В этот период их количество иногда достигает 5%, но, в основном, составляет около 2-3% всех амфорных находок. Импорт амфор LR 1B на Боспор заметно увеличивается со второй четверти VI в., в некоторых комплексах их доля иногда достигает 20-25%. LR 1 составляют около 12-13% всех амфорных находок в заполнении пяти

наиболее поздних рыбозасолочных цистерн в г. Керчи с засыпью второй четверти – середины VI в. (табл. 1,4). Со второй четверти VI в. они становятся третьими по количеству находок сосудами после критских и понтийских амфор (Зеест 99/TRC 4 и Антонова 5), которые начинают доминировать на Боспоре в комплексах этого времени.

В ходе работы впервые были выделены фрагменты понтийских амфор, имитировавших форму LR 1 и изготовленных из глиняного теста, характерного для понтийских амфор Антонова 5. Они были найдены на Боспоре в комплексах не ранее второй четверти VI в., а также в синхронных комплексах Мангупа (Крым) и Помпеиполиса (Турция) (рис. 6,32-34; 7,32). Глиняное тесто LR 1 также использовалось для производства некоторых других нестандартных форм амфор. Начиная с V в., в Керчи встречаются находки фрагментов сосудов с воронковидным горлом и утолщенным венчиком диаметром около 9,2-12,0 см, которые, предположительно, копировали верхнюю часть амфор LR 2, но при этом были изготовлены из стандартного глиняного теста LR 1 (рис. 6,38-40; 7,38). Фрагменты таких амфор были обнаружены также в Нейзаце (Крым) и Гермонассе (Таманский п-ов) (рис. 6,35-37).

Smokotina A. V.

Amphorae LR 1 in Bosporus

Summary

The work is mainly based on the materials of the excavation in Bosporus lane in the city of Kerch, which were undertaken by the expedition of the Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies headed by A. I. Aibabin, in 2007-2009. In the course of the research numerous complexes dating back to the Roman and Early Byzantine periods were revealed; their analysis enabled us to discover different types of vessels which appeared to be new for the Black Sea region and obtain more detailed information about correlation between local and imported amphorae in various chronological periods.

Amphorae LR 1 were imported to the region in small quantities from the end of the 4th – the beginning of the 5th centuries to the first quarter of the 6th centuries. In this period their quantity sometimes reaches 5% but mainly, it is about 2-3% out of all finds of amphorae. Import of LR 1B amphorae to Bosporus substantially increased beginning with the second quarter of the 6th century; in some complexes their share is up to 20-25%. The share of LR 1 is approximately 12-13% of all amphorae finds in the filling of five the latest fish salting cisterns in the city of Kerch filled up in the second quarter – mid-6th century (table 1,4). Since the second half of the 6th century they became the third in quantity of finds of vessels after amphorae from Crete and Pontus (Zeeest 99/TRC 4 and Antonova 5), which started to dominate over those from complexes dating back to that period.

In the course of work, fragments of Pontus amphorae which imitated the form of LR 1 and those manufactured from clay paste characteristic for Pontus amphorae of Antonova 5 were discovered for the first time. They were found in Bosporus in complexes dated back to not earlier than the second quarter of the 6th century and in synchronous complexes of Mangup (Crimea) and Pompeinopolis (Turkey) (Fig. 6,32-34; 7,32). Clay paste of LR 1 was also used for manufacturing some other nonstandard forms of amphorae. Beginning with the 5th century, in Kerch there are finds of fragments of vessels with a funnel-shaped neck and thickened rim with the diameter of about 9.2-12.0cm; they probably imitated the upper part of LR 2 amphorae but were manufactured from standard clay paste of LR 1 (Fig. 6,38-40; 7,38). Fragments of such amphorae were found in Neizats (Crimea) and Hermonasa (Taman peninsula) (Fig. 6,35-37).

Таблица 1. Амфоры LR 1 из комплекса рыбозасоляющих цистерн в Керчи

№	Предварительная дата	Цистерны	LR 1 (фр.)	LR 1 (%)	LR 1 (№№ кат.)
1	Конец IV / начало V – первая половина V вв.	II-1	–	–	–
		II-3	–	–	–
		II-6	1	0,4	–
		II-7	7	1,5	1
		II-11	6	2,1	–
		II-12	11	3,1	2
2	Около середины V в. (третья четверть?)	II-4	23	3,5	3-11
		II-8A1	10	2,5	–
		II-8A2			12
3	Конец V – первая четверть VI вв.	II-2	16	2,6	16, 17
		II-9	33	3,2	13-15
4	Вторая четверть – середина VI в.	II-5	109	12,9	23, 24
		II-10 (A1; A2; B1; B2)	220	12,3	19-22, 25-31, 38

Приложение

Cat. no. 21 (K09.258.2762). Рис. 5,21; 7,21.

Fairly hard, gritty fabric, slight reddish-buff in colour throughout [Munsell 7.5YR 7/4]. There are small pieces of limestone, together with limestone voids, which are visible in the hand-specimen and are scattered throughout the sherd. Thin sectioning and study under the petrological microscope shows a lime-rich clay matrix containing small pieces of cryptocrystalline limestone and voids with reaction rims which once held limestone. Also present in the clay matrix are a scatter of quartz grains, a few discrete grains of plagioclase feldspar, one or two grains of pyroxene and some chert, together with small fragments of volcanic rock and iron oxide.

There are fabric similarities with LR1 in that there is a lime-rich clay matrix which contains grains of pyroxene and small pieces of volcanic rock. However, LR1 from two principal production areas of Cyprus and around the Gulf of Alexandretta, Turkey, also contain fairly frequent pieces of serpentine, which the Kerch sample noticeably lacks. We are becoming increasingly aware that LR1 amphorae were made in a number of widely dispersed kilns and so it may be possible that this sample was made at a site outside of the main production areas.

[D. F. Williams, University of Southampton]

Рис. 1. Восточное Средиземноморье и Причерноморье с упоминаемыми в тексте городами и поселениями: Керчь (др. Боспор) (1); Гермонасса-Тмутаракань (2); Нейзац (3); Мангуп (4); Помпеиополис (5).

Рис. 2. Керчь: раскопки в Босфорском переулке, 2007-2009 гг. (1).

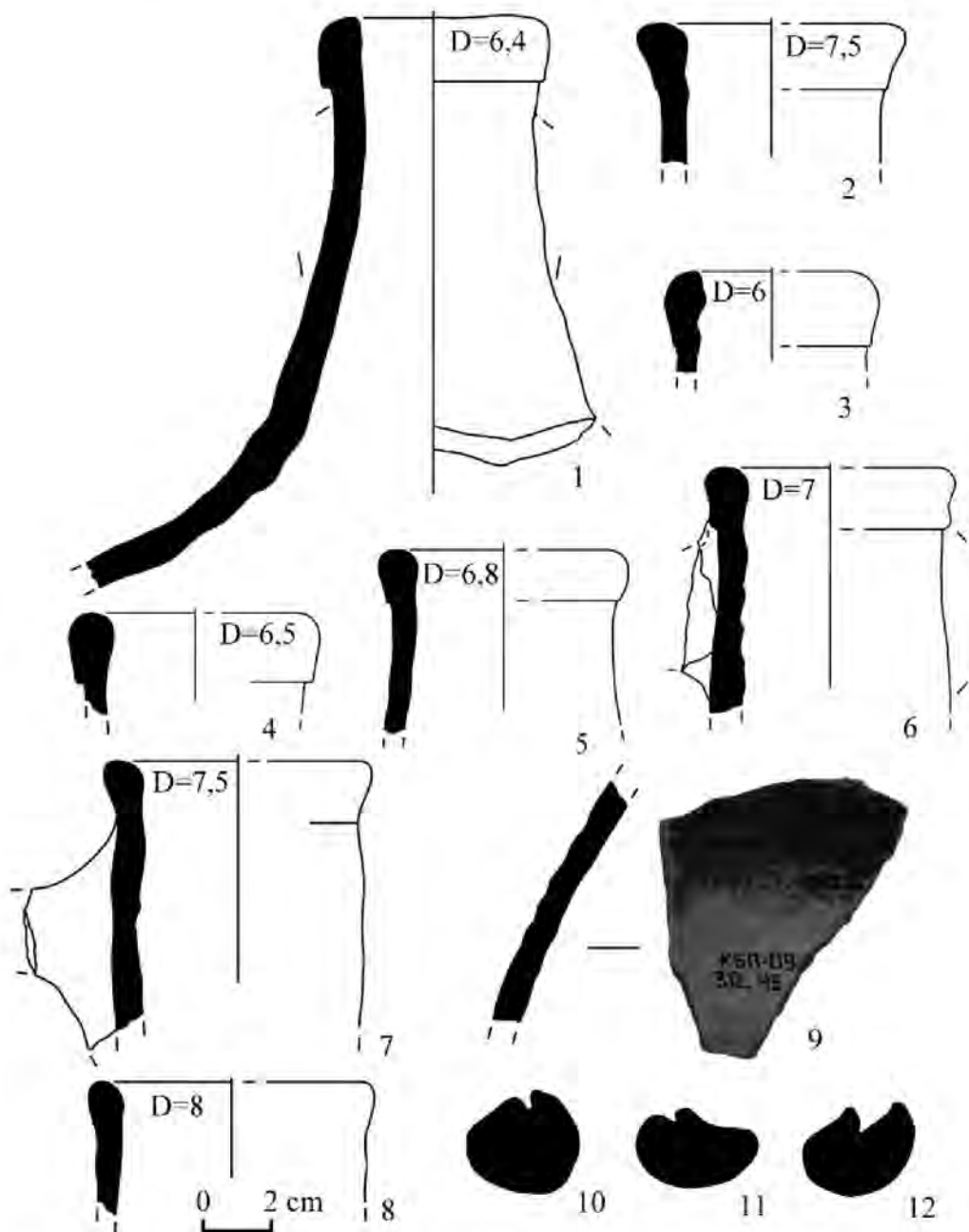

Рис. 3. LR 1 из Керчи:

цистерна П-7 (1); цистерна П-12 (2); цистерна П-4 (3-11); цистерна П-8А2 (12).

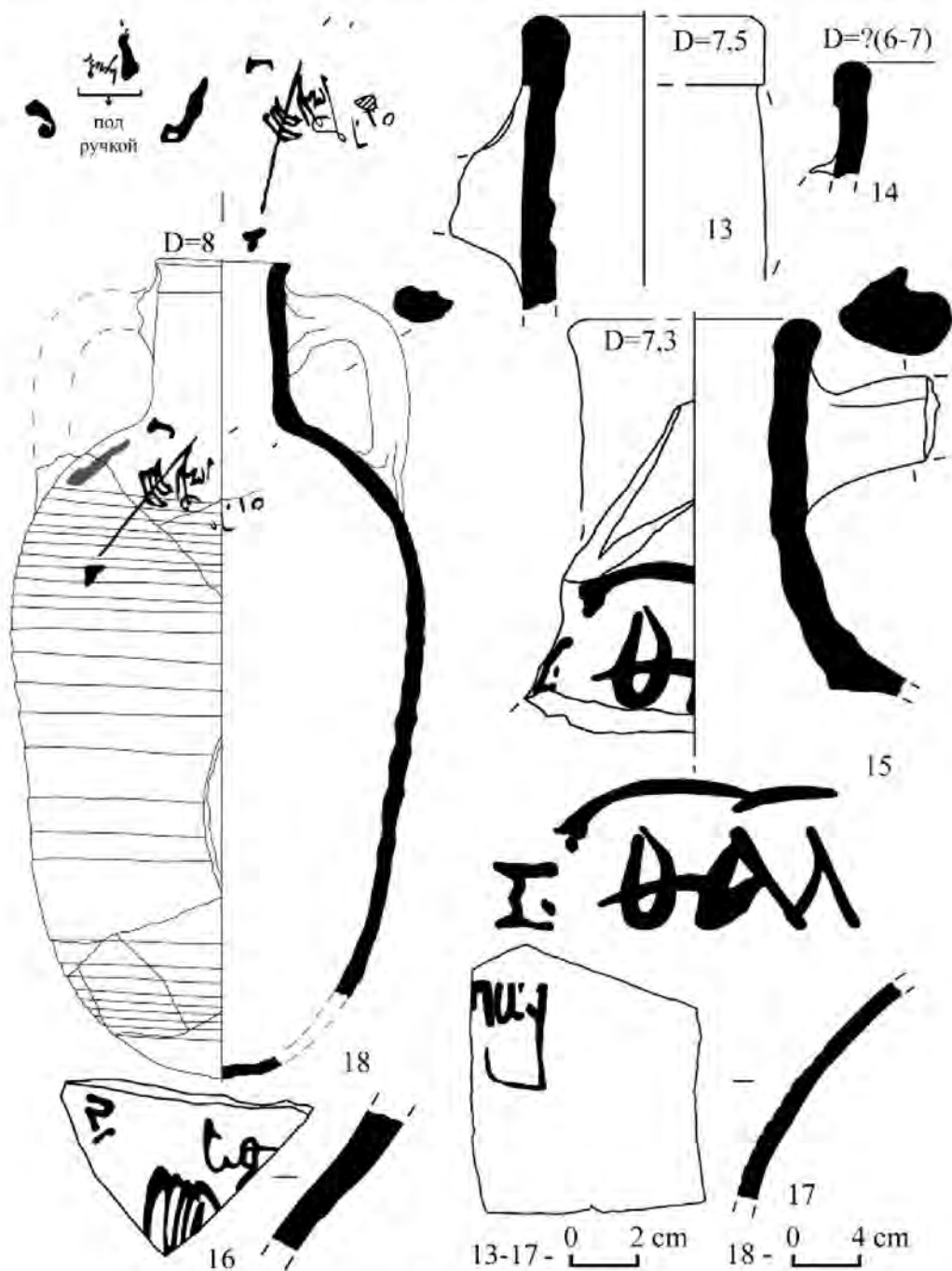

Рис. 4. LR 1 из Керчи:

цистерна П-9 (13-15); цистерна П-2 (16, 17); яма 20 (18).

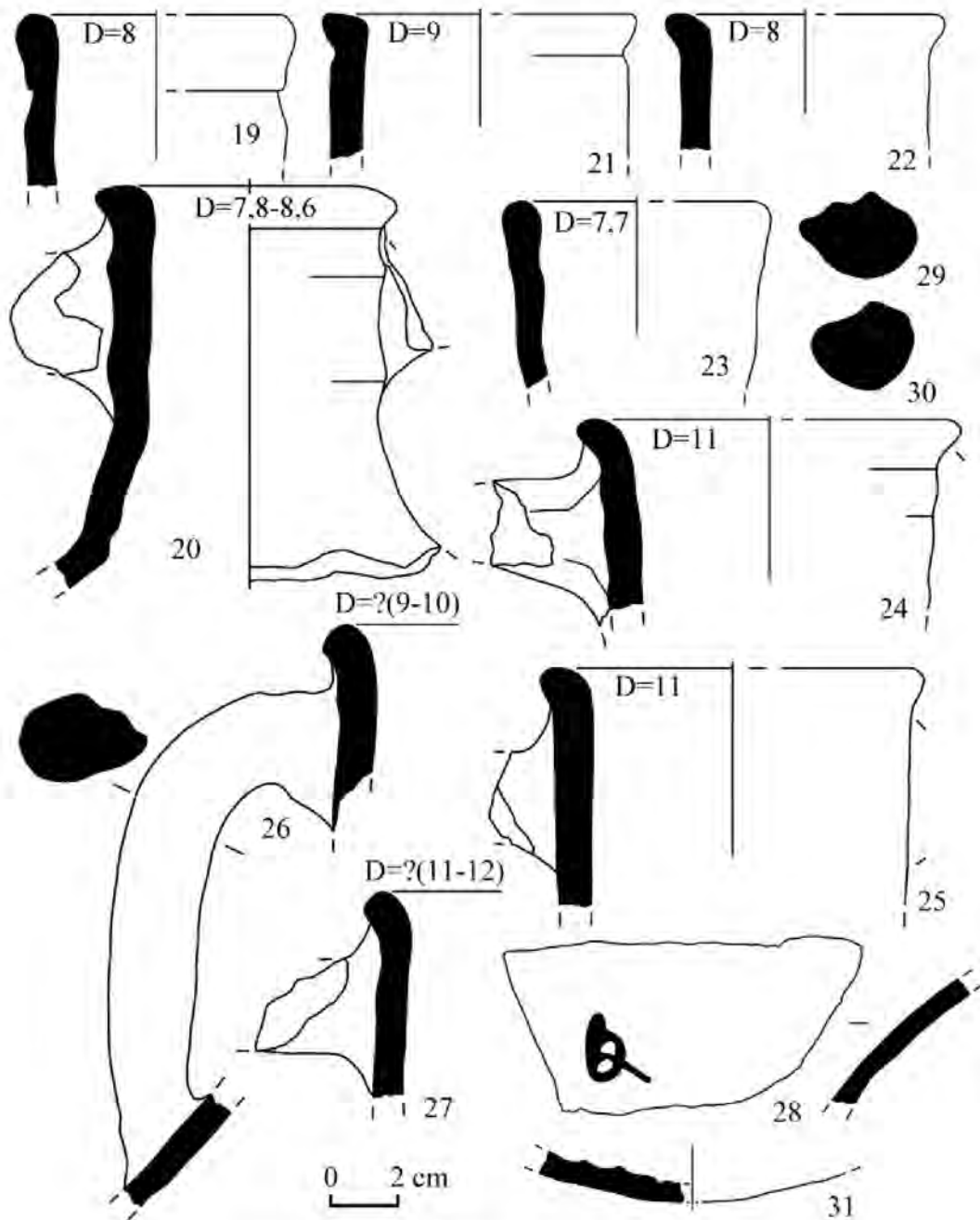

Рис. 5. LR 1 из Керчи:
цистерна П-10 (19-22, 25-31); цистерна П-5 (23, 24).

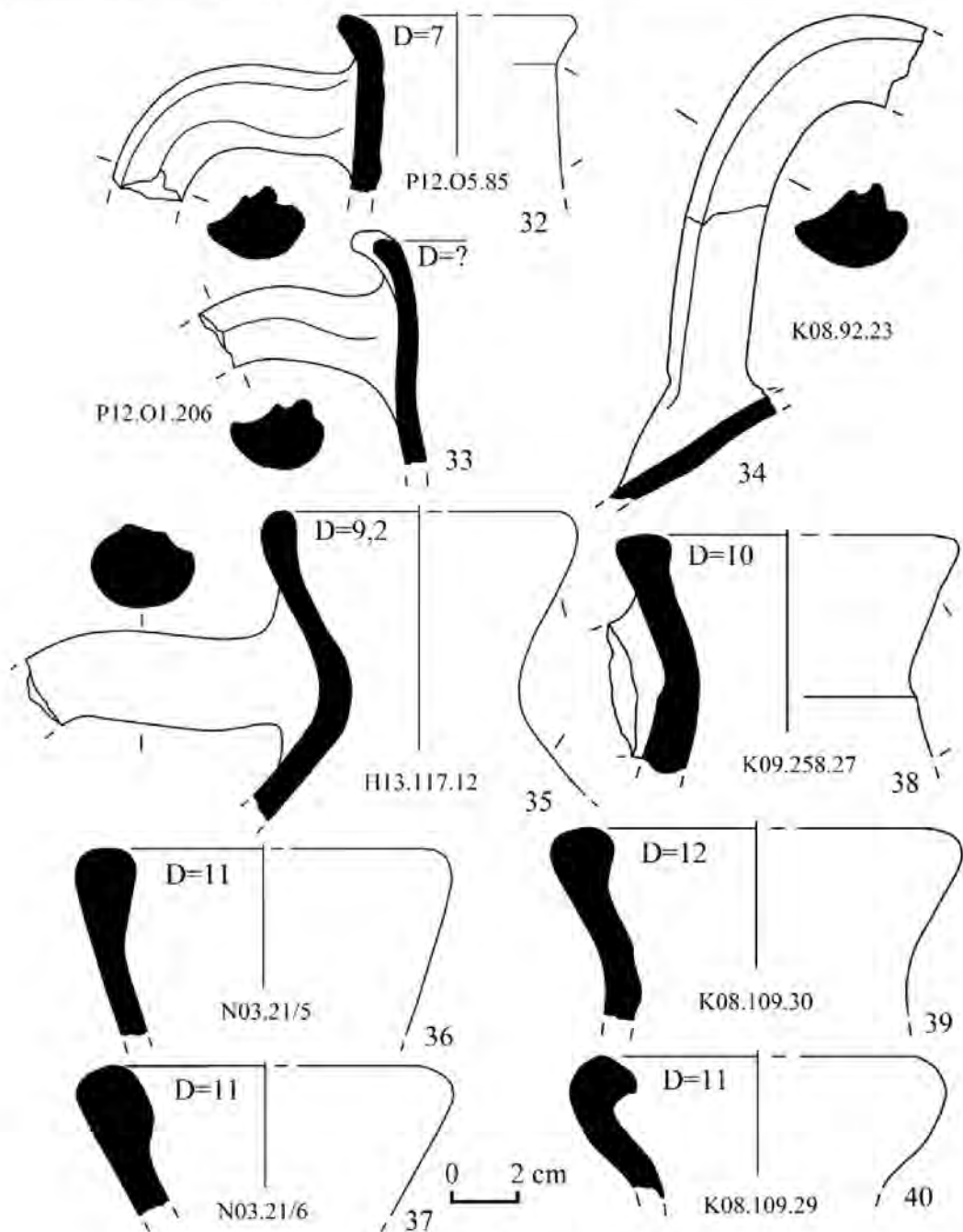

Рис. 6. Понтийские имитации LR 1:

Помпеополис (32, 33); Боспор (34). LR 1 с воронковидным горлом: Гермонасса (35); Нейзац (36-37); Боспор (38-40).

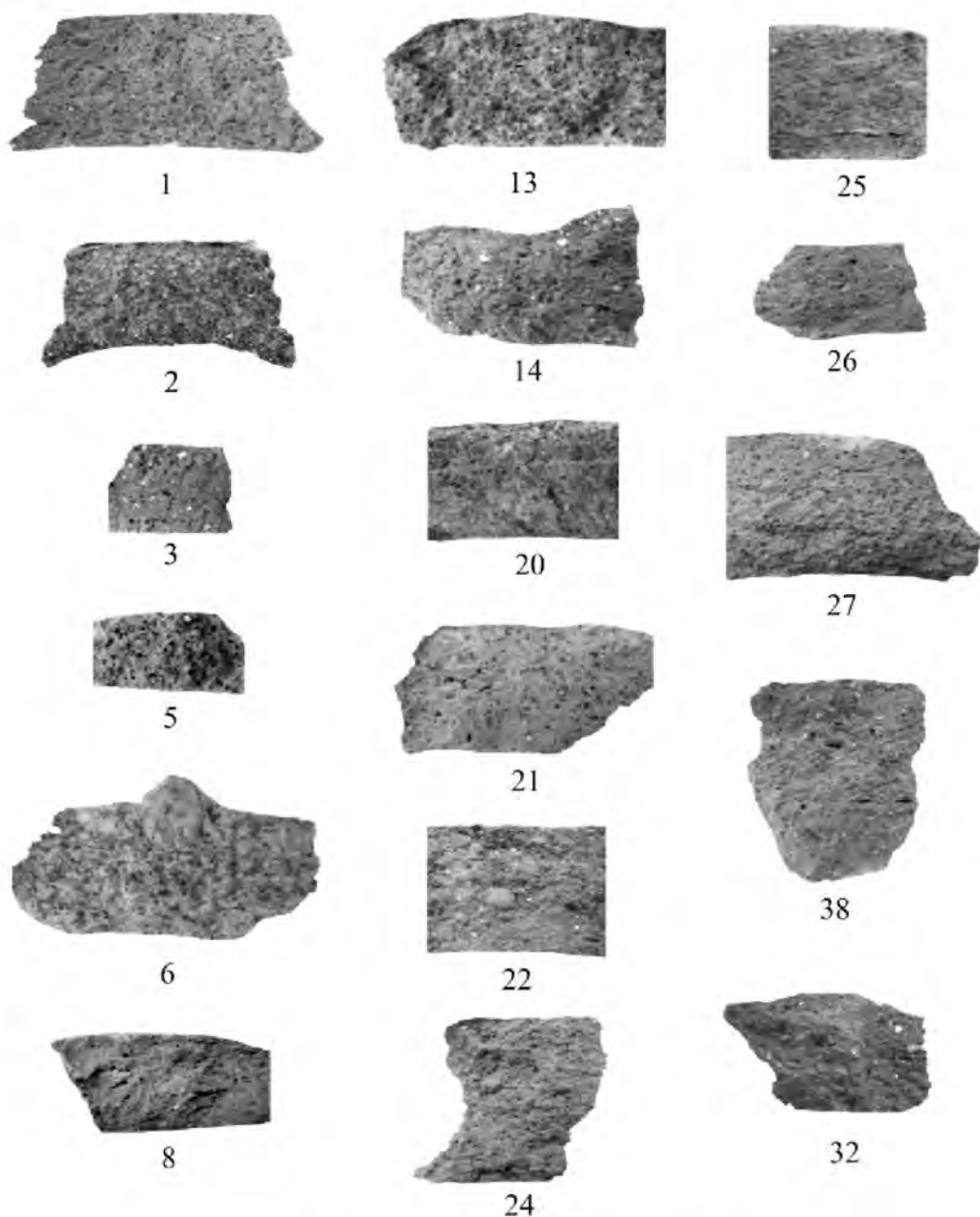

Рис. 7. Макрофотографии глиняного теста LR 1 и их понтийской имитации (32), №№ кат. (М 2:1).

В. Ю. РАДОЧИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ЭСКИ-КЕРМЕНА В 2006-2008 гг.

Городище Эски-Кермен, площадью 8,5 га, располагается в Бахчисарайском районе в 5 км юго-западнее села Залесное, на плато столовой горы. На юго-восточном склоне горы находится могильник, оставленный жителями городища. Впервые могильник исследовался в 1928-1929 гг. экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры под руководством Н. И. Репникова. По результатам этих исследований была опубликована работа Г. И. Петрова с предварительными результатами исследования антропологического материала [18, с. 12-16]. Тогда были исследованы погребения из находящегося на юго-восточном склоне плато некрополя (склепов и подбойных могил конца VI – VIII вв. и простых грунтовых могил XI-XIII вв.), а также из усыпальниц, находящихся на самом городище. Была проведена предварительная обработка материала серии из 281 черепа, где автор обращает внимание на дифференциацию «расовых признаков» (головному указателю, профилировкам лица и т.д.) и генетическую связь отдельных «типов» из ранних погребений с более поздними. Обычай искусственной деформации (большинство мужских черепов имело затылочно-теменную деформацию) Г. И. Петров объясняет определенным общественным положением погребенного.

В 1949 г. вышла работа Г. Ф. Дебеца по краниологии средневековых городов Крыма (Эски-Кермена, Мангупа и Херсонеса) [8, с. 333-386]. Основной вопрос, на решении которого автор сосредоточил внимание, – выяснение удельного веса различных этнических компонентов, вошедших в состав населения крымских средневековых городов. Г. Ф. Дебец считал, что основная масса населения была местного происхождения. В сложении основного морфологического типа населения городов Горного Крыма приняли участие тавры. Нужно отметить, что в основном материал для исследования был получен из усыпальниц I и начала II тысячелетия н.э.

В 1973 г. Г. П. Зиневич в работе «Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма» [10, с. 93-140], среди прочего, исследовала 16 черепов из могил XII-XIII вв., находившихся в жилых кварталах городища. Г. П. Зиневич относит черепа из Эски-Кермена к брахикранному европеоидному антропо-

логическому типу, что, по ее мнению, свидетельствует о почти неизменном в целом морфологическом облике населения «пещерных городов» на протяжении нескольких веков (V-VII – XII-XV вв.).

В 2003 г. археологическая экспедиция Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А. И. Айбабина возобновила охранные раскопки на городище Эски-Кермен и его некрополе. Раскопки на некрополе велись на участке с погребениями второй половины VI – XI вв.

В результате проведенных работ было исследовано 17 погребальных сооружений (8 склепов и 9 грунтовых могил). Для обработки получен антропологический материал из 16 погребальных сооружений, в основном, из поздних погребений. Почти все полученные черепа были мезокранные и имели хорошую вертикальную и горизонтальную профилировки. Один череп имел следы преднамеренной искусственной деформации [21, с. 271-298].

В 2006-2008 гг. Крымское отделение Института востоковедения совместно с Римско-Германским музеем г. Майнц под руководством Ф. Дайма и Институтом антропологии Университета И. Гутенберга г. Майнц под руководством К. Альта в рамках проекта «Готы в Крыму» проводили охранные археологические раскопки на территории некрополя городища Эски-Кермен. Участок некрополя, где проводились исследования, расположен на нижней террасе юго-восточного склона городища. Материалы раскопок, анализ конструкций погребальных сооружений и зафиксированный в них обряд, а также анализ погребального инвентаря даны в работе Э. А. Хайрединовой [25, с. 140-213].

За три года раскопок было исследовано 17 погребальных сооружений (7 склепов, 9 подбойных могил и 1 незавершенное погребальное сооружение). В ходе проводимых работ был получен антропологический материал из 13 погребальных сооружений (7 склепов и 6 подбойных могил), которые датируются концом VI – началом VII вв. Целью настоящей работы является ввод в научный оборот новых антропологических материалов, полученных в ходе раскопок 2006-2008 гг.¹

При обработке материала использовались традиционные отечественные методики антропологических исследований в сочетании с зарубежными методиками и программами [12; 26; 27; 30]. Краниометрические изменения и описания проводились по методике антропологических исследований, разработанной В. П. Алексеевым и Г. Ф. Дебецом [1]. Остеометрические описания и измерения проводились по методике антропологических исследований В. П. Алексеева [2]. Определение возраста и половой принадлежности происходило по общепринятым методикам, с привлечением материалов, программ и методик по судебной медицине [11; 14; 23]. В работе использована методика комплексного изучения патологических состояний, разработанная А. П. Бужиловой [3]. Степень развития рельефа длинных костей оценива-

¹ Автор выражает благодарность авторам раскопок А. И. Айбабину и Э. А. Хайрединовой за предоставленный для исследования материал.

лась по методике В. Н. Федосовой [24]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, К. Пирсона, А. Ли и М. Троттера, Г. Глезера). При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола» (принятая FDI в 1971 г.). В целом, сохранность материала удовлетворительная. В ряде случаев была проведена подготовительная реставрационная работа. Данные индивидуальных краниологических измерений представлены в таблице 1, остеометрические измерения – в таблицах 2-8, палеопатологические изменения и эпигенетические варианты – в таблице 9.

Склеп 362. Склеп ограблен в древности, кости смещены.

Погребение 1. Череп массивный, искусственно деформирован. Деформация циркулярная (кольцевая) [9, с. 81-88]. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовым желобом. Переднепереносовая ость 4 балла. Сосцевидные отростки 3-3,5 балла. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть квадратная, с хорошо выраженным рельефом и подбородочным краем. Стертость зубов соотносится с 35-45 годами, облитерация черепных швов – с 30-40 годами.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Мышечный рельеф костей рук развит хорошо. Рельеф длинных костей ног и линия аспера выражены хорошо. Прижизненная длина тела составляла 173,1 см. Погребение мужское.

Патологии. Незначительные проявления *stibra orbitalia*. Поротический гиперостоз надпереносья и надбровья. Носовые кости смещены вправо вследствие травматического воздействия. На зубах отмечен зубной камень и растрескивание эмали. Зуб 46 пришеечный кариес. Отмечены незначительные проявления остеоартрита на локтевых костях в области лучевой и блоковидной вырезок. На грудных и поясничных позвонках отмечен остеофитоз, сочетающийся с деформацией тел позвонков.

Погребение 2. Череп разрушен, умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация циркулярная. Отмечена посмертная деформация костей черепа. Сосцевидные отростки 3 балла. Нижняя челюсть умеренно массивная, округло-треугольной формы. Рельеф тела челюсти выражен средне. Стертость зубов соотносится с 30-35 годами, облитерация черепных швов – с 30-40 годами.

Кости посткраниального скелета грацильные. Мышечный рельеф длинных костей рук и ног развит умеренно. Прижизненная длина тела составляла 163 см. Погребение мужское.

Патологии. Отмечено растрескивание зубной эмали и наличие зубного камня. Зуб 25 пришеечный кариес.

Погребение 3. Череп разрушен, кости грацильные. Череп искусственно деформирован. Деформация циркулярная. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 25-30 годами, облитерация черепных швов – с 25-30 годами.

Кости посткраниального скелета грацильны. Мышечный рельеф длинных ко-

стей рук развит слабо. Мышечный рельеф правых костей ног развит умеренно, линия аспера выражена хорошо. На костях левой ноги развитие мышечного рельефа выражено слабее вследствие ограниченной двигательной активности. Прижизненная длина тела составляла 161 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечен зубной камень и растрескивание эмали. На плечевых костях отмечены межмышцелковые отверстия. Тяжелая форма остеоартрита левого тазобедренного сустава, исключая возможность его подвижности.

Погребение 4. Получены фрагменты детского черепа со следами искусственной деформации и кости посткраниального скелета, соотносящиеся с возрастом годовалого ребенка.

Погребение 5. Получены кости детского черепа со следами искусственной деформации и кости посткраниального скелета. Верхний глазничный край заострен. Альвеолярная часть параболическая. Развитие зубной системы соотносится с 1-1,5 годами.

Патологии. Незначительные проявления *cribra orbitalia*.

Склеп 363. Склеп ограблен в древности, кости смещены.

Погребение 1. Череп умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация циркулярная. Верхний глазничный край заострен. Надпереносье и надбровье 0 баллов. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Передненосовая ось 2 балла. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие округлое. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Стертость зубов соотносится с 25-35 годами, облитерация черепных швов – с 25-35 годами.

Кости посткраниального скелета грацильны. Мышечный рельеф длинных костей рук и ног выражен слабо. Прижизненная длина тела составляла 164 см. Погребение женское.

Патологии. Отмечена незначительная асимметрия теменных и затылочной костей. Зуб 37 утерян при жизни, лунка заросла. Отмечен зубной камень. Метопизм.

Погребение 2. Череп разрушен, умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация циркулярная. Сосцевидные отростки 3 балла. Затылочное отверстие ромбическое. Нижняя челюсть квадратная, массивная. Стертость зубов соотносится с 35-45 годами, облитерация черепных швов – с 20-30 годами.

Кости посткраниального скелета грацильны. Мышечный рельеф костей рук и ног развит средне. Линия аспера выражена хорошо. Прижизненная длина тела составляла 166,9 см. Погребение мужское.

Патологии. Адентия 38 зуба. На зубах отмечена эмалевая гипоплазия. Разрушение эмали. Энтезопатия надколенников. Отмечено незначительное X-образное искривление большеберцовых костей. Отмечены некоторые изменения на посткраниальном скелете, соотносящиеся с «всадническим комплексом».

Склеп 364. Склеп ограблен в древности, кости смещены.

Погребение 1. Череп умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0,5 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передненосовая ость 2 балла. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены хорошо. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть треугольная, грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами, облитерация черепных швов – с 30-40 годами.

Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 3 варианта. Суставная впадина лопатки 1 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Кости рук грацильные, рельеф выражен незначительно. Рельеф костей ног выражен средне. Подколенная линия в виде гребня. Линия аспера выражена средне. Прижизненная длина тела составляла 164,5 см. Погребение женское.

Патологии и этигенетические варианты. Зубы 11, 12, 14, 18, 24-28, 36, 37, 45-48 утрачены при жизни. Зуб 16 разрушен. Зубной камень. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdoidea*, *os incisurae parietalis*, *os astericum*). На правой плечевой кости отмечен надмышцелковый отросток [22, с. 156]. Экзостоз на фаланге правой руки. На позвонках грудного отдела отмечен диффузный идиопатический скелетный гиперостоз. На позвонках поясничного отдела отмечены узлы Шморля [7, с. 179-180]. Деформирующий спондилез на позвонках поясничного отдела. О-образное искривление бедренных костей. На правой бедренной кости отмечен остеоартрит коленного сустава. Артроз правого надколенника. Отмечены дегенеративные изменения левой бедренной кости. Разрушение левого тазобедренного сустава. На левой тазовой кости отмечены изменения в тазобедренном суставе. Зарастание костной тканью вертлужной впадины.

Погребение 2. Череп разрушен, грацильный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Облитерация черепных швов не отмечена. Нижняя челюсть массивная, округлая. Состояние зубной системы соотносится с 23-25 годами.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Тазовые кости соотносятся с возрастом 21-24 года. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Основание крестца «нормальное». Рельеф длинных костей рук выражен умеренно. Рельеф длинных костей ног слабый. Линия аспера не выражена. Подколенная линия в виде гребня. Прижизненная длина тела составляла 159,4 см. Погребение женское.

Патологии. Зубы 36, 38 кариес. Эмалевая гипоплазия (1 линия).

Погребение 3. Череп умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край острый. Надбровье 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Сосцевидные отростки 1 балл. Затылочное отверстие ромбовидное. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть массивная, округлая. Возраст погребенного 15-18 лет.

Кости посткраниального скелета грацильные. Эпифизы длинных костей скелета не срослись. Рельеф костей рук и ног выражен слабо. Форма лопаточной ости и суставная впадина лопатки 2 варианта. Линия аспера не выражена. Подколенная линия каплевидная. Прижизненная длина тела составляла 164,5 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечена эмалевая гипоплазия (3 линии). Зубы 36, 46 кариес. Зубной камень. Добавочные косточки на черепе (os suturae sagittalis, os astericum, suturae lambdaidea). На правой плечевой кости отмечено межмышцелковое отверстие.

Погребение 4. Получены фрагменты черепа и нижней челюсти. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть округлая. Зубной камень. Кости посткраниального скелета грацильные. Основание крестца нормальное. Рельеф длинных костей скелета выражен средне. Возраст погребенного 9-10 лет.

Склеп 365. Склеп ограблен в древности, кости смещены.

Погребение 1. Череп умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1 балл. Сосцевидные отростки 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передненосовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 25-30 годами, облитерация черепных швов – с 30-40 годами.

Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 2 варианта. Суставная впадина и верхний край лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Кости рук массивные, с хорошо выраженным мышечным рельефом. Подколенная линия в виде гребня. Основание крестца нормальное. Прижизненная длина тела составляла 171,5 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os lambdaoides). Отмечен маркер холодового стресса. Метопизм. Отмечено несращивание пятого крестцового позвонка. Спондилоартроз ребер. Энтезопатия пяточных костей. Экзостоз на фаланге пальцев ног.

Погребение 2. Череп разрушен, грацильный, искусственно деформирован. Деформация циркулярная. Верхний глазничный край острый. Надбровье 1 балл. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передненосовая ость 1 балл. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами, облитерация черепных швов – с 25 годами.

Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук и ног не выражен. Подколенная линия в виде гребня. Основание крестца нормальное. Линия аспера не выражена. Прижизненная длина тела составляла 167,1 см. Погребение женское.

Эпигенетические варианты. Метопизм. Адентия третьих моляров. Добавочные косточки на черепе (os lambda).

Могила 366 (подбойная). Погребение разрушено, кости перемещены.

Череп грацильный, разрушен. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 14-15 годами.

Кости посткраниального скелета грацильные. Эпифизы длинных костей ног не срослись. Возраст по посткраниальному скелету 14-15 лет. Рельеф длинных костей рук и ног не выражен. Подколенная линия невидима. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Метопизм. Cribra orbitalia.

Могила 368 (подбойная). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп грацильный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 1,5 балла. Сосцевидные отростки 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие овальное. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть грацильная, треугольная. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Облитерация черепных швов отсутствует.

Кости посткраниального скелета массивные. Подколенная линия на большеберцовых костях невидима. Форма лопаточной ости и суставная впадина 2 варианта. Хорошо выражена бугристость на ключицах. Рельеф плечевых и локтевых костей выражен умеренно. Основание крестца завышенное. Линия аспера и шероховатая линия выражены умеренно. Кости посткраниального скелета соотносятся с 20 годами. Прижизненная длина тела составляла 170 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Cribra orbitalia. На левой части лобной кости отмечен синдром Морганьи-Стюарта-Мореля. Зубной камень. Остеит. Адентия третьих моляров на нижней челюсти. Заметно выраженная разница в длине локтевых костей. На большеберцовых костях отмечен периостит. Артроз суставных площадок ребер. Отмечена незначительная энтесопатия на пяточных костях.

Могила 369 (подбойная). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Череп разрушен, массивный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие ромбическое. Нижний край грушевидного отверстия с преднососовыми ямками. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Стертость зубов соотносится с 25-30 годами. Облитерация черепных швов не отмечена.

Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Основание крестца заниженное. Бедренные кости грацильные, рельеф выражен

слабо. Линия аспера и шероховатая линия не выражены. Подколенная линия в виде гребня. Прижизненная длина тела составляла 164,9 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Метопизм. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea, os lambda). Нарушение прикуса (прогенический). Зубы 25, 36, 38 кариес. Гиподонтия 12 и 22 зубов. Эмалевая гипоплазия (3 линии). Зубной камень. Зубы 37, 47 утеряны при жизни. Перелом локтевой кости в середине диафиза. Перелом сросся со смещением. Отмечена незначительная костная мозоль. На длинных костях правой руки отмечены дистрофические изменения, с изменениями продольных размеров. Артроз грудинного конца ключиц. На позвонках грудного и поясничного отделов отмечены узлы Шморля. Периостит на левой большеберцовой кости.

Могила 371 (подбойная).

Погребение 1 не сохранило анатомического положения. Череп разрушен, умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие овальное. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубной системы соотносится с 25 годами, облитерация черепных швов – с 25-30 годами.

Из костей посткраниального скелета получены правая плечевая кость, два фрагмента позвонков грудного отдела и первое левое ребро. Рельеф плечевой кости выражен умеренно. Прижизненная длина тела составляла 166,1 см. Погребение, предположительно, женское.

Патологии. Cribra orbitalia. Эмалевая гипоплазия (1 линия).

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп массивный, ромбовидной формы. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 2 балла. Сосцевидные отростки 2 балла. Очень хорошо выражены наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Облитерация черепных швов 0 баллов. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, округлая. Стертость зубной системы соотносится с 25-28 годами.

Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 3 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Плечевые кости массивные, рельеф умеренный. Основание крестца нормальное. Бедренные кости массивные, линия аспера выражена средне. Подколенная линия невидимая. Прижизненная длина тела составляла 169,5 см. Погребение женское

Патологии и эпигенетические варианты. Метопизм. Ямочки грануляций. Затылочная кость сильно отстает кзади. Добавочные косточки на черепе (os lambda, os suturae lambdoidea). Зубной камень. В области зуба 17 абсцесс. Отмечена эмалевая гипоплазия (6 линий). Асимметрия скелета нижних конечностей. Артроз грудинного конца ключиц. Узлы Шморля. Остеофитоз позвонков поясничного отдела. Крестец асимметричен. Искривление позвоночного столба. Периостит на бедренных костях.

Могила 372. Склеп ограблен в древности, кости смещены.

Погребение 1. Череп массивный, искусственно деформирован. Деформация

лобно-затылочная. Верхний глазничный край округлый. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Сосцевидные отростки 3 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Затылочное отверстие неправильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть округлая, массивная. Стертость зубов соотносится с 40–45 годами.

Кости посткраниального скелета массивные. Рельеф длинных костей рук выражен умеренно. Большеберцовые кости массивные, подколенная линия каплевидная. Прижизненная длина тела составляла 171,8 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Cribra orbitalia. Искривление носовой перегородки. В носовых пазухах отмечено костное пористое новообразование. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdaidea). Зубы 26, 47, 48 утеряны при жизни. Зубы 36, 45, 46 разрушены. Зуб 36 кариес. Зубной камень. Синусит. Артроз затылочных мыщелков и шейных позвонков. На левой теменной кости в области сагиттального шва отмечена сквозная перфорация костной ткани диаметром 9 мм. Энтезопатия надколенников. Синостоз шейных позвонков С4, С5. Артроз нижней суставной поверхности большеберцовой кости. На левой большеберцовой кости в середине диафиза отмечена остеома размером 12x23 мм. На правой большеберцовой кости отмечен периостит.

Погребение 2. Череп разрушен, умеренно массивный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Облитерация черепных швов соотносится с 30 годами. Нижняя челюсть массивная, квадратная, хорошо выражен подбородочный край.

Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 1 варианта. Плечевые кости умеренно массивные, рельеф выражен слабо. Локтевые кости массивные, рельеф выражен хорошо. Бедренные кости умеренно массивные, рельеф выражен слабо. Линия аспера не выражена. Подколенная линия в виде гребня. Большеберцовые кости грацильные. Прижизненная длина тела составляла 165,7 см. Пол погребенного не определен.

Патологии и эпигенетические варианты. Метопизм. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdaidea, os astericum). Поротический гиперостоз на теменных и затылочной костях. Нарушение зубного ряда (зуб 43 смещен). Зуб 47 утрачен при жизни. Зуб 35 кариес. В области зуба 35 абсцесс. Артроз мыщелка правой бедренной кости. Артроз нижних суставных поверхностей большеберцовых костей.

Погребение 3. Череп разрушен, массивный, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовым желобом. Сосцевидные отростки 2 балла. Хорошо выражены наружный затылочный рельеф и затылочный бугор. Затылочное отверстие ромбическое. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть массивная, треугольная. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами, облитерация черепных швов – с 30–40 годами.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Рельеф плечевых костей выражен хорошо. Форма лопаточной ости 2 варианта. Суставная впадина 1 варианта. Линия аспера выражена хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Прижизненная длина тела составляла 168 см. Погребение, предположительно, мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea, os astericum). На затылочной кости отмечен след от тупой травмы. Зуб 28 разрушен, кариес. Абсцесс в области зуба 26. Зубной камень. Отмечен поротический гиперостоз в области надбровья. Проявление остеоартрита на суставных впадинах лопаток. Колотая травма правого надколенника.

Могила 374 (подбойная). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Череп грацильный, ромбоидной формы. Верхний глазничный край острый. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть треугольная. Возраст погребенного 5-7 лет.

Кости посткраниальные кости скелета грацильные. Рельеф длинных костей выражен слабо.

Патологии и эпигенетические варианты. Cribra orbitalia. Добавочные косточки на черепе (os astericum, os lambdae, os suturae lambdoidea).

Могила 376 (подбойная). Погребение совершено на спине, головой на запад. Череп был виден левой боковой поверхностью. Левые локтевая и лучевая кости перекрывают левую подвздошную кость. Кости обеих ног были согнуты в тазобедренном и коленном суставах и видны боковыми поверхностями.

Череп разрушен, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 0 баллов. Сосцевидные отростки 2 балла. Хорошо выражены наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть квадратная, хорошо выражены рельеф ветвей и подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 17-20 годами.

Кости посткраниального скелета массивные. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Основание крестца нормальное. Рельеф длинных костей ног выражен слабо. Линия аспера выражена слабо. Подколенная линия невидимая. Погребение, предположительно, женское.

Патологии. Cribra orbitalia. Отмечена эмалевая гипоплазия (2 линии). Зубной камень. Зуб 33 – задержка роста.

Могила 377. Склеп ограблен в древности, кости смещены.

Погребение 1. Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Облитерация черепных швов не отмечена.

Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки и верхний край лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен умеренно. На плечевых костях

хорошо выражена дельтовидная бугристость. Хорошо выражен межкостный край на локтевой и лучевой костях. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Возраст по костям посткраниального скелета 21-24 года. Прижизненная длина тела составляла 170 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidea). Поротический гиперостоз по теменным костям.

Погребение 2. Череп частично разрушен, искусственно деформирован. Деформация лобно-затылочная. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2 балла. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 20-25 годами. Облитерации черепных швов не выявлено.

Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости 3 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Плечевые кости грацильные, рельеф выражен умеренно. Хорошо выражена дельтовидная бугристость. Локтевые кости умеренно массивные, рельеф выражен умеренно. Основание крестца завышенное. Подколенная линия в виде гребня. Рельеф бедренных костей выражен умеренно, линия аспера выражена слабо. Возраст по костям посткраниального скелета 20-21 год. Прижизненная длина тела составляла 166,6 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdoidae). Синдром Морганьи-Стюарта-Мореля. Зубы 33, 34, 46, 47 утеряны при жизни. Зубы 36, 37 кариес. Зубной камень. Отмечены межмышечковые отверстия. Отмечена os acromiale. Узлы Шморля. Артроз суставных поверхностей лодыжки малоберцовых костей.

Погребение 3. Получены только длинные кости ног. Большеберцовые кости массивные, хорошо выражены рельеф и линия аспера. Подколенная линия в виде гребня. Возраст погребенного около 25-30 лет. Прижизненная длина тела составляла 170,2 см. Пол погребенного не определен.

Патологии. Энтезопатия надколенников.

Могила 378. Склеп ограблен в древности, кости смещены.

Погребение 1. Череп разрушен, умеренно массивный. Сосцевидные отростки 3 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная, треугольная, хорошо выражен подбородочный край. Облитерация черепных швов соотносится с 30-40 годами.

Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф плечевых костей выражен слабо. Костный рельеф локтевых и лучевых костей выражен умеренно. Рельеф бедренной кости умеренный, линия аспера выражена слабо. Подколенная линия в виде гребня. Прижизненная длина тела составляла 156,7 см. Погребение, предположительно, женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Метопизм. Cribra orbitalia. Незначительные костные новообразования в носовых пазухах. Зубы 31, 32, 44-48

утрачены при жизни. Дегенеративные изменения нижней челюсти ввиду утраты зубов. Остеохондрит коленного сустава. Межмышцелковые отверстия на плечевых костях. Остеофитоз грудных позвонков. Инфекционное поражение на правой большеберцовой кости в середине диафиза по переднему краю.

Погребение 2. Череп частично разрушен, массивный, искусственно деформирован. Деформация циркулярная. Надбровье 0 баллов. Верхний глазничный край острый. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Передненосовая ось 2 балла. Сосцевидные отростки 1 балл. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 11-13 годами.

Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей выражен слабо. Линия аспера не выражена. Подколенная линия «невидимая». Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Cribra orbitalia. Ортогнатический прикус. Зуб 21 повернут вокруг продольной оси. Зубной камень. Добавочные косточки на черепе (os suturae lambdaeidea). Рубленая травма правой части лобной кости. Периостит большеберцовых костей.

Все склепы, зачищенные в 2006–2008 гг., были ограблены в древности. При их зачистке был получен антропологический материал, соотносящийся с 21 погребенным (7 мужчин, 8 женщин, 3 детей, у 3 погребенных установить половую принадлежность не представлялось возможным).

Погребения в подбойных могилах совершались на спине, преимущественно в вытянутом положении, головой на запад и северо-запад. Из шести подбойных могил был получен антропологический материал, соотносящийся с 7 погребенными (1 мужчина, 4 женщины, 1 ребенок, у 1 погребенного половая принадлежность не установлена).

Средний возраст погребенных в склепах мужчин составил 31 год, женщин – 25,1 год, в подбойных могилах: мужчин – 22,5 года, женщин – 24,6 года. Следует отметить небольшое количество детских погребений (14% от общего числа). Возможно, данное обстоятельство связано с определенными погребальными традициями, сохранностью материала [15, с. 73-74; 19, с. 237] или недостаточностью изученности некрополя.

Вся серия имеет хорошие вертикальные и горизонтальные профилировки лица. Недеформированные черепа были овоидной и сфеноидной форм. По черепному указателю мезокранные и долихокранные. Мужская серия в равной степени лепторинная и хамеринная. Женские черепа в большинстве лепторинные. По орбитному указателю серия, в основном, гипсиконхная, по лицевому – высоколицая, по верхнелицевому – лептенная.

75% полученных черепов имели следы искусственной деформации. На материале отмечены два вида искусственной деформации – циркулярная и лобно-

затылочная. Учитывая высокий процент деформированных черепов в выборке, уместно считать данный обычай как маркер этнической принадлежности [15, с. 68-69]. Недеформированные черепа были в равной степени отмечены в склепах и подбойных могилах. Различий вида деформации по половому признаку и типам погребальных сооружений не выявлено. Исследуя феномен деформированных черепов, помимо краниоскопических и краниометрических аспектов, следует обратить внимание на палеопатологические аспекты. В настоящее время некоторые исследователи связывают с искусственной деформацией черепа повышенное внутричерепное давление и, как следствие, возникновение так называемых «пальцевидных вдавлений» на внутренней поверхности свода черепа (ямочки грануляций), а также повышение частоты выявления метопического шва и добавочных косточек на черепе [17, с. 179-180]. В рамках данного вопроса рассматривается и повышенная встречаемость синдрома Морганьи-Стюарта-Мореля.

Отмечено несколько случаев асимметрии черепа. Предположительно, это связано с вынужденным пребыванием долгое время в определенном положении в период роста костей черепа [16, с. 3].

Половой диморфизм на посткраниальных скелетах выражен достаточно четко. Используя методики реконструкции физических нагрузок на костный аппарат скелета и маркеры эпизодического стресса, можно говорить о дифференциации в трудовой активности между мужским и женским населением [20, с. 378-379]. Прижизненная длина тела в среднем для мужчин составила 168 см, для женщин – 164 см.

Генетически детерминированные признаки отмечены в 27 случаях. В ряде случаев эти стигмы были сочетаны. Больше разнообразие эпигенетических вариантов наблюдалось на женских костяках. Наиболее часто отмечались добавочные косточки на черепе и метопический шов.

Маркеры пищевого эпизодического стресса (эмалевая гипоплазия, *cribra orbitalia*) чаще отмечались на женских черепках. Другой маркер эпизодического стресса – поротический гиперостоз отмечен в 4 случаях (3 мужских черепа, 1 череп с неопределенным полом). Все случаи наблюдались у погребенных в склепах. Наиболее вероятными причинами возникновения поротического гиперостоза считают хронические инфекции и анемические состояния [4, с. 63, 210-211], однако, его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована.

Среди патологических изменений, выявленных на материале, преобладали заболевания зубочелюстного аппарата. Наиболее частыми, в данном блоке патологий, были отложение зубного камня и, как следствие, кариесное поражение и утрата зубов. В женской серии данные патологии отмечались несколько чаще. Указанные патологические изменения в равной степени отмечены у погребенных в склепах и подбойных могилах. Отложение зубного камня отмечено практически на половине материала, с учетом разрушенных и частично утраченных погребений этот процент наверняка будет выше. Вопрос образования зубного камня достаточно хорошо изучен и позволяет делать определенные выводы, в частности, о пищевом рационе исследуемой выборки.

Заболевания опорно-двигательного аппарата отмечены почти в равной степени на мужских и женских костяках. Значительно чаще патологии фиксировались на костях нижних конечностей и позвоночнике. В этой связи отметим два случая коксита у погребенных в склепах. В обоих случаях болезнь фиксировалась в последней стадии развития, полностью исключая подвижность сустава. Возможно, в данных случаях причиной являлись патологические деструкционные вывихи [28, с. 352]. На нескольких мужских костяках фиксировались комплексные патологические изменения, характерные для «всаднического комплекса». В целом, на полученном материале отмечается достаточно низкая степень поражения опорно-двигательного аппарата.

В исследуемой выборке зафиксированы три случая травмирования черепов и две травмы на костях посткраниальных скелетов. Одна из травм на черепе может быть отнесена к разряду боевых. Травма нанесена острым рубящим предметом по направлению сверху вниз, под небольшим углом, в результате чего фрагмент лобной кости размером 52x46 мм был отделен от черепа. Края травмы без следов заживления.

На мужском черепе из погребения 1 склепа 372 на левой теменной кости в области сагиттального шва отмечена сквозная перфорация костной ткани диаметром 9 мм. Края ровные, без признаков облитерации [28, с. 353]. Способ, которым было сделано отверстие, скорее всего, сверление [13, с. 26-32]. Однако прижизненная или посмертная процедура краниотомии имела место, определить затруднительно. К сожалению, сохранность костей черепа не позволила проследить, имелись ли следы скальпирования. Таким образом, вопрос о причинах трепанации (?) остается открытым.

На двух искусственно деформированных черепках (одном мужском из подбойной могилы и одном женском из склепа) выявлен синдром Морганьи-Стюарта-Мореля. Данная патология связывается с гормональной дисфункцией человека, в частности, со снижением уровня мужских гормонов и некоторой женоподобностью во внешнем облике и проявляется в виде узловатых костных разрастаний на внутренней пластинке лобной кости [4, с. 186-188; 5, с. 36-38; 6, с. 188-194]. В нашем случае интересным является факт, что данная патология отмечена у погребенных в возрасте 20-25 лет.

У пяти погребенных из склепов и подбойных могил, в рамках пилотного проекта, был взят анализ на генетическое исследование и палеодиету. По предварительным данным, полученный материал показал очень хорошую сохранность ДНК и позволил указать на скандинавское происхождение некоторых индивидуумов, а также обозначить некоторые родственные связи [29, с. 361-377]. Следует указать, что на сегодняшний день достаточно актуально стоит вопрос о создании базы данных ДНК материалов из разновременных погребений с различных территорий для их корректного использования.

В заключение хочется выразить надежду на продолжение систематического исследования памятника, что позволит существенно дополнить и скорректировать уже имеющиеся данные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
2. *Алексеев В. П.* Остеометрия. М., 1979.
3. *Бужилова А. П.* Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М., 1995.
4. *Бужилова А. П.* Homo sapiens: история болезни. М., 2005.
5. *Бужилова А. П., Козловская М. В.* Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология, археология. 2000.
6. *Бужилова А. П., Соколова М. А.* Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.
7. *Добровольская М. В.* Человек и его пища. М., 2005.
8. *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник музея антропологии и этнографии. 1949. Вып. XII.
9. *Жиров Е. В.* Об искусственной деформации черепа // КСИИМК. 1940. Вып. VIII.
10. *Зиневич Г. П.* Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма. Киев, 1973.
11. *Крюков В. Н.* Судебная медицина. М., 1998.
12. *Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М.* Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989.
13. *Медникова М. Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
14. *Пашковская В. И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
15. *Пежемский Д. В.* Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. № 4.
16. *Перерва Е. В.* Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая балка 1 и 2) // Материалы по археологии Северного Кавказа. 2004. № 4.
17. *Перерва Е. В.* К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственной деформацией черепа // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.
18. *Петров Г. И.* Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции (Предварительная информация) // ИГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг.
19. *Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р.* Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
20. *Радочин В. Ю.* К вопросу о методике реконструкции двигательной активности индивида по данным антропологических исследований // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
21. *Радочин В. Ю., Бассальго О. А.* Результаты исследования антропологического материала из некрополя Эски-Кермена // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.

22. *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М.; Л., 1965.
23. *Свадковский Б. С.* Учебное пособие по судебно-медицинской стоматологии. М., 1974.
24. *Федосова В. Н.* Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76.
25. *Хайрединова Э. А.* Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
26. *Hauser G., De Stefano G. F.* Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart, 1989.
27. *Ubelaker D. H.* Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1987.
28. *Jakobi F., Stecher M., Zesch S., Radochin V., Kurt W.* Alt Eski-Kermen, Almalyk und Lucistoe – Bioarchaologie auf der Krim // Die Hohensiedlungen im bergland der Krim. Mainz, 2013.
29. *Brandt G., Haak W., Blechschmidt C., Karimnia S., Kurt W.* Alt Die Volker der Krim im Fruhmittelalter – anwntdung und potential der palaogenetik inbezung auf archaologische fragen // Die Hohensiedlungen im bergland der Krim. Mainz, 2013.
30. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. Indianapolis, 1994. № 44.

Радочин В.Ю.

Антропологический материал из раскопок некрополя Эски-Кермена в 2006-2008 гг.

Резюме

В работе публикуется антропологический материал из раскопок могильника Эски-Кермен в 2006-2008 гг. Был исследован материал из 13 погребальных сооружений (7 склепов, 6 подбойных могил). Защищенные погребальные сооружения датируются концом VI – началом VII вв. Всего было исследовано 28 костяков разной степени сохранности (8 мужских, 12 женских, 4 детских, 4 с неустановленной половой принадлежностью). Количество детских погребений составило 14% от общего числа. Возможно, данное обстоятельство связано с определенными погребальными традициями, сохранностью материала или недостаточностью изученности некрополя. Средний возраст погребенных в склепах мужчин составил 31 год, женщин – 25,1 года, в подбойных могилах: мужчин – 22,5 года, женщин – 24,6 года. Вся серия имеет хорошие вертикальные и горизонтальные профилировки лица. Недеформированные черепа были овоидной и сфеноидной формы, по черепному указателю были мезокранные и долихокранные. Мужская серия в равной степени лепторинная и хамеринная. Женские черепа в большинстве своем лепторинные. По орбитному указателю серия, в основном, гипсиконхная, по лицевому – высоколицая, по верхнелицевому – лептенная.

75% полученных черепов имели следы искусственной деформации. На материале отмечены два вида искусственной деформации – циркулярная и лобно-затылочная. Учитывая высокий процент деформированных черепов в выборке, уместно считать данный обычай как маркер этнической принадлежности.

Среди выявленных на материале патологических изменений преобладали заболевания зубочелюстного аппарата. Наиболее частыми, в данном блоке патологий, были отложение зубного камня и, как следствие, кариесное поражение и утрата зубов. В женской серии данные патологии отмечались несколько чаще. Указанные патологические изменения в равной степени отмечены у погребенных в склепах и подбойных могилах. Отложение зубного камня

отмечено практически на половине материала, с учетом разрушенных и частично утраченных погребений этот процент наверняка будет выше. Вопрос образования зубного камня достаточно хорошо изучен и позволяет делать определенные выводы, в частности, о пищевом рационе исследуемой выборки.

Заболевания опорно-двигательного аппарата отмечены в почти равной степени на мужских и женских костях. Значительно чаще патологии фиксировались на костях нижних конечностей и позвоночнике. На нескольких мужских костях зафиксированы комплексные патологические изменения, характерные для «всаднического комплекса».

На мужском черепе из погребения 1 в склепе 372 на левой теменной кости в области сагиттального шва отмечена сквозная перфорация костной ткани диаметром 9 мм с ровными краями без признаков облитерации. Способ, которым было сделано отверстие, скорее всего, сверление. Однако прижизненная или посмертная процедура краниотомии имела место, определить затруднительно. К сожалению, сохранность костей черепа не позволила проследить, имелись ли следы скальпирования. На двух искусственно деформированных черепках выявлен синдром Морганьи-Стюарта-Мореля. Данная патология связывается с гормональной дисфункцией человека, в частности, со снижением уровня мужских гормонов и некоторой женоподобностью во внешнем облике и проявляется в виде узловатых костных разрастаний на внутренней пластинке лобной кости. В нашем случае интересным является факт, что данная патология отмечена у погребенных в возрасте 20-25 лет.

Radochin V. Yu.

**Anthropological Material from the Excavations
of the Necropolis of Eski-Kermen in 2006-2008**

Summary

Anthropological materials from the excavations of the necropolis of Eski-Kermen in 2006-2008 are published in this article. The material from 13 burial constructions (7 vaults, 6 shaft-and-chamber graves) has been investigated. The cleaned burial constructions are dated back to the end of the 6th – the beginning of the 7th centuries. 28 skeletons of different levels of preservation were examined (8 males', 12 females', 4 children's and 4 with undetermined sex assignment). The quantity of juvenile burials made up 14% of the total. Probably, this fact is connected with specific burial traditions, preservation of the material or insufficient research of the necropolis. Average age of the males buried in vaults is 31 years old, females – 25.5; in shaft-and-chamber graves: males – 22.5, females – 24.6. The whole series has good vertical and horizontal profiles of faces. Non-deformed skulls were of ovoid and sphenoid forms, according to cranium index there were mesocranial and dolichocranial ones. Males' series was presented with narrow noses (leptorrhine) and broad noses. Females' crania are mainly leptorrhine ones. According to orbit index the series is mainly high ones, according to face index, it is high-faced, according to high-faced – narrow-faced. 75% of the obtained crania had the traces of artificial deformation. There are two types of artificial deformation on the material – circular and fronto-occipital ones. Taking into account the serious percentage of deformed crania in the selection, this custom can be considered as a marker of ethnic belonging. Among pathological changes deceases of tooth-maxillary apparatus prevailed. The most common ones in this block of pathologies were deposition of dental calculus and, as a result, carious affection and loss of teeth. In female series these pathologies were registered more often. The above

mentioned pathological changes were recorded in those who were buried in vaults and shaft-and-chamber graves. Deposition of dental calculus is observed on practically half of the material; taking into account the number of destroyed and partially lost burials this percentage would have been most likely higher. The problem of formation of dental calculus has been well studied and enables to come to certain conclusions; food ration of the sample under investigation.

Diseases of musculoskeletal apparatus are registered on males' and females' skeletons in equal degree. Much more often pathologies were fixed on the bones of lower extremities and spinal columns. Some complex pathological changes are registered on several males' skeletons; they are characteristic for the so-called "complex of a horse-rider".

On the male's cranium from burial 1 in vault 372, on the left parietal bone in the region of sagittal sutures chadded perforation of bone tissue with the diameter of 9mm with even edges without any signs of obliteration. The method with the help of which the hole was made, most likely, was drilling. However, it is impossible to determine whether this procedure of craniotomy was intravital or postmortal. Unfortunately, preservation of cranium bones did not give us an opportunity to determine if there were any traces of scalping. On two artificially deformed crania a syndrome of Morgagny-Stewart-morel was revealed. This pathology is correlated with hormone dysfunction of a man; in particular, with decreasing level of male hormone and a certain effeminate in appearance and nodulous bone growth on the inner plate of frontal bone. In this very case the fact that this pathology is registered among buried at the age of 20-25 is really interesting.

Таблица 1. Индивидуальные краниометрические измерения

Измерения на черепе (по Мартину)	Погребения											
	362-1	362-2	362-3	363-1	363-2	364-1	364-2	364-3	365-1	365-2	366	368
1 продольный диаметр	171	-	-	157	-	165	-	175	192	-	-	185
8 поперечный диаметр	136	-	-	132	138	126	-	140	137	121	-	124
9 наименьш. шир. лба	96	-	-	101	-	91	-	-	-	-	-	94
10 наибольш. шир. лба	113	-	-	117	-	108	-	-	-	100	-	108
11 шир. основ. черепа	-	-	-	-	-	113	-	117	-	-	-	-
5 дл. основания черепа	-	-	-	94	-	-	-	96	-	-	-	-
16 шир. затылочн. отв.	28	-	-	31	30	-	29	32	-	-	-	31
7 дл. затылочн. отв.	40	-	-	32	33	-	36	32	-	-	-	36
12 ширина затылка	110	-	-	95	104	94	99	112	-	100	-	-
17 высотный диаметр	166	-	-	160	-	-	-	144	-	-	-	-
20 ушн. выс. расст-е ро- br	151	-	-	144	-	138	129	135	131	121	-	-
29 лобная хорда	118	-	-	118	148	136	-	118	120	113	-	120
30 теменная хорда	100	-	-	111	-	100	101	121	116	103	-	105
31 затылочная хорда	126	-	-	104	104	-	97	186	-	-	-	-
26 лобная дуга	125	-	-	130	-	140	-	131	130	120	-	129
27 теменная дуга	110	-	-	145	-	125	121	145	140	127	-	120
28 затылочная дуга	135	-	-	120	115	-	115	95	-	-	-	-

45 скуловой диаметр	131	-	-	119	-	-	-	-	-	-	-	-
40 дл. основания лица	108	-	-	91	-	-	-	88	-	-	-	-
48 верхняя высота лица	76	-	-	66	-	71	-	63	73	70	-	-
47 полная высота лица	121	-	-	112	-	-	-	107	117	117	-	-
46 средняя шир. лица	99	-	-	93	-	-	-	90	-	87	-	-
60 длина альв. дуги	58	-	-	50	-	48	-	47	54	47	-	52
61 ширина альв. дуги	64	-	-	56	-	-	-	65	-	60	-	-
63 ширина неба	37	-	-	35	-	-	-	38	-	32	-	-
55 высота носа	52	-	-	50	-	53	-	45	52	52	-	-
54 ширина носа	26	-	-	25	-	23	-	24	23	23	-	-
51 ширина орбиты	40	-	-	38	-	37	-	38	37	41	-	-
52 высота орбиты	36	-	-	36	-	37	-	32	35	37	-	-
50 максиллофронт. шир.	26	-	-	27	-	26	-	23	28	-	31	-
62 длина неба	51	-	-	46	-	43	-	42	-	43	-	-
68 дл. нижн. чел. от углов	107	-	-	-	75	-	68	66	-	73	-	83
70(a) выс. ветви ниж. чел.	74	56	-	-	64	-	57	49	70	59	-	57
69(с) медиальная выс.	35	28	29	29	-	32	29	31	35	33	-	-
66 угловая ширина	-	-	-	-	107	93	101	94	-	102	-	93
65 мыщелковая ширина	-	-	-	-	118	-	-	102	-	117	-	-
71 ширина ветви	30	-	-	-	33	-	32	27	31	35	32	31
69-1 высота тела P2-M1	35	29	28	26	33	-	27	22	-	30	24	32
69-2 высота тела M1-M2	34	25	26	22	27	-	26	21	-	29	22	28
79 угол ветви ниж. чел.	110	-	127	-	125	-	129	140	121	130	117	134
8:1 черепной указатель	79,5	-	-	84	-	76,3	-	80	71,3	-	-	67
17:1 высотно-продольный	97	-	-	101,9	-	-	-	82,2	-	-	-	-
17:8 высотно-поперечный	122	-	-	121,2	-	-	-	102,8	-	-	-	-
48:45 верхнелицевой	58	-	-	55,4	-	-	-	-	-	-	-	-
40:5 выступания лица	-	-	-	96,8	-	-	-	91,6	-	-	-	-
54:55 носовой	50	-	-	50	-	43,3	-	53,3	44,2	44,2	-	-
52:51орбитный mf	90	-	-	94,7	-	100	-	84,2	94,5	90,2	-	-

Измерения на черепе (по Мартину)	Погребения											
	369	371-1	371-2	372-1	372-2	372-3	374	376	377-1	377-2	378-1	378-2
1 продольный диаметр	181	170	177	186	-	171	170	-	-	160	-	162
8 поперечный диаметр	120	134	143	136	131	144	127	-	-	126	-	-

9 наименьш. шир. лба	96	110	92	94	-	92	92	-	-	-	-	-
10 наибольш. шир. лба	101	-	123	115	-	118	112	-	-	-	-	-
11 шир. основ. черепа	-	121	123	126	-	127	102	-	-	-	-	111
5 дл. основания черепа	-	90	-	106	-	101	-	-	-	-	-	91
16 шир. затылочн. отвер.	27	32	-	32	-	31	-	-	-	-	-	28
7 дл. затылочн. отвер.	31	33	-	39	-	33	-	-	-	-	-	33
12 ширина затылка	-	97	111	109	103	112	96	-	-	97	-	104
17 высотный диаметр	-	126	-	145	-	141	-	-	-	-	-	135
20 ушн. выс. расст-е ро-вр	-	124	125	139	-	133	119	-	-	-	-	126
29 лобная хорда	107	104	112	125	-	110	100	118	-	110	-	102
30 теменная хорда	103	105	109	110	-	108	107	-	-	98	-	110
31 затылочная хорда	-	97	106	105	-	96	95	99	99	102	110	94
26 лобная дуга	120	110	126	127	-	122	110	130	-	120	-	112
27 теменная дуга	125	130	130	130	-	120	124	-	-	125	-	132
28 затылочная дуга	-	105	140	120	-	110	109	115	112	110	123	110
45 скуловой диаметр	-	-	-	-	-	-	101	-	-	-	-	-
40 длина основания лица	-	-	-	95	-	89	-	-	-	-	-	79
48 верхняя высота лица	-	-	-	74	-	68	53	-	-	-	-	59
47 полная высота лица	-	-	-	124	-	115	86	-	-	-	-	-
46 средняя шир. лица	-	-	-	-	-	-	74	84	-	-	-	77
60 длина альв. дуги	-	47	49	57	-	54	36	45	-	-	-	46
61 ширина альв. дуги	-	62	59	60	-	-	54	63	-	-	-	60
63 ширина неба	-	36	30	38	-	-	26	36	-	-	-	32
55 высота носа	-	-	-	53	-	52	37	-	-	-	-	45
54 ширина носа	23	-	-	26	-	24	20	-	-	-	-	22
51 ширина орбиты	-	-	-	38	-	37	32	-	-	-	-	37
52 высота орбиты	-	-	-	32	-	31	28	-	-	-	-	33
50 максиллофронт. шир.	24	-	22	23	-	24	22	23	-	-	-	20
62 длина неба	33	39	37	46	-	40	32	-	-	-	-	37
68 дл. ниж. чел. от углов	76	-	72	78	-	80	58	75	-	-	79	-
70(а) выс. ветви ниж. чел.	63	-	88	60	-	73	38	51	-	-	53	-
69(с) медиальная выс.	29	-	35	36	33	35	23	-	-	26	25	24
66 угловая ширина	91	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-
65 мышцелковая ширина	107	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

71 ширина ветви	32	-	30	36	-	35	29	32	-	33	25	27
69-1 высота тела P2-M1	29	-	29	35	27	36	20	25	-	-	-	22
69-2 высота тела M1-M2	26	-	27	33	25	36	18	23	-	-	-	20
79 угол ветви ниж. чел.	124	-	128	128	-	118	124	123	-	-	144	122
8:1 черепной указатель	66,2	78,8	80,7	73,1	-	84,2	74,7	-	-	78,7	-	-
17:1 высотно-продольный	-	74,1	-	77,9	-	82,4	-	-	-	-	-	83,3
17:8 высотно-поперечный	-	94	-	106,6	-	97,9	-	-	-	-	-	-
48:45 верхнелицевой	-	-	-	-	-	-	52,4	-	-	-	-	-
40:55 выступания лица	-	-	-	89,6	-	88,1	-	-	-	-	-	86,8
54:55 носовой	-	-	-	49	-	46,1	54	-	-	-	-	48,8
52:51 орбитный mf	-	-	-	84,2	-	83,7	87,5	-	-	-	-	89,1

Таблица 2. Индивидуальные измерения ключиц

	Погребения													
	362-2		364-1		364-2		364-3		364-4		365-1		365-2	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	124	126	102	-	-	-	137	-	-	-	129	-
6	38	37	30	32	33	30	22	22	44	-	30	31	31	-
6:1	-	-	24,1	25,3	32,3	-	-	-	32,1	-	-	-	24,0	-

	Погребения													
	366		368		369		371-2		374		376		377-2	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	-	-	132	-	142	75	75	-	-	-	-
6	26	26	37	33	-	33	-	35	18	18	27	27	-	33
6:1	-	-	-	-	-	25,0	-	24,6	24,0	24,0	-	-	-	-

Таблица 3. Индивидуальные измерения плечевых костей

	Погребения											
	362-1		362-2		362-3		363-1		363-2		364-1	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	335	304	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	26	24	24	22	17	17	20	20	-	-	21	21
6	21	22	16	18	16	16	18	18	-	-	14	15
7	70	66	55	56	55	55	55	55	-	-	53	54

4	-	-	50	-	-	-	-	-	-	-	58	56
10	-	-	43	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7:1	-	19,7	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6:5	80,7	91,6	66,6	81,8	94,1	94,1	90	90	-	-	66,6	71,4

	<i>Погребения</i>											
	364-2		364-3		365-1		365-2		366		368	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	-	335	334	-	-	-	-	-	-
5	-	20	19	19	26	23	19	19	17	17	24	21
6	-	17	16	15	21	22	16	16	13	13	19	17
7	-	54	51	50	64	64	53	53	47	47	63	60
4	-	53	-	-	66	65	-	-	-	-	64	-
10	-	-	-	-	49	49	-	-	-	-	-	-
7:1	-	-	-	-	19,1	19,1	-	-	-	-	-	-
6:5	-	85	84,2	78,9	80,7	95,6	84,2	84,2	76,4	76,4	79,1	80,9

	<i>Погребения</i>											
	369		371-1		371-2		372-1		372-2		372-3	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	317	320	317	-	-	-	-	-	311
5	17	16	21	25	22	21	23	22	-	20	23	23
6	15	16	17	18	18	18	19	18	-	16	18	20
7	47	46	54	55	60	60	64	62	60	58	61	63
4	56	-	54	52	54	57	-	64	-	58	-	-
10	-	-	-	39	42	-	-	-	-	41	-	44
7:1	-	-	-	17,3	18,7	18,9	-	-	-	-	-	20,2
6:5	88,2	100	80,9	72	81,8	85,7	82,6	81,8	-	80	78,2	86,9

	<i>Погребения</i>									
	374		376		377-2		378-1		378-2	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	-	312	306	-	-	-	-
5	11	11	17	17	22	22	18	18	12	12
6	10	9	16	16	16	16	16	16	12	12
7	32	-	52	52	55	57	53	53	40	40

4	-	-	-	-	-	59	-	-	-	-
10	-	-	-	-	39	38	39	39	-	-
7:1	-	-	-	-	17,6	18,8	-	-	-	-
6:5	90	81,8	94,1	94,1	72,7	72,7	88,8	88,8	100	100

Таблица 4. Индивидуальные измерения локтевых костей

	<i>Погребения</i>											
	362-1		363-1		364-1		364-2		364-3		365-1	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	240	240	-	-	251	239	-	199	-	270	270
2	-	211	211	-	-	221	212	210	184	-	240	239
3	-	32	32	-	-	30	35	34	33	-	37	35
11	15	12	12	15	11	10	12	11	10	10	13	13
12	17	12	12	17	12	14	17	15	14	13	14	14
13	26	20	20	26	19	19	23	19	17	-	27	27
14	42	30	30	38	27	27	29	27	24	-	34	34
3:2	-	13,3	13,3	-	-	13,5	16,5	16,1	17,9	-	13,7	14,6
11:12	88,2	100	100	88,2	91,6	71,4	70,5	73,3	71,4	76,9	92,8	92,8
13:14	61,9	66,6	66,6	68,4	70,3	70,3	79,3	70,3	70,8	-	79,4	79,4

	<i>Погребения</i>											
	368		369		371-2		372-1		372-2		372-3	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	265	-	-	-	-	264	-	-	-	-	-	-
2	232	232	-	-	-	234	-	-	-	-	-	-
3	39	35	30	27	33	31	40	40	-	-	36	36
11	14	14	12	9	11	12	16	15	14	13	12	12
12	17	17	14	12	12	15	16	16	16	17	16	16
13	26	24	21	-	18	21	-	26	-	24	-	-
14	32	32	28	-	26	27	-	32	-	31	-	-
3:2	16,8	15,0	-	-	-	13,2	-	-	-	-	-	-
11:12	82,3	82,3	85,7	75,0	91,6	80,0	100	93,7	87,5	76,4	75,0	75,0
13:14	81,2	75,0	75,0	-	69,2	77,7	-	81,2	-	77,4	-	-

	<i>Погребения</i>							
	376		377-1		377-2		378-1	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	260	-	250	-	-

2	-	-	-	231	-	223	-	-
3	-	-	32	32	36	32	-	-
11	10	10	11	11	12	11	-	-
12	14	14	13	16	16	15	-	-
13	-	-	23	22	-	21	22	20
14	-	-	30	28	-	29	29	26
3:2	-	-	-	13,8	-	14,3	-	-
11:12	71,4	71,4	84,6	68,7	75,0	73,3	-	-
13:14	-	-	76,6	78,5	-	72,4	75,8	76,9

Таблица 5. Индивидуальные измерения лучевых костей

	<i>Погребения</i>									
	362-1		362-3		363-1		364-1		364-2	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	255	-	220	-	-	-	217	229	213	214
2	245	-	210	-	-	-	215	221	206	206
3	56	48	35	-	38	-	36	37	39	38
4	18	17	15	-	15	-	14	14	15	15
5	13	13	10	-	11	-	10	11	10	11
3:2	22,8	-	16,6	-	-	-	16,7	16,7	18,9	18,4
5:4	72,2	76,4	66,6	-	73,3	-	71,4	78,5	66,6	73,3

	<i>Погребения</i>									
	364-3		365-1		366		368		369	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	242	243	-	-	245	-	233	-
2	-	-	232	233	-	-	238	-	227	-
3	34	34	43	42	31	31	36	36	33	29
4	12	13	16	15	12	12	14	-	12	9
5	10	12	12	12	9	9	12	-	12	9
3:2	-	-	18,5	18,0	-	-	15,1	-	14,5	-
5:4	83,3	92,3	75	80	75	75	85,7	-	100	100

	<i>Погребения</i>									
	371-1		371-2		372-1		372-2		372-3	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	241	-	-	-	235	-	-

2	-	-	-	232	-	-	-	229	-	-
3	36	35	33	37	41	42	-	34	41	41
4	14	13	15	14	17	16	15	15	16	16
5	12	10	11	12	12	13	10	10	13	13
3:2	-	-	-	15,9	-	-	-	14,8	-	-
5:4	85,7	76,9	73,3	85,7	70,5	81,2	66,6	66,6	81,2	81,2

Таблица 6. Индивидуальные измерения бедренных костей

	<i>Погребения</i>											
	362-1		362-2		362-3		363-2		364-1		364-2	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	-	-	-	-	-	402	-	-	397
2	455	-	437	-	-	-	425	426	400	-	-	400
21	77	-	71	71	-	-	66	66	72	67	-	-
6	26	26	24	-	-	24	24	24	25	19	23	23
7	30	30	25	-	-	20	26	27	26	22	25	25
8	96	96	80	-	79	82	86	83	81	68	75	75
9	37	37	29	29	-	21	32	33	27	26	28	29
10	27	27	22	22	-	23	22	23	22	18	23	25
13	99	98	93	93	-	-	85	86	91	-	88	91
15	40	40	27	27	-	31	28	28	31	-	30	31
18	50	51	42	42	-	43	41	41	41	-	41	41
29	136	136	136	136	-	140	135	135	125	132	121	121
8:2	21,0	-	18,3	-	-	-	20,2	19,4	20,2	-	-	18,7
6:7	86,6	86,6	96,0	-	-	120	92,3	88,8	96,1	86,3	92,0	92,0
10:9	72,9	72,9	75,8	75,8	-	109	68,7	69,6	81,4	69,2	82,1	86,2

	<i>Погребения</i>											
	364-3		364-4		365-1		365-2		366		368	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	-	477	473	433	-	-	-	462	462
2	-	-	-	-	473	469	441	-	-	-	459	451
21	67	67	-	-	81	81	-	-	-	-	71	-
6	18	19	18	18	28	30	22	25	20	20	25	26
7	22	20	17	16	29	30	23	23	20	21	26	24
8	63	63	55	56	90	92	73	75	65	66	83	82

9	25	26	-	-	33	36	29	-	24	24	32	30
10	21	20	22	-	26	27	20	-	17	17	24	24
13	-	-	17	-	103	104	-	-	89	89	101	98
15	30	31	-	-	40	40	-	-	27	26	37	34
18	-	-	-	-	51	50	41	40	38	38	48	48
29	138	138	-	-	133	133	-	-	131	131	130	130
8:2	-	-	-	-	19,0	19,6	16,5	-	-	-	18,0	18,1
6:7	81,8	95,0	105,8	105,8	96,5	100	95,6	92,0	100	95,2	96,1	108,3
10:9	84,0	76,9	-	-	78,7	75,0	68,9	-	70,8	70,8	75,0	80,0

	<i>Погребения</i>											
	369		371-2		372-1		372-2		372-3		374	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	432	425	430	440	-	-	428	-	-	-	-	-
2	430	422	428	433	-	-	425	-	-	-	-	-
21	-	67	74	73	77	79	-	-	-	-	-	-
6	22	23	25	25	29	30	26	26	29	28	13	13
7	26	25	28	28	29	30	26	28	29	29	12	12
8	74	75	84	84	91	89	80	82	90	88	42	42
9	29	28	32	31	31	32	30	29	31	29	14	14
10	21	21	24	24	28	29	24	25	28	28	12	12
13	88	86	90	89	-	-	-	-	-	-	-	-
15	30	32	31	30	-	-	-	-	-	-	-	-
18	42	42	44	43	-	-	43	-	-	-	-	-
29	135	136	133	133	-	-	132	-	-	-	-	-
8:2	17,2	17,7	19,6	19,3	-	-	18,8	-	-	-	-	-
6:7	88,0	92,0	89,2	89,2	100	100	100	92,2	100	96,5	108,3	108,3
10:9	72,4	75,0	75,0	77,4	90,3	90,6	80,0	86,2	90,3	96,5	85,7	85,7

	<i>Погребения</i>									
	376		377-1		377-2		378-1		378-2	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	445	445	445	440	-	-	-	-
2	-	-	440	439	441	439	-	-	-	-
21	-	-	74	75	72	72	65	72	-	-

6	20	20	26	26	27	27	24	26	17	17
7	22	22	31	29	28	30	26	27	16	16
8	67	67	86	87	86	87	78	80	52	52
9	28	28	31	31	31	28	28	29	21	21
10	23	23	27	27	24	25	22	23	16	16
13	-	-	90	90	92	91	-	-	-	-
15	-	-	31	31	31	29	30	-	-	-
18	-	-	43	43	42	42	-	-	-	-
29	-	-	139	139	131	131	132	-	-	-
8:2	-	-	19,5	19,8	19,5	19,8	-	-	-	-
6:7	90,9	90,9	83,8	89,6	96,4	90,0	92,3	96,2	106,2	106,2
10:9	82,1	82,1	87,0	87,0	77,4	89,2	78,5	79,3	76,1	76,1

Таблица 7. Индивидуальные измерения большеберцовых костей

	<i>Погребения</i>											
	362-1		362-2		362-3		363-1		363-2		364-1	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	383	383	-	347	-	-	-	-	356	356	355	363
1a	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	361	370
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	349	355
3	74	-	-	65	-	-	-	-	63	64	67	63
9(a)	26	25	-	21	20	21	22	22	21	21	21	20
10(b)	80	80	-	66	60	65	80	80	68	68	63	57
10(b):1	20,8	20,8	-	19,0	-	-	-	-	19,1	19,1	17,7	15,7

	<i>Погребения</i>											
	364-2		364-3		364-4		365-1		365-2		366	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	324	-	-	-	-	380	380	369	368	-	-
1a	-	326	-	-	-	-	383	383	375	373	-	-
2	307	312	-	-	-	-	365	365	355	355	-	-
3	-	-	60	59	-	-	77	77	67	67	61	-
9(a)	21	22	20	21	17	16	24	24	20	19	18	18
10(b)	61	61	57	57	52	52	70	70	64	63	61	61
10(b):1	-	18,8	-	-	-	-	18,4	18,4	17,3	17,1	-	-

	<i>Погребения</i>											
	368		369		371-2		372-1		372-2		372-3	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	365	-	-	377	375	376	378	353	-	351	345
1a	-	375	-	-	381	381	384	384	360	-	367	353
2	-	354	-	-	362	363	361	359	339	-	335	334
3	70	69	65	-	-	-	70	-	-	-	70	66
9(a)	24	22	21	20	24	24	25	25	19	19	25	24
10(b)	70	70	60	66	71	72	76	75	65	65	75	75
10(b):1	-	19,1	-	-	18,8	19,2	20,2	19,8	18,4	-	21,3	21,7

	<i>Погребения</i>													
	374		376		377-1		377-2		377-3		378-1		378-2	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	-	369	375	362	365	-	-	316	311	-	-
1a	-	-	-	-	383	379	377	370	-	-	322	319	-	-
2	-	-	-	-	369	360	350	353	-	-	306	305	-	-
3	-	-	-	-	71	70	70	69	-	-	-	68	-	-
9(a)	13	12	21	21	23	23	24	23	26	26	22	22	18	19
10(b)	37	37	62	62	75	73	70	68	85	85	70	70	55	55
10(b):1	-	-	-	-	20,3	19,4	19,3	18,6	-	-	22,1	22,5	-	-

Таблица 8. Индивидуальные измерения малоберцовых костей

	<i>Погребения</i>												
	362-1		363-1		364-1		364-2		364-3		365-1		
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	371	-
2	15	15	11	11	14	10	-	11	11	11	13	14	
3	14	14	11	11	10	10	-	10	11	11	12	12	
4(a)	41	40	36	35	-	-	-	33	-	-	37	41	
3:2	93,3	93,3	100	100	71,4	100	-	90,9	100	100	92,3	85,7	

	<i>Погребения</i>											
	365-2		368		369		371-2		372-1		372-3	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	-	357	-	-	-	-	-	-	-	-
2	13	13	-	35	10	11	18	14	14	14	16	16

3	10	10	-	13	8	9	11	11	11	11	13	13
4(a)	-	-	-	12	25	23	26	27	35	35	38	38
3:2	76,9	76,9	-	37,1	80,0	81,8	61,1	78,5	78,5	78,5	81,2	81,2

	<i>Погребения</i>									
	376		377-1		377-2		377-3		378-1	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
1	-	-	372	373	-	356	389	-	310	312
2	13	13	17	17	15	16	16	16	15	15
3	11	11	11	11	12	12	15	14	11	12
4(a)	-	-	36	36	35	35	32	43	31	31
3:2	84,6	84,6	64,7	64,7	80,0	75,0	93,7	87,5	73,3	80,0

Таблица 9. Патологии и эпигенетические признаки

Патологические изменения	Мужчины	Женщины	Дети	Неопределенные
Утрата зубов	3	5	-	1
Разрушение зуба	1	1	-	-
Зубной камень	6	7	1	1
Эмалевая гипоплазия	1	5	-	1
Кариес	4	4	-	1
Абсцесс	1	-	-	2
Дегенеративные изменения нижней челюсти	-	1	-	-
Гиподонтия	-	1	-	-
Нарушение зубного ряда	-	1	-	1
Нарушение прикуса	-	2	-	-
Холодовый стресс	1	-	-	-
Сribra orbitalia	2	4	2	-
Синдром Морганьи-Стюарта-Мореля	1	1	-	-
Истончение ткани свода черепа	-	-	-	1
Синусит	1	-	-	-
Артроз основания черепа	1	-	-	-
Поротический гиперостоз	3	-	-	1
Травма черепа	2	1	-	-
Артроз ключиц	-	1	-	-

Артроз ребер	2	1	-	-
Артроз лопаток	1	-	-	-
Перелом костей верхних конечностей	-	1	-	-
Экзостоз	1	1	-	-
Остеоартрит	2	1	-	-
Остеофитоз	-	1	-	-
Артроз костей нижних конечностей	1	2	-	1
Диффузный идиопатический скелетный гиперостоз	-	1	-	-
Узлы Шморля	-	2	-	-
Спондилоз	1	1	-	-
Синостоз позвонков	1	-	-	-
Остеит	2	-	-	-
Периостит	2	2	-	-
Остеохондрит коленного сустава	-	1	-	-
Искривление длинных костей ног	1	1	-	-
Энтезопатия надколенников	2	-	-	1
Коксит	1	1	-	-
Инфекционные поражения нижних конечностей	1	-	-	-
Асимметрия посткраниального скелета	-	-	-	1
Энтезопатия пяточных костей	2	-	-	-
Энтезопатия костей рук	1	-	-	-
Эпигенетические изменения				
Добавочные косточки на черепе	3	6	1	3
Метопизм	1	5	-	2
Аденгия	2	-	-	-
Межмышцелковые отверстия	1	2	-	-
Надмышцелковый отросток	-	1	-	-
Искусственная деформация черепа	8	10	2	1

Н. П. ТУРОВА

**ПОЛЕВЫЕ И ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
«СИМЕИЗСКОГО СКЛЕПА 1955 г.» В ФОНДАХ ЯЛТИНСКОГО
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ**

В статье публикуются находки из склепа, обнаруженного в Приморском парке поселка Симеиз у подножия скалы Панеа в 1955 году. Материалы из склепа хранятся в фондах Ялтинского историко-литературного музея [1, с. 171-184]. К сожалению, в свое время они не были опубликованы, некоторые находки были депаспортизованы. Неизвестно и место хранения археологического отчета. Однако в публикациях отдельных авторов мы находим информацию об исследовании склепа, о его конструктивных особенностях и находках.

А. Л. Якобсон в археологической карте раннесредневековых памятников говорит о нескольких могилах, исследованных в 1955 г. Л. А. Афанасьевой, зав. отделом дореволюционного прошлого Ялтинского музея краеведения [2, с. 45]. И. А. Баранов отмечает коробовое перекрытие исследованного «Симеизского склепа» [3, с. 123]. В работах А. И. Айбабина [4, с. 233; 5, с. 43, 220, рис. 41,23; 6, табл. 38,56,57], В. Б. Ковалевской [7, табл. VIII,15], Л. В. Фирсова [8, с. 337], Б. Иванова и О. Пелевеной [9, с. 88-97, рис. 1,6, табл. 38,56,57] упоминаются происходящие из раскопок склепа бронзовые пряжки, деревянные гребни, бляшки поясного набора, стеклянные браслеты.

В результате работы над систематизацией данной музейной коллекции неожиданной находкой оказались сведения, взятые из годового отчета о работе музея за 1955 г. [Архив ЯИЛИМ, Оп. 1, ед. хр. 45, л. 5, 6, с. 8-10]. В нем обстоятельно описаны история обнаружения погребального сооружения и его раскопки. Ниже мы полностью приводим текст данного документа.

В ноябре 1955 г. *«при копке ям для посадки деревьев у подножия скалы Панеа (недалеко от территории сан. им. Ленина), в яме обнаружена кладка из керченского камня, оказавшаяся частью свода склепа. Об этом заведующий Симеизским отделением Курзеленстроя т. Савин сообщил в музей. На место находки выехал директор музея т. Воронцов. О склепе было сообщено музеем сектору истории и археологии Крымского филиала АН УССР, но его руководство не нашло возможным в конце года, по обстоятельствам работы, выслать своих представителей для исследования склепа.*

Так как в склеп проникали, через проложенную неизвестными лицами траншею к дромосу (входу), хищники, копавшиеся в культурном слое, перемешавшие его и уносившие находки, и была опасность, что потревоженный свод рухнет, то с 16 по 21 декабря музей, получив полномочие от городского отдела культуры на охранную зачистку склепа (в лице директора и инспектора по охране памятников Воронцова и Афанасьевой), произвел охранную зачистку склепа, с помощью двух рабочих, выделенных Симеизским отделением Курзеленстроя.

В работе принимал деятельнейшее участие приехавший 17/12 представитель филиала т. Фронжуло, командированный для обследования и фиксации памятника (для его сохранения).

Памятник оказался чрезвычайно интересным и оригинальным. До сих пор склепов такого типа на Южном берегу Крыма не было обнаружено. Стены его сложены из булыжника, в плане помещение представляет собой правильный четырехугольник, свод арочный, полуциркульный, из хорошо обтесанных квадров керченского камня, кладка на цемянке.

Хотя, вследствие нарушенности, перемешанности культурного слоя, правильных раскопок производить не пришлось, но некоторую закономерность при поквдратной выборке слоя и общей зачистке удалось проследить. Погребение оказалось коллективным (возможно, родовым), богатым. Захоронения оказались расположенными вдоль трех стен склепа, причем скопление бус из стекла, смальты, пасты, сердолика и янтаря разных форм и расцветок и других мелких, предположительно женских украшений – у западной стены, в то время как массивные поясные пряжки и перстни найдены в большинстве у северной и южной стен, заставляют предположить, что женское захоронение находилось с одной стороны, а мужское – с двух других. В центральной части склепа обнаружена продольная вымостка. Найденные тут же 2 беспорядочно брошенных мраморных плиты и остатки древесины близ западной стены м.б. указывают на то, что захоронения имели ограждения, обращенные к центру, по сторонам вымощенной подходной площадки. Костей человеческих обнаружено множество, черепов целых более-менее или их крупных фрагментов на момент зачистки не было (один череп ранее передан музею Зеленстроем).

Находки в склепе, несмотря на то, что он был разграблен, причем, возможно, еще в древности подвергался разграблению, многочисленны.

Найдено и получено от т. Галиченко (собравшего ранее некоторые вещи в склепе) около двух десятков пряжек бронзовых Суук-синского типа и их фрагментов, около 150 бусин разнообразных, много фрагментов пуговичек бубенчиковидных и подвесок разных, несколько перстней и колец бронзовых, 8 фрагментов деревянных гребней, 2 стеклянных и 2 бронзовых браслета и проч.

Вещи в дальнейшем должны подвергнуться зачистке, фиксации и камеральной обработке специалистами для их сохранения и определения.

Рядом со склепом видны в обрезах ям для посадки кладки других погребальных сооружений».

По сути дела, данный документ является пока единственным отчетом о раскопках раннесредневекового некрополя в прибрежной части пгт. Симеиз.

Другим документальным источником о «Симеизском склепе 1955 г.» стала «Тетрадь находок при обследовании и охранной зачистке раннесредневекового склепа в Симеизе, у подножия скалы Панеа на территории поселкового парка». Документ составлен исследователем археологического памятника, сотрудником музея Л. А. Афанасьевой. «Тетрадь» представляет собой рукопись, написанную в небольшом блокноте. По-видимому, она является черновым вариантом коллекционной описи. Записи в блокноте начинаются 12 декабря и заканчиваются 18 декабря 1955 г. Опись делится на списки по участкам раскопок. Например: «Список №1/б. Траншея вдоль северной стены склепа. Шириной в 60 см». Список состоит из 6 столбцов: порядковый номер; наименование предмета; количество найденных вещей – сколько всего и сколько взято; № полевой описи; примечание. В конце карандашом под столбцом «взято» подведен итог – 291. Однако далее идет «Список №11. Дромос», и опись прерывается.

О количестве погребенных в склепе и количестве погребальных сооружений, исследованных в 1955 г., в описи никаких сведений не имеется. Речь идет только об одном склепе.

Сейчас в фондах музея хранится 227 предметов из данной коллекции (см. Каталог). Изделия из бронзы – пряжки, браслеты, небольшие подвески, пуговицы, кольца, перстни, деревянные гребни, стеклянные полихромные и монохромные бусины близки описанным в «Тетради находок...» 1955 г. вещам.

Среди них выделяются двадцать бронзовых цельнолитых и шарнирных пряжек так называемого «византийского круга» VII-VIII вв. (рис. 1-2, кат. 1-20). Это хорошо известные по раскопкам всех раннесредневековых крымских могильников пряжки типа «Сиракузы», «Болонья», «Эски-Кермен», варианты пряжек салтовского времени. Из них десять пряжек были упомянуты в работах А. И. Айбабина [4, с. 233; 5, с. 43, 48, 220, рис. 41,23].

Салтовским временем датируются и девять целых и фрагментированных бронзовых небольших подвесок в виде листиков (рис. 4, кат. 44-51). Четыре из них опубликованы А. И. Айбабиным и названы им поясными бляшками, которые крепились к ремню с помощью шпеньки [4, с. 233].

В качестве подвесок, как декоративные детали костюма, и непосредственно свою функциональную роль выполняли небольшие пуговицы, которых по описи 1955 г. в склепе было найдено 38 штук. Сейчас в фондах музея хранятся только 13 целых и фрагментированных бронзовых небольших пуговиц шарообразной формы с округлой петелькой (рис. 4, кат. 56-64, 219-221). Выделяются литые пуговицы (рис. 4, кат. 55-59) и пуговицы, изготовленные из двух тисненых половинок с проводочным ушком (рис. 4, кат. 60-64, 220, 221). В Таврике подобные пуговицы встречаются с конца VII по X вв. [10, с. 91]. В Новгороде пуговицы двух этих вариантов найдены в слоях рубежа XI-XII – XV вв. [11, с. 155].

Интересной находкой стала обнаруженная на поверхности культурного слоя бронзовая прорезная подвеска круглой формы с включенным в нее крестом (рис. 4, кат. 52). Аналогичные подвески широко встречаются в курганах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси и датируются XII-XIII вв. [11, с. 42, рис. 14,1; 12, с. 108]. К этому времени, видимо, относятся две другие фрагментированные прорезные подвески в виде своеобразного «круга с лучами» (рис. 4, кат. 53, 54).

Другие изделия и украшения из бронзы (браслеты, кольца, перстни) и бусины из стекла, пасты, сердолика и янтаря находят множество аналогий среди погребального инвентаря крымских могильников салтовского времени.

Находки деревянных гребней в раннесредневековых могильниках Южного берега Крыма нам по литературе неизвестны. Однако в симеизском склепе, по описи 1955 г., в юго-западной части (квадрат 7) были обнаружены два фрагмента деревянных гребней. При составлении каталога симеизских вещей выделены, по меньшей мере, фрагменты пяти гребней (рис. 2, кат. 64-68). Все они представлены одним типом гребней прямоугольной формы со слегка вогнутыми гладкими боковыми сторонами. Другие их параллельные стороны оформлены глубокими зубчиками. С одной стороны – частыми, с другой – редкими. Симеизские гребни, вошедшие в таблицу находок из погребений конца VII – IX вв., составленную А. И. Айбабиным, датированы им X в. [6, табл. 38,56,57]. Гребень, аналогичный симеизским, обнаружен в плитовом могильнике X-XII вв. у с. Заречное Симферопольского района в детской могиле №10. Он лежал на груди у подростка [13, с. 157, рис. 3].

По описи 1955 г. всего из склепа было взято в коллекцию 133 бусины из стекла, пасты и камня. Видимо, после реставрации они были нанизаны без всякого порядка на две низки и составили общее количество – 141 единицу (рис. 5, кат. 70-209). Преобладающее большинство их принадлежит монохромным и полихромным стеклянным бусинам, и только 7 из них изготовлены из камня (3 сердоликовые и 4 янтарные). Подобный состав ожерелий с единичными изделиями из камня появляется во второй половине VII в. [14, с. 46].

Среди полихромных и монохромных бусин, в основном, представлены экземпляры округлой формы, изготовленные путем навивки стеклянной массы вокруг стержня. Из бледно-желтого, синего стекла различной степени прозрачности изготовлены бусины биконической, бобовидной формы. Имеются бусины-пронизи, украшенные фестончатым орнаментом; полихромные округлые, бочонковидные, цилиндрические бусины, орнаментированные выпуклыми глазками и глазками-пятнышками; полосатые бусины из разноцветного стекла; бусины с зигзагообразным декором, образующим цепочку из ромбов.

Девять бусин одной из низки снабжены металлической прокладкой (рис. 5, кат. 70-139). Это одно-, двух-, четырех-, пяти- и шестичастные бусины. Семь из них представлены так называемыми ложнопозолоченными бусинами, широко распространенными в VIII-IX вв. по всей Европе [15, с. 100]. Изготовлены они с помощью

серебряной фольги, помещенной между двух слоев стекла, причем верхний слой стекла прозрачного светло-коричневого цвета.

Среди стеклянных бусин симеизского склепа выделяется фрагмент подвески-лунницы из бледно-голубого стекла. Подобные подвески встречаются в погребениях как конца VII – X вв., так и в более позднее время [10, с. 91].

Помимо описанных выше групп погребального инвентаря, обнаруженных в симеизском склепе и описанных в годовом отчете музея и описи в 1955 г., в склепе были найдены несколько фрагментов красноглиняных черепиц с бортиками и без (один из них со следами рельефной метки); фрагменты поливной керамики; обломок плиты крупнозернистого белого мрамора; куски древесины и угля. В музейной коллекции они обнаружены не были.

К сожалению, на основании известной нам музейной документации трудно представить площадь, какую занимал прибрежный могильник в пгт. Симеиз. При строительстве дач и усадеб в конце XIX – начале XX вв. в окрестностях скалы Панеа находили остатки погребальных сооружений различного типа. Так, в 90-х гг. XIX в. на северо-западном склоне скалы Панеа было открыто погребальное сооружение с вещами т.н. «готского типа» [16, с. 197, №21; 1, с. 177]. В 1904 г. при постройке дачи О. А. Чорна на глубине более 2 м от современной дневной поверхности были найдены восемь могил. Каждая из них была около 2 м в длину. Могилы были выложены песчаниковыми плитами. В них обнаружены кости погребенных с бусами и застежками. Дача О. А. Чорна находилась за общественным приморским садом севернее скалы Панеа [17, с. 46-47]. В 1911 г. на западном склоне скалы Панеа при постройке дачи г. Лансере также была найдена одна плитовая могила, сложенная из песчаниковых плит и перекрытая кусками глиняных амфор «величиной примерно около продольной половины от цельного сосуда» [17, с. 47-48].

О. И. Домбровский связывает могильник в Приморском парке с близлежащими остатками поселения в месте Ай-Панда [18, с. 28].

В паспорте на памятник археологии «Могильник средневековый VI-XI вв.», поставленный на учет в 1969 г., охранная зона закреплена в границах от скалы Панеа, парка санатория «Юность» до подпорной стены пляжа и причала, таким образом, общая площадь его равна 6,0 га [19, с. 398].

КАТАЛОГ предметов из «Симеизского склепа 1955 г.» Пряжки (20)

1. Пряжка бронзовая цельнолитая типа «Сиракузы». КП* 2246/1, АЗ-6884 (рис. 1). Пряжка имеет на конце щитка прямоугольный выступ. Длина 4,65 см, ширина рамки 3,3 см. Пряжка отреставрирована. Язычок утрачен. Часть щитка обломана и утрачена.

* В Каталоге использованы следующие сокращения: КП – книга поступлений основного фонда ЯИЛМ; НВ – книга научно-вспомогательного фонда ЯИЛМ; А2 – инвентарь

2. Пряжка бронзовая цельнолитая типа «Сиракузы». КП 2246/2, АЗ-6885 (рис. 1). Сохранился фрагмент щитка размером 2,5х2,5х0,5 см. Фрагмент отреставрирован. Две петли держателя на щитке, расположенные параллельно друг другу, обломаны.

3. Пряжка бронзовая цельнолитая типа «Сиракузы». КП 2246/3, АЗ-6886 (рис. 1). Сохранились щиток и язычок пряжки. Щиток, обломанный по краям, длиной 2,75 см, шириной 2,1 см. Язычок уплощенный, с двумя выступами на верхней поверхности. Петли держателя ремня частично утрачены. Пряжка отреставрирована.

4. Пряжка бронзовая цельнолитая типа «Сиракузы». КП 2246/4, АЗ-6887 (рис. 1). Щиток длиной 2,75 см, шириной 2,2 см. Кольцо рамки утрачено, петли держателя обломаны. Язычок с двумя выступами на верхней поверхности подклеен к щитку. Пряжка отреставрирована.

5. Пряжка бронзовая цельнолитая типа «Сиракузы». КП 2246/5, АЗ-6888 (рис. 1). Сохранился щиток пряжки размером 3,0х2,35х0,65 см. Отреставрирован. Две петли держателя на щитке, расположенные параллельно друг другу, обломаны.

6. Пряжка бронзовая цельнолитая типа «Сиракузы». КП 2246/6, АЗ-6889 (рис. 1). Длина 4,5 см, ширина рамки 3,2 см. Пряжка отреставрирована. Части щитка и одной петли крепления утрачены.

Пряжки типа «Сиракузы» из Симеизского склепа упомянуты в работе А. И. Айбабина «Салтовские поясные наборы из Крыма» [4, с. 233]. По его типологии, данные византийские пряжки относятся ко II типу 4 варианту 1 подварианту [5, с. 42-43].

7. Пряжка бронзовая цельнолитая с прорезным округлым щитком, украшенным трилистником. КП 2246/9, АЗ-6892 (рис. 1). На тыльной стороне щитковой части имеется три выступа (части обломанных петель крепления пряжки). Они расположены треугольником. Пряжка отреставрирована. Часть овальной рамки утрачена. Язычок уплощенный, с двумя выступами, конец язычка обломан.

Пряжка упоминается в типологии А. И. Айбабина в пряжках 5 варианта, наряду с пряжками из крымских некрополей, могильников Чми, Афин, Пергама и из лангобардской могилы в Кастел-Трозино [5, с. 43].

8. Пряжка бронзовая цельнолитая с округлой частью щитка, украшенным леандровым орнаментом. КП 2246/11, АЗ-6894 (рис. 1). Размер 4,2х3,8х0,9 см. Рамка с глубоким углублением для язычка. На щитковой части пряжки имеется сквозное отверстие, с тыльной стороны – две петли-крепления, расположенные параллельно. Язычок и часть щитка утрачены. Пряжка отреставрирована.

Подобные пряжки, находившиеся в употреблении в предсалтовское время в первой половине VIII в., известны в Крыму в погребениях некрополей Узень-Баш, Эски-Кермен, Скалистое, Лучистое, Чуфут-Кале, Суук-Су. По классификации А. И. Айбабина, относится к пряжкам II-3-3 [5, с. 42-43].

9. Пряжка бронзовая цельнолитая. КП 2246/12, АЗ-6895 (рис. 1). Она близка по форме пряжкам типа «Сиракузы», но украшена на округлой части щитка крестовидным четырехлистником. Пряжка отреставрирована. Язычок утрачен, части рамки и петель крепления отбиты.

Пряжка отнесена А. И. Айбабиным к пряжкам варианта 4-2 и датирована второй полови-

ной VII в. [5, с. 43]. Исследователь ссылается на работу В. Б. Ковалевской, где была опубликована симеизская пряжка, отнесенная автором к VIII в. [7, табл. VIII,15].

10-11. Язычки бронзовых цельнолитых пряжек (2 шт.). НВ 36471-36472 (рис. 1). Размер 2,4x0,9x0,2 и 2,5x1,0x0,3 см. На верхней поверхности украшены двумя выступами. Отреставрированы.

12. Язычок бронзовой шарнирной пряжки. НВ 36473 (рис. 1). Размер 2,7x1,1x0,3 см. Массивный язычок на верхней поверхности имеет прямоугольный выступ с выемкой наверху. Отреставрирован.

13. Пряжка бронзовая шарнирная типа «Болонья». КП 2246/7, АЗ-6890 (рис. 1). Состоит из двух отдельных фрагментов: части рамки с язычком, имеющим выступ на верхней поверхности, размером 2,0x1,8x0,7 см, и каплевидного щитка с прорезью в виде сердечка, размером 2,2x1,4x0,6 см. Петли крепления частично утрачены. Они расположены вдоль длины щитковой части пряжки на тыльной стороне. Пряжка отреставрирована.

Пряжки типа «Болонья» с каплевидным прорезным щитком и овальным кольцом, по типологии А. И. Айбабина, датированы второй половиной VII в. и относятся к 1 подварианту шарнирных пряжек (1-1) [5, с. 46].

14. Пряжка бронзовая шарнирная со сложным прорезным орнаментом на ажурном щитке. КП 2246/8, АЗ-2246 (рис. 1). Отреставрирована, сломана в центральной части щитка. Части рамки, щитка и петель крепления утрачены. Восстановленная длина щитка 6,0 см, ширина – 2,8 см. Большой щиток, орнаментированный шестью отверстиями неправильной формы и двумя круглыми, удлиненной формы, крестообразный, заканчивается на конце округлым уплощенным выступом. Пряжка имеет массивный язычок, овальную рамку. Отреставрирована.

Симеизская пряжка опубликована без аннотации у А. И. Айбабина [5, с. 220, рис. 41,23]. Ей подобны пряжка из Керченского музея и пряжка, обнаруженная в склепе 771 Скалистинского могильника, отнесенная к 10 варианту трехчастных пряжек данного некрополя [20, с. 160-162, 173, рис. 121,28]. Пряжка Скалистинского могильника была обнаружена в погребении №6 вместе с затертыми медными монетами Тиберия Константина (578-582 гг.) или Маврикия (582-602 гг.). Этому погребению принадлежала и находка деревянного гребня [20, с. 161, 195].

15. Пряжка бронзовая шарнирная типа «Эски-Кермен». КП 2246/14, АЗ-6897 (рис. 2). Отреставрирована, распалась на части. Состоит из овальной рамки, массивного язычка и щитка. Последний имеет удлиненную форму с трапециевидной верхней частью с двумя удлиненными отверстиями и дисковидной нижней частью с четырьмя круглыми отверстиями. Щиток длиной 6,1 см, шириной 3,25 см.

Бронзовые шарнирные пряжки типа «Эски-Кермен» найдены только в Крыму. Пряжка из Симеиза относится, по типологии А. И. Айбабина, к 6 варианту малых пряжек византийского круга с шарнирным устройством, овальным кольцом и с дисковидной частью щитка [5, с. 47, рис. 45]. По длине и характеру декора пряжки типа «Эски-Кермен» разделены А. И. Айбабиным на 4 подварианта. Пряжка из Симеиза относится к варианту 6-4. Подобные пряжки обнаружены в погребениях могильников Узень-Баш и Скалистое. Для них характерны небольшие размеры 8,0-8,6 см и декор в виде кружков, расположенный густо и беспорядочно. Пряжки типа «Эски-Кермен», больших размеров без декора и украшенные кружками с точками, отнесенные А. И. Айбабиным к подвариантам 1 и 2, встречаются в погребениях с вещами второй половины VII – первой половины VIII вв. Уменьшенные размеры

и небрежно выполненный декор, по А. И. Айбабину, являются признаками более поздних вариантов данных пряжек, которые обнаружены в захоронениях с вещами IX в. [5, с. 47, 48].

16. Пряжка бронзовая шарнирная. КП 2246/10, АЗ-6893 (рис. 2). Имеет овальную рамку с выступами для массивного язычка и удлиненный щиток в виде трех соединенных треугольником окружностей (две диаметром 1,1-1,2 см, третья – 1,8 см). Размер 5,6x3,15x2,5 см. Пряжка отреставрирована, перегнута в месте шарнирного устройства. Части двух петель крепления утрачены.

17. Пряжка бронзовая шарнирная. КП 2246/13, АЗ-6896 (рис. 2). Пряжка имеет овально-трапециевидную рамку, язычок с четко выраженным ребром и удлиненный прямоугольный щиток с округлым окончанием. Щиток украшен многолистной «перевязанной» пальметтой, в которой продолговатые листья чередуются с парами кольцеобразно завитых внутрь побегов [9, с. 89-90, рис. 1,6]. Длина пряжки 9,0 см, ширина щитка 2,7 см.

Орнамент щитка близок рисунку на наконечнике ремня из Херсона конца VII – первой половины VIII вв. [6, табл. 37,9]. Подобные симеризской пряжки, но с небольшими отличиями в рисунке орнамента, обнаружены в погребении всадника на Тепсени, в Керчи, в могильнике Суук-Су с поясной гарнитурой первой половины VIII в. [3, с. 123].

18. Пряжка бронзовая шарнирная. КП 2246/112, АЗ-7552 (рис. 1). Состоит из двух частей: щитка и язычка с частью рамки. Щиток напоминает латинскую букву U. Он имеет легкие вдавления на гладкой поверхности: в центре – в виде сердечка, по бокам – линии. На тыльной стороне щитка три петли крепления, которые частично утрачены. Длина щитка 2,4 см, ширина 2,2 см. Язычок массивный, расширяется к хоботку, в сечении подтреугольный, украшенный на верхней поверхности прямоугольной части вдавлением. Отреставрирована.

По типологии А. И. Айбабина, пряжка относится к 3 варианту шарнирных пряжек с овальным кольцом и U-образным щитком [5, с. 47, рис. 41,18,22]. В Крыму известны пряжки со щитком двух разновидностей – с гладким и с прорезным растительным орнаментом. Пряжки обоих вариантов находят в захоронениях, совершенных не позднее второй половины VII в. [5, с. 47].

19. Пряжка бронзовая шарнирная фрагментированная. НВ 36474 (рис. 1). Она имеет прорезной щиток с трапециевидной верхней и овальной нижней частями. Пряжка состоит из 4 фрагментов. Рамка и часть язычка обломаны. Язычок треугольный в сечении, у основания слегка утолщен и уплощен, украшен на верхней поверхности вдавленным кружком. Щиток прорезной, в трапециевидной части имеет вырез в виде сердечка, в овальной части – вырезы в виде треугольников. Восстановленная длина пряжки 5,1 см.

Пряжка упоминается у А. И. Айбабина [5, с. 48]. Подобные пряжки отнесены им к 7 варианту пряжек и датированы не ранее VIII в. Аналогичные пряжки найдены в Скалистинском могильнике и на Кавказе [5, с. 48].

20. Пряжка бронзовая бесщитковая. КП 2246/113, АЗ-7553 (рис. 1). Кольцо рамки пряжки незамкнутое, овальное, отлитое с массивной передней частью. Язычок пластинчатый, литой. На верхней поверхности у основания язычок имеет прямоугольное расширение, украшенное гравированными линиями, образующими прямоугольник с диагоналями и пятью точками в нем, которые расположены крестообразно. Размер 5,0x2,7x0,4 см.

Браслеты (6)

21. Браслет бронзовый, с разомкнутыми расширяющимися концами. КП 2246/37, АЗ-6920 (рис. 3). Концы браслета украшены насечками. В сечении овальной формы. Размер 6,6x6,2 см, диаметр сечения 0,4-0,7 см.

22. Браслет бронзовый пластинчатый, с разомкнутыми концами. КП 2246/38, АЗ-6921 (рис. 3). Один конец расширяется, другой – сужается. Размер 4,4х4,0 см, сечение – 0,3-0,5х0,0,2 см.

23. Браслет стеклянный витой, черного цвета на просвете темно-зеленого стекла. КП 2235/1, АЗ-56. Диаметр 8,5 см.

24. Браслет стеклянный витой, черного цвета на просвете темно-зеленого стекла. КП 2235/2, АЗ-57 (рис. 3). Диаметр 7,9-8,1 см.

Два последних браслета датированы Л. В. Фирсовым XII-XIII вв. [8, с. 337].

25. Браслет стеклянный уплощенный, синего стекла с орнаментом желтого цвета на внешней стороне. КП 2236, АЗ-24. Диаметр 6,7 см.

Л. В. Фирсов датировал его XII-XIII вв. [8, с. 337]. Подобные расписные стеклянные браслеты из Саркела-Белой Вежи встречаются в культурных слоях второй половины IX – первой половины XII вв. Причем, преобладают они в слоях XI в. [21, с. 323].

26. Браслет витой бронзовый. КП 2238, АЗ-2238 (рис. 3). Диаметр 5,8 см.

Подобные браслеты найдены в некрополях конца VIII – XI вв. на территории Болгарии [22, с. 302, рис. 5,2,3].

Перстни (9)

27. Фрагмент перстня бронзового с гравировкой, которой оформлен округлый щиток с монограммой в центре и насечки на кольце. КП 2246/21, АЗ-6904 (рис. 3). Размер 2,0х1,4х1,0 см.

28. Фрагмент перстня бронзового с округлым щитком, выделенным гравированной линией. КП 2246/22, АЗ-6905 (рис. 3). Перстень украшен насечками, расположенными в виде елочки. Изображение на щитке плохо различимо. Размер 2,05х1,0х0,3 см.

29. Фрагмент перстня бронзового с овальным уплощенным щитком, украшенным гравированным изображением креста. КП 2246/23, АЗ-6906 (рис. 3). Размер 2,2х0,8х0,05 см.

30. Фрагмент перстня бронзового с овальным гладким уплощенным щитком. КП 2246/24, АЗ-6907 (рис. 3). Склеен из двух частей. Размер 2,1х1,6х0,7 см.

31. Фрагмент перстня бронзового с овальным щитком, на котором имеются следы гравировки в виде диагонально расположенных и вертикальных линий. КП 2246/25, АЗ-6908 (рис. 3). Размер 2,1х1,1х1,0 см.

32. Фрагмент перстня бронзового с щитком в форме креста с гравированными линиями на нем. КП 2246/26, АЗ-6909 (рис. 3). Размер 2,2х0,85х0,15 см.

33. Фрагмент перстня бронзового в виде кольца с напаянным круглым уплощенным щитком, украшенным пятиконечной звездой. КП 2246/27, АЗ-6910 (рис. 3). Размер 1,05х0,8х0,4 см.

34. Фрагмент перстня бронзового проволочного с овальным уплощенным щитком. КП 2246/28, АЗ-6911 (рис. 3). На щитке заметны следы орнамента из вдавленных кружков, расположенных по кругу. Размер 1,2х0,7х0,3 см.

35. Фрагмент перстня бронзового с ромбовидным уплощенным щитком, украшенным двумя перекрещивающимися линиями в виде креста. КП 2246/29, АЗ-6912 (рис. 3). Размер 2,0х0,9х0,25 см.

Кольца (5)

36. Кольцо бронзовое пластинчатое с разомкнутыми концами. КП 2246/30, АЗ-6913 (рис. 3). Размер 1,65х1,9х0,5 см.

37. Кольцо бронзовое пластинчатое с разомкнутыми концами. КП 2246/31, АЗ-6914 (рис. 3). Размер 1,95х1,9х0,5 см.

38. Фрагменты (2) кольца бронзового пластинчатого с неровными продольными краями. КП 2246/34, АЗ-6917 (рис. 3). Размеры 1,4x0,4 и 1,6x0,5 см.

39. Кольцо бронзовое витое, скрученное из трех проволок, с разомкнутыми концами. КП 2246/32, АЗ-6915 (рис. 3). Размер 2,0x1,9x0,25 см.

40. Кольцо бронзовое витое, свернутое из трех проволочек. КП 2246/33, АЗ-6916 (рис. 3). Размер 2,2x1,4x0,2 см.

Серьги (?) (5)

41. Серьга (?) бронзовая проволочная с заходящими друг за друга концами. КП 2246/35, АЗ-6918 (рис. 3). Размер 1,6x1,7x0,2 см.

42. Серьга (?) из белого металла проволочная с разомкнутыми концами. КП 2246/36, АЗ-6919, Прс-253. Размер 2,1x1,9x0,1 см. Вес 0,5 гр. 1000 проба.

43. Серьга (?) бронзовая проволочная. Состоит из 2-х фрагментов (?). КП 2246/39, АЗ-6922 (рис. 3). Размеры 2,9x0,15 и 3,0x0,18 см.

44. Серьга (?) бронзовая проволочная. КП 2246/40, АЗ-6923 (рис. 3). Деформирована, застежка утрачена, концы обломаны. Размер 2,8x2,5 см, диаметр проволоки 0,1 см.

45. Подвеска бронзовой серьги (?). НВ 36475 (рис. 3). Подвеска литая биконической формы с удлиненным выступом подтреугольной формы на конце. Размер 1,45x0,65x0,5 см.

Цепочка (1)

46. Фрагмент цепочки бронзовой. КП 2246/41, АЗ-6924 (рис. 3). Фрагмент состоит из двух целых звеньев и части третьего. Звено представляет собой отрезок круглой в сечении проволоки с загнутыми в окружности концами. Цепочка подклеена к пластине из пластмассы. Размер 3,5x0,5 см, диаметр проволоки 0,1 см.

Подвески (12)

47. Подвеска бронзовая. КП 2246/15, АЗ-6898 (рис. 4, фото сделано в музейной экспозиции, на нем видна проволока, делящая подвеску по диагонали – это крепление к планшету витрины). Подвеска в форме округлого листика с петлей, в которую продето кольцо. Часть петли утрачена. На тыльной стороне имеется два острых выступа. Размер 1,6x1,2x0,6 см.

48. Подвеска бронзовая. КП 2246/16, АЗ-6899 (рис. 4). Подвеска подобна КП 2246/15. Часть петли утрачена, кольцо отсутствует. Края по периметру подвески обломаны. Размер 1,55x1,2x0,25 см.

49. Подвеска бронзовая. КП 2246/17, АЗ-6900 (рис. 4). Подвеска подобна КП 2246/15. Имеет сквозное отверстие диаметром 0,2 см, расположенное почти в центральной части листика. Часть петли утрачена. Размер 1,6x1,05x0,4 см.

50. Подвеска бронзовая в форме округлого листика с петлей. НВ 36476 (рис. 4). Часть петли и края подвески утрачены. Размер 1,3x1,0x0,3 см.

51. Подвеска бронзовая в форме округлого листика с петлей. КП 2243, АЗ-15 (рис. 4). Имеет сквозное небольшое отверстие диаметром 0,2 см. На тыльной стороне подвески сохранился один заостренный выступ. Часть петли утрачена. Края по периметру подвески обломаны. Размер 1,4x1,1x0,4 см.

52-55. Фрагменты (4) подвесок бронзовых в форме округлого листика с петлей и сквозными отверстиями. НВ 36477-36480 (рис. 4). Размеры 1,1x0,9x0,2; 1,1x0,6x0,2; 1,1x0,9x0,2; 1,1x1x0,15 см.

Четыре подвески, названные А. И. Айбабиным поясными бляшками, опубликованы в его работе по салтовским поясным наборам из Крыма и датированы VII-X вв. [4, с. 233].

56. Подвеска бронзовая прорезная круглая, с включенным крестом. КП 2246/18, АЗ-6901 (рис. 4). С одного края разорвана. Размер 2,8x3,3x0,55 см.

Аналогичные подвески широко встречаются в курганах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси и датируются XII-XIII вв. [11, с. 42, рис. 14,1; 12, с. 108].

57. Фрагмент подвески бронзовой прорезной круглой, в виде «колеса со спицами» и выступами по краю. КП 2246/19, АЗ-6902 (рис. 4). В центре имеется три сквозных отверстия диаметром 0,1 см. Фрагмент закреплен после реставрации на пластину пластмассы. Размер 2,2x2,4x0,15 см.

58. Фрагмент подвески бронзовой прорезной круглой, в виде «колеса со спицами» и выступами по краю. КП 2246/20, АЗ-6903 (рис. 4). Размер 3,7x2,7x0,2 см.

Бубенчик (1)

59. Бубенчик шаровидный с линейной прорезью. КП 2239, АЗ-16 (рис. 4). Бубенчик украшен сдвоенными поперечными гравированными линиями и имеет продольный шов. Размер 2,9x2x1,8 см.

На Руси подобные бубенчики появились в XI в. и существовали вплоть до начала XIV в. [11, с. 156].

Пуговицы (12)

60-64. Пуговицы бронзовые литые (5 шт.). НВ 36481-36485 (рис. 4). Пуговицы шаровидные с круглым ушком. Диаметр 0,6-0,8 см

65-69. Пуговицы (5 шт.). НВ 36486-36490 (рис. 4). Пуговицы более или менее целых форм состоят из двух тесненных половинок с поперечным швом и проволочным ушком. Диаметр 0,7-1,1 см.

70. Пуговица бронзовая фрагментированная. КП 2240/1, АЗ-61 (рис. 4). Склеена из двух тесненных половинок по поперечному шву, часть верхней половинки утрачена. Имеет на нижней створке шесть выпуклостей. Размер 1,3x1,0 см.

71. Пуговица бронзовая фрагментированная. КП 2240/2, АЗ-62 (рис. 4). Склеена из двух тесненных половинок по поперечному шву. Петелька и отдельные фрагменты утрачены. Верхняя половина пуговицы украшена четырьмя выпуклостями. Размер 0,8x0,9 см.

Гребни (5)

72. Гребень деревянный фрагментированный. КП 2234/1, АЗ-58 (рис. 2). Состоит из трех не соединяющихся между собой фрагментов (возможно, принадлежат двум гребням). Гребень прямоугольной формы с вогнутой одной боковой стороной и другой – прямой. С одной стороны гребень оформлен частыми зубчиками, с другой – редкими. Фрагменты имеют утраты зубчиков и многочисленные трещины. Длина изделия не восстанавливается, максимальная ширина 9,0 см, толщина 0,8 см.

73-75. Фрагменты (6 шт.) гребней деревянных (по меньшей мере, сохранились части от трех гребней). КП 2234/2, АЗ-59 (рис. 2). Гребни имели прямоугольную форму с вогнутыми боковыми сторонами. Продольные стороны гребней оформлены с одной стороны частыми зубчиками, с другой – редкими. Один из фрагментов украшен у основания зубчиков продольными врезными сдвоенными линиями. Восстанавливается ширина одного гребня – 8,6 см, толщина гребней 0,7-0,8 см.

76. Гребень деревянный. КП 2234/3, АЗ-60 (рис. 2). Гребень прямоугольной формы с вогнутыми боковыми сторонами. Продольные стороны имеют зубчики, с одной стороны – редкие, с другой – частые. Восстанавливается длина гребня – 5,85 см, толщина 0,9 см.

Деревянные гребни из Симеизского склепа 1955 г. вошли в таблицу находок из погреб-

бений конца VII – IX вв., составленную А. И. Айбабиным [6, табл. 38,56,57], и датированы автором X в.

Бусины (144)

77-147. Низка из 71 бусины из стекла, пасты. КП 2242, А3-63 (рис. 5).

148-217. Низка из 70 бусин из стекла, пасты, янтаря, сердолика. КП 2246/42-111, А3-7482-7551 (рис. 5).

218. Фрагмент бусины стеклянной округлой, бледно-зеленой, прозрачной. НВ 36491 (рис. 4). Диаметр 1 см.

219-220. Фрагменты бусин (2 шт.) стеклянных синих, удлинённой уплощенной формы. НВ 36492-36493. Внутри в отверстиях имеются окислы меди – остатки проволоки (?). Размеры 1,2x0,75x0,65 и 0,6x0,7x0,6 см.

Другие изделия из металла (2)

221. Диск бронзовый. НВ 36494 (рис. 4). Диск литой со сквозным отверстием диаметром 0,3 см в центральной части и с закраиной высотой 0,2 см. Размер 1,8x1,7x0,2 см.

222. Изделие бронзовое литое в форме вытянутой капли с заостренными концами. НВ 36495 (рис. 3). Размер 1,6x0,4x0,45 см.

Предметы из железа (не обнаружены при свертке 1995, 2005 гг.)

223. Фрагмент железного кольца. КП 2241/1, А3-65.

224. Фрагмент железного кольца. КП 2241/2, А3-66.

225. Фрагмент четырехугольной рамки от пряжки железной. КП 2241/3, А3-67.

Надгробия (2)

226. Надгробие из песчаника. КП 2244, А2-56 (рис. 6). Надгробие имеет округлую верхнюю часть и трапециевидную нижнюю часть – ножку. На лицевой стороне в округлой части надгробия вырезан крест с треугольниками на концах. Тыльная сторона заглажена. Высота 23,5 см, ширина 13 см.

227. Фрагмент надгробия из песчаника. КП 2245, А2-57 (рис. 6). Сохранилась верхняя часть надгробия с закругленным и уплощенным верхом. На лицевой части надгробия вырезан овальный медальон с вписанным в него крестом-розеткой, в одном из «лепестков» которого хорошо читается знак в виде буквы «Г», развернутой в левую сторону. Тыльная сторона надгробия также рельефна. Рельефом показан предмет, напоминающий контур основания одноапсидной базилики, сохранилась ее верхняя часть (с «апсидой», «плечиками» и боковыми параллельными «стенками», суживающимися книзу). В верхней части данного рельефного изображения имеется вырезанный квадрат с двумя диагонально пересекающимися линиями (крест в квадрате). Высота 84,5 см, ширина 12 см.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турова Н. П. Симеизский склеп 1955 г. // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Донецк, 2012 (Сер.: Археологический альманах. № 28).
2. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
3. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья [салтово-маяцкая культура]. Киев, 1990.
4. Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1.
5. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
6. Айбабин А. И. Херсон // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. М., 2003.
7. Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии VI-IX вв. Пряжки // САИ. 1979. Вып. Е1-2.
8. Фирсов Л. В. Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
9. Иванов Б., Пелевина О. Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с «перевязанной» пальметтой из Болгарии // РА. 2001. № 3.
10. Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002.
11. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода [X-XV вв.]. М., 1981.
12. Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды ГИМ. 1967. Вып. 43.
13. Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
14. Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в VI-VII вв. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
15. Школьникова Н. А. Стекланные украшения конца I тысячелетия н.э. на территории Поднепровья // СА. 1978. № 1.
16. Репников Н. И. Археологические памятники // ИГАИМК. 1935. Вып. 109.
17. Кузьменко В. М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном Берегу Крыма. М., 1913.
18. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974.
19. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым [по состоянию на 01.01.2004 г.]. Том II.
20. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
21. Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.
22. Вожарова Ж. Н. Славяне к югу от Дуная. Доклад на симпозиуме комиссии историков СССР и НРБ 29 ноября 1983 г. // СА. 1987. № 4.

Турова Н. П.

**Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.»
в фондах Ялтинского историко-литературного музея**

Резюме

На основе изучения музейной документации, фондов и архива Ялтинского историко-литературного музея, введены в научный оборот все известные историко-архивные и археологические материалы из раннесредневекового памятника – «Симеизского склепа 1955 г.».

Turova N. P.

**Field and Historic-Archival Materials of “Simeiz Vault of 1955”
in the Funds of Yalta History-Literature Museum**

Summary

On the basis of studying museum documentation, funds and archive of Yalta History-Literature Museum all known historic-archival and archaeological materials from early medieval monument “Simeiz vault of 1955” were introduced in scientific circulation.

Приложение

**Тетрадь находок при обследовании и охранный зачистке раннесредневекового склепа
в Симеизе, у подножия скалы Панеа на территории поселкового парка.**

Составлена сотрудником музея Л. А. Афанасьевой**

1	2	3	4	5	6
№№ пор.	Наименование	Всего	Взято	№ поле- вой опи- си	Примечание
Список №1/а. Находки на поверхности культурного слоя в склепе. 12.XII					
1	Подвеска бронзовая плоская, круглая, ажурная, с крестообразным орнаментом	1	1		У западной стены
2	Бусина круглая патинированная, повреждена, в местах излома – кварцевидная	1	1		---
3	Пуговичка бронзовая, бубенчиковидная, сильно поломанная	1	1		---
4	Фрагмент черепицы с 2-мя бортиками и клеймом	1	1		---

** Текст рукописи приводится полностью с авторским выделением и особенностями стиля.

5	Фрагмент плиты из крупнозернистого мрамора белого	1	1		---
6а	Небольшой обломок железного предмета	1	1		---
Список № 1/б. Траншея вдоль северной стены склепа. Шириной в 60 см. 16.XII					
6б	Перстни бронзовые со щитком-расширением (1 из них фрагментирован)	3	3		В северо-восточном углу, на глубине до 30 см на участке в 60 см шириной и 120 см длиной (кв.3)
7	Колечки бронзовые небольшие простые	3	3		---
8	Пряжка поясная, бронзовая, массивная с лукообразной верхней частью и удлиненной в нижней части закругленным щитком, с рельефным орнаментом и ромбовидной прорезью	1	1		Там же. В нижнем слое (ниже 30 см)
9	Фрагменты бронзовых поясных пряжек меньших, чем за №8 – нижняя часть, щитки	2	2		Там же
Б) Сев. зап. часть траншеи.					
10	Бусины из смальты – пасты: (круглые) а) 2 голубые с цветными глазками б) 1 зеленоватая с глазками в) 1 переливчатых оттенков с глазками	4	4		В траншее у северо-восточной части стены, в верхнем слое (на глубине до 30 см)
11	Бусины разного типа (из смальты и пасты) а) круглые, стекловидные желтовато-коричневые, с цветными глазками, сильно оббитые	2	2		В траншее у северо-западной части стены
	б) круглая, рыжеватая (сердоликовая?)	1	1		
	в) зеленоватая с красно-желтыми глазками	1	1		
	г) желтая, из пастовидного материала с красновато-бело-черными глазками	1	1		
	д) голубая, цилиндрическая, стекловидная	1	1		
	е) светло-зеленоватая с мраморовидными прожилками, с глазками, цилиндрическая	1	1		
ж) черная, с зеленовато волнистыми линиями	1	1			

	з) с белым волнистым узором по красноватому и темному фону, с желтыми ободками, формы низкого цилиндра, с широким отверстием	1	1		
	и) синие, стекловидные, каплевидной формы (из них 1 разбита надвое, 1 фрагментированная)	3	3		
	к) темно-зеленая удлинённая (бобовидная)	1	1		
	л) темная с белым, трубчато-цилиндрической формы	1	1		
	м) темно-коричневая, простая, сплюсненно-уплощенная	1	1		
	н) узкая, стекловидная, синяя, разбита надвое	1	1		
	о) маленькие, зеленые, стекловидные, неправильно круглые	2	2		
	п) серовато-голубоватые, мелкие (из них 2 одинаковых)	3	3		
	р) желтая, маленькая двойная	1	1		
	с) стекловидные, с позолотой, двойные (сдвоенные)	4	4		
	т) бусина перламутрово-жемчужной краски, из четырех круглых соединенных частей				
	у) бусины коричневые с белыми прожилками разводами, узкие, цилиндрические (у одной отбита почти половина) Всего 31 бусина	4	4		
12	Фрагменты смальтовых бус	9	4		В траншее у сев. зап. части северной стены склепа
13	Браслет небольшой или височное кольцо бронзовое, с заходящими друг на друга концами – широким и узким	1	1		
14	Кольцо бронзовое витое (поломанное)	1	1		
15	Фрагменты предметов бронзовых (щитков фибул?), круглых, плоских, ажурных, колесовидных (2 с шишковидными выступами по краям), 1 – небольшой	3	3		

16	Фрагмент бронзового предмета плоского прямоугольного (щитка пряжки небольшой?)	1	1		
17	Фрагменты бронзовые, небольшие, сильно деформированные (подвесок?)	3+1	3+1		
18	Пуговички (?) бронзовые мелкие (2 – колокольчиковидные, 1 – бубенчиковидная)	3	3		
19	Фрагмент подвески (?) бронзовой, удлиненной формы с 2 перетяжками	1	1		
20	Обломок кремня	1	1		
Список № 2. 16 и 17/XII					
1	Серьга золотая (?) тонкая, с припаянными пирамидкой шариками маленькими	1	1		В юго-западном углу склепа. 16/XII
2	Бусины разного типа (из смальты и пасты и др.?)				В юго-западной части склепа (кв. 7)
	а) синие стекловидные, каплевидной и бобовидной формы (2 из них разбиты надвое)	5	5		
	б) того же типа, большая, серебристо перламутровой окраски непрозрачная	1	1		
	в) голубоватая, прозрачная, удлиненной формы	1	1		
	г) желтоватые, прозрачные, стекловидные (1 круглая, гладкая, 5 – круглые, с попереочным гранью ребром)	6	6		
	д) округлая, стекловидная светлая (с патинированной поверхностью)	1	1		
	е) бусины с белым орнаментом по черному фону, в форме низкого цилиндра с широким отверстием (2 одинаковых, 1 маленькая)	3	3		
	ж) неправильной шестигранной формы крупная янтарного цвета	1	1		
	з) неправильной шестиугольной формы, темно-коричневая матовая (разной величины)	2	2		
	и) темные, с красными глазками, неправильно круглой формы	2	2		
к) голубая с разводами и желто-коричневыми глазками, круглая	1	1			

л) такая же, но зеленого цвета (1 – меньшая)	2	2	
м) желтая, с зелеными глазками (неправ. круглая)	1	1	
н) с черными разводами и красно-желтыми глазками по желтому фону, непр. круглая	1	1	
о) с пестрыми разводами по зеленоватому фону неправильной формы	1	1	
п) неправильно-цилиндрической формы, с зеленовато-желтоватыми разводами по зеленому фону (часть отбита)	1	1	
р) перламутровой расцветки, с коричневатыми разводами, неправильно круглая	1	1	
с) круглая лиловая, стекловидная, небольшая	1	1	
т) круглая, с желтыми и коричневыми разводами, небольшая (вторая почти черная)	2	2	
у) неправильной формы, зеленоватая, с рельефными красноватыми глазками	1	1	
ф) неправильной формы, зеленого с темным цветом	1	1	
х) неправ. формы голубая стекловидная	1	1	
ч) бусина темно-коричневого цвета, простая	1	1	
ш) реберчатая, стекловидная, светлая	1	1	
щ) цилиндрические, зеленоватые, с шишковидными выступами (1 крупная, 1 маленькая)	2	2	
я) коричневые, с белыми и желтыми прожилками-разводами рельефными, узкие, цилиндрические	3	3	
ю) удлиненной формы: 1 с глазками, светлых, бледных тонов, 1 – пестрая, вся в цветных косых полосках	2	2	
э) мелкие с перехватами, делящими их на части: 2 – светлые, строенные (Н.Т.) 2 – зеленоватые, сдвоенные 1 – сдвоенная, с позолотой	5	5	

	й) бусина длинная, с позолотой, с перехватами, делящими ее на 5 круглых частей	1	1		
	ы) зеленая, стекловидная, узкая, сплюснутая, с вдавленными прожилками	1	1		
	ь) бусины мелкие, разные: 6 – зеленых стекловидных (в том числе 3 более крупных и светлых, из которых одна сломана и 3 более мелких и темных) 1 – зеленая матовая 2 – голубых стекловидных 2 – светлых, матовых 2 – темных, колечкообразных, очень мелких 1 – темная, трубчатообразная с рифлением 1 – сердоликовая 1 – круглая, стекловидная со следами позолоты 1 – желтоватая, стекловидная Всего 69 бусин	17	17		
3	Фрагменты разных бусин	8	1		---
4	Пуговички бронзовые, бубенчикообразные (средней величины и мелкие – у которых петелька обломлена)	13	13		---
5	Пуговички бронзовые мелкие, колокольчикообразные (большинство фрагментированные)	12	12		В юго-запад. части склепа (кв. 7)
6	Подвески (7) бронзовые сильно патинированные, из них: 1 – по форме напоминают широкий листик растения 2 – с круглым утолщением сверху 2 – маленькие, уплощенные	6	6		---
7	Предмет (подвеска?) круглая, уплощенная с краями, образующими ободок (верх. петелька обломана)	1	1		---
8	Кольца бронзовые простые	2	2		---
9	Фрагменты колец и перстней бронзовых	6	4		---
10	Фрагменты гребней деревянных	2	2		---
11	Фрагменты браслетов (?) небольших бронзовых, 1 из них витой	2	2		В юго-зап. части склепа (кв. 7)
12	Фрагмент цепочки бронзовой небольшой	1	1		---
13	Ф-ты мелких бронзовых пуговичек	10	нет		

14	Фрагмент железного предмета (скобы?)	1	1		---
15	Куски древесины небольшие (среди них круглые от 1 до 3 см диаметра)	15	6		--- (для анализа)
16	Кусочки угля мелкие	20	6		(для анализа)
17	Фрагменты черепицы без клейма и бортика	5	нет		В юго-зап. части склепа (кв. 7)
18	Фрагменты стенок сосудов, сделанных на гончарном круге толстостенных и 1 тонкостенный	5	2		---

Список №3. 17/ХІІ участок у центральной части южной стены (кв. 8)

1	Пряжка бронзовая поясная большая, с лукообразной верхней частью и вытянутым щитком прорезным, закругленным в нижней части, с 2-мя длинными и 4-мя круглыми прорезьями, с 3-мя шпеньками для крепления	1	1		
2	Пряжки бронзовые с лукообразной верхней частью и закругленным щитком с шпеньками для крепления (поясная)	2	2		
3	Фрагменты верхней части и щитка поясных пряжек	2	2		

Список №4. 18/ХІІ кв. 2

1	Фрагмент перстня бронзового, с расширением-щитком в средней части	1	1		
---	---	---	---	--	--

Возможно, одна страница утеряна (Н.Т.)

Список №4. 18/ХІІ кв. 2 у центральной части северной стены склепа (дочистка)

1	Кольца бронзовые, с разъединенными концами, 1 из них витое	2	2		
2	Пуговички бубенчиковидные (1 без петельки) – 3 бронзовые и фрагмент такой пуговички 1	4	4		
3	Подвеска бронзовая малая, плоская, по форме напоминающая листик растения	1	1		
4	Пронизка бронзовая бусинообразная	1	1		
5	Фр-т бронзового украшения	1	1		
6	Бусины различные из стекла, пасты, смальты: а) желтоватая, прозрачная с гранью ребром	1	1		

	б) зеленая, грушевидная	1	1		
	в) голубоватая, пастовая, с рифлением	1	1		
	г) зеленая, двойная, стекловидная	1	1		
	д) с черной, белой, зеленой расцветкой, двойная, непрозрачная	1	1		
	е) с перехватами – разделяющими ее на 6 круглых частей, длинная, светлая, стекловидная, со следами раскраски под жемчуг	1	1		
	ж) темная, непрозрачная, неправильно круглой формы	1	1		
	з) мелкие: среди них 2 темных колечко-видных и 1 круглая зеленоватая Всего 10 бусин	3	3		
7	Фрагменты небольших бусин стекловидных (голубой и зеленой)	2	1		
8	Кусочки древесного угля	3	3		(для анализа)
9	Зубы человеческие и их фрагменты	11	11		(для анализа)
Список № 5 (дочистка). 18/ХІІ кв. 3 (северо-восточный угол склепа)					
1	Фрагменты черепицы средневекового типа с тестом мясно-красного цвета с темными включениями	3	нет		
Список № 6. 18/ХІІ полуквадрат 9 (юго-восточный угол склепа)					
1	Пряжки поясные бронзовые, с коротким щитком разной формы, со шпеньками для крепления (1 – с прямоугольным широким щитком, заканчивающимся 3-мя зубчиками-закруглениями, большая, 2 – с округленным щитком (язычок застежки отсутствует у одной, у второй сломан) 1 – маленькая с вытянутым, закругленным на конце щитком	3+1	3+1		
2	Фрагменты (щитков) бронзовых пряжек поясных	5	5		
3	Перстень бронзовый, сильно деформированный	1	1		
4	Фрагменты перстней бронзовых	4	4		
5	Ф-ты бронзовых предметов – украшений разных, в том числе и мелкие, бесформенные	7	3		

6	Пуговички бронзовые: 1 бубенчиковидная 1 колпачковидная	2	2		
7	Бусины различные из стекла, пасты, смальты: а) желтоватая, прозрачная, с гранью-ребром	1	1		
	б) синяя (светлая), стекловидная, бочонковидной формы	1	1		
	в) такой же формы, с белыми волнообразными разводами по черному фону	1	1		
	г) зеленая, стекловидная, малая, двойная, часть отбита	1	1		
	д) зеленые, стекловидные, неправильно круглой формы (1 разбита надвое)	3	3		
	е) мелкие: 2 круглые зеленые, стекловидные и 1 колечковидная, белая, непрозрачная) Всего 10 бусин	3	3		
8	Фрагменты бусин круглых, светлой и голубой – стекловидных	2	2		
9	Фрагменты керамики поливной, в том числе: а) 2 фр-та верхнего края и доньшка чаши-миски желтоватой поливы с зеленоватой крапчатостью б) 1 фрагмент доньшка сосуда со светлой поливой и вдавленной линией с одной стороны и зеленоватой поливой с другой	5	3		
	10	Створка раковины небольшой с перламутровой поверхностью	1	1	
11	Зубы человеческие – в большинстве фрагментированные	7	7		Взяты для анализа
12	Кусок угля древесного, плотного	1	1		Взят для анализа
13	Фрагменты... (запись прерывается – Н.Т.)				
Список № 7 (дочистка). Квадрат 1-ый (северо-западный угол склепа). 18/XII					
1	Пуговица бронзовая, бубенчиковидная, поврежденная	1	1		
2	Фрагмент небольшой бронзового украшения	1	1		
3	Бусина желтоватая, непрозрачная, трубчатая, с частыми поперечными нарезками	1	1		

4	Часть перстня бронзового	1	1		
Список № 8. 18/ХІІ, квадрат 4 (у средней части западной стены склепа)					
1	Пряжка бронзовая с лукообразной верхней частью и вытянутым щитком прорезным фигурным (из трех кругов) с 2-мя шпеньками для крепления; небольшая	1	1		
2	Браслет бронзовый (?) с несходящимися утолщенными, как бы обрубленными концами	1	1		
3	Бронзовая пуговичка маленькая, бубенчиковидная	1	1		
4	Бусины: а) бусина синяя, стекловидная, в форме фасоли или боба	1	1		
	б) бусина неправильно-круглая, рыжеватая, сердоликовая (?)	1	1		
5	Ручка глиняного кувшина средневекового типа, широкая, тонкая, с вдавлением (? – Н.Т.) овальной у основания	1	1		
Список № 9. 18/ХІІ. Полуквадрат 7 (юго-западный угол склепа) дочистка					
1	Пряжка бронзовая поясная, небольшая, с округленным щитком, с 2-мя шпеньками на тыльной стороне, раннесредневекового типа (типа Суук-Синских)	1	1		
Список № 10					
2	1 пуговичка бронзовая, фрагментированная	1	1		
3	Фрагмент бусины смальтовой, зеленоватой, с глазками	1	нет		
4	Фрагменты черепицы, темно-красной в изломе, с темными включениями, из них 1 – с бортиком				См. рис. в дневнике
Список № 10. 18/ХІІ, квадрат 6-ой (примыкающий к дромосу, у входа в склеп)					
<i>Ниже карандашом подведен итог под столбцом взято – 291</i>					
Список № 11. Дромос					
<i>Далее рукопись прерывается</i>					

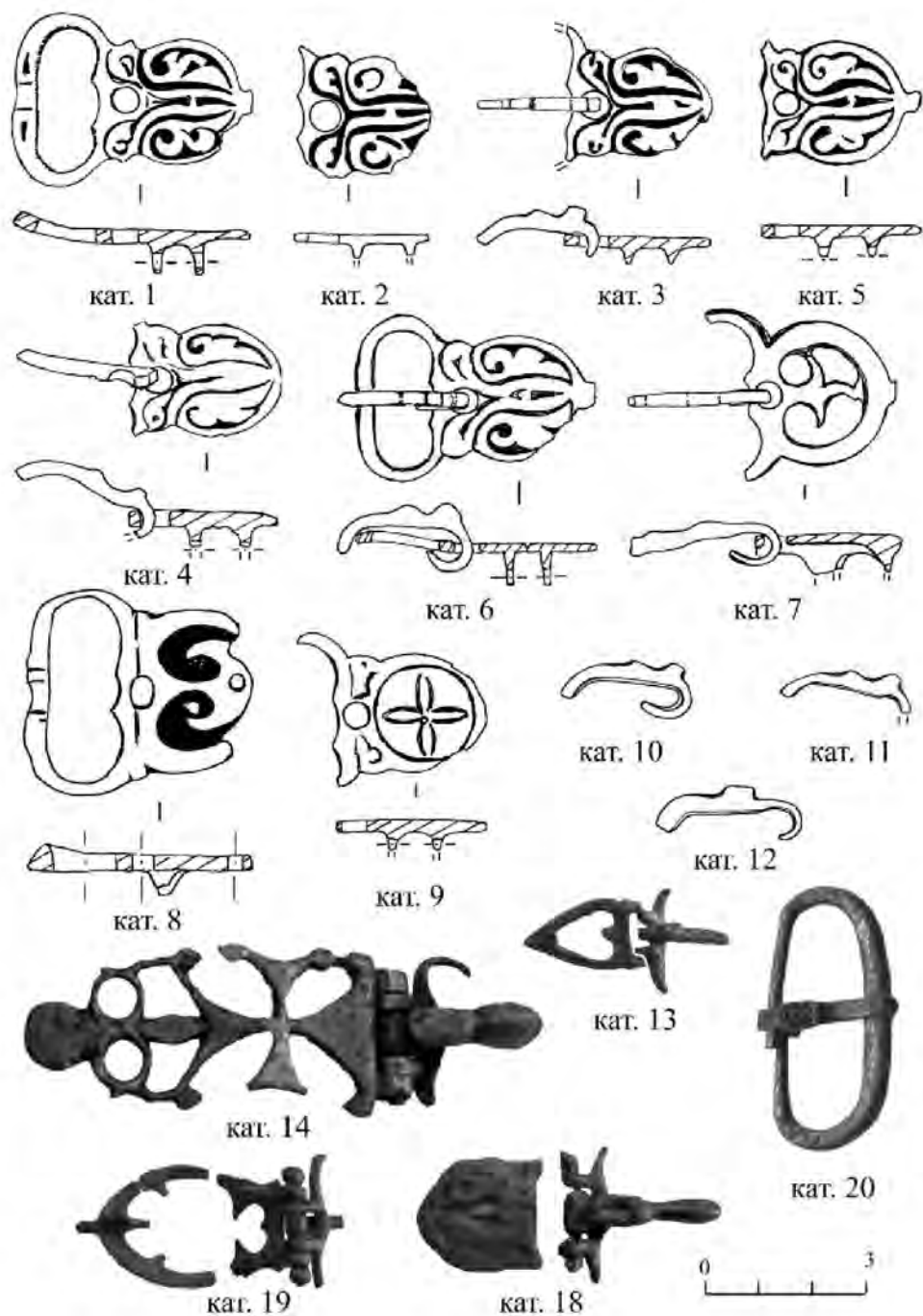

Рис. 1. Пряжки.

кат. 15

кат. 16

кат. 17

кат. 76

кат. 72

кат. 75

кат. 73-74

Рис. 2. Пряжки и гребни.

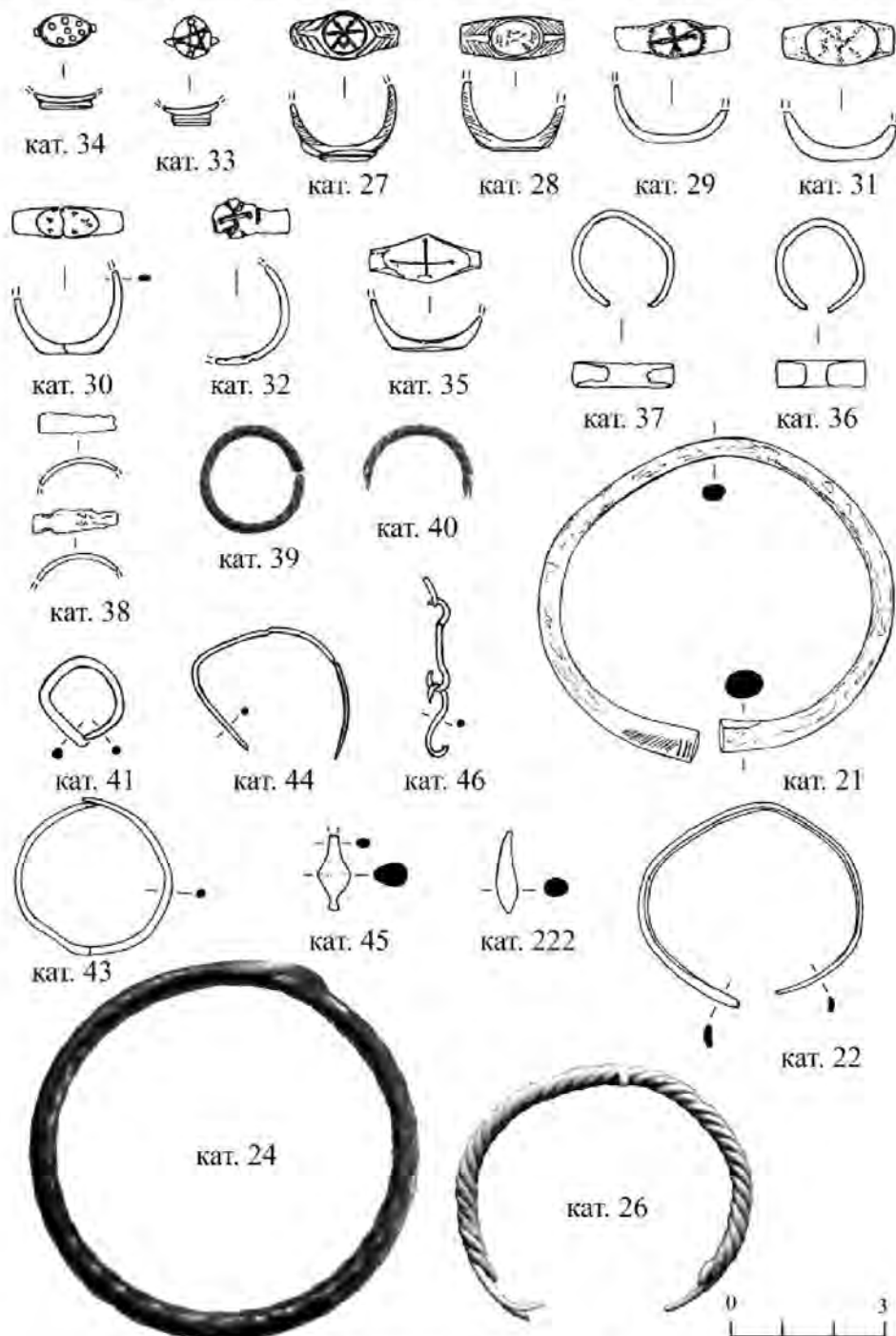

Рис. 3. Перстни, кольца, серьги, цепочка, браслеты.

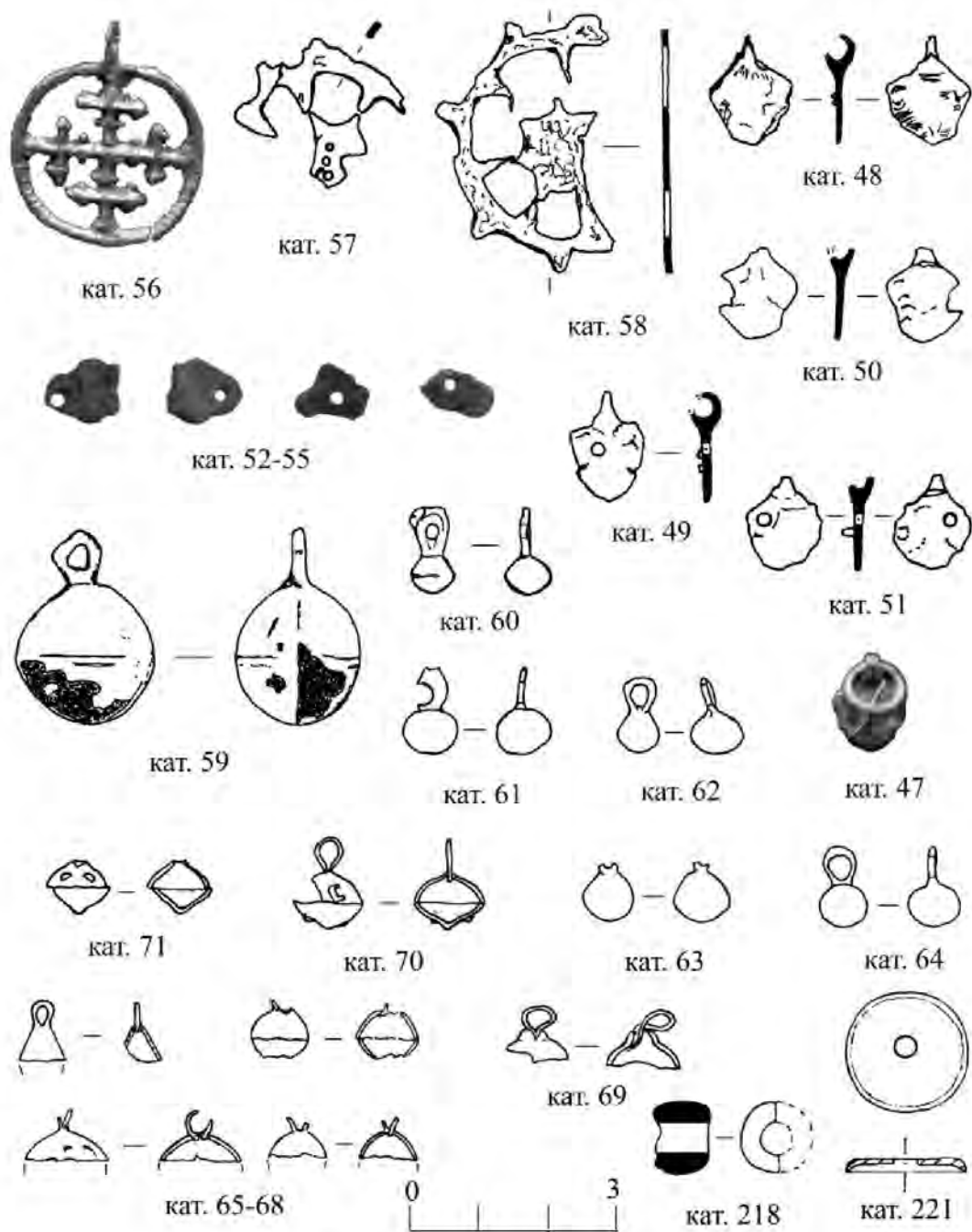

Рис. 4. Подвески, бубенчик, пуговицы.

кат. 77-147

кат. 148-217

Рис. 5. Бусы.

кат. 226

кат. 227

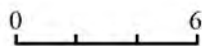

Рис. 6. Надробия.

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

МЕДАЛЬОНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО ВСАДНИКА ИЗ МОГИЛЬНИКА У с. ЛУЧИСТОЕ

В 1982 г. на могильнике у с. Лучистое в одном из погребений в склепе 10 были найдены два двусторонних медальона, состоящих из «штампованных из тонкой бронзовой пластины половинок, соединенных пастовым заполнением», изображения на которых А. И. Айбабин определил как «святой Георгий на коне, поражающий змея» и «святой Мина в сопровождении склоненных перед ним верблюдов» (рис. 1,3,4) [1, с. 68-69, 234, рис. 55,2,3]. Эти медальоны вместе с несколькими комплексами из склепа 10 были переданы на хранение в Эрмитаж, где их первоначально определили как «медальоны с изображениями Соломона на коне и св. Мины» [2, с. 84]. Впоследствии В. Н. Залесская интерпретировала конного святого как «Соломона, сокрушающего всякое зло, в том числе и различные недуги», а оранта на противоположной стороне – как «Даниила во рву львином» [3, с. 41-43]. Исследовательница отнесла медальоны к типу энколпиев, между двумя дисками которых могла находиться реликвия или какие-либо иные вложения с функциями оберега; обычно они были евлогиями – благословлениями, изготовлявшимися для паломников [3, с. 41-43]. Вместе с тем, В. Н. Залесская предположила, что такие предметы, копирующие сиро-палестинские образцы, изготовлялись на месте, в Северном Причерноморье [3, с. 42].

Помимо указанных двух медальонов, в последние десятилетия на могильнике у с. Лучистое было выявлено еще несколько идентичных предметов: в 1996 г. – в могиле 90 (рис. 1,5); в 2000 г. – в склепе 137 (рис. 1,6), в 2001 г. – в могиле 180 (рис. 1,2) и в 2002 г. – в склепе 202 (рис. 1,1). Предлагаемая статья посвящена публикации медальонов, обоснованию их датировки, выявлению круга аналогий и интерпретации изображений. Все медальоны найдены в погребениях *in situ*, что позволяет проследить их использование представителями разных половозрастных групп и определить место в костюме. Могильник у с. Лучистое функционировал до середины XVIII в., когда христианское население Крыма было переселено в Приазовье [4, с. 229]. Выходцы из Крыма, потомки христианского населения Юго-Западного Крыма, известные как мариупольские греки или греки Приазовья, вплоть до начала XX в.

использовали врачевательные молитвы, заклинания и заговоры, которые их предки на протяжении многих веков переписывали с древних рукописей [5]. Эти тексты, написанные, в основном, на греческом языке, по композиции и по использованным в них формулам ведут свое происхождение от магических текстов, распространенных в Восточном Средиземноморье с позднеантичного времени [5, с. 14-15, 24, 51, прим. 23]. Мы посчитали интересным и полезным привлечение этого источника для интерпретации некоторых изображений и надписей на раннесредневековых медальонах со святым всадником, а также для понимания того, как должны были использоваться подобные предметы.

Описание медальонов и их датировка

Медальоны состоят из двух тонких круглых бронзовых пластинок, соединенных пластинчатым ободком из белого металла (свинца или олова), в верхней части которого сделано круглое отверстие для подвешивания (рис. 1). Диаметр их вместе с ободком составляет 3,2-3,4 см. Полностью ободок сохранился только на экземпляре из склепа 202 (рис. 1,1). На его обеих сторонах по контуру видны овальные углубления, следы декора – растительного или имитирующего надпись. У медальонов из могилы 180 (рис. 1,2) и из склепа 137 (рис. 1,6) ободок фрагментирован, а у медальонов из склепа 10 – рассыпался (рис. 1,3а,4а), поэтому на иллюстрации нами представлен их реконструируемый вид, по аналогии с сохранившимися экземплярами (рис. 1,3б,4б).

Диаметр бронзовых пластинок – 2,2-2,4 см. На одной пластинке выгиснено изображение в рост святого оранта в коротком хитоне и плаще между двумя лежащими верблюдами, по контуру – декор из полусферических выступов, имитирующий зернь. На другой половинке медальона выгиснено изображение святого всадника. Круглые пластинки плотно прилегают друг к другу и скреплены между собой окислами (рис. 1,2а). Предположить наличие между ними каких-либо вложений не представляется возможным. По наблюдению А. И. Айбабина, найденные в склепе 10 два медальона были заполнены белой пастой [1, с. 68-69]. В могиле 90 обнаружена только одна половинка медальона – с изображением святого оранта (рис. 1,5). Вероятно, ее взяли из поломанного медальона и, пробив два небольших отверстия по краям, продолжили носить как пронизь. Видно, что пластинка долго была в употреблении – ее края отломаны, поверхность затерта, от изображения святого сохранились голова в нимбе и силуэт фигуры.

Все медальоны найдены в закрытых комплексах и датируются по сопутствующему инвентарю. В склепе 137, в погребении 8, медальон выявлен вместе с инвентарем второй половины VI – VII вв.: сегменторамчатой пряжкой 1-го варианта (рис. 2,2) [1, с. 40-41, рис. 2,82; 38,2,3], восьмерковидной бляшкой 1-го варианта (рис. 2,5) [1, с. 54, рис. 2,86; 49,30; 51,3; 4, с. 318, табл. XXXI,82], бронзовыми браслетами с утолщенными концами, украшенными косыми пересекающимися насечками (рис. 2,1,4) [6, с. 35, 38, 43, 182, рис. 18,6; 20,13; 23,10, табл. 182,2,3]. В погребении также обнаружены бронзовые серьги с полым многогранником двух вариантов.

Одна из серег сделана с ажурным многогранником (рис. 2,7) и подобна украшениям, найденным в могиле 8/41 первой половины VI в. из Сахарной Головки [7, с. 179; 8, рис. 4,10; 17,18] и в Лучистом, в склепе 209, в погребении второй половины VI – первой четверти VII вв. Вторая серьга – со сплошным многогранником, украшенным цилиндрическими гнездами с полусферическими стеклянными вставками (рис. 2,6), аналогична найденным в Лучистом, в погребениях второй половины VI – первой половины VII вв. [9, с. 187-216]. Для уточнения времени совершения интересующего нас погребения в склепе 137 отметим, что в нем также выявлена цельнолитая пряжка с В-образной рамкой варианта П/4-2 первой половины VII в. (рис. 2,3) [1, с. 39, рис. 2,99; 39,14; 4, табл. XXX,11]. Захоронение, видимо, было совершено в первой половине VII в.

Два медальона зачищены в склепе 10, в слое 3, среди костного тлена от детского погребения вместе с бронзовой серьгой с литой фигурной подвеской (рис. 2,9) [6, с. 164, 175, табл. 30,4,5; 41,10-14]. Подобные серьги найдены в Лучистом в склепе 36, в погребении 1 с инвентарем второй половины VII в. [6, рис. 18,2, табл. 112,1,2], в Узень-Баше, в склепе 1/1926 г. – с инвентарем второй половины VII – VIII вв. [10, рис. П,10,11], на некрополе Эски-Кермена, в склепе 193 – с инвентарем VII-IX вв. [11, рис. 6,46]. В погребениях слоя 3 склепа 10 также зачищены цельнолитые пряжки с овальным кольцом варианта П4-1 (типа «Сиракузь») (рис. 2,10), бытовавшие в Крыму в VII – начале VIII вв. [1, с. 43, рис. 2,122; 42,6,7; 4, с. 316-317, табл. XXX,17,38; 12, с. 165-167, 176, рис. 1,4-9; 13, S. 61, 69-76, Abb. 2,4-9; 6; 7; 8; 9,4; 10]. Для уточнения датировки погребения отметим, что в склепе 10 погребения слоя 3 перекрывали захоронения слоя 4 с орлиноголовыми пряжками 3 варианта второй четверти VII в. и, вместе с тем, были перекрыты погребениями слоя 2, в одном из которых лежала орлиноголовая пряжка 5 варианта второй половины VII в. [6, с. 33-34, рис. 17,1]. Таким образом, захоронения слоя 3 в склепе 10 можно отнести к середине VII в.

В могилах 90 и 180 вместе с медальонами обнаружены серьги с каплевидной стеклянной подвеской (рис. 2,13,16,17), подобные найденным в Лучистом в склепах 10 и 228 с инвентарем конца VII – начала VIII вв. [6, с. 33, рис. 17,4] и на некрополе Эски-Кермена в склепе 257, в погребении 4 с монетой Константина Погоната (668-685 гг.) [6, с. 60, рис. 29,22,25]. Здесь же выявлены железные пряжки с прямоугольными, вытянутыми в длину рамками (рис. 2,14,19), характерные для комплексов второй половины VII – IX вв. [14, с. 180].

В склепе 202 погребение 4 зачищено в слое с шарнирной пряжкой с овальным кольцом типа «Эски-Кермен» варианта 6-3 (рис. 2,23), аналогичной найденным в Скалистом, Узень-Баше, на склоне Эски-Кермена, у подножия Баклы и в Керчи [1, с. 48, рис. 45,6; 6, рис. 30,16] и с пряжкой, подобной салтовским застежкам варианта I-4 второй половины VIII в. (рис. 2,22) [15, с. 229].

В целом можно говорить о довольно долгом бытовании публикуемых медальонов в Юго-Западном Крыму. Появившись в начале VII в., они существовали вплоть до конца VIII в. (рис. 2).

Интерпретация изображения всадника, пронзающего копьём женского демона

Образ всадника, поражающего копьём лежащее под ногами коня женское существо – один из наиболее популярных сюжетов апотропейного характера, появившихся на амулетах в позднеримский период и получивших широкое распространение в ранневизантийское время (рис. 3-12). Такие предметы привлекли внимание исследователей в конце XIX в., когда были опубликованы первые медальоны – «печати Соломона», приобретенные коллекционерами в Малой Азии [16, р. 287-296; 17, р. 638]. Г. Шлюмберже первым указал на родство выполненных из разных материалов гемм, подвесок и медальонов, объединенных изображением всадника – Соломона, «в роли истребителя болезней и слеза», а также отнес их к византийскому времени [18, р. 73-93]. Позже П. Пердризе привлек легенды о Соломоне – борце с демонами для определения некоторых персонажей и смысла надписей на амулетах с всадником. Он же, сопоставив изображения и надписи на фреске из Бауита и амулетах с апокрифическими легендами и магическими трактатами, доказал, что на некоторых медальонах в образе святого всадника представлен святой Сисинний, побеждающий демона Гиллу [19, р. 42-60; 20, р. 5-27]. К. Боннер отнес геммы, подвески и медальоны с изображением всадника к группе христианских амулетов, проследил эволюцию в их развитии, детально разобрал значение надписей, символов и персонажей, отметил их тесную связь с магическими позднеантичными амулетами [21, р. 208-221]. Впоследствии к образу святого всадника неоднократно обращались в связи с публикацией отдельных предметов с этим изображением из музейных коллекций [22, с. 331-337; 23, р. 110-120; 24, р. 33-42] или новых находок из раскопок [25, р. 1621-1637; 26, р. 35-50], в рамках обобщающих работ по христианской магии [27, р. 65-86] либо в исследованиях, посвященных определенным типам амулетов [28, р. 33-51; 29, р. 25-62; 30, р. 47-50].

Амулеты с рассматриваемым сюжетом по форме, сопутствующим изображениям и надписям, можно разделить на шесть типов: 1 – геммы с всадником Соломоном (рис. 3); 2 – подвески-кулоны с надписью «*Единственный бог, побеждающий зло*» (рис. 4; 5); 3 – браслеты и перстни (рис. 6); 4 – медальоны-«печати Соломона» или «печати бога живого» (рис. 7-9); 5 – амулеты с именем святого Сисинния (рис. 10; 11); 6 – медальоны с безымянным всадником (рис. 12).

1. Геммы с всадником Соломоном – это самый древний тип амулетов с интересующим нас изображением (рис. 3). Они сделаны, в основном, из гематита, овальной, реже – прямоугольной формы. На лицевой стороне инталий имеется врезанное изображение всадника, представленного в профиль, вправо, сидящим на вздыбленном коне. В правой, приподнятой выше плеча руке он держит копьё, которым поражает женщину (рис. 3,2-15). На некоторых геммах рука с коротким копьём опущена ниже пояса (рис. 3,1,1а) [18, р. 84, № 13]. Всадник одет в воинские одежды; слева развевается конец его плаща. Волосы подвязаны лентой. Вокруг груди и бедер коня двумя параллельными линиями обозначены ремни от сбруи. Хорошо видны поводья, а на некоторых геммах и узда на голове коня. Между головами всадника и коня

помещена шестилучевая или восьмилучевая звезда. Женщина с длинными, спадающими на спину волосами представлена обнаженной, сидящей, с вытянутыми для защиты руками. На инталии выгравированы греческие надписи: над головой всадника – ΣΟΛΟΜΩΝ (*Соломон*), на обратной стороне камня в три или четыре строки – ΣΦΡΑΓΙΣ ΘΕΟΥ (*печать бога*). На некоторых геммах имя Соломона отсутствует (рис. 3,2,9,11,12,14,15), а на обороте вместо «печати бога» прорезаны другие надписи (рис. 3,2,12,13).

Инталии с Соломоном происходят из Египта, Сирии и Палестины [21, р. 209, 302, по. 294-297; 22, с. 333-334; 31, по. 788-789, 803, 804, 1474]. Исследователи относят их к числу позднеримских камней и датируют III в. [21, р. 209, 302, по. 294-297; 24, р. 42], началом IV в. [32, р. 323-324] или III-IV вв. [29, р. 36, not. 57]. Наиболее убедительна датировка, предложенная А. В. Банк – IV в., основанная на сходстве композиций на геммах (поза всадника, расположение побежденного врага, наличие звезды над головой коня) и на монетах римских императоров Непота (350 г.) и Магненция (350-353 гг.) [22, с. 333-334]. Возможно, геммы с Соломоном бытовали и позже. Дж. Спайер обратил внимание на их стилистическое сходство с инталиями с христианскими святыми V-VI вв. [29, р. 36, not. 57; 33, р. 103-106, kat. 598-600, 618-619]. Среди камней с Соломоном выделяется группа изделий, которые, безусловно, можно считать поздними (рис. 3,11-13). У них очень низкое качество исполнения изображений, которые переданы несколькими небрежными штрихами. Кроме того, утрачено всякое понимание анатомии человеческого тела, а некоторые детали, например, рука с копьём – только угадываются. Схематично показана фигура коня. Изменена и иконография сцены: женщина изображена не сидящей, а полулежащей (рис. 3,12a) или лежащей (рис. 3,13a), конь представлен не вздыбленным, а скачущим галопом (рис. 3,13a).

Появление амулетов с именем Соломона не случайно. Легенды о мудрости иудейского царя и его чудесных способностях были широко распространены в римское время у многих народов, вне зависимости от их религиозных воззрений. Иосиф Флавий (I в.) в «Иудейских древностях» писал: *«Господь Бог даровал Соломону также возможность изучить искусство входить в общение с демонами на пользу и на благо людям. Дело в том, что Соломон оставил после себя заклинания для излечения всяких болезней и волшебные формулы, с помощью которых возможно так связать демонов, что они никогда более не рискнут вернуться к людям. Это искусство до сих пор еще весьма сильно процветает среди нас. Так, например, мне пришлось слышать о некоем Елеазаре, нашем единоплеменнике, как он однажды в присутствии Веспасиана ...избавил всех, одержимых злыми духами, от последних. При этом ... он подносил к носу одержимого демоном палец, на котором находился перстень с включенным в нем корнем указанного Соломоном растения, и тем извлекал у бесноватых демона из ноздрей»* [34, VIII.2.5].

Про амулет с именем Соломона сообщает Плиний Младший (61-115 гг.). Речь идет о лечении лихорадки при помощи привязанного к правой руке больного пергамента с

надписью «*отступи от Гая Сея, Соломон тебя преследует*» [35, р. 85, not. 4; 19, р. 46; 22, с. 334]. Известны находки амулетов, сделанных из тонкой серебряной или золотой пластинки с выгравированными заклинаниями, призывающими Соломона защитить от всяких бед и демонов различных болезней [18, р. 87]. Один из таких амулетов, опубликованный В. Фрэнером [36, р. 217-231], был изготовлен в первой половине II в. в Александрии и представляет собой тонкую серебряную пластинку размером 6,4х3,4 см, согнутую несколько раз и помещенную внутри золотой буллы линзовидной формы небольших размеров. Подобные подвески-буллы носили несовершеннолетние дети римских всадников [36, р. 220]. На пластинке процарапано заклинание на греческом языке, взывающее к Соломону о защите от демонов температуры, эпилепсии и бешенства, ангины, а также служащее защитным средством от любого яда, дурного глаза и даже от рецидива болезни [36, р. 221-222; 19, р. 44]. По мнению В. Фрэнера, обилие «варваризмов» и элементарные ошибки в синтаксисе греческого текста позволяют говорить о том, что выгравировавший его мастер был иудеем [36, р. 227].

За помощью к Соломону обращались и христиане. Ориген (185-254 гг.) в комментарии к Евангелию от Матфея порицал тех христиан, которые в подражание иудеям призывали Соломона против демонов [19, р. 44-45]. Современник Оригена, Ипполит Римский (около 170-230 гг.) писал, что для лечения болезней некоторые люди предпочитают использовать медицинский совет Соломона, а не обращаться к богу [24, р. 35].

Легенды о том, как Соломон получил власть над различными демонами и распоряжался ею, собраны в магическом трактате, известном в средневековой обработке под названием «Завещание Соломона». Считается, что текст был составлен не позже IV в. грекоязычным автором, возможно, христианином, использовавшим в качестве источников греческие переводы более древних текстов на древнееврейском или арамейском языке [37, р. 40-43]. Согласно «Завещанию», в ответ на молитву Соломон получает от бога особую печать, при помощи которой можно держать в повиновении демонов. Пользуясь властью этой печати, Соломон вызывает всех существующих в природе демонов, допрашивает каждого о его «специализации» и о тех силах и заклятиях, с помощью которых можно уничтожать их козни. В тексте перечислены имена демонов, ответственных за определенные болезни, и содержится много рецептов для приготовления амулетов.

Впервые процитированное около 400 г. в «Диалоге Тимофея и Аквилы» [37, р. 103-104], «Завещание Соломона» упоминается некоторыми византийскими авторами. Михаил Пселл (XI в.) пишет о апокрифической еврейской книге, автор которой, Соломон «*выводит как в драматической пьесе имена и действия демонов*» [38, с. 351; 39, р. 415]. Никита Хониат (XII в.) сообщает об одном придворном толмаче в царствование Мануила Комнина, уличенном в перелистывании книги Соломоновой. «*Раскрытие и чтение этой книги вызывает и собирает легионы демонов, которые беспрестанно спрашивают, зачем они призваны, быстро приводят к концу данные им поручения и усердно исполняют приказания*» [40, кн. IV, гл. 7, с. 159].

Из текста «Завещания» становится понятным смысл надписей и изображений на геммах с Соломоном. «Печать бога» обозначает ту самую, дарованную богом печать, в которой содержалась сила, связывающая демонов «нерасторжимыми узами» [37, р. 24-25, V,11] и позволявшая Соломону нейтрализовать их козни и подчинить себе. Следовательно, изображенный на другой стороне геммы всадник, пронзающий копьем женскую фигуру, символизирует победу Соломона над демонами. Почему действия Соломона были проиллюстрированы именно этой сценой? Не исключено, что образ сложился под воздействием распространенной в Египте в римское время традиции изображать некоторых местных божеств всадниками. Так, например, Гора представляли всадником в одежде римского воина, пронзающим крокодила под ногами коня [20, р. 7-11]. Согласно легендам, на бой с Тифоном Гор отправился верхом, потому что конь позволяет догнать и убить убегающего врага [16, р. 287]. Истоки композиции на геммах можно искать и в римских памятниках, поскольку, помимо монет, она имела широкое распространение и в различных видах прикладного искусства, и на рельефах [22, с. 334]. В памятниках императорского искусства этого времени мотив всадника, пронзающего копьем побежденного врага, символизировал победу и триумф [41, с. 34, 65-66]. Образ победителя над демонами, триумфатора Соломона соответствовал назначению амулета, который должен был охранять владельца от различных бедствий, вызванных злыми силами.

Инталии с Соломоном относятся к группе так называемых гностических или магических гемм [21, р. 1; 42, с. 127; 43, р. 428]. Поэтому на них встречаются изображения персонажей и символов, характерных для этих камней: Уроборос – змей, закусивший свой собственный хвост (рис. 3,1), солярный знак и одновременно символ вечности, самопожирательной и самовоспроизводящей [44, р. 262; 42, с. 125], а также «знак Хнубиса» в виде трех S или Z, перечеркнутых прямой линией (рис. 3,1,2). На обороте некоторых гемм вместо «печати бога» прорезано ΙΑΩ САΒΑΩ ΜΙΧΑΗΛ ΓΑΒΡΙΗΛ (Иао, Саваоф, Михаил, Гавриил) (рис. 3,2). Иао – греческая транскрипция варианта тетраграмматона, четырехбуквенного непроизносимого имени господина, которое в иудейской религиозной и каббалистической традициях считается собственным именем бога [45, р. 199; 46, р. 294.]. Саваоф – одно из имен бога в иудейской и христианской традициях, подчеркивающее свойство его всемогущества, отражающее божественную власть над всеми силами земли и неба. В гностических и магических текстах Иао и Саваоф были самостоятельными божествами; их имена, вместе и по-отдельности, использовали на магических амулетах в качестве защитных формул [21, р. 135-136; 42, с. 128; 47, р. 102, 104]. Чаще всего имя Иао можно встретить на геммах с Абрасаксом. Его вырезали на щите в руках змееного божества, что особо подчеркивало защитные свойства имени [48, с. 166, 178, кат. 52; 49, с. 98, кат. 3, табл. 1,3]. Известно несколько инталий с надписью, призывающей Иао, Саваоф Адонаи, святое имя, защитить от всех демонов [21, р. 95-96; 50, р. 445-446, кат. 433].

Имена ангелов Михаила и Гавриила, следующие в списке после Иао и Саваофа, также входили в традиционный набор оберегающих средств. Согласно «Завещанию

Соломона», инвокации к этим ангелам помогают упразднить определенных демонов [37, р. 56, XVIII.5,6]. Именно Михаил передал Соломону магическое кольцо – печать бога [37, р. 10, I.6-7]. В трактате рекомендуется для борьбы с некоторыми демонами писать имя ангела вместе с Иао и Саваофом [37, р. 53-54, XVIII.13,15,16]. На одной из позднеримских гемм, происходящих из Малой Азии, прорезана надпись, молящая двух ангелов и Иао о спасении носящего [33, р. 84, kat. 477]. Наиболее часто на геммах упоминаются Михаил и Гавриил, реже можно встретить расширенный список из имен четырех ангелов – Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил [50, kat. 53, 71, 101, 114, 230; 33, р. 83, kat. 472]. Имена ангелов на геммах сопровождали изображения различных божеств – Анубиса, Сераписа, Тота или Абрасакса, усиливая их защитные силы.

Геммы с Соломоном предназначались для защиты от козней демонов, среди которых преобладали действия, вредящие здоровью людей. Наверно, поэтому на камнях с Соломоном часто встречается «знак Хнубиса» (рис. 3,1,2) или надпись СТНМАХНУ (для желудка?) (рис. 3,11), характерные для медицинских магических амулетов, предназначавшихся для улучшения пищеварения и лечения болезней пищеварительного тракта [51, с. 50-60]. На одной из гемм в три строки прорезана формула ΕΙΣ ΘΕΟΣ ΥΓΙΑ (Единственный бог здоровье) (рис. 3,12). Вероятно, в представлении человека, носившего этот амулет, победитель демонов Соломон был способен обеспечить здоровье.

Геммы с Соломоном, как и многие инталии, относящиеся к группе магических амулетов, по своей функции не были печатями. Надписи на них вырезаны не в зеркальном отображении и читаются правильно не в оттиске, а только на оригинале. В «Завещании Соломона» сказано, что печать бога была вырезана на камне и вставлена в маленькое кольцо [37, р. 86-87]. Судя по находкам и письменным свидетельствам, геммы носили не только как вставки в перстни, но и как подвески. Многочисленные рекомендации об использовании инталлий-амулетов встречаются в древних врачебных трактатах. Гален, знаменитый римский врач, живший во II в., писал об амулетах против болей в желудке: *«Некоторые вставляют гемму в перстень и гравировать на ней змею с лучами ... Я сделал небольшое ожерелье из некрупных камней яшмы и повесил его как шейный амулет»* [21, р. 54; 46, р. 309, appendix № 5]. Марцелл Эмпирик, медик и фармаколог времен императора Феодосия I, практикующий врач, о чем свидетельствует его прозвище «Эмпирик», рекомендовал вырезать на яшме знак ZZZ и подвесить ее *«на шею больного, страдающего болями в боку»* [52, р. 291]. Александр из Тралл (525-605 гг.), медик, которого Агафий Миринейский назвал «опытнейшим во врачебном искусстве» [53, с. 143], советовал для людей, страдающих от коликов в животе, вырезать на камне Геракла, душащего льва, затем оправить его «золотым кольцом» и дать носить больному [18, р. 86]. Многие геммы вставлены в золотую пластинчатую оправу с петелькой для подвешивания [22, с. 331, рис. 1; 31, no. 462, 913, 1123, 1688, 1734, 1905]. Такая оправка охватывает камень по бокам, оставляя открытыми изображения и надписи не только на лицевой стороне, но и на обороте. В верхней части одной из гемм коллекции Британского Музея просверлено

круглое отверстие (рис. 3,2). Оно было сделано позже и, наверняка, для того, чтобы носить гемму как кулон на шнурке.

2. Подвески-кулоны с надписью «Единственный бог, побеждающий зло» (рис. 4; 5). На территории современных Сирии, Ливана, Палестины, Израиля и в Юго-Западном Крыму найдены бронзовые пластинчатые овальные подвески-кулоны, отлитые с петелькой для подвешивания, на лицевой стороне которых изображена известная по геммам сцена: всадник, пронзающий копьём распростёртого под конем женского демона [18, р. 80-83, №№ 7-12; 21, р. 211-214, по. 298-303, 306, 309, 311, 314, 315, 318, 319; 31, по. 809-812, 1488, 1493, 1700]. Своей формой подвески имитируют геммы. Близка и иконография всадника. Как и на инталиях, на кулонах он представлен в профиль, вправо, с приподнятой выше плеча правой рукой, держащей длинное копьё. Изображение на подвесках выгравировано схематично и небрежно. Тем не менее, на всаднике можно различить воинскую одежду и развивающийся плащ. Образ всадника на металлических подвесках приобретает христианские черты: вокруг его головы появляется нимб, у копьёя – крестообразное навершие (рис. 5,1-5), либо крестовидный наконечник, который упирается в женское существо (рис. 4,5; 5,7А). Этот иконографический тип принято называть «святым всадником».

На большинстве подвесок над всадником выгравировано «Единственный бог, побеждающий зло». Эта фраза встречается и на других амулетах византийского времени (рис. 6,1,2; 9,2; 10,5) и, как правило, сопровождает изображение святого всадника, поражающего женского демона. Формула «Единственный бог» восходит к традициям синкретических монотеистических культов, предшествовавших христианскому единобожию. Так, например, изображение Сераписа на греко-египетских геммах часто подписывалось «Единственный Зевс – Серапис» [35, р. 80-82; 21, р. 174-175; 42, с. 129; 50, р. 178-180]. Серапис воспринимался как высшее божество, к которому можно обратиться с любой просьбой; он спасал от несчастий, излечивал от болезней, а также охранял от пагубного воздействия дурного глаза. Сохранилась надпись на мраморной плите из Рима, в которой говорится о том, что от могущества Сераписа лопаются дурной глаз [35, р. 82-83, № 217; 21, р. 96-97].

Формула EIC ΘEOC была принята христианами для обозначения бога единого и, наряду с Писанием и канонами соборов, встречается еще и на крестах, хлебных штампах, кольцах или надгробиях [35, р. 86; 54, с. 130, кат. 241]. Надпись на подвесках со святым всадником не обязательно обращена к конкретному богу. Скорее всего, это была универсальная формула для защиты от всякого зла, которую гравировали на амулете, независимо от конфессиональной принадлежности его владельца [35, р. 86; 21, р. 10, 174-175].

Изображенное на кулонах женское существо, олицетворяющее, судя по надписи, побежденное зло, заметно отличается от своего прототипа на геммах. Оно представлено с длинными волосами, по пояс обнаженным и со связанными руками и ногами (рис. 4,11; 5,6А,7А). Вероятно, так проиллюстрирован процесс нейтрализации

демонов – связывание волшебными формулами, чтобы они никогда более не рискнули вернуться к людям [34, VIII.2.5].

По изображениям и надписям на обороте подвески можно разделить на четыре варианта. На кулонах *варианта 1* выгравированы привязанная к колонне или алтарю птица – ибис (цапля?), нападающая на змею, и надпись ΠΙΝΩ, которая трактуется как «я пью», «я голоден», «я хочу есть» или «пожирать» (рис. 4,1-3) [55, р. 3; 21, р. 212-213]. Привязанного к алтарю ибиса гравировали на магических геммах, защищающих от болезней пищеварительного тракта, о чем свидетельствует и присутствующее на них трехкратное повеление больному желудку «Переваривай!» [55, р. 2-3, fig. 2; 21, р. 51-53; 46, р. 300]. Однако сюжет на бронзовых кулонах, имеющий бесспорное иконографическое сходство с указанными инталиями, следует трактовать иначе. Известно, что в Египте большие птицы с длинным клювом, особенно ибис, считались наделенными защитными свойствами. Они истребляли змей, скорпионов, саранчу – всех тех существ, которые в повседневной жизни угрожали человеку [55, р. 1]. В «Киранидах», сборнике магическо-медицинских сочинений IV в. [43, р. 436-437], сообщается о том, что, если вырезать на камне фламинго со скорпионом в ногах и положить под такую гемму определенное растение, то можно получить защитное средство от всех ядовитых животных и против дурного глаза [21, р. 214]. Скорее всего, голодная птица, жадно набрасывающаяся на змею, в символической форме выражала ту же самую идею, что и представленный на лицевой стороне амулета образ всадника, побеждающего всякое зло.

На обратной стороне подвесок *варианта 2* помещена композиция, которую рассматривают как дурной глаз, пронзенный острым оружием и атакованный несколькими «жестокими или вредоносными животными» (рис. 4,4,5) [21, р. 211]. Подобные сюжеты можно встретить на мозаиках, на металлических медальонах [19, р. 54; 20, р. 31] и на магических геммах римского времени [50, р. 420, kat. 390]. Понять их смысл позволяют сведения, содержащиеся в «Завещании Соломона». Согласно трактату, представший перед Соломоном тридцать пятый из тридцати шести демонов-деканов по имени Ρύξ Φθηνέωθ, вредивший людям через дурной глаз, сообщает, что для победы над ним надо «многострадальное око» царапать [37, р. 58, XVIII,39-40]. Действительно, на всех металлических амулетах (рис. 4,4,5; 10,3с; 12,5б,8б) и на фреске из Бауита (рис. 11,1), где есть эта сцена, в открытый глаз направлены или воткнуты острые предметы – трезубец, кинжалы либо гвозди. Они царапают его и не дают закрыться. Изображенные рядом живые существа – хищные животные (лев и львица или гепард), птица с длинным клювом (ибис или цапля), змеи и скорпион – все от природы наделены царапающими или жалящими приспособлениями. Дурной глаз или сглаз – безусловно, одно из самых распространенных у многих народов суеверий о вредоносном влиянии взгляда завистливых людей. Его считали оружием демонов, вызывающим болезни, приносящим неудачи и различные беды. О глубоком укоренении в сознании людей этого суеверия в период поздней античности и раннего средневековья свидетельствуют рассуждения о нем отцов церкви, которые по-

рицали не столько веру в действие дурного глаза, сколько языческие методы борьбы с ним (например, мазанье грязью лба ребенка), предлагая заменить на христианские (освящение крестным знаменем того же лба ребенка) [56, р. 9-34]. В магии нейтрализация дурного глаза – важный процесс в борьбе со злом и сильное отвращающее беду средство. Поэтому изображение этого действия и помещали на амулеты.

На подвесках *3 варианта* в несколько строк аккуратно выгравированы списки божеств и существ, которые, как считалось, могли отвести беду и защитить носящего от всякого зла – Иао, Саваоф и ангелы Михаил, Гавриил, Уриил (рис. 4,7,10-12), либо – конь, мул, ибис, жираф (рис. 4,8). Вероятно, такое же значение имели изображения самих животных. На одной подвеске, приобретенной Г. Шломберже в Бейруте, выгравированы фигурки крокодила, гиены и птицы (рис. 4,9). Выше мы уже отмечали значение, которое имели имена ангелов для повышения защитной силы магических камней в эпоху поздней античности. В сиро-палестинском регионе в V-VI вв. бытовали каменные христианские амулеты, на которых имена ангелов сопровождали обращения к Иао и Саваофу о помощи, либо инвокации к «Единственному богу», либо сцену победы Даниила над вавилонским драконом [33, р. 104-105, 110-111, kat. 598, 604, 630-632, 652]. Имена ангелов Михаила, Гавриила, Уриила встречаются на филактериях разного рода, в том числе и в магических текстах, процарапанных на металлических пластинках, которые складывали в специальные футлярчики и носили на шее [57, р. 123-124, not. 67; 58, р. 82, № 4].

Под списком защитных имен и названий на кулонах варианта 3 часто изображали идущего вправо рычащего льва, а над ним – шестилучевую звезду (рис. 4,8,10-12). Аналогично изображенного льва можно увидеть на происходящих из сиро-палестинского региона геммах конца V в., относящихся к группе христианских амулетов (рис. 4,6; 7,8) [33, р. 112, pl. 89, kat. 646, 647]. На некоторых из них присутствуют надписи на иврите или имитирующие древнееврейский язык. Считается, что символизм льва перешел к христианам от иудеев. В иудейской традиции лев имел значение сильного и бдительного стража, что наглядно демонстрируют изображения на доньях стеклянных сосудов из римских катакомб, где животные представлены лежащими и рыкающими по сторонам шкафа или кивота с книгами Ветхого Завета [59, с. 243-244, рис. 36]. «Пристально смотрящие» львы обращены к шкафу и не спускают с него глаз. Возможно, это свойство неустрашимого и бдительного стража и стало причиной появления льва на амулетах в дополнение к списку защитных святых имен.

На представленных подвесках вариантов 1-3 эффективность святого всадника в борьбе со злом усилена магическими приемами: нейтрализация действия дурного глаза, угрожающая голодная птица, списки специальных имен. Кулоны, выделенные нами в *вариант 4*, обеспечивали защиту своему владельцу при помощи христианских символов (рис. 5). Правда, на некоторых подвесках еще можно увидеть характерные для амулетов варианта 3 фигуру льва и надпись «Единственный бог, побеждающий зло». Но сопровождаются они изображением креста с расширяющимися ветвями (рис. 5,7). Вместо верхней ветви креста прорезано поясное изображение Христа с

повернутой вправо головой. В левой руке он держит крест, в правой – факел. Под боковыми ветвями креста выгравированы буквы А и Ω [60, S. 19-20, cat. J6817; 21, p. 218; 61, fig. 8]. Этот сюжет встречается и на геммах, и на бронзовых перстнях VI-VII вв. из Восточного Средиземноморья [33, p. 116, 121, cat. 677, 678, pl. 140, fig. 15].

Еще более определенно христианское влияние обозначено на подвесках с выгравированными на обороте начальными словами псалма 90 с предшествующим им небольшим крестом (рис. 5,1-6). На них изредка встречается надпись «Единственный бог» над головой всадника (рис. 5,6). Копье приобретает крестообразное навершие, создающее впечатление того, что всадник вооружен длинным крестом (рис. 5,1А). В ранневизантийской эпиграфике псалом 90, имевший репутацию мощного отворачивающего беду средства, является одним из наиболее часто цитируемых библейских текстов [62, p. 575-579]. Его строки наносили на косяки окон и дверей, на стены жилых помещений и могил. Текст псалма полностью воспроизведен на стенках двух склепов конца V в. из некрополя Боспора [63, с. 10-13; 64, с. 63-65; 65, с. 111-115, рис. 22]. Часто строки псалма гравировали на браслетах (рис. 6) и перстнях [35, p. 132-133, № 340; 62, p. 576-577]. Небольшие размеры подвесок-кулонов позволяли разместить лишь первые слова псалма или только его начальные буквы (рис. 5,1-6). У греков Приазовья, выходцев из Крыма, псалом 90 был включен в сборник оберегающих молитв и рекомендовался к чтению для спасения от духов и нечистых сил [5, с. 138-139, № 57].

К описанным амулетам варианта 4 следует отнести подвеску, случайно найденную на границе нижней хоры Херсона (на Сапун-горе) (рис. 5,1)¹. Она идентична названным амулетам не только по форме, размерам (2,0х4,3 см), иконографии святого всадника и стилю исполнения изображения, но и по палеографии и орфографии прорезанных на обороте первых двух слов псалма 90: ο|κατ|υκο|ν вместо ὁ κατοικῶν. К. Боннер предположил, что кулоны с началом псалма 90 могли быть амулетами против дурного глаза, поскольку некоторые из них своей вытянутой овальной формой напоминают глаз (рис. 5,1-3) [21, p. 219]. Однако форма этих подвесок еще более соответствует лавровому листу, который, согласно «Завещанию Соломона», при нанесении определенных надписей становился весьма эффективным средством против демона, творящего ссоры и обиды в человеческих домах и насылающего на людей плохое настроение [37, p. 53, XVIII.15].

Подвески всех вариантов происходят, в основном, из сиро-палестинского региона, где они, скорее всего, и производились. Тождество материала и формы, идентичная иконография святого всадника также заставляют говорить об их едином центре производства. находка аналогичной подвески в Юго-Западном Крыму, в предместье Херсона (рис. 5,1) свидетельствует о распространении этого типа амулетов далеко за пределами региона их изготовления. Возможно, подвески-кулоны вывозили из

¹ Подвеска хранится в частной коллекции В.В. Булычева. Пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность Татьяне Юсуфовне Яшаевой, обратившей наше внимание на эту находку.

святых мест паломники в качестве евлогий – благословлений. И все же основными потребителями этих амулетов были жители сиро-палестинского региона. Несколько подвесок было найдено в некрополе в Гуш-Халаве (эль-Джиш, Верхняя Галилея), вместе с бронзовыми монетами Константина (323-327 гг.), что позволило некоторым исследователям отнести их к IV в. [21, р. 211; 24, р. 36]. Однако позже датировка могил была «омоложена» до VI-VII вв. по входившим в состав инвентаря стеклянным сосудам этого времени [29, р. 61, not. 160]. В недавно созданной международным коллективом специалистов электронной базе данных по магическим геммам «The Campbell Bonner Magical Gems Database» для большинства бронзовых кулонов со святым всадником указана дата V-VI вв. [31, no. 809-812, 1722, 1723], а для одного экземпляра – IV-VI вв. [31, no. 1700]. Из-за того, что почти все подвески найдены вне комплексов, можно говорить только об их относительной хронологии. Подвески появились позже гемм с Соломоном, так как представленный на них образ всадника более христианизирован. При этом следует учитывать, что, судя по иконографии все того же всадника и по сопутствующим изображениям и надписям, подвески вариантов 1-3 появились раньше, чем подвески варианта 4. Последние можно сопоставить с бытовавшими в Восточном Средиземноморье во второй половине VI – первой половине VII вв. браслетами, на которых изображение святого всадника также сопровождается первыми словами псалма 90 (рис. 6). Скорее всего, подвески вариантов 1-3 бытовали в V-VI вв., а варианта 4 – в VI-VII вв.

Святого всадника на подвесках зачастую отождествляют с Соломоном [35, р. 84; 30, р. 48-49], хотя его имя и не фигурирует в надписях на амулетах этого типа. Возможно, что в сознании людей, носивших амулеты, именно Соломон одерживал победу над демонами и поэтому вполне мог стать «Единственным богом, побеждающим зло». Тем более, что всадник Соломон уже сопоставлялся с «Единственным богом», как об этом свидетельствует надпись на упоминавшейся выше гемме (рис. 3, 13). В эпоху раннего средневековья за помощью к Соломону обращались христиане, о чем свидетельствуют письменные амулеты. В качестве примера укажем найденный в Египте папирус V-VI вв., размером 30,0x15,5 см с текстом, содержащим несколько цитат из Евангелия от Матфея, 13-ю строку из псалма 90 и «заклинание Соломона против всякого нечистого духа». Амулет должен был хранить носящего «от температуры, от всякого рода болезней и скверной раны» [66, р. 415-417]. Папирус был согнут семь раз в ширину, пять раз в длину и сложен в специальный конверт, который носили на теле. Со своей стороны хотелось бы отметить, что, скорее всего, человеку, носившему подвеску-кулон, было совершенно неважно имя всадника, так как уже сам образ стал олицетворением победы над злом и защиты от злых сил. Если на геммах IV в. всадника Соломона сопровождала надпись «печать бога», то на металлических подвесках V-VI вв. сам всадник становился единственным богом, побеждающим зло. Позже, на рубеже VI-VII вв. изображение всадника вообще не требовало никаких пояснений и подписей. Достаточно было в его руках изобразить крест вместо копья, а на обороте подвески прочертить несколько

первых букв псалма 90 и сопроводить их небольшим крестом, чтобы получить мощное оберегающее от злых сил средство.

3. Браслеты и перстни с изображением святого всадника (рис. 6). В настоящее время известно более двух десятков браслетов, происходящих, в основном, из Сирии, Палестины и Египта (только один экземпляр найден на Кипре), в декоре которых присутствует изображение святого всадника [67, р. 246-258; 21, pl. XVI,320; XVII,323; 62, р. 575-577; 28, р. 33-51; 68, р. 188-189; 69, S. 326, Kat. 626]. Все они были недорогими украшениями, сделанными из низкопробного серебра, бронзы или даже железа.

По форме браслеты можно разделить на три варианта: 1 – сделанные в виде узкой пластины с медальоном на завершении (рис. 6,1); 2 – состоящие из 4-8 круглых или овальных медальонов, соединенных между собой узкой пластиной, зачастую украшенной изображениями креста в круге и стилизованным глазом (рис. 6,4-7); 3 – выполненные из широкой пластины с чередующимися большими круглыми и меньшими овальными медальонами (рис. 6,8,10). В медальонах размещены изображения апотропейного характера – святой всадник, сцены христологического цикла или магические персонажи и знаки. Свободное пространство на многих браслетах заполнено цитатой из псалма 90, длина которой варьируется от нескольких слов до шести строк, в зависимости от того, где выгравирована надпись – в медальоне или на пластинах между ними (рис. 6,1,4,5,8,10) [62, р. 576-577].

По изображениям и содержанию надписей браслеты варианта 1 наиболее близки описанным нами выше подвескам-кулонам. На них выгравированы первые строки псалма 90 и формула *«Единственный бог, побеждающий зло»* в медальоне над головой всадника, а также рычащий лев и ползущая змея (рис. 6,1). В медальонах на браслетах вариантов 2 и 3 представлены последовательно расположенные эпизоды земной жизни Христа. При этом изображался не весь христологический цикл, а только отдельные сцены, которые, вероятно, считались наделенными особенно мощными апотропейными свойствами. Самый популярный эпизод, встречающийся на десяти браслетах, – это жены-мироносицы у гробницы Христа (рис. 6,4а,5,8,10). По мнению А. Грабара, этот эпизод в византийском искусстве заменял изображение Христа в тот самый момент, когда он возвращался к жизни, и реконструировал обстоятельства, в которых чудо, победа над смертью, было впервые засвидетельствовано [41, с. 248]. На шести браслетах изображено Благовещение, четыре раза встречаются Рождество, Крещение, Распятие, три раза – Поклонение волхвов, по два раза – Исцеление Лазаря и Вознесение Господне [28, р. 36].

Обращение к жизни Христа, как апотропейное средство, засвидетельствовано среди христиан с римского времени. В речи против Цельса Ориген отметил, что для борьбы со злым духом и изгнания демонов христиане обращаются с молитвами к Христу, сопровождая их рассказами о его жизни [28, р. 36]. Как должен был действовать этот метод, можно проследить по этнографическим материалам. Так, у приазовских греков заговор против озноба начинался со слов: *«Христос воскрес»*;

Христос вознесся; Христос был распят; Христос был крещен; Христос был погребен; Христос воссел одесную Отца...», только после этого шли угрозы в адрес болезни: *«выйди и уйди, озноб, от раба Божьего...»* [5, с. 72-73, № 13]. Молитва за «освобождение от всякого зла» тоже начиналась с перечисления эпизодов из жизни Иисуса: *«Христос родился...; Христос был крещен в Иордане реке, сокрушив главы драконов; Христос был распят; Христос был погребен; Христос воскрес...»* [5, с. 70-71, № 12]. В одном из заклинаний после призывов к Богородице и всем святым следовало: *«Имеющий это [заклинание] не подвергается опасности. Христос родился; Христос воскрес; Христос взошел на небеса – возрадуйся и возревнуй. И пусть всякое [зло] и заговоры дьявола, и оговоры оставят раба Божьего...»* [5, с. 80-81, № 25]. Обратим внимание на то, что в заговорах перечисляли определенные эпизоды жизни Христа и разное их количество, точно так же, как и на браслетах в отдельных медальонах помещали иллюстрации избранных сюжетов Евангелия.

Иконография христологического цикла на браслетах близка изображениям на паломнических евлогиях, происходящих из различных святых мест Иерусалима и его окрестностей. Особенно это заметно по композиции эпизода жены-мироносицы у гроба Христа (рис. 6,4а,7,8,10), в которой могила изображена не в виде пещеры в соответствии с библейской версией, а как отдельное архитектурное сооружение, известное по описаниям паломников конца IV в. и встречающееся на паломнических печатях [28, р. 38]. На некоторых браслетах представлен кубикул Гроба и группа из трех или двух жен перед входом (рис. 6,4а), как на ампуле из Монцы рубежа VI-VII вв. [70, с. 132, 207, рис. 127]; на других Гроб изображен в форме решетчатого шатра с коническим верхом (рис. 6,8), как на иконе, вывезенной из Святой Земли в начале VII в. и входившей в состав Латеранского сокровища [70, с. 208-211, рис. 134]. Шесть из восьми медальонов на египетских браслетах (рис. 6,8,10) по выбору сюжета и композиции имеют поразительное сходство с изображениями на ампулах из Монцы [67, р. 247, fig. 1; 28, р. 38, fig. 18]. Спены Входа в Иерусалим (рис. 6,5а,8а) и Поклонения волхвов (рис. 6,4в) встречаются на керамических паломнических жетонах [27, fig. 22-23; 71, pl. 10,d,e; 33, р. 120, pl. 139, fig. 12].

Иконография святого всадника, поражающего копьём демона, на браслетах и на подвесках-кулонах практически не отличается. На некоторых браслетах всадник изображен не в профиль, а в анфас (рис. 6,7а). На браслетах варианта 1 всадник обозначен как «Единственный бог, побеждающий зло» (рис. 6,1), на остальных он анонимен. Однако совершенно ясно, что святой всадник на этих амулетах – не Соломон. Имя иудейского царя встречается только на одном браслете, происходящим из Кесарии Палестинской, и выгравировано оно над стилизованным изображением руки с перстнем (рис. 6,6), вероятно, как иллюстрация печати бога, согласно преданиям, переданной Соломону архангелом Михаилом для борьбы с демонами. О роли святого всадника можно судить по расположению его изображения в христологическом цикле. Почти на всех браслетах он помещен сразу после сцены жены-мироносицы у гробницы Христа; на одних экземплярах он завершает весь

цикл (рис. 6,4,5), на других – предшествует Вознесению (рис. 6,8,10). Несомненно, всадник, побеждающий демона или зло, сопоставлен с Христом, а его действие, победа над демоном, сопоставлена по значению с чудом победы Христа над смертью.

На многих браслетах, помимо известного нам святого всадника, поражающего демона, под ногами коня появляется второй анонимный наездник с крестом в руках (рис. 6,5а,8а). Г. Вайкан обратил внимание на идентичность иконографии этого персонажа и Христа в сцене Входа в Иерусалим. На браслетах воспроизведена не вся сцена, а только сам Христос верхом на ослике с большим крестом в руках. Иконография сцены Входа в Иерусалим зарождается в эпоху Константина Великого под влиянием императорского искусства и во многом соответствует Триумфальному входу императора [41, с. 239]. Победоносный характер сцены полностью соответствует амулетам, одевая которые, христиане полагались на защиту Христа [27, р. 75, пот. 57; 28, р. 35]. В подтверждение того, что эпизод Входа в Иерусалим на амулетах имел именно апотропейный характер, а не был только пересказом одной из историй Евангелия, Г. Вайкан приводит тот факт, что изображение на одном из браслетов подписано словом «Здоровье» [28, fig. 5с].

Палеографические особенности надписей и иконография сцен христологического цикла позволяют отнести время бытования браслетов ко второй половине VI – первой половине VII вв. [67, р. 247-258; 28, р. 39]. Браслеты варианта 1 (рис. 6,1), скорее всего, делали в сиро-палестинском регионе – все они происходят оттуда, а по изображениям и надписям близки местным подвескам-кулонам. Браслеты вариантов 2 и 3 изготавливали и в сиро-палестинском регионе, и в Египте. Сиро-палестинские браслеты были, скорее всего, продукцией тех же самых мастерских, где производили паломнические евлогии. Иконография сцен христологического цикла зародилась именно в Святой Земле и была характерна для многочисленных предметов, вывозившихся отсюда паломниками. На происходящих из Египта браслетах, помимо эпизодов из жизни Христа, встречается и изображение львиноголового змея Хнубиса – магического персонажа местного происхождения, известного по геммам позднеримского времени (рис. 6,10) [51, с. 50-60]. Кроме того, в Египте в коптских могилах найдены аналогичные по форме браслеты, в медальонах которых размещены изображения местного святого Мины в позе оранта между двумя верблюдами [72, S. 331, kat. 7022; 67, р. 252].

В раннее средневековье в Восточном Средиземноморье были также популярны перстни с овальным или круглым щитком, на котором гравировали отдельные композиции из медальонов на браслетах: святой всадник, поражающий демона под ногами коня (рис. 6,3), Вход в Иерусалим, жены-мироносицы у гроба Христа [73, р. 121-122, fig. 11; 71, pl. 11,d; 28, fig. 21-22; 54, с. 86, кат. 90]. Перстни со святым всадником двух иконографических типов бытовали в VII в. и в Крыму [74, рис. 40,1; 11, рис. 5,15; 14, рис. 52,23; 75, с. 289, кат. I.6.2]. На Боспоре даже делали их местные вариации [76, с. 445-448, рис. 2,2,5; 3,6-9].

Изображения и надписи превращали украшения – браслеты и перстни – в апо-

тропеи, которые должны были отвращать беду и защищать от злых сил. Важную роль в этом процессе отводили святому всаднику, сопоставляемому с «Единственным богом», либо с Христом, триумфально въезжающим в Иерусалим или побеждающим смерть. Судя по диаметру браслетов – 6,4-8,3 см, предназначались они для взрослых женщин. На двух браслетах процарапаны надписи с просьбой к Единственному Богу хранить Северину и к Богоматери о помощи для Анны [28, р. 41, №№ 21, 22]. В Юго-Западном Крыму перстни со святым всадником найдены в погребениях молодых женщин и девочек. В Керчи аналогичные перстни были зачищены в погребениях VII в., принадлежавших молодым женщинам, умершим сравнительно рано – в 20-25 лет (при средней продолжительности жизни в 28,8 лет, зафиксированной для женщин, по материалам исследованного участка некрополя). Интересно, что в обоих случаях перстни-амулеты лежали на фалангах пальцев правой руки [76, с. 449, рис. 5,1; 6,3]. Напомним, что именно к правой руке больного был привязан амулет из пергамента с обращением к Соломону, о котором сообщает Плиний Младший.

4. Медальоны-«печати Соломона» или «печати Бога живого». Следующий тип амулетов со святым всадником – это круглые бронзовые или серебряные пластинчатые медальоны с отверстием для подвешивания в верхней части (рис. 7-9). На их обеих сторонах по контуру выгравированы надписи, а центральное поле покрыто изображениями, расположенными в определенном порядке. Лицевая сторона занята сценой борьбы с женским демоном, обратная – разделена на две части: верхнюю с небесными божествами и нижнюю с магическими существами и надписями. По сочетанию изображений и надписей можно выделить три варианта медальонов.

К *варианту 1* отнесены медальоны диаметром 3,0-3,8 см, найденные в Карфагене и Смирне (рис. 7,7,9-11). На их лицевой стороне выгравирован ангел, пронзающий крестом женского демона, а по контуру – *«Беги, презренная, тебя преследует ангел Арааф»* или *«Беги, презренная, Арлаф, ангел тебя преследует»*. На обороте сверху прорезаны смотрящие друг на друга погрудные изображения божеств, олицетворяющих Солнце и Луну; внизу – бегущий вправо рычащий лев (или львица влево), под ним – извивающаяся змея; по контуру – *«Печать Соломона, помоги носящему (или защити носящегоо)»*. На медальоне из Карфагена в верхней части размещено погрудное изображение Христа в окружении двух ангелов в анфас, в нижней – святой всадник, пронзающий крестом демона. В надписи по контуру указано имя владельца – *«Печать Соломона, помоги Иоанну»*.

Медальоны *варианта 2*, диаметром 4,3-4,4 см, найдены в Кизике и Херсоне (рис. 8,3,4). На их лицевой стороне изображены святой всадник и ангел, вместе побеждающие женского демона, и соответствующая надпись по контуру: *«Беги, презренная, Соломон тебя преследует и ангел Арааф»*. На обороте сверху прорезаны смотрящие друг на друга персонифицированные изображения Солнца и Луны; внизу – бегущий вправо рычащий лев, извивающаяся змея и женский демон; по контуру – *«Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил помоги носящему (или оберегай носящегоо)»*. Надо львом выгравированы пять букв RPSSS, а рядом с его пастью – открытый глаз.

Отнесенный к этому же варианту медальон из Кабинета Медалей Национальной библиотеки (Париж) меньше в диаметре (3,8 см), на его лицевой стороне прорезана надпись «*Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил помогите носящему*», а на обороте – «*Печать Соломона, защити носящего*» (рис. 8,2).

Медальоны из Сирии (рис. 9,1,2) и Смирны (рис. 8,1), диаметром 4,7 и 5,4 см, выделены в вариант 3. На лицевой стороне медальона из Смирны сцена борьбы всадника и ангела с демоном сопровождается надписью «*Беги, презренная, от носящего Арааф ангел тебя преследует, а также Соломон*». На обороте представлены: сверху – портрет Христа Эммануила (?) [77, р. 34] между персонифицированными профильными изображениями Солнца и Луны; внизу – две фигуры ангелов в профиль, держащих в вытянутых руках веревки для связывания женского демона, который распластан у них под ногами. Над демоном – ползущая змея, бегущий лев и стилизованное изображение руки с кольцом. По контуру выгравирована надпись «*Печать бога живого, защити носящего! Свят, свят, свят Господь...*» и ее продолжение – в поле, между портретами Христа, Солнца и Луны: «*...Саваоф, небеса и земля полны славы Его*» (рис. 8,1В).

На лицевой стороне сирийских медальонов представлена традиционная сцена борьбы святого всадника и ангела с женским демоном; по контуру выгравированы первая строка и начало второй псалма 90: «*Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу...*», а в поле, под правой рукой всадника – «*Единственный Бог, побеждающий зло [или злодеяния]*» (рис. 9,1А,2А). На обратной стороне медальонов, по контуру прорезано: «*Печать Бога живого, защити от всякого зла носящего этот амулет*»; сверху – Христос на престоле, в окружении ангела, орла, тельца и льва (Христос в тетраморфе), под ними – «*Свят, свят, свят, Господь Саваоф!*»; внизу – бегущий вправо рычащий лев, ползущая змея, скорпион и различные знаки (рис. 9,1В,2В).

Рассмотрим подробнее набор защитных средств, характерный для этой группы амулетов. Согласно надписи, медальоны назывались печатями Соломона (варианты 1 и 2) или печатями Бога живого (вариант 3). Бесспорно, речь идет о той самой, известной по приданиям печати, дарованной Соломону богом и считавшейся самым эффективным оружием в битвах с демонами. В сознании людей «печать бога» стала неотъемлемой принадлежностью Соломона. Поэтому типичная для магических гемм «печать бога» на более поздних металлических амулетах трансформировалась в «печать Соломона».

Надпись «Печать Соломона» редко встречается на магических геммах [50, р. 436-437, kat. 418], зато распространена на амулетах византийского времени, сделанных из различных материалов. В коллекции Кристиана Шмидта (Мюнхен) хранится бронзовый медальон, по форме и размерам аналогичный описанным нами, но без изображений, со стилизованной христомграммой по центру и надписью по контуру «*Печать Соломона, помоги носящему*» (рис. 9,5) [69, S. 316-317, Kat. 583]. На юге Малой Азии, в одном из жилых кварталов Анемуриума, в слое конца VI – первой

половины VII вв. найден круглый амулет из глухого стекла (рис. 9,4) [26, р. 39, 46, fig. 2-4]. На одной его стороне прорезан Трисагион, на другой – формула, говорящая о действенности печати Соломона против дурного глаза – «*Печать Соломона ограничивает дурной глаз*». Происходящий из Малой Азии амулет сделан из овальной гальки с просверленным отверстием для подвешивания (рис. 9,3) [78, р. 101-104, fig. 17,a,b]. На одной стороне камня прорезана надпись «Печать Соломона», на другой – крест с расширяющимися концами, монограмма имени Христа и формула «*сим победиши*». По мнению Н. Тьерри, изготовитель амулета ассоциировал Соломона – победителя зла с победоносным Христом [78, р. 102]. Автор датировала амулет VIII в. и считала, что он принадлежал одному из солдат, участвовавших в бесконечных византийско-арабских войнах, так как на нем изображен крест и слова из видения Константина перед победоносной битвой с Максенцием [78, р. 103-104]. На происходящей из Сицилии свинцовой пластинке процарапана молитва, призывающая печать Соломона защитить от колдовства и козней демонов [58, р. 75-76]. В Италии и Сирии найдены перстни с надписью на щитке «Печать Соломона, помоги» или «Печать Соломона», которая, как и на описанных круглых медальонах, начинается с небольшого креста (рис. 7,7,9B,11B) [79, №№ 155, 156; 80, р. 13, №№ 73, 74]. Приведенные примеры показывают, насколько глубоко в сознании людей укоренилось представление о печати Соломона как о самостоятельном апотропее. Вероятно, амулет с такой надписью должен был предоставить его владельцу ту же самую волшебную власть, какой была наделена оригинальная печать бога, позволявшая Соломону изгонять демонов и защищать от них людей.

На большинстве медальонов вариантов 1 и 2 между персонифицированными изображениями Солнца и Луны помещено «существо странной формы» (рис. 7,7,9B,10B,13B; 8,2B), которое интерпретировали как агатодемона [18, р. 78], крест на Голгофе [81, с. 54], афластон – кормовое украшение, символ магической силы, защищающей и охраняющей корабль [71, р. 90-91] или даже как Купину неопалимую – символ Бога [23, р. 120]. Разные трактовки объясняются схематичностью изображения и небрежностью его исполнения. Но на медальоне из Смирны (рис. 8,1C) изображение проработано детально и отчетливо видно, что это сжатая в кулак кисть руки с вытянутым указательным и большим пальцами, держащими кольцо. В представленном ракурсе большой палец руки скрыт, и создается впечатление, что пальцев четыре. Кисть покрыта пуансоном так же, как и крылья и руки изображенных рядом ангелов. Таким образом, словесная формула «Печать Соломона» или «печать бога живого» на медальонах была продублирована изображением руки бога или архангела Михаила, протягивающей кольцо. Крест, выгравированный вместо кольца в руке на некоторых медальонах (рис. 7,9B; 8,2B), символизировал, видимо, божественную власть и силу, переданную Соломону. Точно такое же изображение руки встречается на паломнической глиняной печати (рис. 6,2) и в медальонах на некоторых браслетах-амулетах, описанных нами выше (рис. 6,6,7) [27, fig. 24; 71, pl. 11,e; 28, fig. 13]. На этих предметах над рукой прочерчено имя – Соломон, что еще раз подтверждает

сделанный нами вывод об интерпретации изображения. Почти в таком же ракурсе представлена рука бога, протягивающая венки святой Фёкле, на медальоне V-VI вв. из Восточного Средиземноморья [82, p. 300, kat. 183].

Сцена борьбы с демоном на лицевой стороне медальонов комментируется надписью по контуру. Почти на всех амулетах вариантов 1 и 2 она обращается к демону: «*Беги, презренная, Соломон (или ангел Арааф или Соломон и Арааф) тебя преследует*». Это стандартное заклинание, известное еще по магическим медицинским амулетам римского времени. Как правило, оно обращалось к болезни или ее симптомам, которые должны отступить под угрозой преследования определенным героем. На инталиях встречаются такие выражения: «*Отступи, о желчь, божество тебя преследует*», «*Беги подагра, Персей преследует тебя*» [18, p. 87-88; 35, p. 94] или «*Убирайтесь, лихорадки, вас преследуют лесные волки*» [42, с. 125]. Врач VI в. Александр из Тралл рекомендовал гравировать на металлическом перстне «*Беги, беги, о желчь: жаворонок тебя ищет*» [18, p. 87]. Об употреблении имени Соломона в подобном заклинании известно по цитированному нами выше свидетельству Плиния Младшего об амулете против лихорадки с надписью «*Отступи от Гая Сея, Соломон тебя преследует*» [35, p. 85, not. 4]. Имя ангела Арааф (или Арлаф) встречается еще на нескольких амулетах: на магической гемме среди имен, наделенных защитной силой – в форме Араф [50, p. 432-433, kat. 414]; на медальоне из коллекции Г. Шлюмберже – в надписи вокруг сцены Поклонение волхвов «*Беги, презренная, ангел Архаф тебя преследует и Уриел, беги презренная*» (рис. 7,13А) [18, p. 77-78, № 3] и на медальоне X-XII вв. со святым всадником Сисиннием (рис. 10,6А). Похожее имя и созвучные заклинания встречаются в «Завещании Соломона». Так, против демона, вызывающего жар и лихорадку, необходимо произносить «*арара, арари*», а от демона, причиняющего различные болезни телу, следует писать на входной двери своего дома «*мелто, ардад, анааф*» [37, XVIII,29,40]. Вредящая маленьким детям дьяволица Овизут сообщает, что помешать ей может только ангел Афароф, имя которого является анаграммой имени ангела Рафаила; если его написать на бумаге, то Овизут не сможет повредить ребенку и женщине во время родов [37, p. 42, 82-83, XIII,6]. Анаграмма имени божества – магический прием, часто встречающийся на амулетах. В качестве примера приведем многочисленные анаграммы имен Иао (рис. 7,5) и архангела Михаила, вырезавшиеся на геммах [21, p. 12; 50, p. 423, kat. 400, 401, 425]. П. Пердризе сопоставил имя ангела Араафа с Ассафом, известным по арабским приданиям визирем и помощником царя Соломона [19, p. 51-51].

Почти на всех медальонах среди надписей присутствует Трисагион – «*Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!*», выражение, дважды встречающееся в Библии: в Ветхом Завете – в Книге пророка Исаии (6:3), и в Новом – в пророческом видении апостола Иоанна (4:8). Оба раза фраза озвучена небесными существами, и на медальонах она размещена в верхнем регистре, среди небесных божеств. Длина цитаты разная. На медальонах вариантов 1 и 2 выгравированы только «Свят, свят, свят»

около персонифицированных изображений Солнца и Луны (рис. 7,9В; 8,3В). На медальонах варианта 3 цитата не только приведена полностью, но еще и проиллюстрирована. Так, на экземпляре из Смирны начало фразы прорезано по контуру, а ее продолжение – вокруг портрета Христа и обращенных друг к другу фигур ангелов (рис. 8,1В). Создается впечатление, что от ангелов исходят слова и поднимаются к Христу, Солнцу и Луне. Таким образом, вся сцена иллюстрирует песню серафимов из Книги пророка Исаии: *«И взывали они друг к другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!»* (Исаии 6:3)². Тогда как на сирийских медальонах этого же варианта изображение Христа в тетраморфе в сочетании с надписью (рис. 9,1В,2В) иллюстрируют цитату из «Откровения» Иоанна Богослова: *«... перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу; и посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади. И первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. ... и ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, который был, есть и грядет»* (Откровение 4:6-8).

Трисагион – стандартная формула у иудеев и христиан против злого духа, встречающаяся в ранневизантийское время на различных амулетах [26, р. 39]: на стеклянной «печати Соломона» из Анемуриума (рис. 9,4А), на сирийских геммах VI в. и бронзовых подвесках VI-VII вв. [69, S. 316-317, № 586; 33, р. 84, 86, kat. 481], а также на браслетах VI-VII вв. из Сирии и Египта [28, р. 40-41, № 5, 22, fig. 8; 5b]. Позже эту защитную формулу писали на славянских амулетах-змеевиках – как заклятие, направленное против демона [38, с. 356-357]. Греки Приазовья включали Трисагион в заклинания от скверной Геллу и в письменные филактерии: *«Имена, которые помогают и отгоняют всякую болезнь и всякую слабость, суть таковы: свят, свят, свят Господь Саваоф, Михаил, Гавриил, Илло(?), Уруил и Рафаил...»* [5, с. 82-83, 135-136, № 26, 48].

Медальоны варианта 2 взывают не к печати Соломона, а к ангелам – *«Михаил, Гавриил, Уриил, Рафаил помощи носящему»* (рис. 8,2А,3В,4В). Выше мы уже отмечали, что именно эти ангелы считались наделенными способностью нейтрализовать различных демонов и приводили многочисленные примеры обращений к ним на амулетах. Интересно, что порядок перечисления ангелов в инвокациях оставался почти неизменным на протяжении многих веков – начиная с позднеантичных гемм и заканчивая молитвами святых против демонов и их козней, оберегами от всякой болезни, распространенными у приазовских греков в новое время [5, с. 93, 101, 123, № 33, 35, 39].

Не вызывает сомнений, что все описанные медальоны были христианскими – надписи по контуру начинаются с изображения креста, голову всадника окружает нимб, а верхняя часть его копья имеет вид креста. Больше всего христианских

² Все библейские цитаты даны по синодальному переводу.

символов и сюжетов присутствует на сирийских медальонах варианта 3 (рис. 9,1,2). Так, персонифицированные изображения Солнца и Луны на них заменены фигурой Христа Пантократора; место магических формул, прочерченных обычно по контуру, занимают строки псалма 90. Медальоны всех вариантов насыщены магическими знаками и персонажами, известными еще по гностическим геммам. На медальонах варианта 1 можно увидеть существо с короной из лучей, подписанное именем Иао (рис. 7,9А,11А); на медальонах варианта 2 – псевдотранскрипцию греческими буквами имени Яхве (ППП), копирующую форму букв, но не передающую их фонетику (рис. 8,2А,3В) [16, р. 291]; на медальонах варианта 3 – горизонтально расположенный ряд из шести магических знаков и букв с кружками на завершении, встречающихся на многочисленных геммах, в магических текстах и, как правило, не поддающихся расшифровке (рис. 7,9А; 9,1В,2В) [47, р. 95-97; 50, Кат. 159, 161, 171, 178, 179, 400, 410, 411, 427].

Обратим внимание еще на один присутствующий почти на всех медальонах сюжет – это рычащий лев, идущий или бегущий над ползущей змеей (рис. 7,9В; 9,1В,2В). Часто они размещены над связанным женским демоном (рис. 7,10В; 8,2В,3В,4В). Сцена трактуется как символическое изображение победы добра над злом [81, с. 55]; как отвращающее беду средство [71, р. 89, pl. 11,h; 28, р. 34, fig. 6,h; 15], а присутствующий в ней лев – как символ Христа [24, р. 38-40]. Иконография этой композиции, бесспорно, восходит к изображениям на египетских гностических магических геммах римского времени, часто сопровождавшимся защитными именами Иао и Саваоф (рис. 7,1,2,4,5). Уже тогда символизм льва имел несколько значений. Прежде всего, лев – это зодиакальный знак, в котором, по представлениям древних астрологов, находился дом Солнца. Поэтому лев, один или в сопровождении звезд и растущего месяца, считался символом и знака зодиака, и светила [44, р. 257-258; 42, с. 130; 57, р. 122]. Об астрологическом происхождении символа льва свидетельствуют и прочерченные над его спиной пять букв RPSSS на медальонах из Кизика и Херсона (рис. 8,3В,4В). Сокращенный вариант этого же буквенного сочетания RSSS можно увидеть на пространстве между демоном и конем на лицевой стороне однотипного медальона из Кабинета Медалей (рис. 8,2А). Исследователи по-разному интерпретировали надпись. А. Сорлен-Дориньи, оставив без объяснения первые две буквы, три последние стигмы сопоставил со знаком Хнубиса на геммах, но при этом расшифровал их не как знак декана, а, исходя из греческой нумерологической системы, как число 666 – число зверя из Апокалипсиса (Откровение 13:17-18) [16, р. 291-292]. Т. Матанцева отнесла все буквы к группе магических знаков с петельками на завершении, наподобие тех, что изображены на обороте медальонов варианта 3 (рис. 9,1В,2В) [23, р. 120]. Совершенно нелепо выглядит попытка Э. Ястржебовской объяснить первые две буквы RP как аббревиатуру имени упомянутого в «Завещании Соломона» тридцать пятого демона, так как за основу исследовательница взяла латинскую транскрипцию имени – Руах Phtheneoth из перевода текста Д. Дюлина на английский язык [83, р. 73]. В оригинальном греческом тексте «Завещания» имя этого

демона имеет иные инициалы – Ρύξ Φθηνεώθ [37, р. 58, XVIII,39-40]. Все надписи на медальонах сделаны на греческом языке, и эти загадочные буквы – тоже греческие. Буква «R» – это открытая форма беты, один из вариантов ее написания, хорошо известный по магическим геммам, египетским браслетам и металлическим амулетам с Истерой [67, р. 257; 29, р. 32; 50, р. 292, kat. 241], а также по моливдовулам стратигов фем [84, с. 108-109, табл. I]. Скорее всего, значение этих пяти букв на медальоне давно утеряно. Однако нам хотелось бы обратить внимание на то, что пять букв над фигурой льва можно увидеть на астрологических египетских табличках из слоновой кости второй половины II в. Они были найдены в галльском святилище Аполлона Граннуса в Гранде (Вогезы) и принадлежали астрологу, составлявшему гороскопы [85]. На табличках вырезано небо в виде концентрических кругов. В самом центре помещены персонифицированные изображения Солнца и Луны; их окружают 12 знаков зодиака с соответствующими каждому фигурами деканов и с буквами греческого алфавита, обозначающими управление планет в каждом знаке [43, р. 448-449, Note 86; 46, р. 296-298, Fig. 4a, 4b]. На приведенных нами иллюстрациях дана фотография сектора (рис. 8,5), соответствующего созвездию льва с одной из табличек и прорисовки с обеих (рис. 8,5а, б). Среди пяти букв присутствуют три S, которые, расположенные рядом и перечеркнутые линией, известны на геммах как знак Хнубиса (рис. 3,1,3). Кстати, львиноголовый змей Хнубис – это один из деканов созвездия льва. Две буквы BP (RP) тоже встречаются на астрологических табличках, только в других знаках зодиака. Пять, но уже других букв – ODPSI прорезаны над спиной льва на сирийских медальонах (рис. 9,1B,2B). Разные буквы над изображением льва могли обозначать не только управление планет в этом знаке зодиака, но и отмечать точки движения Солнца по эклиптике, как это сделано на византийских астрольбиях XI в. [86, р. 23, fig. 4]. На сирийских медальонах рядом со львом изображен рак или скорпион (рис. 9,1B,2B), что тоже указывает на астрологический источник всей композиции. Известно, что магические амулеты римского времени создавались с использованием принципов мелотезии – системы взглядов о связи между звездами, планетами и знаками зодиака и об их влиянии на живые существа и растения, а также на отдельные части человеческого тела [43, р. 438-443]. Впоследствии различные сюжеты и символы с магических гемм перешли и на описываемые медальоны.

Изображение на египетских магических геммах Гора-Гарпократа верхом на льве, идущем над мумией или мужской фигурой (рис. 7,2,5), связано с соляренным культом [21, р. 144, 150-151; 31, no. 668-670]. Именно эта композиция стала прообразом для изображений на некоторых металлических медальонах (рис. 7,3,10B,13B; 8,1B-4B). Вспоминается рассказанная Плутархом легенда о том, как Гор, собираясь на бой с Тифоном, предпочел коня льву по той причине, что конь позволит догнать и убить убегающего врага, тогда как лев полезен тем, кто нуждается в помощи [16, р. 287]. Легенда передает представление о коне и льве как о двух самых подходящих животных для борьбы против зла и защиты от него. Змей, изображенный рядом со львом, также считается солярным знаком [44, р. 259-262]. Традиционные пред-

ставления египтян о льве как о солярном символе и помощнике Гора в его борьбе со злом, а также иудейский символизм льва, считавшегося сильным и бдительным стражем, способствовали появлению этого персонажа на раннесредневековых амулетах. Помимо описанных медальонов, изображение бегущего над извивающейся змеей льва присутствует на сирийском браслете VI-VII вв. (рис. 7,б) и на щитках небольших цельнолитых пряжек, бытовавших в Византии в VII в. (рис. 7,14,15) [87, р. 203, fig. 23; 88, S. 181, Nr. 157; 89, pl. 6,68]. В Юго-Западном Крыму однотипные пряжки выявлены в погребениях второй половины VII в. [90, с. 130, 132, ил. 2; 13, S. 67-68, Abb. 5]. Они зафиксированы только в детских погребениях [6, с. 163, табл. 29,15; 109,6; 112,3]. Видимо, наряду с утилитарной функцией, эти застежки служили своеобразными амулетами, оберегающими детей от всякого зла.

Большинство медальонов найдено случайно и лишено контекста, позволяющего определить их точную дату. Затрудняет определение датировки и то обстоятельство, что подобные изделия могли использоваться долго, на протяжении нескольких столетий. Исследователи сходятся во мнении, что медальоны появились позже гемм с всадником и бытовали в византийское время. В Кизике медальон был найден на римском кладбище [16, р. 288]. Однако на этих же кладбищах продолжали хоронить и в византийское время. Хранящийся в Эрмитаже амулет В. Н. Залеская по иконографическим признакам (крестообразное завершение копья у ангела) и особенностям орфографии датировала V в. [81, с. 56; 54, с. 133, кат. 250]. По мнению Т. Матанцевой, медальоны не следует датировать по стилистическим особенностям, поскольку эти предметы относятся к серийному производству, а не являются произведениями искусства, и изображения на них слишком схематичны. Она же предложила считать верхней датой бытования медальонов VIII в., основываясь на том, что экземпляр из Карфагена не мог быть изготовлен позже захвата Византийской Африки арабами в 692 г. [23, р. 113]. Однако и арабское завоевание не стало тем фактором, который прекратил использование амулетов подобного рода. В Лувре хранится медный амулет, сделанный в виде прямоугольной пластины с заостренной верхней частью, с круглым отверстием для подвешивания. На его обеих сторонах выгравированы известные по позднеантичным геммам персонажи – человек с пальмовой ветвью, бегущий лев и вытянутая змея над ним, ящерица, львиноголовый змей Хнубис и различные магические знаки, а также греческие и арабские надписи. Некоторые изображения и надписи имеют аналогии на арабских чашах XIII-XIV вв., что позволяет датировать пластину этим же временем [68, р. 285, № AF11704]. На сегодняшний день известен только один медальон описанного типа, чье место находки зафиксировано *in situ* в датированном контексте. Речь идет о медальоне из Херсона, выявленном в Северном районе, в квартале IX, в подвале дома с находками XII-XIII вв. (рис. 8,4) [91, с. 36, № 21; 23, р. 113]. Медальон долго использовался, о чем свидетельствуют сильная потертость поверхности и вторичное отверстие для подвешивания, пробитое гвоздем. Независимо от того, когда был изготовлен медальон, обстоятельства находки позволяют говорить о его использовании вплоть до XII-XIII вв. В Скалистом по-

хожий медальон выявлен в склепе 254 с инвентарем второй половины VIII – IX вв. (рис. 6,12) [14, с. 47, рис. 28,1]. Скорее всего, медальоны описанного типа начали делать в VI-VII вв. одновременно с подвесками-кулонами варианта 4 и браслетами, о чем свидетельствуют сходство изображений и аналогичный набор защитных формул, использованный на всех трех типах амулетов. На медальонах вариантов 1 и 2 сцена борьбы всадника с демоном представлена так же, как и на сиро-палестинских подвесках-кулонах (рис. 4; 5; 7,11В; 8,3А,4А). Значительно отличается ее иконография на сирийских медальонах варианта 3: лицо всадника показано в анфас, на крестовидном навершии копья развивается флаг, демон изображен в виде существа с телом льва и женской головой с длинными волосами (рис. 8,1А,2А). Зато подобное изображение всадника и женского демона можно увидеть на одном из египетских браслетов-амулетов VI-VII вв. (рис. 5,9). По надписям сирийские медальоны варианта 3 близки происходящим из этого же региона подвескам-кулонам и браслетам. Так, на них вместо характерной для медальонов вариантов 1 и 2 угрозы демону выгравированы известные своими апотропейными свойствами первые строки псалма 90 и формула «*Единственный бог, побеждающий зло*» (рис. 9,1А,2А). Медальоны, наряду с подвесками-кулонами, браслетами и перстнями, входили в одну группу амулетов, отвращающих беду и оберегающих людей от злых сил. Изготовитель таких амулетов имел в распоряжении определенный набор защитных средств – словесные формулы, символы, знаки, фигуры божеств и существ, которые он мог гравировать в различных комбинациях на разных по форме и размерам предметах.

Медальоны-«печати Соломона» и «печати бога живого», согласно выгравированным на них надписям, были амулетами, ограждающими носящего от всякого зла и защищающими от демонов и их козней. И в этом процессе центральная роль отводилась святому всаднику, названному на трех медальонах Соломоном (рис. 8,1А,3А,4А) и на двух – единственным богом, побеждающим зло (рис. 9,1А,2А).

5. Амулеты с именем святого Сисинния (рис. 10). Святой Сисинний известен как победитель женского демона Гиллу, вредившего женщинам во время родов и истреблявшего младенцев во чреве матери или вскоре после их рождения [92, р. 241]. Об этом повествуют легенды, апокрифические молитвы и заклинания, сохранившиеся в греческих, славянских и румынских текстах XV-XX вв. [93, с. 288-293; 38, с. 341-343; 94, с. 226-234; 95, с. 161-177]. Краткое содержание легенды о деяниях Сисинния сводится к следующему. У женщины по имени Мелитина злое демоническое существо Гиллу похищало новорожденных детей. Чтобы спасти очередного ребенка, беременная Мелитина запирается в башне, где производит на свет мальчика. В это время ее брат Сисинний (в других версиях – братья Сисинний и Синодор / Сисинодор / Синий / Синисий / Теодор) решает навестить сестру и уговаривает впустить его в башню. Гиллу, спрятавшись в горле лошади Сисинния, проникает в башню и умерщвляет ребенка. Сисинний и братья умоляют бога дать им власть над нечистой и поймать ее. Получив власть от Всевышнего, они садятся на коней и преследуют Гиллу. После долгих перипетий с превращениями демона в различных

сущест, братьям удастся ее догнать, заставить вернуть детей Мелитины и, главное, выпытать средство, избавляющее от ее козней. Гиллу признается, что нужно написать ее двенадцать с половиной имен или молитву, содержащую рассказ о поимке ее святыми [96, с. 30-32; 20, р. 16-19]. В других версиях сисинниевой легенды прогоняющими демона средствами служат имена ангелов или святых, поймавших демона и взявших с него клятву, или имена демона, ангелов и святых. Отвращающую силу имеет как чтение молитвы, так и простая запись ее и ношение с собой в качестве филактерия, то же значение имеет и изображение ангелов [38, с. 346-349]. Многие из имен Гиллу обозначают различные болезни или их симптомы либо прямо указывают на мучение рожениц или истребление детей [38, с. 351; 39, р. 426].

Считается, что легенда о подвигах Сисинния сложилась в Сирии на рубеже IV-V вв. [20, р. 14-19; 39, р. 425]. Согласно эфиопской версии сказания о Сисиннии (Сусении), святой жил в Антиохии [94, с. 228-230]. В сиро-палестинском регионе в V-VI вв. появляются бронзовые литые амулеты с именем святого (рис. 11,3-6). Они сделаны в виде овальных кулонов с петелькой для подвешивания, на лицевой стороне изображен святой, угрожающий плетью женскому демону [55, р. 5-9, fig. 4; 97, S. 344-355; 98, р. 32-34; 29, р. 38, pl. 6c]. Надпись на обороте «*Беги, Беги, Авизу, потому что здесь живут Сисиний и Сисиния и прожорливый (ненасытный) пес*» называет имена демона и угрожающих ему святых. Имя Авизу на амулетах соответствует одному из двенадцати с половиной имен демона Гиллу из приведенной выше сисинниевой легенды. Указанные в амулете два имени – Сисиний и Сисиния имеют параллель с версиями легенды, в которых святой борется с демоном не один, а вместе с братьями. С другой стороны, удвоение имени – известный магический прием, усиливающий апотропейные свойства амулета [23, р. 118]. По набору использованных защитных средств эти амулеты представляют собой своеобразный гибрид сирийских подвесок-кулонов V-VI вв. и медальонов-«печатей Соломона». С первыми их объединяет не только форма и размеры, но и инвокации к единственному богу, к помощи ангелов и животных («конь, Михаил, Гавриил и Уриил»), а со вторыми – угроза демону в форме «беги, беги», а также надписи о защите печати бога или печати Соломона. Присутствуют и одинаковые для обоих типов амулетов символы (лев, ползущая змея и знаки) и сюжеты (нейтрализация дурного глаза).

Обратим внимание на то, что на амулетах-кулонах святой Сисинний изображен не всадником, а пешим, и угрожает демону не копьем-крестом, а плетью. В VI в. появляется другая иконография борьбы с демоном, заимствованная с амулетов с Соломоном-всадником. В качестве примера приведем инталию из гематита, на лицевой стороне которой прорезан всадник, подобный изображениям на камнях с Соломоном, а на обороте вместо традиционной «печати бога» – в две строчки имя Сисинний и восьмилучевая звезда (рис. 11,1) [31, no. 1178; 29, pl. 6c]. Почему для изображения святого Сисинния был использован иконографический тип Соломона-всадника легко объяснить. В легенде о Сисиннии много общего с преданиями о борьбе иудейского царя с демонами. Сисинний боролся с многоименным демоном, принимающим

разные образы, чтобы вредить людям. По одному из вариантов легенды, Сисинний получает власть над демоном от ангела, что повторяет сюжет легенды о передаче богом Соломону через архангела Михаила средства борьбы с демоном [38, с. 360]. В греческих легендах Сисинний с братьями описаны как всадники, преследующие Гиллу [38, с. 361].

Поэтому не удивительно одновременное появление двух имен – святого Сисинния и Соломона на амулетах. Происходящий из Смирны (коллекция Г. Шлюмберже) медальон является печатью Соломона, о чем сообщено в надписи по контуру на обороте: *«Печать Соломона прогоняет любое зло от того, кто тебя носит»* (рис. 10,3). Надпись окружают изображение открытого глаза с воткнутыми сверху тремя кинжалами и поддерживающие его в этом состоянии двух льва, аист, змея и скорпион; под ними – женский демон. Сцена в деталях повторяет композицию, характерную для сирийских подвесок-кулонов V-VI вв. (рис. 4,4,5). Сверху над ней прорезана надпись «дурной глаз». На лицевой стороне в центре изображен святой всадник, пронзающий копьём распростертого под ногами коня женского демона, по контуру надпись: *«Беги, презренная, Соломон тебя преследует, Сисиний Сисиннарий»* [18, р. 74-75, № 1; 23, р. 111, fig. 14,b; 77, р. 32-33, № 9]. Два имени здесь обозначают не владельца амулета, как полагал первый издатель – Г. Шлюмберже [18, р. 75], а святого Сисинния и одного из его братьев Сисиннария [20, р. 27].

В образе святого всадника, поражающего копьём женского демона, святой Сисинний изображен на фреске VI-VII вв. в часовне XVII монастыря аввы Аполлония близ Бауита (Верхний Египет, в 30 км от Эль-Ашмунейна – Гермополя Великого), раскопанного в 1901-1902 гг. Ж. Кледа (рис. 11,1) [99, табл. LVI]. Надпись над головой всадника вскоре после ее зачистки осыпалась, и на акварели, сделанной с фрески, нарисованы только оставшиеся две последние буквы имени святого. Однако Ж. Кледа зафиксировал надпись в момент ее открытия: O AΓΙOС CΙCΙNNIOC [20, р. 26]. Смысл фрески и ее содержание достаточно убедительно расшифровал П. Пердризе [20, р. 30-31]. Могущественный всадник в белых льняных одеждах парфянского воина, святой Сисинний борется с дьяволицей и ее помощниками. Саму дьяволицу Алаваздрию (имя написано над ее головой) святой повалил на землю и пронзил копьём. Вместе с дьяволицей уничтожается и средство ее воздействия на людей: дурной глаз, который царапают ибис, змеи и скорпион. Другие помощники дьяволицы – ее дочь, что указано сопровождающей надписью, и кентавр с гарпуном в руках убегают прочь. В то время как крокодил, филин (?) и гиена, в противоположной части композиции, защищают от дьяволицы маленького ребенка. Эта картина христианского святого, отвращающего беду при помощи средств, характерных для магических амулетов с всадником-Соломоном или святым всадником [20, р. 14-15].

Описанные амулеты с именем Сисинния, как и фреска из Бауита, сочетают христианские символы с магическими методами борьбы с дьяволицей и ее проявлениями. Известны и христианские амулеты с именем святого. На медальоне из коллекции Т. Уиттмора, диаметром 3,5 см, в надписи над святым всадником, пронзающим

копьем женского дьявола, читается имя Сисинния и одного из его братьев (рис. 10,4В) [82, р. 288, No. 169]. На другой стороне медальона изображена Богородица с Иисусом-младенцем на руках, сидящая на троне в окружении ангелов (рис. 10,4С). Из Египта происходит бронзовая подвеска, состоящая из двух квадратных пластин размером 2,4х2,4 см, соединенных между собой пластинчатыми петельками для подвешивания, датирующаяся VI-VII вв. (рис. 10,1) [100, S. 85-87, Nr. 79]. На одной пластине вытиснено изображение всадника на мчащемся галопом коне, с длинным крестом в правой руке, пронзающим распростертое тело демона. Над головой всадника в строчку прописано имя СΙCΙΝΙΟC. На другой стороне подвески представлена сцена крещения Иисуса в водах Иордана.

Большинство амулетов, на которых изображен святой всадник и присутствует имя Сисинния, – это круглые медальоны, подобные описанным выше «печатам Соломона» (рис. 10,3-6). Иконография всадника-Сисинния идентична изображению Соломона. На лицевой стороне медальона из коллекции К. Боннера святой всадник, пронзающий копьем женского демона, окружен надписью «Единственный бог, побеждающий зло, святой Сисинний» (рис. 10,5) [101, р. 471, fig. 8; 31, no. 1078]. На обороте – извивающаяся змея с двумя скорпионами и нападающая на них птица с надписью над головой «Я хочу» есть или «я пью». По форме и размерам (диаметр 3,6 см) медальон близок «печатам Соломона» варианта 1 и 2, а вот по содержанию надписей и изображениям – сирийским подвескам-кулонам варианта 1. Заметно отличается иконография всадника на этом медальоне: он представлен не в профиль, как обычно, а в анфас, со слегка наклоненной к левому плечу головой (рис. 10,5А). На медальоне присутствуют и символы, не встречавшиеся ранее – лук и поломанная стрела, зато упоминающиеся в поздних молитвах и заклинаниях против дьяволицы Гиллу: «... тебя связываю, завязываю, тебя замыкаю, заключаю тебя, завязываю двенадцать узлов на теле твоём и жилы колен твоих лубками сдерживаю, и лук твой слоновой кости, и оружие охотничье твоё разбиваю» [5, с. 66-67, № 6]. Вполне возможно, что описанный медальон относится к более позднему времени.

Серебряный медальон диаметром 5,0 см, происходящий из Малой Азии, датируется X-XII вв. (рис. 10,6) [29, р. 30, 55, pl. 3а, no. 33]. На его лицевой стороне по контуру прорезано: «Беги Авизу, Анавардалиа, Сисинний тебя преследует и ангел Араф» (рис. 10,6А). Формула, изгоняющая дьяволицу, неоднократно встречается на медальонах-печатах Соломона VI-VII вв. (рис. 7,7,9-11; 8,1,3,4), только вместо Соломона в качестве преследователя указан Сисинний. К имени дьяволицы Авизу добавлен эпитет Анавардалиа, который встречается в списке двенадцати имен Гиллу и обозначает «приводящая в оцепенение» или «холодящая» [96, с. 33]. В сцене борьбы с дьяволицей участвуют те же персонажи: святой Сисинний на коне, помогающий ему ангел с поднятым правым крылом и распростертая под ногами коня сама дьяволица. Однако изображены они иначе. Дьяволица одета в длинную рубаху и не связана; копьё в руках всадника превращено в небольшой крест, от которого исходит луч, пронзающий злодейку. На обороте медальон испещрен знаками, надписями и

изображениями, большинство из которых использовались еще на позднеантичных геммах. По контуру прочерчена магическая формула против «кистеры»: *«Матица черная, почернелая, как змей, (ты) вьешья, и как дракон, свищешь, и как лев, рычишь, и как ягненок, спи (спишь)»* [102, с. 2].

Многоименный женский демон Гиллу. Для лучшего понимания сцены, изображавшейся на протяжении многих веков на амулетах, на наш взгляд, следует подробнее остановиться на образе женского демона, с которым борется святой всадник. Легенда о Сисиннии называет эту дьяволицу Гиллу и приводит двенадцать других ее имен, среди которых есть и известное по раннесредневековым амулетам имя – Авизу.

Данные письменной традиции позволяют проследить суеверия, связанные с женским демоном Гиллу, существовавшие практически в неизменном виде с архаической Греции до византийской эпохи, и их продолжение в новогреческом фольклоре [39, р. 416]. В источниках встречаются разные формы написания имени – Гиллу / Геллу / Гелло. Считается, что имя Гиллу было усвоено древними греками от вавилонского «галлу», обозначающего «демон» [20, р. 25; 39, р. 416]. Впервые оно встречается в VII в. до н.э. у греческой поэтессы Саффо, писавшей о любящей детей Гиллу [39, р. 411]. Впоследствии паремиограф Зенобий (II в.) прокомментировал лаконичное выражение Саффо: *«Гелло, которая слишком любит детей – так говорят ... про тех, кто, конечно, любит детей, но губит их преждевременным рождением. Гелло была рано умершей молодой девушкой, и на Lesbos говорили, что ее душа посещает младенцев, и ей приписывали их преждевременную смерть»* [39, р. 419].

И. Сорлэн отметила сходства между Гиллу и женскими чудовищами, известными по поверьям у народов Средиземноморья в разное время. Особенно явно прослеживается связь между легендами о Гиллу и древними мифами об Эмпузе и Лилит [39, р. 421-422]. В греческой мифологии Эмпуза – женщина-демон, высасывающая по ночам кровь у спящего человека. Эмпуза подчинялась богине Гекате, которая посылала ее, принимавшую различные образы, пугать людей, преимущественно женщин и детей. По существовавшим поверьям, Эмпуза часто уносила маленьких детей. В словаре греческого языка Исихия Александрийского (V в.) Гиллу определена как призрак Эмпузы. Эвагрий Схоластик в «Церковной истории» (594 г.) среди знаменитых, предвещавших Маврикию царствование, приводит рассказ матери императора о том, что *«во время его рождения земля издала дивное и необыкновенное благоухание, и что так называемая Эмпуза часто уносила младенца, чтобы пожрать его, и, однако ж, не могла сделать ему никакого вреда»* [103, с. 215, кн. 5,32]. Спустя почти восемь столетий, в середине XIV в., Никифор Каллист, повторяя этот пассаж, уточнил, что Эмпуза также называется Гиллу [39, р. 420].

Представления греков о Гиллу близки семитским легендам о демоне Лилит. В Алфавите Бен-Сиры (III-IV вв.) Лилит отождествляется с первой женой Адама, которая, убежав от мужа, стала злым демоном, убивающим младенцев. Настигнутая посланными в погоню ангелами, Лилит говорит: *«оставьте меня, ибо я создана для того, чтобы вредить новорожденным, мальчикам до восьми, девочкам до двенад-*

цати дней от роду»; или, согласно другим вариантам легенды - «мальчикам в первую ночь их жизни, девочкам – на протяжении первых двадцати дней жизни». Для борьбы с этим злом следовало привязывать на шею ребенка амулет с именем трех ангелов [38, с. 346; 39, р. 422]. Во многих иудейских общинах нового времени бытовал возникший в средние века обычай охранять рожениц и новорожденных от Лилит посредством нательных амулетов или листков с текстом псалма 121, заклинаниями вроде «Прочь, Лилит!» и именами ангелов (Саной, Сансаной и Самнаглоф), прикрепляемых над дверью в комнату роженицы и у изголовья ее постели [104, кол. 846-848].

Византийские авторы неоднократно писали о женском демоне Гиллу со ссылками на более древние источники и разные апокрифические сказания, или обсуждали эту тему на основании наблюдений над народными поверьями. Так, Иоанн Дамаскин (VII-VIII вв.) в трактате «О драконах и приведениях» сообщает: «Некоторые из наиболее невежественных утверждают, что есть женщины-привидения, которые еще называются гелудами. Рассказывают, что они по ночам появляются в воздухе и, если посещают дом, то им невозможно воспрепятствовать ни дверями, ни запорами, но они входят через запертые со всяким тщанием двери и душат младенцев. Другие говорят, что они поедают печень и весь [внутренний] состав [детей], полагая пределы их жизни. При этом одни утверждают, что видели, другие — что слышали, как [привидения] входят в дома при запертых дверях, будь то с телом или только душой» [105, с. 224-225]. Игнатий Диакон в написанной около 843 г. биографии патриарха Тарасия упоминает о том, что у греков есть поверье о существовании мифической женщины по имени Гелло, которая привидением является у постели новорожденных и убивает их [96, с. 29; 39, р. 413-414].

Михаил Пселл в заметках о народных верованиях пишет о еретической, на его взгляд, вере в женщин, душащих или иным способом умерщвляющих младенцев или вредящих им. «Гилло – это древнее пресловутое имя, не есть ни демон, ни человек, превратившийся в зверя... Только в одной апокрифической еврейской книге нашел я это имя... Гилло – есть сила враждебная рождению и существованию. Она истребляет детей еще в зародыше, а тех, которые вышли на свет, ей определено губить в продолжение года... В настоящее время мнение приписывает эту силу старухам: они высасывают детей и вытягивают из них все соки. И вот почему женщины, которые ухаживают за родильницей, называют чахлах детей «съеденными Гилло» [96, с. 29-30; 39, р. 415-416]. Интересно, что у греков в новое время скоропостижно скончавшихся детей называли «пища для Гилло» [39, р. 416, note 21].

Под апокрифической еврейской книгой Михаил Пселл имел в виду «Завещание Соломона». Однако в известных вариантах этого сочинения отсутствует демон с именем Гиллу. По своим действиям и приносимому вреду ближе всего Гиллу демон Овизут, которая сообщает о себе: «... по ночам я не сплю, а брожу по всему миру, и прихожу к женщинам во время родов. И в предсказанный час, если мне везет, я душу ребенка. Но если нет – я перехожу в другое место... Ибо я – свирепый дух, име-

ющий множество имен и форм... Ибо я не делаю ничего другого, кроме того, что уничтожаю детей, делаю их глухими, слепыми, запечатываю их уста, разрушаю их рассудок, причиняю озноб их телам» [38, с. 352; 37, р. 42, 82-83, XIII, 3-7]. Тожество Гиллу из сисинниевой легенды с демоном Овизут прослеживается через одно из двенадцати имен дьяволицы Авизу (или Абизу, Бизу, Авизоя) и его промежуточную форму Абизут – *«которая среди людей зовется Гиллу»*, зафиксированную в греческом магическом манускрипте начала XVIII в. [38, с. 351-352; 106, р. 235].

Заговоры против Гиллу, распространенные у греков в новое время, зафиксированные в том числе и у греков Приазовья – потомков христиан, выходцев из Крыма, помогают понять смысл изображений на медальонах со святым всадником. Выше мы уже обращались к этим текстам для трактовки отдельных сцен на некоторых медальонах со святым Сисиннием (рис. 10,5). Однако изображения и на других медальонах весьма успешно комментируются цитатами из апокрифических текстов, связанных с Гиллу.

Существовали две версии истории о Гиллу, которые следовало читать в качестве оберегающего от ее козней средства. В первой версии с дьяволицей борются святой Сисинний и его братья; во второй – Гиллу побеждает архангел Михаил. Обе версии отражены на медальонах. Так, на «печатах Соломона» варианта 1 представлен ангел, поражающий крестом стоящую на коленях дьяволицу (рис. 7,9А,10А,11А). Только на одном медальоне этого варианта на обратной стороне можно увидеть святого всадника (рис. 7,11В). Медальоны вариантов 2 и 3 служат иллюстрацией той версии истории, в которой святой всадник преследует злодейку (рис. 8; 9,1,2). При этом помощником ему служит ангел Арааф / Арлаф или Рафаил – по версии медальонов и «Завещания Соломона», либо архангел Михаил – по версии апокрифов. Оружие ангела – крест, оружие святого всадника – длинное копье с крестовидным навершием. В молитве «О детях, которых забрала Геллу» находим: *«... крест – ангелов слава и демонов рана»* [5, с. 66-69, № 6].

В молитвах и заговорах Гиллу характеризуется как скверная и нечистая, с волосами до пят и глазами огненными [5, с. 82-83, № 27]. Почти на всех амулетах демон изображен с длинными волосами. На геммах они обозначены несколькими черточками (рис. 3,1а,3а,ба); на металлических кулонах – длинной извилистой линией (рис. 4,3,5,11). Особенно отчетливо эта особенность внешности дьяволицы видна на медальонах-«печатах Соломона» (рис. 8,1-3; 10,3). Гиллу рассказывает архангелу Михаилу, что она может принимать разные формы: *«...могу обернуться змеем или стать как пресмыкающееся, или как четвероногое, ... даже как кот...»* или *«как змея, как комар, как животное четвероногое вхожу я к семи повитухам и забираю душу роженицы... и душу младенцев их...»* [5, с. 83, 85, 87, 133, №№ 27-29, 48]. На сирийских медальонах-«печатах бога живого» и на египетских браслетах демон представлен как четвероногое животное с женской головой (рис. 6,9; 9,1А,2А). На медальонах над демоном изображены ползущая змея, бегущий лев, а иногда и скорпион. Выше мы уже рассматривали разные варианты интерпретации этих персонажей.

Учитывая приведенные слова из заговоров против Гиллу, можно предположить, что они демонстрируют разные обличья, которые способна принимать дьяволица. В характеристиках Гиллу находим и то, что она: «...держит в руке своей зависть, горную зависть, речную зависть, недобрый час, дурную встречу, злой наговор, злую женщину, дурной глаз, – всякие злые помыслы лукавого в руке ее...» [5, с. 66-67, № 6]. Открытый глаз – символ сглаза или дурного глаза, помещен над головой женского демона на медальонах варианта 2 из Кизика и Херсона (рис. 8,3В,4В). Сцена нейтрализации дурного глаза присутствует на медальоне с именем святого Сисинния из Смирны (рис. 10,3С). Она размещена над связанной Гиллу, символизируя борьбу с одним из проявлений дьяволицы.

Один из методов борьбы с дьяволицей – это ее связывание: «И связал он ее, и завязал ее, и завязана была она семь раз...»; «И связали ее святой Сисинний и Сисиниан...» [5, с. 65-67, 85, №№ 3, 6, 28]. Начиная с V в., на подвесках-кулонах, а позже и на всех остальных амулетах женского демона изображали связанным. Особенно отчетливо это видно на медальоне из Кизика, на лицевой стороне которого представлена перевязанная в поясе фигура дьяволицы с заведенными за спину руками, а на обороте – два ангела, держащих в руках наготове веревки (рис. 8,1А,В). Связывание демона, ограничение свободы его действий могло осуществляться и при помощи божьей печати, дарованной Соломону, как об этом свидетельствуют слова одного из демонов в тексте «Завещания»: «Сила божья, которой ты связал меня не-расторжимыми узами этой печати...» [37, V.11].

Перед тем, как выдать способ борьбы с собой, Гиллу присягает «престолом Божьим и рукою его высокой, и святым оком Его неусыпным, и путем Солнца, и рогом Месяца, и именем архангела Михаила...» [5, с. 85, № 28]. В молитве на роды женщины клятва Гиллу включала круг Солнца, рог Месяца и печать, посланную Соломону, связавшую всех нечистых духов [5, с. 87, № 29]. Почти на всех медальонах вариантов 1 и 2 в верхнем регистре находятся изображения Солнца и Луны (с полумесяцем на голове), а между ними – рука Бога или ангела с печатью (рис. 7,7,9В,10В; 8,2В,3В,4В). Вполне возможно, что описанные нами медальоны-печати Соломона или печати бога живого как раз и были теми самыми печатями, которые, согласно клятве Гиллу, должны были гарантировать защиту от злодеяний дьяволицы.

6. Медальоны с безымянным всадником (рис. 12). Помимо описанных выше амулетов с одинаково изображенным всадником и надписями, называющими его Соломоном, либо единственным богом, либо святым Сисиннием, существует группа медальонов, не содержащих никаких обозначений. Все они двусторонние, и по представленным на них сюжетам разделены на три варианта. Происходящие из Малой Азии овальные медальоны размером 4,0х5,0 см отнесены к *варианту 1* (рис. 12,5,8) [82, р. 289, № 170; 69, S. 316-317, № 582]. Они состоят из двух бронзовых пластин, которые соединялись несохранившимся ободком. На одной пластине представлен святой всадник в традиционной позе, пронзающий женского демона, под которым бежит лев; на другой – знакомая по сирийским подвескам-кулонам V-VI вв. (рис.

4,4,5; 11,3) и по медальону VI-VII вв. из Смирны (рис. 10,3) сцена нейтрализации действия дурного глаза, в которой участвуют львы, змея, птица и скорпион (рис. 12,5б,8б). Если на сиро-палестинских подвесках эффективность действия усиливалась именами Иао и Саваоф, то на представленных медальонах это сделано призывом к божьей помощи: «Господи, помоги!». О христианизации магического сюжета можно говорить и по двум крестам, симметрично расположенным рядом с острыми предметами, направленными на дурной глаз (рис. 12,5б). Один из описанных медальонов найден *in situ* в жилом квартале Анемуриума, в слое конца VI – первой половины VII вв. с монетами 589-656 гг. (рис. 12,8) [25, fig. 4, 44,45; 26, p. 40, 46, fig. 5-6].

На небольших круглых медальонах диаметром 2,5 и 2,7 см *варианта 2* святой всадник соседствует с эпизодами из жизни Христа (рис. 12,3,6). На свинцовом медальоне из Севастии (Израиль) изображено Крещение в водах Иордана (рис. 12,6) [107, p. 68, tav. 19,1], а на серебряном медальоне, входившем в состав клада рубежа VI-VII вв. из Кесарии Палестинской – Благовещение [108, p. 238-240, fig. 298-299]. Отметим, что оба медальона происходят из того же региона, где одновременно были популярны браслеты с аналогичными изображениями (рис. 6,8). Литейная форма для изготовления медальонов со святым всадником и одной из сцен христологического цикла (рис. 12,2), найденная на территории современного Израиля, свидетельствует о местном производстве подобных амулетов.

К *варианту 3* отнесены небольшие, диаметром 2,0 или 2,4 см, круглые медальоны VI-VII вв., отлитые с петелькой для подвешивания, на одной из сторон которых изображен святой орант. Изображения на медальонах нечеткие, сделанные в использовавшейся неоднократно литейной форме, что свидетельствует об их серийном производстве. На двух египетских медальонах из собрания папирусов Австрийской Национальной библиотеки (Вена) – это святой Мина между двумя верблюдами, лежащими у его ног [100, S. 82-84, Nr. 75, 76], на экземпляре из коллекции Кристиана Шмидта (Мюнхен), место находки которого неизвестно – святая Фёкла между двумя львами (рис. 12,7) [69, S. 182, № 240]. К этому же варианту следует отнести и публикуемые медальоны из Лучистого (рис. 1). На их обороте изображен святой орант в одежде римского воина с двумя лежащими у ног верблюдами. В том, что на амулетах представлены верблюды, а именно дромадеры, нет сомнения: хорошо виден горб и характерная вытянутая голова с длинной шеей (рис. 1,1,2,3в,4). Иконография сцены не вызывает сомнений в атрибуции святого – так изображали только Мину.

Мина, римский солдат, претерпевший мученичество за веру в конце III в., спустя столетие стал одним из самых популярных святых христианского Египта. В ранневизантийское время культ Мины был широко распространен и за пределами Египта; многочисленные паломники стремились за исцелением к мартирию святого и открывшемуся рядом «чудодейственному» роднику, расположенным в 43 км к юго-западу от Александрии [109, p. 319-322; 92, p. 181-184; 110, p. 257]. Согласно преданиям, исцеляли больных и творили чудеса не только мощи Мины, но и его иконные изображения в церкви имени святого в Александрии [111, с. 21-22, 27]. Наверняка,

появление фигуры святого на амулетах связано с представлением о целительных свойствах его изображения. Иконография святого на медальонах соответствует изображениям на ампулах, сосудах для «святой» воды или масла из лампад, горевших у могилы святого, которые паломники увозили с собой (рис. 13,5). Начиная с эпохи Юстиниана (527-565 гг.) и вплоть до захвата Александрии арабами около середины VII в., особой популярностью пользовались ампулы, на которых Мина изображалась в позе оранта, с лежащими у ног верблюдами [92, р. 185]. Эта сцена воспроизводила сюжет из жития Мины, согласно которому перевозившие останки святого верблюды вдруг посреди дороги улеглись и отказались двигаться дальше, что было расценено сопровождающими как указание свыше на место погребения святого. И на медальонах, и на ампулах Мина изображена в костюме римского солдата – в тунике, достигающей колен и подвязанной поясом, с накинутым на плечи плащом. Изображения святого Мины можно увидеть и на других египетских амулетах. Так, на серебряном браслете из музея в Каире, относящемся к группе украшений, описанных нами выше (рис. 6), в одном из медальонов выгравирован святой Мина – орант между двумя верблюдами [72, S. 331, Kat. 7022]. Браслеты-амулеты с изображением святого всадника и ампулы с изображением святого Мины входили в одну группу оберегающих средств, о чем свидетельствует их совместная находка в коптской могиле VI-VII вв. [68, р. 188-189, № E13515-18].

В Анемуриуме и Кесарии Палестинской медальоны обнаружены вместе с инвентарем конца VI – первой половины VII вв. Находки из Лучистого позволяют говорить о том, что некоторые варианты амулетов со святым всадником существовали и дольше – вплоть до конца VIII в. (рис. 2). Описанные выше амулеты со святым всадником типов 1-5 были распространены, главным образом, в Восточном Средиземноморье. Ареал медальонов с безымянным всадником значительно шире. Укажем находку подобного медальона на Сицилии, в некрополе Софиано (рис. 12,4) [108, р. 240; 112, с. 54, обр. 4]. В Подунавье в могилах аварского времени рубежа VI-VII вв. выявлены круглые серебряные фибулы, украшенные по центру вставками-медальонами из золотой или серебряной пластины с вытисненным изображением всадника, пронзающего трезубцем чудовище или копьем – змею (рис. 13,1,2,3) [113, S. 51-56, Taf. 31, 1-3; XVIII, 1,4]. На одной фибуле иконография всадника соответствует византийским образцам (рис. 13,3,3a), на других – его образ переработан местными мастерами (рис. 13,1,2).

Некоторые медальоны типов 4 и 5, а также браслеты с изображением святого всадника делали по индивидуальному заказу, так как на них прорезаны имена владельцев (рис. 7,11B; 10,4B). Тогда как медальоны с безымянным всадником типа 6 были предметами массового, товарного производства, о чем свидетельствуют находки каменных литейных форм, рассчитанных на множество отливок (рис. 12,1,2) и предназначались для небогатого потребителя [114, р. 213-214].

На вторую половину VI – VII вв. приходится период наибольшей популярности амулетов с изображением святого всадника, поражающего копьем женского

демона. Эту сцену апотропейного характера гравировали на подвесках-кулонах, на пластинчатых браслетах, на медальонах-«печатах Соломона» или «печатах бога живого» и помещали даже на нагрудные одежные застежки-фибулы. На медальонах типа 6 образ святого всадника сопоставлялся с христианскими святыми. Сцена борьбы всадника с демоном по своей защитной силе приравнивалась к эпизодам из жизни Христа. Их делали вместе с предметами личного благочестия, о чем свидетельствуют каменные литейные формы с вырезанными рядом матрицами для отливки креста и медальона со святым всадником (рис. 12,1) или для двух медальонов – со святым всадником и сценой Поклонения волхвов (рис. 12,2). Очевидно, образ был настолько известен и понятен обывателю, что его даже не требовалось подписывать. Тем не менее, сцену борьбы всадника с женским демоном продолжали ассоциировать с победой Соломона над демонами. Так, известна каменная литейная форма для изготовления медальона с петелькой для подвешивания, на которой вырезанное в центре изображение всадника, пронзающего копьём распростертую фигуру женского демона, сопровождается надписью «Филактерий Соломона» [114, p. 213-214].

Медальоны с безымянным святым всадником использовали в повседневной жизни, о чем свидетельствуют находки на городищах в жилых помещениях с предметами повседневного быта. Их также носили вместе с дорогими украшениями и предметами личного благочестия. В кладе из Кесарии Палестинской медальон выявлен с парадным женским убором, в состав которого входили золотые кресты, подвески различных форм, цепь с застежками и по паре серег и браслетов [108, p. 235-242, fig. 291-299].

Назначение медальонов из могильника у с. Лучистое

В могильнике у с. Лучистое медальоны найдены в погребениях женщин и детей. В могиле 90 зачищено захоронение немолодой женщины, о чем свидетельствуют частичная кальцификация реберных хрящей и прижизненная утрата многих зубов, а также следы артроза на поясничных позвонках³ [115, с. 9]. В склепе 137 медальон лежал около черепа женщины 40-45 лет [116, с. 125]; в могиле 180 – на шейных позвонках женщины 25-35 лет, которую похоронили вместе с ребенком 6-8 лет. В склепах 10 и 202 медальоны найдены в погребениях новорожденных или детей до года, костные остатки которых полностью истлели. В склепе 202 среди костного тлена младенца собраны украшения, характерные для женского костюма – пара серег, ожерелье и браслет (рис. 15), а в склепе 10 – только одна серьга, три амулета и одна бусина (рис. 14). Учитывая наборы вещей, можно предположить, что погребение в склепе 202 принадлежало девочке, а в склепе 10 – мальчику. В эпоху раннего средневековья мальчики и мужчины в Юго-Западном Крыму и на Боспоре зачастую носили по одной серьге в ухе [117, p. 15, fig. 2,II; 118, с. 290].

Только в захоронении из склепа 137 медальон лежал вне костяка, и можно говорить

³ Антропологические исследования в 1996 г. выполнены М. Сансильбано-Колилье, специалистом Центра средневековых археологических исследований университета г. Кан (Франция).

о том, что его положили отдельно, около головы покойной. В остальных случаях медальоны зачищены *in situ* в области шеи или под нижней челюстью, среди бус, по расположению которых удалось полностью восстановить ожерелья. В двух погребениях удалось зафиксировать, какая из сторон медальона была лицевой. В могиле 180 медальон лежал сверху изображением святого Мины (рис. 16,2), в склепе 202 – наоборот (рис. 15). В ожерелье из могилы 180 медальон висел по центру (рис. 16,2), а из могилы 90 – использовался как центральная пронизь (рис. 16,1). Вплоть до конца IX в. жители Юго-Западного Крыма хоронили умерших в прижизненном (не специальном погребальном), часто парадном костюме, в состав которого входили и украшения [119, с. 585]. Учитывая это, можно говорить о том, что медальоны носили и в повседневной жизни; женщины и девочки – в составе ожерелья, младенцам-мальчикам их подвешивали на шнурке (рис. 14).

Медальоны выполняли несколько функций. Прежде всего, они были индивидуальными предметами христианского культа. На обеих сторонах медальона изображены святые, в руках всадник держит крест-копье. Другая функция медальонов может быть охарактеризована как «лечебная». Победа всадника над демоном означала и победу над вызываемыми демоном болезнями. Лечебными свойствами славились и изображения святого Мины. Возможно, в надежде на исцеление от какого-то заболевания немолодая женщина, похороненная в могиле 90, носила при жизни в ожерелье пластину с изображением святого Мины (рис. 15,2). Следует отметить бережное отношение к медальону. Его носили долго, о чем свидетельствуют затертая поверхность и отломанные края. После того, как медальон был поломан, его не выкинули, а продолжили использовать, переделав в пронизь. Другие медальоны были оправлены в свинцовые ободки. Свинец был не только дешевым материалом для изготовления массовой продукции, но и считался металлом, способным исцелять раны. В «Книге о камнях» Псевдо-Аристотеля, сирийском трактате X в., описан изготавливаемый из свинца камень, исцеляющий раны [120, с. 172-173].

Однако основное назначение публикуемых медальонов – оберегать от злых сил. Находки медальонов со святым всадником, поражающим копьем женского демона, в погребениях младенцев и женщин детородного возраста заставляют нас вновь обратиться к легенде о святом Сисиннии и дьяволице Гиллу. Суеверия, связанные с этим многоименным демоном, вредившим беременным женщинам и новорожденным детям, широко распространенные в Северной Африке, сиро-палестинском регионе, Малой Азии и на Балканах, проникли и в Юго-Западный Крым, что подтверждают данные этнографии. Наиболее ярко они проявились у народов Крыма, независимо от их вероисповедания, в обрядах родильного цикла, относящихся к одним из наиболее архаических и устойчивых форм народной культуры. Так, и переселенные из Крыма приазовские греки, и крымские татары верили, что в первые сорок дней после родов роженица и ребенок особо подвержены воздействию «нечистой силы» и «сглаза», поэтому существовал целый комплекс оберегов для их защиты от «нечисти». Среди подобного рода оберегов этнографы называют изделия из металла (ножницы, нож,

булавка, специальные амулеты); лекарственные травы (чабрец, бессмертник); предметы быта (веник); продукты питания (хлеб, соль) [121, с. 257-258]. В неоднократно цитировавшейся нами книге апокрифических молитв и заговоров, сохранившейся в одной из семей приазовских греков – потомков выходцев из Крыма, содержится 49 текстов, из которых пять напрямую направлены против Гиллу и ее козней. Названы они соответственно своему назначению «О детях, которых забрала Гиллу», «От нечистой Гиллу для роженицы», «Заклинание от скверной Гиллу», «На роды роженицы» [5, №№ 6, 27, 28, 29, 48]. Помимо этого, имя дьяволицы упоминается в заговоре для связывания уст злых людей и в молитве, «больному очень полезной» [5, №№ 3, 39]. Такие молитвы и заговоры следовало читать и хранить в доме, а также записывать и носить в специальных ковчезках или мешочках на груди [5, с. 20-21]. Подобные тексты, называвшиеся «грамоты Гиллу» (гиллудохартии), бытовали вплоть до начала XX в. в Греции. Жители деревень или священники списывали их с более древних манускриптов, затем помещали в филактерии и носили на шее для защиты против дурного глаза, магии, демонов или болезней [122, р. 317-318].

Медальоны со святым всадником можно считать разновидностью амулетов, защищавших от козней Гиллу. Прогоняющим демона средством в данном случае являлось изображение победы над ним святого Сисинния-всадника. История борьбы святого с Гиллу и победы над ней, которую нужно было читать или носить на шее в написанном виде для защиты младенцев и беременных женщин, на амулете была передана в изобразительной форме. Находки медальонов в погребениях младенцев, а в одном из них – даже пары, для удвоения защитной силы, свидетельствует о том, что эти предметы использовали сознательно, понимая смысл изображений и зная об их свойствах и назначении.

Происхождение медальонов и их изготовление

Публикуя первые находки медальонов из могильника у с. Лучистое, А. И. Айбабин предположил, что изображение святого Мины на них могло быть заимствовано с ампул, единичные находки которых известны в Херсоне и на Боспоре (рис. 13,5) [1, с. 69]. Однако между изображениями на этих изделиях есть определенные различия. Руки оранта на медальонах высоко подняты, тогда как на ампулах – они вытянуты почти горизонтально. На ампулах над руками святого размещали надпись «Святой Мина» или кресты. Костюм святого на медальонах проработан более детально. На наш взгляд, речь идет не о копировании изображения Мины с ампул, а скорее, о двух вариациях, выполненных в рамках одного иконографического типа. Для изготовления второй половины медальонов, представляющей святого всадника, тоже нужен был образец для копирования, поскольку такой образ не был известен местному населению. Как нами было показано выше, на рубеже VI-VII вв. в Северной Африке, сиро-палестинском регионе, Малой Азии, Подунавье и Италии бытовали различные предметы со святым всадником. Однако амулеты, на которых присутствовали изображения и святого всадника, и святого Мины, на сегодняшний день известны только в Египте и Крыму. Именно в Египте находился паломнический

центр святого Мины, где делали ампулы с его изображением и где, скорее всего, отливали круглые медальоны с его образом и гравировали фигуру святого на браслетах. Вероятно, именно в Египте зародился и образ святого всадника – победителя демонов, изображение которого сначала вырезали на геммах, а потом и на других амулетах. Образ святого всадника, пронзающего копьем женского демона, получил широкое распространение в коптском искусстве VI-VIII вв. Его можно увидеть на фресках в Бауите и Банганарти (Судан) [123, р. 316, fig. 13], на костяных медальонах [124, с. 48-49, рис. 1; 125, с. 93, кат. 190] и даже на небольших тканых нашивных медальонах (рис. 13,4), служивших не только украшением туник, но и своего рода амулетами [126, с. 64-65, рис. 1; 125, с. 101, кат. 219, 220].

В эпоху раннего средневековья, по крайней мере до захвата Египта арабами около середины VII в., существовали стабильные торговые связи между регионами. Импортную продукцию из Северной Африки привозили в Херсон и на Боспор [4, с. 89]. Среди этой продукции могли быть и недорогие, рассчитанные на массового потребителя индивидуальные предметы культа и изделия с апотропейной христианской символикой. Из Херсона такие изделия поступали и к жителям Юго-Западного Крыма, которые уже со второй половины V в. снабжали город недостающей сельскохозяйственной продукцией [4, с. 132]. В могильниках Юго-Западного Крыма раннесредневекового времени найдено несколько египетских украшений и амулетов [14, с. 157, рис. 116,10; 58, рис. 1,2; 5,2].

Привезенным из Египта мог оказаться бронзовый литой медальон с петелькой для подвешивания, с рельефным изображением святого всадника, случайно найденный на территории верхнего слоя могильника Суук-Су, где хоронили с VII в. [127, с. 53-54, 67, табл. XII,4]. Обратная сторона медальона сохранилась плохо, и определить изображение на ней не удалось. Местные мастера освоили изготовление подобных медальонов в известной им технике штамповки из тонкой бронзовой пластины. Точно также они делали многочисленные детали поясных и обувных наборов во второй половине VI – VII вв. [1, с. 57; 4, с. 122-123]. В пользу местного производства найденных в могильнике у с. Лучистое медальонов свидетельствует и их относительно долгое, двухсотлетнее существование в неизменном виде (рис. 2).

Христиане из Крыма совершали паломничество к святым местам, в том числе и в Египет, о чем свидетельствуют находки в Херсоне и на Боспоре ампул первой половины VII в. с изображением святого Мины, изготовленных в монастыре Абу-Мины под Александрией [128, с. 310, 605, кат. 369; 129, с. 91-96]. Правда, ампулы немногочисленны и найдены только в городских центрах. Вообще, все известные на сегодняшний день в Крыму паломнические инсигнии, привезенные из разных святых мест, найдены только в городах – в Херсоне и на Боспоре [130, S. 479-491]. Скорее всего, именно как евлогия-благословление была привезена из сиро-палестинского региона публикуемая нами подвеска со святым всадником из предместья Херсона (рис. 5,1). А вот о развитии института паломничества у сельских жителей региона нам ничего не известно. Потребителями амулетов, судя по их находкам в по-

гребениях, были младенцы и женщины. Поэтому распространение подобного рода предметов следует связывать не с посещением святынь, а рассматривать в рамках процесса христианизации местного населения и, в связи с этим, появления потребности использования и ношения индивидуальных предметов культа и различных изделий с апотропейной христианской символикой.

Начиная с середины VI в., в Юго-Западном Крыму получили широкое распространение привозившиеся из Византии и производившиеся в местных мастерских кресты, медальоны и различные украшения, металлические детали одежды с христианской символикой [131, с. 170-171, рис. 12,2,3]. Особой популярностью у местных жителей пользовались медальоны, сделанные в виде бронзовой цилиндрической коробочки с петлей для подвешивания, заполненной белой пастой и закрытой с лицевой стороны круглой крышечкой из прозрачного желтого стекла [132, с. 185, рис. 10,5; 14, рис. 20,7; 32,24; 41,10; 42,21; 47,20; 96,15; 97,4]. На пастовой вставке таких медальонов изображали крест, лик святого или птицу. Под стеклянной крышечкой одного из медальонов, найденных в Лучистинском могильнике, сохранился кусок органического материала (папируса?) с нанесенным краской ликом святого.

Публикуемые нами медальоны со святым всадником пока обнаружены только в могильнике у с. Лучистое. Однако неверно было бы считать их уникальными амулетами, которыми пользовались только представители общины, оставившей могильник. Некрополи с однотипными погребальными сооружениями и аналогичными погребальным обрядом и инвентарем выявлены во всем Юго-Западном Крыму – от низовьев реки Черная до Алушты, в регионе, где исследователи локализируют описанную Прокопием страну Дори, населенную готами [133, VI.III.VII.13]. Анализ погребальных сооружений, обряда, антропологического материала и находок позволяет заключить, что все эти некрополи оставлены одним и тем же смешанным гото-аланским населением [4, с. 107, 111]. Безусловно, по находкам из Лучистинского могильника можно судить не только о материальной культуре, но и о духовной жизни населения всего региона. Наверняка амулеты со святым всадником носили во всей стране Дори. Фрагмент подобного предмета очень плохой сохранности найден в Скалистом в склепе 212 с инвентарем второй половины VIII – IX вв. [14, с. 35-36, рис. 20,7]. Отсутствие амулетов в других могильниках можно объяснить степенью изученности памятников, а также тем, что большинство исследованных погребений оказались разграбленными еще в древности. Многие вещи из них сохранились в мелких, не поддающихся определению фрагментах.

В эпоху раннего средневековья у жителей Юго-Западного Крыма христианская вера уживалась с магическими представлениями и различными суевериями. Особенно отчетливо это прослеживается по женскому и детскому костюму, в котором с легкостью сочетались предметы личного благочестия, украшения с христианской символикой и различные амулеты против невидимой потусторонней силы (рис. 17). Так, в ожерельях носили одновременно по несколько крестов и подвески из просверленных зубов животных и раковин каури (рис. 17,2). Кресты в ожерельях

часто сочетались с колокольчиками, звон которых должен был отгонять злых духов (рис. 17,1) [131, с. 172-173, рис. 10,3; 11,1,2]. В Лучистинском могильнике, в склепе 104 похоронили женщину в плаще, подпоясанном ремнем с пряжкой с христианской символикой и с перстнем на руке, с выгравированными на щитке первыми буквами имени гностического божества Абрасакса. В склепе 154 этого же некрополя выявлено погребение женщины, носившей при жизни в нагрудном ожерелье, соединявшем фибулы, перстень-амулет с изображением львиноголового божества Хнубиса, предназначенного для улучшения пищеварения и для лечения болезней пищеварительного тракта, и подвеску, сделанную из крышечки бронзового христианского светильника (рис. 17,4). В Скалистинском могильнике, в одном из склепов второй половины VIII – IX вв. найден круглый бронзовый пластинчатый медальон диаметром 4,0 см, на котором видны прорезанные различные «магические» знаки и отдельные греческие буквы (рис. 7,12). Возможно, медальон был сделан местным мастером в подражание печатям Соломона для защиты от злых сил. Жители Херсона пользовались настоящими, привезенными из Малой Азии медальонами, относящимися к группе «печатей Соломона», о чем свидетельствует происходящий из жилого квартала экземпляр (рис. 8,4), аналогичный обнаруженному в Кизике (рис. 8,3). С магией Соломона, направленной против козней демонов, связаны и украшения с изображением пентальфы. П. Пердризе обратил внимание на то, что в «Завещании Соломона» переданная богом печать описана как «маленькое кольцо с печатью, вырезанной на камне», и «эта вырезанная печать на кольце, которое тебе послано, – пентальфа» [37, р. 86-87; 20, р. 33]. Пентальфа встречается рядом с изображением святого всадника на одном из египетских браслетов VI-VII вв. (рис. 6,10) [67, р. 247, fig. 1]. Перстни с таким декором широко бытовали в Византии и на сопредельных территориях [134, р. 238, 242-243, pl. 104,1872,1873; 105,1927-1929; 106,1939; 135, pl. 48,832; 86, р. 451, kat. 615; 136, с. 51-82]. В Крыму они найдены в Лучистинском могильнике в женском погребении из могилы 13 VIII-IX вв. (рис. 8,6) [6, табл. 56,3] и в Херсоне в слоях X-XII вв. [128, с. 246, 531, kat. 210].

Медальоны с изображениями святых всадника и Мины, найденные в погребениях VII-VIII вв. из могильника у с. Лучистое, относятся к группе христианских амулетов, предназначенных для защиты от злых сил и, прежде всего, от козней дьяволицы Гиллу, которая угрожала беременным женщинам и новорожденным детям. Эти медальоны делали местные мастера по привезенным из Египта образцам. Их носили женщины детородного возраста на шее, в ожерелье вместе с бусами (рис. 16,2). Младенцам амулеты тоже вешали на шею: девочкам – по одному в ожерелье с бусами (рис. 15), мальчикам – по два на кожаном шнурке (рис. 14). Некоторые женщины продолжали носить медальоны и в старости, но уже в качестве исцеляющего от болезней средства (рис. 16,1). Таким образом, публикуемые медальоны являются важным источником для изучения раннего этапа истории христианства в Юго-Западном Крыму, характеристики духовной жизни местного населения и расширяют наши знания о народных верованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
2. *Иерусалимская А. А., Залесская В. Н.* Новые поступления // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991.
3. *Залесская В. Н.* Бронзовые медальоны из могильника у села Лучистое // Эрмитажные чтения 1986-1994 гг. памяти В. Г. Лукониной. СПб., 1995.
4. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
5. Греческие молитвы, заклинания и заговоры из Большой Каракубы / Вступ. ст., пер., коммент. и подготовка текста Е. Чернухина. Донецк, 2005.
6. *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Могильник у с. Лучистое. Том I. Раскопки 1977, 1982-1984 годов // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2008. Suppl. 4.
7. *Борисова В. В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» // ХСб. Симферополь, 1959. Вып. V.
8. *Хайрединова Э. А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
9. *Хайрединова Э. А.* Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
10. *Айбабина Е. А.* Об этнической атрибуции могильника Узень-Баш // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
11. *Айбабин А. И.* Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
12. *Хайрединова Э. А.* Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
13. *Chajredinowa E. A.* Byzantinische Elemente in der Frauentracht der Krimgoten im 7. Jahrhundert // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Mainz, 2010. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 84. Teil 3).
14. *Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
15. *Айбабин А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1.
16. *Sorlin-Dorigny A.* Phylactère alexandrin contre les épixtaxis // Revue des Études grecques. 1891. T. IV.
17. *Millet G.* Nouvelles et correspondances // BCH. 1893. Vol. 17.
18. *Schlumberger G.* Amulettes Byzantins anciens destinées à combattre les maléfices et les maladies // Revue des Études grecques. 1892. T. V.
19. *Perdrizet P.* Σθραγίς Σολομῶνος // Revue des études grecques. 1903. 16.
20. *Perdrizet P.* Negotium Perambulans in Tenebris, études de démonologie gréco-orientale // Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg. Strasbourg, 1922. Fasc. 6.
21. *Bonner C.* Two studies in syncretistic amulets // Proceedings of the American philosophical society. 1942. Vol. 85. N 5.
22. *Банк А. В.* Гемма с изображением Соломона // ВВ. 1956. Т. VIII.
23. *Mataniseva T.* Les amulettes byzantines contre le mauvais œil du Cabinet des Medailles // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1994. N 37.
24. *Walter Ch.* The Intaglio of Solomon in the Benaki Museum and the Origins of the Iconography of Warrior Saints // Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 1989-1990. Vol. 15.
25. *Russell J.* Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the significance of context // City, Town and countryside in the Early Byzantine Era. New York, 1982.

26. *Russell J.* The Archaeological Context of Magic in the Early Byzantine Period // *Byzantine Magic* / Ed. H. Maguire. Dumbarton Oaks, 1995.
27. *Vikan G.* Art, medicine and magic an Early Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers*. 1984. 38.
28. *Vikan G.* Two Byzantine Amuletic Armbands and the Group to which They Belong // *The Journal of the Walters Art Gallery*. Baltimore, 1991/92. 49/50.
29. *Spier J.* Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1993. Vol. 56.
30. *Consentino A.* La tradizione del re Salomone come mago ed esorcista // *Atti dell'incontro di studio Gemme gnostiche e cultura hellenistica*. Verona, 22-23 ottobre 1999. Bologna, 2002.
31. The Campbell Bonner Magical Gems Database (CBD). – Режим доступа: <http://classics.mfab.hu/talismans/>
32. *Michel S.* Die magischen Gemmen. Zu Bildern und Zauberformeln auf geschnittenen Steinen der Antike und Neuzeit. Berlin, 2004.
33. *Spier J.* Late Antique and Early Christian Gems. Wiesbaden, 2007.
34. *Иосиф Флавий.* Иудейские древности: в 2-х т. / Пер. Г. Г. Генкеля. СПб., 1900. Т. 1.
35. *Le Blant E.* 750 inscriptions de pierres gravées inédites // *Extrait des Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres*. Paris, 1896. Т. XXXVI/1.
36. *Froehner W.* Sur une amulette basilidienne inédite du Musée Napoléon III // *Bulletin de la Société des antiquaires de Normandie*. 1869. Т. V.
37. *McCown Ch.* The Testament of Solomon. Leipzig, 1922.
38. *Соколов М.* Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // *ЖМНП*. М., 1889. Ч. 263.
39. *Sorlin I.* Striges et Géloudes. Histoire d'une croyance et d'une tradition // *Travaux et Mémoires*. 1991. Vol. 11.
40. *Никита Хониат.* История со времени царствования Иоанна Комнина. Том 1 (1118-1185). Рязань, 2003.
41. *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000.
42. *Неверов О. Я.* Геммы античного мира. М., 1983.
43. *Lancellotti M. G.* Médecine et religion dans les gemmes magiques // *Revue de l'histoire des religions*. 2001. N 4 (218).
44. *Delatte A.* Études sur la magie grecque: I. Sphère magique du Musée d'Athènes // *BCH*. 1913. Vol. 37.
45. *Delatte A.* Études sur la magie grecque. V. ΑΚΕΦΑΛΟΣ ΘΕΟΣ // *BCH*. 1914. Vol. 38.
46. *Dasen V., Nagy A. M.* Le serpent léontocéphale Chnoubis et la magie de l'époque romaine impériale // *Antropozoologica*. 2012. 47.1.
47. *Mastrocinque A.* Le gemme gnostiche // *Sylloge Gemmarum Gnosticarum*. Parte I. Bollettino di Numismatica Monografia. Roma, 2003. N 8.2.I.
48. *Неверов О. Я.* Изображения на геммах-печатях, металлических перстнях и амулетах // *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.
49. *Неверов О. Я.* Гностические геммы, перстни и амулеты Юга СССР // *ВДИ*. 1979. № 1.
50. *Sylloge Gemmarum Gnosticarum*. Parte I // *Bollettino di Numismatica Monografia*. Roma, 2003. N 8.2.I.
51. *Хайрединова Э. А.* Амулеты с изображением Хнубиса из Крыма // *Східний світ*. Київ, 2013. № 4.

52. *Chambouillet M.* Catalogue général et raisonné des camées de la bibliothèque impériale. Paris, 1858.
53. *Агафий.* О царствовании Юстиниана / Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. М.; Л., 1953.
54. *Залеская В. Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб., 2006.
55. *Seyrig H.* Individiae medici // Berytus. 1934. I.
56. *Dickie M. W.* The Fathers of the Church and the Evil Eye // Byzantine Magic / Ed. H. Maguire. Dumbarton Oaks, 1995.
57. *Lancellotti M. G.* Le gemme e l'astrologia // Sylloge Gemmarum Gnosticarum. Parte I. Bollettino di Numismatica Monografia. Roma, 2003. N 8.2.I.
58. *Giannobile S., Jordan D. R.* A Lead Phylactery from Colle san Basilio (Sicily) // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2006. 46.
59. *Уваров А. С.* Христианская символика. Ч. I. Символика древнехристианского периода. М.; СПб., 2001.
60. *Wulff O., Volbach W. F.* Die Altchristlichen und Mittelalterlichen Byzantinischen und Italienischen Bildwerke. Berlin; Leipzig, 1923.
61. *Vikan G.* Icons and Icon Piety in Early Byzantium // Byzantine East, Latin West. Art-Historical Studies in Honor of Kurt Weitzmann. Princeton, 1995.
62. *Feissel D.* Notes d'épigraphie chrétienne (VII) // BCH. 1984. Vol. 108.
63. *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. СПб., 1891. № 6.
64. *Кулаковский Ю. А.* Христианская катакомба, открытая в 1895 году // МАР. СПб., 1896. № 19.
65. *Завадская И. А.* Христианские расписные склепы Крыма в контексте развития погребальной росписи в ранневизантийский период // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
66. *Wessely Ch.* Les plus anciens monuments du christianisme écrits sur papyrus. Turnhout, 1985.
67. *Maspero J.* Bracelets-amulettes d'époque byzantine // Annales du service des antiquités de l'Égypte. 1908. 9.
68. *Bénazeth D.* L'art du métal au début de l'ère chrétienne. Paris, 1992.
69. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe. München, 2004.
70. *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери: в 2-х т. М., 1998. Т. 1.
71. *Vikan G.* "Guided by Land and Sea": Pilgrim Art and Pilgrim Travel in Early Byzantium // Tesserae. Festschrift für Josef Engemann (Jahrbuch für Antike und Christentum Ergänzungsband 18). Münster, 1991.
72. *Strzygowski J.* Koptische Kunst // Catalogue général des Antiquités Égyptiennes du musée de Caire. Vienne, 1904.
73. *Spiesser J.-M.* Collection Paul Canellopoulos (II). Bagues romaines et médiévales // BCH. 1972. Vol. 96. Livre 1.
74. *Репников Н. И.* Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Т. XII, 1-8.
75. Эпоха меровингов. Европа без границ. Археология и история V-VIII вв.: [каталог выставки] / Ред. В. Менгин. München, 2007.
76. *Хайрединова Э. А.* Перстни и кольца раннесредневекового времени из Крыма // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XXX.
77. Trois donations byzantines au Cabinet des Médailles. Paris, 2001.

78. *Thierry N.* Mentalité et formulation iconoclastes en Anatolie // *Journal des Savants.* 1976. Vol. 2.
79. *Dalton O. M.* Catalogue of early Christian antiquities and objects from the Christian East in the Department of British and mediaeval antiquities and ethnography of the British museum. London, 1901.
80. *Dalton O. M.* Catalogue of the finger rings, early Christian, Byzantine, Teutonic, Mediaeval and later bequeathed by Sir Augustus Wollaston Franks, in which are included the other rings of the same periods in the museum. London, 1912.
81. *Залеская В. Н.* Гностическо-христианский амулет с изображением ангела Арлафа // СГЭ. 1973. XXXVI.
82. *Byzantine Women and Their World.* New Haven; London, 2003.
83. *Jastrzębowska E.* Une amulette de Chersonèse Taurique avec Salomon terrassant la démon femelle: inscription énigmatique // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.* 1998. N 1-2.
84. *Соколова И. В.* Об эпиграфике византийских печатей VIII-IX вв. // *ВВ.* 1981. Т. 42.
85. *Les Tablettes astrologiques de Grand (Vosges) et l'astrologie en Gaule romaine: Actes de la table-Ronde du 18 mars 1992 organisée au Centre d'Etudes Romaines et Gallo-Romaines de l'Université Lyon III.* Paris, 1993.
86. *Everyday Live in Byzantium.* Athens, 2002.
87. *Orsi P.* Byzantina Siciliae // *Byzantinische Zeitschrift.* Leipzig, 1912. XXI.
88. *Schulze-Dörrlamm M.* Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 2002.
89. *Ferrazzoli A. F.* Byzantine small finds from Elaiussa Sebaste // *Byzas. Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Institut Istanbul.* 2012. 15.
90. *Хайрединова Э. А.* Византийские цельнолитые пряжки VII в. из Юго-Западного Крыма // ТГЭ. 2010. Вып. LI. Византия в контексте мировой культуры.
91. Византийский Херсон: [каталог выставки] / Отв. ред. И. С. Чичуров. М., 1991.
92. *Walter Ch.* The Warrior Saints in Byzantine Art and Tradition. Cornwall, 2003.
93. *Веселовский А. Н.* Заметки к истории апокрифов. I. Еще несколько данных к молитве св. Сисинния от трясовиц // *ЖМНП.* 1886. № 5.
94. *Веселовский А. Н.* Молитва св. Сисинния и Верзилово коло // *ЖМНП.* 1895. № 5.
95. *Велинова В.* Из болгарско-сръбските книжовни връзки през XIII в. // *Зборник радова Византолошкогo института.* 2010. Т. XLVII.
96. *Мансветов И. Д.* Византийский материал для сказания о двенадцати трясовицах // *Древности. Труды императорского Московского археологического общества.* М., 1881. Т. 9. Вып. 1.
97. *Barb A. A.* Magica Varia // *Syria.* 1972. Т. 49. Fas. 3-4.
98. *Robert L.* Amulettes grecques // *Journal des savants.* 1981. № 1.
99. *Clédat J.* Le monastère et la nécropole de Baouît // *Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire.* Le Caire, 1904. Т. 12.
100. *Horak U.* Reiter und Reiterheilige // *Christliches mit Feder und Faden. Nilus. Studien zur Kultur Ägyptens und des Vorderen Orients.* Wien, 1993. Bd. 3.
101. *Bonner C.* Studies in Magical Amulets chiefly Graeco-Egyptian // *University of Michigan Studies. Humanistic Series.* Ann Arbor, 1950. Vol. XLIX.
102. *Дестунис Г. С.* Разбор спорной греческой надписи, изображенной на осьми памятниках // *Императорское Русское археологическое общество.* СПб., 1884. Т. X. Вып. 1.

103. *Евагрий Схоластик*. Церковная история / Под ред. А. А. Калинина. М., 1997.
104. Краткая Еврейская энциклопедия. М., 1996. Т. 4.
105. *Иоанн Дамаскин*. Христологические и полемические трактаты. Слова на богородичные праздники / Пер. и коммент. свящ. Максима Козлова, Д. Е. Афиногенова // Святоотеческое наследие. М., 1997. Т. 3.
106. *Delatte A.* Anecdota Atheniensia. T. I: Textes grecs inédits relatifs à l'histoire des religions. Paris, 1927.
107. *Bagatti B.* Antichi villaggi cristiani di Samaria. Gerusalemme, 1979.
108. *Frova A.* Il tesoretto aureo e il reliquiario // Scavi di Caesarea Maritima. Milano, 1965.
109. *Maraval P.* Lieux saints et pèlerinages d'Orient. Histoire et géographie des origines à la conquête arabe. Paris, 1985.
110. *Delahaye G.-R.* Le culte de saint Ménas: témoignage des relations entre l'Egipe copte et la Gaule mérovingienne // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Aix-en-Provence, 2005.
111. *Каковкин А. Я.* Паломнический центр Абу Мина и его памятники (по материалам коптской коллекции Эрмитажа) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб., 2001.
112. *Атанасов Г.* Воинските иконографии, въоръжението и снаряжението на свети Георги през ранното средновековие (V-X в.) // Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV-XV вв. Варна, 2002.
113. *Garam É.* Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001. 5.
114. Extrait des procès-verbaux du 2-e trimestre de 1900 // Bulletin de la société nationale des antiquaires de France. Paris, 1900.
115. *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Отчет об охранных археологических раскопках средневекового могильника у с. Лучистое в 1996 г. // Архив Крымского филиала Института археологии НАН Украины.
116. *Радочин В. Ю.* Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
117. *Khaïrédinova E.* Le costume des barbares aux cinquièmes septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007.
118. *Хайрединова Э. А.* Костюм городского населения Боспора (по находкам из некрополя в Босфорском переулке) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2013. Вып. XXVIII.
119. *Хайрединова Э. А.* О реконструкции женского костюма варваров Юго-Западного Крыма V-VII вв. // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
120. *Пизулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
121. *Дмитриева В. В.* Родильная обрядность крымских татар и мариупольских греков // Этнография Крыма XIX-XXI вв. и современные этнокультурные процессы. Вып. 2. Симферополь, 2012.
122. *Patera M.* Gylou, démon et sorcière du monde byzantin au monde néogrec // Revue des études byzantines. 2006. 64.
123. *Żurawski B.* Banganarti 2004-2005 // Polish Archaeology in the Mediterranean. Warsaw, 2007. Vol. XVII. Reports 2005.
124. *Быстрикова М. Г.* Два коптских костяных амулета // СГЭ. 1986. Вып. LI.

125. *Каковкин А. Я.* Сокровища коптской коллекции Государственного Эрмитажа. Каталог. СПб., 2004.
126. *Быстрикова М. Г.* Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов // ВДИ. 1978. № 4.
127. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19.
128. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011.
129. *Журавлев Д. В.* Две глиняные ампулы с изображением святого Мины из Крыма // РА. 2012. №3.
130. *Jašaeva T.* Pilgerandenken im Byzantinischen Cherson // Daim F., Drauschke J. (Hrsg.). Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Mainz, 2010. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 84. Teil 2,1).
131. *Хайрединова Э. А.* Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
132. *Айбабин А. И.* Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
133. *Procopius.* De Aedificiis. Opera Omnia. Libri VI // Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Lipsiae, 1964. Vol. IV.
134. *Davidson G. R.* The minor objects // Corinth. Princeton, 1952. XII.
135. *Waldbaum J. C.* Metalwork from Sardis. London, 1983.
136. *Зорова О.* Пентаграм во средниот век – прелиминарни и стражуванъа врз основа на балканските примери // Studia mythological slavica. 2007. X.
137. The Malkov Collection. Toronto; Buffalo; London, 1985.
138. *Ross M. C.* Catalog of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. I: Metalwork, Ceramics, Glass, Glyptics and Painting. Washington, 1962.
139. *Köroğlu G.* Haluk Perk Koleksiyonu'ndan Örneklerle Bizans Uygurlığında Muskalar // «P» Sanat ve Kültür Dergisi. 2003. 29.

Хайрединова Э. А.

Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое

Резюме

В могильнике у с. Лучистое в погребениях VII-VIII вв. найдены двусторонние медальоны с изображениями святых всадника и Мины (рис. 1). В статье обосновывается их датировка (рис. 2), выявляется круг аналогий и интерпретируются изображения (рис. 3-13). Особое внимание уделено образу всадника, поражающего копьём лежащее под ногами коня женское существо, который является одним из наиболее популярных сюжетов апотропейного характера, появившихся на амулетах в позднеримский период и получивших широкое распространение в ранневизантийское время. В этом образе изображали Соломона, получившего от бога власть одерживать победу над демонами, «единственного бога, побеждающего зло» или святого Сисинния, победителя демона Гиллу.

Медальоны из Лучистого относятся к группе христианских амулетов, предназначавшихся для защиты от злых сил и, прежде всего, от козней дьяволицы Гиллу, которая угрожала беременным женщинам и новорожденным детям. Их делали местные мастера по привезенным из Египта образцам. Медальоны носили женщины детородного возраста на шее, в ожерелье

вместе с бусами (рис. 16,2). Младенцам амулеты также вешали на шею: девочкам – по одному в ожерелье с бусами (рис. 15), мальчикам – по два на кожаном шнурке (рис. 14). Некоторые женщины продолжали носить медальоны и в старости, но уже в качестве исцеляющего от болезней средства (рис. 16,1). Таким образом, публикуемые медальоны являются важным источником для изучения раннего этапа истории христианства в Юго-Западном Крыму, характеристики духовной жизни местного населения и расширяют наши знания о народных верованиях.

Khairedinova E. A.

Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis near the Village of Luchistoye

Summary

In the cemetery near the village of Luchistoye, in burials dating back to the 7th - 8th centuries, double-faced medallions with images of a holy rider and Menas (Fig. 1) were found. In this article their dating is substantiated (Fig. 2), analogies are revealed and images are interpreted (Fig. 3-13). Special attention is given to the image of a rider spearing a female being lying under the horse's legs; it is one of the most popular topics of preventive character which appeared on amulets in the Late-Roman period and became widely spread in the Early-Byzantine time. Solomon, who got the power from god to gain the victory over demons, "the unique god defeating evil" or St. Sisinnius, the victor of Gello were depicted in this image.

Medallions from Luchistoye are related to the group of Christian amulets intended to protect from evil forces and, first of all, from intrigues of Gello, a devil woman, who threatened pregnant women and newborn children. Local craftsmen manufactured them using patterns brought from Egypt. Women of child bearing age wore such medallions on their necks in necklaces with beads (Fig. 16,2). Amulets were also put on the necks of infants: girls had one in a necklace with beads (Fig. 15), boys had two on a leather lace (Fig. 14). Some women continued to wear such medallions in the old age but as means healing from diseases (Fig. 16,1). Thus, published medallions are an important source for studying the history of an early stage of the history of Christianity in the South-Western Crimea, characteristics of spiritual of the local population and extend our knowledge of people's beliefs.

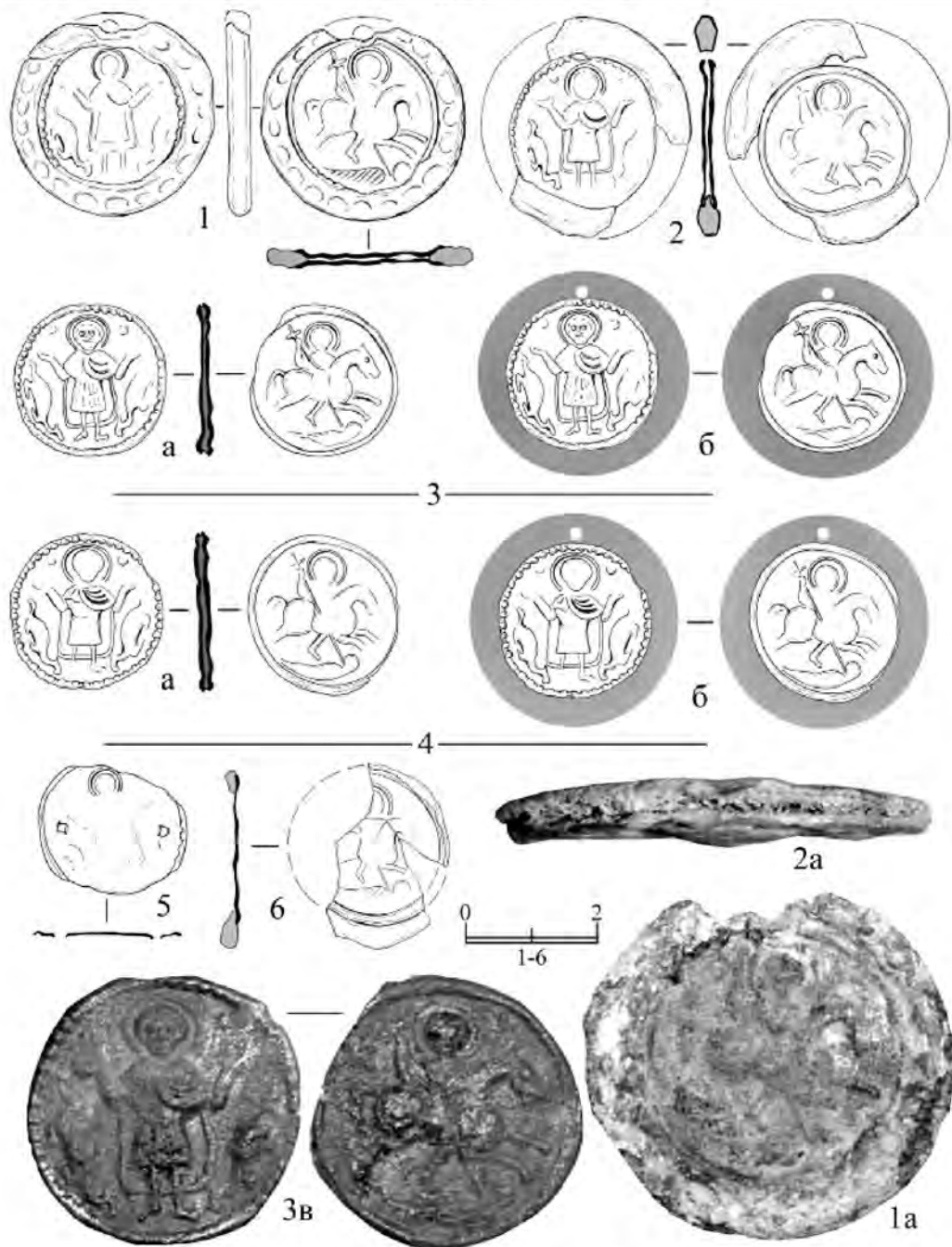

Рис. 1. Медальоны из могильника у с. Лучистое.

1 – склеп 202, погребение 4; 2 – могила 180, погребение 1; 3, 4 – склеп 10, слой 3, погребение младенца; 5 – могила 90; 6 – склеп 137, погребение 8.

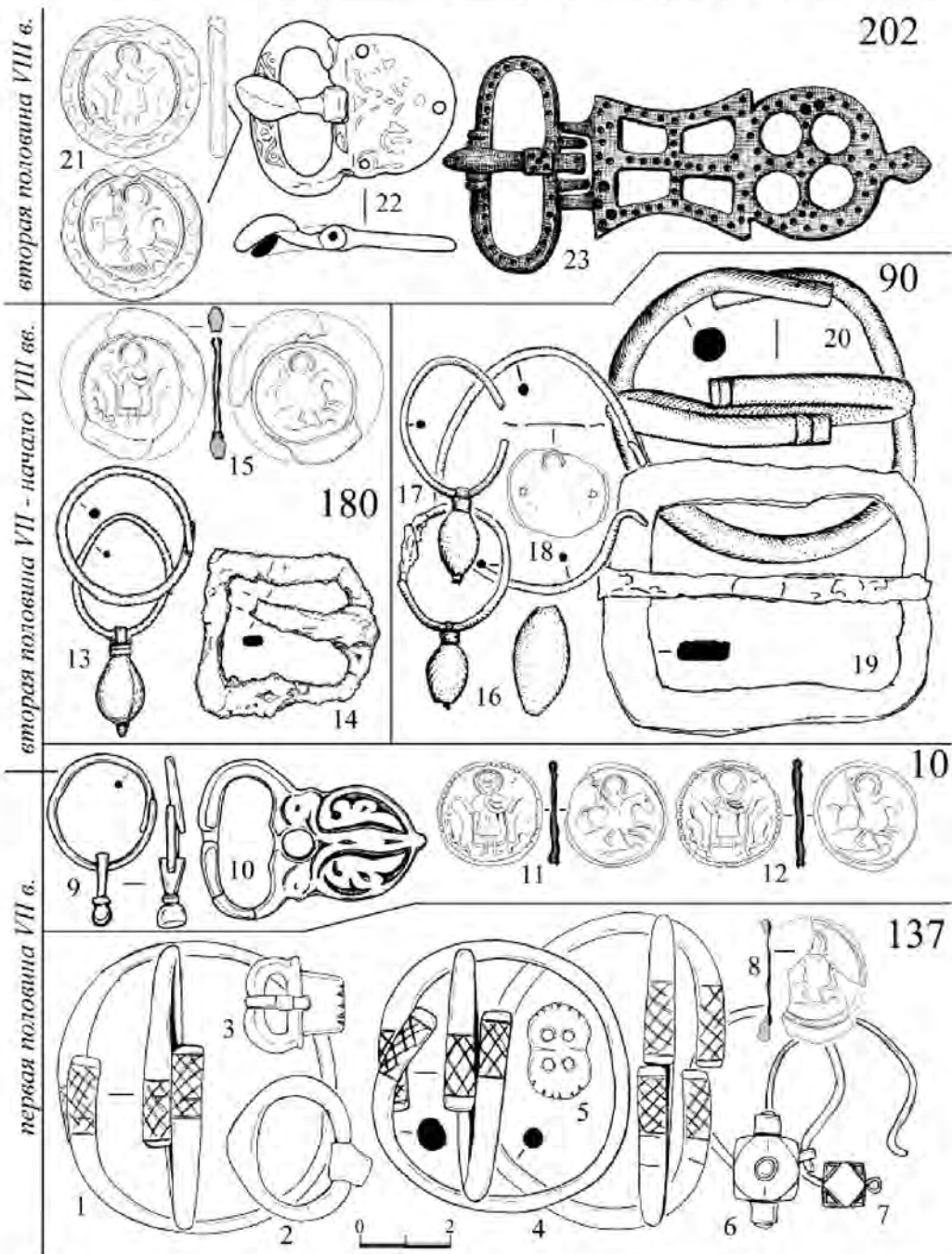

Рис. 2. Хронология медальонов из могильника у с. Лучистое.

1-8 – склеп 137, погребение 8; 9-12 – склеп 10, слой 3, погребение младенца; 13-15 – могила 180, погребение 1; 16-20 – могила 90; 21-23 – склеп 202, погребение 4.

ΣΟΛΟΜΩΝ ΣΦΡΑΓΙΣ ΘΕΟΥ

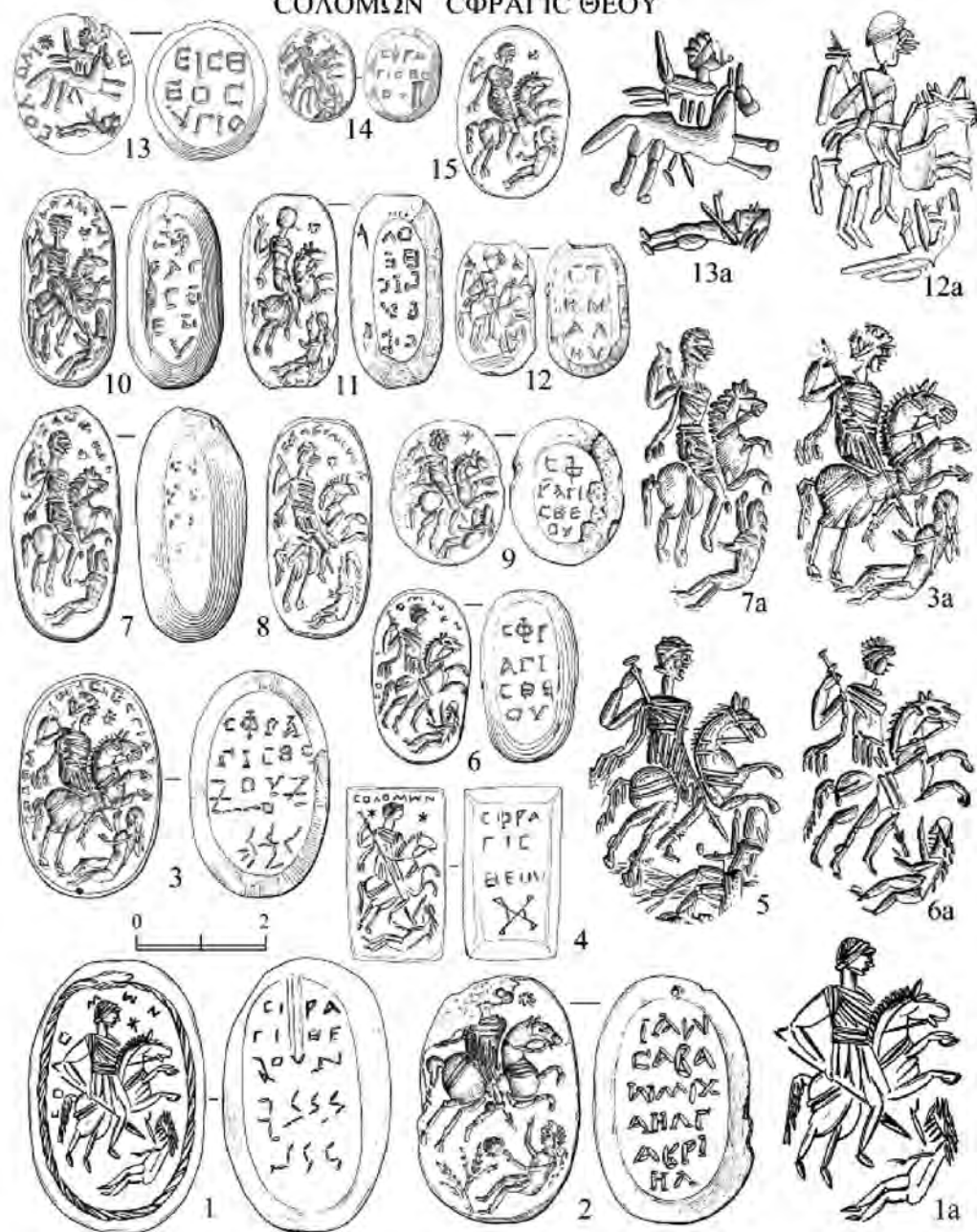

Рис. 3. Геммы позднеримского времени с изображением Соломона в образе всадника, пронзающего копьём женского демона.

1-3, 5-15 – Британский Музей [по: 31, no. 788-790, 792-798, 803-805, 1634]; 4 – Музей Бенаци [по: 24, p. 34, fig. 1].

Рис. 4. Бронзовые подвески-кулоны с изображением святого всадника V-VI вв. вариантов 1 (1-3), 2 (4-5) и 3 (7-12) и гемма конца V в. (6) из сиро-палестинского региона.

1, 2, 7, 10, 12 – Британский Музей [по: 31, по. 809-812, 1723]; 3, 5, 8, 9, 11 – коллекция Г. Шлюмберже [по: 18, р. 80-83]; 4 – коллекция К. Боннера [по: 21, кат. 294]; 6 – Кесария, Археологический музей [по: 33, р. 112, pl. 89, kat. 646].

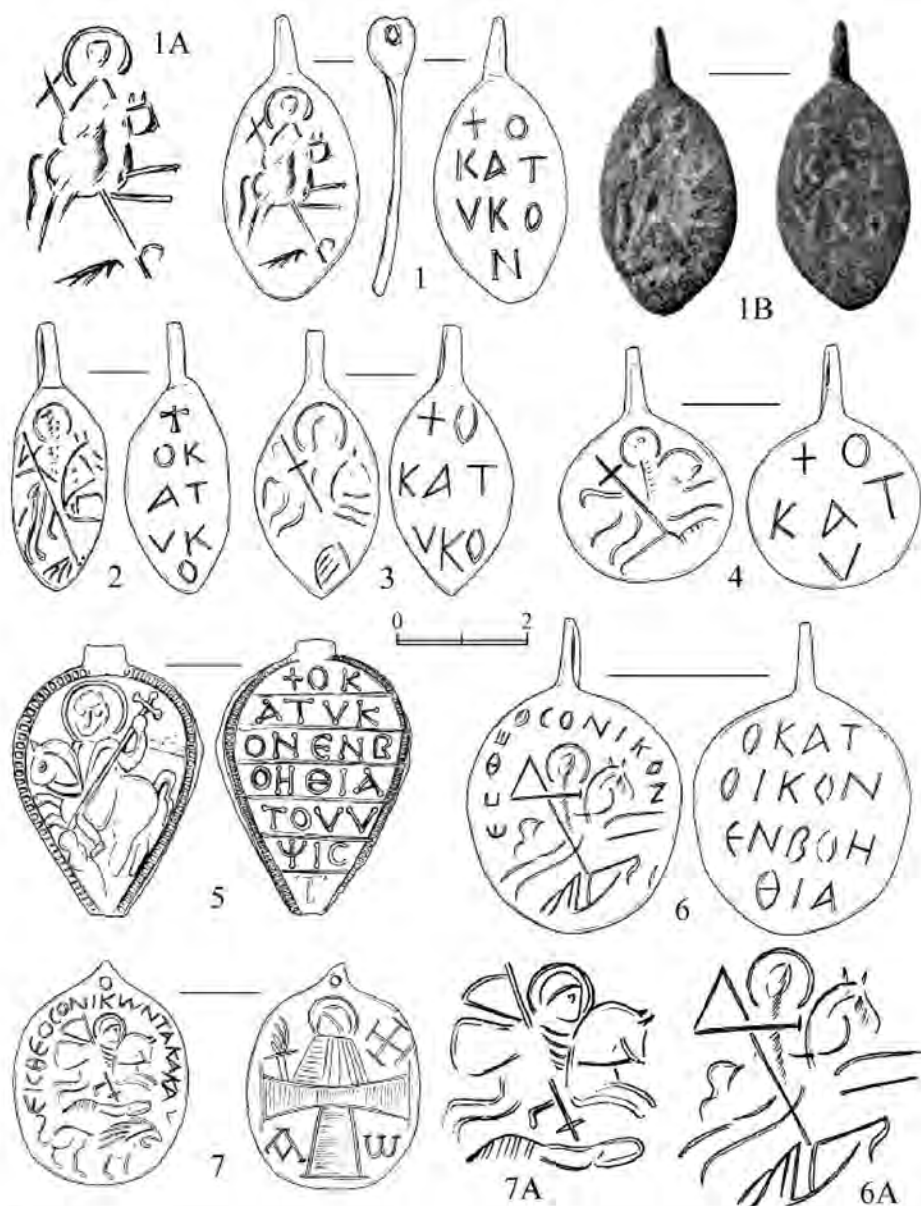

Рис. 5. Бронзовые подвески-кулоны с изображением святого всадника VI-VII вв. варианта 4 из предместья Херсона (1) и сиро-палестинского региона (2-7).

1 – коллекция В. В. Булычева (А – прорисовка изображения святого всадника, пронзающего копьем женского демона; В – фото); 2 – Сирия [по: 55, р. 9, fig. 5]; 3, 4, 7 – коллекция К. Боннера [по: 101, р. 469, fig. 4; 21, kat. 318, 319]; 5 – коллекция Малков, Университет Торонто [по: 137, р. 137, kat. 198]; 6 – Музей Библии и Востока, Фрибург [по: 31, no. 1700].

Рис. 6. Браслеты-амулеты VI-VII вв. (1, 4-10) и перстень (3) с изображением святого всадника, паломническая инсигния со стилизованным изображением руки с перстнем (2).

1, 4, 6, 8 – Сирия [по: 28, fig. 2; 3; 6f; 7]; 2 – коллекция Р.-А. Ботье [по: 28, fig. 13]; 3 – Королевский музей Онтарио [по: 28, fig. 21]; 5, 7, 9, 10 – Египет [5 – по: 68, p. 189, Nr. E17352; 7 – по: 28, fig. 4; 9, 10 – по: 67, fig. 1; 5].

Рис. 7. Медальоны-«печати Соломона» варианта 1 (7, 9-11), подобные им медальоны (12, 13) и изображения рычащего льва на геммах (1, 2, 4, 5), бронзовых медальоне (3), браслете (6) и пряжках (14, 15).

1-5 – Британский музей [по: 31, по. 665-668, 670]; 6 – Галерея искусств Уолтерса, Балтимор [по: 28, р. 47, fig. 6h]; 7 – Музей Бенаки [по: 86, р. 530, Nr. 732]; 8 – коллекция Г. Шлюмберже, Национальная библиотека, Париж [по: 33, р. 112, pl. 89, kat. 647]; 9 – Эрмитаж [по: 54, с. 133, № 250]; 10, 13 – коллекция Г. Шлюмберже [по: 18, р. 75-78, Nr. 2-3]; 11 – Карфаген [по: 23, fig. 14f]; 12 – Скалистое, склеп 254 [по: 14, с. 47, рис. 28,1]; 14 – Эски-Кермен, склеп 220; 15 – Лучистое, склеп 10.

Рис. 8. Медальоны-«печати Соломона» вариантов 2 (2-4) и 3 (1) и изображение созвездия льва на астрологических табличках (5, 6).

1 – Смирна [по: 77, р. 33-34, № 10]; 2 – Кабинет Медалей, Национальная библиотека, Париж [по: 23, fig. 14c]; 3 – Кизик [по: 16, р. 287-296]; 4 – Херсон, Северный район, квартал IX [по: 91, с. 36, № 21]; 5, 6 – галльское святилище Аполлона Граннуса в Гранде (Вогезы) (5 – фото сектора с созвездием льва; 5a, 6 – прорисовки секторов с созвездием льва) [по: 85].

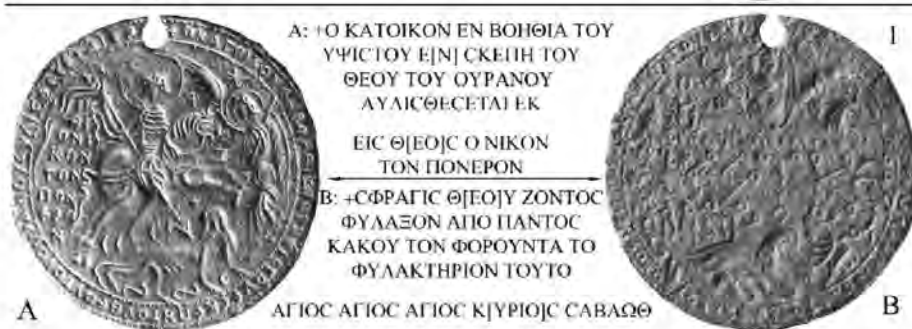
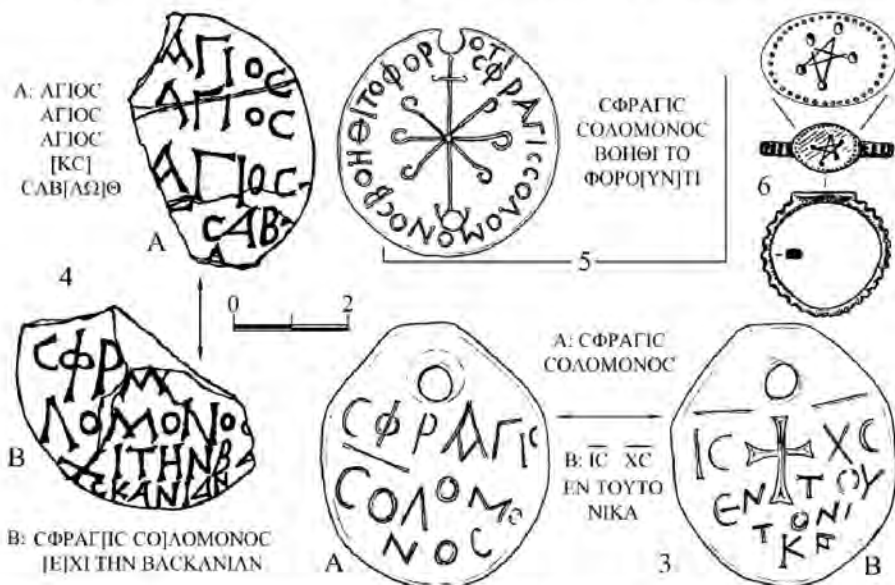

Рис. 9. Сирийские медальоны-«печати бога живого» варианта 3 (1, 2), малоазийские медальоны-«печати Соломона» (3-5) и перстень с изображением пентальфы на щитке (6).

1 – Дамбартон-Окс [по: 138, р. 53-54, № 60, Pl. XXXVIII,60]; 2 – коллекция К. Боннера [по: 101, р. 468-469, fig. 3; 5]; 3 – Малая Азия [по: 78, р. 101-104, fig. 17,a,b]; 4 – Анемуриум [по: 26, р. 39, 46, fig. 2-4]; 5 – коллекция Кристиана Шмидта, Мюнхен [по: 69, S. 316-317, kat. 583]; 6 – Лучистое, могила 13.

Рис. 10. Амулеты с изображением святого Сисинния в образе всадника, пронзающего копьём демона.

1, 6 – Оксфорд, музей Эшмола [1 – по: 31, no. 1178; 6 – по: 29, p. 30, 55, pl. 3a, no. 33]; 2 – коллекция папирусов, Австрийская Национальная библиотека [по: 100, S. 85-86, Nr. 79]; 3 – коллекция Г. Шлюмберже [по: 18, p. 74-75, Nr. 1]; 4 – коллекция Т. Уиттмора, музей Саклера, Гарвардский университет [по: 82, p. 288, no. 169]; 5 – коллекция К. Боннера [по: 31, no. 1078].

Рис. 11. Фреска VI-VII вв. с изображением святого Сиссиния, побеждающего женского демона Алавадрию (1) и медальоны с именем святого Сисиния (2-6).

1 – Бауит, монастырь аввы Аполлония, часовня XVII [по: 99, pl. LVI]; 2 – Британский Музей [по: 29, pl. 6d]; 3, 5 – Сирия [по: 97, fig. 2; 4]; 4 – частная коллекция [по: 29, pl. 6c]; 6 – Сирия [по: 55, fig. 4].

Рис. 12. Амулеты с изображением безымянного святого всадника конца VI – VII вв. (3-8) и каменные формы для отливки подобных им изделий (1, 2).

1 – Турция, коллекция Халук Перк [по: 139, р. 26-41]; 2 – Восточное Средиземноморье [по: 33, р. 120, pl. 139, fig. 13]; 3 – Кесария Палестинская, клад рубежа VI-VII вв. [по: 108, р. 240, fig. 298-299]; 4 – Сицилия, некрополь Софиано [по: 112, с. 54, обр. 4]; 5а,б – Малая Азия [по: 69, S. 316-317, № 582]; 6 – Севастия [по: 107, р. 68, tav. 19,1]; 7 – коллекция Кристиана Шмидта, Мюнхен [по: 69, S. 182, № 240]; 8а,б – Анемуриум, жилой квартал, слой конца VI – первой половины VII вв. [по: 25, fig. 4,44,45].

Рис. 13. Фибулы рубежа VI-VII вв. (1-3) и тканый медальон VII-VIII вв. (4) с изображением святого всадника и ампула с изображением святого Минны (5).

1-3 – Подунавье [по: 113, S. 51-56, Taf. 31, 1-3; XVIII, 1, 4]; 4 – Египет [по: 126, с. 64-65, рис. 1]; 5 – Херсон [по: 129, рис. 1, 2].

Рис. 14. Могильник у с. Лучистое, склеп 10.
Реконструкция костюма из погребения младенца.

Рис. 15. Могильник у с. Лучистое, склеп 202.
Реконструкция костюма из погребения младенца.

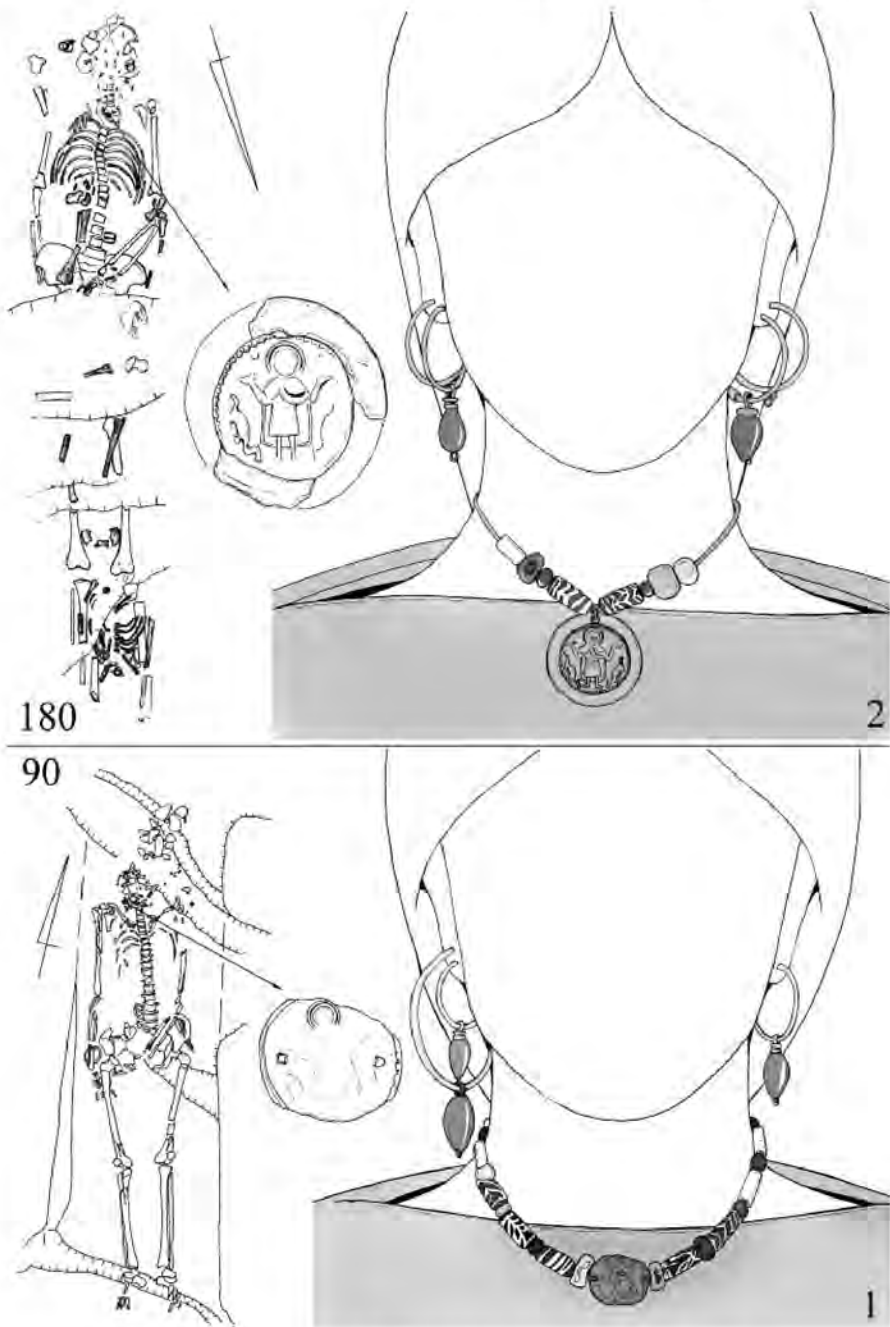

Рис. 16. Могильный у с. Лучистое, могилы 90 (1) и 180 (2).

Планы захоронений с указанием места находки медальонов и реконструкции парадного убора погребенных.

Рис. 17. Реконструкции женского и детского костюмов второй половины VI – VII вв. по материалам могильника у с. Лучистое.

1 – склеп 124; 2 – склеп 207; 3 – склеп 176; 4 – склеп 154.

И. А. ЗАВАДСКАЯ

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
НА ГОРОДИЩЕ ТЕПСЕНЬ
(о кафедральном храме Фульской епархии)**

Фулы (Фуллы) и Фульская епархия, несмотря на неутомимые поиски нескольких поколений исследователей средневекового Крыма, все еще являются «историко-географической загадкой», оставленной нам целым рядом письменных источников – двумя Житиями и многочисленными епархиальными списками Константинопольского патриархата.

В Житии Иоанна Готского Фулы упомянуты как место, где находилась темница, в которую епископ Иоанн был заключен после подавления антихазарского восстания в крепости Дорос в 80-х гг. VIII в. Находясь там, он через обряд крещения излечил дитя «владельца (господина) этих самых Фул», и оттуда ему удалось бежать в Амастриду [21, с. 396-427; 74, р. 69-85].

В Пространном (Паннонском) Житии св. Константина-Кирилла Философа упоминается «народ фульский», который поклонялся большому дубу, срощемуся с черешней. Константин Философ во время своего пребывания в Крыму в 861 г., «не пожалев трудов», пришел к этому народу и помог ему избавиться от нечестивого обряда, уговорив срубить и сжечь дерево [62, с. 56].

Фулы и Харасиу (Черная вода), вблизи которых находился епископ хотциров (хозиров), указаны в схолии к разделу 37 нотиции де Боора (нотиция 3, по Дж. Дарузэ), составленной, скорее всего, в самом начале IX в. [20, с. 211-212; 76, р. 245; 3, с. 206-207; 82, р. 224; 64, с. 425-427].

Впервые самостоятельная Фульская епархия в числе других крымских архиепископий появляется в нотиции 7, инициатором которой был патриарх Николай Мистик [76, р. 74, 273-274]. Датировка данного списка временем его первого патриаршества (901-907) недавно пересмотрена К. Цукерманом, доказавшим наибольшую вероятность появления нотиции не ранее лета 920 г., когда Николай Мистик занимал Константинопольскую кафедру повторно (912-925) [82, р. 218-226; 64, с. 419-427]. Фульская архиепископия фигурирует в списках Константинопольского патриархата до середины XII в. [76, р. 294, 346, 352, 377, 385, 389]. Впоследствии в источниках упоминается Сугдо-Фульская епархия, возведенная в 1156 г. в ранг митрополии.

С 1616 г. появляется Кафо-Фульская митрополия, которая в 1678 г. была присоединена к Готской и получила название Готско-Кафской митрополии. С тех пор имя Фульской епархии более не упоминалось в исторических документах [16, с. 50-58; 37, с. 203; 40, с. 23-24].

Таким образом, Фулы и Фульская епархия занимают важное место в средневековой истории Крыма. Однако до сих пор ученые не пришли к единому ответу на вопрос – где же находились Фулы? Необходимость поиска разгадки вполне очевидна. Без точной локализации центра одной из шести крымских средневековых епархий достоверная реконструкция церковно-административной карты полуострова, а, следовательно, и всей церковной истории Крыма IX-XVII вв. практически невозможна.

Отсутствие в имеющихся источниках точного указания местонахождения Фул породило большое количество предположений. В историографии названо уже около 20 крымских памятников, которые, по мнению разных исследователей, могли быть средневековыми Фулами [наиболее полные обзоры: 38, с. 194-196; 16, с. 66-67; 37, с. 199-201; 39, с. 133-137; 40, с. 11-17; 58, с. 71-72]. Поиски велись, главным образом, в трех регионах: в Горном Крыму (Чуфут-Кале, Бакла, Эски-Кермен, Кыз-Кермен), на Южном берегу (Рускофиль-кале, Кастропуло, Партенит, окрестности Ливадии, Ореанды, Аутки, Фуна) и в Юго-Восточном Крыму (Карасубазар, Солхат, Отуз, Коктебель, Тепсень). Подавляющее большинство высказанных версий, не имея каких-либо серьезных оснований, давно уже перешло в разряд историографического курьеза. В начале нынешнего века список вероятных Фул пополнили еще два памятника, на которых фиксируются остатки салтово-маяцкой культуры: скифское городище у с. Вишенное близ Белогорска [47, с. 118-120] и средневековое поселение у подножья Загайтанской скалы в районе Инкермана [58, с. 75-79]. Оба предположения не имеют каких-либо весомых аргументов и обоснований, их детальный разбор не входит в задачу настоящей работы. К тому же некоторые справедливые критические замечания в их адрес уже были высказаны [40, с. 14-16]. Следует лишь добавить, что епархиальный центр, каким были Фулы, немислим без храмов, остатки которых на указанных памятниках не обнаружены. Пещерные церкви на Загайтанской скале появляются в значительно более поздний период [45, с. 21-22]. Кроме того, идея искать Фулы непременно вблизи Херсона, как ближайшего к Доросу морского порта, основана на ошибочном понимании и произвольном «дополнении» текста Жития Иоанна Готского. Этот источник не дает ни малейшего повода для вывода о том, что епископ Иоанн после поражения восставших якобы «должен был пытаться бежать к морю», и «во время этого бегства он и был схвачен, скорее всего, недалеко от Фул» (!) [58, с. 72-73]. Согласно Житию, Иоанн «получил возможность спастись бегством», уже находясь под стражей в Фулах, откуда он и «переправился в Амастриду» [21, с. 398]. Сама по себе идея о том, что на территории ближайшей сельскохозяйственной округи Херсона мог возникнуть центр самостоятельной епархии, выглядит исторически совершенно неправдоподобной.

Расположение Фул в Юго-Восточном Крыму впервые обстоятельно доказал

Ю. А. Кулаковский [38, с. 196-202]. Однако в то время этот регион не был изучен археологически, поэтому «единственным известным старым культурным центром», сопоставимым с Фулами, ученый считал Старый Крым. Открытие и раскопки с конца 1920-х гг. городища на плато Тепсень, около Коктебеля, между Феодосией и Судаком (рис. 1), позволило ряду исследователей именно в нем увидеть средневековые Фулы, центр Фульской епархии. Впервые эту версию обосновал В. В. Кропоткин [37, с. 198-202, 212-218]. В дальнейшем его аргументация была поддержана и развита в работах А. И. Айбабина, В. В. Майко и других ученых [3, с. 207; 72, р. 194; 39, с. 133-145; 40, с. 11-17, 250, 284; 62, с. 76-77; 64, с. 426; 28, с. 119-122]. Положения данной версии, основанные, прежде всего, на анализе сведений письменных источников, кратко могут быть сведены к следующему: Фулы – поселение городского типа, христианский епархиальный центр, находились за пределами Готии, в юго-восточной части Крыма, на морском побережье, по соседству с Сугдеей и Кафой, в области, заселенной хотцирами, т.е. носителями крымского варианта салтово-маяцкой культуры. Памятник должен иметь безусловные признаки процесса христианизации местного населения. Данной характеристике в полной мере соответствует именно городище Тепсень.

Поселение занимало, вероятно, всю или большую часть плато, площадь которого составляет около 19,5 га [12, с. 90; 40, с. 46-49]. Археологическими исследованиями на городище в разные годы руководили Н. С. Барсамов (1929-1931 гг.), В. П. Бабенчиков (1949-1954 гг.), М. А. Фронджуло (1954-1963 гг.) и В. В. Майко (1997-2001 гг.) [15; 11; 12; 63; 40, с. 54-55, 89-109]. Раскопками открыто не более 5% территории городища [40, с. 17, 46]. По материальному комплексу большинство современных исследователей относит этот памятник к т.н. крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, носителями которой были, главным образом, тюрки-болгары, заселившие значительную часть Крыма в эпоху господства Хазарского каганата [22; 14; 3, с. 190, 201-208; 4, с. 278-279, 296; 51, с. 161-164; 40; 41, с. 428-432]. Именно это население в Житии св. Константина Философа названо «народом фульским», а в упомянутой нотиции де Боора хотцирами.

Согласно материалам археологических раскопок, которые обобщены в специальной монографии В. В. Майко, жизнь на поселении без перерыва продолжалась примерно с середины VIII до середины (второй четверти) X вв. [40, с. 55, 276-277]. В последнее время предпринята попытка пересмотреть верхний хронологический рубеж существования поселения [46, с. 150-152]. По мнению авторов, наиболее поздним материалом на городище являются фрагменты поливной посуды группы GWW I, по Дж. Хейсу¹, полученные при раскопках жилых комплексов на участке «К» в 1998 г. [40, с. 206-209]. Верхнюю границу этих сосудов, а, следовательно, и городища, они определяют временем не позднее последней трети IX в., скорее всего, 70-90-е гг. этого столетия [46, с. 151]. Однако следует заметить, что по хронологии Дж. Хейса

¹ Тип сосудов определен по рисункам, опубликованным в монографии В. В. Майко [40, с. 207, рис. 117].

производство посуды GWW I ограничивается рамками VII – начала IX вв. [77, р. 11-18]. Находки GWW I вместе с монетами 867-886 гг. в слое III (stage III) Большого императорского дворца, которые авторы используют для датировки этой посуды [46, с. 151], Дж. Хейс относит к более ранней фазе, предшествующей слою III [77, р. 18]. Более того, фрагменты этой посуды в качестве ранней примеси встречаются в комплексах Sakaçane с материалом X, XII и XIII вв. (депозиты 37, 49-50, 55, 56, 60) [77, р. 113, 114, 130-149; 57, с. 173-174]². Таким образом, сосуды GWW I не могут быть использованы для определения верхней даты городища Тепсень. Наиболее поздним типом тепсеньской керамики являются высокогорлые кувшины с плоскими ручками (класс 41 по ХК-1995), производство которых датируется широким периодом – со второй половины IX до конца XI – начала XII вв. [54, с. 63]. Однако в открытых слоях другой археологический материал позднее второй четверти – середины X в. не зафиксирован, что заставляет ограничивать время существования городища первой половиной X в. [40, с. 276]. Диссонанс известных археологических данных и документальных источников, свидетельствующих о Фульской епархии как минимум до середины XII в., является практически единственным уязвимым моментом в доказательной базе версии, отождествляющей городище Тепсень с Фулами. В. В. Кропоткин и позже В.В. Майко объяснили это несоответствие тем, что после гибели Фул Фульская епархия продолжала существовать, и ее центр был перенесен на новое место [37, с. 218; 39, с. 144-145]. Следует также еще раз подчеркнуть, что археологически изучено всего лишь 5% территории городища, к тому же далеко не весь материал, особенно из ранних раскопок, обработан должным образом, его значительная часть утрачена. Продолжение раскопок, тщательная фиксация и изучение всего археологического материала должны прояснить эту проблему. Пока же отрицать жизнедеятельность городища, по крайней мере, в первой половине X в. у нас нет оснований.

То, что первоначальный центр Фульской архиепископии мог размещаться на плато Тепсень, подтверждается свидетельствами достаточно активного культового строительства. Несмотря на сравнительно небольшую площадь, открытую раскопками, там выявлены остатки нескольких христианских церквей, притом 4 из них могли существовать одновременно. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос – какая из этих церквей могла быть первым кафедральным храмом Фульской епархии?

От храма 1957 г. (раскопки М. А. Фронджуло) и храма 1998 г. (раскопки В. В. Майко) сохранились лишь отдельные фрагменты кладок [63, с. 102-103, рис. 3; 39, с. 142; 40, с. 272-273, рис. 160, 162]. Вероятно, они представляли собой небольшие однефные сооружения и служили в качестве часовен.

В 1929-1931 гг. Н. С. Барсамов в центральной части городища открыл остатки т.н. Тепсеньского малого храма (12,4x16,4 м) [15, с. 6-8, табл. X]. Однако уже к 1950-м годам весь камень из фундаментов был расхищен [12, с. 94]. Исходя из плана,

² Выражаю благодарность А. В. Смокотиной за консультацию по хронологии GWW I.

оставленного Н. С. Барсамовым, раскопанная им церковь была трехапсидной и, скорее всего, представляла собой сокращенный вариант крестовокупольного храма с двумя свободно стоящими западными опорами [15, табл. X; 12, рис. 10,3].

Особый интерес в связи с поиском кафедрала Фульской епархии представляет культовый комплекс, открытый в 60 м к северу от Тепсеньского малого храма (рис. 2). «Остатки большого древнего храма» открыл Н. С. Барсамов в 1929 г. Несколькими траншеями (по 2 м шириной) тогда раскопали части южной и восточной стен, а также три столба [15, с. 4-5]. В 1950-1954 гг. В. П. Бабенчиков продолжил раскопки на данном участке [7-12]. В рамках внешних стен большого храма зафиксированы строительные остатки нескольких разновременных сооружений. Среди исследователей нет единого мнения по поводу их периодизации и датировки. Не вызвал споров лишь первый строительный период. К нему относят т.н. древнейший (или древний) храм, который по архитектурным остаткам реконструируют в виде базилики с тремя апсидами и тремя нефами и датируют, как правило, VIII в. (рис. 2; 3) [12, с. 110; 67, с. 482; 68, с. 292; 22, с. 99; 40, с. 270].

Бесспорным признается также факт, что после разрушения и разборки древнего храма на каком-то этапе его фундаменты перекрыл т.н. большой храм, который представлял собой трехапсидную базилику с тремя нефами и нартексом (рис. 2). Ее строительство относят к VIII или IX в. [11, с. 110; 12, с. 110; 37, с. 213; 67, с. 482-483; 68, с. 292; 22, с. 100; 23, с. 139; 3, с. 207; 40, с. 270].

Камнем преткновения в установлении единой периодизации культового строительства явилась кладка из саманных кирпичей, сложенных «в елку» без фундамента в центральной апсиде древнего храма (рис. 4). Ее длина, судя по плану, составляла около 2 м, ширина – 0,5 м, в высоту сохранился один ряд кирпичей. Она была «оштукатурена тонким слоем внутри и толстым снаружи» [8, л. 9-10]. Как пишет В. П. Бабенчиков, сырцовая кладка, «на первый взгляд, казалась точно вписанной в центральную апсиду древнейшего храма, и создавалось впечатление, что это ... сырцовый синтрон центральной апсиды» [Там же]. Однако после того, «когда были сделаны точные промеры», оказалось, что оси древнего храма и сырцовой кладки «разошлись» [12, с. 105-106]. В результате был сделан вывод, что сырцовая кладка – это остатки (примерно 2/3) апсиды отдельного храма, который также был сложен из сырцовых кирпичей, обломки которых в большом количестве находили при раскопках. В. П. Бабенчиков высказал предположение, что данный храм имел фахверковые стены в виде деревянного каркаса, заполненного сырцовыми кирпичами. К остаткам такой конструкции он относил «два вертикально поставленных бревна (стояка?)», обнаруженных в канаве, которая могла идти «по ходу южной стены» храма [8, л. 10-11; 12, с. 119]. В отчете о раскопках 1951 г. и в первой публикации о результатах этих раскопок В. П. Бабенчиков сделал вывод о том, что сырцовый храм был сооружен в первой половине X в. после гибели большой базилики и, следовательно, принадлежит третьему строительному периоду [8, л. 11-12; 11, с. 109]. Однако в процессе дальнейших исследований он изменил свое представление о последовательности

застройки и пришел к заключению, что сырцовый храм был временным сооружением между древним храмом и большой базиликой, т.е. принадлежал второму строительному периоду [9, л. 9; 12, с. 105-106].

Следует отметить, что не все исследователи согласились признать в сырцовой кладке остатки отдельного храма. Уже в процессе раскопок А. Л. Якобсон видел в ней синтрон древнего храма, позже характеризовал ее как обкладку его апсиды [8, л. 13; 67, с. 483; 69, с. 40, сн. 89 на с. 160]. Он считал, что единичный фрагмент кладки «не может служить достаточным указанием на особое здание» [68, с. 292]. А. В. Гадло также полагал, что саманная кладка являлась синтроном раннего храма, и ее характер свидетельствует о применении строителями приемов, традиционных для салтовских поселений [22, с. 99]. С. А. Плетнева на данном участке отмечала только два храма: ранний и большую базилику. Кладку из сырцовых кирпичей, выложенных «в елку» в апсиде раннего храма, она отнесла к хазарскому времени и сочла признаком того, что в постройке церкви участвовали хазарские строители [51, с. 162].

Первоначальную периодизацию, предложенную В. П. Бабенчиковым, согласно которой сырцовый храм был последним культовым сооружением на данном участке, т.е. принадлежал третьему строительному периоду, принял И. А. Баранов. По его мнению, «византийская Большая базилика» была разрушена в эпоху завоевания Таврики хазарами, и на ее руинах салтовцы (протоболгары) соорудили храм из сырцового кирпича с характерной кладкой «в елку» [14, с. 133, 137]. Эту относительную хронологию поддержал и уточнил В. В. Майко, датировав строительство «салтовского храма» временем не ранее середины IX в., а разрушение – не позднее 40-х гг. X в. [39, с. 141; 40, с. 270-271]. Согласно данной периодизации, именно сырцовый храм следует связывать с Фульской епархией.

Один из главных аргументов И. А. Баранова в подтверждение отстаиваемой периодизации заключался в том, что, согласно графическим разрезам строительных остатков, открытых В. П. Бабенчиковым³: «основание сырцовой апсиды возвышается над разобранный в древности стеной Большой базилики» [14, с. 136, рис. 53]. Однако следует отметить, что строительные остатки большой базилики, также как и руины многих других сооружений на городище, в значительной степени были разобраны уже в новое время, что неоднократно отмечали Н. С. Барсамов и В. П. Бабенчиков в своих отчетах и публикациях. Этот процесс продолжался и после начала раскопок Н. С. Барсамова. Спустя чуть больше двадцати лет В. П. Бабенчиков перед началом новых раскопок застал следующую картину: «открытые им (Н. С. Барсамовым – *И.З.*) камни были увезены населением для построек, траншеи обвалились, запылились землей, и все место, на котором когда-то стоял храм, представляло собой груды бесформенных холмов, беспорядочно пересеченных рытвинами» [7, л. 2-3]. Также В. П. Бабенчиков констатировал: «когда был выбран весь камень из раз-

³ Впервые эти разрезы, включенные в отчет В. П. Бабенчикова за 1951 г., были опубликованы в монографии И. А. Баранова [14, с. 53, рис. 53].

валин на поверхности, местные жители стали выкапывать его из земли, уничтожая, таким образом, и фундаменты», от которых оставались порой лишь канавы [12, с. 90]. Именно такие канавы остались от южной стены, значительной части южной апсиды и некоторых других частей Большой базилики [7, л. 1-3, 7; 8, л. 4]. В связи с этим, судить о последовательности застройки по уровню сохранившихся кладок в данном случае некорректно.

Материалы неопубликованных отчетов о раскопках тепсеньского комплекса и, прежде всего, зафиксированные в них стратиграфические наблюдения позволяют пересмотреть выводы современных исследователей и более внимательно отнестись ко второй периодизации В. П. Бабенчикова, согласно которой последним храмом комплекса была Большая базилика. Важно еще раз обратить внимание на расположение единственного сохранившегося фрагмента сырцовой кладки в центральной апсиде именно древнего храма, который, как признают все исследователи, впоследствии был перекрыт Большой базиликой. Эта кладка достаточно точно воспроизводит внутренний абрис апсиды, по словам автора отчета, «будто-бы вписана» в нее [8, л. 13]. Следовательно, сырцовая кладка возводилась в момент, когда стена апсиды древнего храма еще была, по крайней мере, возвышалась на достаточную высоту, позволившую строителям «вписать» в нее новый конструктивный элемент.

Несмотря на то, что территория храма в результате изъятия камня была перекопана, на значительной площади его центрального и северного нефов (квадраты XII-XVI, XXV-XXVIII, XXX, XXXI) «сохранился ненарушенный горизонт пола большого храма». Он лежал везде на одном уровне и представлял собой «ровный белый тонкий слой», на котором «ясно отпечатались лежавшие на нем небольшие прямоугольные плиты ... с заделкой швов известью» [8, л. 7-8; 9, л. 4-8]. Над полом хорошо фиксировался слой постепенного разрушения Большой базилики: «куда-то в немногих не перерываемых местах проследить от пола вверх чередование обрушившихся строительных материалов – черепицы, штукатурки, желтого и белого ракушечного камня и остатков дикарного камня (бут), чередующихся с вымываемой из стен глиной, связывавшей камень» [9, л. 8]. Как отмечает В. П. Бабенчиков, пол Большой базилики лежал значительно выше сырцовых кладок [12, с. 106]. Этот пол перекрывал «остатки строительного мусора от разрушения временного храма с сырцовыми апсидой и древнего храма» [9, л. 9]. Во время строительства Большой базилики при нивелировке площади нижележащие слои были нарушены, поэтому, как пишет В. П. Бабенчиков, «разграничить эти слои невозможно» [Там же]. Именно в слое под полом верхней базилики зафиксированы остатки сырцовых кирпичей. «В большом количестве остатки сырцовых кирпичей, оштукатуренных и побеленных и со следами росписи на некоторых фрагментах», обнаружены также под основаниями дополнительных опор («столпов»), пристроенных к основным столбам Большой базилики в южном и северном нефках [8, л. 6-7]. Судя по кладке (бутовый камень на известии) и уровню залегания их фундаментов («несколько выше» нижнего уровня стилобатов базилики), эти опоры соорудили на каком-то этапе функционирования

Большой базилики. В любом случае наличие сырцовых кирпичей под их фундаментами, бесспорно, свидетельствует о сооружении базилики поверх слоя разрушения сырцовой конструкции.

В качестве еще одного довода в пользу своей периодизации И. А. Баранов приводил уровень залегания деревянных балок, которые он ошибочно считал остатками фахверковой конструкции сырцового храма. По его мнению, эти балки были «выше основания разобранный стены южного нефа Большого храма» и перекрывали «плитовую могилу византийского горизонта» [14, с. 137]. Речь идет о нескольких «деревянных плахах или бревнах толщиной 0,25 м», которые образовывали «как бы клетки в ширину 1,5х1,4 м и в длину до 2,5 м» [10, л. 19]. Однако, как четко зафиксировано в отчете, данные бревна были обнаружены «под снятой могилой № 10», и «южные концы этих бревен уходили под фундамент Большого храма»⁴ [Там же]. Поскольку бревна были уложены между центральным и южным нефами древней базилики, по линии несохранившегося южного стилобата, В. П. Бабенчиков предположил, что они были чем-то «вроде клетчатого каркаса» под фундамент, «может быть, для более точной нивелировки». Он также не исключал, что данная конструкция могла находиться в нартексе древней базилики и ее «задача была выравнять основание какой-то пристройки в виде купели или хоров» [10, л. 20]. Остатками фахверков, как уже отмечалось, В. П. Бабенчиков считал «два вертикально поставленных бревна», обнаруженных в канаве недалеко от сырцовой кладки, по ходу предполагаемой южной стены «сырцового храма» [8, л. 10; 12, с. 119].

Таким образом, результаты раскопок тепсеньского комплекса не оставляют сомнений в том, что Большая базилика была построена после разрушения древнего храма и сырцовой конструкции. К сожалению, в настоящее время нет археологических данных, точно датирующих строительство древней и Большой базилик. Поскольку на Тепсене не обнаружены сколько-нибудь массовые материалы ранее середины VIII в., именно этот рубеж является нижней хронологической границей культового строительства на городище, а, следовательно, и на этом участке. Однако не исключено, что дальнейшие исследования и новые находки могут изменить данную ситуацию, и в таком случае можно будет согласиться с датировкой строительства древнего храма первой половиной или второй четвертью VIII в., предложенной В. В. Майко [39, с. 143; 40, с. 270].

Большое значение для определения хронологии тепсеньского комплекса имеют золотые монеты середины / второй половины VIII в., обнаруженные в двух грунтовых могилах (12 и 16) на территории западной части центрального нефа Большой базилики. В. П. Бабенчиков грунтовые могилы считал наиболее древними и синхронизировал их с древним храмом [12, с. 110]. И. А. Баранов связывал грунтовые погребения с салтовским сырцовым храмом [14, с. 118]. По мнению В. В. Майко,

⁴ Эти бревна отражены на общем плане раскопок В. П. Бабенчикова в центральном нефе, вблизи южного стилобата Большой базилики [12, рис. 4; 14, рис. 53].

грунтовые могилы, также как и большинство плитовых могил, относятся к Большой базилике [40, с. 175].

Некоторые особенности обряда и конструкции упомянутых могил с монетами свидетельствуют о принадлежности их именно салтово-маяцкой культуре. Так, в могиле № 12 пол был устлан древесным углем; именно в угольной подсыпке под головой погребенного и были найдены золотая византийская монета Константина V (741-751) и золотая куфическая монета, которую раньше определяли как динар 138 г.х. (755/756) [9, л. 14-15; 37, с. 213]. В. А. Сидоренко пересмотрел атрибуцию последней монеты и определил ее как подражание аббасидскому динару Махди 168 г.х. (784/785), произведенному на территории Хазарского каганата, возможно, на Тамани [56, с. 434-436]. Нахождение монеты на Тепсене исследователь связывает с присутствием здесь хазар. В могиле № 16, помимо золотой монеты Константина V (741-751), обнаружены золотые серьги т.н. аланского типа и детали поясного набора, характерные для салтовской культуры второй половины VIII – IX вв., а также кувшин-ойнохоя [9, л. 14-15; 1, с. 229, 233; 40, с. 172-174]. Данная могила была обложена «сырцовыми кирпичами, которые перекрывали и костяк» [9, л. 13-14]. Следовательно, обе могилы можно соотнести с сырцовой кладкой в центральной апсиде древнего храма. Скорее всего, одновременными им были также и другие грунтовые могилы (№№ 13, 14, 15, 19), расположенные в один ряд. Детская могила № 19, обложенная деревянными плитами, обнаружена под плитами южного стилобата Большой базилики [10, л. 20-21].

Таким образом, тепсеньский культовый комплекс сохранил свидетельства, скорее всего, трех основных строительных периодов, которые, как представляется, иллюстрируют определенные этапы в истории городища.

Самым ранним сооружением, как уже отмечалось, была базилика с тремя апсидами и тремя нефами, построенная, вероятно, не ранее середины VIII в. (рис. 3)⁵. Сохранились фундаменты в один ряд кладки от большей части центральной и южной апсид и несколько камней от северной апсиды, а также два небольших фрагмента от южного и северного стилобатов [8, л. 8-9; 9, л. 10-11; 12, с. 103-104]. Поскольку в ходе раскопок колонны не обнаружены, можно предположить, что нефы отделялись рядами столбов, сложенных из камня. Единственная известняковая база колонны, найденная в слое разрушения древнего храма (не *in situ*), по предположению В. П. Бабенчикова, могла принадлежать его порталу [9, л. 11]. Фундаменты были сложены из «мелкого⁶ плотного камня» [9, л. 10]. В отчете не указан связующий раствор в кладке фундамента. Стены могли быть сложены на желтой глине, находившейся в слое разрушения в значительном количестве [10, л. 17]. Западная стена ранней базилики не обнаружена, что затрудняет реконструкцию ее западной части и общей

⁵ Варианты реконструкции плана раннего храма ранее предложили В. П. Бабенчиков [12, с. 109, рис. 10,4] и А. Л. Якобсон [69, с. 41, рис. 11].

⁶ Описание размера камней дано в сравнении с «большими дикарными плитами» Большой базилики.

длины. Но, поскольку слой разрушения ранней церкви отсутствовал в нартексе более поздней Большой базилики [10, л. 17], можно сделать вывод, что западная граница ранней базилики не выходила за рамки наоса Большой базилики. Скорее всего, ранний храм не имел нартекса. Согласно предложенной реконструкции, ширина базилики была 16,5-16,9 м, длина – не менее 16,5 м⁷. Внутренняя ширина центральной апсиды составляла 5,0 м, боковых апсид – по 3,0 м [8, л. 9]. Толщина фундаментов апсид – 0,8 м, стилобатов – 0,75 м [8, л. 8-9]. Судя по соотношению толщины фундаментов и ширине нефов, базилика, скорее всего, была перекрыта деревянными стропилами и черепицей, обломки которой обнаружены в слое разрушения [9, л. 9; 10, л. 17].

По архитектурному типу, размерам и конструктивным особенностям эта базилика очень близка двум храмам, открытым на поселениях VIII-IX вв. в Юго-Западном Крыму, т.е. на территории средневековой Готии: около с. Поворотное, вблизи устья реки Бельбек и около с. Гончарное в Байдарской долине (рис. 1; 5) [52; 53, с. 9-25; 70, с. 125-132]. Оба храма представляют собой трехнефные трехапсидные базилики, без нартекса, со стропильным перекрытием и черепичной крышей. Они сооружены из не крупных подтесанных камней на глине. Толщина стен базилики у с. Поворотное – 0,65-0,7 м, у с. Гончарное – 0,7-0,8 м. Их размеры несколько меньше предполагаемых размеров тепсеньского храма: вблизи с. Гончарное: 11,5х13,6 м, вблизи с. Поворотное: ширина – 14,0 м, длина наоса (без алтарной части) – 12,5 м. Однако основные пропорции всех трех базилик, скорее всего, были достаточно близки. Они имели укороченные наосы, в которых ширина превышала их длину⁸. Полы в храме вблизи с. Гончарное были глинобитными [70, с. 131]. В восточной части центрального нефа базилики около с. Поворотное зафиксированы остатки каменной вымостки [53, рис. 2]. В ходе раскопок этих базилик найдены единичные декоративные архитектурные детали из известняка местного производства. Обе базилики датируются их исследователями в пределах VIII-IX вв. [52, л. 11; 53, с. 18; 70, с. 125, 132]. Поселение около с. Поворотное прекращает свое существование до середины IX в., что подтверждается отсутствием в его слоях высокогорных кувшинов с плоскими ручками (класс 41 по ХК-95) [53, с. 18].

Поселения вблизи сел Поворотное и Гончарное синхронны начальному этапу существования Тепсеньского городища и близки ему по материальному комплексу [70, с. 182-195; 66, с. 27-28; 53, с. 18, 24-25]. Появление этих поселений, также как и некоторых других памятников, открытых в Юго-Западном Крыму, связывают с притоком в Готию носителей салтово-маяцкой культуры [70; 3, с. 211-212]. Сооружение однотипных церквей в Восточном и Юго-Западном Крыму, вероятно, надо связывать с активной византийской политикой христианизации нового местного населе-

⁷ По расчетам В. П. Бабенчикова, предположительные размеры раннего храма – 15,5х17,5 м [12, с. 104].

⁸ Согласно планам базилик, соотношение ширины и длины наоса: вблизи с. Гончарного – 1:0,86, вблизи с. Поворотного – 1:0,88 [70, рис. 80; 53, рис. 2].

ния, расселившегося на территории, подвластной хазарам, отличавшимся достаточной веротерпимостью. И хотя инициатором и учредителем церковной организации в регионе был Константинопольский патриархат, которому подчинялись крымские епархии, строительство храмов здесь велось на средства местных общин местными строителями, скорее всего, из среды в значительной степени византинизированного алано-готского населения. Они были знакомы с византийской церковной архитектурой, поскольку смогли воспроизвести трехапсидную базиликальную конструкцию, хотя и в упрощенном и укороченном виде, а также создать некоторые архитектурные декоративные детали из известняка [52, л. 6-7; 53, с. 13-14]. Скорее всего, рассматриваемые базилики были построены в середине – второй половине VIII в., не исключено, что при епископе Иоанне Готском.

Следующий (второй) период в истории тепсенского комплекса связан с появлением кладки из сырцовых кирпичей, сложенных «в елку», в центральной апсиде древней базилики (рис. 4). Сырцовые сооружения, построенные «в елку», типичны для салтовских (протоболгарских) поселений Хазарского каганата [22, с. 99; 51, с. 162; 3, с. 201-202]. Как уже отмечалось, В. П. Бабенчиков и ряд других исследователей считали эту кладку частью апсиды сырцового храма. Все же следует согласиться с теми, кто отрицал принадлежность этого строительного фрагмента самостоятельному культовому сооружению [68, с. 292; 22, с. 99; 51, с. 162]. Кладка толщиной около 0,5 м из сырцовых кирпичей, сложенных без фундамента на грунте, не может быть остатком апсиды – технологически достаточно сложного конструктивного элемента, способного выдерживать нагрузку полусводчатой конхи. Однако вряд ли сырцовая кладка изначально принадлежала ранней базилике. Нижний горизонт этой кладки на 0,5 м выше остатков фундамента ранней базилики [8, л. 13-14]. Несмотря на то, что сырцовые кирпичи были выложены в соответствии с внутренним контуром древней апсиды, они не примыкали к ней вплотную, что видно на плане и фотографиях раскопок 1951 г. [8; 12, рис. 4,8; 67, рис. 10; 40, рис. 157-158]. Кроме того, зафиксированы остатки штукатурки с обеих сторон сырцовой кладки. Все это свидетельствует о том, что возведение кладки из сырцовых кирпичей составляет отдельный период в истории рассматриваемого комплекса. В. П. Бабенчиков связывал с данной кладкой вымостку из известняковых плит. Одна из них, расположенная в центральной части древней апсиды, имела четыре круглых углубления по углам, что позволило определить ее как подпрестольную плиту [8, л. 10; 40, с. 267]. Со всех сторон она была окружена деревянными плахами, остатки которых зафиксировали во время раскопок. Сосуществование вымостки и сырцовой кладки свидетельствует о культовом характере этих остатков, что подтверждается также фрагментами росписи (красной краской) на штукатурке внутренней части данной кладки [8, л. 9]. По зафиксированным строительным остаткам сложно говорить о том, в каком состоянии находилась ранняя базилика на этапе строительства в ее апсиде сырцовой конструкции. Однако тот факт, что сырцовую кладку встроили в апсиду, свидетельствует о том, что степень сохранности здания ранней базилики позволила его приспособить

к новым потребностям. Перестроенная или адаптированная ранняя церковь, скорее всего, сохранила функции культового сооружения.

Как уже отмечалось, одновременными сырцовой кладке, скорее всего, являются грунтовые могилы, открытые в западной части комплекса. Обнаруженные в них монеты, прежде всего, подражание аббасидскому динару Махди 168 г.х. (784/785) [56, с. 434-436], позволяют говорить о времени их появления. Учитывая, что подражание появилось после оригинала, *terminus post quem* для сырцовой кладки и грунтовых могил можно определить концом VIII – началом IX вв. Их связь с носителями салтово-маяцкой культуры не вызывает сомнения. О христианстве в местной среде в этот период свидетельствует нотиция 3 (де Боора) начала IX в., в 37-й главе которой в числе епископов митрополии Готии упомянут епископ хотциров, находившийся вблизи Фул [20, с. 211-212; 76, р. 245; 3, с. 206-207; 64, с. 402-405]. Большинство исследователей считает, что данный список епископов Готии является лишь проектом создания митрополии, которая должна была включить в себя главные центры Хазарского каганата. В любом случае, как справедливо отмечает К. Цукерман, этот документ несет на себе печать современности [64, с. 414-415; 82, р. 214-215] и, следовательно, может являться свидетельством распространения христианства среди местного населения.

Запустение или частичное разрушение древнего храма, которое, скорее всего, предшествовало появлению сырцовой конструкции, могло произойти в период ослабления здесь византийского влияния. В этой связи, возможно, уместно будет вспомнить о предположении А. В. Гадло о том, что ряд храмов в Восточном Крыму могли оказаться жертвами проявления антихристианских, антивизантийских настроений, охвативших Хазарию на рубеже VIII-IX вв. [23, с. 139-140]. Однако приведенные исследователем факты разрушения в это время храмов у д. Героевка и у д. Пташкино не выглядят убедительными. Так, остатки храма у д. Героевка не обнаружены. Единственная мраморная капитель колонны, найденная там при раскопках, могла происходить из другого места. Храм вблизи д. Пташкино, как отмечает сам автор, не был достроен или же рухнул вскоре после постройки из-за технических просчетов [23, с. 135-136, 139]. Поэтому связывать его разрушение с политическими акциями нет оснований.

Не исключено, что сложившуюся ситуацию можно объяснить в свете византийско-хазарских отношений в этот период. Как отмечает К. Цукерман, Византия во второй половине VIII – начале IX вв. предпринимает ряд мер, направленных на создание атмосферы разрядки в отношениях с Хазарией [64, с. 418-419]. Речь идет, прежде всего, о демонстративном возвышении епархии хазарской Готии на VII Вселенском соборе 787 г. и о ее высоком статусе в нотиции 3, а также об отказе Константинополя поддержать антихазарское восстание в Доросе. Конец VIII – начало IX вв. ученый называет «долгим медовым месяцем между Византией и Хазарией». Вполне возможно, что осознанное ослабление византийского идеологического присутствия в этой части полуострова могло находиться в общем ряду усилий, направленных на

смягчение отношений с Хазарией. В любом случае новый период в истории древнего тепсеньского храма связан со строительной деятельностью только местных жителей (хотциров), без каких-либо признаков византийского участия.

Об ослаблении влияния византийской церкви в IX в. на данной территории свидетельствует существование языческого обряда поклонения дереву «*в народе фульском*», зафиксированное в Пространном Житии Константина Философа. Про то, что народ был христианским, свидетельствует обращение св. Константина: «*Познайте, братья, Бога, сотворившего вас. Вот – Евангелие Нового Завета Божьего, в котором были вы крещены*» [62, с. 56]. На укеры Константина они вначале отвечали, что «*Не теперь мы стали так делать, но (обычай этот) от отцов приняли и благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди*» [62, с. 56]. Константину Философу удалось убедить фульский народ отказаться от обычая отцов: «*Поклонился же их старейшина и подошел поцеловать Евангелие, а за ним и все (остальные)*». После чего дерево было срублено и сожжено, и пошел «*дождь от Бога*» [Там же].

Как уже отмечалось, впервые Фульская епархия отмечена в нотиции 7, которая, согласно уточненной К. Цукерманом датировке, была составлена не ранее лета 920 г. [76, р. 74, 273-274; 64, с. 419-427]. Эта дата основана, прежде всего, на реконструируемой французским ученым хронологии нескольких писем Константинопольского патриарха Николая Мистика. Два из них (68 и 106), по его мнению, отражают процесс создания Фульской архиепископии [64, с. 421-424]. В письме 68 патриарх пишет о прибывших из Хазарии, которые «*просили дать им епископа, чтобы он рукополагал священников среди них и принял бы на себя служение о правой христианской вере*» [варианты перевода письма: 65, с. 60; 17, с. 35; 29, с. 29; 13, с. 356; 59, с. 1487-1494]. В связи с этим он поручил вновь назначенному архиепископу Херсонскому, чтобы он «*отправился в Хазарию и выполнил то, что там требуется, а потом вернулся на ту кафедру, на которую был назначен, а именно в Херсон*» [29, с. 29]. Николай Мистик просит адресата этого письма, скорее всего, стратига Херсона патрикия Иоанна Вогу содействовать Херсонскому архиепископу в этой важной миссии, которая, по расчетам К. Цукермана, началась осенью 914 г. или весной 915 г. [64, с. 424]. Следующее по времени письмо 106 адресовано непосредственно архиепископу Херсона, которого патриарх хвалит за уже предпринятые им усилия в отношении «*заблудшего народа, почти похищенного злым духом из недр благочестия*» [варианты перевода письма: 65, с. 61; 17, с. 36; 29, с. 29; 13, с. 359-360; 59, с. 1480-1486]. Николай также убеждает Херсонского архиепископа продолжать заботы об этом народе и найти для них достойного епископа, которого нужно будет прислать в Константинополь для рукоположения в епископский сан и «*для назначения его пастырем паствы, доселе лишенной пастырского попечения*» [59, с. 1486]. Последнее письмо датируется не ранее конца лета – начала осени 920 г. [64, с. 424].

Поскольку в упомянутых письмах Николая Мистика речь идет о крымской Хазарии и поскольку в это время здесь зафиксировано образование только одной,

Фульской, архиепископии [64, с. 425-427], вывод о том, что в письмах изложена история ее создания, представляется вполне правдоподобным и обоснованным. Описание «заблудшего народа» в письме 106 действительно соответствует отправлявшему языческий обряд «фульскому народу» из Пространного Жития Константина Философа. Факт образования Фульской архиепископии и был зафиксирован в нотиции 7, составленной по инициативе Николая Мистика.

Учитывая то, что в судьбе Фульской епархии и ее архиерея столь деятельное и заботливое участие принимал Константинопольский патриарх, вполне резонно предположить и то, что вопрос о строительстве кафедрального храма – центра новой архиепископии не был обойден его вниманием. Ведь церковное строительство являлось одной из первостепенных забот главы любой епархии, тем более Константинопольского патриарха.

Ко времени образования Фульской епархии, скорее всего, следует относить возведение т.н. Большой базилики Тепсеня, относящейся к третьему строительному периоду в истории рассматриваемого культового комплекса (рис. 6). Размеры Большой базилики составляют 37,5x21,0 м [8, л. 21; 12, с. 106]. Она имела три апсиды, три нефа и нартекс. Фундаменты были сложены из очень крупных плит местного камня (андезита), уложенных в несколько рядов, вероятно, насухо (связующий раствор не зафиксирован). Толщина фундаментов продольных стен 1,25-1,5 м, апсид – до 2,5-3,0 м [7, л. 6, 9; 9, л. 5]. Глубина залегания фундаментов в разных частях здания варьировала и доходила до 1,0 м [7, л. 6; 12, с. 102; 40, с. 257]. Кладки над фундаментами были трехслойными, двухлицевыми и состояли из крупных блоков акмонайского известняка⁹, сложенных на глине [7, л. 5, 7; 9, л. 8]. На стилобатах, разделяющих наос на нефы, сохранились остатки некоторых столбов, сложенных из квадров акмонайского камня. По подсчетам В. П. Бабенчикова, на южном стилобате их могло быть 9¹⁰ [8, л. 5]. Однако, как замечает сам автор, часть квадров явно сдвинута с места, кроме того, расстояние между подразумеваемыми столбами не было одинаковым. На графической реконструкции плана базилики, предложенной В. П. Бабенчиковым, на каждом стилобате по 7 свободно стоящих столбов (рис. 7,а) [12, с. 109, рис. 10,5]. По реконструкции А. Л. Якобсона, на нефы Большую базилику Тепсеня делили два ряда по 4 столба (рис. 7,б) [67, с. 483, рис. 9,2]. Таким образом, вопрос о количестве столбов на стилобатах остается открытым. В боковых нефах к столбам были пристроены дополнительные опоры из бутового камня на извести, которым соответствовали аналогичные столбы-пилястры с внутренней стороны продольных стен базилики [8, л. 6-7; 9, л. 7]. В ходе раскопок обнаружены клиновидные камни от арочных перекрытий¹¹ [7, л. 9; 8, л. 5]. По мнению В. П. Бабенчикова, некоторые камни

⁹ По наблюдениям очевидцев раскопок, все плиты акмонайского известняка были вторичного использования [8, л. 11; 12, с. 101, сн. 36].

¹⁰ На плане по раскопкам В. П. Бабенчикова остатки столбов не выделены.

¹¹ Кирпичей при раскопках не обнаружено [8, л. 6].

могли принадлежать крестово-сводчатому перекрытию [8, л. 5]. Таким образом, ряд конструктивных особенностей здания, а именно мощные стены и стилобаты, столбы и дополнительные пилястры, а также фрагменты арочных конструкций, свидетельствуют о том, что Тепсеньская большая базилика была перекрыта каменными сводами. Это подтверждает также соотношение толщины стен к пролетам нефов: боковых – 1:1,6 и центрального – 1:4¹² [по плану: 12, рис. 4]. Стены базилики были оштукатурены, а в некоторых частях здания расписаны [7, л. 14]. Полы выстланы «небольшими прямоугольные плиты»¹³ с заделкой швов известью» [8, л. 7-8; 9, л. 4-8]. В ходе раскопок найдены некоторые фрагменты архитектурных деталей из известняка, которые, скорее всего, принадлежали этой базилике [12, с. 119-121, рис. 16; 40, с. 262-265].

Как отмечал В. П. Бабенчиков, «для постройки такого большого храма, несомненно, требовались большие средства и достаточно квалифицированные силы» [8, л. 21]. Однако, поскольку он не видел на поселении никаких «следов греко-византийского влияния», он сделал вывод о том, что базилику построили местные мастера [Там же; 12, с. 106-110]. Не только В. П. Бабенчиков, но и другие исследователи не находили аналогий Тепсеньской большой базилике за пределами Крыма. В качестве наиболее близкой архитектурной параллели обоим тепсеньским базиликам (как большой, так и ранней) отмечали, прежде всего, Партенитскую базилику, которую датировали второй половиной VIII в., реже упоминали Эски-Керменскую базилику [12, с. 108-110; 37, с. 218, сн. 38; 22, с. 99; 23, с. 138; 68, с. 292; 69, с. 160, сн. 89; 63, с. 42]. Однако эти базилики ни по размерам, ни по архитектурному типу не могут быть сопоставлены с рассматриваемой церковью. Базилики в Партените и на Эски-Кермене были значительно меньше и, без сомнения, стропильными, а не сводчатыми. Изначально ранневизантийская Эски-Керменская базилика, построенная в VI в. [2, с. 45], имела одну апсиду. Ее трехапсидный алтарь является результатом поздней перестройки, вероятно, в XI в. [50, с. 50-57]. Скорее всего, боковые апсиды Партенитской базилики также не были изначальными [27, с. 303-304].

Большая базилика Тепсенья – единственная исследованная базилика в Крыму¹⁴. Она являлась одним из крупнейших храмов средневекового Крыма и уступала лишь трем ранневизантийским базиликам Херсонеса: Уваровской, Базилике на холме и Западной базилике, причем разница между ней и двумя последними незначительная¹⁵. Среди крымских церквей IX-X вв. она была самой монументальной. Столь

¹² В стропильных базиликах Херсонеса соотношение толщины стен к пролетам боковых нефов – 1:3-4, центрального нефа – 1:9-12.

¹³ Размеры плит в отчетах не указаны.

¹⁴ Трехнефный, трехапсидный храм открыт также на горе Бойка. О.И. Домбровский предположил, что он был перекрыт сводами [Домбровский О.И. Средневековые памятники Бойки// Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968, с.89]. Однако храм остался недоследованным. Его план и описание отсутствуют.

¹⁵ Размеры базилик Херсонеса: Уваровская – 47,2х22,4 м без экзонартекса, Западная – 39,0х20,8 м без портика, Базилика на холме – 38,0х22,5 м [75, р. 17-19 с библиографией].

масштабное строительство, безусловно, являлось экстраординарным событием и могло быть организовано и осуществлено, скорее всего, лишь при поддержке Константинопольского патриархата и, безусловно, при участии квалифицированных мастеров. Следует отметить, что в самой столице в постиконоборческий период строили, как правило, сравнительно небольшие крестово-купольные храмы [79, р. 354-369; 71, с. 8-13; 34, с. 64-76; 35, с. 37-76; 49, с. 19-51]. В обществе, в котором христианство господствовало уже несколько веков, богослужение приобретало все более частный, замкнутый характер, что привело к преобладанию малых церквей для небольших групп прихожан [49, с. 21-22]. Тем не менее, базилики продолжали строить в ряде византийских провинций. Приверженность традициям базиликального строительства на территории византийских областей в средневизантийский период Р. Краутхаймер считал проявлением провинциального консерватизма, «выражением народной оппозиции» по отношению к сложной столичной архитектуре [79, р. 336]. Остатки многочисленных базилик, разных по размерам, формам, типам, строительной технике и декорации, сохранились, прежде всего, на территории Греции. Их краткое описание и анализ включены в новейшую монографию М. Олтриппа¹⁶ [73]. Подавляющее большинство греческих средневизантийских базилик представляло собой сравнительно небольшие сооружения, скорее всего, перекрытые деревянными стропильными крышами. Практика строительства базиликальных церквей сохранялась и в Малой Азии. Примерами могут служить две сводчатые базилики: св. Анны и Нахип джами (Nakhip djami) в Трапезунде, которые также были весьма скромных размеров¹⁷ [80, р. 443-445; 81, р. 23].

Потребность в просторных церквях, способных объединить всю общину, возникла, главным образом, в регионах, где шел процесс массовой христианизации, и церковные сооружения выполняли там также миссионерскую функцию [78, р. 173-185; 25, с. 72; 32, с. 512]. Ярким примером может служить церковное строительство Первого Болгарского царства, в котором христианство утвердилось как государственная религия с 865 г. при царе Борисе I (Михаиле) (852-889). Наиболее распространенным типом христианских церквей и, прежде всего, кафедральных соборов там стала именно базилика, организация пространства которой функционально и символично наиболее соответствовала первоначальному этапу распространения христианства [36, с. 161-164]. Базиликальное строительство на болгарских землях связывают с возрождением традиций ранневизантийского зодчества [25, с. 73; 79, р. 336]. Письменные источники приписывают Борису-Михаилу возведение семи соборов. К их числу принадлежит кафедральная церковь болгарской архиепископии, т.н. Большая базилика в Плиске, первой столице Болгарского царства.

¹⁶ Выражаю благодарность А. Ю. Виноградову, указавшему мне на данную работу.

¹⁷ Внутренние размеры церкви св. Анны: 5,95x9,76 м; Nakhip djami: 6,58x9,88 м. Нартексы обеих церквей не сохранились. В качестве разделительных опор служили колонны [80, fig. 17, 18].

Длина ее наоса составляла более 40 м, ширина – 29,5 м (общая длина с атриумом 99 м) [43, с. 391-392; 44, с. 82-83; 24, с. 68-78]. В Плиске было сооружено также несколько небольших, очень схожих между собой (т.н. типовых) базилик; как и Большая базилика, они имели стропильное перекрытие [43, с. 391-393; 44, с. 83-86; 25, с. 63-70; 42, с. 38-40; 30, с. 213-217].

Более близкие аналогии Тепсеньской большой базилике находятся в Преславе, второй болгарской столице (893-972). Среди них Владетельская церковь (42,1x21,1 м), Дворцовая церковь (32x16 м), базилики в местности Гебе клисе (32x20 м), Сакалова могила (31,8x20,7 м) и Стамбол йолу (рис. 8) [44, с. 86; 48, с. 256-261; 61, с. 40-85; 18, с. 30-39; 19, с. 185-191; 31, с. 229-232]. Болгарские исследователи возведение преславских церквей связывают со строительной деятельностью Бориса-Михаила и относят к эпохе латинской (папской) миссии в 866-870 гг., на основании некоторых конструктивных и плановых черт (например, массивные пилястры Дворцовой церкви), присущих западной архитектуре [48, с. 260; 61, с. 79; 19, с. 185]. Однако, как представляется, нельзя исключать, что хотя бы некоторые из упомянутых церквей были построены после того, как Преслав стал болгарской столицей при царе Симеоне в 893 г. К числу близких аналогий тепсеньской церкви принадлежит также т.н. Патриаршая базилика в Дуросторуме (25,4x14,7 м), первый кафедральный храм Дуросторумской епархии [5, с. 12-18; 26, с. 125-136]. По мнению Г. Атанасова, эту базилику построили при первом епископе Дуросторума Николае (с 870 г.) [6, с. 104-113]. Некоторые исследователи включают ее в список соборов, возведенных Борисом-Михаилом [26, с. 125]. В первой половине X в., когда базилика стала резиденцией болгарского патриарха, ее перестроили в купольную церковь [26, с. 135-136].

Все эти базилики изначально имели три апсиды, три нефа, перекрытых сводами, и один одночастный нартекс. На основании общих черт С. Дончева объединяет их в самостоятельную группу [26, с. 126-128]. Именно к этому кругу болгарских церквей следует причислить и Тепсеньскую большую базилику. Ее размеры сопоставимы с размерами Владетельской базилики, главной церковью средневекового Преслава и самой крупной из приведенных болгарских аналогий. Они имели одинаковую ширину, но Владетельская базилика была длиннее, главным образом, из-за сильно вытянутой апсиды. По общим пропорциям плана и соотношению отдельных частей, прежде всего наоса, наиболее близкими Тепсеньской базилике являются Владетельская базилика, а также Дворцовая церковь Преслава.

Таким образом, уникальность Тепсеньской большой базилики в христианском культовом строительстве Крыма IX-X вв. и, прежде всего, ее размеры со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она не могла быть обычной приходской церковью, а являлась кафедральным храмом. Относительная хронология строительства на участке тепсеньского культового комплекса, а также время образования Фульской архиепископии позволяют утверждать, что Большая базилика Тепсень, скорее всего, была кафедральным храмом вновь образованной Фульской епархии. Следовательно, она была построена в 20-е годы X в. Поскольку организатором но-

вой крымской епархии являлся Константинопольский патриарх Николай Мистик, можно предположить, что он же инициировал и, возможно, финансировал возведение главного епархиального храма. Базиликальная архитектурно-планировочная композиция, наиболее приемлемая на этапе становления молодой церковной организации, скорее всего, была заимствована из Болгарии, немногим ранее пережившей процесс утверждения христианства в качестве государственной религии. На основании ближайших архитектурных аналогий можно предположить, что Тепсеньская большая базилика могла быть построена при участии мастеров из столичного Преслава.

Исследование Тепсеньской большой базилики еще не завершено. Раскопки окружающей ее территории не проводились, и это дает надежду на будущее открытие свидетельств существования целого архиепископального комплекса. Одновременно с Большой базиликой на городище могли функционировать три другие небольшие церкви, остатки которых раскопаны в разных местах плато. Нельзя исключать вероятность, что в дальнейшем будут открыты новые культовые постройки. Все это свидетельствует о том, что городище на плато Тепсень не было рядовым христианским поселением, и, скорее всего, представляло собой центр епархии – Фульской архиепископии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айбабин А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1.
2. *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
3. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
4. *Айбабин А. И.* Археологическое наследие хазар времени создания каганата // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
5. *Ангелова С.* Разкопките на църква № 2. Археологическо проучване на Дръстър (14 години по-късно) // Добруджа. 2002. 20.
6. *Атанасов Г.* Епископ Николай и формирането на Доростолската (Дръстърската) епархия през 870 година // Християнската култура в средновековна България. Материали от Национална научна конференция, Шумен 2-4 мая 2007 година по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835-907). Велико Търново, 2008.
7. *Бабенчиков В. П.* Раскопки у с. Планерское (б. Коктебель) в 1950 г. Коктебельского отряда Сектора истории и археологии КФ АН СССР и краеведческих музеев Крыма. Отчет // Архив ИА РАН. Д. 500.
8. *Бабенчиков В. П.* Отчет о раскопках средневекового поселения у с. Планерское, б. Коктебель в 1951 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 617.
9. *Бабенчиков В. П.* Отчет о работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР, проведенных совместно с Украинской Академией архитектуры и Областным краеведческим музеем на средневековом поселении близ с. Планерское (б. Коктебель) в 1952 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 725.
10. *Бабенчиков В. П.* Отчет о раскопчных и разведочных работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР в 1953 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 908.

11. *Бабенчиков В. П.* Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949-1951 годов) // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.
12. *Бабенчиков В. П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
13. *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
14. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
15. *Барсамов Н. С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле. 1929-1931 гг. Феодосия, 1932.
16. *Бертъе-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
17. *Богданова Н. М.* Церковь Херсона в X-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
18. *Ваклинова М., Щерева И., Горянова С., Манолова-Войнова М., Димитров П.* Владетельската църква на Велики Преслав // Археология. София, 2003. Год. XLIV. Кн. 4.
19. *Ваклинова М., Щерева И.* Княз Борис I и Владетельската църква на Велики Преслав // Християнската култура в средновековна България. Материали от Национална научна конференция, Шумен 2-4 мая 2007 година по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835-907). Велико Търново, 2008.
20. *Васильев А. А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. V.
21. *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
22. *Гадло А. В.* О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерского // Археологический сборник. Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции. Л., 1964.
23. *Гадло А. В.* К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // АДСВ. 1980. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии.
24. *Георгиев П.* За първоначалното седалище на Българската архиепископия // Средновековна България и Черноморието (Сборник доклади от научната конференция). Варна, 1980.
25. *Георгиев П.* Церковное строительство в Болгарии во второй половине IX в. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 2а. Секция VI.
26. *Дончева С.* Патриаршеската базилика в Дръстър – обемно-пространствена реконструкция // Изследвания в чест на Стефан Бояджиев. София, 2011.
27. *Завадская И. А.* О строительных периодах храма свв. Апостолов Петра и Павла в Партените // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
28. *Завадская И. А.* Периодизация культового строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012.
29. *Иванов С. А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г. Г. Литаврина.
30. *Иванов С.* Църковните градежи в Плиска (предварителни бележки) // Християнската култура в средновековна България. Материали от Национална научна конференция, Шумен 2-4 мая 2007 година по случай 1100 години от смъртта на св. княз Борис-Михаил (ок. 835-907). Велико Търново, 2008.

31. *Иванова В.* Проучване на църквата Гебе-клисе // *Годишник на Народния музей.* София, 1933. Кн. 5 (1926-1931).
32. *Иоаннисян О. М., Ивакин О. М.* О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы (к вопросу о начальном этапе развития монументального зодчества на Руси) // *ТГЭ.* СПб., 2010. Т. LI: Византия в контексте мировой культуры. Материалы конференции, посвященной памяти А. В. Банк.
33. *Иоаннисян О. М.* О роли архитектуры Первого Болгарского царства в становлении древнерусского зодчества (конец X в.) // *ТГЭ.* СПб., 2011. Т. 57: Балканский сборник.
34. *Комеч А. И.* Храм на четырех колоннах и его значение в истории византийской архитектуры // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура.* М., 1973.
35. *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
36. *Корач В.* Два типа кафедральных соборов XI в. в областях, культурно связанных с Византией // *Средневековая Русь.* М., 1976.
37. *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // *СА.* 1958. Т. XXVIII.
38. *Кулаковский Ю.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке. Где находились Фуллы? // *ЖМНП.* 1898. Февраль.
39. *Майко В. В.* О локализации Фулл и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // *Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии.* Киев, 2002.
40. *Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.
41. *Майко В. В.* Юго-Восточный Крым VIII-XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // *ТГЭ.* СПб., 2010. Вып. LI: Византия в контексте мировой культуры.
42. *Михайлов С.* По вопросу за седемте съборни храма на княз Борис // *Археология.* София, 1992. Кн. 2.
43. *Миятев К.* Архитектура эпохи Первого Болгарского царства // *Всеобщая история архитектуры:* в 12 т. Л.; М., 1966. Т. 3.
44. *Миятев К.* Архитектура эпохи Первого Болгарского царства (ранний феодализм) // *Краткая история болгарской архитектуры.* София, 1969.
45. *Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
46. *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
47. *Мыц В. Л.* О локализации Фулл и Фулльской епархии // *Церковная археология Южной Руси.* Симферополь, 2002.
48. *Овчаров Д.* Дворцовая церковь в Преславе и некоторые особенности болгарских раннесредневековых базилик // *Древности славян и Руси.* М., 1988.
49. *Оустерхаут Р.* Византийские строители. Киев; М., 2005.
50. *Паршина Е. А.* Эски-Керменская базилика // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму.* Киев, 1988.
51. *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
52. *Романчук А. И.* Отчет о раскопках сельского поселения у пос. Заря Свободы в 1974 г. (низовье реки Бельбек) // *НА НЗХТ.* Д. 1723.

53. Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1976. Вып. 13.
54. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седицова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
55. Савеля О. Я. Средневековое Загайтанское поселение в нижнем течении реки Черной в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тезисы докладов Международной конференции 21-27 сентября 1994 г. Симферополь, 1994.
56. Сидоренко В. А. Подражания аббасидским дирхемам и динарам в монетном обращении Таврики хазарского времени // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
57. Смокотина А. В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX вв. из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
58. Сорочан С. Б. «Зачарованный клад». Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. 2002. Вып. 33.
59. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв. Очерки истории и культуры. Ч. 2. Харьков, 2005.
60. Тотев Т. Базилика при Сакалова могила в Преслав // Преслав. София, 1976. № 2.
61. Тотев Т. Велики Преслав. Варна, 1993.
62. Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. Изд. 2-е. СПб., 2000. (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).
63. Фронджуло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957-1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
64. Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
65. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. III.
66. Щербакова В. С. Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь – Севастополь // АДСВ. 1976. Вып. 13.
67. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.
68. Якобсон А. Л. Рец. на: История и археология средневекового Крыма. Отв. ред. А. П. Смирнов. М., 1958 // СА. 1961. № 2.
69. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
70. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
71. Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX-XV вв. Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. Л., 1987.
72. *Ajbabın A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in bizyantinischer Zeit // Monographien der RömischeGermanischen Zentralmuzeums. Mainz, 2011. Band 98.*
73. *Altripp M. Die Basilika in Byzanz. Gestalt, Ausstattung und Funktion sowie das Verhältnis zur Kreuzkuppelkirche // Millennium Studies in the culture and history of the first millennium C.E. Berlin; Boston, 2013. Band 42.*
74. *Auzépy M.-F. La Vie de Jean de Gothie (BHG 891) // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006.*

75. *Buchwald H., Zavadskaya I.* Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
76. *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
77. *Hayes J. W.* The Pottery // Excavations at Saraçhane in Istanbul. Princeton, 1992. Vol. 2.
78. *Korać V.* Sur les basiliques médiévales de Macedoine et de Serbie // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines, Ochride 10-16 septembre 1961. Vol. 3. Beograd, 1964.
79. *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven, London: Yale Univ. Press, 1986.
80. *Millet G.* Les Monastères et les Églises de Trébizonde // BCH. Nendeln; Lichtestein, 1969. 19.
81. *Millet G., Talbot Rice D.* Byzantine Painting at Trebizond. London, 1936.
82. *Zuckerman C.* Byzantium's Pontic Policy in the Notitia Episcopatum // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. C. Zuckerman (Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies 25). Paris, 2006.

Завадская И. А.

**Периодизация церковного строительства на городище Тепсень
(о кафедральном храме Фульской епархии)**

Резюме

Несколько разнородных письменных источников упоминают Фулы, которые находились в Крыму. Локализация Фул на плато Тепсень, около поселка Коктебель, между Феодосией и Судакком, является наиболее обоснованной. Там расположены остатки сравнительно крупного поселения (19,5 га), которое существовало с середины VIII до середины X вв. Исследователи относят этот памятник к т.н. крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, созданной, главным образом, тюрками-болгарами, заселившими значительную часть Крыма в эпоху господства Хазарского каганата. В Житии Константина Философа они названы «народом фульским», в нотиции 3 – хотцирами.

На поселении открыты остатки нескольких церквей. В центральной части плато в 1950-х гг. раскопан большой церковный комплекс, который включает остатки нескольких разновременных сооружений. Анализ стратиграфических данных позволяет уточнить историю церковного строительства на этом участке.

Самым ранним сооружением была трехапсидная базилика с тремя нефами, без нартекса, построенная, вероятно, не ранее середины VIII в. (первый строительный период). По архитектурному типу, размерам и конструктивным особенностям эта базилика аналогична двум храмам, открытым на салтово-маяцких поселениях VIII-IX вв. около сел Поворотное и Гончарное в Юго-Западном Крыму (на территории средневековой Готии). Сооружение однотипных церквей в Восточном и Юго-Западном Крыму, вероятно, является результатом активной византийской политики христианизации нового местного населения, расселившегося на территории, подвластной хазарам, отличавшимся достаточной веротерпимостью.

Кладка из сырцовых кирпичей в центральной апсиде древней базилики принадлежала второму строительному периоду. Скорее всего, сырцовая кладка является свидетельством перестройки ранней базилики местными строителями (хотцирами) не ранее конца VIII – на-

чала IX вв. В IX в. идеологическое влияние Византии в этом регионе ослабевает. Об этом свидетельствует Житие Константина Философа, которое повествует о «народе фульском», который был христианским, но поклонялся большому дубу, срощемуся с черешней.

К третьему строительному периоду в истории комплекса принадлежит Большая базилика (37,5x21,0 м) с тремя апсидами, тремя нефами и нартексом, перекрытая сводами. Большая базилика Тепсеня является единственной, уникальной сводчатой базиликой и самой монументальной церковью в Крыму в IX-X вв. Скорее всего, именно эта базилика была первой кафедральной церковью Фульской епархии, которая, согласно выводу К. Цукермана, была образована при активном участии патриарха Николая Мистика и архиепископа Херсона. Впервые Фульская архиепископия упомянута в нотиции 7, созданной при Николае Мистике не ранее конца лета 920 г.

Аналогии Тепсенской большой базилике находятся в Преславе, прежде всего, это – Владетельская и Дворцовая церкви, ближайшие по общим пропорциям плана и соотношению отдельных элементов, главным образом, наоса. Таким образом, Большая базилика Тепсеня была построена, скорее всего, при участии мастеров из столичного Преслава.

Zavadskaya I.A.

Periodization of the Church Building on Tepsen Settlement (On the First Cathedral of Fuly's Diocese)

Summary

Several different written sources mention Fuly and Fuly diocese which were in Crimea. Most likely Fuly was situated on Tepsen plateau near the village of Koktebel, between Feodosia and Sudak. The remains of a relatively large settlement (about 19.5 ha), which existed continuously from about the mid-8th century until the mid-10th century are situated there. The researchers identify this settlement with the Crimean variant of the Saltovo-Majaki culture which was created by mainly the Turks-Bulgarians in the epoch of Khazar Khaganate. The *Life of Constantine the Philosopher* named them as the "Fuly people" and the *Notitia 3* – "Khotziroi" (the Khotzirs).

The ruins of the several Christian churches were revealed in the settlement. In the central part of the plateau the big church complex were excavated in the 1950s. It included the building remains of the some cult structures dating back to different times. Analysis of stratigraphic data helps to clarify the history of church construction on this site.

A basilica with a nave, two aisles and three apses, without narthex erected probably in the middle of the 8th century was the earliest church (the first construction period). This basilica by its architectural type, dimensions and constructional features had analogies with two churches excavated on the Saltovo-Mayatzki settlements near the villages Povorotnoe and Goncharnoe in South-Western Crimea (on the territory of medieval Gothia). Construction of similar churches in Eastern and South-Western Crimea was the result of an active Byzantine policy of Christianization of new population settled in the territory dependent on the Khazars who were tolerant enough.

Masonry of mudbricks built in the central apse of the early basilica belongs to the second construction period. Most likely, this masonry is evidence of the reconstruction of the early basilica by local builders (Khotzirs) not earlier the end of the 8th – the beginning of the 9th century. In

the 9th century ideological influence of the Byzantine Empire weakened in the region. One of the evidences is the *Life of Constantine the Philosopher* which narrates about the “Fuly people” who were Christian, but worshiped a big oak conjoined with a cherry tree.

The Tepsen large basilica (37.5x21.0 m) represents the third construction period in the history of the complex. It had three apses, a nave and two aisles covered by vaults and one narthex. It was the largest one among the Crimean churches dated back to the 9th–10th centuries. This basilica was most likely the first Cathedral of the Fuly diocese which according K. Zuckerman’s conclusion was established with the active participation of the Patriarch Nicholas Mystikos and Archbishop of Cherson. For the first time the Fuly archdiocese was recorded in the *Notitia 7* of Patriarch Nicholas Mystikos which was made not earlier than the end of the summer of 920.

The analogies of the Tepsen large basilica are in Preslav, first of all the Ruler’s church and the Palace church which are closest to the Tepsen large basilica by the general proportions of the plan and the ratio of some elements, especially of the naos. So, the Tepsen large basilica was built most likely with participation of masters from metropolitan Preslav.

Рис. 1. Крым.

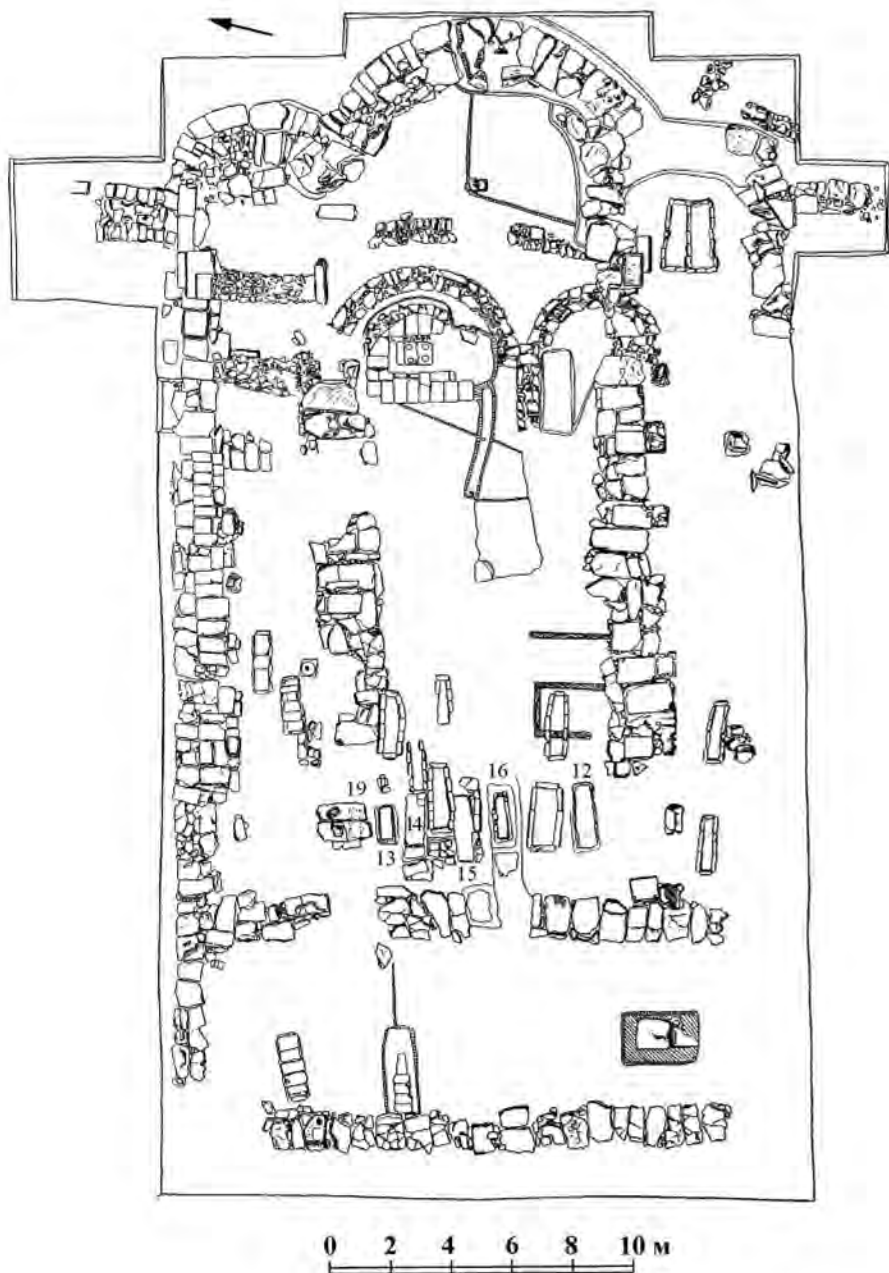

Рис. 2. План большого культового комплекса на плато Тепсе́нь [12, рис. 4].

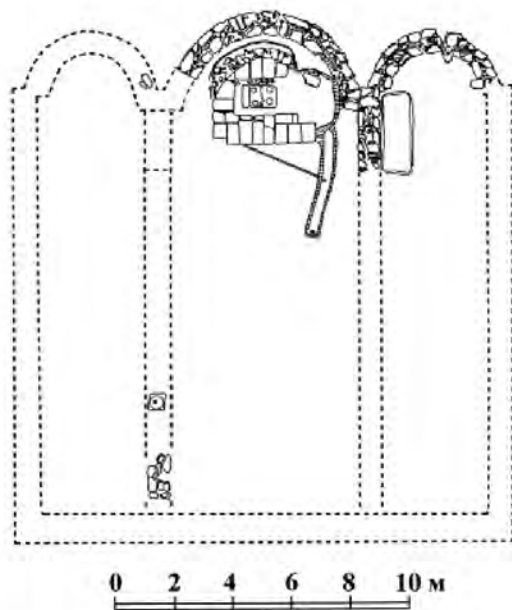

Рис. 3. План-реконструкция ранней базилики культового комплекса на плато Тепсень [на основе плана: 12, рис. 4].

Рис. 4. Сырцовая кладка в центральной апсиде ранней базилики [40, с. 266, рис. 158].

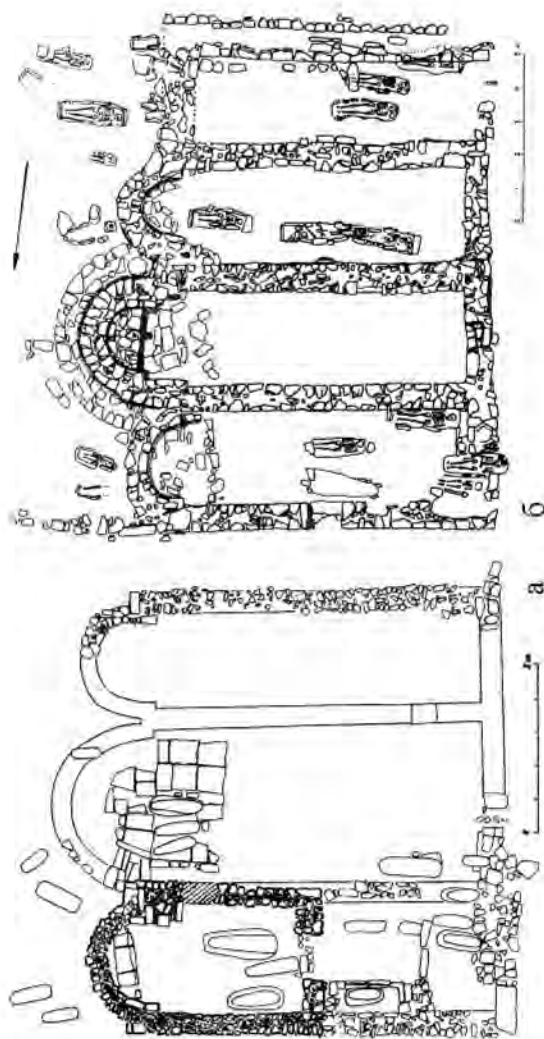

Рис. 5. Базилики Юго-Западного Крыма:
а – около с. Поворотное [53, с. 11, рис. 2], б – около с. Гончарное [70, с. 127, рис. 80].

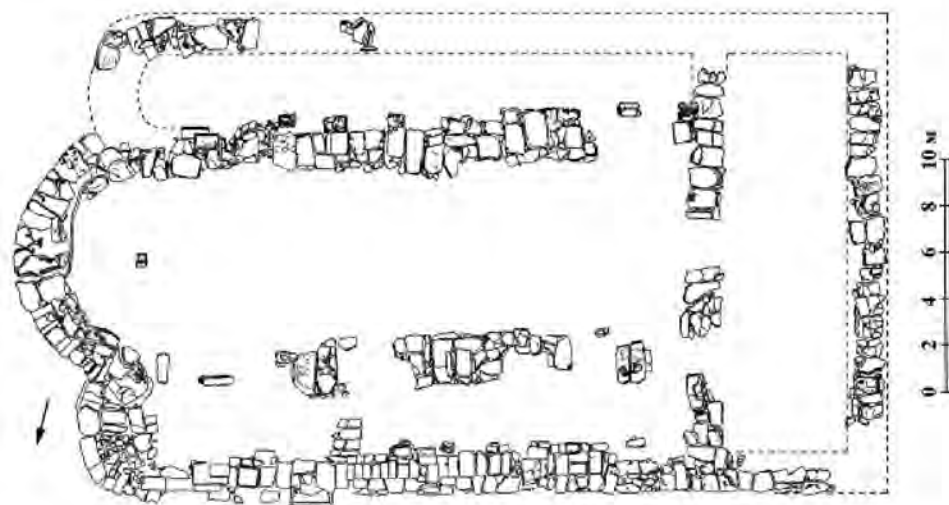

Рис. 6. Большая базилика Тепсены [на основе плана: 12, рис. 4].

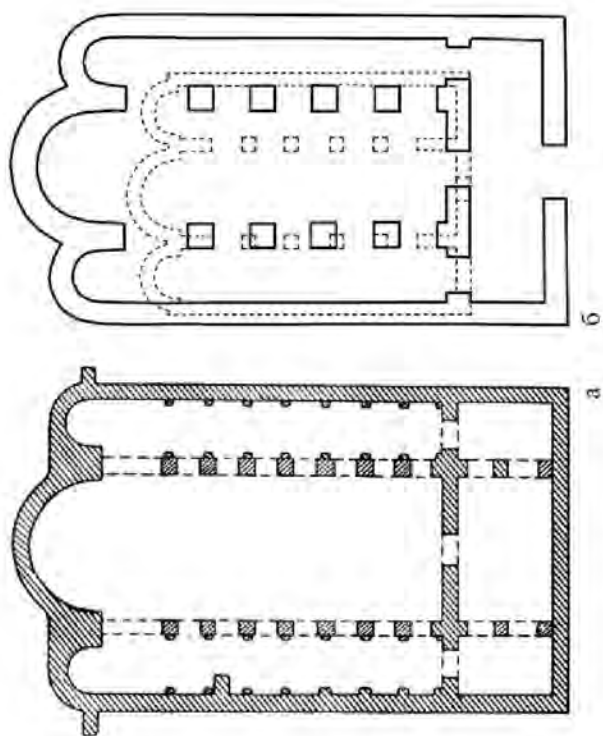

Рис. 7. Реконструкции плана Большой базилики Тепсены: а — по В. П. Бабенчикову [12, с. 109, рис. 10,5], б — по А. Л. Якобсону [67, с. 483, рис. 9,2].

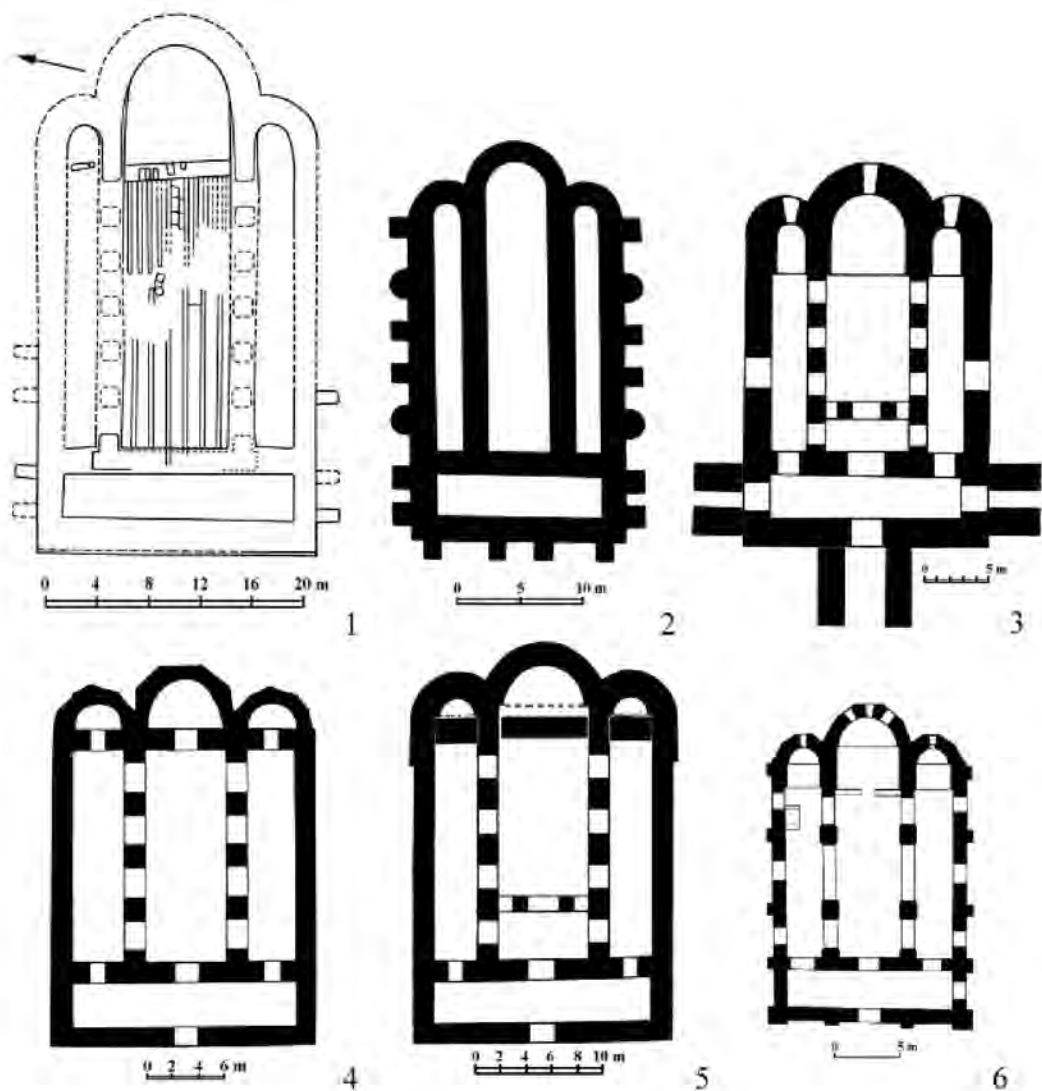

Рис. 8. Базилики Болгарии. Преслав:

1 – Владетельская церковь [18, с. 32, рис. 2], 2 – Дворцовая церковь [25, рис. 8], 3 – Гебе клисе [26, с. 130, рис. 5], 4 – Стамбол йолу [61, с. 85, рис. 67], 5 – Сакалова могила [26, с. 128, рис. 3]; Дуросторум; 6 – Патриаршая базилика [26, с. 132, рис. 6].

А. И. АЙБАБИН

ГОРОД НА ПЛАТО ЭСКИ-КЕРМЕН В XIII в.

О «пещерном городе», расположенном поблизости от плато Мангуп, впервые сообщил Мартин Броневский в составленном в 1578 г. описании «пещерных городов» Крыма. По его словам, неподалеку от Мангупа расположен «древний город и крепость», имени которого уже в то время не знали ни турки, ни татары, ни даже сами греки, называвшие город по имени близлежащей деревни Черкес-Кермен (Черкесская крепость) [1, с. 344]. По свидетельству П. И. Сумарокова, так же «пещерную крепость» именовали и в начале XIX в. [2, с. 47]. В первой трети XIX в. ее уже называли Эски-Керменом (Старой крепостью) [3, с. 249-255, 259-260].

В статьях 1991 и 2013 гг. выявленные на Эски-Кермене в ходе многолетних археологических исследований строительные остатки и пещерные сооружения отнесены к трем периодам жизнедеятельности: ранневизантийскому (конец VI – конец VII вв.), хазарскому (начало VIII в. – 841 г.) и поздневизантийскому (841 г. – конец XIII в.) [4, с. 44-49; 5, S. 171-225].

В ранневизантийский период в конце VI в. на плоской вершине столовой известняковой горы Эски-Кермен (рис. 1-2) византийские инженеры соорудили крепость, в оборонительной системе которой важную роль играли пещерные башни с бойницами и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы. Через бойницы контролировалось пространство между башнями и у подножия плато. Участки между многими пещерными башнями по краю плато защищали оборонительные стены [5, S. 191]. Подобные крепости типичны для горных регионов империи [6, S. 638, 639; 7, p. 193; 8, с. 272]. К концу VII в. крепость расстроили в малый город. В хазарский период оборонительные стены Эски-Кермена засыпали по приказу хазарского военачальника, подавившего антихазарское восстание, вспыхнувшее в Готии между 784 и 787 годами [9, с. 218-219].

Формирование градостроительного облика Эски-Кермена позднего периода началось во второй половине IX в., после включения крепостей Горного Крыма во вновь образованную византийскую фему [9, с. 222-223]. На Эски-Кермене, также как и в других одновременных византийских городах, активизируется городская жизнь

[6, p. 615-616; 10, p. 501-503; 11, p. 32-39]. По периметру плато восстановили такие ключевые элементы оборонительной системы, как упомянутые выше вырубленные башни, казематы и главные ворота (рис. 3). Сводчатое перекрытие этих ворот П. И. Сумароков видел в начале XIX в. [2, с. 48]. Башня, защищавшая главные ворота, функционировала до гибели города. Остатки сложенной из прямоугольных блоков стены башни зачистили в 1929 г. [12, с. 193]. Зафиксированная экспедицией Н. И. Репникова стена делила город на застроенную часть размером более двух третей общей площади плато и на северную незаселенную часть (рис. 1-2) [12, с. 183].

В X-XIII вв. многие византийские города представляли собой хаотичное скопление построенных без соблюдения какого-либо плана домов [6, p. 638, 639; 13, p. 203-204, abb. 11, 12]. Однако на Эски-Кермене сохранили многие созданные в раннее средневековье элементы градостроительного облика: сетку кварталов правильной прямоугольной формы, главную проезжую улицу, проложенную между главными воротами и центральной площадью с большой трехнефной базиликой (рис. 4). На скальной поверхности широкой (до 4,8 м) главной улицы колесами повозок выбиты глубокие колеи. Вторая продольная улица прослеживается на нижней террасе между главной улицей и западным краем плато (рис. 1). Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц прямоугольные кварталы состояли из нескольких усадеб. Кварталы ограничены проулками шириной до 2 м, проложенными на поверхности скалы под прямым углом к широким поперечным улицам.

В средний и поздний византийские периоды управление городами империи осуществлялось не только из находившейся на акрополе резиденции местного правителя, в которой размещались сокровищница, архив, помещение для охраны и тюрьма, но и из церкви. Согласно новелле Юстиниана I, в церкви могли проходить собрания горожан и храниться весовые и метрические стандарты [6, p. 196]. Очевидно, также использовали возведенную одновременно с крепостью в центре плато и неоднократно перестраивавшуюся большую трехнефную базилику (рис. 4) [14, с. 213-254; 5, S. 183]. Остатки резиденции городской администрации все еще не найдены.

Жилые кварталы в 1936-1937 гг. экспедиция ГАИМК исследовала на двух участках: в восточной части плато у восточной калитки и в 130 м к северу от нее (рис. 5). Рядом с восточной калиткой выявлены основания стен двух прямоугольных зданий, разделенных проулком. Сохранившиеся на высоту до 1,5 м стены домов сложены из небольших камней. В стенах на одном уровне сделаны пазы для деревянных связующих бревен [15, с. 277-279]. На втором участке зачищены руины двух прямоугольных кварталов, разделенных улицей шириной 2 м. В одном из кварталов раскрыли остатки прямоугольной усадьбы и часовни, в другом – остатки трех прямоугольных усадеб (рис. 5) [16, с. 69-87]. По предположению Н. И. Репникова, состав и мощность слоя пожара так же, как и этнографические аналогии из Крымского нагорья, свидетельствуют о том, что первый этаж домов сооружали из камня, а второй из дерева [15, с. 277-279].

В 2003-2008 и 2013 гг. экспедиция Крымского отделения Института востоковедения

раскапывала квартал на главной улице в центральной части плато (рис. 6)¹, в котором полностью исследовала руины большой усадьбы I (рис. 6; 7-9; 10,2), а также остатки нескольких помещений усадеб II (рис. 6; 10,1; 11; 12,2), III (рис. 6), часовни и площади перед ней (рис. 6; 12,1).

Усадьба I (рис. 6; 7) состоит из построенных вдоль главной улицы двух прямоугольных помещений 1 (площадью 22,5 м²) и 2 (22 м²) (рис. 8,1), примыкающих к ним с восточной стороны прямоугольных помещений 3 (15,4 м²) и 4 (30 м²), к которым с восточной стороны примыкают прямоугольные помещения 5 (14,75 м²) и 6 (16,2 м²) и большой двор (около 58 м²).

Помещения 1 и 2 связаны входами с главной улицей (ширина 0,9 м), с обеих сторон облицованными поставленными на ребро крупными обработанными блоками. В скальном полу входа в помещение 2 высечены невысокий порог шириной 0,07 м и две ступени шириной 0,26 м, высотой 0,23 и 0,17 м. Ступени и порог сильно истерты. В связи с тем, что центральная часть стены между помещениями 1 и 4 не сохранилась, не ясно, был ли между ними дверной проем.

Помещение 3 дверным проемом связано с помещением 4 и с первой поперечной улицей, а помещение 5 – с той же улицей. Хозяйственный двор связан дверными проемами с помещениями 5 и 6. Откосы и порог упомянутых дверных проемов выложены крупными обработанными прямоугольными известняковыми плитами. Из-за плохой сохранности стен невозможно определить местонахождение, форму и размеры окон. Видимо, оконные проемы также выкладывали прямоугольными блоками.

Стены (толщина 0,6-0,7 м) трехслойные, состоящие из лицевой и внутренней кладок из небольших бутовых камней на грязевом растворе и из забутовки из мелкого камня, обломков черепицы и грунта, сложены на вырубленных в материковой скале цоколях либо на поверхности скалы. В углы закладывали более крупные и подтесанные камни, часто вторичного использования. Стены изнутри обмазывали глиной (рис. 9,2). В строительных работах использовали и известь. В помещении 1 у стены 3 лежала куча раствора из извести, перемешанной с мелкими камнями, фрагментами черепицы и тарной керамики.

Усадьба была двухэтажной. К внешней стороне стен (рис. 7) помещений 1 и 3 (рис. 8,2) пристроены каменные основания лестниц на второй этаж.

Помещения первого этажа были хозяйственными. Их нижняя часть вырублена в скале (рис. 8,1; 10,2). В помещениях 1, 3, 4 и 5 в скальном полу высечены большие ямы неправильной формы с закругленными углами, в которых стояли пифосы, в помещениях 1 и 5 и во дворе вырублены подвалы (рис. 10,2). В некоторых пифосах сохранились зерна ржи. В помещении 5 пифосы стояли и на полу у стен. Один из них поместили в яму, специально обмазанную необожженной глиной (рис. 9,1). В помещении 6 в скале высечена кормушка для домашних животных. Многочисленные

¹ В результате изучения полевой документации раскопок квартала в 2003-2008 и 2013 годах автор в данной статье изменил нумерацию усадеб в квартале.

кости домашних животных (коров, быков, овец, коз и других) обнаружены в подвалах, вырубленных в скальном полу.

Вторые этажи всех упомянутых усадеб, скорее всего, сооружали из дерева. Деревянные перекрытия первого этажа дополнительно подпирали прямоугольными столбами, которые устанавливали в ямы, специально вырубленные в скальном полу помещений первого этажа. Скальную поверхность всех помещений первого этажа и вырубленные в скале подвалы, хранилища и ямы перекрывал мощный слой пожара, насыщенный золой и многочисленными большими гвоздями. Из слоя пожара также извлекли целые и многочисленные фрагменты черепицы от обвалившейся крыши (рис. 13,4) [17, с. 291-306].

К стенам помещений 5 и 6 с востока примыкал хозяйственный двор. Его границы с юга и востока археологически не установлены. В южной части двора вырублены два подвала, а в центральной – хранилище, в углу которого найдено дно пифоса (рис. 12,1).

Усадьба II (рис. 6) в первый строительный период состояла из шести прямоугольных помещений и хозяйственного двора. Восточные стены помещений 1-2 и 5 и двора полностью разрушились в процессе эрозии поверхности данного участка плато. От стены между помещениями 2 и 5 сохранилась только скальная постель. Помещение 4 проемом для широких ворот связано со второй поперечной улицей, дверными проемами – с помещениями 3 и 5. Откосы ворот и упомянутых дверных проемов выложены крупными обработанными прямоугольными известняковыми плитами. В помещении 1 в скале высечены две кормушки для животных, тогда как в помещениях 2, 4, 5 (рис. 10,1) и во дворе зачищены вырубленные большие ямы для пифосов. В процессе перестройки квартала в усадьбе снесли хозяйственный двор, одно из помещений и часть соседнего помещения 1 (рис. 12,2).

В конце IX – X вв. усадьбу II перепланировали. На освободившемся месте построили квартальную часовню, а перед входом в храм спланировали небольшую площадь (рис. 6) [5, S. 208-209, Abb. 28; 29; 38; 18, с. 422; рис. 2-3].

В усадьбе III зачищены два прямоугольных помещения 1 и 2 с вырубленными в скальном полу большими ямами для пифосов, внутренний двор и три подвала.

Рассмотренные археологические свидетельства весьма красноречиво характеризуют экономику города. Как отмечалось выше, во всех усадьбах в хозяйственных помещениях выявлены вырубленные в скале зернохранилища с пифосами (рис. 10,1; 13,2), каменные мукомольные жернова (рис. 13,3) и ямы для ручных мельниц, а также кормушки для домашних животных. В слое пожара в помещениях и на улицах рядом со стенами усадеб найдены железные серпы (рис. 13,4; 14,7-10), виноградные (рис. 14,6) и садово-виноградарские ножи (рис. 14,5), мотыга, скребницы (рис. 14,3) и щетка для чесания шерсти (рис. 14,4), бронзовый (рис. 14,2) и железный (рис. 14,1) колокольчики для домашнего скота. Даже беглый перечень археологических материалов указывает на преобладание в рассматриваемый период в экономике города основных отраслей сельского

хозяйства – выращивания и переработки злаков, виноградарства, садоводства, огородничества и животноводства.

Земельные наделы жителей Эски-Кермена в XI-XIII вв., скорее всего, находились в окружающих склоны балках с плодородным почвенным слоем и на спланированных на территории заброшенного некрополя террасах с подпорными стенками, сложенными из необработанных камней. В 2003 г. на одном из наделов зачищены водосточная канава и резервуар для воды с облицованными бутовыми камнями бортами.

По наблюдениям О. П. Журавлева, исследовавшего остеологический материал из раскопок 2004-2005 гг. на городище Эски-Кермен, в XIII в. ведущее место в животноводстве занимало разведение мелкого рогатого скота, в основном овец и коз, на втором месте было свиноводство, а на третьем – разведение крупного рогатого скота. Жители Эски-Кермена разводили полутонконогих лошадей, которые использовались и как верховые, и как упряжные, и как тягловые животные. Для перевозки грузов также разводили ослов.

Имеются сведения и о других отраслях экономики. Например, о производстве шерстяных пряжи и нитей, а значит, и о ткацком деле позволяют говорить находки щеток для чесания шерсти, а также многочисленных керамических и каменных пряслиц – грузиков для веретен [18, с. 451, рис. 19,3,4]. Щетки аналогичны обнаруженным на поселении близ с. Передовое [19, с. 90, рис. 51,1] и в одновременных усадьбах Херсона [20, с. 253, 256, рис. 90; 21, с. 236-237, рис. 5; 22, с. 150; 23, с. 213, 252, рис. 18,1,2; 24, с. 357-358, 367; 25, с. 216, 262, рис. 20]. Прядение было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности, им занимались почти в каждой семье. Известно, что еще с эпохи античности в Северном Причерноморье отдавали предпочтение шерстяным тканям. Сырья для их изготовления было достаточно, поскольку овец разводили повсеместно [26, с. 87].

В городской экономике заметную роль играла торговля. Возможно, городской лавкой (салдамарием) являлось помещение 2 в усадьбе I. Оно изолировано от соседних помещений и имеет выход только на главную улицу. В скальном цоколе его стены под помещением 4 вырублен подвал с лестницей с широкими ступенями (рис. 8,1). Такие лавки располагались как на улицах византийских городов, так и на рынках [27, р. 461; 28, р. 726-727; 29, с. 309]. Их деятельность в византийских городах регламентировала составленная в начале X в. «Книга эпарха»: «салдамарии могут открывать свои эргастерии по всему городу, на площадях и улицах, чтобы можно было легко найти необходимые для жизни предметы потребления». В них наряду с продуктами продавали «веревки, льняные нитки, гипс, глиняную посуду, бутылки, гвозди и также всевозможные прочие товары» [30, с. 63].

В слое разрушения городища монеты не так многочисленны, как в Херсонесе. В публикациях материалов экспедиции ГАИМК сообщается лишь о находке в 1936 г. на полу помещения бронзовой херсонской монеты Романа I Лакопина (920-944 гг.), а в подвале того же дома золотой монеты Феодора II Ласкариса (1254-1258 гг.) [15, с. 279-280]. Современные нумизматы уточнили хронологию выпуска многих брон-

зовых херсонских монет, относившихся к Роману I [31, с. 117-124; 32, с. 187-191]. К сожалению, отсутствие описания херсонской монеты в публикации и в хранящемся в ИИМК отчете затрудняет ее более точное определение. В отчете же о раскопах экспедиции сказано, что в исследованном не в 1936, а в 1937 г. подвале с названной золотой монетой найдены три восточные серебряные монеты [33, с. 28-29]. Однако данная статистика не характеризует реальное обращение монет. Ведь в результате использования металлодетектора на небольшом участке городища в 2003-2008 и 2013 гг. в слое пожара на участках найдены 23 византийские и херсоно-византийские монеты², в том числе две монеты Льва V (457-474 гг.), одна Ираклия (610-640 гг.), две Василия I (867-886 гг.), одна Льва VI (886-912 гг.), одна Константина VI (913-959 гг.), выпущенная в 920-944 гг., одна Константина и Романа V (948-959 гг.), одна Иоанна Цимисхия (969-976 гг.), одна Константина X (1059-1067 гг.), две электроовые Никифора III Вотаниата (24 марта 1078 г. – 4 апреля 1081 г.), биллоновая Мануила I Комнина (1143-1180 гг.), три монеты с монограммой «ро» диаметром 25 мм, одна диаметром 24 мм и две с гладкой обратной стороной диаметром 22 мм. В. А. Анохин привел веские аргументы в пользу выпуска херсоно-византийских бронзовых монет с монограммой «ро» диаметром до 25 мм в годы правления Романа IV Диогена – в 1067-1071 гг. [31, с. 123-124]. По предположению Н. А. Алексеенко, серию монет с монограммой «ро» диаметром 22 мм выпускали с начала XIII в. до начала 1260-х гг. [32, с. 189-190]. Сам факт находки в слое разрушения разновременных византийских монет свидетельствует об использовании жителями города как ранних, так и поздних монет до гибели городища.

Судя по амфорам и поливной керамике и монетам из слоя разрушения, жители городища вели активную торговлю с Херсоном и городами, расположенными на территории распавшейся в 1204 г. византийской империи.

По поводу даты гибели города на Эски-Кермене высказывались противоречивые мнения. По словам Н. Л. Эрнста, свидетельство М. Броневского позволяет говорить о запустении Эски-Кермена в XV в. [34, с. 41]. Н. И. Репников датировал культурный слой на городище V-XII вв. По его мнению, «всаяческая жизнь на городище умерла в XIII в.» [35, с. 150]. В 1936 г. экспедиция Н. И. Репникова в раскрытых у восточной калитки домах обнаружила керамику XII-XIII вв. и монету 1255-1259 гг., позволившие ему датировать гибель городища второй половиной XIII в. [15, с. 279-280]. По мнению А. Л. Якобсона и М. А. Тихановой, городище в 1299 г. уничтожили татарские войска Ногая [36, с. 37; 37, с. 99-101, 104, 169; 19, с. 19; 38, с. 329]. Е. В. Веймарн считал, что поселение существовало до конца XIII в. [39, с. 54; 16, с. 84-85]. В моей статье перечислены обнаруженные на плато находки XIV в. и высказано предположение о разрушении городища в конце XIV в. в результате набега войск Едигея [4, с. 49]. В. Л. Мыц, ссылаясь на одну из приписок на полях синаксаря из Сутдеи, писал о разгроме Херсона и городищ Юго-Западного Крыма, в том числе и

² Глубоко признателен В. А. Сидоренко за определение монет.

на плато Эски-Кермен, в результате первого набега Ногая в 1278 г. [40, с. 66]. С ним согласились Л. А. Голофаст и С. А. Рыжов [23, с. 224; 41, с. 20-28].

Для обоснования даты гибели городища важны извлеченные из слоя разрушения поздние амфоры, трехручные, поливные и стеклянный сосуды³, а также монеты.

Многочисленны круглодонные желобчатые амфоры с сильно расширенным туловом, коротким горлом и высоко поднятыми над горлом дуговидными массивными ручками класса 45 по херсонесской классификации 1995 г. (далее ХК-95) [15, с. 281, табл. XLIV,2; 42, с. 73-77] (рис. 15). На некоторых стенках амфор имеются граффити, представляющие собой фрагменты надписей, буквы (рис. 15,3а) и геометрические фигуры. На одном фрагменте схематично изображен святой воин в остроколенном головном уборе с крестом на щите (рис. 15,2). Как полагал А. Л. Якобсон, в Херсонесе такого рода амфоры использовали в качестве домашней тары для хранения зерна и мелкой рыбы (хамсы) [43, с. 111-113, рис. 69,1-4]. В Юго-Западном Крыму и в Причерноморье однотипные амфоры встречены в слоях XIII-XIV вв. [44, с. 256, рис. 1,4; 41, с. 26, рис. 4; 43, с. 111-113, рис. 69,1-4; 45, рис. 18,246, с. 87, рис. 13; 23, с. 193-194]. По утверждению Н. Гюнзенин, в Византии данные амфоры использовали в XII-XV вв. [47, р. 31-34]. Она аргументированно локализовала их производство в Ганосе в Турции [48, р. 193-197; 49, р. 167-178].

В рассматриваемом слое не менее многочисленны фрагменты двуручных плоскодонных амфор [15, с. 281, табл. XLIV,4], с покрытой желтым ангобом внешней поверхностью и бугристой внутренней, класса 52 по ХК-95 [42, с. 83-88]. По декору амфоры можно разделить на два варианта: 1 – не орнаментированные (рис. 16,3,3а), 2 – поверхность высокого горла украшена рядами насечек, а поверхность тулова – волнистым и линейным зональным орнаментом (рис. 17,1-3,5). Амфоры класса 52-1 преобладают в слоях второй половины XIII – XIV вв. в Херсоне и считаются продукцией местных херсонесских мастерских [43, с. 111-113; 23, с. 194]. На Пелопоннесе и в Коринфе однотипные амфоры найдены в слое последней четверти XIII – первой четверти XIV вв. [50, р. 196, 198, 199, fig. 5]. Амфоры класса 52-2, помимо Эски-Кермена, найдены в Херсоне в Портовом районе в слое разрушения XIV в. [42, с. 84-85, табл. 42,181-183].

Обнаруженные в слое разрушения амфоры с высоко поднятыми над горлом ручками и удлинненным бороздчатым корпусом класса 48 по ХК-95 [42, с. 78-79, табл. 41,171] (рис. 16,2) или тип III по Н. Гюнзенин известны в Херсоне, Малой Азии, на Балканах и в Киевской Руси [51, р. 271, 273, fig. 8; 47, р. 28-30, fig. 16]. Время их появления по находкам из верхнего слоя Белой Вежи относят к началу XII в. [43, с. 111; 42, с. 78-79, рис. 68,6-8; 52, рис. 73,9]. В поздневизантийских центрах однотипные амфоры изготавливали в XII-XIV вв. [51, р. 271, 273; 47, р. 29-30].

³ В статье использована керамика из отчетов о раскопках на Эски-Кермене в 2003-2008 гг. Выражаю свою признательность Л. А. Голофаст и А. В. Смокотиной за подготовку полевой описи гончарной и лепной керамики из раскопок.

Трехручные плоскодонные сосуды с яйцевидным туловом (рис. 1,3) [15, с. 280, 281, табл. XLIV,3] класса 51 по ХК-95 встречены в Херсонесе в слоях XIII-XIV вв. [43, с. 113-114, рис. 69,8,9; 42, с. 84; 23, с. 194-195].

В слое разрушения и пожара среди фрагментов поливных сосудов выделены целые формы и фрагменты красноглиняных и белоглиняных сосудов.

Среди красноглиняной керамики выделяются фрагменты группы Зевксиппа. Склеено блюдо (рис. 18) из светло-коричневой глины со сферическим туловом, широким отогнутым бортиком и низким, коническим в сечении поддоном со следами от трипода. Внутренняя поверхность блюда покрыта бледно-желтой поливой, наложенной на белый ангоб, и украшена врезными концентрическими окружностями. На поверхности бортика тонкой, врезной, заполненной коричневой краской линией выполнены стилизованные деревья и треугольники, вписанные в чередующиеся изображения бутонов и треугольников. Наружная поверхность бортика покрыта наложенной на глину зеленоватой поливой и короткими и длинными «подтеками» белого ангоба.

К той же группе отнесен красноглиняный кубок (рис. 19,4) с коническим туловом, с простым вертикальным венчиком с заостренным краем и плоским слегка заощенным дном на слабо выраженном сплошном поддоне. Его поверхность снаружи и изнутри покрыта бледно-желтой поливой, наложенной на слой плотного белого ангоба, и прочерченными горизонтальными широкими полосами. Верхняя часть кубка декорирована поясом вертикального мелкогребенчатого орнамента, чередующегося с S-видным.

Поливные сосуды группы Зевксиппа были широко распространены на Восточном побережье Эгейского моря, на Кипре, в прибрежных районах Ближнего Востока [53, р. 84-86; 54, р. 195-196; 55, р. 47-48; 56, р. 91-96; 57, р. 22] и в Херсоне [43, с. 122-128; 23, с. 200-204]. Принято считать, что рассматриваемые сосуды делали в последние десятилетия XII – первой половине XIII вв. [54, р. 195-196; 58, р. 264; 57, р. 22; 23, с. 203]. Однако G. Sanders и V. François отмечали использование однотипных сосудов до конца XIII в. [54, р. 196; 56, р. 92-93].

Эгейская группа представлена немногочисленными фрагментами красноглиняных блюд на массивном низком кольцевом поддоне с внутренней поверхностью, покрытой наложенной на ангоб плотной желтой блестящей поливой и геометрическим или растительным декором, выполненным толстой глубокой врезной линией (рис. 19,3; 20,6,7). А. Л. Якобсон однотипный сосуд из раскопок на Эски-Кермене в 1937 г. включил в группу 3 поливных сосудов из Херсона [43, с. 128, рис. 81,2]. Эгейская группа содержится в слое конца XII – начала XIII вв. из раскопок в Фивах [59, р. 313] и Фессалониках [57, р. 144], а также в Херсоне в слоях XII в. [23, с. 200, рис. 12,7] и XIII-XIV вв. [43, с. 128, 131, рис. 81,1,3; 23, с. 200].

Фрагменты красноглиняных полихромных сосудов с графическим рисунком, выполненным толстой врезной линией, процарапанной сквозь слой белого ангоба, отнесены к группе 6 по Якобсону [43, с. 133, 135, 138, 140, рис. 84-88]. Найдены фрагменты однотипной чаши с почти горизонтально отогнутым бортиком, покрытой

бледно-желтой блестящей поливой и резным орнаментом зеленого и коричневого цветов (рис. 20,1). А. Л. Якобсон считал, что сосуды этой группы в XIII в. изготавливали в Херсоне [43, с. 133, 140]. По мнению Л. А. Голофаст, данная керамика по орнаментике подобна сосудам группы Port St. Symeon Ware, получившей название по месту производства в порту Сен Симеон (араб. Аль-Мина), располагавшемся на территории Принципата Антиохии [23, с. 208]. В Сен Симеон рассматриваемая керамика найдена в слоях с монетами первой половины XIII в., возникших в период господства крестоносцев [60, р. 115-116; 61, р. 356].

В группу 7 А. Л. Якобсон выделил красноглиняную монохромную керамику с глубоким резным рисунком, аналогичным по технике изготовления сосудам группы 6 [43, с. 140, 142, 143, рис. 89,90]. Из слоя разрушения извлекли фрагменты сосудов открытого типа (рис. 21,1-2), покрытые монохромной светло-желтой глазурью по светлому ангобу на внутренней поверхности, с врезным линейным и растительным орнаментом, с подцветкой коричневой и зеленой красками. По мнению А. Л. Якобсона, однотипные сосуды производили в Херсоне в XIII-XIV вв. [43, с. 140, 142].

Фрагменты сосудов из светло-коричневой глины с подглазурной росписью ангобом, покрытые желтой (рис. 20,4) или практически бесцветной, блестящей (рис. 21,3) поливой, типичны для группы 8 по Якобсону. По его мнению, данную керамику использовали в Крыму на рубеже XIII-XIV вв. или в XIV в. [43, с. 144].

Фрагменты монохромной белоглиняной керамики немногочисленны. Из четырех фрагментов склеено цилиндрическое тулово плоскодонной бутылки (рис. 19,2) из светло-розовой глины, плавно сужающееся в верхней части. Наружная поверхность тулова и дна покрыта желтовато-коричневой поливой невысокого качества. В верхней части тулова просверлено круглое отверстие диаметром 0,6 см для подвешивания кувшинчика. Похожие сосуды из розовой глины найдены в Херсоне в слое пожара XIII в. [23, с. 213, рис. 12,10,11].

Белоглиняная керамика с подглазурной росписью марганцевой краской (рис. 20,2,3,5) характерна для группы 9 по Якобсону или типа Hayes GWW IV (Glazed White Ware IV) [43, с. 144, 146; 55, р. 30-33]. По фрагментам восстановлена форма кувшина с узким, расширяющимся кверху горлышком со слегка отогнутым наружу непрофилированным венчиком, яйцевидным туловом, двуствольной ручкой и невысоким сплошным цилиндрическим поддоном. Тулово и горлышко украшены вертикальными рядами крупных коричневых точек, нанесенных марганцем (рис. 19,1). Склеены также кувшин и чаша. Кувшин (рис. 21,4) с отогнутым округлым венчиком, цилиндрическим горлом, овальной ручкой под краем венчика, каплевидным туловом и плоским дном покрыт монохромной зеленой поливой. Чаша (рис. 22) на высоком кольцевом поддоне покрыта монохромной бледно-зеленой глазурью с росписью коричневой краской на внешней стороне. В Херсоне керамика типа Hayes GWW IV обнаружена в слоях XIII в. [23, с. 210-213].

Почти все рассмотренные выше группы керамики производились довольно длительное время в XII-XIV или XIII-XIV вв. Поливную керамику группы Зевксиппа

делали с конца XII до середины XIII вв., но использовали до конца столетия. Самыми поздними являются фрагменты сосудов из светло-коричневой глины с подглазурной росписью ангобом группы 8 по Якобсону (рис. 20,4; 21,3), относимой к рубежу XIII-XIV вв. или к XIV в. [43, с. 144]. Керамический комплекс позволяет отнести слой разрушения ко второй половине или концу XIII в. На эту дату указывают как византийская стеклянная лампада (рис. 16,1) второй половины XIII в. из захоронения в квартальной часовне [18, с. 425, рис. 14,3], так и монеты, которые ограничивают его дату второй половиной XIII в. Следует учесть, что одна из монет второй половины XIII в. найдена в 1937 г., а две другие – в 2013 г. Поскольку в настоящее время на городище раскопано всего несколько кварталов, то мы не можем считать эти монеты самыми поздними в слое пожара. Кто знает, какие монеты будут найдены через год, десять лет и т.д.

Время разрушения городских кварталов на Эски-Кермене нельзя, как это сделал В. Л. Мыщ, связывать с набегом татарского полководца Ногая в 1278 г. Ведь в приписке на полях Судакского Синаксаря, на которую он ссылается, сказано только об убийстве татарами 28 мая 1978 г. жителей Сугдеи [62, Σελ. 129, № 52], а о нападении на город войска Ногая сообщается в приписке от 20 декабря 1298 г. [62, Σελ. 127, № 104].

Письменные источники достаточно подробно освещают военную и политическую деятельность Ногая [63; 64; 65, с. 169-172, 181-195]. В 1261-1266 гг. он командовал войсками хана Берке (1257-1266 гг.) в Закавказье [64, с. 9-15]. Хан Менгу-Темир (1266/7-1280 гг.) в 1267 г. послал Ногая в низовья Дуная. Г. В. Вернадский предположил, что Менгу-Тимур признал Ногая верховным правителем нижнедунайского региона [65, с. 172]. По словам византийского историка Георгия Пахимера (1242-1310), Ногай, присланный ханами в низовья Дуная, отделился от Золотой Орды. Георгий Пахимер в перечне подвластных Ногаю народов называл готов и алан [66, II, р. 445,5-18]. Согласно Пахимеру, Ногай женился на побочной дочери Михаила Палеолога [66, I, р. 303,29-31]. Н. И. Веселовский датировал это событие 1273 г. [64, с. 29]. Принято считать, что в труде Пахимера идет речь о Крыме. Однако, по словам Ибн Биби, хан Берке в 1265 г. отдал Солхад (Солхат) и Сутак (Судак) Изз-ад-дину Кайкавусу в ленное владение. После его смерти в 1280-1281 г. Солхат перешел к старшему сыну Изз-ад-дина Кайкавуса Гияс-ад-дину Масуду [63, с. 263; 67, с. 467]. Как явствует из сочинения Рукн-ад-Дина Бейбарса, после кончины хана Менгу-Тимура Ногай управлял родственниками Берке, смещая неугодных ему ханов, и приводил к власти тех, кто ему нравился [63, с. 56-59; 64, с. 22]. В большинстве русских летописей Ногай именовали ханом, так же как избранного курултаем хана Туда-Менгу (1282-1287 гг.) [65, с. 181]. Ибн Халдун в повествовании о событиях 1288-1291 гг. называл Ногай правителем орды в странах Севера, который имел полную власть над ханами из рода Джучи [63, с. 171-172; 64, с. 23]. В сочинении Рукн-ад-Дина Бейбарса рассказывается о захвате Ногаем Крыма после разгрома войск Токты (1290-1312 гг.) в 697 г. (1298 г.), тогда как в приписке на полях данного сочинения сказано, что Токта подарил Ногаю Крым [63, с. 60-61, 69]. По предположению Н. И. Веселовского, Токта

мог сделать такой подарок за помощь Ногая при возведении на ханский престол в 1291 г. [64, с. 42-43]. В том же сочинении говорится о разгроме войсками Ногая в 1298-1299 гг. Каффы, Керчи, Херсона и других городов [63, с. 69]. Об осаде и разгроме в 1298-1299 гг. Ногаем Судака сообщают и Ибн-Муфаддаль [63, с. 195; 64, с. 47] и упомянутая выше приписка на полях Судацкого Синаксаря.

Вероятно, тогда же на пути к Херсону войска Ногая разрушили и город на плато Эски-Кермен. Во время раскопок выявлены красноречивые доказательства разгрома. В 1936 г. в подвале одного из помещений нашли скелеты женщины, мужчины и ребенка со следами сабельных ударов на черепках. На костях женщины лежала золотая монета никейского императора Феодора II Ласкариса (1254-1258 гг.) [15, с. 279-280]. В 2008 году при зачистке второй поперечной улицы найден скелет человека, лежавшего лицевыми костями в слое пожара (рис. 23). Раскрытый в 2013 г. подвал был заполнен грунтом, содержащим многочисленные камни от кладок, обломки черепицы, тарной и столовой керамики. В заполнении подвала найдены разрозненные человеческие кости и детали женского парадного убора, состоящего из пары серебряных серег и бронзовых двух перстней и кольца. Обнаружение на разных участках городища в слое разрушения и в засыпанных этим слоем подвалах останков погибших от пожара и непогребенных людей, безусловно, свидетельствует как о одновременной гибели города, так и о том, что после пожара его не восстанавливали.

Однако на плато выявлены свидетельства сохранения церковной жизнедеятельности и в XIV в. В XIV в. к руинам главной базилики пристроили часовню. У базилики найдена высеченная из местного известняка надгробная модель крестовокупольного храма XIV в. Продолжали функционировать вырубленные в XIII в. пещерные храмы с фресками [4, с. 49; 68, с. 282-283].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Броневский Мартин.* Описание Крыма / Пер. М. Мачинской и А. Герцена, предисл. и коммент. А. Герцена // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10.
2. *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1805.
3. *Кеппен П. И.* О древностях Южного Берега и гор Таврических. СПб., 1837.
4. *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
5. *Ajbabın A. I.* Die mittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdik. Mainz, 2013. (RGZM. Band 113).
6. *Bouras Ch.* City and Village: Urban Design and Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1981. 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten 1/2.
7. *Ousterhout R. G.* Secular Architecture // The Glory of Byzantium / Ed. H. C. Evans and W. D. Wixom. New York, 1997.
8. *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

9. *Айбабин А. И.* Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
10. *Bouras Ch.* Aspects of the Byzantine City, Eighth – Fifteenth Centuries // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. A. E. Laiou. Washington, 2002.
11. *Kazhdan A. P., Epstein A. W.* Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
12. *Репников Н. И.* Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. Ленинград, 1932. Вып. XII.
13. *Rheidt K.* Byzantinische Wohnhäuser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamon // DOP. Washington, 1990. 44.
14. *Шмит Ф. И.* Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. Л., 1932. Том XII.
15. *Репников Н. И.* Городище Эски-Кермен // *Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг.* М.; Л., 1941.
16. *Веймарн Е. В.* Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // АДСВ. Свердловск, 1982. Вып. 19.
17. *Завадская И. А.* Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
18. *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
19. *Яacobсон А. Л.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
20. *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. М.; Л., 1941. № 4. Археологические памятники Боспора и Херсонеса.
21. *Белов Г. Д.* К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // СА. 1941. VII.
22. *Белов Г. Д., Яacobсон А. Л.* Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // МИА. М.; Л., 1953. № 34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма.
23. *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
24. *Голофаст Л. А.* Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
25. *Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р.* Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
26. *Герцигер Д. С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства / Науч. ред. К. С. Горбунова. Л., 1973.
27. *Dagron G.* The Urban Economy, Seventh – Twelfth Centuries // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. A. E. Laiou. Washington, 2002.
28. *The Oxford Dictionary of Byzantium.* New York; Oxford, 1991.
29. *Голофаст Л. А.* Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
30. *Византийская книга епарха* / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М., 1962.
31. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.

32. *Алексеевко Н. А.* К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСБ. Севастополь, 1996. Вып. VII.
33. *Веймарн Е. В.* Археологический дневник Эски-Керменской экспедиции // Архив ИИМК. Фонд № 2. Оп. 1. Д. 255.
34. *Эрнст Н. Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. III.
35. *Репников Н. И.* Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Л., 1932. Вып. XII.
36. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
37. *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
38. *Тиханова М. А.* Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34.
39. *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
40. *Мыц В. Л.* О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Международная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов. Симферополь, 1997.
41. *Рудаков В. Е.* Материалы XII-XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.) // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 12.
42. *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург, 1995.
43. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
44. *Талис Д. Л.* Позднесредневековая керамика Тепе-Кермен // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
45. *Кравченко А. А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.). Киев, 1986.
46. *Волков И. В.* Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
47. *Günsenin N.* Les Amphoras Byzantines (Xe-XIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections turques. Thèse de Doctorat Université Paris I (Panthéon-Sorbonne). 1990.
48. *Günsenin N.* Ganos centre de production d'amphores à l'époque byzantine // Anatolia Antiqua. Paris, 1993. T.2.
49. *Günsenin N.* Ganos: resultants des campagnes de 1992 et 1993 // Anatolia antique. Paris, 1995. Vol. III.
50. *Sanders G.* Three Peloponnesian churches and their importance for the chronology of Late 13th and Early 14th century pottery in the Eastern Mediterranean // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
51. *Günsenin N.* Recherches sur les Amphores Byzantines dans les musées Turcs // BCH. 1989. Suppl. XVIII.
52. *Плетнева С. А.* Древнерусский город в кочевой степи // МАИЭТ. 2006. Suppl. 1.
53. *Megaw A. H. S.* Zeuxippus Ware // Annual of the British School at Athens. 1968. No. 63.
54. *Sanders G.* Three Peloponnesian churches and their importance for the chronology of the late 13th and Early 14th century pottery in the Eastern Mediterranean // Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athènes. Athens, 1989.
55. *Hayes J. W.* The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
56. *François V.* La céramique Byzantine à Thasos // Études Thasiennes. Athènes, 1995. XVI.

57. *Papanikola-Bakirtzi D.* Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
58. *Megaw A. H. S.* Zeuxippus Ware Again // *Recherches sur la céramique Byzantine. Actes du colloque organisé par l'Ecole Française d'Athènes.* Athens, 1989.
59. *Armstrong P.* Byzantine Thebes: Excavations on the Kadmeia, 1980 // *BSA.* 1993. 88.
60. *Kubiak W. B.* Crusaders' Pottery of Al-Mīnā Found at Fuṣṭāṭ // *Folia Orientalia.* 1970. Tome XII.
61. *Ševčenko N.* Some 13th century Pottery at Dumbarton Oaks // *DOP.* Washington, 1974. 28.
62. *Νυσταζοπούλου Μ. Γ.* Η εν Τῆ Ταυρικῆ Χερσονήσῳ Πολις Σουγδαλα. ΑΘΗΝΑΙ, 1965.
63. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. М., 2003.
64. *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // *ЗРАН.* Петроград, 1922. Т. XIII. № 6.
65. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.
66. *Pachymeres G.* Relations historiques / Ed. par A. Failler; Trad. par V. Laurent. Paris, 1984.
67. *Бартольд В. В.* Крым // *Сочинения.* М., 1965. Т. 3: Работы по исторической географии.
68. *Айбабин А. И.* Города и степи Крыма в XIII-XIV вв. по археологическим свидетельствам // *МАИЭТ.* 2003. Вып. X.

Айбабин А. И.

Город на плато Эски-Кермен в XIII в.

Резюме

Для выяснения времени гибели городища необходимо рассмотреть как материалы археологических исследований, так и свидетельства письменных источников.

Почти все рассмотренные выше группы керамики производились довольно длительное время в XII-XIV или XIII-XIV вв. Поливную керамику группы Зевксиппа делали с конца XII до середины XIII вв., но использовали до конца столетия. Керамический комплекс позволяет датировать слой разрушения XIII в., а монеты ограничивают его дату второй половиной XIII в. Однако время разрушения городских кварталов на Эски-Кермене нельзя, как это сделал В. Л. Мыц, связывать с набегом татарского полководца Ногая в 1278 г. Ведь в приписке на полях Судакского Синаксаря, на которую он ссылается, сказано только об убийстве татарами 28 мая 1278 г. жителей Сугдеи, а о нападении на город войска Ногая сообщается в приписке от 20 декабря 1298 г. В сочинении Рукн-ад-Дина Бейбарса рассказывается о захвате Ногаем Крыма после разгрома войск Токты (1290-1312 гг.) в 697 г. (1298 г.), тогда как в приписке на полях данного сочинения сказано, что Токта подарил Ногаю Крым. В том же сочинении говорится о разгроме войсками Ногая в 1299 г. Каффы, Керчи, Херсона и других городов. Вероятно, тогда же на пути к Херсону войска Ногая разрушили и город на плато Эски-Кермен. После этого погрома жилые кварталы не восстанавливались. Однако на плато выявлены свидетельства сохранения церковной жизнедеятельности и в XIV в.

Aibabin A. I.

City on the Plateau of Eski-Kermen in XIII century

Summary

To clarify the date of destruction of the site it is necessary to consider the materials of archaeological research and the evidence of written sources.

Almost all the groups of ceramics under examination were produced for a long time during the period of the 12th-14th centuries or in the 13th-14th centuries. Glazed ceramic wares of Zeuksipp group were manufactured from the end of the 12th – to the mid-13th centuries but they were used till the end of the century. The ceramic complex enables to date the layer of destruction by the 13th century and coins restrict its date by the second half of the 13th century. However, the period of destruction of city blocks on Eski-Kermen must not be connected with the raid headed by the Tatar military leader Nogai in 1278; it was done by V. L. Mytz. He referred to the addition on the margins of Sudak Synaxarium; though it informs only about the murder of the people in Sougdaia by the Tatars on the 28th of May, 1278, but the information about the attack of Nogai's army on the city was given in addition from December 20, 1298. In the work by Rukn ad-Din Baybars the seizure of the Crimea by Nogai after the defeat of Tocta's army (1290-1312) in 697 (1298) is described. However, in the addition on the margins of this work, it is said that Tocta presented Crimea to Nogai. In the same work the defeat of Kaffa, Kerch and Cherson by Nogai's army in 1299 is given. Probably, at the same time, on the way to Cherson Nogai's army destroyed the city on the plateau of Eski-Kermen as well. After that massacre the residential blocks were not restored. However, on the plateau the evidences of preserving church activities in the 14th century were revealed.

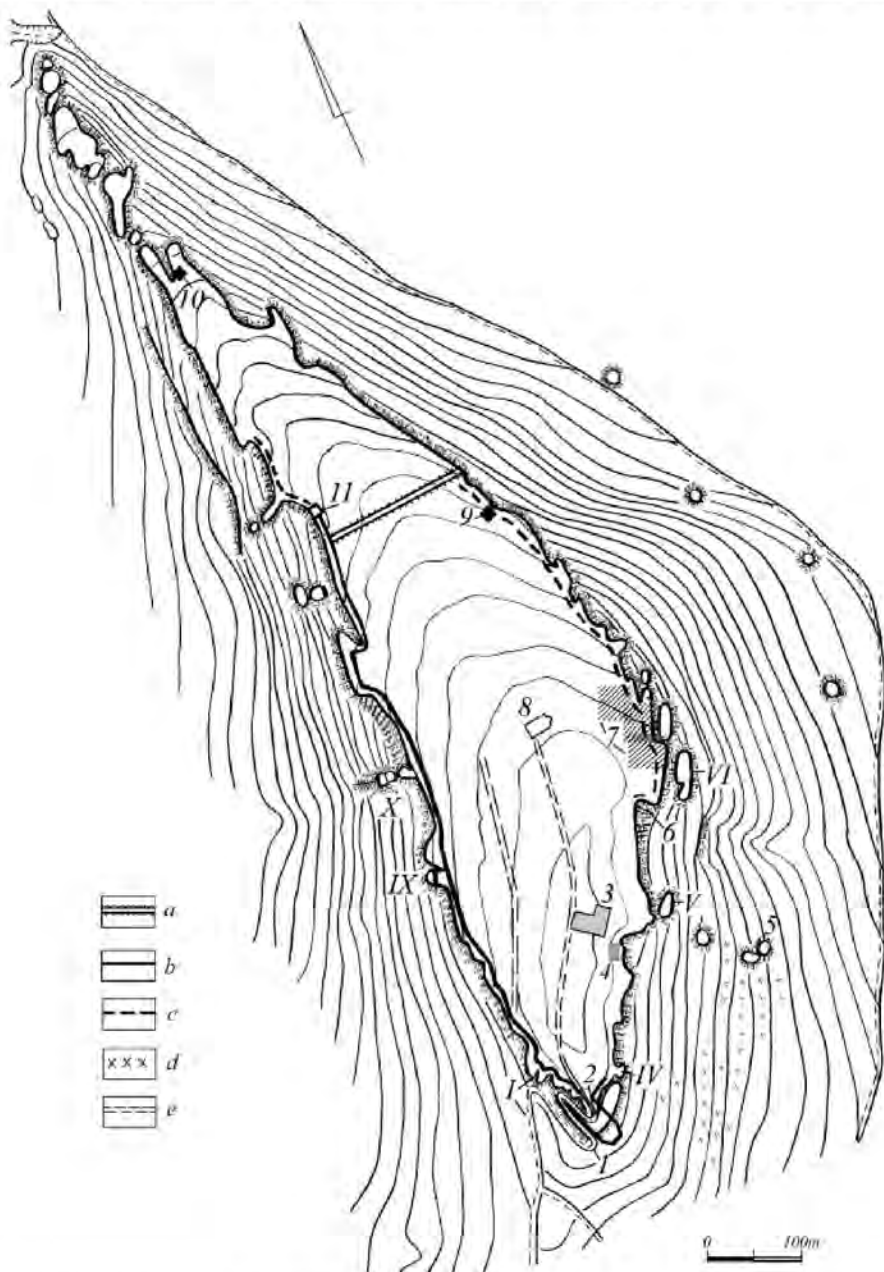

Рис. 1. Ситуационный план городища Эски-Кермен в период хазарского господства.

a – городская стена плато; *b, c* – остатки оборонительных сооружений; *d* – некрополь; *e* – главная и параллельная ей улицы; римские цифры – номера башен; 1 – предвратные укрепления, 2 – главные ворота, 3 – квартал I (раскопки 2003-2008, 2013 гг.), 4 – усадьба у восточной оборонительной стены (раскопки 2006 г.), 5 – храм «Трех всадников», 6 – восточная калитка, 7 – кварталы, раскопанные в 1936-7 гг., 8 – базилика, 9 – «Осадный колодец», 10 – северная калитка, 11 – западная калитка.

Рис. 2. Аэрофотоъемка плато Эски-Кермен с юго-востока.

1 – незастроенная часть плато, 2 – застроенная часть плато.

Рис. 3. Главные городские ворота, начало главной улицы.

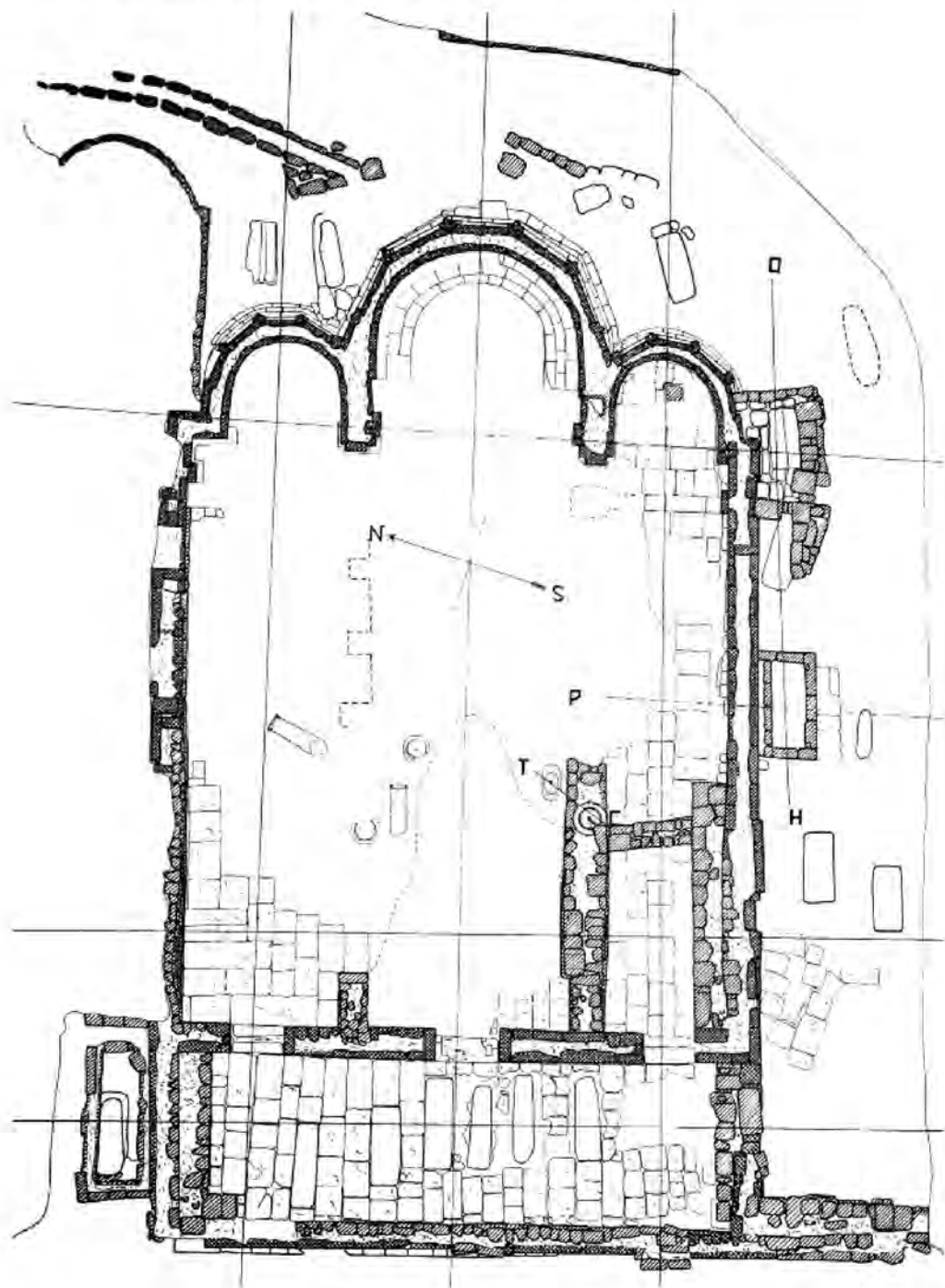

Рис. 4. Базилика Эски-Кермена. План 1930 г.

ЭСКИ-КЕРМЕНСКАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ 1937 ГОДА

ПЛАН РАСКОПА НА ГОРОДИЩЕ
УЧАСТКИ № 1 И 2

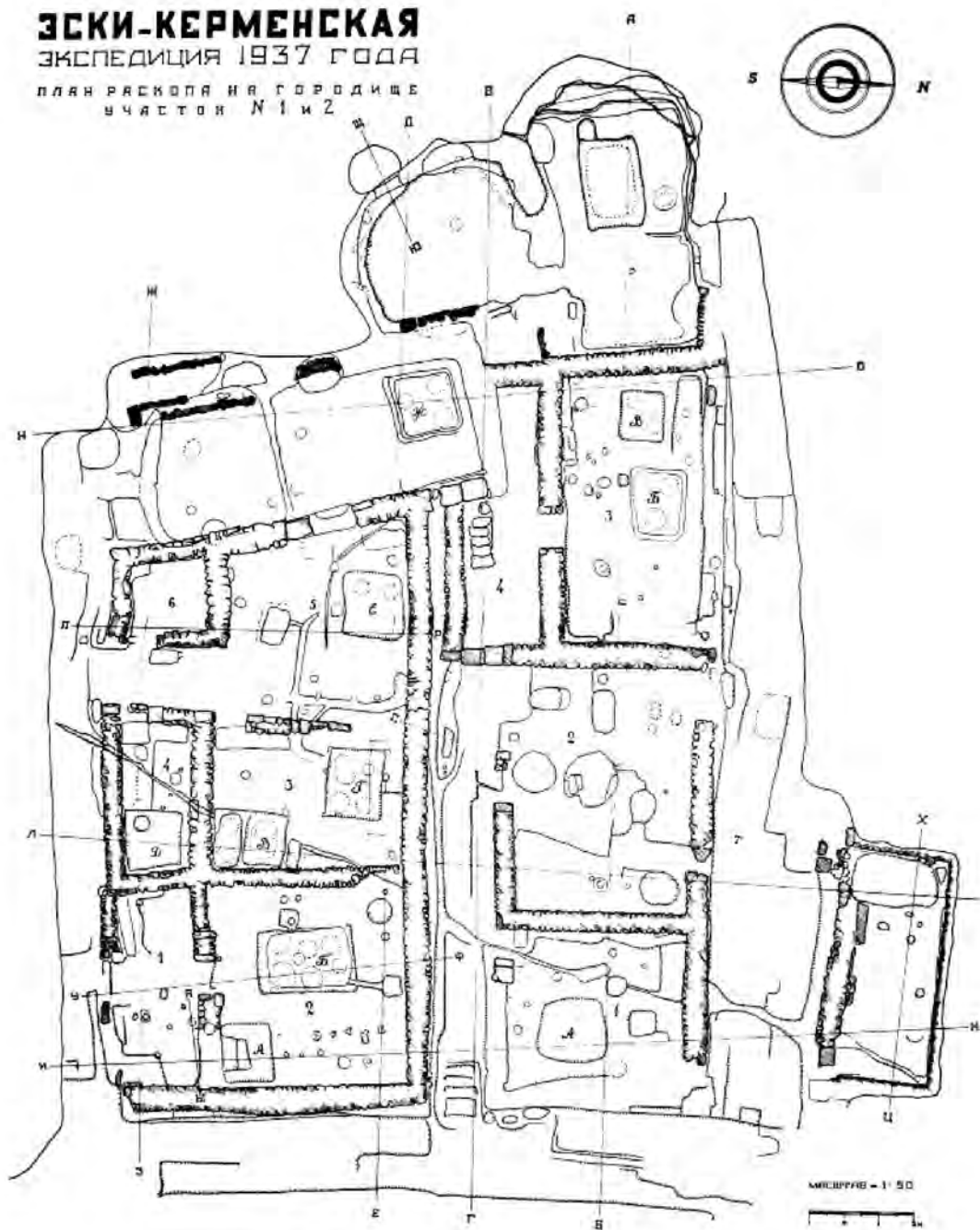

Рис. 5. План квартала, раскопанного в 1937 г.

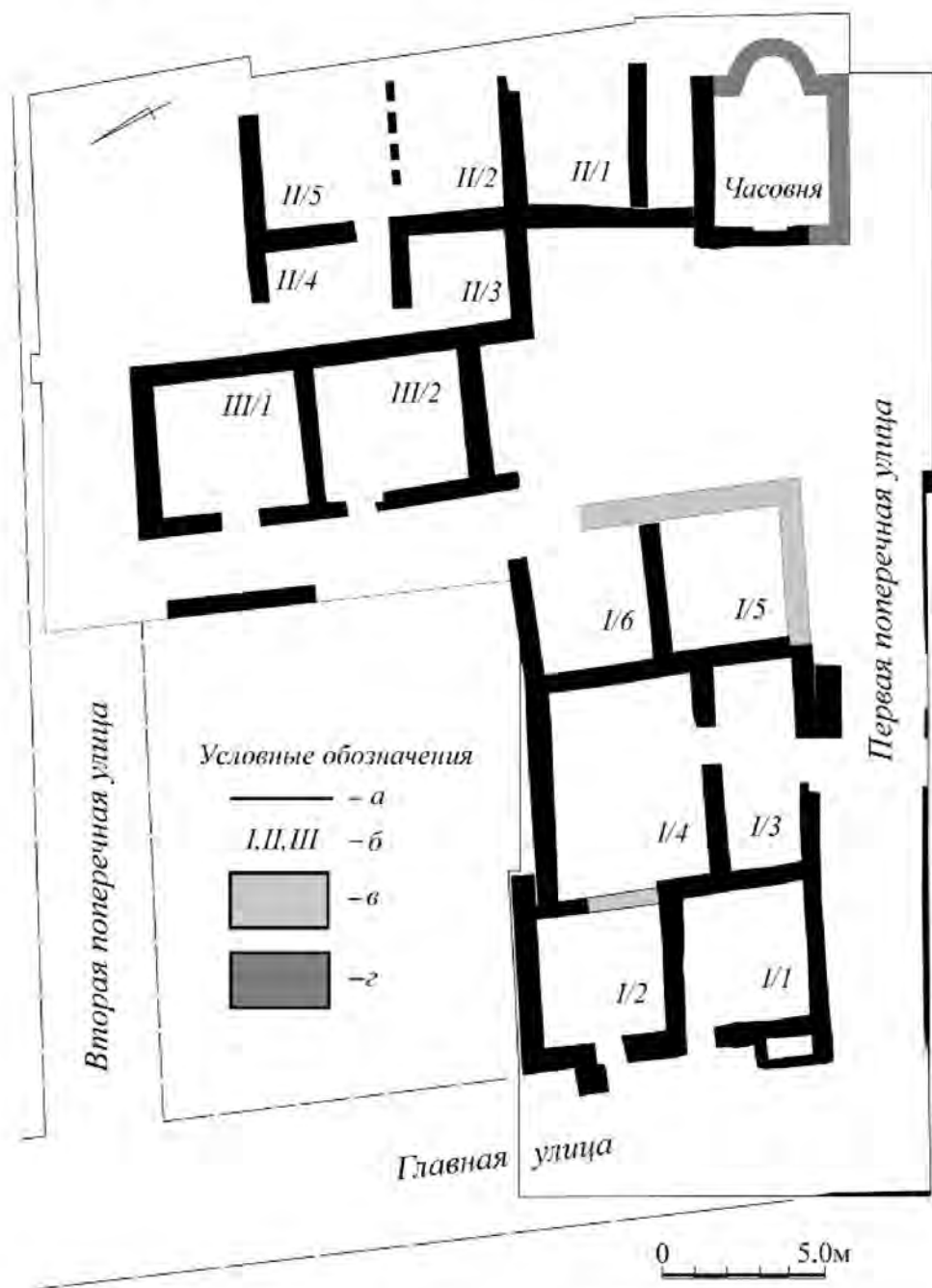

Рис. 6. План квартала, раскопанного в 2003-2008, 2013 гг.

а – граница раскопанного участка, б – номера усадеб, в – постели стен, з – стены.

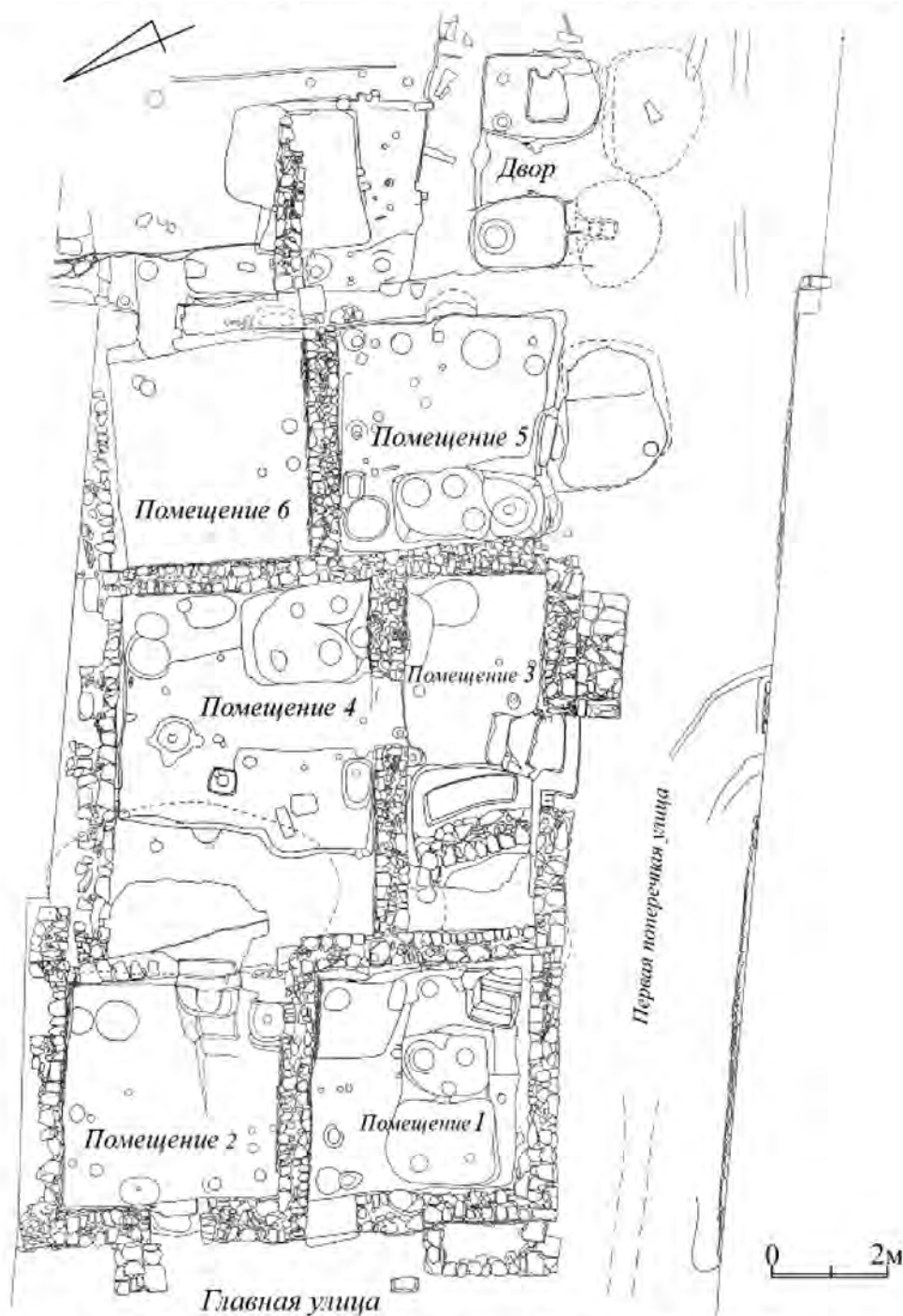

Рис. 7. Усадьба I в квартале на главной улице. Раскопки 2003-2006 гг.

Рис. 8.

1 – усадьба I на главной улице, помещения 1 и 2 (лавка); 2 – основание лестницы.

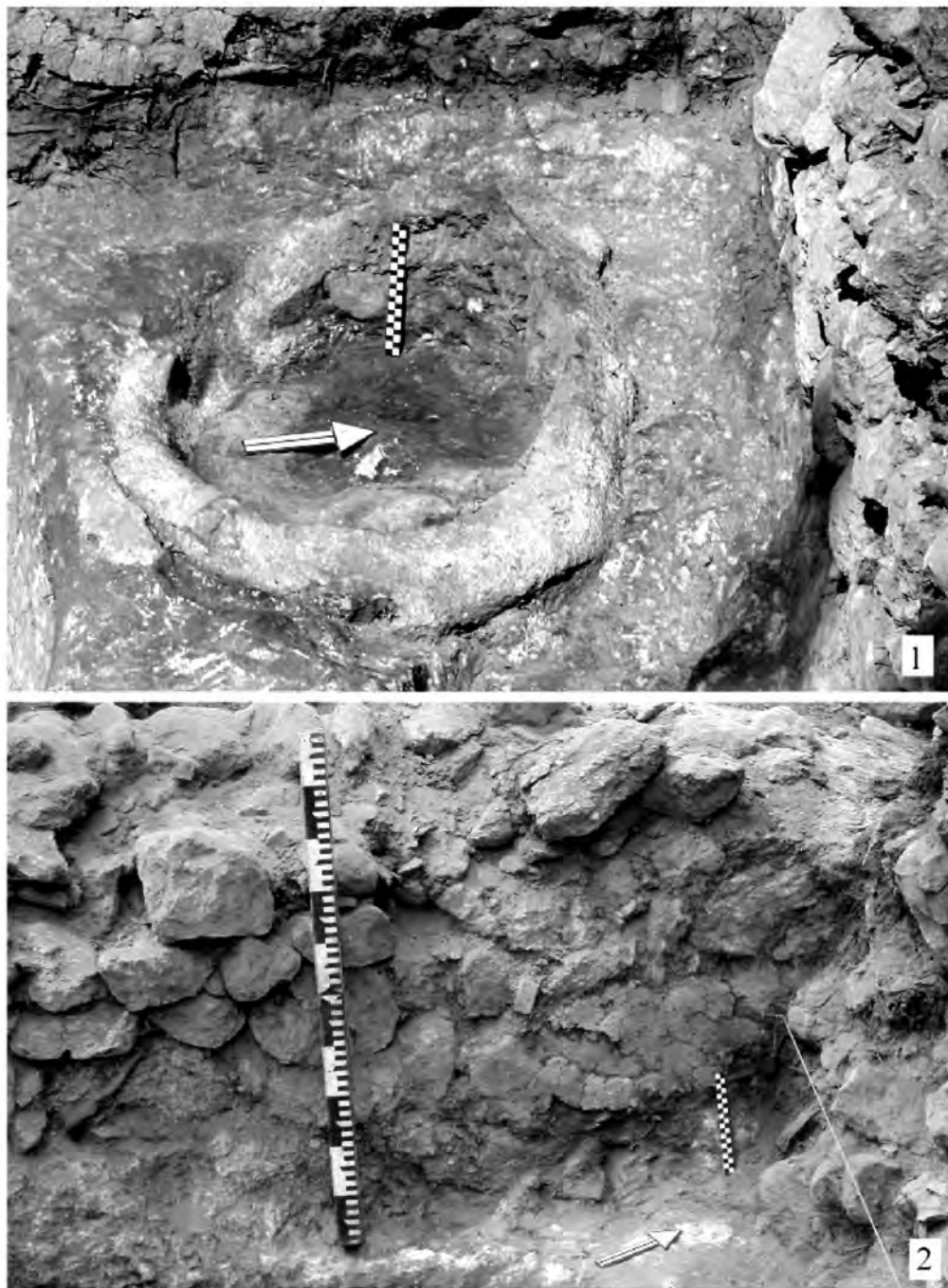

Рис. 9.

1 – усадьба I, помещение 5, обмазанная глиной яма для пифоса; 2 – штукатурка на стене.

Рис. 10.

1 – усадьба II (раскопки 2008 г.), зернохранилище в помещении 5; 2 – усадьба I, помещения 5 и 6.

Рис. 11. Квартальная площадь и усадьба П.

Рис. 12.

1 – усадьба I, хозяйственный двор; 2 – усадьба II, помещение 1.

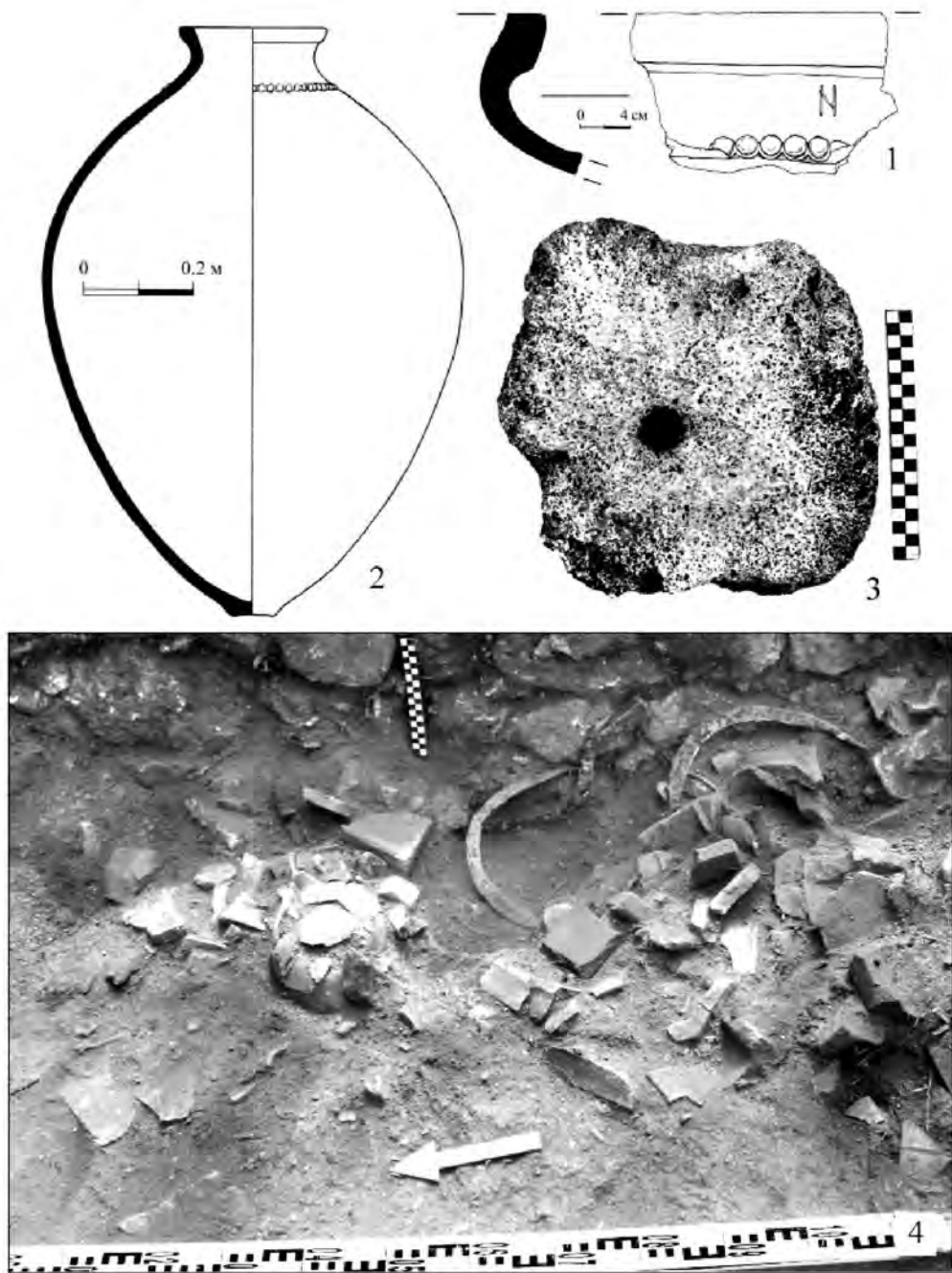

Рис. 13.

1-2 – пифос; 3 – каменный жернов; 4 – серпы в слое разрушения в усадьбе III, в помещении 2.

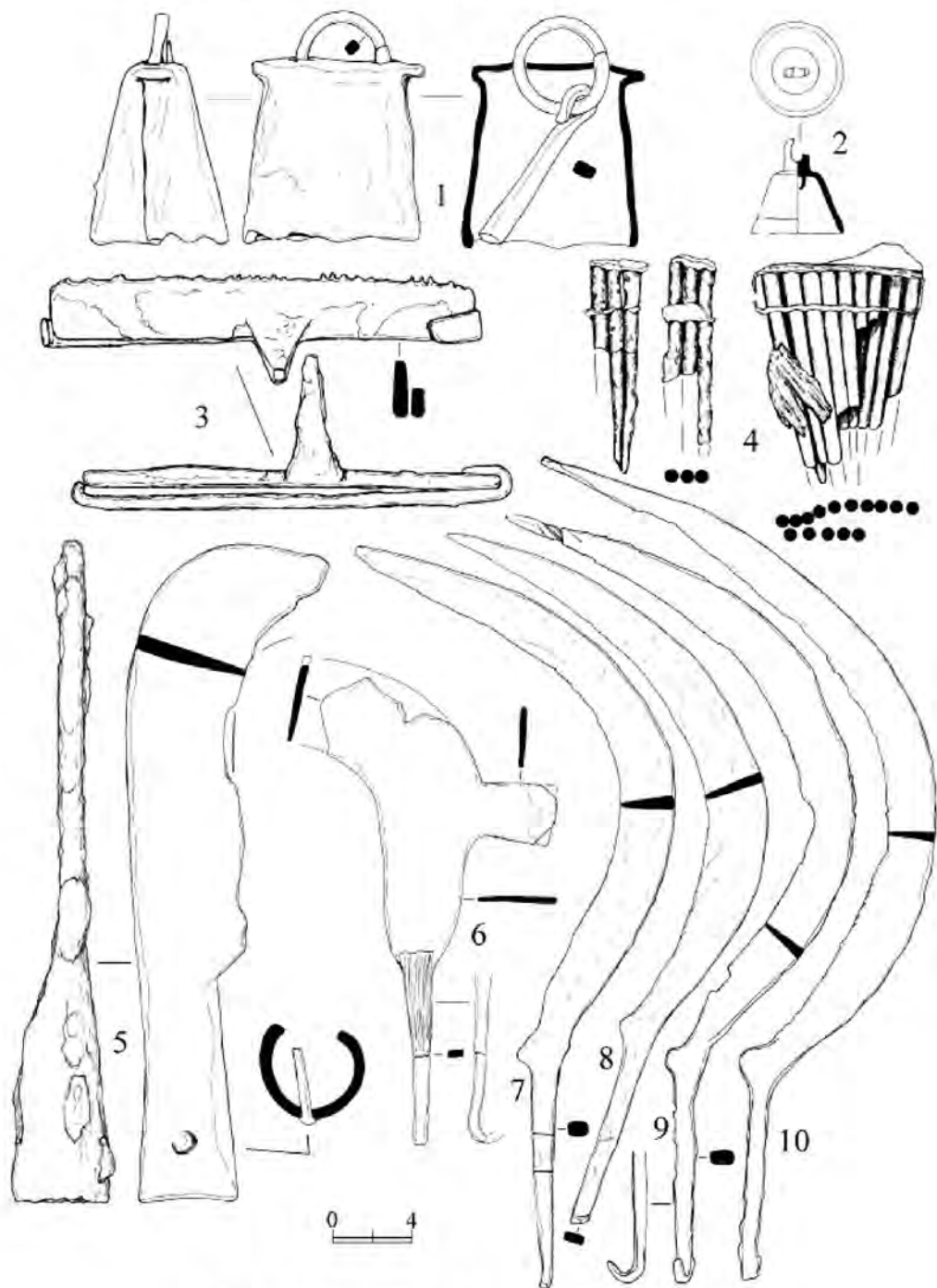

Рис. 14. Металлические находки из слоя пожара.

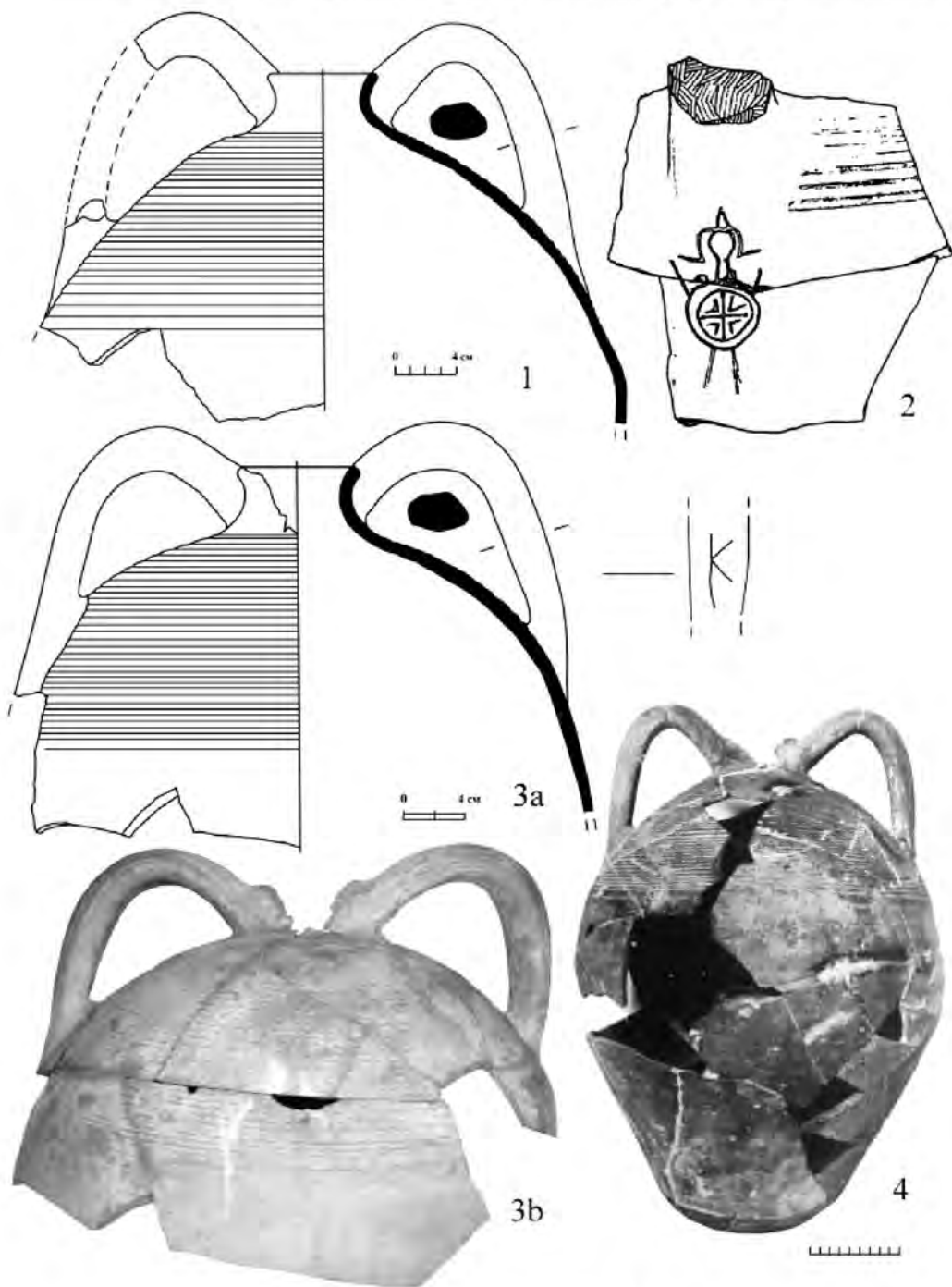

Рис. 15. Амфоры класса 45 по ХК-95.

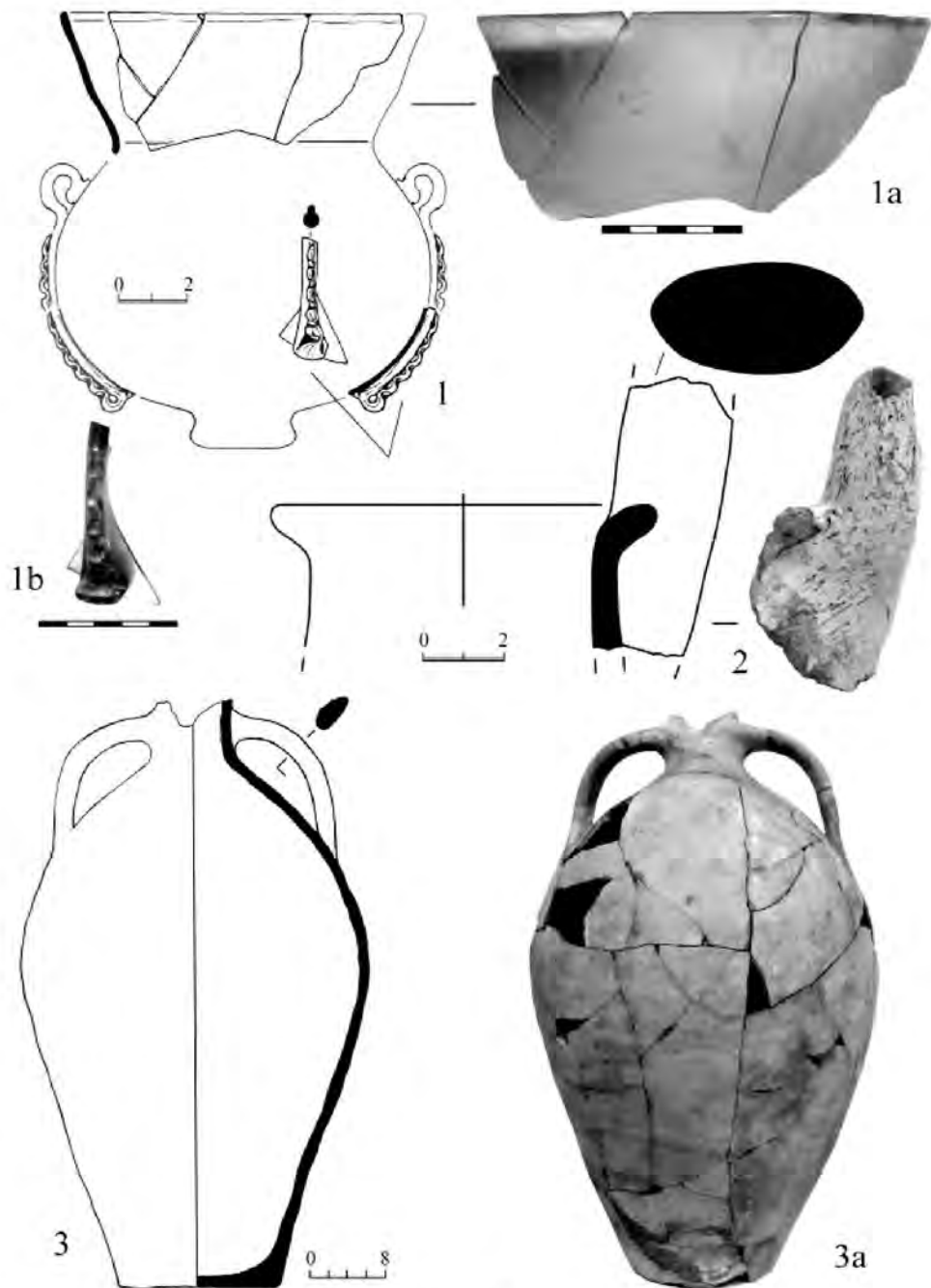

Рис. 16.

1 – реконструкция византийской стеклянной лампы; 2 – амфора класса 48 по ХК-95; 3 – амфора класса 52-1 по ХК-95.

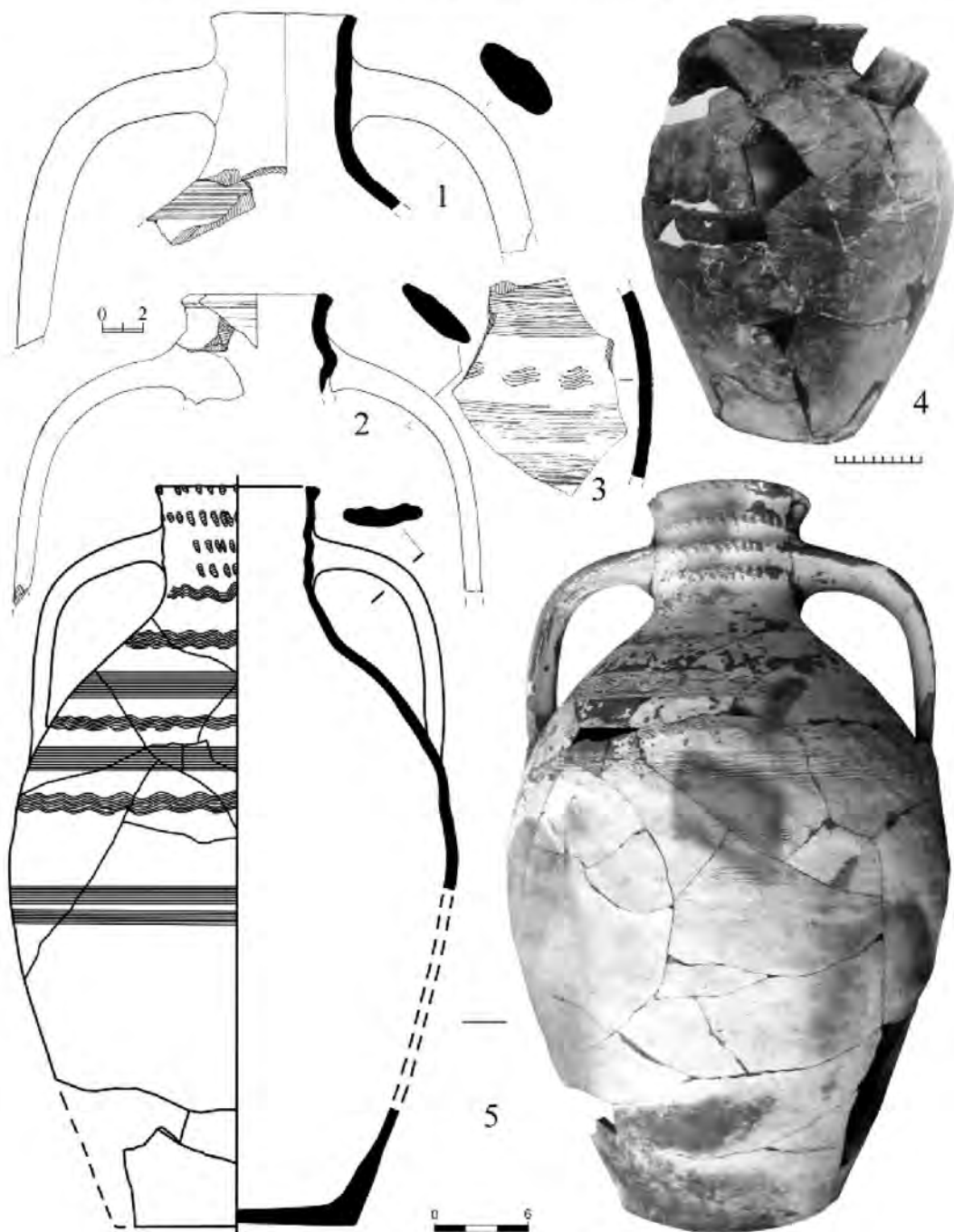

Рис. 17. Амфоры из слоя разрушения.

1-3, 5 – класс 52-2 по ХК-95; 4 – класс 51 по ХК-95.

Рис. 18. Блюдо группы Зевксиш из слоя разрушения.

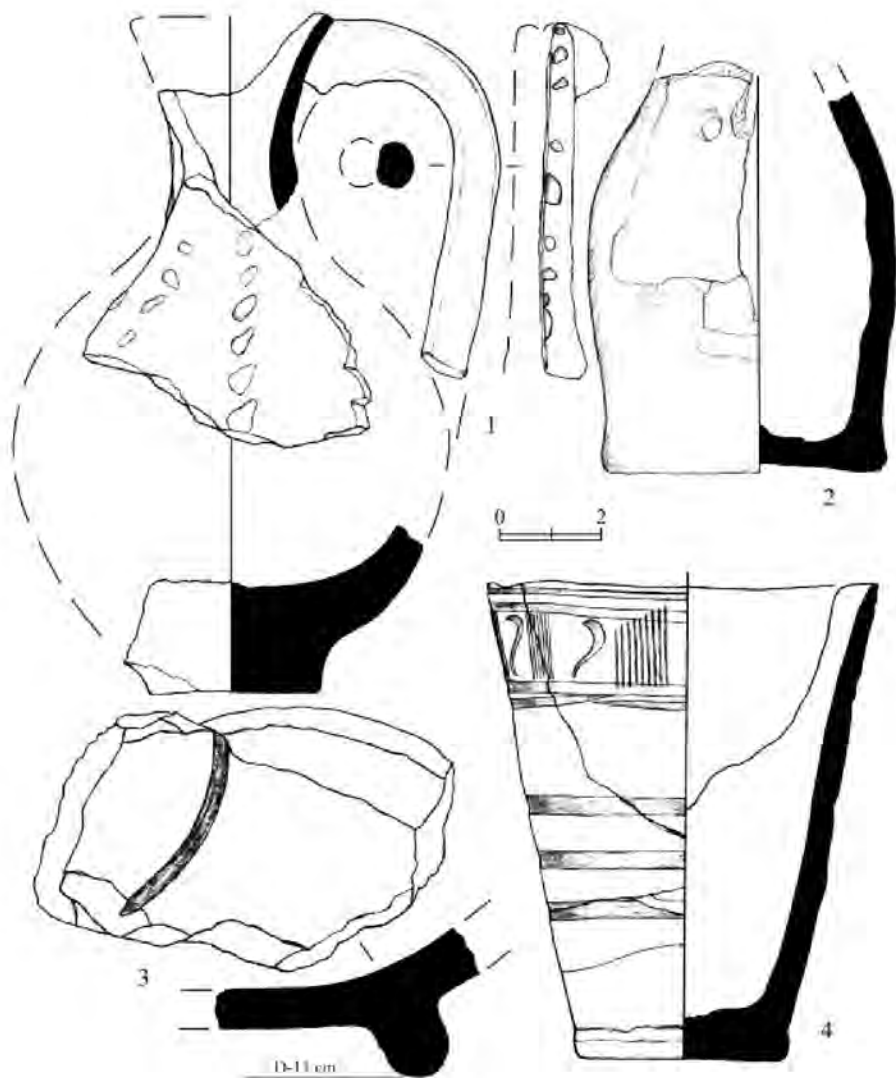

Рис. 19.

1 – белоглиняный кувшин с подглазурной росписью типа Haues GWW IV; *2* – монохромная белоглиняная бутылка; *3* – блюдо Эгейской группы; *4* – кубок группы Зевкисип.

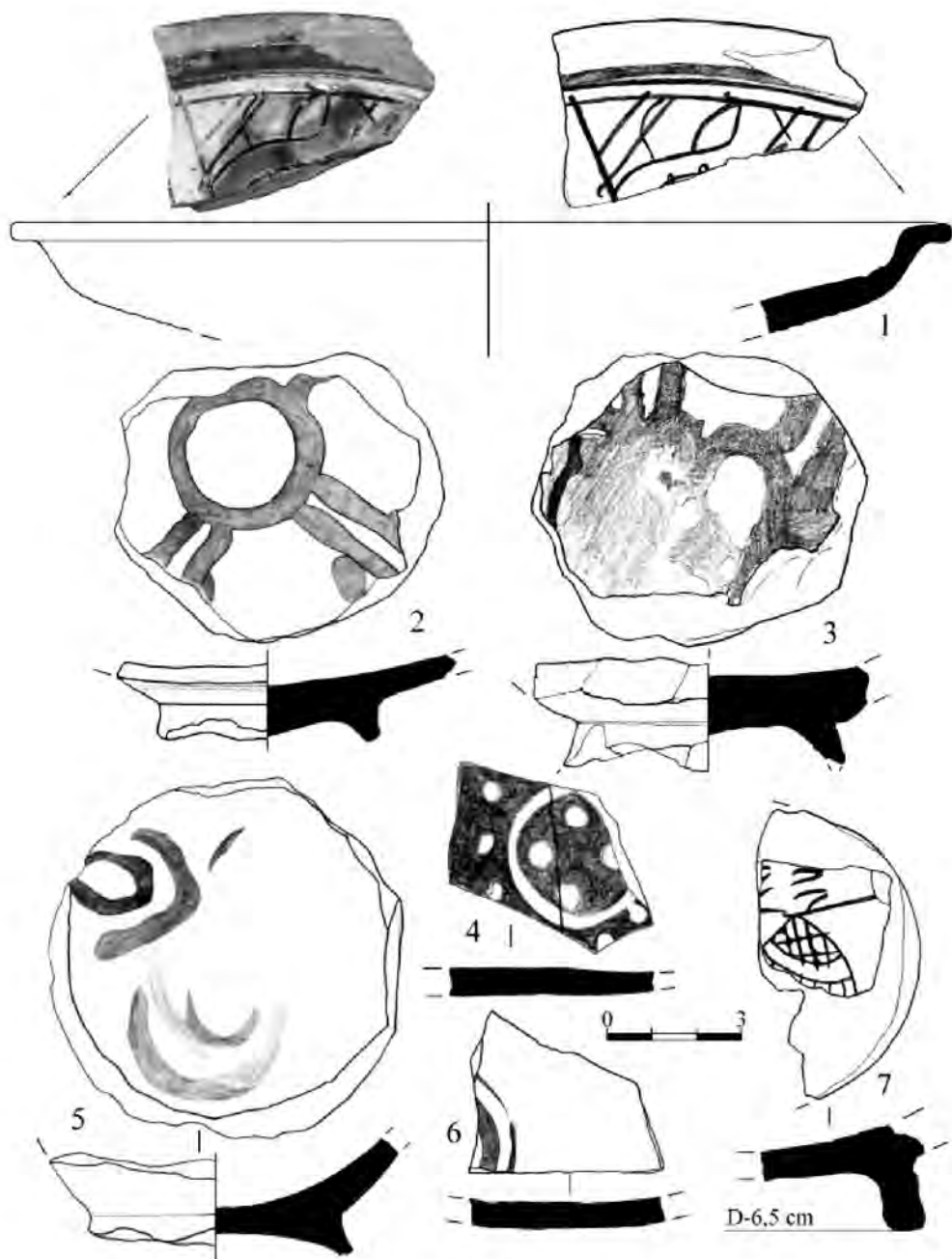

Рис. 20.

1 – красноглиняный сосуд группы Якобсон 6; 2, 3, 5 – фрагменты белоглиняных сосудов типа Науес GWW IV; 4 – фрагмент коричневоглиняного сосуда группы Якобсон 8; 6, 7 – фрагменты красноглиняных сосудов Эгейской группы.

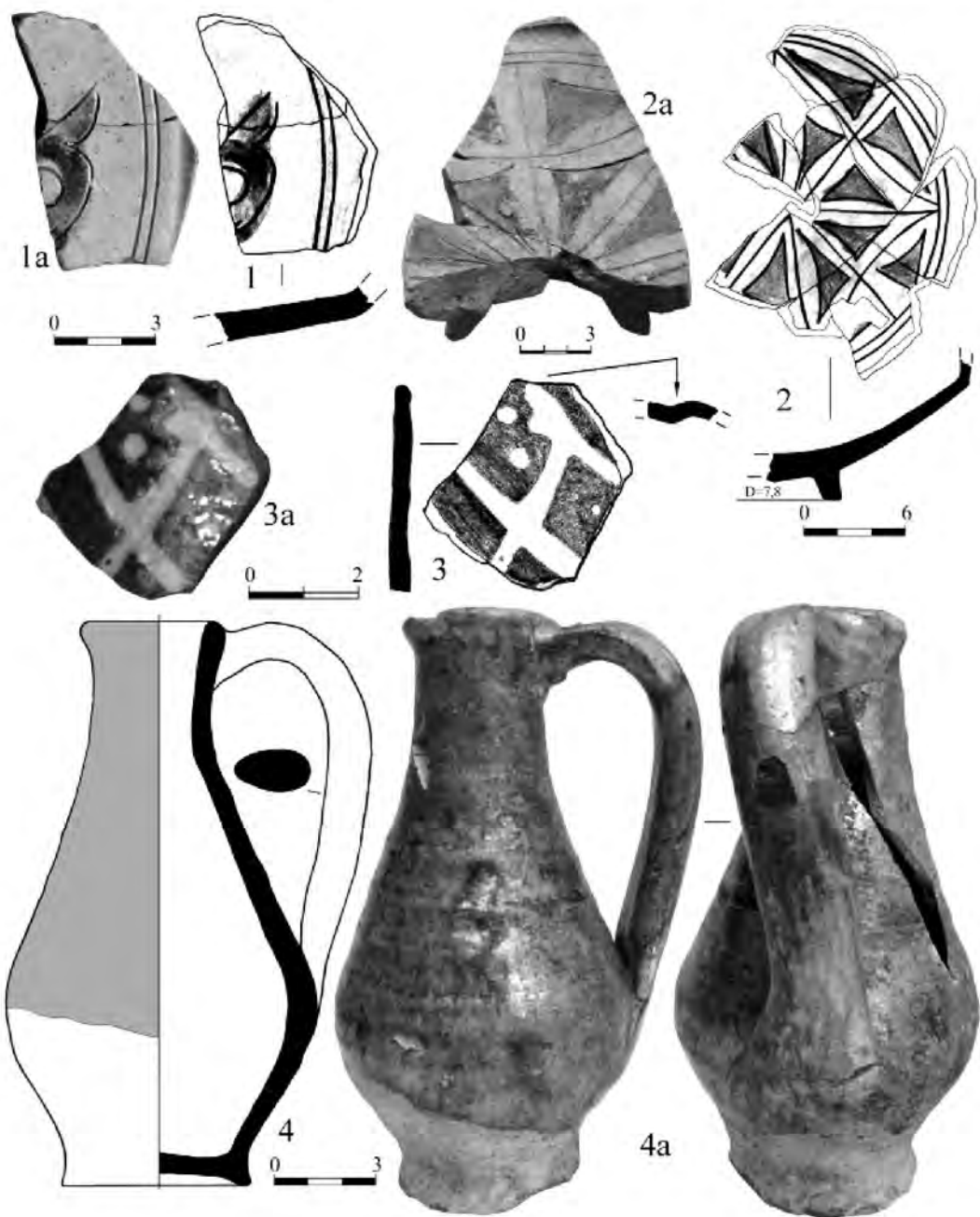

Рис. 21.

1, 2 – фрагменты сосудов группы Якобсон 7; 3 – фрагмент сосуда группы Якобсон 8; 4 – кувшин типа Hayes GWW IV.

Рис. 22. Чаша типа Hayes GWW IV.

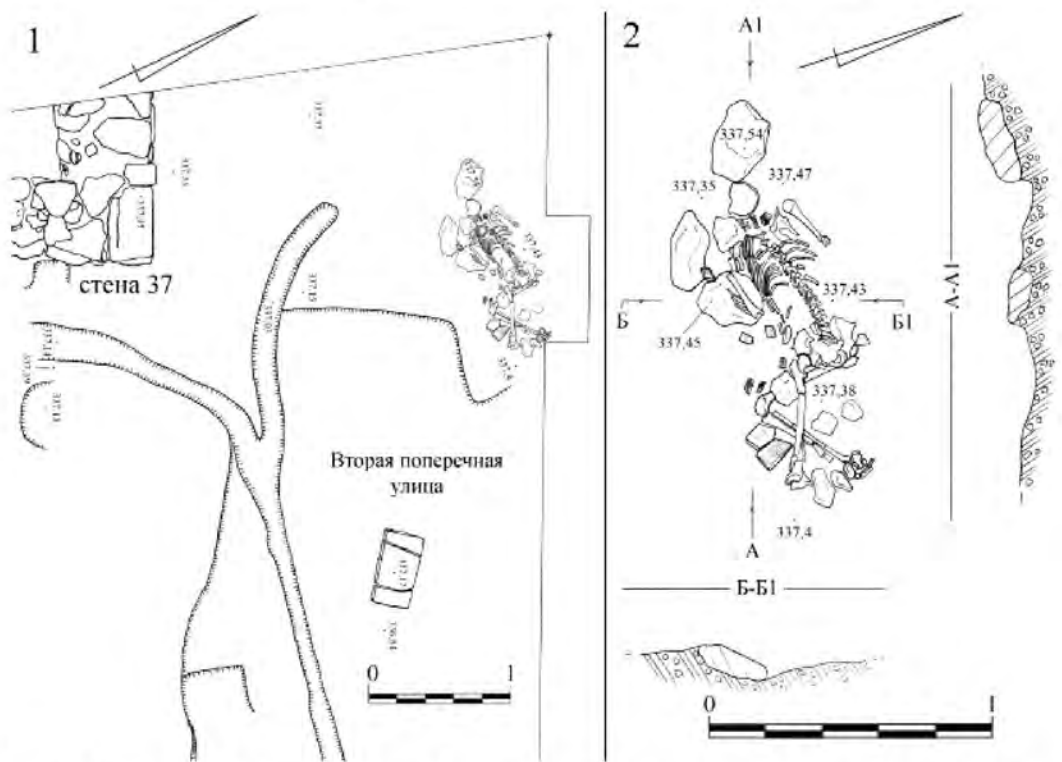

Рис. 23. Человеческие останки в слое пожара на второй поперечной улице. Раскопки 2008 г.

Д. А. МОИСЕЕВ

КОМПЛЕКС СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ XIV в. ИЗ РАСКОПОК ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА В ОКРУГЕ ГОРЫ ИЛЬКА

В процессе археологических исследований жилой, общественной и культовой застройки одной из наиболее важных и одновременно трудных задач является определение времени их сооружения и гибели. При этом следует отметить, что такая массовая категория находок, как строительная керамика, в качестве датирующего материала, как правило, не используется. В то же время, она, как и любой другой археологический материал, при хорошо разработанной методике обработки может стать надежным хронологическим индикатором.

На современном этапе изучения средневековой черепицы выделяется два направления, связанных, во-первых, с введением в научный оборот закрытых археологических комплексов. Во-вторых, это исследование гончарных центров по производству строительной керамики. К числу последних относится недавно открытый и подвергшийся системным археологическим и геофизическим исследованиям производственный центр на склонах горы Илька, расположенной на водоразделе Адым-Чокракской, Ай-Тодорской и Бельбекской долин.

В историографии предположение о наличии здесь гончарного центра было сделано еще в начале 90-х гг. XX в. В 2007 г. на г. Илька проводились небольшие археологические разведки в рамках совместного украинско-германского проекта по изучению ближайшей округи наиболее крупных «пещерных городов» Крыма – Мангупа и Эски-Кермена [1, с. 180]. В течение 2010-2013 гг. археологические раскопки открытых памятников производились экспедицией Бахчисарайского историко-культурного заповедника [2, с. 241-243; 3, с. 91-92; 4, с. 52-54].

Производственный центр на северо-восточном склоне г. Илька включает в себя памятники различного назначения: объекты собственно гончарного производства, представленные черепицеобжигательными печами и связанными с ними хозяйственными комплексами (Илька-1, Илька-2, Илька-3), неукрепленные поселения сезонного (?) типа (Илька-4 и, возможно, Орта-Сырт-1), культовые христианские комплексы (поселение Илька-5) (рис. 1) [2, с. 241-243; 3, с. 91-92].

Поселение Илька-5 расположено на пересечении грунтовых дорог, ведущих к

горе Кая-Баш (Два Татарина) и в с. Богатое Ущелье, на восточном отроге г. Илька, который плавно понижается к седловине между горами Илька и Юван-Кая. На вершине отрога местами, в качестве подъемного материала, встречается поздневизантийская строительная керамика производства Илькинского гонимого центра. Здесь же, ниже по склону, на относительно ровных площадках видны остатки каменных строений. Центральным объектом поселения является небольшой однефный христианский храм, полностью раскопанный в 2012 г. (рис. 2). Археологический комплекс находок, связанный с функционированием церкви, позволил первоначально датировать памятник в пределах конца XIV – первой половины XV вв. [5, л. 9-11]. Настоящая статья посвящена публикации комплекса строительной керамики из раскопок этого храма¹.

Церковь на поселении Илька-5 представляет собой однефный храм (общие размеры 5,9х3,9 м) с прямоугольным в плане наосом и полукруглой, выступающей с востока апсидой. Вход в него устроен в южной стене постройки. Церковь имеет ряд аналогий на поселениях Южного берега Крыма [6, с. 27-28 35-37, 42; 7, с. 311-322]. О. И. Домбровский называет такие храмы сельскими [6, с. 36].

История изучения строительной керамики XIV в.

Церковь имела двускатную крышу, крытую черепицей. Во время гибели, очевидно, из-за пожара кровля рухнула на пол и пространство вокруг здания. Каким образом черепица была уложена на крышу постройки неизвестно. Обращает на себя внимание малое количество калиптеров в комплексе (табл. 1). Видимо, ими перекрывался только «конек», стык северного и южного скатов крыши, на которых укладывались керамиды. В этой связи остается также непонятным, как были перекрыты стыки между боковыми бортами керамид.

Строительная керамика XIV в. является плохо изученным видом археологических находок. Только в 2004 г. вышла монография А. И. Романчук, посвященная строительной керамике византийского Херсона, где, кроме находок VI-VII вв., IX-X вв., XIII в., представлена черепица из слоев гибели городища конца XIV в. [9, с. 50, 54-55, 59-64]. Нужно отметить, что по своим технологическим и морфологическим параметрам она близка тому материалу, который мы будем рассматривать в своей работе, хотя хронология Портового района Херсонесского городища является предметом научной дискуссии [10, с. 242-243; 11, с. 47-49; 12, с. 253; 13, с. 433-440, 442-455; 14, с. 310; 15, с. 268-269; 16, с. 281-282; 17, с. 93-94, 96-97, 112-113; 18, с. 7; 19, с. 224], что, кстати, признает и сама исследовательница [9, с. 63-64; 13, с. 441].

¹ Нужно сказать, что в документации, связанной с разработкой охранных зон Мангупского городища (1994 г.), памятник известен как «руины постройки, расположенной на развилке дорог XV-XVIII вв.». [8, с. 74]. В настоящее время готовится полная публикация материалов археологических исследований 2010-2013 гг. в округе горы Илька, в том числе и раскопок христианского храма на поселении Илька-5. Выражаем искреннюю признательность руководителю работ В. Е. Науменко за возможность издания группы строительной керамики.

Еще один опубликованный А. Л. Якобсоном комплекс строительной керамики XIV в. происходит из раскопок базилики у с. Гончарное [20, с. 49-50, 125-132, 156-159]. Главной задачей этой работы являлась публикация материалов IX-X вв. храмового комплекса [20, с. 5-9]. Автор лишь упоминает о том, что базилика имела, на самом деле, два строительных периода, последний из которых датировался в пределах XIV в. [20, с. 132]. Эти материалы так и остались не опубликованными, за исключением одной ремесленной метки XIV в., которая, на наш взгляд, производилась гончарным центром Илька-1 и была ошибочно помещена А. Л. Якобсоном в таблице со знаками IX-X вв. [20, с. 159, табл. 3,10]. Также весьма вероятно, что в этих таблицах присутствуют и другие неопознанные метки XIV в. Наконец, большая коллекция строительной керамики XIV-XVIII вв. происходит из слоя разрушения поздней часовни на месте крестообразного храма на юго-восточном склоне Мангупа [21, с. 229-231]. В историографии хронология как крестообразного храма, так и более поздней часовни на его месте остается дискуссионной [22, с. 78-79, 139; 23, с. 276-277].

Методика классификации строительной керамики

Из раскопок однонефной церкви на поселении Илька-5 происходит значительный комплекс строительной керамики (табл. 1; 2). Большинство находок были представлены керамидами (табл. 1). Следует отметить плохую сохранность комплекса. Керамид было собрано 23 половины и археологически целых формы² (табл. 2). Калиптеры представлены хуже – удалось собрать только одну АЦФ.

Во время описания, классификации и анализа строительной керамики на названном комплексе приходилось работать, в основном, с фрагментами, среди которых наибольшее число составили поля и боковые борта (табл. 2). При обработке этого комплекса использовалась классификационная схема, разработанная на основе изучения черепицы, происходящей из археологических исследований цитадели Мангупского городища (середины 90-х гг. XX в.) и гончарного центра на склонах горы Илька (2010-2012 гг.).

Особенностью классификации является совмещение в рамках одной типологии морфологических и технологических признаков. С учетом этих признаков, весь анализируемый материал делится на группы, подгруппы, выделяемые на основе технологических признаков, и варианты, выделяемые, в свою очередь, на основании морфологических признаков³.

Группа выделяется по общим технологическим признакам (плотность черепка, качество промучки керамической массы, сорт глины). При выделении группы не учитывается такой важный технологический признак, как примеси. Во время исследований на гончарном центре Илька [3, с. 91-92; 4, с. 52-54; 26, с. 33-34] была

² Далее АЦФ.

³ Под «морфологическими признаками» в настоящей статье понимается вся совокупность рельефных элементов черепиц, получившихся в результате штамповки в матрице: верхних и боковых бортов, коленчатых изгибов, водосливных валиков, ремесленных меток.

выявлена черепица только одной группы. Отметим, что она известна, в том числе, и на Мангупском, и на Херсонесском городищах (табл. 3). Черепица этой группы на Мангупском и Херсонесском городищах происходит из горизонтов, которые датируются от IX-X вв. до XIV-XV вв. [9, с. 42-44; 24, с. 177; 25, с. 325]. Назвать строительную керамику одной группы продукцией определенной мастерской, существовавшей такое длительное время, мы не можем. Видимо, группы отражают определенные субстратные навыки, присущие локальной территории [27, с. 73].

Подгруппа выделяется в группе по набору примесей, их сочетанию и качественному составу.

Варианты выделяются в подгруппах по морфологическим признакам. Вариант объединяет собой керамиды, произведенные в одной или в серии схожих матриц⁴.

Нумерация подгрупп, вариантов не систематизирована хронологически, так как типология является открытой для добавления новых подгрупп и вариантов. Все промеры высоты бортов даны от верхней грани до поля керамиды, без учета толщины поля⁵. Ширина бортов записана в форме – ширина верхней грани / ширина перехода от верхней грани к полю.

Все морфологические отличительные особенности строительной керамики, описываемые в статье, **можно рассматривать только в рамках отдельно взятой подгруппы** (главным образом, это касается анализа формы боковых бортов).

Классификация строительной керамики

Строительная керамика, обнаруженная при раскопках храмового комплекса на поселении Илька-5, использовалась в древности для сооружения кровли церкви, перекрытия полов и как бутовый материал в стенах здания (табл. 4). Подавляющее число фрагментов черепицы, несомненно, относилось к рухнувшей кровле церкви. Ее фрагменты находились как внутри постройки, так и снаружи. Это были разнообразные АЦФ, фрагменты керамид и калиптеров.

Керамиды из напольной вымостки церкви отличаются тем, что у них сбиты боковые борта, рельефные ремесленные метки, водосливные валики, то есть все рельефные выступы черепицы (рис. 9,Г).

При раскопках христианского храма была выделена одна технологическая группа. Ее номер соответствует классификации строительной керамики Мангупа. Подгруппы и варианты частично известны в комплексах этого городища.

⁴ Из-за ремесленного характера производства мастер с полной точностью не мог воспроизвести очередную матрицу. Поэтому внутри черепицы одного варианта допускаются незначительные колебания линейных размеров, расположения и размеров ремесленных меток и водосливных валиков.

⁵ Анализ большого комплекса керамид из раскопок гонимого центра Илька в 2010-2013 гг. показал, что толщина их полей равняется 1,8-2,3 см. Также совершенно очевидно, что с методологической точки зрения измерять высоту бортов вместе с полем неверно, т. к. высота борта является постоянной величиной (бортик вырезался в матрице), а толщина поля – нет. Она зависела от количества керамической массы, трамбуемой и срезаемой мастером после трамбовки.

Группа I. Изделия группы I имеют красноглиняное (2,5YR7/6; 2,5YR6/8; 2,5YR7/8; 5YR6/6; 5YR7/6; 5YR6/8; 5YR7/8; 7,5YR7/4), плотное, хорошо промешанное тесто. Аналогичная строительная керамика известна по раскопкам Мангупа [21, с. 231; 24, с. 177; 25, с. 325; 28, с. 182; 29, с. 375, 378-380, 393, 408-409, 410, 421-422, 426; 30, с. 322-323], Херсонеса [9, с. 43; 31, с. 108], Эски-Кермена [32, с. 295-296; 33, с. 254]. Группу I производил Илькинский гончарный центр [3, с. 91-92; 4, с. 52-54; 26, с. 33-34].

Внутри группы I всего выделено 5 подгрупп изделий (отдельное описание материала будет дано по подгруппам и вариантам). При этом отметим, что при раскопках храма на поселении Илька-5 отсутствовала черепица подгруппы 2 ранневизантийского времени, известная на других объектах в округе горы Илька.

Подгруппа 1

Изделия подгруппы 1 имеют красноглиняное (2,5 YR6/8; 5YR6/6; 5YR6/8) плотное, хорошо промешанное глиняное тесто с примесью известняка, шамота (иногда темного цвета), железистых частиц, дресвы. Имеют светлую (5YR7/6; 7,5YR7/6) или темную (10R6/3; 2,5YR6/6) поверхность лицевой стороны поля. Подгруппа производилась, видимо, гончарным центром Илька-2 [5, л. 11, 14]⁶.

Подгруппа 1 представлена небольшим количеством материала, поэтому вариантов выделено не было. Комплекс строительной керамики подгруппы I был представлен керамидами (рис. 9,II,18-22,24-25; табл. 2; 4). В основном, это были угловые части черепиц (табл. 3), которые были встречены равномерно в небольшом количестве на всех пяти квадратах. Морфологический облик этих керамид был характерен для строительной керамики из раскопок раннесредневекового поселения в Лагерной балке (Мангуп) [24, с. 178, рис. 3,II,52,III,56-57]. Среди отличительных особенностей такой черепицы можно назвать подпрямоугольный в сечении боковой бортик высотой 2,2-2,8 см. (рис. 9,II,19-22,24-25)⁷. Такие керамиды уже имели верхний бортик (рис. 9,II,20-23)⁸, на них иногда встречаются ремесленные метки (рис. 9,II,18).

Подгруппа 2

Изделия подгруппы 2 имеют красноглиняное (5YR7/8; 7,5YR7/4), плотное, хорошо промешанное тесто с примесью известняка, крупных железистых частиц

⁶ Изменение цвета поверхности черепицы в литературе, посвященной строительной керамике Мангупского городища, имеет название «ангоб» [9, с. 42-44; 24, с. 177; 25, с. 325].

⁷ Видимо, сейчас можно высказать осторожное предположение, что форма и высота бокового бортика являются хронологическим индикатором, разделяющим материал внутри подгрупп, которые датируются в достаточно широких хронологических рамках (о хронологии подгрупп см. ниже). Однако, сейчас к высказанному предположению следует относиться как к гипотезе, требующей дальнейшего обоснования.

⁸ В отличие от них, большинство керамид из «рухнувшей кровли» постройки на раннесредневековом поселении Лагерная балка (Мангуп) верхнего борта не имели [24, с. 178, рис. 3,II,1-29,III,37-50,IV,53-55,V].

(0,5-2,0 см). В процессе раскопок церкви черепица этой подгруппы не обнаружена. Она известна на территории гончарного центра Илька-2⁹.

Подгруппа 3

Изделия подгруппы 3 имеют красноглиняное (5YR7/6; 5YR6/6; 7,5YR7/4), плотное, хорошо промешанное тесто с примесью известняка (на сколе видно большое количество мелких белых точек либо концентрированных сгустков). Подгруппа производилась гончарным центром Илька-2, где на сегодняшний день исследованы две печи [5, л. 8-9, 11, 15-16; 34, л. 10-11].

В подгруппе 3 выделено три варианта. Для **варианта 1** (рис. 3; 4,4,7; табл. 5; 6) известно две АЦФ. Боковой бортик трапециевидный, но иногда имеет округлую форму (рис. 4,9). Отличительной особенностью варианта является пов от составных частей матрицы, проходящий от верхнего борта к нижней части керамиды в левой трети ее поля (15,8-16,2 см от левого края). Для **вариантов 2** (рис. 3; 6,12; табл. 4; 6) и **3** (рис. 3; 6,8; 9,31; табл. 4; 6) на гончарном центре Илька пока не обнаружено ни одной АЦФ.

Некоторые АЦФ керамид подгруппы не получилось уверенно соотнести с тем или иным вариантом (рис. 7,1-3). Этого же не удалось сделать с единичными фрагментами черепиц (рис. 6,7,9; 7,1-3,6-7). Керамиды, изображенные на рис. 6,6,15, имеют выразительные морфологические признаки, но представлены единичными находками. Первая (рис. 6,6) имеет низкий (2,4 см) округлый боковой бортик и характерную доработку (водосливной желобок) под основанием бокового бортика. Вторая (рис. 6,15) имеет низкий (2,4 см) трапециевидный бортик. В нижней части керамиды, в ее правой трети, расположен диагональный валик-метка. Коленчатый изгиб выражен хорошо. Снаружи он прямоугольный, изнутри – тупоугольный. Сохранились отпечатки от двух ремонтных (?) скоб.

Подгруппа 3 представлена значительной коллекцией как археологически целых, так и фрагментированных керамид (табл. 3). Они распространены в квадратах неравномерно. Это объясняется тем, что большая часть кровли рухнула именно на территорию 3 и 4 квадратов. Необходимо отметить, что большинство керамид этой подгруппы имеет характерный трапециевидный боковой бортик высотой 2,5-2,8 см с узкой верхней гранью (рис. 4,4,6-7,9; 6,9,12; 7,2,4,7). Вместе с ними также хорошо выделяются высокие (3,0-3,85 см) боковые борта, которые принадлежат исключительно керамидам варианта 3. АЦФ керамид подгруппы в большинстве случаев представлены без каких бы то ни было элементов на поле (водосливные валики и ремесленные метки: рис. 4,6-7; 7,1-3,5). Коленчатые изгибы имеют вид прямого угла с внешней стороны (рис. 4,6; 7,1-3,5) и тупого угла – с внутренней (рис. 4,6-7; 7,1-3,5).

Подгруппа 4

Изделия подгруппы 4 имеют красноглиняное (5YR7/6; 5YR6/6; 7,5YR7/4), плотное, хорошо промешанное тесто с примесью концентрированного в сферических

⁹ Датируется ранневизантийским временем по аналогиям из раскопок укрепления А-ХІХ Мангупского городища [30, с. 322-324, 344, рис. 24-25].

линзах мелкого речного песка. Имеют светлую (2,5YR8/2) или в тон черепку поверхность лицевой стороны поля черепиц. Подгруппа производилась гончарным центром Илька-1, где на сегодняшний день исследованы один производственный комплекс (состоит из двух печей) и отвал брака [5, л. 6, 17-18; 34, л. 11-12].

В подгруппе 4 выделены 16 вариантов (табл. 5; 7). АЦФ **варианта 1** (рис. 3; 4,1,9; 5,1; 6,1-3; 7,6; 8,1,9) найдено 5 штук. АЦФ **варианта 2** (рис. 3; 5,4; 6,14; 7,7), **варианта 9** (рис. 3; 4,2; 8,3) и **варианта 15** (рис. 3; 4,3-4; 6,5; 8,7) найдено по одной штуке. **Вариант 3*** (рис. 3; 4,5; 6,4) является условным и объединяет несколько близких серий керамид с меткой в виде буквы «лямбда» под основанием верхнего борта. В комплексе разрушенной кровли церкви с поселения Илька-5 известно всего два фрагмента этого варианта. Один из них имеет типичную форму ремесленной метки (рис. 6,4), прямые аналогии которой происходят из раскопок гончарных печей Илька-1. Второй фрагмент (рис. 4,5) имеет большую в размерах ремесленную метку (линейные размеры фрагмента не учитывались при составлении морфологического описания). Как и вариант 3, **вариант 14** (рис. 3; 4,10; 5,2; 6,10-11; 8,4-5) также является условным. Во время полевой обработки к нему были отнесены керамиды с водосливными валиками без ремесленных меток. Во время камеральной обработки выяснилось, что он объединил фактически два разных варианта, относящихся к двум различным хронологическим классам. Среди них преобладает группа находок следующего вида: рис. 4,10; 6,10. Вторая группа изделий малочисленна и имеет несколько иной вид: рис. 5,2; 6,11; 8,4-5. Из-за того, что статистически учет находок шел совместно, разделять их в публикации не имеет смысла. **Вариант 4*** (рис. 3; 8,10) и **вариант 5*** (рис. 3) реконструированы по фрагментам, происходящим из раскопок гончарного центра Илька-1. **Вариант 8*** (рис. 3; 7,10) реконструирован по форме, происходящей из раскопок Цитадели Мангупского городища¹⁰. У **варианта 6** (рис. 3; 4,8; 5,10; 6,15; 8,12), **варианта 7*** (рис. 3; 5,10), **варианта 10** (рис. 3; 5,5), **варианта 11*** (рис. 3; 7,9), **варианта 12*** (рис. 3; 5,11), **варианта 13*** (рис. 3; 5,3) и **варианта 16*** (рис. 3; 7,8; 9,4,15) не обнаружено ни одной АЦФ.

Керамиды подгруппы 4, безусловно, преобладают в комплексе черепичной кровли храма поселения Илька-5 (табл. 3). Это касается и АЦФ и фрагментов керамид. Как написано выше, керамиды подгруппы 4 были разделены на 16 вариантов. Отметим, что ряд фрагментов соотнести с тем или иным вариантом не удалось (рис. 6,6-8; 9,2,6,11). Морфологически керамиды подгруппы 4 не формируют единого комплекса и образуют несколько групп близких друг другу черепичных форм. Они представлены вытянутыми прямоугольниками с размерами 40,5-43,1 х 32,9-36,1 см, на некоторых экземплярах встречается сужение книзу (рис. 5,5,7,10; 6,15; 7,6-7; 8,1,5). Коленчатые изгибы керамид имеют вид тупых углов. Иногда с внутренней стороны они имеют прямоугольную форму (рис. 5,3,7-8; 7,7; 8,1,1,5). В большинстве случаев

¹⁰ Автор выражает глубокую признательность А.Г. Герцену за возможность использования материалов из раскопок Мангупского городища.

на тыльной стороне нижних углов керамид имеются подрезы по сырой глине для более плотной установки на кровле. Основное, что различает керамиды подгруппы 4, – это форма бокового бортика. Работа с большой коллекцией углов керамид, боковых бортов и полей с ремесленными метками не позволила выделить другого, более устойчивого отличительного признака. На сегодняшний момент можно говорить о трех различных формах боковых бортов. Прежде чем перейти к их описанию, отметим, что, по мнению автора, наиболее логичным объяснением наличия устойчивых отличий среди боковых бортов является связь между формой, высотой бокового бортика и его хронологией. Эта гипотеза, впрочем, требует дальнейшего обоснования. Таким образом, выделяются три формы боковых бортов. Во-первых, отметим вариацию боковых бортиков формы, близкой к трапециевидной, высотой 3,0-3,6 см, со сложно профилированной узкой верхней гранью (рис. 4,1,8-9; 5,1,3,8,10-11; 6,1-3,15; 7,6; 8,1-2,9,12; 9,1,4,15,III,26-28,32-33). Во-вторых, это вариация бокового борта простой трапециевидной формы высотой 3,1-3,8 см (рис. 4,2,5,10; 5,2,5-4; 6,4,10-11,14; 7,7; 8,3-6,10-11; 9,III,30,34). В-третьих, это вариация бокового борта трапециевидной формы высотой 2,3-2,8 см (рис. 4,3-4; 5,11; 6,5; 7,9-10; 8,7; 9,III,30,34). АЦФ и фрагменты с бортиками первой и второй вариаций, безусловно, преобладают в комплексе, образуя примерно количественно равные группы находок¹¹.

Подгруппа 5

Изделия подгруппы 5 имеют красноглиняное (2,5YR6/8), плотное, хорошо смешанное тесто с примесью шамота крупного и среднего размеров, иногда из бракованного теста. Имеют в тон черепку (5YR7/6) поверхность лицевой части поля черепиц. Место производства подгруппы на гончарном центре Илька пока не открыто.

Вариант 1. Известна одна АЦФ керамиды этой подгруппы (рис. 3; 8,8; табл. 4; 6). Представляет собой вытянутый прямоугольник с сужением книзу (35,4х? см). Боковой бортик высокий (3,3 см), с хорошо выраженным, незначительно заглаженным переходом к полю керамиды (1,8/2,2 см). Верхний бортик прямоугольной формы (2,5/0,3 см), средний (1,1 см). Ремесленная метка расположена в верхней части керамиды, в ее средней трети, под основанием верхнего борта, в низком (0,1 см) рельефе, в виде условного знака. Коленчатый изгиб имеет вид тупого угла, выражен хорошо.

Хронология строительной керамики из раскопок храма на поселении Илька-5

Прежде чем перейти к анализу хронологии строительной керамики из раскопок храма на поселении Илька-5, отметим, что археологический комплекс находок, связанный с функционированием церкви, позволил первоначально датировать памятник в пределах конца XIV – первой половины XV вв. [5, л. 9-11]. Хронология

¹¹ Говорить об отличиях боковых бортов керамид можно только в рамках подгруппы. Игнорирование этого принципа может привести к ошибкам. Так, к примеру, вторая вариация формы бортов подгруппы 4 похожа на некоторые борта подгруппы 3 (рис. 4,6-7; 7,12; 8,2). Это, впрочем, не говорит об их близости (в том числе, хронологической).

строительной керамики (подгрупп и вариантов) не может выйти за границы этого времени, т.к. этот материал на сегодняшний день не является хроноиндикатором.

Храм на поселении Илька-5 погиб во время пожара, который фиксируется внутри здания. Здесь, под завалом камня и черепицы, на полах был открыт «слой функционирования» храма¹². Из этого горизонта и «слоя пожара» происходят строительная керамика, фрагменты красноглиняных поливных неорнаментированных мисок на кольцевом поддоне под желтой крошащей глазурью, ойнохоевидного кувшина под полихромной глазурью желтого, зеленого и коричневого цветов, а также фрагменты сероглиняных горшков с отогнутым венчиком с врезными концентрическими линиями по горлу [5, л. 9-11]. Названные горшки хорошо известны по раскопкам Мангупа, Алустана, Фунн, Чембало, где датируются в широких пределах XIV-XV вв. [11, с. 334; 29, с. 384; 35, с. 395; 36, с. 450; 37, с. 172; 38, с. 147, 154; 39, с. 67; 40, с. 157; 41, с. 402]. Эти глазурованные сосуды, в том числе с орнаментом в технике «сграффито», сейчас относятся к периоду 60-х гг. XIV в. – 1475 г. [35, с. 395; 36, с. 449-450; 39, с. 49; 42, с. 261-262]. Строительная керамика составляет более 95% находок. Она представлена одной группой, имеющей широкую хронологию¹³. В то же время отдельные ее черепицы можно датировать в более узких границах. Это относится к подгруппам в целом и к отдельным вариантам в частности.

Подгруппу 1 группы I необходимо отнести к IX-X вв. Подобная строительная керамика происходит из раскопок поселения Лагерная Балка (Мангупское городище)¹⁴, которое датируется концом IX – началом X вв. [24, с. 174]. Находки подгруппы 1 сильно фрагментированы, имеют повторное покрытие жидкой глиной и являются незначительной примесью в комплексе (0,3%) (рис. 9, II, 19-22, 24-25; табл. 1). Видимо, эти фрагменты использовались в качестве строительного материала (забутовка стен) при возведении храма.

Подгруппа 3 датируется, на основании новейших раскопок Эски-Керменского городища¹⁵, второй половиной XIII в. [32, с. 294; 33, с. 253; 43, с. 429]. По классификации И. А. Завадской, подгруппа 3 обозначается как группа Ia [32, с. 312, рис. 2; 33, с. 257-258, ил. 4; 5].

¹² Археологическая картина, полученная в результате раскопок храма на поселении Илька-5, не создает впечатления постройки, просуществовавшей длительное время. Названный слой – незначителен. Культурных напластований снаружи храма не зафиксировано.

¹³ На Мангупском городище группа I происходит из слоев докрепостного периода (III – середина VI вв.) [30, с. 322-323], из комплексов IX-X [21, с. 231; 24, с. 173; 25, с. 325] и XV вв. [21, с. 231; 28, с. 182; 29, с. 378-380, 393]. В Херсонесе известна в слоях XIII в. [9, с. 43; 31, с. 108], на Эски-Кермене – IX-X и XIII вв. [32, с. 294; 33, с. 253; 49, с. 38-43, 48].

¹⁴ В 2007 г. подгруппы в группах не выделялись. Тем не менее, технологически строительная керамика из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) представлена исключительно подгруппой 1.

¹⁵ Автор выражает признательность А. И. Айбабину и И. А. Завадской за возможность использования в данной статье материалов из раскопок Эски-Кермена 2003-2005 гг.

Единичный фрагмент керамиды варианта 3 подгруппы 3 происходит из раскопок жилых кварталов Эски-Кермена в 1937 г. (рис. 9,31)¹⁶. Строительная керамика из раскопок Эски-Кермена Н. И. Репниковым происходит из усадеб, расположенных в южной (1936 г.) и восточной (1936 г., 1937 г.) частях городища. Судя по тексту отчетов, черепица происходит из мощных слоев разрушений и пожаров как на южном, так и на восточном участках. Время гибели построек на этих участках автор датирует по находкам двух византийских золотых солидов никейского императора Феодора III (1255-1259 гг.), найденных вместе с костяками в подвалах на южном в 1936 г. [44, л. 12-13] и восточном участках в 1937 г. [44, л. 27-28]. Таким образом, эти слои разрушений и черепицу можно датировать второй половиной XIII в. [44, л. 8-10, 12-13, 15, 24-25, 27-28; 45, с. 277-280; 46, с. 98, 151, рис. 98; 47, с. 147-148, табл. 20-21].

Хронология подгруппы 4 является дискуссионной. Для ее уточнения необходимо рассмотреть все известные ей аналогии. В первую очередь, нужно отметить находки из раскопок жилой застройки Эски-Кермена в 1936-1937 гг. и 2003-2008 гг. Из кварталов, раскопанных Н. И. Репниковым, происходит большая коллекция фрагментов керамид варианта 1 (рис. 9,III,26-28,33). Он же встречается в раскопках 2003-2008 гг. (других вариантов в материалах новейших раскопок неизвестно). Черепицы варианта 2 из раскопок 1936-1937 гг. (рис. 8,30,34) А. Л. Якобсоном датируются IX-X вв. [41, с. 93-108]¹⁷. Кроме вариантов 1 и 2 на Эски-Кермене известны прямые аналогии вариантам 5 (рис. 9,III,32) и 15 (рис. 9,III,29). Несмотря на датировку А. Л. Якобсона, в качестве нижней даты подгруппы 4 следует принять конец XIII в. Это время, когда ее начинают производить, и она появляется в небольшом количестве на Эски-Кермене. Этим же временем датируется и вариант 1 как один из наиболее ранних. Относительно остальных вариантов, аналогии которым есть в материалах 1936-1937 гг., нет подобной уверенности. Они могли попасть в слои разрушения усадеб случайно в более позднее время в XIV в., когда на городище была еще какая-то жизнь [48, с. 49; 43, с. 429].

Рельефные метки черепицы подгруппы 4 вариантов 1 [28, с. 184, рис. 3,30], 2 [28, с. 184, рис. 3,32-33], 3 [28, с. 183, рис. 1,11], 4 [28, с. 187, рис. 6,61], 5 [28, с. 184, рис. 3,31] хорошо известны по изданию строительной керамики из раскопок Мангупской трехнефной базилики. А. И. Романчук датирует публикуемый комплекс временем не ранее XIII-XIV вв., хотя стратиграфически он связан со слоем пожара на памятнике конца XV в. [28, с. 189]¹⁸. Помимо А. И. Романчук, аналогии керамидам кровли церкви на поселении Илька-5 из раскопок Мангупа можно найти

¹⁶ Строительная керамика из раскопок Эски-Керменского городища в 1936-1937 гг. хранится в фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника.

¹⁷ Хронология исследователя уже неоднократно подвергалась критике в научной литературе и требует пересмотра. См., к примеру, замечания Е. А. Паршиной [50, с. 79].

¹⁸ Участок, который исследовала А. И. Романчук, был открыт Р. Х. Лепером под уровень главного порога храма [53, с. 324].

в работе А. Л. Якобсона, посвященной средневековой керамике Крыма. Это варианты 3 [46, с. 101, рис. 63,111], 4 [46, с. 101, рис. 63,110], 5 [46, с. 101, рис. 63,65-72], 6 [28, с. 187, рис. 6,57]. Такая черепица датируется автором IX-X вв. [46, с. 93-108]. О необходимости пересмотра этой хронологии уже говорилось.

Подгруппа 4 известна в комплексе застройки Цитадели Мангупского городища. Детальный анализ черепицы из слоев разрушения акрополя показывает, что здесь черепица подгруппы 4 была повторно использованной (ее доля составляет $\approx 35\%$, и ее АЦФ не представляют цельного комплекса). Вместе с подгруппой 4 выделяются и другие повторно использованные древние черепицы: до 30% представлено керамидами второй половины XIII в. (подгруппа 3), $\approx 5\%$ – IX-X вв. (подгруппа 1). Еще раз отметим, что названные группы черепиц не образуют единого комплекса АЦФ и представлены разными формами. Черепица времени функционирования и строительства Цитадели (подгруппа 5¹⁹) отличается тем, что ее сохранившиеся АЦФ имеют близкий вид (в ряде случаев можно говорить о том, что они были изготовлены в одной или нескольких схожих матрицах).

В то же время застройка на эспланаде западной куртины Цитадели была первоначально перекрыта подгруппой 4 (это подтверждается статистическим анализом комплекса). Здесь отметим, что в комплексе черепицы из этих кварталов имеются аналогии вариантам 3, 8, 15 подгруппы 4 из раскопок храма на поселении Илька-5 (анalogии выделялись по комплексу признаков: размеры керамид, общая форма, вид и высота боковых бортов, похожие или близкие ремесленные метки и т. д.). Таким образом, хронологию этих вариантов можно представить следующим образом. Видимо, не позже 60-х гг. XIV в. возникает жилая застройка этого участка плато, и на кровлях домов используется синхронная ей черепица. Со временем сооружается Цитадель Мангупского городища [29, с. 409; 36, с. 450, 453; 42, с. 261], и постройки, оказавшиеся на эспланаде ее куртин, разбираются, а сама застройка внутри этого укрепления претерпевает некоторые изменения. Датировка подгруппы 4 на этом участке Мангупского городища укладывается в рамки 60-х гг. – конца XIV в.²⁰, времени функционирования застройки на эспланаде западной куртины Цитадели [51, л. 17-19].

Наконец, керамиды, подобные подгруппе 4, происходят из раскопок базилики близ с. Гончарное [20, с. 159-159]. А. Л. Якобсон выделяет здесь два периода существования храма – IX-X вв. и XIV в., хотя поздний материал практически не опубликован [20, с. 49-50, 125-132, 156-159]. Лишь в таблице ремесленных меток, где находки не разделены хронологически, присутствует прямая аналогия варианту 3 [20, с. 159, табл. 3,10].

Подводя итоги сюжету, посвященному вопросам хронологии черепицы 4 подгруппы из раскопок Илькинского храма, и опираясь на результаты исследований, в

¹⁹ Подробнее о хронологии подгруппы 5 см. ниже.

²⁰ Иеромонах Матфей во время своего путешествия на Мангуп уже видел оборонительную систему Цитадели [52, с. 270-272, 279-281].

первую очередь, Мангупского и Эски-Керменского городищ, можно прийти к следующим выводам. Данная группа строительной керамики, судя по ее присутствию в небольшом количестве в слоях гибели Эски-Кермена, появляется не позднее конца XIII в.²¹ Верхний хронологический рубеж ее бытования определяют материалы раскопок на эспланаде и внутри нее Цитадели и ее строительство не позже рубежа XIV–XV вв. Интенсивное ее использование, судя по застройке на эспланаде Цитадели Мангупского городища, датируется в хронологическом промежутке 60-х гг. XIV в. – рубежа XIV–XV вв. [52, с. 270-272, 279-281].

Для датировки находок подгруппы 5 необходимо, как и в случае с подгруппой 4, обратиться к анализу комплекса Цитадели Мангупского городища. Керамиды подгруппы 5 происходят как из раскопок на эспланаде Цитадели, так и из ее застройки. В первом случае они не составляют большой доли комплекса ($\approx 4,0\%$)²². Здесь их необходимо интерпретировать как наиболее позднюю часть комплекса, попавшую в крыши накануне разрушения этих построек и строительства оборонительных сооружений Цитадели. В застройке внутри акрополя доля подгруппы 5 намного больше: от 11,0% до 29,7%. В этом случае эти керамиды необходимо интерпретировать как строительную керамику времени строительства и функционирования Цитадели. Таким образом, хронология подгруппы выглядит следующим образом – она начинает производиться накануне строительства Цитадели Мангупского городища не позже рубежа XIV-XV вв. [52, с. 270-272, 279-281]. Верхняя хронологическая граница подгруппы менее ясна. Видимо, она не выходит за пределы второй-третьей четверти XV в. Вместе с этим, совершенно уверенно можно говорить, что к 1427 г., времени окончательного оформления застройки Цитадели [29, с. 409; 36, с. 450, 453; 42, с. 261], подгруппа выпускается, и из нее сооружаются кровли построек этого района городища.

Таким образом, время разрушения храма на поселении Илька-5 можно уточнить благодаря наличию в комплексе керамид подгруппы 5 и сказать, что оно было синхронно времени разрушения городской застройки на эспланаде Мангупского городища, т. е. рубежу XIV-XV вв.

Методика изучения комплексов разрушенных крыш на данный момент не разработана. Абсолютно неясным является то, как кровли обслуживались, насколько часто им был необходим ремонт, в какой очередности на них попадали черепицы, изготовленные в разных матрицах или из разной глины, и т. д. Отметим, что предложенные решения, интерпретации и реконструкции являются гипотетическими и дискуссионными.

²¹ В центральной части Эски-Кермена отдельные участки застройки вокруг базиликального комплекса функционируют и в XIV в. [43, с. 429; 48, с. 49].

²² Обращает на себя внимание, что структура комплекса из раскопок храма на поселении Ильки-5 аналогична структуре комплекса из слоя разрушения жилой застройки на эспланаде Цитадели Мангупского городища.

Итак, центральной гипотезой приводимой реконструкции является предположение, что керамики разных вариантов попадали на кровлю храма в разное время. Можно предположить, что синхронен строительству церкви только вариант **первоначального заказа**. Т.е. кровля была сложена из типологически единой партии черепицы, которую специально подготовили к строительству церкви. Эту гипотезу подтверждает анализ комплекса из раскопок раннесредневекового поселения в Лагерной Балке (Мангуп). Здесь однотипные керамики, изготовленные в одной или нескольких схожих матрицах, составляли от 59,26% до 77,00% черепиц одной кровли [24, с.176,180,182]. В комплексе разрушенной кровли церкви на поселении Илька-5 такой группы керамик нет (табл. 5). Всего здесь выделяется три варианта (1, 6, 15) черепиц подгруппы 4, которые составляют в некоторых квадратах значительную долю (до 50%) (табл. 5). Среди них, видимо, и нужно искать керамики первоначального заказа. Отметим, что приведенная ниже реконструкция является гипотетической.

Вариант 1 подгруппы 4 представлен 37 реконструируемыми формами (19,68%). Черепицы варианта залегали в разрушенной кровле неравномерно, больше всего их в квадрате 3 (табл. 5). Вариант 1 преобладает только в квадрате 3. В то же время этих керамик меньше 6-го и 15-го вариантов в квадратах 2, 4, 5. При этом в квадрате 4 варианта меньше всего и во 2-ом, и в 3-ем слоях. Неравномерность распределения в завале черепицы, наименьшее количество среди предполагаемых вариантов первичного набора в трех квадратах одновременно, не говорит в пользу того, что вариант 1 формировал первоначальный заказ.

Вариант 6 подгруппы 4 представлен 32 реконструируемыми формами (17,02% – это наименьшая доля среди сравниваемых вариантов). Черепицы варианта залегали в разрушенной кровле неравномерно, больше всего их в квадрате 4 (табл. 5). Вариант 6 преобладает в квадрате 2. В квадратах 4 и 5 имеет наибольшее значение вместе с вариантом 15. В то же время варианта 6 меньше 1-го и 15-го в квадратах 1 и 3. При этом в квадрате 1 варианта меньше всего и во 2-ом, и в 3-ем слоях. Как и в случае варианта 1, против первоначального заказа в виде варианта 6 говорит его неравномерное распределение, наименьшее количество среди рассматриваемых вариантов в двух квадратах одновременно и наименьшая доля среди сравниваемых вариантов.

Вариант 15 подгруппы 4 представлен 41 реконструируемой формой (21,80%). Черепицы варианта залегали в разрушенной кровле относительно равномерно (табл. 5). Вариант 15 преобладает в квадрате 1²³ (квадраты 4 и 5 дают наибольшее значение вместе с вариантом 6). В то же время вариант 15 не пребывает в меньшинстве ни в одном из квадратов (может быть, в меньшинстве отдельно во 2-ом и 3-ем слоях). Все вышесказанное позволяет предположить, что наиболее вероятным вариантом первоначального набора был, скорее всего, вариант 15. Таким образом, варианты 1 и 6 являются, видимо, керамиками **«капитального»** ремонта кровли храма. Скорее всего,

²³ Во 2-ом слое квадрата 1 вариант 15 составляет 56,25% от реконструируемых форм комплекса (табл. 5).

он был сосредоточен на северном скате в западной его части (вариант 1) и на южном скате кровли (вариант 6). Этот ремонт осуществлялся повторно использованными керамидами, т.к. эти варианты, судя по аналогиям с Эски-Керменского городища, были произведены не позже конца XIII в.²⁴

Кроме капитального ремонта на крыше отмечены единичные керамиды, отнести которые к ремонту или первоначальному заказу пока нельзя. Обратим внимание, что некоторые черепицы из этой группы являются, несомненно, повторно использованными (подгруппа 3). Вместе с тем среди керамид есть и первично использованные черепицы (подгруппа 5). Этот вывод был сделан, исходя из хронологии подгруппы 5 на Цитадели Мангупского городища, где эта подгруппа, видимо, синхронна времени гибели храма на поселении Илька-5.

Отметим, что предложенная реконструкция истории жизни крыши храма является дискуссионной и гипотетичной. Вместе с тем она выглядит, по мнению автора, достаточно правдоподобной, т. к. подтверждается наличием крупного ремонта на восточной части южной стены церкви (в древности тут были проведены серьезные работы по укреплению и утолщению стены постройки, предполагающие временный разбор кровли).

Кроме кровли, строительная керамика происходит также из полов храма. Это керамиды (рис. 9,1), которые отличаются тем, что у них сбиты все рельефные части: боковые (рис. 9,1,1-3,5-11,13-14,16-17) и верхние бортики (рис. 9,1,2-4,6-7,12,14-15), ремесленные метки (рис. 9,1,4), водосливные валики (рис. 9,1,17). Керамиды из полов церкви сохранились плохо, АЦФ не обнаружены, нет примеров находок такой черепицы в положении *in situ*. Большинство керамид представлено подгруппой 4, хотя есть черепицы и подгруппы 3 (рис. 9,1,13). Из керамид подгруппы 4 отметим варианты 4 (рис. 9,1,14) и 16 (рис. 9,1,4,15). Заметим, что такое использование керамид не является чем-то уникальным. Подобная вымостка обнаружена, к примеру, в процессе раскопок Херсонеса [9, с. 84-88].

Кроме керамид, в комплекс разрушенной кровли церкви на поселении Илька-5 входит также небольшое количество калиптеров (рис. 9,II; табл. 1). Незначительное содержание калиптеров в комплексе объясняется тем, что они, видимо, перекрывали только стык южного и северного скатов крыши.

Морфологически калиптеры XIV-XV вв. мало чем отличаются от калиптеров IX-X вв. Они, как и в более раннее время, имеют дугообразную форму в сечении и рельефный выступ-манжет. Из отличий можно отметить лишь наличие водосливных валиков (рис. 9,13,16-17), что в целом не характерно для калиптеров Илькинского гончарного центра в IX-X вв. [24, с. 181]. Отметим также, что у калиптеров IX-X вв.,

²⁴ Вариант 1 подгруппы 4 датируется временем не позже конца XIII в., по аналогиям из раскопок Эски-Керменского городища. Вариант 6 подгруппы 4 на Эски-Кермене обнаружен не был, но относится к тому же хронологическому классу, что и вариант 1. Видимо, вариант 6 необходимо датировать более поздним, но вместе с этим близким временем.

производившихся в Трудолобовском гончарном центре, водосливные валики имели широкое распространение [54, с. 187-189].

Анализируя комплекс строительной керамики из раскопок церкви на поселении Илька-5, можно предположить, что ее заказчиком, исполнителем и теми, кто осуществлял ремонт, были ремесленники, производившие строительную керамику на территории гончарного центра Илька. В кровле храма практически не использованы керамики других гончарных центров. Аналогии всем вариантам подгруппы 4 происходят из раскопок гончарной печи на участке Илька-1, где они и производились (отсюда происходят бракованные фрагменты всех вариантов). Храм входит в состав поселения, которое, несомненно, связано с указанным гончарным центром.

Комплекс строительной керамики из раскопок храма поселения Илька-5 позволил уточнить предварительную датировку этой церкви. Видимо, она сооружается не ранее 60-х гг. XIV в.²⁵ и гибнет одновременно строительству оборонительных сооружений Цитадели не позже рубежа XIV–XV вв., на что указывает аналогичность структуры комплексов названного участка и из раскопок храма поселения Илька-5. Керамидами, синхронными гибели церкви, являются черепицы подгруппы 5.

Несмотря на свое непродолжительное существование, храм подвергается крупному ремонту: на кровле и на восточной части южной стены. Крыша храма ремонтировалась преимущественно повторно использованной черепицей, что позволяет предположить поблизости наличие ранних построек. Отметим, что не вызывает сомнения то, что церковь принадлежала гончарам производственного центра Илька, о чем говорят ее расположение и абсолютное преобладание черепиц его производства. Несомненной ценностью данного комплекса является то, что он уникален для XIV в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шрег Р.* К вопросу освоения округа Мангула и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
2. *Моисеев Д. А., Науменко В. Е., Смекалова Т. Н., Чудин А. В.* Разведки на северо-восточном склоне г. Илька и в урочище Суаткан // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ; Полтава, 2011.
3. *Моисеев Д. А., Науменко В. Е., Смекалова Т. Н., Чудин А. В.* Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища: предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. К 185-летию начала раскопок в Херсонесе. Тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Севастополь, 2012.
4. *Моисеев Д. А., Науменко В. Е., Смекалова Т. Н., Чудин А. В.* Комплексные археологические

²⁵ Вероятно, это происходит намного позже 60-х гг. XIV в., т. к. храм просуществовал непродолжительное время, а время гибели в хронологических рамках не позже рубежа XIV–XV вв. не вызывает сомнения.

- и геофизические исследования на склонах г. Илька // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Київ, 2012.
5. *Моисеев Д. А., Науменко В. Е., Смекалова Т. Н., Чудин А. В.* Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища: предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. К 185-летию начала раскопок в Херсонесе. Тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Севастополь, 2012.
 6. *Дамбровский О. И.* Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
 7. *Кирилко В. П.* Фуннская часовня № 1 // Археологический альманах. Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 2010. № 22.
 8. Памятники архитектуры и археологии. Бахчисарайский район. Научно-производственные работы по обследованию территорий и подготовке предложений по организации зон охраны памятников. Т. 6. Научно-исследовательские работы по обследованию территорий и по организации зон охраны памятника архитектуры и археологии городища Мангуп и памятников его округа. Книга 2. Альбом 2. Материалы предварительных и историко-архивных исследований. Памятники округа Мангупа (авторы проекта – Ю. С. Воронин, А. Г. Герцен) // НА БИКЗ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 57.
 9. *Романчук А. И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
 10. *Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р.* Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
 11. *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
 12. *Рыжов С. Г.* Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса // АДСВ. Екатеринбург, 2000. Вып. 31.
 13. *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008.
 14. *Рыжов С. Г.* Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
 15. *Романчук А. И.* Кувшины и миски из слоя пожара XIV в. Херсонесского городища (сочетание техники сграффито и шамплеве) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
 16. *Айбабин А. И.* Города и степи Крыма в XIII-XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
 17. *Романчук А. И.* Материалы к истории Херсона XIV-XV вв. // АДСВ. Свердловск, 1982. Вып. 19.
 18. *Алексеевко Н. А.* К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII в. // ХСБ. Севастополь, 1997. Вып. VIII.
 19. *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
 20. *Яacobson A. J.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. М., 1970. Вып. 168.
 21. *Мыц В. Л.* Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1.
 22. *Айбабин А. И.* Крым в X – первой половине XIII века. Степь и Юго-Западный Крым // Археология: в 20-ти т. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М., 2003.

23. *Моисеев Д. А.* Хронология комплекса плинф из полов Крестообразного храма Мангупа // *Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2012 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012».* Севастополь, 2012.
24. *Моисеев Д. А.* Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // *Древности.* Харьков, 2011. Вып. 10.
25. *Науменко В. Е.* Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // *Бахчисарайский историко-археологический сборник.* Симферополь, 1997. Вып. 1.
26. *Моисеев Д. А.* Ранневизантийская строительная керамика Илькинского производственного центра // *II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (Бахчисарай, 3-7 сентября 2013 г.).* Симферополь, 2013.
27. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
28. *Романчук А. И.* Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе // *СА.* 1977. № 2.
29. *Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В.* Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // *МАИЭТ.* 2006. Вып. XII. Ч. 2.
30. *Герцен А. Г., Манаев А. Ю.* Демир-Капу в системе оборонительных сооружений Мангупа // *МАИЭТ.* 2005. Вып. XI.
31. *Симонова Т. И.* Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // *АДСВ.* Свердловск, 1980. Вып. 17.
32. *Завадская И. А.* Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // *МАИЭТ.* 2008. Вып. XIV.
33. *Завадская И. А.* Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // *ТГЭ.* 2010. Т. 53.
34. *Науменко В. Е.* Отчет об археологических разведках в округе Мангупского городища в 2011 г. // *НА БИКЗ.* Ф. 2. Оп. 10. Д. 61.
35. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // *МАИЭТ.* 2009. Вып. XV.
36. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997-1998 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // *АДСВ.* Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
37. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 г. СПб., 2005.
38. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г. СПб., 2006.
39. *Кирилко В. П.* Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг. Киев, 2005.
40. *Мыц В. Л.* Генуэзская Луста и капитанство Готия в 50-70-е гг. XV в. // *Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней.* Киев, 2002.
41. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // *ТГЭ.* 2010. Т. LI.
42. *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв.* Киев, 2005.
43. *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // *МАИЭТ.* 2011. Вып. XVII.
44. *Репников Н. И.* Отчет о работе на Эски-Кермене // *НА БИКЗ.* Ф. 19. Оп. 1. Д. 3.

45. *Репников Н. И.* Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941.
46. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. М., 1979.
47. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. Вып. 17.
48. *Айбабин А. И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
49. *Паршина Е. А.* Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
50. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики // Феодалная Таврика. Киев, 1974.
51. *Герцен А. Г.* Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 1996 г. // Археологический музей ТНУ им. В. И. Вернадского.
52. *Герцен А. Г.* Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
53. *Герцен А. Г.* Археологические исследования Мангупа в 1967-1977 гг. // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008.
54. *Талис Д. Л.* Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища // СА. 1968. № 2.

Моисеев Д. А.

**Комплекс строительной керамики XIV в.
из раскопок христианского храма в округе горы Илька**

Резюме

Статья посвящена публикации комплекса строительной керамики XIV в., происходящего из раскопок храма на поселении Илька-5 гончарного центра Илька. Храм предварительно был датирован, основываясь на анализе кухонной и столовой керамики, 60-ми гг. XIV – первой половиной XV вв. Благодаря поиску широкого круга аналогий черепице на Мангупском и Эски-Керменском городищах, удалось сузить предварительную хронологию храма на поселении Илька-5 и определить время разрушения церкви на рубеже XIV-XV вв.

В статье строительная керамика XIV в. описывается как технологически, так и морфологически. Публикуется большое количество целых форм керамид, хронологию которых, благодаря поиску аналогий на Эски-Кермене и Мангупе, удалось определить в границах одного или двух столетий.

Moiseyev D. A.

**Complex of Building Ceramic Wares Dating to the 14th Century from the Excavations of
Christian Church in the Neighbourhood of Ilka Mountain**

Summary

The article is devoted to the publication of the complex of building ceramics dating back to the 14th century from the excavations of the church in the settlement of Ilka-5 of the pottery centre of Ilka. The church was preliminary dated back to the 60s of the 14th – the first half of the 15th centuries basing on the analysis of kitchen appliances and table ceramic wares. Owing to the search of analogies to tiles in Mangup and Eski-Kermen city-sites, it became possible to date more exactly the preliminary chronology of the church in the settlement of Ilka-5 and determine the time of the destruction of the church at the turn of the 14th-15th centuries.

In the article building ceramics of the 15th century is described technologically and morphologically. A large quantity of whole forms of box tiles is published; the chronology of which was determined within the frame of one or two centuries due to the search of analogies in Eski-Kermen and Mangup.

Табл. 1. Строительная керамика из раскопок храма на поселении гончарного центра Илька

		Керамиды (фрагментов и АЦФ)		Калиптеры (фрагментов и АЦФ)		Всего (фрагментов и АЦФ)	
		шт.	%	шт.	%	шт.	%
Группа I	Подгруппа 1	16	0,60	0	0,00	16	0,56
	Подгруппа 3	382	14,42	15	6,64	397	13,80
	Подгруппа 4	2122	80,07	208	92,04	2330	81,02
	Подгруппа 5	15	0,57	0	0,00	15	0,52
	Подгруппа не определена	15	0,57	0	0,00	15	0,52
Брак		100	3,77	3	1,33	103	3,58
Всего		2650		226		2876	

Табл. 2. Керамиды из раскопок храма на поселении гончарного центра Илька²⁶

Керамиды		Квадрат 1, шт	Квадрат 2, шт	Квадрат 3, шт	Квадрат 4, шт	Квадрат 5, шт
Подгруппа 1	АЦФ	-	-	-	-	-
	половина	-	-	-	-	-
	влу	-	-	1	-	1
	впу	-	2	-	1	-
	нлу	-	-	-	-	-
	нпу	-	1	-	-	1
	верхний борт	-	-	1	-	-
	боковой борт	-	-	2	3	-
	поле	-	-	2	2	1
	край	-	-	-	-	-

²⁶ В таблице употребляются следующие сокращения: влу – верхний левый угол; впу – верхний правый угол; нлу – нижний левый угол; нпу – нижний правый угол.

Табл. 2. Продолжение

Подгруппа 3	АЦФ	2	-	-	1	-
	половина	-	-	-	4	-
	влу	3	-	5	5	3
	впу	1	-	9	9	4
	нлу	3	1	11	7	-
	нпу	7	-	6	12	-
	верхний борт	1	3	12	4	4
	боковой борт	11	12	43	21	9
	поле	1	4	62	61	28
	край	1	3	3	6	-
Подгруппа 4	АЦФ	-	1	-	4	-
	половина	4	1	-	6	-
	влу	23	14	34	23	8
	впу	22	13	22	20	11
	нлу	32	20	44	25	13
	нпу	32	13	24	35	11
	верхний борт	41	24	69	36	19
	боковой борт	76	34	137	83	48
	поле	197	80	327	285	92
	край	10	11	24	32	9
Подгруппа 5	АЦФ	-	-	-	-	-
	половина	-	-	-	1	-
	влу	-	-	-	-	-
	впу	-	-	-	-	-
	нлу	-	-	1	-	-
	нпу	-	-	-	-	-
	верхний борт	-	-	2	-	-
	боковой борт	-	-	1	2	-
	поле	-	-	2	3	3
	край	-	-	-	-	-

Табл. 2. Продолжение

брак	АЦФ	-	-	-	-	-
	половина	-	-	-	-	-
	влу	2	-	3	4	1
	впу	-	-	4	-	-
	нлу	2	1	-	-	-
	нпу	-	-	-	3	-
	верхний борт	3	-	5	1	-
	боковой борт	5	5	17	3	1
	поле	5	3	17	13	-
	край		1	1	-	

Табл. 3. Таблица соответствия классификации строительной керамики гончарного центра Илька опубликованным типологиям черепицы других памятников

Группа	Подгруппа	Классификации строительной керамики					
		IX-X вв., Херсонес, по А.И. Романчук [9, с. 21]	XIII-XIV вв., Херсонес, по А.И. Романчук [9, с. 42-44]	конец IX – начало X вв., Мангул, по Д.А. Моисееву [24, с. 177]	вторая половина – конец IX в., Мангул, по В.Е. Науменко [25, с. 323]	XIV-XV вв., Мангул, по А.Г. Герцену и др. [29, с. 380, 393]	вторая половина XIII в., Эски-Кермен, по И.А. Завадской [32, с. 295-296]
I	1	-	-	I группа	I группа	-	-
	2	-	-	-	-	-	-
	3	-	-	-	-	-	Ia группа
	4	-	-	-	-	-	-
I		III группа	III группа	-	-	анго-бированная красноглиняная черепица	-
II		II группа	II группа	II группа	II группа	-	-

Табл. 4. Черепица из кровли, перекрытия пола и повторно использованная строительная керамика в качестве бута кладки стен (фрагментов и АЦФ, шт.)

	Квадрат 1	Квадрат 2	Квадрат 3	Квадрат 3, южная бровка	Квадрат 4	Квадрат 5
Кровля	506	486	581	217	683	254
Вымостка полов	4	13	4	6	2	5
Бут из кладки стен	0	0	1	0	3	7

Табл. 5. Комплекс строительной керамики из раскопок церкви на Ильке-5

	Квадрат 1						Квадрат 2		Квадрат 3					
	слой 2		слой 3		всего		рек. ф.	%	слой 2		слой 3		всего	
	рек. ф. ²⁷	%	рек. ф.	%	рек. ф.	%			рек. ф.	%	рек. ф.	%	рек. ф.	%
3/1	1	6,25	2	11,76	3	9,09	-	-	-	-	-	-	-	-
3/2	-	-	1	5,88	1	3,03	-	-	1	2,50	-	-	1	1,92
3/3	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2,50	-	-	1	1,92
3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4/1	3	18,75	5	29,41	8	24,24	1	6,25	11	27,50	7	58,33	18	34,62
4/2	1	6,25	2	11,76	3	9,09	-	-	3	7,50	-	-	3	5,77
4/3	-	-	1	5,88	1	3,03	-	-	-	-	-	-	-	-
4/4	-	-	-	-	-	-	-	-	2	5,00	-	-	2	3,85
4/5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	8,33	1	1,92
4/6	-	-	2	11,76	2	6,06	6	37,50	4	1	2	16,67	6	11,54
4/7	-	-	-	-	-	-	1	6,25	-	-	-	-	-	-
4/8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4/9	1	6,25	1	5,88	2	6,06	-	-	-	-	-	-	-	-
4/10	-	-	-	-	-	-	1	6,25	-	-	-	-	-	-
4/11	-	-	-	-	-	-	-	-	3	7,50	-	-	3	5,77
4/12	-	-	-	-	-	-	1	6,25	2	5,00	-	-	2	3,85
4/13	-	-	1	5,88	1	3,03	-	-	-	-	-	-	-	-
4/14	1	6,25	2	11,76	3	9,09	-	-	-	-	-	-	-	-
4/15	9	56,25	-	-	9	27,27	2	12,50	11	27,50	1	8,33	12	23,08
4/16	-	-	-	-	-	-	4	25,00	2	5,00	1	8,33	3	5,77
5/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

²⁷ Реконструируемая форма – сокр. «рек. ф.».

Табл. 5. Продолжение

	Квадрат 4						Квадрат 5						Всего	
	слой 2		слой 3		всего		слой 2		слой 3		всего			
	рек. ф.	%	рек. ф.	%	рек. ф.	%	рек. ф.	%	рек. ф.	%	рек. ф.	%	рек. ф.	%
3/1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	1,60
3/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1,06
3/3	1	5,56	1	2,04	2	2,99	1	8,33	1	12,50	2	10,00	5	2,66
3	1	5,56	4	8,16	5	7,46	-	-	-	-	-	-	5	2,66
4/1	1	5,56	6	12,24	7	10,45	3	25,00	-	-	3	15,00	37	19,68
4/2	-	-	7	14,29	7	10,45	1	8,33	-	-	1	5,00	14	7,45
4/3	1	5,56	1	2,04	2	2,99	1	8,33	-	-	1	5,00	4	2,13
4/4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1,06
4/5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,53
4/6	1	5,56	11	22,45	12	17,91	3	25,00	3	37,50	6	30	32	17,02
4/7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,53
4/8	-	-	1	2,04	1	1,49	-	-	-	-	-	-	1	0,53
4/9	-	-	2	4,08	2	2,99	-	-	-	-	-	-	4	2,13
4/10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,53
4/11	1	5,56	2	4,08	3	4,48	-	-	-	-	-	-	6	3,19
4/12	-	-	2	4,08	2	2,99	-	-	-	-	-	-	5	2,66
4/13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,53
4/14	4	22,22	3	6,12	7	10,45	1	8,33	-	-	1	5,00	11	5,85
4/15	6	33,33	6	12,24	12	17,91	2	16,67	4	50,00	6	30,00	41	21,80
4/16	2	11,11	2	4,08	4	5,97	-	-	-	-	-	-	11	5,85
5/1	-	-	1	2,04	1	1,49	-	-	-	-	-	-	1	0,53

Табл. 6. Классификация строительной керамики

Подгруппа/ вариант	Размеры керамиды, см	Высота ²⁸ ; ширина бокового бортика, см
3/1	?x35,0-36,1	2,45-2,9; 2,1-2,3/1,3-1,95
3/2	?	2,8; 1,8/2,2
3/3	?	3,0-3,85; 1,6-1,9/3,1-3,45
4/1	41,5-43,1x34,7-35,5	3,1-3,3; 1,2-1,9/1,5-2,5
4/2	41,1x34,6	2,4-3,4; 11,4-1,75/ 2,1-2,5
4/3	40,0x36,4	3,1; 1,0/0,8
4/4	?x36,1	3,2-3,8; 0,7-1,1/1,8-2,5

²⁸ Высота бокового бортика указана от верхней грани до поля керамиды. Толщина поля керамид обыкновенно колеблется от 1,8 до 2,3 см.

4/5	?	3,3; 1,7/1,0
4/6	?	3,3-3,6; 1,4-1,7/1,9-2,1
4/7	?	3,3; 2,0/1,6
4/8	?x34,9	2,4; 2,1/1,3
4/9	41,2x?	3,1; 2,0/2,1
4/10	41,3x35,5	3,2-3,5; 1,2-2,0/2,1-2,4
4/11	?	2,0; 2,1/1,6
4/12	?	1,5; 1,3/1,1
4/13	?	3,1; 1,3/1,9
4/14 ²⁹	42,2x32,9	2,7-3,0 : 3,7-3,8; 1,5-2,9/1,1-2,1 : 1,1-2,1/2,1-3,1
4/15	40,5x33,4	2,2-2,8; 1,0-1,7/1,5-2,3
4/16	?	3,0; 1,4/2,0
5/1	34,5x?	3,3; 1,8/2,2

²⁹ Вариант является условным: в нем выделяются два вида керамид, несколько отличающихся друг от друга формой боковых бортов и водосливных валиков. В описании они будут даны вместе, промеры первого вида будут через знак «:» продолжаться промерами второго вида. Это относится к боковым бортам, в остальных случаях даются размеры первого вида.

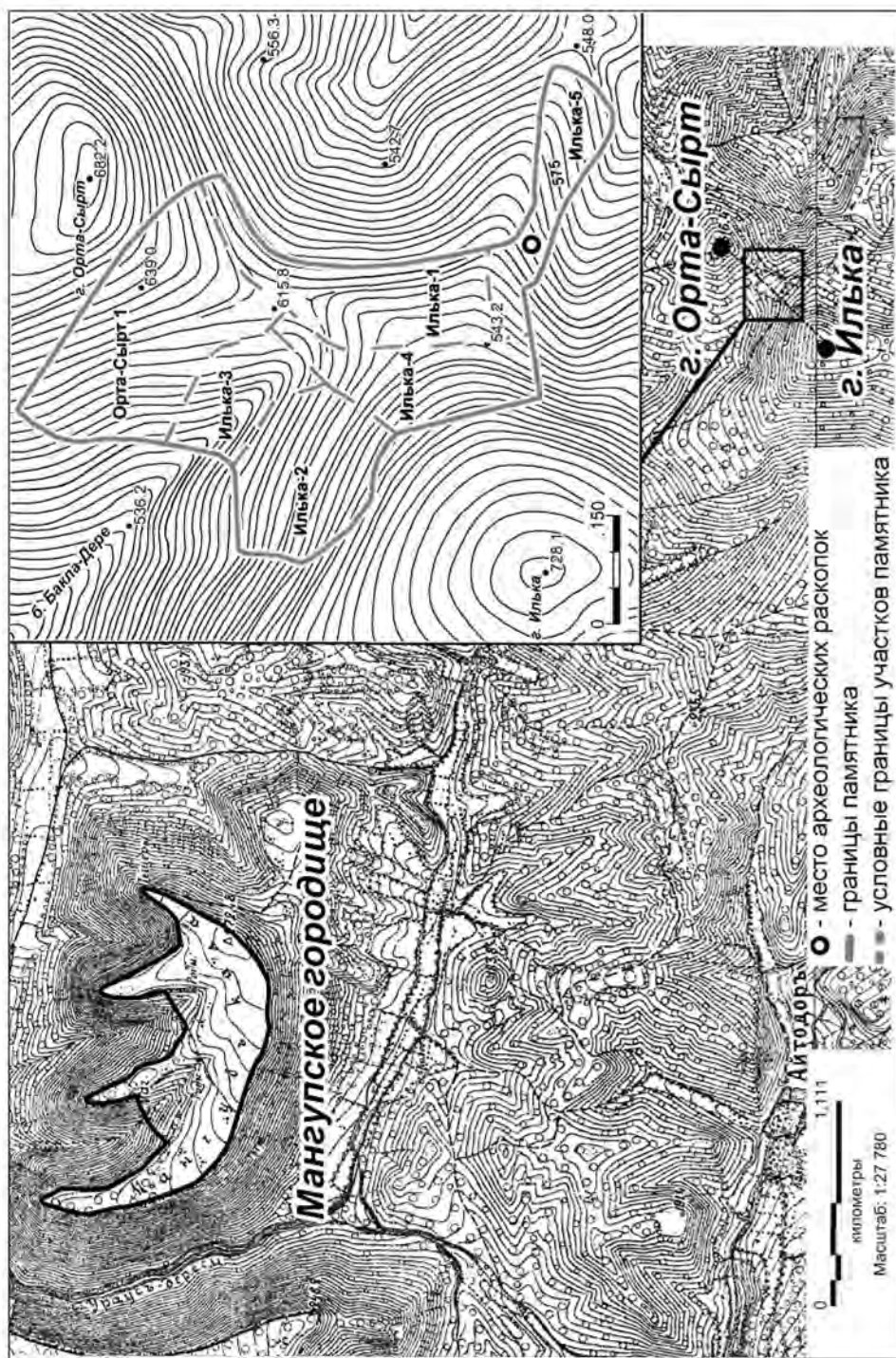

Рис. 1. Южная округа Мангульского городища. Производственный центр Илька.

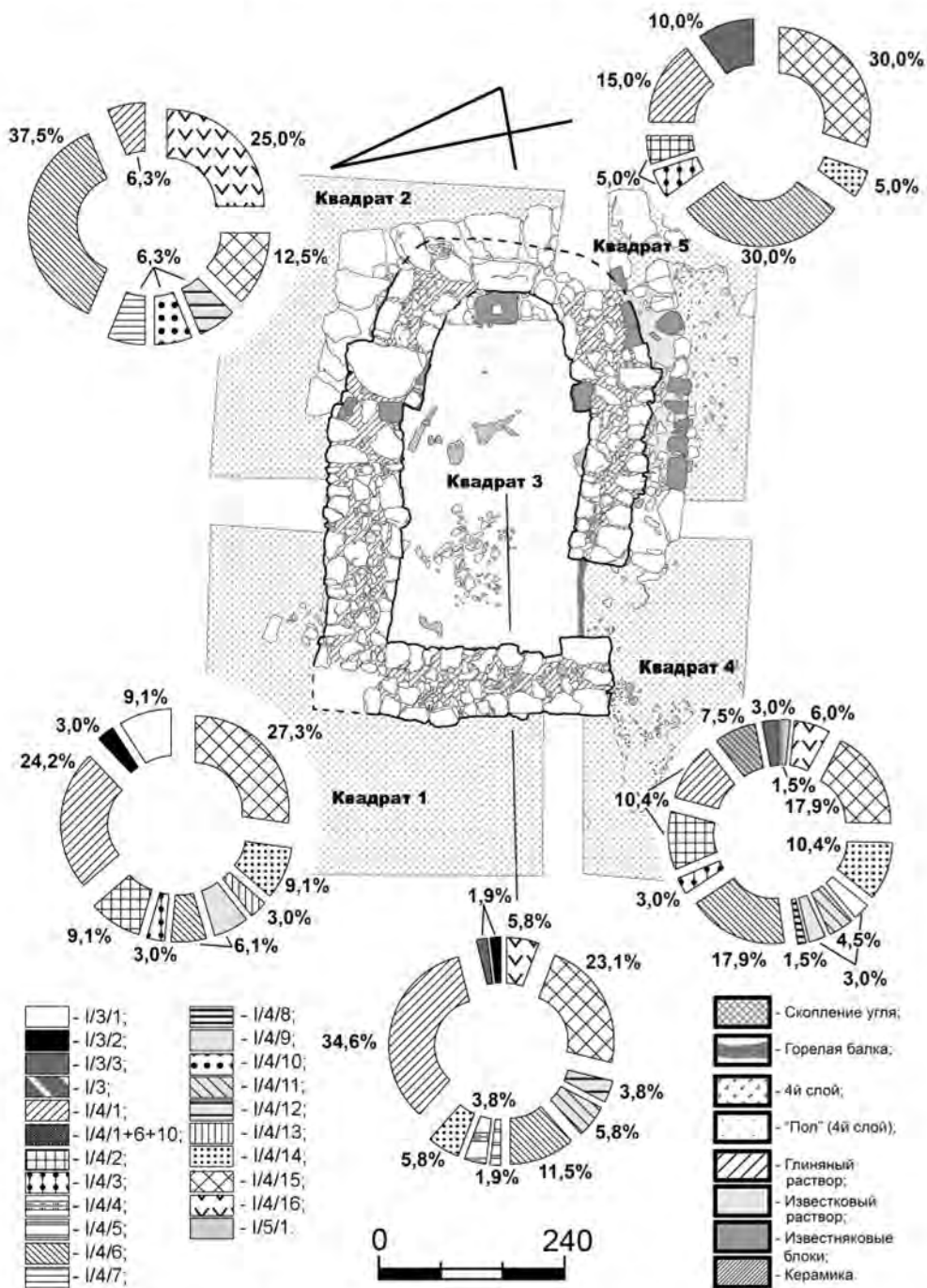

Рис. 2. Участок исследований Илька-5. План церкви. Карта ремонтов.

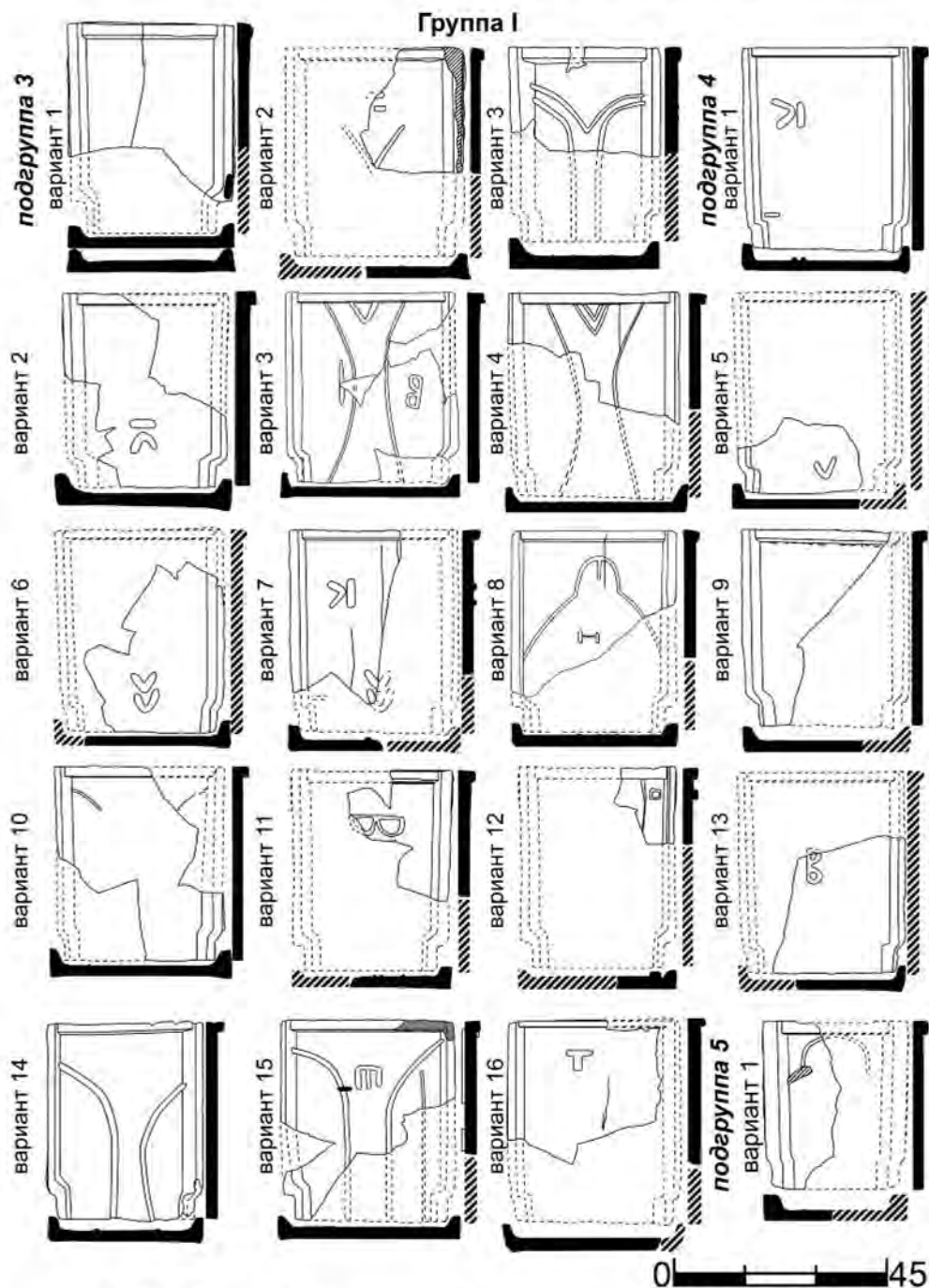

Рис. 3. Строительная керамика из раскопок гончарного центра Илька.
Классификация керамид (варианты).

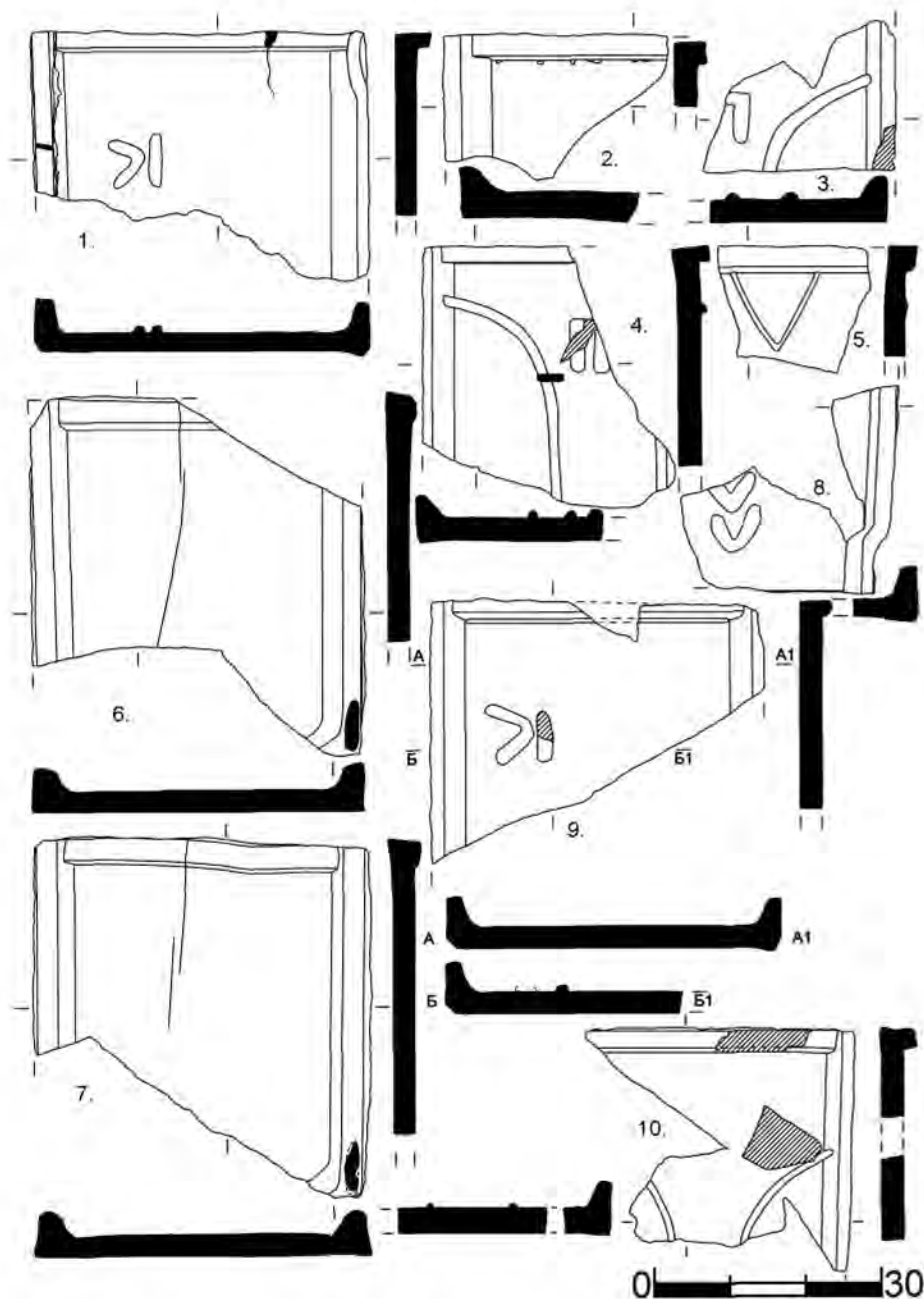

Рис. 4. Строительная керамика из раскопок гончарного центра Илька.

1-4 – находки из квадрата 1, слой 2; 5-10 – находки из квадрата 1, слой 3.

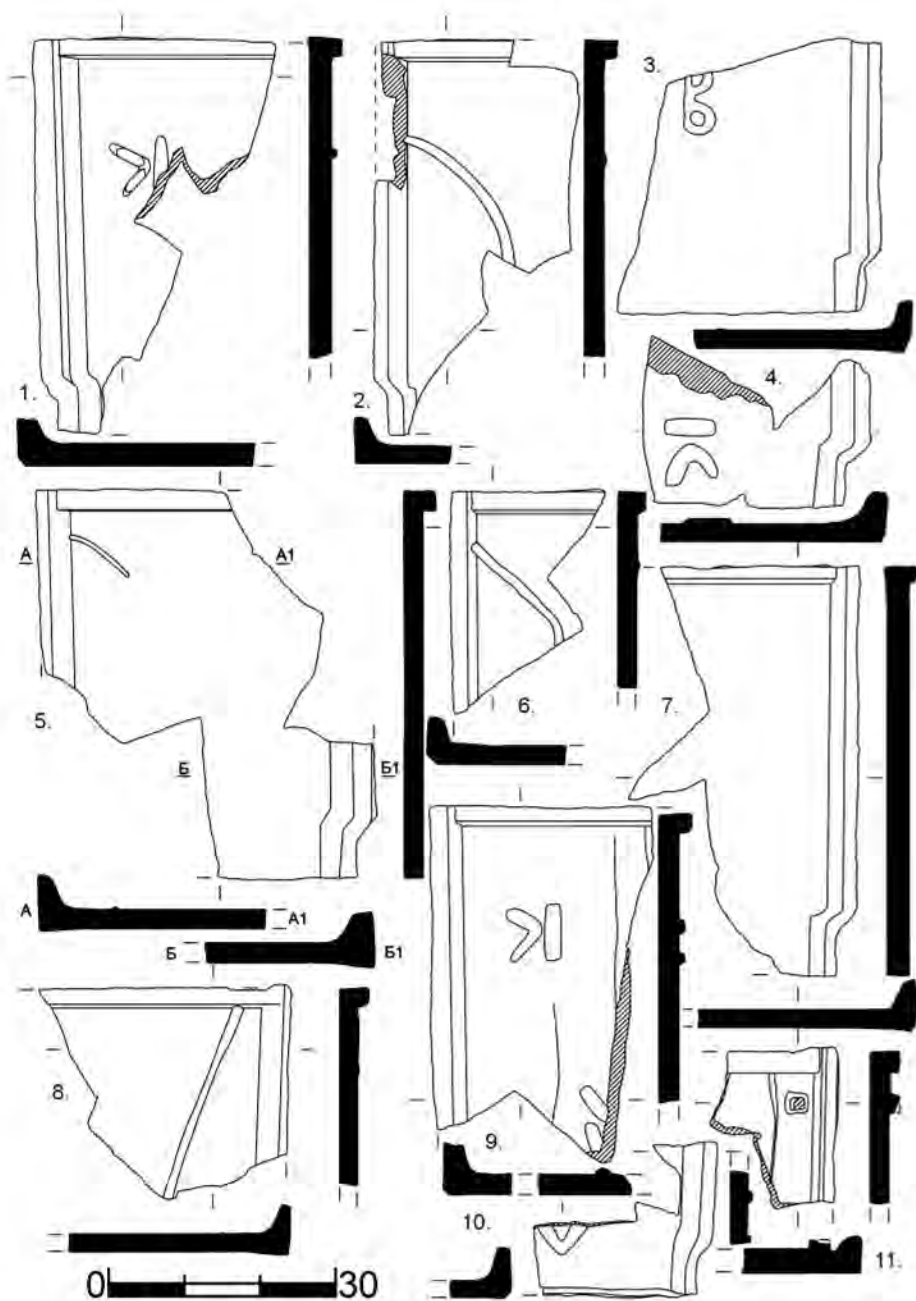

Рис. 5. Строительная керамика из раскопок гончарного центра Илька.

1-4 – находки из квадрата 1, слой 3; 5-11 – находки из квадрата 2.

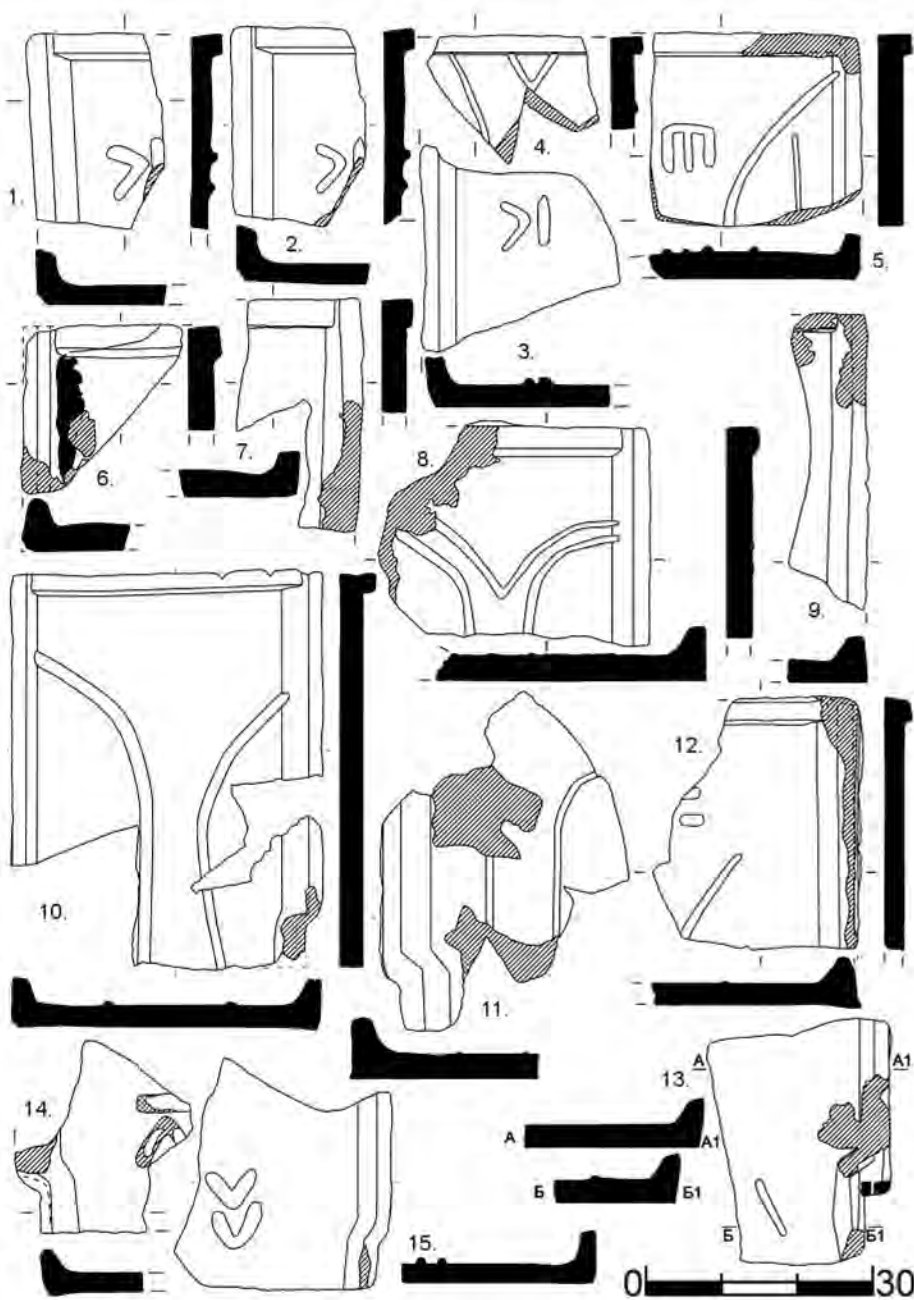

Рис. 6. Строительная керамика из раскопок гончарного центра Илька.

1-5 – находки из квадрата 3, слой 2; 6-7 – находки из квадрата 3, слой 3; 8-11 – находки из квадрата 4, слой 2; 12-15 – находки из квадрата 4, слой 3.

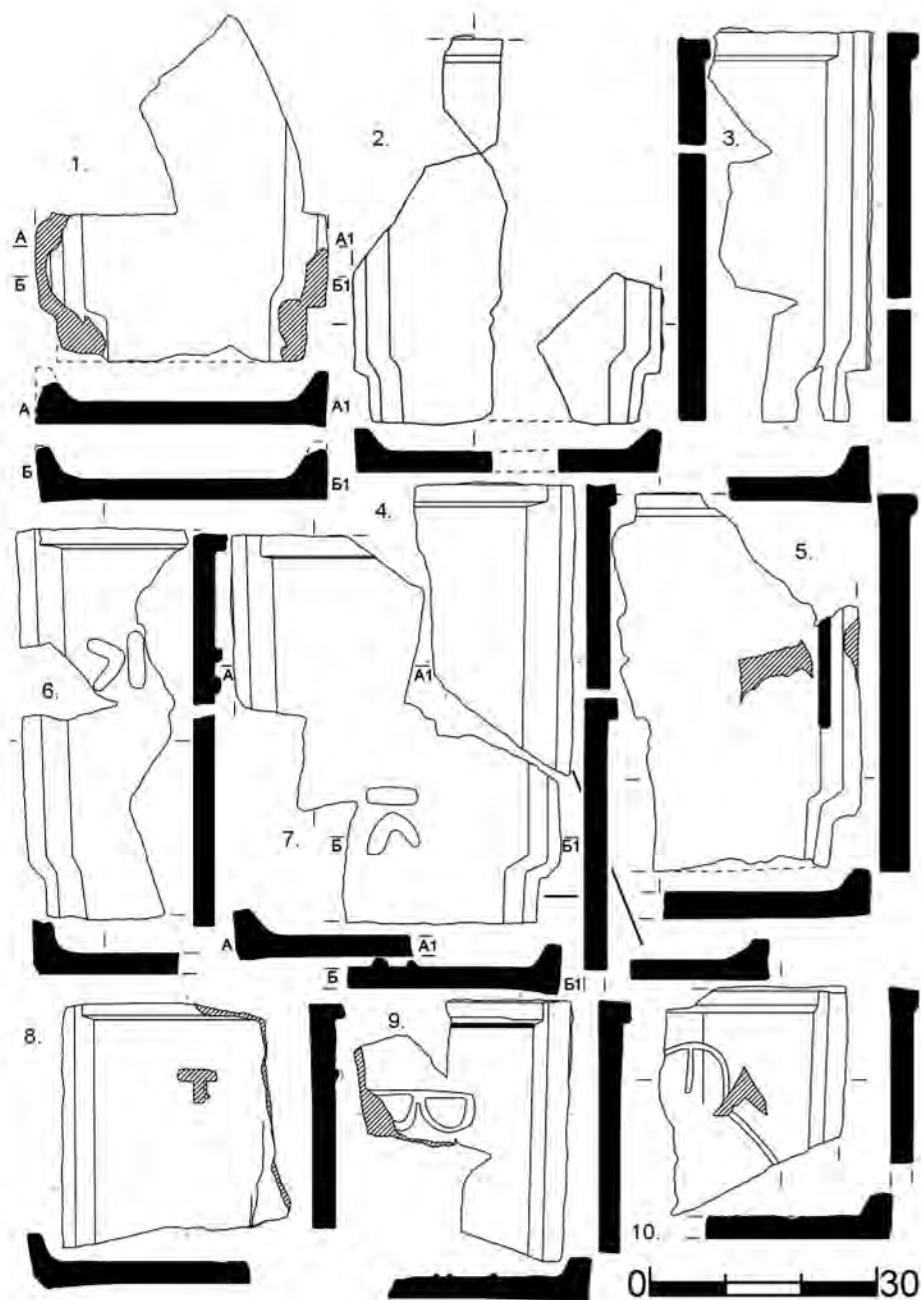

Рис. 7. Строительная керамика из раскопок гончарного центра Илька. Керамиды. Находки из квадрата 4, слой 3.

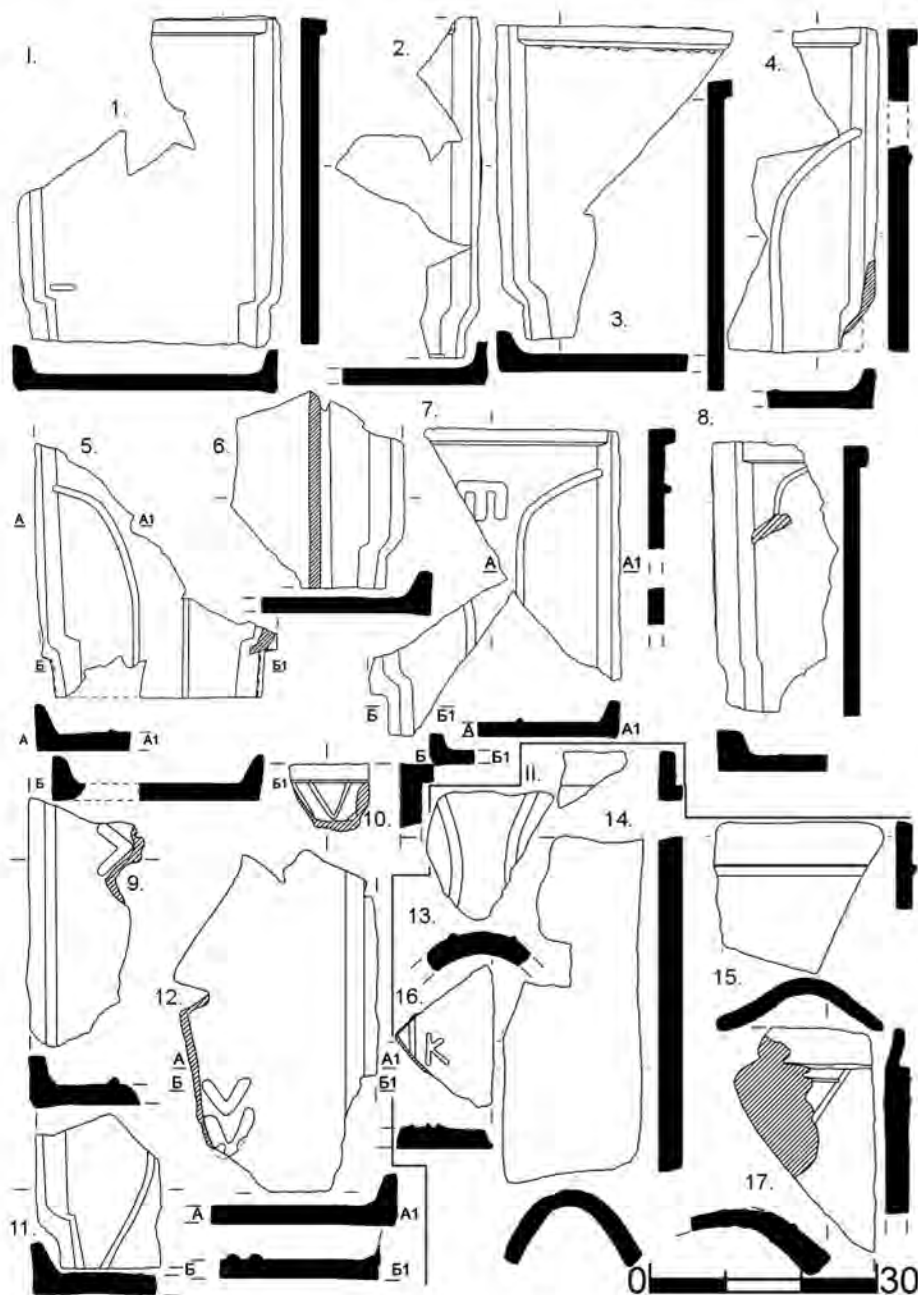

Рис. 8. Строительная керамика из раскопок гончарного центра Илька.

I – Керамиды: 1-8 – находки из квадрата 4, слой 3; 9-11 – находки из квадрата 5, слой 2; 12 – находки из квадрата 5, слой 3. II – Калиттеры.

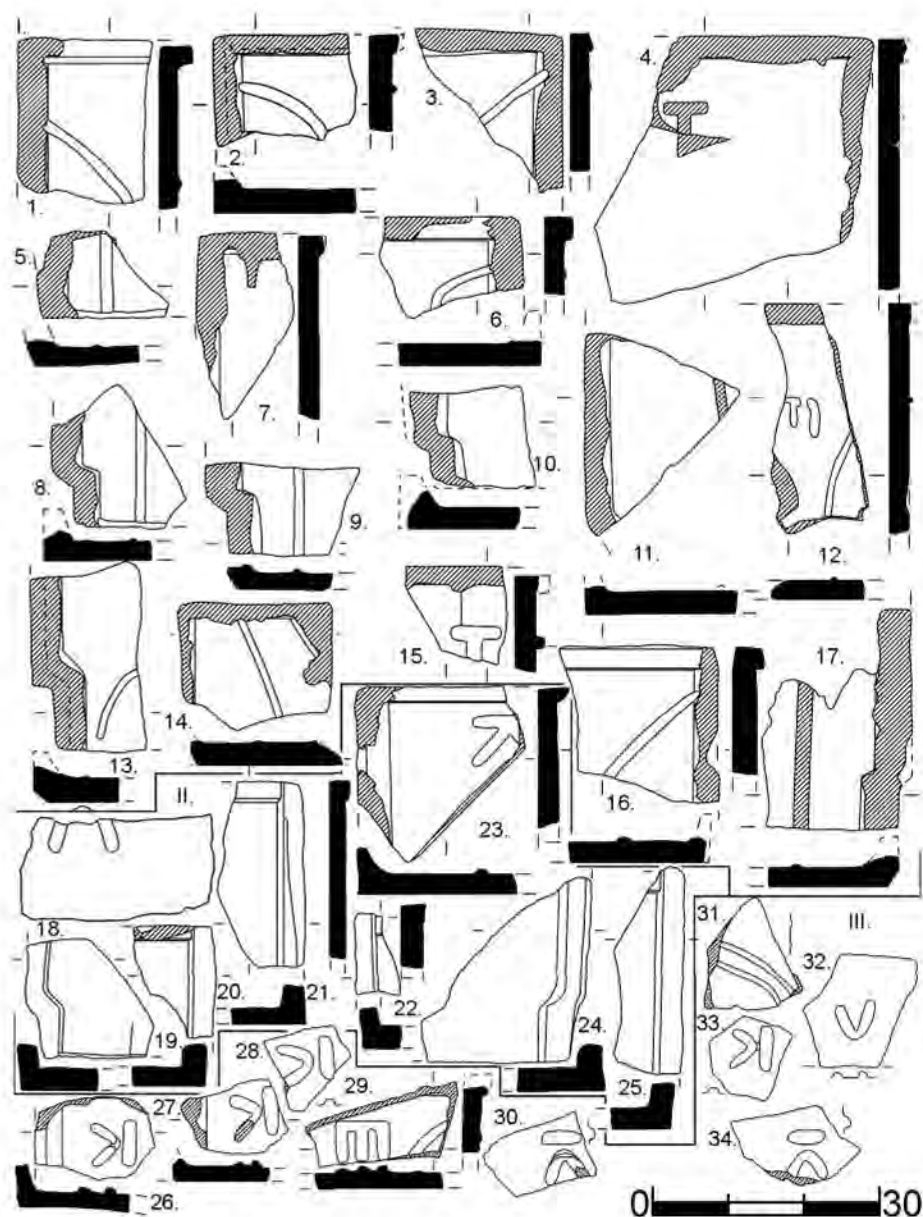

Рис. 9. Строительная керамика из раскопок гончарного центра Илька.

I – «Напольные керамиды». II – Повторно использованные керамиды. III – Керамиды из раскопок Эски-Керменского городища в 1936-1937 гг.

Н. В. ГИНЬКУТ

ПРОИЗВОДСТВО ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV – СЕРЕДИНЕ XV вв. В КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО¹

Развитие местного локального производства поливной керамики активно начинается на Крымском полуострове в XIV-XV вв., именно в этот период появляется множество самостоятельных керамических центров по производству поливной керамики. Подобный активный процесс был характерен для Средиземноморско-Причерноморского региона еще с XIII в., когда во многих центрах Византии и регионах, находящихся под влиянием итальянских купцов, появляются мастерские по производству поливной керамики, зачастую выпуская схожую между собой продукцию как по форме, так и по орнаментации [1, р. 21-23]. Возникновение локальных школ в Таврике, по мнению А. Л. Якобсона, было повсеместным явлением [2, с. 156]. Горны для обжига поливы, свидетельства деятельности мастеров-керамистов, остатки брака производства известны как в крупных городах средневекового Крыма того времени (Каффе, Судак, Старом Крыму, Алуште, Фуне), так и на небольших

¹ Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Кераміка Криму (XIV-XV ст.) як індикатор Причорноморсько-Середземноморських культурно-економічних зв'язків» при поддержке Государственного агентства по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины, УДК 904.23(477.75)''14'', № государственной регистрации 0113U004328. В ходе реализации проекта планируется провести лабораторные исследования поливной керамики (Университет Лион 2, Франция), а также подготовить развернутую публикацию с результатами исследований и каталогом изделий. Предварительные сообщения по производству поливной керамики в крепости Чембало были сделаны на Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo (Venezia, 23-27 novembre 2009); Международной научной конференции «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы» (Севастополь, 30.09 – 05.10.2012). Выражаю признательность за возможность использовать материалы раскопок С.Б. Адаксиной (ГЭ РФ), Н.А. Алексеенко (НЗХТ), С.В. Дьячкову (ХГУ), С.В. Ушакову (КФ ИА НАНУ); за помощь в подготовке работы сотрудникам научно-фондового отдела НЗХТ Л.Н. Головченко, Н.Л. Демиденко, Г.И. Жестковой, Е.М. Кочетковой, Н.М. Ларичевой, Л.А. Лебедевой, Л.А. Рыжовой, художнику И.Б. Гусаковой, фотографу К.В. Зыковой, реставратору Л.В. Строгоновой; ст.н.с. КОИВ НАНУ Н. И. Храпунову.

поселениях (например, Балка Бермана на Гераклеийском полуострове или Кадыковка) [2, с. 157; 3, с. 146-147; 4, с. 82-89; 5, с. 305, табл. 15,4; 6, с. 99; 7, с. 324-333; 8, с. 112]. Известно, что керамисты часто работали небольшими артелями, иногда маленькие мастерские существовали недолго (например, в Алустане) и выпускали продукцию непосредственно для местного рынка [9, с. 328-336].

С началом полномасштабного археологического исследования генуэзской крепости Чембало (с 1999 г.) были найдены фрагменты полуфабрикатов поливных сосудов (конца XIV – XV вв.), а также печной припас, свидетельствующие о существовании такого производства в крепости в генуэзский период ее существования. Сама крепость Чембало, площадью около 5 га, находится на юго-западной оконечности Крымского полуострова, на территории Балаклавы, современного пригорода г. Севастополя. Город был основан лигурийцами у входа в Балаклавскую бухту, на горе Кастрон, в 40-е годы XIV в., прежде всего как торговая фактория Генуэзской Газарии. В 50-е гг. этого столетия были возведены каменные крепостные сооружения. На вершине утеса располагалась административная часть колонии, консульский замок св. Николая, перестроенный в 80-е гг. XIV в. Здесь же размещалась резиденция консула со служебными постройками. Ниже, на склонах горы, находился собственно город, носивший имя св. Георгия, где жило основное население крепости. Эта часть крепости также имела мощные оборонительные укрепления, возведение которых началось в 20-х гг. XV в. [10 с. 12; 11, с. 246-251; 12, с. 52; 13, с. 96-110]. На сегодняшний день раскопками исследовано 6 башен, 3 церкви, участки фортификационных сооружений и жилой застройки в припортовой части города и вдоль восточной линии обороны. Из культурных слоев и закрытых комплексов укрепления происходит богатый археологический материал XIV-XV вв. – тарная, столовая, кухонная керамика различных центров, фрагменты стеклянных сосудов, металлические и каменные изделия. Среди находок доминирует поливная керамика [11, с. 246, 248, 251; 14, с. 7-37]. Все это свидетельствует о крепости как о важном торговом пункте, городе, игравшем важную роль в Причерноморском регионе. Наличие поливного производства в крепости характеризует культурные традиции жителей, их потребности, а также экономическое развитие города.

При раскопках крепости Чембало обнаружены следующие свидетельства производства поливной керамики: печной припас, брак, полуфабрикаты, небольшой кусок оплавленной глины [12, с. 25, 60, 78, рис. 81,21а,185-186,189; 14, с. 13, 15, 24, 43, 45, 47, 48, 50, 52, 58, рис. 86,38; 102; 104,43,53,68,134; 106,23; 119,2; 15, с. 26, 63, рис. 86,59; 16, с. 14, 18, 21, 23, 36-39, рис. 77,5,9; 80,8,9; 17, с. 26, рис. 152,17; 18, с. 19, 33, 67, 80, 94, рис. 79,27,105; 203,75,76; 19, с. 15, 102, 123, рис. 77,1; 20, л. 39, рис. 60,7; 81,21; 21, л. 16, 35, 41, 44, 47, рис. 87,1,3,4,6,7; 22, л. 13-14, 24, рис. 40-41; 61,4-5; 23, л. 16, рис. 81; 24, л. 24, 36, рис. 45,3-6; 25, л. 32, рис. 88; 26, л. 15, 18, 20, 23, 35, 41, рис. 70; 73; 75; 79; 80; 86].

Черепок местных изделий плотный, в изломе красного, с розоватым закалом, цвета. Формовочные массы плотные, хорошо промешанные с равномерными вклю-

чениями шамота и извести, которые прослеживаются визуально. Сосуды сформованы на гончарном круге (этап РФК-7). Сырые изделия покрывались белым, с желтоватым оттенком, или розоватым ангобом. На некоторых фрагментах заметны капли поливы, следы от соприкосновения с уже готовыми поливными сосудами, что может свидетельствовать о совместном обжиге полуфабрикатов и готовой глазурованной керамики.

Печной припас представлен небольшим кусочком обожженной оплавившейся глины (рис. 3) и однотипными *треножными подставками*, имеющими форму равностороннего треугольника (рис. 2; 3). Подобные подставки предназначались для разделения поливных изделий в процессе обжига. Форма трипода известна на Востоке еще с первых веков нашей эры [27, р. 208]. В XIII-XIV вв. треножные подставки широко применялись при производстве глазурованной посуды в различных регионах и центрах: Византии [28, р. 193-195; 27, р. 208-209; 1, р. 21, 188; 29, pl. 8.], Средней Азии [30, с. 18-19; 31, с. 287-288; 32, с. 265.], Закавказье [33, табл. LX; 31, с. 287-288], Болгарии [34, с. 11-13; 35, с. 297, 299; 89, с. 97], Румынии [36, с. 116-120, рис. 1], Северном Причерноморье [3, с. 287-288], Золотой Орде [37, с. 253], Азаке [38, с. 203, рис. 7,5-10]. Печной припас, подобный найденному, встречается и в других керамических центрах средневековой Таврики [2, с. 157; 3, с. 146-147; 4, с. 82-89; 5, с. 305, табл. 15,4; 6, с. 99; 39, с. 182-184; 9, с. 328-336, 7, с. 325-326].

На территории крепости Чембало найдено около 50 фрагментов и археологически целых подставок, соотносимых, возможно, с 42-45 изделиями. Все они, вероятно, изготавливались на деревянной основе и в форме; остатки глины на концах триподов загибались вверх и прилепливались, вследствие чего получалось пирамидальное окончание ножки. Подобные способы изготовления хорошо известны [89, с. 97]. По-видимому, мастер слегка придерживал одним пальцем центральную часть будущего трипода и остальными пальцами загибал так называемые «ножки», т.к. в верхней части изделия наблюдаются следы заглаживания, а вдавления от пальцев фиксируются в центре двух триподов и на сторонах пирамидальных ножек.

Сипаи, найденные в крепости, по расстоянию между ножками можно разделить на три группы: первая – 7,0-8,0 см; вторая – 6,0-6,5 см; третья – 4,0-5,0 см. Высота готовых предметов колеблется от 1,2 до 2,5 см (рис. 2). Такое разнообразие размеров объясняется их использованием при обжиге посуды открытого типа разных диаметров. Первая группа треног разделяла между собой крупные сосуды, вторая, наиболее многочисленная и стандартная, применялась для мисок и чаш средних размеров (диаметром края до 18-20 см), включая средний диаметр кольцевого поддона, а последняя (небольшие триподы) – для чашек, пиал и кубков для питья (диаметром венчика около 10-11 см) с небольшим поддоном. Наибольшее количество экземпляров соответствует второй группе. Отличаются сипаи и формой окончания пирамидальной ножки – с узким (0,5x0,7 и 0,5x0,5 см) и широким округло-плоским верхом (1,0x1,0 см). Наблюдаются различия и в самой треугольной форме трипода. Выделяется вариант триподов с неярко выраженными расходящимися ножками,

слегка вогнутые внутрь от сильного обжига. В сечении ножек они имеют трапециевидную форму (рис. 3, Т-4,11). Второй вариант имеет округлую в сечении ножку и ярко выраженное пирамидальное окончание (рис. 3, Т-2,4,10,34). Третий вариант также приближается в сечении к кругу, но с оплывшими пирамидальными окончаниями на ножках (рис. 3, Т-14,18). Причем все три варианта данных сипай встречены во всех вышеописанных группах разных размеров. Подобные сипай известны как среди второй группы изделий с длиной между ножками до 6 см, так и среди первой группы с длиной до 8 см. Среди общего количества находок выделяются два изделия, имеющие отличительную «маркировку» – в центральной части сипай в перекрестии между ножками сделано пальцевое вдавление. Оба изделия относятся к двум разным размерным группам и ко второму варианту сипай с округлым сечением ножек и четко выраженным пирамидальным основанием (рис. 3, Т-16,33).

Формовочные массы всех изделий плотные, с включениями шамота и извести, темно-красного цвета от высокой температуры обжига. Триподы покрыты ангобом белого цвета различных тонов (серого, желтоватого, розового). На окончаниях ножек и на самих сипаях сохранились остатки поливы двух цветов – зеленого и темно-желтого тона. Судя по направлению потеков глазури на ножках, а также следов от соприкосновения с другими подставками, керамика в печи устанавливалась вверх дном. Среди найденных треног выделяются два экземпляра, относящихся ко второй, средней, и третьей, маленькой, группам треножных подставок. Они обожжены, но не имеют ангобного покрытия и остатков поливы на ножках, скорее всего, это является свидетельством их неиспользованности (рис. 3, Т-34). Говоря в целом о триподах, найденных на Чембало, хочется отметить не только их количественное многообразие, но и разнообразие форм и вариантов, использовавшихся гончарами крепости. Мы можем говорить о работе на данной территории нескольких мастеров или мастерских, вероятно, разновременных, но обязательно сохраняющих единую традицию (школу) производства поливной керамики. К сожалению, на сегодняшний день пока не найдено печей для обжига поливной керамики, которые, вероятно, находились в ближайших окрестностях крепости; также очень сложно локализовать работу гончаров на территории самой крепости.

Свидетельством производства собственной поливной керамики в крепости, помимо триподов, являются и фрагменты заготовок сосудов под покрытие глазурью – *полуфабрикаты*. На период 2012 г. на территории крепости была найдена 21 единица таких полуфабрикатов (рис. 4; 5).

Все найденные фрагменты керамики под покрытие поливой фрагментированы и принадлежат сосудам как закрытой, так и открытой форм. Глина всех сосудов идентична: красная, плотная, с визуально просматриваемыми включениями извести и шамота. Сосуды покрывались, как говорилось выше, ангобом желтого и светло-розового тонов. Сосуды открытых форм имели ангоб по внутренней и внешней (лишь в верхней части) поверхностям. Декоративное оформление выполнено по ангобной подгрунтовке, в технике «sgraffito», резцами разной толщины, при этом снималась

часть ангобного покрытия, и оголялся фон в цвете глины. Иногда дополнительно применялась подцветка красками. На этом этапе процесса изготовления сосуд считается полуфабрикатом. После покрытия такого полуфабриката глазурью рисунок выделялся коричневой или черной линией. Готовая керамика покрывалась глазурью желтого, салатного и зеленого тонов, также на готовых изделиях просматривается и дополнительная подцветка красками зеленых и коричневых тонов.

Сосуд закрытой формы представлен в единственном экземпляре (рис. 4, В-1). Он происходит из участка башни № 8 и принадлежит, скорее всего, небольшому кувшину с шарообразным туловом на плоском дне и со сливом, форма которого распространена на памятниках XIV в. северо-причерноморского региона. Покрывались такие кувшины поливой желтого или салатного цветов [40, с. 366, рис. 23,1].

Более разнообразна и многочисленна коллекция полуфабрикатов открытых форм. Их можно соотнести с 20 сосудами трех видов: чашки-пиалы, кубки и чаши.

1. Чашки-пиалы. Небольшие тонкостенные чашки-пиалы на кольцевом поддоне, полусферической формы, использовались для питья. Они представлены фрагментами от двух сосудов диаметром около 10 см (рис. 4, В-2,3). На стенках внешней поверхности одного полуфабриката сохранились капли желтой глазури (рис. 4, В-3). Фрагменты второго сосуда декорированы по краю внешней поверхности поясом из чередующихся кружков с точками и вертикальных линий, выполненных циркулем и трезубым резцом (рис. 4, В-2). Вероятно, данный экземпляр пиалы стал браком, поскольку дно сосуда заглажено ножом, но не имеет кольцевого поддона. Третий фрагмент – дно на небольшом кольцевом поддоне, вероятно, относится к первому виду пиал (рис. 4, В-5). Небольшие полусферические чашки-пиалы с разнообразным декором были широко распространены в византийской керамике конца XIII – XIV вв. [28, p. 195, fig. 1,a,b; 1, p. 82, 83, 197, 210, 229; 41, p. 136, 138, 139, 146; 29, p. 47; 42, p. 298, fig. 5g; 43, с. 50; 44, с. 66-67] и практически во всем Причерноморском регионе (включая известные болгарские центры производства) [45, с. 119, табл. 1,10; 46, с. 73-75, рис. 11,1; 14,1; 47, с. 148-151; 44, с. 66-67]. Вероятнее всего, форма изделий из Чембало является подражанием модной византийской керамики того времени (рис. 6, F-2,7).

2. Кубки. Ко второму виду чашек для питья относятся кубки. В крепости найдены два фрагмента верхней части таких сосудов (рис. 4, В-4,6). Стенки их прямые, венчик ярко не выражен, край слегка отогнут. Диаметр венчика около 12-13 см. Внешняя поверхность одного из сосудов декорирована вертикальными параллельными полосами, выполненными трезубым резцом по ангобной подгрунтовке (рис. 4, В-4). Вероятно, предполагалась и подцветка мазками краски. Готовая продукция такого типа встречается среди находок в крепости Чембало [14, с. 45, рис. 106,24]. Аналоги подобных форм и орнаментации известны также среди посуды Монкастро [44, рис. 26,2,10-11].

В XIV в. сосуды для питья – чашки-пиалы и кубки – были весьма популярны в наборах столовой керамики греческого мира. Ярким свидетельством этому может служить известная фреска XIV в. Тайной вечери из монастыря в Митре (Греция) [48, p. 18, fig. 1], где на столе представлены оба типа питьевых сосудов. Причем

изображенный на фреске кубок – с прямыми стенками и украшен по внешней поверхности рисунком с полихромной расцветкой.

Следующий вид керамики, представленной в полуфабрикатах, использовался для хранения и употребления пищи. Это чаши двух типов.

3.1. Чаши с вертикальным бортом на кольцевом поддоне, венчик слегка отогнут наружу, диаметр – от 14 до 18 см (рис. 5, В-9,14). Среди готовой продукции мастеров крепости Чембало этот вариант чаш встречается наиболее часто (рис. 6, F-23,24; 7, F-20). Большинство сосудов декорировано в технике «sgraffito» по ангобу. В готовой продукции иногда рисунок усилен дополнительной подцветкой зелеными и коричневыми красками. В украшении использованы геометрические и растительные мотивы. Орнаментальная составляющая – концентрические окружности, фестоны, прямые, волнистые линии, зигзаги и спирали, цветочный декор, характерные для керамики византийских и средиземноморских центров, Болгарии, Закавказья, Золотой Орды. Одна из чаш данной группы оформлена пальцевыми вдавлениями по корпусу (рис. 5, В-12), отчего округлые стенки сосуда приобрели рельефную форму, имитирующую популярные металлические чаши этого периода [49, с. 102-103]. Среди готовой продукции Чембало такие сосуды покрывались поливой желтого тона (рис. 6, F-28). Подобные приемы декорирования поливных чаш были распространены на керамике Северо-Причерноморских центров [40, с. 362, рис. 21,10].

3.2. Чаши со слегка округлыми стенками и отогнутым венчиком. Диаметр – от 14 до 20 см. Внешняя поверхность сосудов ангобирована (рис. 5, В-7,8,10,11). Декор сосудов отличается разнообразием. На заготовках слегка отогнутый венчик отделен врезными бороздками. Внешняя поверхность одного из сосудов украшена лентой с сетчатым орнаментом. У другого, с более богатым декором, внешняя поверхность оформлена вертикальными косыми линиями, а по внутренней – центральное поле декорировано радиально расходящимися лентами из заштрихованных треугольников, вся композиция заключена в медальон. Форма таких чаш известна и среди готовой продукции Чембало (рис. 6, F-12; 7, F-43).

Среди полуфабрикатов найдены несколько фрагментов сосудов открытой формы, которые, в связи с их фрагментарностью, трудно отнести к одной из вышеуказанных групп (рис. 4-5, В-15-17,19-21), можно лишь предположить, что это фрагменты третьего вида полуфабрикатов – чаш на кольцевом поддоне. На одном из них орнамент в виде плетенки (?) выполнен трезубым резцом (рис. 4, В-20). Подобная орнаментация на поливной посуде этого периода была широко распространена по всему Средиземноморско-Причерноморскому региону, однако техника исполнения характерна непосредственно для центров Северного Причерноморья [44, с. 70, рис. 26,5,7; 13, с. 332, рис. 199].

Практически все полуфабрикаты чаш находят себе аналогии среди глазурованных изделий крепости Чембало и ее окружи [8, с. 11, рис. 2,1,3,7; 3,12] (рис. 6-7).

Форма чаш с вертикальным бортом была широко распространена в византийском мире: выделяются как слегка округлые, так и прямые вертикальные стенки борта

[42, p. 298, fig. 5a,h; 8]. Последняя форма сосуда присутствует на упомянутой выше фреске XIV в. Внешняя поверхность этой чаши также декорирована [48, p. 18, fig. 1].

В большинстве случаев по краю внутренней поверхности таких чаш идет один или несколько рядов концентрических врезных полос, выполненных тонким резцом. В орнаментике внутренней поверхности практически всех сосудов (полуфабрикатов и готовых изделий) прослеживается зависимость расположения рисунка от формы. В построении рисунка на внутренней поверхности чаши мастер применял концентрическое и радиальное расположение орнамента: расходящиеся от центра ленты, фестоны, овы, стилизованные ветви и листья, зачастую дополнительно усиленные зигзагообразным и сетчатым орнаментами, а также спиралевидными завитками. Единого композиционно-орнаментального декора, характерного для всех сосудов для местной чембальской керамики мы не наблюдаем, можно говорить лишь о достаточно устойчивом наборе отдельных элементов, входящих в ту или иную композицию. Вся композиция внутреннего поля, в основном, заключена в медальон, который передает округлость формы. Часто прорисовка медальона наблюдается по внутренней поверхности, в центре сосуда – как бы подчеркивая дно и группируя вокруг себя всю остальную композицию. Такой медальонный стиль был характерен практически для всего периода существования византийской керамики, как белоглиняной, так и красноглиняной [1, p. 18-23]. На фрагменте готового изделия из башни 1 также изображены фестоны с вписанными в них спиралевидными завитками, опирающимися на медальон, подчеркивающий центр дна сосуда [12, с. 61, 174, рис. 95,34]. На другом фрагменте из башни 8, близком по стилю изображения к полуфабрикату, центральную часть дна занимает медальон с расходящимися лентами с зигзагообразным орнаментом. Пространство между ними заполнено радиально ориентированными стилизованными ветвями, возможно, пальмовыми. Внешняя поверхность сосуда, помимо орнаментации в виде косых вертикальных линий, дополнительно расцвечена мазками зеленой и коричневой красок (рис. 6, F-7,12) [50, p. 495-512].

Внешняя поверхность чаш по борту украшена несколькими типами орнаментов. В одном случае это достаточно простая волнистая линия, опоясывающая чашу по слегка округлому борту. В другом случае декор состоит из двух орнаментальных полос-лент по краю сосуда и его борту, одна из которых заполнена сетчатой штриховкой, вторая – наклонными линиями. В последнем случае они усиливаются полихромными красками. Наиболее часто встречается орнамент из ряда вертикальных, чуть наклоненных линий, подчеркивающий округлую форму предмета. Чаши с подобной орнаментацией внешней поверхности практически всегда дополнительно раскрашивались зелеными и коричневыми красками и лишь потом покрывались глазурью. Подобный стиль украшения сосудов хорошо прослежен как на полуфабрикатах, так и в большинстве случаев на готовых изделиях (рис. 5, B-8,14; 6, F-7,12,24).

Декоративное оформление поливной чембальской керамики, несомненно, диктовалось определенными модными тенденциями этого периода, получившими распространение в регионе. В ее орнаментации наблюдается влияние нескольких

гончарных традиций. Так, к примеру, медальон в центре сосуда – характерная черта византийской поливной посуды на протяжении столетий [33, с. 286, 288]. Концентрические окружности в центре дна становятся особенно популярными на керамике византийских центров во второй половине XIII – первой половине XIV вв. [1, р. 220-221, 233]. К XIV в. этот декор встречается на поливной посуде всего Средиземноморско-Причерноморского бассейна [29, р. 91-96, 115]. В местной гончарной практике он мог укорениться в результате длительных и тесных контактов с византийскими центрами [33, с. 288].

Заполнение внутренней поверхности поля сосуда декором, ограниченным концентрической окружностью и не заходящим на стенки борта, в конце XIII – XIV вв. широко использовалось византийскими (в частности, фессалоникийскими), а под их влиянием и болгарскими мастерами [1, р. 206-216; 51, с. 13-16]. Возможно, что и чембальские ремесленники, используя этот принцип декора, попали под влияние византийской моды. Радиальное расположение орнамента известно на поливной керамике различных регионов этого времени: самой Византии [1, р. 186, 202-214], Закавказья [52, рис. 2,8,11,12; 33, с. 74-75], Балканского региона (включая и Болгарию) [51, с. 13-16], Румынии [53, р. 510-513, fig. 8-10], Пруто-Днестровского региона [44, рис. 26,1; 28,1-3]. Этот способ орнаментации можно наблюдать в итальянской археомайолике [54, р. 112, 115-119], арабской керамике более раннего времени и испанской люстровой керамике [55, р. 52-53, № 108, 109, 111, 112; 56, с. 489, рис. 3], он заимствуется даже гончарами Золотой Орды [57, с. 128-132; 58, табл. VII,3,4,7-9,13]. Этот орнамент А. Л. Якобсон связывал с Закавказьем [59, с. 179-180].

Спиралевидные, зигзагообразные линии, расходящиеся радиально, использовались ремесленниками в XIV в. и на керамике византийских центров [1, р. 212, 235]. Ленты и зигзаги, расходящиеся от центрального медальона, были очень распространены в декоре поливной керамики болгарских центров, популярность этого мотива связывают с группой византийской поливной керамики – «Zeuxippos Ware» [60, с. 78, рис. 54; 55]. Византийская керамика с аналогичным элементом декора поступала на Крымский полуостров в XIII – первой половине XIV вв. [3, с. 133; 61, с. 56-57]. Такой орнаментальный элемент чаши, как стилизованная ветвь (возможно, пальмы), также был популярен в орнаментике Средиземноморско-Причерноморского бассейна этого периода. Ее изображение нам известно как на византийской [1, р. 197; 61, с. 56, № 119], так и на испанской посуде [55, с. 52; 56, с. 487, 489]. Близкая по исполнению ветвь растения встречается на керамике из Тырнова [60, с. 80, рис. 54,2].

Следующий элемент из декора чаш – это стилизованные фестоны, или эллипсовидные фигуры, находят аналогии среди керамической продукции конца XIII – XIV вв. византийских и болгарских центров, причем последние, по мнению исследователей, испытали на себе влияние Фессалоникийской художественной школы [1, р. 211-212; 47, с. 143, 148, рис. 18]. Образованные лентами стилизованные фестоны часто заполнены спиралью. Именно спиралевидные завитки являлись самым популярным элементом декора того времени. Не касаясь символического значения

спиралевидных завитков, необходимо заметить, что большинство поливной керамической посуды производства крымских центров этого времени имело в своем декоре этот элемент [46, с. 71; 6, с. 38-39]. Вероятно, и для нашего художника-гончара он не был чужд. География распространения изделий художественного ремесла, украшенных спиралевидными завитками, очень широка. Этот элемент декора был хорошо известен как в странах Востока, так и в Византии или находящихся под ее влиянием регионах. Сложившийся в Китае, по мнению М. Г. Крамаровского, этот стиль уже со второй половины XIII в. приобрел характер международного, а в конце XIII – XIV вв. распространился не только на Среднем и Ближнем Востоке, но и в Византии [62, с. 46]. Как отмечали А. В. Банк и Б. Маршак, например, в произведениях художественного металла Византии в конце XIII – XIV вв. прерываются старые традиции и проявляются воздействия исламских стран и Западной Европы, появляется новый принцип композиции: заполнение поля спиральями [63, с. 63]. Подобные принципы композиционного построения орнамента мы встречаем и на поливной керамике Византии [1, р. 211-216], Закавказья [52, рис. 10], Болгарии [47, с. 137, рис. 13], Пруто-Днестровья [44, с. 65-66, рис. 25,3,4,13,16], Крыма [15, с. 62, рис. 71,52].

Несомненно латинским, западным, влиянием на декор посуды из Чембало можно считать элементы с сетчатым орнаментом. Штриховка косыми пересекающимися линиями широко применялась на сосудах Латинской Романии Средиземноморского региона, итальянской керамике XIII–XV вв. [54, р. 130-132, 146-148, Тав. 87; 102-104]. Популярность этого элемента, конечно же, объясняется присутствием латинского населения в крепости.

Интересно развитие популярности такого несложного декоративного элемента как украшение волнистой линией борта чаш или мисок. Волнообразные и концентрические линии широко применялись при орнаментации, например, болгарской посуды (Шумен) [64, с. 41-42, табл. II]. Керамика, украшенная по внешней поверхности борта волнистой линией (будь то врезной или выполненной подглазурной росписью ангобом), получила широкое распространение в Средиземноморско-Причерноморском бассейне во второй половине XIII – XIV вв. Исследователи на сегодняшний день не могут выделить единого центра ее производства и сходятся во мнении, что подобную посуду выпускало несколько мастерских: в центральной части Византии, Средиземноморье и даже в городах Италии [29, р. 91-96; 65, р. 87; 66, с. 200-201; 67, р. 632-724]. Ареал бытования подобных «дешевых и модных» изделий очень широк: от Италии и Александрии до Крымского и Азовского регионов, включая Малую Азию и Балканский полуостров [68, с. 10; 66, с. 200-201; 46, с. 73; 69, с. 99; 61, с. 35-36, 38-39, № 41, 43, 45; 44, с. 65, 67, рис. 25,1; 70, с. 92; 59, с. 171; 3, с. 144, рис. 9; 71, с. 155; 72, с. 132-135; 29, с. 91-96, 115; 73, р. 426-427, fig. 3,40; 74, р. 113, fig. 29, № 312]. Подобные импортные чаши регулярно поступали, даже целыми партиями, и на памятники Крымского полуострова [75, с. 223-234; 71, с. 153-168]. Вероятно, что популярность этой посуды, бытовавшей в этот период на столь широкой территории, и заставила ремесленника из Чембало создать близкую аналогию этой группе керамики.

Примером популярности (как во времени, так и на широком пространстве) орнамента сосудов является контрастная подкраска графического рисунка коричневыми и зелеными тонами. Керамика, производившаяся в крепости Чембало, не является исключением. Внешняя поверхность двух полуфабрикатов орнаментирована врезными косыми вертикальными линиями. Аналогичный декор прослежен на готовой продукции крепости Чембало, но орнамент дополнительно усилен расцветкой чередующихся мазков зеленой и коричневой красками, которые придерживают контура рисунка. Принцип легкой гравировки и полихромной росписи впервые получил развитие в Китае в эпоху Тан (VII–IX вв.) [31, с. 245]. Этот эффектный элемент украшения сосудов в IX–X вв. известен в Средней Азии, на Ближнем Востоке и Закавказье, откуда, вероятно, проникает в Византию [32, с. 297–300; 31, с. 245; 76, с. 260]. В XII–XIII вв. столь яркая и красочная керамика была распространена в Закавказье и странах Ближнего Востока [33, с. 74–75; 77, с. 285; 52, с. 21–24]. Контрастная полихромная расцветка рисунка характеризует и кипрскую и византийскую палеологовскую керамику [2, с. 158; 78, р. 39–42]. В XIII–XV вв. гравированная полихромная керамика встречается во всем Средиземноморско-Причерноморском регионе от Италии [79, р. 214–232, fig. 9–23; 80, р. 333–337, fig. 1–3] и Александрии [74, р. 74–75, fig. 17, № 166] вплоть до Болгарии [2, с. 157; 77, с. 288; 47, с. 143] и Пруто-Днестровья [81, с. 175, 179; 44, с. 69–70], а также Таманского городища [77, с. 285; 31, с. 157; 82, с. 29] и золотоордынских центров [83, с. 1, 9, 13; 84, с. 136]. Бытование красноглиняной поливной посуды, украшенной орнаментом в технике «sgraffito» с дополнительной подцветкой коричневыми и зелеными тонами, не прекращается в XV в., она оставалась популярной и в конце XV – XVII вв. на поствизантийском пространстве [1, р. 23, 97–113, 249–265; 85, р. 64, 140–145; 47, с. 153; 76, с. 260–261]. Исследователями высказывалось мнение, что идея полихромности в районы Причерноморья (включая Болгарию и Пруто-Днестровье) и Золотой Орды распространялась из Западной Грузии морским или сухопутным путями [83, с. 1, 9, 13; 77, с. 291; 84, с. 136].

Появление в Таврике, например, в Херсоне, посуды с подобным способом орнамента относится к середине – второй половине XIII в. А. Л. Якобсон считал ее местным херсонесским производством (что на сегодняшний день не подтверждается), испытавшим на себе влияние закавказских центров [3, с. 140]. Л. А. Голофафт относит керамику этого типа к группе Порт Сен-Симеон и, вслед за V. François, отмечает сильное влияние грузинской керамической полихромной традиции и не исключает возможность изготовления сосудов этой группы непосредственно грузинскими гончарами, возможно, и на Кипре [29, р. 96–98; 66, с. 207–209]. Расцвет производства полихромной керамики на Кипре приходится как раз на XIV в. [41, р. 160]. Причем среди кипрских полихромных сосудов известны и чаши с вертикальным бортом, украшенные по внешней поверхности гравированным орнаментом с расцветкой зелеными и коричневыми тонами, относящиеся к мастерским, которые функционировали в XV–XVI вв. [41, р. 161]. К этому периоду относится и фреска XIV в. Тайной

вечери из монастыря в Митре (Греция) [48, p. 18, fig. 1]. Расцвет подобной керамики производства локальных центров на территории Крымского полуострова приходится на XIV-XV вв. В этот период в регионе активно трудились мастера армянской общины [2, с. 157; 86, с. 166-191]. А. Л. Якобсон считал, что гончары Таврики, широко использовавшие художественный опыт стран Закавказья, поддерживали связь с этим регионом через Трапезунд [3, с. 140]. Присутствие армянского населения на территории крепости Чембало отмечается источниками середины XV в. [87, § 14; 88, с. 249]. Возможно, что традиции контрастной полихромии по гравировке были привнесены сюда закавказскими мастерами. Сложно определить путь проникновения этой традиции: опосредованно с Кипра или Северо-Причерноморских регионов или же напрямую из Закавказья через Трапезунд. Орнаментация внешней поверхности фрагментов полуфабрикатов и ряда готовой продукции из Чембало роднит их с экземплярами полихромной керамики из Александрии (производства Севера Италии) [29, p. 74-75, fig. 17, № 166], Кипра [41, p. 166-173], Белгород-Днестровского [44, с. 70, рис. 26,9-12] и непосредственно различных крымских центров [38, с. 210, рис. 11,1-3]. Декор же внутренней поверхности чаш, как отмечалось выше, наиболее близок к сосудам из болгарских центров, испытавших в орнаментике византийское влияние [51, с. 16]. Поэтому по отношению к гончарной поливной продукции Чембало можно говорить о синтезе византийских и закавказских культурных традиций, используемых в производстве столовой посуды.

Среди массовых находок столовой керамики крепости встречена небольшая группа чаш с вертикальным слегка отогнутым краем, не покрытых ангобом и поливой (рис. 4, TW-7). Глина сосудов аналогична полуфабрикатам. Керамические сосуды обожжены, поэтому могли использоваться вполне самостоятельно и не являться заготовками для последующей работы. Однако интересно само присутствие такой керамики, которая дополнительно свидетельствует о самостоятельном производстве столовой посуды и ее разнообразии. В большинстве же случаев население крепости пользовалось поливной столовой посудой, что говорит о высоком материальном состоянии жителей и определенном культурном уровне развития консульства.

Говоря о *топографии* находок, триподов и полуфабрикатов производства поливной посуды, можно заключить о неравномерном их распространении по городищу (рис. 1; табл. 1). Наибольшее количество сипай сосредоточено в средней и нижней частях крепости: вдоль восточной линии обороны (у башен №№ 1, 2, на участке жилых кварталов между вышеуказанными башнями), в районе нижней части оборонительных стен Консульского замка (башня № 8), а также в припортовой части крепости (в том числе, в башне № 6). Причем большинство из них были найдены у нижней части восточной линии обороны (около 26 ед.). Единичные фрагменты триподов и полуфабрикатов были найдены в верхней части крепости (Донжоне) и в захоронениях в консульской церкви. Полуфабрикаты поливной столовой керамики в доминирующем количестве найдены на границе Консульского замка св. Николая, на участке башни № 8. Здесь же в ходе раскопок были обнаружены несколько фрагментов мисок,

не покрытых ангобом и глазурью. Все это укладывается в историческую топографию крепости, когда на участке Консульского замка и в приморской части города велись раннее, первоначальное, строительство крепости и дальнейшие перестройки XIV в. Вероятно, именно тогда и начали свою работу в крепости первые гончары, избавляясь сразу же от бракованной продукции. Использование же триподов при производстве поливной керамики могло быть неоднократным, более длительным. Поэтому их концентрация значительно выше на участке башен № 1 и № 2, перестройки которых относятся уже к XV в. [13, с. 110, 346-347]. Находки как триподов, так и заготовок также хорошо укладываются в исторически сложившуюся топографию, где в нижней части г. Кастрон располагался город св. Георгия, с ремесленными районами.

Хронология находок довольно широкая: от времени начала существования каменного города (второй половины XIV в.) до окончания существования крепости Чембало как генуэзской колонии (третьей четверти XV в.) (табл. 1). Наиболее ранние находки двух триподов относятся ко второй половине XIV в. Они были обнаружены в пятом (самом нижнем) слое на участке оборонительных стен, примыкающих к башне № 8, с керамическими материалами второй половины XIV в. и монетами до 60-х гг. этого же столетия [24, л. 24, рис. 45,3-5]. Перестройка Консульского замка была проведена в 80-е гг. XIV в. [13, с. 110], не позднее этого времени и могли попасть эти триподы в данный, нижний, слой у оборонительных стен.

При определении даты находок полуфабрикатов поливных сосудов необходимо отметить, что наиболее ранние фрагменты были найдены в помещениях башни № 8 при раскопках церкви св. Николая. Они относятся ко второй половине XIV в., а также, возможно, к рубежу XIV-XV вв. В контекстах вместе с заготовками были и триподы. Здесь стабильно присутствует керамический материал, относящийся к середине – второй половине XIV в.: фрагменты византийских амфор с дуговидными ручками типа Gynsenin IV, амфор производства крымских центров класса 52 по А. И. Романчук, А. В. Сазанову, Л. В. Седиковой [90, с. 75, 76, 84], византийской поливной керамики типа Elaborate Incised Ware [91, с. 195-199], также встречается небольшое количество итальянской археомайолики конца XIII – XIV вв., золотоордынской кашинной керамики и испанской люстровой керамики типа «Pula»; весь материал сопровождается присутствием монет от 1341 г. до 1380-х гг. – рубежа XV столетия [20, л. 36-39; 22, л. 13, рис. 40; 21, л. 41, 44, рис. 87,1,3; 22, л. 24, рис. 61,4,5]. Несколько триподов были найдены в слоях второй половины XIV в. жилой застройки вдоль восточной линии обороны [12, с. 78, рис. 81,185; 18, с. 33, 94, рис. 203,75,76]. Заготовки поливной посуды в этом районе встречаются единично и датируются до 20-х гг. – середины XV в. [16, с. 14, 36, 37, рис. 77,9]. Строительство внешней восточной линии обороны завершается во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XV в. В слоях 20-30-х гг. XV в. начинают появляться, а к середине XV столетия и доминировать керамика т.н. «каффинского круга», группа сосудов-горшков с рельефным венчиком, испанская люстровая керамика первой половины XV в.; в этих слоях отсутствуют византийские амфоры и поливная импортная керамика предыдущего

периода. Контексты также сопровождаются нумизматическим материалом данного временного промежутка [19, с. 52-55; 13, с. 110, 479-480].

Большинство же находок, в основном, триподов, сопровождается материалом, который можно датировать довольно широко – от середины XIV до середины XV столетий. Наиболее поздним материалом, относящимся к производству поливной керамики, является группа триподов, найденная в яме № 3, в западной части башни № 1, в слое рыхлого грунта. Засыпь самой ямы относится уже ко времени начального пребывания турок на территории крепости (третьей четверти XV – началу XVI вв.) [12, с. 78, рис. 81, 185-187, 189]. Вероятно, уже при первой турецкой перестройке и могли попасть в эту яму оставшиеся свидетельства производства керамики, однако вместе с триподами не было найдено заготовок для поливных сосудов. Это позволяет заключить, что период наиболее интенсивного производства местной поливной керамики относится ко второй половине (возможно, к концу) XIV – началу / 30-м гг. XV вв. Скорее всего, производство существовало до середины – третьей четверти XV в. Однако среди материалов из раскопок крепости Чембало с середины – третьей четверти XV в. начинает доминировать вышеуказанная поливная керамика т.н. «каффинского круга», о производстве которой в крепости Чембало сказать что-либо сложно. В середине XV в. меняется торгово-политическая ситуация в регионе, и местное производство поливной керамики, вероятно, было вытеснено более дешевой продукцией других центров [13, с. 234-237]. Именно в этот период и начинает угасать активная деятельность местных керамистов, и в слои Чембало этого промежутка времени попадают, в основном, триподы, так как необходимость в них отпадает. Именно к этому периоду относится и перестройка восточных оборонительных сооружений.

Ареал распространения готовой продукции мастерских Чембало небольшой. Встречается она непосредственно на территории крепости и ее ближайшей округи [8, с. 110-11, рис. 2,2,3,7; 3,8,12], что свидетельствует о локальности производства и обслуживании лишь зоны влияния консульства Чембало. Подобные небольшие керамические центры, действовавшие на протяжении непродолжительного отрезка времени и обслуживающие лишь близлежащую округу, характерны в XIV-XV вв. для территории средневековой Таврики [2, с. 156; 9, с. 328-336]. Аналогичная ситуация в этот период прослеживается и на территории материковой Греции [1, р. 188-189, 222-223, 243-244; 92, р. 11, 27, 31, 82, 87, 99, 105-110, 129]. Множество мелких небольших мастерских существовало и на территории современной Болгарии [34, с. 10-15; 35, с. 297-299; 64, с. 41-42].

В третьей четверти XV в. крепость была захвачена турками-османами, и производство поливной керамики, возможно, не возобновлялось. В целом можно констатировать, что крепость Чембало в генуэзский период своего существования (вторая половина XIV в. – 1475 г.) имела собственное поливное производство, возможно, существовало несколько мастерских, работавших в русле развития всего средиземноморско-причерноморского региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Papanikola-Bakirtzi D.* Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
2. *Якобсон А. Л.* Средневековая поливная керамика как историческое явление // ВВ. 1978. Т. 39.
3. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
4. *Джанов А. В.* Гончарные печи XIV-XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998.
5. *Айбабин А. И.* Города и степи Крыма в XIII-XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
6. *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991.
7. *Тесленко И. Б.* Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. Т. I. Киев, 2005.
8. *Иванов А. В., Савеля О. Я., Филиппенко А. А.* Комплекс поливной керамики средневекового Кадыкоя // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов конференции (Ялта, 25-29 мая 1998 г.). Симферополь, 1998.
9. *Тесленко И. Б.* Об одной группе поливных сосудов второй половины XV в. из раскопок крепости Алустон // ХСб. 2003. Вып. XII.
10. *Карпов С. П.* Латинская Романия. СПб., 2000.
11. *Дьячков С. В.* «Консульская церковь» крепости Чембало (XIV-XV вв.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Киев, 2004.
12. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 г. СПб., 2003.
13. *Мыц В. Л.* Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
14. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 г. СПб.; Симферополь, 2005
15. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. СПб.; Симферополь, 2004.
16. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г. СПб.; Симферополь, 2006.
17. *Адаксина С. Б., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 г. СПб.; Симферополь, 2007.
18. *Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008-2009 гг. СПб.; Симферополь, 2010.
19. *Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь, 2012.
20. *Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках «Консульской церкви» генуэзской крепости Чембало в 2003 году // НА НЗХТ. Д. 3592.
21. *Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках башни № 8 «Консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2004 г. // НА НЗХТ. Д. 3650.
22. *Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках площадки у башни № 8 (участок Б), «Консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2005 г. // НА НЗХТ. Д. 3793.

23. *Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках участка Б у башни № 8 «Консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2006 г. // НА НЗХТ. Д. 3865.
24. *Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках участка В у башни № 8 «Консульского замка» генуэзской крепости Чембало в 2007 г. // НА НЗХТ. Д. 3914.
25. *Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках генуэзской крепости Чембало в 2008 г. Башня № 8 (участки Б и В). Припортовый район (участок А) // НА НЗХТ. Д. 3997.
26. *Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В.* Отчет о раскопках в припортовом районе генуэзской крепости Чембало в 2009 г. // НА НЗХТ. Д. 4062.
27. *Papadopoulos J. K.* *Ласана, Tuyeres, and Kiln Firing Supports* // *Hesperia*. 1992. Vol. 61.
28. *Papanikola-Bakirtzis D.* *The Palaeologan Pottery of Thessaloniki* // *L'art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle. Recueil des rapports du IVe Colloque serbo-grec, Belgrade 1985.* Belgrade, 1987.
29. *François V.* *La ceramique Byzantine a Thasos.* Athenes: Ecole Française D'Atènes, 1995.
30. *Кверфельдт Э. Д.* *Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознаванию и определению керамических изделий.* Л., 1947.
31. *Якобсон А. Л.* *Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала)* // *МИА.* 1959. № 67.
32. *Вакрутская Н. Н.* *Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.)* // *Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.* М., 1959. Т. IV.
33. *Мицишвили М. Н.* *Производство поливной керамики в средневековом Тбилиси IX-XIII вв.* Тбилиси, 1979.
34. *Долмова М.* *Към въпроса за производството на сграффито керамика в Търновград (XIII-XIV в.)* // *Археология.* София, 1985. Кн. 2 (год. 28).
35. *Дражева Ц.* *Мастерская по производству «сграффито» керамики из Созополя* // *Bulgaria Pontica MEDII Aevi III, Nessebre 1985.* Sofia, 1992.
36. *Cândea I.* *Brăila, un centre Roumain connu de la céramique émaillée (XIVe-XVIe s.)* // *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов конференции (Ялта, 25-29 мая 1998 г.).* Симферополь, 1998.
37. *Булатов Н. М.* *О трех гончарных печах Селитренного городища* // *СА.* 1976. № 1.
38. *Белинский И. В., Масловский А. Н.* *Типологическая характеристика материалов раскопок золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7)* // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг.* Азов, 1998. Вып. 15.
39. *Тесленко И. Б.* *К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффито в крепости Алустон в XIV в.* // *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов конференции (Ялта, 25-29 мая 1998 г.).* Симферополь, 1998.
40. *Масловский А. Н.* *Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика* // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 гг.* Азов, 2006. Вып. 21.
41. *Papanikola-Bakirtzi D., Mavrikiou F. N., Bakirtzis Ch.* *Byzantine Glazed Pottery in the Benaki Museum.* Athens: Benaki Museum, 1999.
42. *Spiesser J.* *Informatique et ceramique: l'exemple de Pargam* // *BCH.* Paris, 1989. Suppl. XVIII.
43. *Бочаров С. Г.* *Две группы поздневизантийских поливных чаш второй половины XIV – первой половины XV вв.* // *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов конференции (Ялта, 25-29 мая 1998 г.).* Симферополь, 1998.

44. *Кравченко А. А.* Средневековый Белгород на Днестре. Киев, 1986.
45. *Даниленко В. Н., Романчук А. И.* Поливная керамика Мангула // АДСВ. Свердловск, 1969. Вып. 6.
46. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
47. *Цветков Б.* Керамика // Мельник. Град в подножиего на Славова крепост. София: Българската Академия на Науките, 1989.
48. *Koder J.* Η κάθημερινή διατροφή το Βυζάντιο με βάση τις πηγές // Food and Cooking in Byzantium. Proceeding of the Symposium «On Food in Byzantium» / Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. Athens, 2005.
49. *Крамаровский М. Г.* Три группы поливной керамики XIII-XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции. СПб., 1996.
50. *Гинькут Н. В.* Византийские и восточные традиции в культуре генуэзской крепости Чембало (Крымский полуостров) по данным поливной керамики // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași, 2005.
51. *Алексиев Й.* Тырновская керамика сграффито (форма и отделка) // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов конференции (Ялта, 25-29 мая 1998 г.). Симферополь, 1998.
52. *Шелковников Б. А.* Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957.
53. *Busuioc E., Vâlceanu D.* Ceramica din așezarea medievală de la Basarabi-Calafat (sec. al XIV-lea) // SCIVA 27. 1976. № 4.
54. *Berti G.* Pisa. Le «maioliche arcaiche». Sec. XIII-XV (Museo Nazionale di San Matteo). Firenze, 1997.
55. *Ray A.* Spanish Pottery 1248-1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum. London, 1999.
56. *Тесленко И. Б.* Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
57. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
58. *Федоров-Давыдов А. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В.* Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века / Под ред. А. П. Смирнова, Г. А. Федорова-Давыдова. М., 1974.
59. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
60. *Георгиева С.* Керамиката от двореца на Царевец // Царевград Търнов. София: Българската Академия на Науките, 1974. Т. 2.
61. *Романчук А. И.* Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург, 2003.
62. *Крамаровский М. Г.* Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды (по материалам чингисидской торевтики XIII-XV вв.): Дисс. в виде научного доклада ... доктора ист. наук. СПб., 2002.
63. *Маршак Б.* Сканы XIII в. на Ближнем Востоке // СГЭ. 1982. Вып. XLVII.
64. *Антонова В.* Трапезна глазирна керамика със сграффито украса (XII-XIV в.) от средновековния Шумен (Предварителен обзор) // Годишник на музеите от Северна България. Варна, 1977. Кн. III.

65. *Berti G., Gelichi S.* «Zeuxippus Ware» in Italy // *Materials Analysis of Byzantine Pottery.* Washington, 1997.
66. *Голофаст Л. А., Рыжов С. Г.* Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
67. *Waksman S. Y., François V.* Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // *BCH.* Paris, 2004-2005. Suppl. 128-129.
68. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
69. *Романчук А. И., Перевозчиков В. И.* Глазурованная керамика из Азова (херсонско-азакские параллели в орнаментике) // АДСВ. Свердловск, 1990. Вып. 25.
70. *Макарова Т. И.* Поливная керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б. А. Рыбаков.* М., 1963.
71. *Тесленко И. Б.* Комплекс поливной керамики с места кораблекрушения второй половины XIII в. вблизи Судака (Крым) // *Българите в Северното Причерноморие. Исследования и материалы.* Велико Търново, 2000.
72. *Ларенок В. А.* Поливная керамика Семеновской крепости // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году.* Азов, 1994. Вып. 12.
73. *François V.* Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production (Xe – début XIe siècle) // *BCH.* Paris, 1997. Vol. 121/1.
74. *François V.* *Ceramiques medievales a Alexandrie.* Caire: Institut Français D'Archéologie Orientale, 1999.
75. *Зеленко С. М.* Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета им. Тараса Шевченко на Черном море в 1997-1999 гг. // *Vita Antiqua.* Киев, 1999. № 2.
76. *Плетньов В.* Украсата на битова керамика във Варна през XV-XVIII век // *Известия на Народния музей Варна.* 34-35 (49-50). 1998-1999. Варна, 2003.
77. *Мицишевски М. Н.* Полихромная поливная керамика как источник установления культурных связей XII-XIV вв. // *Bulgaria Pontica MEDII Aevi III, Nessebre* 1985. Sofia, 1992.
78. *Papanikola-Bakirtzi D., Hunt D., Loizides E.* *Colours of Medieval Cyprus. Through the medieval Ceramic Collection of the Leventis Municipal Museum of Nicosia.* Nicosia, 2004.
79. *Saccardo F.* *Contesti medievali nellalaguna e prime produzioni graffite veneziane // La ceramica nel mondo Bizantino tra XI e XV secolo e I suoi rapporti con l'Italia.* A curesi Sauro Gelichi. Firenze, 1993.
80. *Michailidou M.* *Ceramica veneziane dalla città medievale di Rodi (1309-1522) // La ceramica nel mondo Bizantino tra XI e XV secolo e I suoi rapporti con l'Italia.* A curesi Sauro Gelichi. Firenze, 1993.
81. *Полевой П. П.* Поливная керамика из раскопок гончарного района на поселении XIV века у села Костешты // *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР.* Кишинев: Изд-во АН МССР, 1964.
82. *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // *САИ.* М., 1967. Вып. Е1-38.
83. *Булатов Н. М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.
84. *Федоров-Давыдов Г. А.* *Золотоордынские города Поволжья.* М., 1994.
85. *Bikić V.* *Gradska keramika Beograda (16-17. vek).* Beograd, 2003.

86. *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму // ВВ. 1956. Т. 8.
87. *Юргевич В. Н.* Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. 1863. Т. V.
88. *Иванов А. В.* Балаклава XIV-XVIII вв. Этно-конфессиональный очерк // ХСб. 2003. Вып. XII.
89. *Долмова-Лукановска М.* Тырноград – производственный центр сграффито керамики XIII-XIV в. // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тезисы докладов конференции (Ялта, 25-29 мая 1998 г.). Симферополь, 1998.
90. *Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
91. *François V.* Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine à l'époque Paleologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. / Под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. Т. I. Киев, 2005.
92. Late Byzantine Glazed pottery from Thrace. Reading the Archaeological Finds / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi, N. Zekos. Thessaloniki, 2010.

Гинькут Н. В.

Производство поливной керамики во второй половине XIV – середине XV вв. в крепости Чембало

Резюме

Крепость Чембало была основана генуэзцами в 40-е гг. XIV в., а в 50-е гг. были возведены каменные крепостные сооружения. Проводимые последние десять лет археологические исследования на территории крепости выявили различные археологические находки: тарную, столовую и кухонную керамику, фрагменты стеклянных сосудов, металлические и каменные изделия. Среди находок доминирует поливная керамика, что свидетельствует о ее популярности среди городского населения. Вместе с сосудами крымских, византийских, итальянских, испанских, золотоордынских центров найдены и находки, свидетельствующие о местном производстве поливной керамики во второй половине XIV – XV вв. Это печной припас, включая специальные треножные подставки для обжига поливной керамики, и фрагменты готовых ангобированных сосудов, не покрытых поливой. Триподы представлены тремя основными группами, различными по размеру. Полуфабрикаты представлены фрагментами сосудов закрытого (кувшина) и открытого (пиаловидных чашек, кубков, чаш-мисок с вертикальными бортами) типов. Некоторые из них не орнаментированы, большинство же сосудов декорировано несколькими техническими приемами: гравировкой по ангобу, дополнительной подцветкой зелеными и коричневыми тонами. Сюжеты на заготовках включают в себя геометрические и растительные орнаменты, характерные для керамики византийского круга, Запада и Востока – концентрические окружности, фестоны, прямые, волнистые линии, зигзаги, спирали, сетчатый декор. Готовая керамика аналогичных форм и орнаментальных мотивов встречается непосредственно на территории крепости и ближайшей округи, что свидетельствует о том, что мастерские обслуживали лишь местное население. Подобные небольшие керамические центры характерны для территории средневековой Таврики, Греции и Причерноморского региона этого периода. В третьей четверти XV в. крепость была захвачена турками-османами, и производство поливной керамики не возобновлялось.

Ginkut N. V.

Glazed Ware Manufacture from the Second Half of the Fourteenth to the Mid-Fifteenth Century in Cembalo Fortress

Summary

Cembalo fortress was established by the Genoese in the 1340s, and its stone defensive works were constructed in the 1350s. Archaeological investigations on the territory of the fortress have been conducted since ten years ago and revealed various archaeological finds: transport, table, and cooking ware, fragments of glass vessels, metal and stone artefacts. Glazed ware predominates in the finds, which is an indication of its popularity among the city dwellers. Amidst the vessels from Crimean, Byzantine, Italian, Spanish, and Golden Horde centres, there are finds supplying evidences of local glazed ware manufacture in the second half of the fourteenth and fifteenth century, namely technological ware, including special tripods for glazed ware firing and fragments of finished engobed vessels without glazing. The tripods consists of three main groups differing by their dimensions. The semi-finished vessels include closed shapes (jugs) and open shapes (handleless drinking cups, beakers, and bowls with vertical walls). Some of these vessels are undecorated, but the most are ornamented with several techniques: decoration incised into the engobe or additional green and brown undercolouring. The semi-finished vessels depict geometrical and vegetal decorations, which are typical of the ware from the Byzantine circle, both Eastern and Western: concentric circles, festoons, straight and wavy lines, zigzags, spirals, and network patterns. Finished ware of the same shapes and ornamental motifs has been discovered actually within the fortress limits and in its immediate vicinity, which is an indication that the workshops worked for the local population only. Small centres of ceramic manufacture of the similar type are typical of medieval Taurica, Greece, and Black Sea area in the given period. The ceramic manufacture ceased after the Ottomans captured the fortress in the third quarter of the fifteenth century and never revived in the future.

Таблица 1. Триподы. Заготовки для поливной посуды*

Контекст	Дата контекста							
	Вт. пол. XIV в. (Монеты до 60-х гг. XIV в.)	Вт. пол. XIV в.	Вт. пол. XIV – рубеж XV вв.	Вт. пол. XIV – пер. четв. XV вв.	20-е гг. XV в.	Конец XIV – пер. пол. XV вв.	Вт. пол. XIV – пер. пол. XV вв.	Вт. пол. XIV – третья четв. XV вв.
Башня № 1. Барбакан. Кв. 4. Слой серо-коричневого золистого грунта с мелким щебнем и угольками							T-11 9/37400	
Башня № 1. Кв. 1. Слой серо-коричневого грунта над красным материковым выбросом							B-20 (Сот) НВФ 10/37400	T-23 НВФ 7/37400
Башня № 1. Кв. 1. Пространство между кл. 27 и протобарбаканом								T-31 22/37400
Башня № 1. Кв. 2. Слой серо-коричневого грунта с угольками и мидиями							B-17 (Сот) НВФ 25/37400	

*Т – трипод (треножная подставка, применявшаяся при обжиге поливной посуды); В – полуфабрикат (заготовка для поливного сосуда); жирным шрифтом дан номер фондового хранения в НЗХТ.

<p>Башня № 1. Кв. 3. Слой серо-коричневого грунта с угольками над красным материковым выбросом</p>								<p>T-34 23/37400</p>
<p>Башня № 1. Бровка между кв. 4 и 6. Слой серо-охристого грунта, подстилаемый материковой подсыпкой</p>								<p>T-36 НВФ 42/37400</p>
<p>Башня № 1. Валац, северо-восточная часть, слой насыпи. Под нижним вторым пожаром</p>								<p>T-37 28/37387</p>
<p>Башня № 1. Юго- восточная часть раскопа. Внешняя сторона башни. Яма 1, заполнение</p>						<p>T-16 20/37371</p>		
<p>Башня № 1. Заполнение ямы 3, Уровень переотложенного материкового суслинка</p>								<p>T-1 18/37387</p>
<p>Башня № 1. Западная часть раскопа. Яма 3, слой рыхлого светлого грунта</p>								<p>T-7 44/37371 T-17 43/37371 T-24 43/37371 T-41 43/37371</p>

<p>Башня № 2. Барбакан, слой де-структурированного известкового раство-ра</p>								<p>Т-13 НВФ 99/1097</p>
<p>Башня № 2. Внутреннее заполне-ние квадратной баш-ни. Слой 5</p>					<p>В-11 (чаша-миска) 4/37433</p>		<p>Т-27 7/37433</p>	
<p>Башня № 2. Внутреннее заполне-ние квадратной баш-ни. Слой 11</p>				<p>В-6 (чаша-миска) 9/37433</p>				
<p>Башня № 2. Кв. В. Участок между кл. 4 первого строитель-ного периода и кл. 7. Слой рыхлого золи-стого грунта</p>							<p>Т-28 2/37401</p>	
<p>Восточная линия обороны. Кв. 1. Пространство между кл. 27 и прогобарба-каном</p>								<p>Т-21 22/37400</p>
<p>Восточная линия обороны. Кв. 1. Пространство между крепостной стеной и стеной строения. Верхний слой засы-пи</p>								<p>Т-33 13/37585</p>

<p>Восточная линия обороны. Кв. 2. Пространство между кл. 50 и 5 (крепостная стена). Слой рыхлого серо-зеленого грунта, насыщенного угольками, костями животных, обломками керамики</p>		<p>Т-9 14/37585</p>				<p>Т-5 14/37585 Т-38 14-2/75854 Т-39 14-3/375854</p>
<p>Восточная линия обороны. Башня № 2. Западная часть раскола. Дом 1. Слой верхней засыпи, урвень дерна и под дерном, слой 5</p>					<p>Т-29 12/37433</p>	
<p>Восточная линия обороны. Башня № 2. Пространство между кургиной крепостной стены и домом 2. Слой засыпи серого цвета</p>					<p>Т-26 14/37433</p>	
<p>Восточная линия обороны. Башня № 2. Пространство между кургиной крепостной стены и домом 2. Натечный слой. Верхняя часть завала, слой 8</p>					<p>В-15 (Сот) 13/37433</p>	

<p>Восточная линия обороны. Башня № 2. Слои каменного завала между башней № 2 и домом 2. Верхняя часть завала, слой 19</p>						<p>В-13 НВФ 24/37433</p> <p>(чаша-миска)</p>
<p>Восточная линия обороны, вдоль линии обороны. Пространство между крепостной стеной и домом 3</p>	<p>Т-6 НВФ 75/1130 Т-22 НВФ 76/1130 Т-41 43/37371</p>					
<p>Восточная линия обороны. Кв. 4. Слои завала (заполнения) над подрубоккой скалы</p>						<p>Т-12 5/37604</p>
<p>Восточная линия обороны. Пристенная башня. Раскоп 1А. Зачистка под крепостной стеной, восточная линия куртины. Между башней № 1 и воротной башней № 2</p>			<p>Т-14 НВФ 26/1097</p>			
<p>Донжон. Раскоп № 4, слой заполнения с внешней стороны крепыды</p>					<p>Т-18 НВФ 1073-А/31</p>	

Припортовый район. Участок А, кв. 1. Слой 2										В-16 (Сог) 10-1/37531
Припортовый район. Участок Б, кв. 4. Выборка траншеи для укладки трассы трубы. Слой 1										
Припортовый район. Башня № 6. Кв. 1, слой 1										Т-25 13-3/ 37555 В-8 (чаша-миска) 12/37555
Припортовый район. Башня № 6. Участок Г, кв. 3, слой 1										Печной припас 14/37555
Припортовый район. Башня № 6. Кв. 1, слой 2										В-8 (чаша-миска) 12/37555
Припортовый район. Башня № 6. Кв. 4, слой 2										Т-2
Припортовый район. Башня № 6. Кв. 1, слой 3									Т-30 13-4/ 37555	
Припортовый район. Башня № 6. Кв. 2, стратиграфический срез									Т-10 13-2/ 37555	

<p>Башня № 8. Участок А. Слой 1. Слой над ядрами, арсенал</p>	<p>Т-4 4-2/ 37426</p>	<p>В-3 (чашка-пиала) 54-3/37408</p>				
<p>Башня № 8. Участок Б. Слой 1</p>	<p>Т-40 4-1/ 37426 В-1 (кувшин) 5-2/ 37426</p>	<p>В-4 (кубок) 8-1/37426 В-5 (чашка-пиала) 8-2 /37426</p>	<p>Т-19 9/37426 В-7 (чашка-миска) 5/37426 В-9 (чашка-миска) 5-1/ 37426</p>			<p>В-21 (Сот) 5-3/37426</p>
<p>Башня № 8. Участок Б. Пом. 3, слой 1</p>		<p>В-12 (чашка-миска) 55/37408</p>				<p>В-2 (чашка-пиала) 3/37437 В-18 (Сот) 3-2/37437</p>
<p>Башня № 8. Участок А. Слой 2</p>						
<p>Башня № 8. Участок Б, кв. 2. Слой 2</p>						

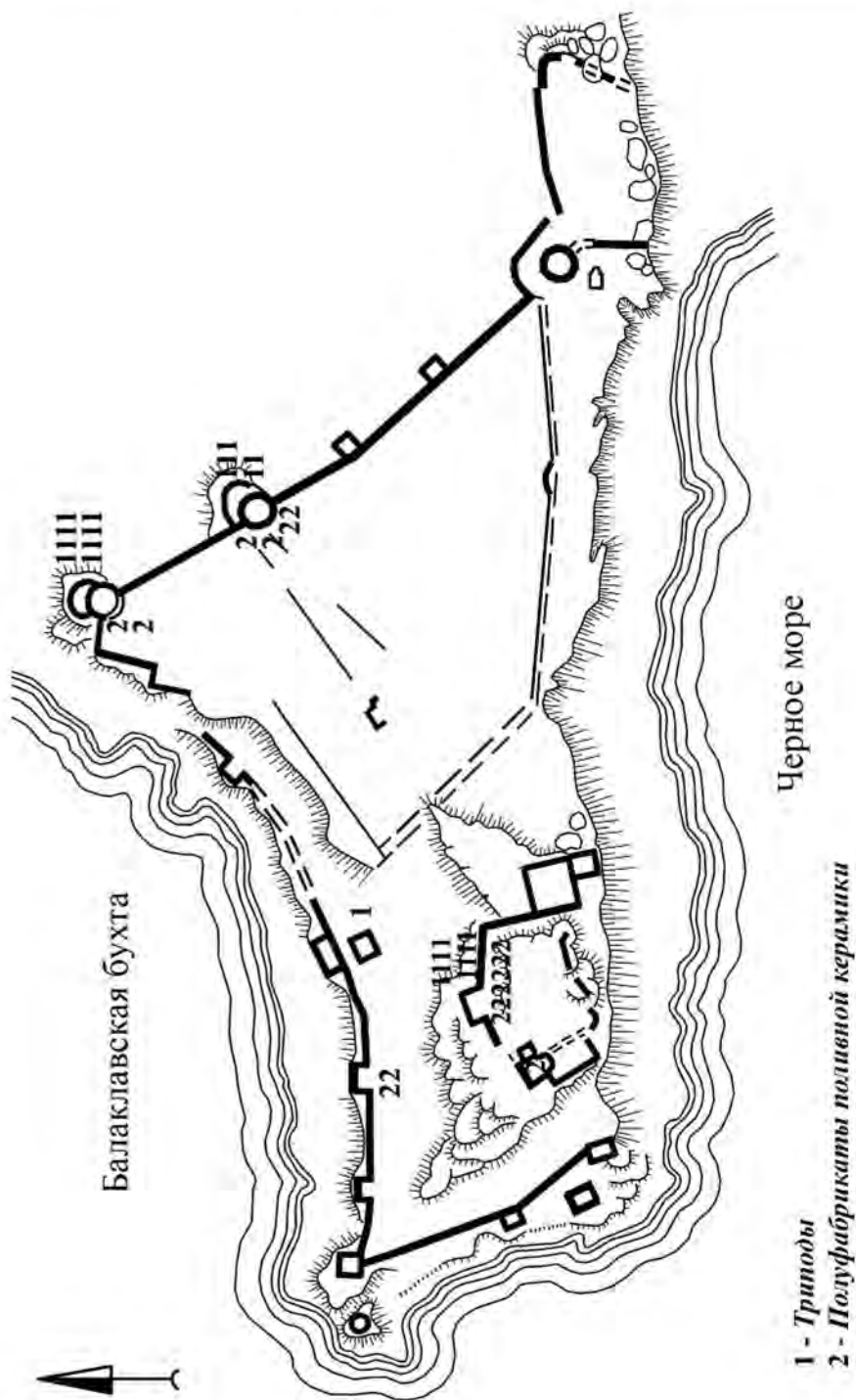

Рис. 1. Крепость Чембало.

Распределение находок триподов для обжига поливной керамики и полуфабрикатов (заготовок) поливной керамики. Схема.

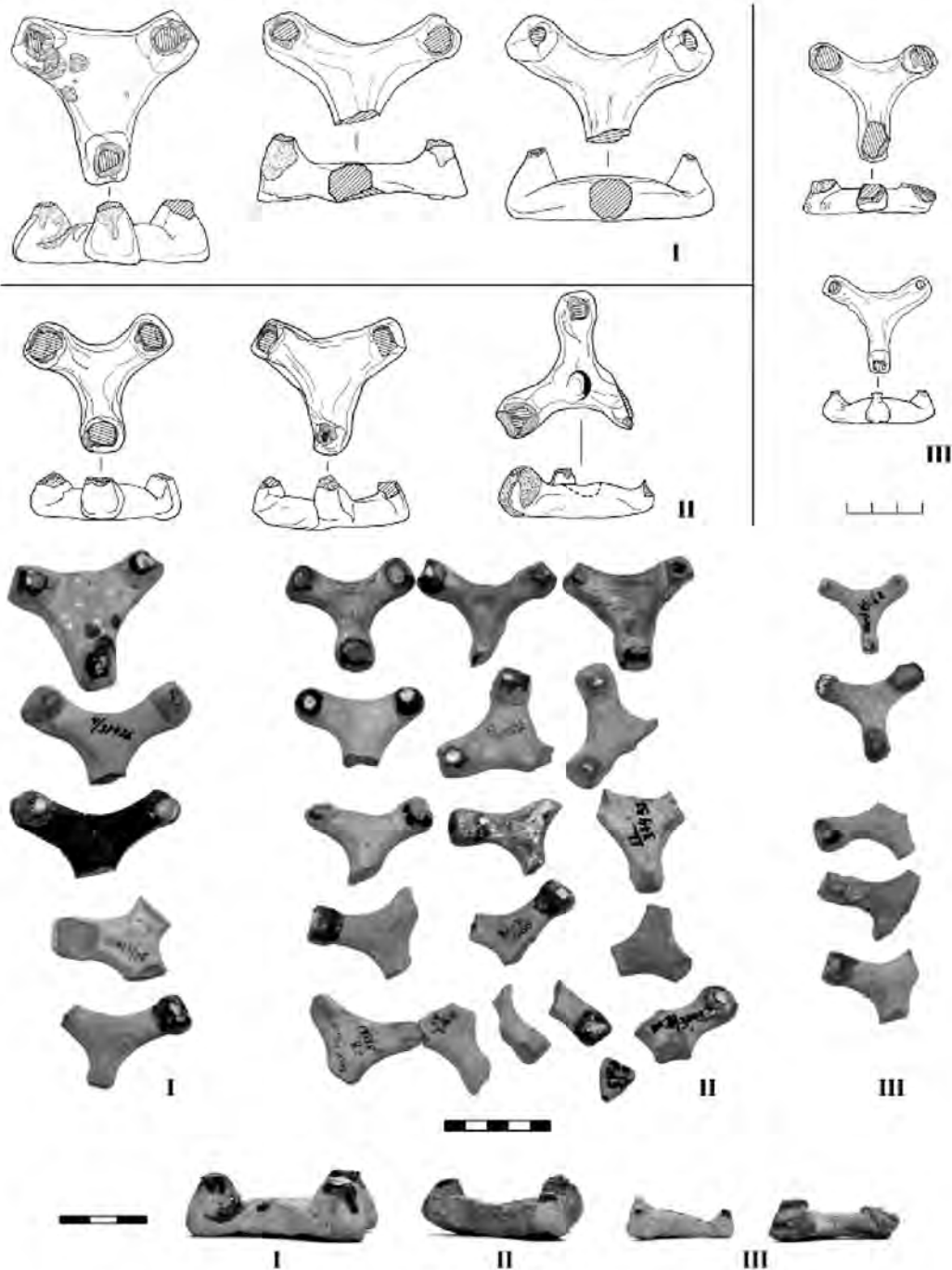

Рис. 2. Крепость Чембало.

Треножные подставки для обжига поливной керамики. Сводная таблица типов. Глина, полива.

Рис. 3. Крепость Чембало.

Треножные подставки для обжига поливной керамики. Сводная таблица вариантов. Глина, полива.

Рис. 4. Крепость Чембало.

Заготовки для поливной посуды: кувшины (B-1), чашки (B-2,3,5), кубки (B-4,6), сосуды открытого типа (B-17,19-21); глина, ангоб. Готовая керамика без покрытия: чаша (TW 7); глина.

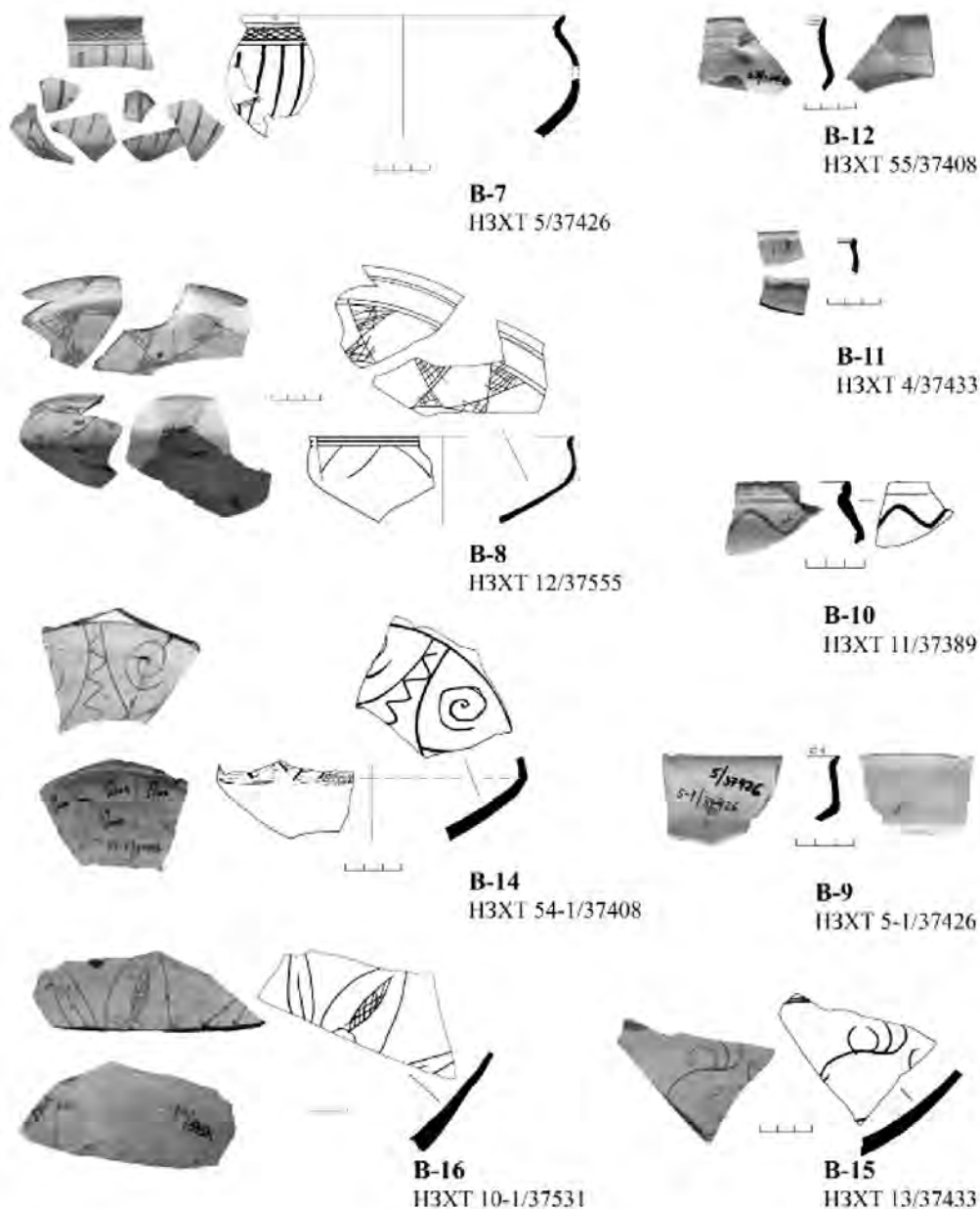

Рис. 5. Крепость Чембало.

Заготовки для поливной посуды: чаши (B-7-12,14), сосуды открытого типа (B-15,16); глина, ангоб.

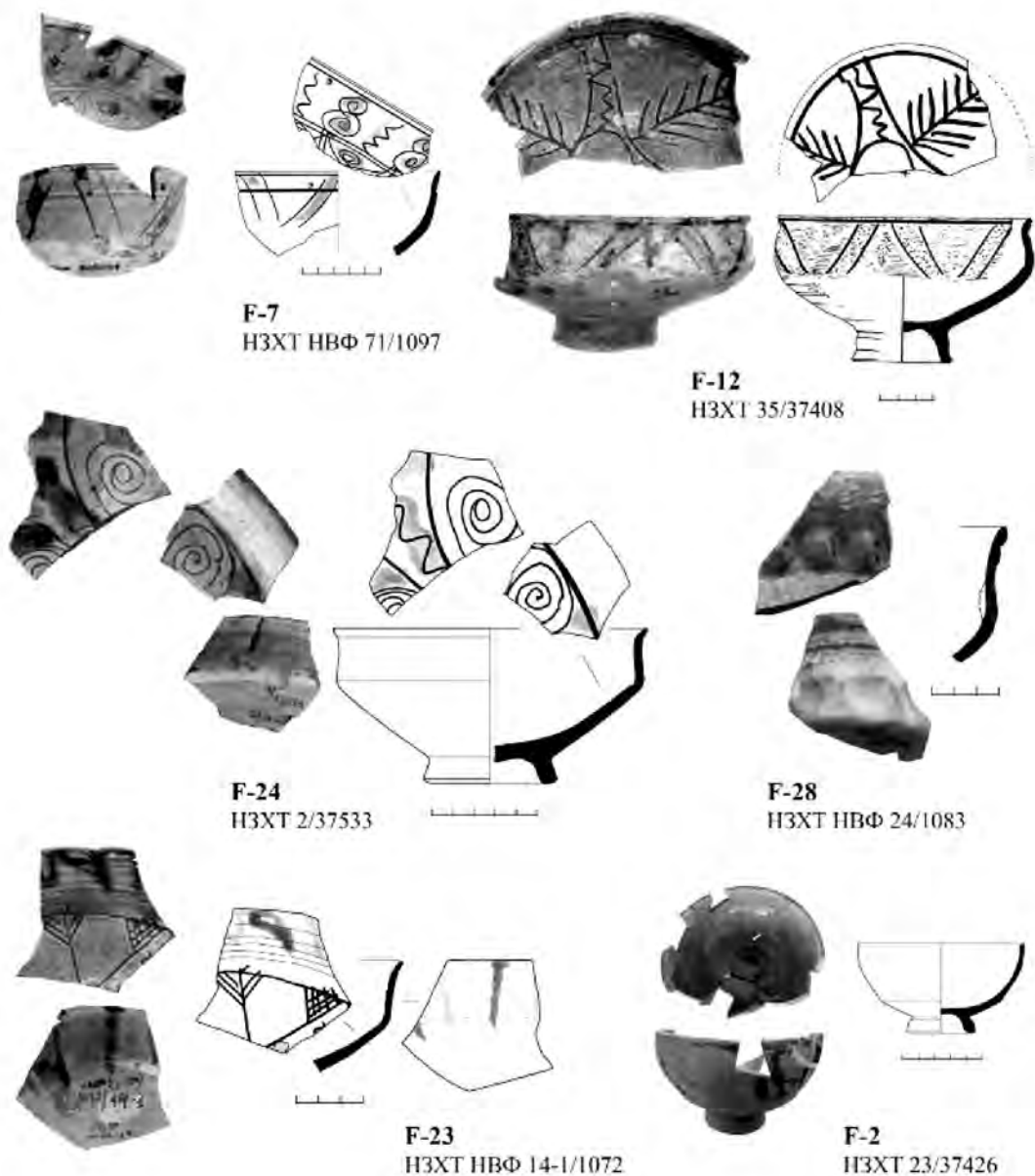
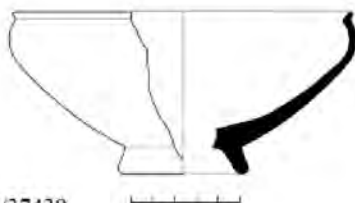

Рис. 6. Крепость Чембало.

Готовая продукция: чашки (F-2,7), чаши (F-12,23,24,28); глина, полива, гравировка, роспись красками.

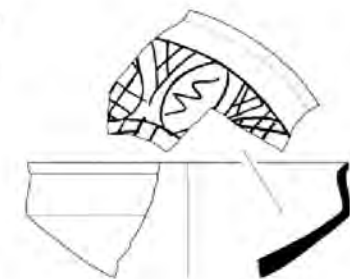
F-43
НЗХТ 6/37439

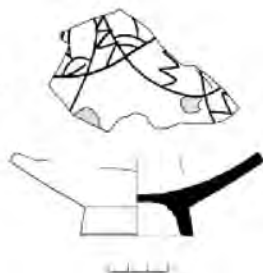
F-30
НЗХТ 7/37604

F-32
НЗХТ НВФ 20/1242

F-20
НЗХТ НВФ 24-3/37426

F-41
НЗХТ НВФ 30/1107

Рис. 7. Крепость Чембало.

Готовая продукция: чаши (F-20,43), тарелки (F-30,32), сосуды открытого типа (F-41); глина, полива, гравировка, роспись красками.

Н У М И З М А Т И К А

Г. С. БОГУСЛАВСКИЙ, Д. М. ЯНОВ

СЕРЕБРЯНЫЕ И БИЛЛОННЫЕ МОНЕТЫ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ИЗ НОВЕЙШИХ НАХОДОК В БЕЛГОРОДЕ (АККЕРМАНЕ)

Настоящая работа посвящена находкам монет Крымского ханства, происходящих из раскопок Белгород-Тирского городища. При рассмотрении пространственного распределения находок монет чекана крымских ханов следует отметить, что они не тяготеют к какой-либо одной части средневекового города, а представляют собой находки с разных, достаточно удаленных друг от друга участков памятника.

Наибольшее число находок (5 монет) происходит из Гражданского двора Аккерманской крепости, с участка РК-1. С 2005 года Белгород-Тирская экспедиция Института археологии НАНУ начала охранные раскопки в пределах Аккерманской крепости. Связаны они были первоначально с созданием специальных водоотводов, необходимость которых обуславливается аварийным состоянием крепостных стен. Все исследуемые участки внутри крепостных стен получили общее условное обозначение РК (Раскоп «Крепость») с соответствующим порядковым номером; одним из них и является участок РК-1.

Он расположен в Гражданском дворе крепости вдоль северной его стены между воротными проемами, соединяющими Гражданский двор с Гарнизонным и Карантинным (т.н. Средние и Водяные ворота соответственно). В полевых сезонах 2005–2006 гг. здесь был заложен большой раскоп общей площадью около 275 м², в результате дальнейшего выравнивания южного борта, а также частичной засыпки в ходе консервационно-реставрационных работ и проведения упомянутого выше водоотвода, приобретший почти правильную прямоугольную форму со срезанным юго-восточным углом. В западной его части были исследованы интересные строительные остатки османской эпохи [1, с. 212-216].

Одна поздняя крымская монета, чекана Крым Гирая I (№ 10 в прилагаемом каталоге), происходит из верхнего стратиграфического слоя участка РК-1, под плитовым замостом, который перекрывал площадь раскопа под крепостной стеной. Ниже предыдущего слоя на территории РК-1 залегал слой очень плотного, хорошо утрамбованного сероглинистого грунта, содержавший артефакты, в том числе и

XX века и предположительно являющийся единовременной засыпкой и трамбовкой, образованной, возможно, в ходе каких-то реставрационных работ [2, с. 77]. Именно этот слой в западной части участка перекрывал строительные остатки османской эпохи [1, с. 214]. Из данного слоя происходят три крымских монеты, охватывающие весь исследуемый хронологический диапазон – ранняя монета чекана Менгли Гирая I (№ 3) и поздние монеты чекана Саадат Гирая III (IV) (№ 6) и Менгли Гирая II (№ 7). Сами исследованные сооружения османской эпохи в западной части РК-1 не сохранили аутентичного заполнения; здесь залегал рыхлый, местами сыпучий сероглинистый слой, насыщенный строительным мусором, от известняковой крошки до фрагментов пиленых карнизов. Время формирования данного слоя, по-видимому, следует также признать частично современным [1, с. 213; 3, с. 51]. Из него происходит еще одна монета Менгли Гирая I (№ 1).

В ходе полевого сезона 2005 года проводились также исследования на участке с рабочим названием РК-3. Он располагался в Гарнизонном дворе Аккерманской крепости вдоль всей его северной стены, восточнее ворот Цитадели. С северо-востока раскоп ограничивала внешняя стена Гарнизонного двора средневековой крепости; северо-западный торец его упирался во внешнюю стену т.н. Эвакуационной башни в северо-восточном углу Цитадели, юго-восточный торец выходил к внешней стене Гарнизонного двора в месте ее поворота с линии запад – восток по линии север – юг. Работы на участке РК-3 велись под руководством А. Г. Коцуры. Заложен он был, как и РК-1, в связи с охраняемыми исследованиями на наиболее аварийных участках крепости перед работами по сооружению водосточных труб. Раскоп РК-3 был вытянут по линии северо-запад – юго-восток так же, как и РК-1 в своей первичной форме 2005 года, представляя собой, по сути, траншею вдоль крепостной стены.

Открытый на данном раскопе культурный слой представлял собой смешанный слой, по-видимому, турецкого времени, в котором залежали строительные остатки разных эпох. Большинство из открытых строительных объектов были сооружены до постройки северо-восточной крепостной стены Гарнизонного двора; часть из них отнесена к античному времени. Аутентичного заполнения обнаруженных помещений не выявлено – везде присутствует переотложенный слой турецкого времени, насыщенный материалами разных хронологических периодов (от раннего эллинизма до XVIII в.), т.е. фиксируется типичная для Белгород-Тирского городища картина [3, с. 49]. Местами фиксировались даже вторжения XX в.

Из раскопок на этом участке из перемешанных слоев происходят две крымские монеты второй половины XVI в. – чекана Девлет Гирая I (№ 4) и Гази Гирая II (№ 5).

Две монеты Крымского ханства из нашей выборки происходят из-за пределов Аккерманской крепости с т.н. Центрального раскопа (ЦР) Белгород-Тирского городища. ЦР представляет собой обширный раскопочный участок (площадью св. 4000 м²) на прикрепостной территории к востоку от Центральных (Килийских) ворот крепости. На этой площади были сосредоточены работы украинских археологов, начиная

с 1945 г. В османскую эпоху, учитывая существование крепости, здесь находилось открытое пространство, перекрывшее территорию засыпанных (вероятно, еще в молдавское время) жилых кварталов античной Тиры и золотоордынского Белгорода. Позднее, но еще в рамках османского периода, здесь располагался небольшой турецкий могильник [4, с. 8-10].

Одна монета крымского чекана из представленных в данной работе, принадлежащая эмиссии хана XVIII в. Арслан Гирая I (№ 9), была найдена в верхних стратиграфических слоях на т.н. Северо-Западном участке ЦР. Северо-Западный участок расположен непосредственно к северо-востоку от Килийских ворот, приближаясь к крепостному рву. находка происходит из слоя снивелированного гласиса (бывшего вала крепости), традиционно дающего некоторый процент находок османского времени [4, с. 16-17]. Вторая, более ранняя монета чекана Менгли Гирая I (№ 2) принадлежит к категории подъемного материала с территории Центрального раскопа, также из северной его части.

Еще два представленных в нашей статье экземпляра монет крымской чеканки представляют собой находки частных лиц из неустановленной части памятника. Они были переданы в дар Одесскому Археологическому музею сотрудником С. К. Маевским. По его данным, находчик определил происхождение монет следующим образом: монеты «были найдены в Белгород-Днестровском». Обе принадлежат к позднему периоду, являясь эмиссиями ханов XVIII в. – Селим Гирая II (№ 8) и последнего крымского хана Шахин Гирая (№ 11), соответственно.

Относительно большое количество находок монет Крымского ханства на памятнике (хотя Аккерман никогда не входил в состав ханства), известные ранее [5, р. 14-15; 6, р. 29] и представленные в данной статье, свидетельствует об их участии в денежном обращении в городе, начиная с середины XV в. и практически до ликвидации Крымского ханства в 1783 г. (возможно, с перерывами в первой половине XVI в. и в период с начала XVII до начала XVIII вв.). Об обращении крымских монет¹ в целом на территории Днестровско-Прутского междуречья могут свидетельствовать также другие находки в регионе (подробнее о них ниже); их появление может быть связано с заселением с начала XVI в. в Буджак ногайских кочевников. Султан Баязид II за помощь, оказанную во взятии Килийской и Белгородской крепостей в 1484 г., пожаловал хану Менгли Гираву I земли в Буджаке. В 1596 г. была основана Буджакская Орда. Буджакские ногайцы подчинялись крымскому хану, вассалу Османской империи, и непосредственно османской администрации Очаковского эялета. Руководство Буджакской Ордой осуществляли буджакский хан, резиденция которого находилась в Каушанах, и прибрежный ага, резиденцией которого была Ханкышла (совр. с. Удобное Белгород-Днестровского района Одесской обл.) [7, с. 86-87; 8, с. 40; 9, с. 76]. Впоследствии Ханкышла приобретает статус зимней

¹ В данной статье под крымскими монетами подразумеваются только монеты Крымского ханства, не включая татаро-генуэзские аспры.

резиденции крымского хана в Буджаке [9, с. 76]. Следует заметить, что, согласно сообщению доминиканца Жана де Люка, описавшего свое путешествие около 1625 г., у ногайцев преобладал натуральный товарообмен: «ногайцы не желают брать серебра за свои товары» [10, с. 487]. Находки двух османских субератных акче XVI в. из ногайских погребений могильника Лиман (около с. Дивизия Татарбунарского района Одесской обл.) не могут свидетельствовать об уровне развития у ногайцев товарно-денежных отношений, поскольку цели положения их в могилу – символические или декоративные [7, с. 84].

К другим факторам, также повлиявшим на участие крымских монет в обращении Аккермана, можно отнести торговые связи Аккермана с Крымом. Бывшие генуэзские колонии в Крыму, после кратковременного спада торгового оборота в результате османского завоевания 1475 г., в XVI в. возрождаются, в особенности Кафа [11, с. 389].

Крымские монеты могли также оказаться в Аккермане и благодаря пребыванию в городе и окрестностях ханских войск во время их участия в военных походах Османской империи, либо во время внутренних смут в Крымском ханстве. Например, таких, как убийство в 1608 г. возле Аккермана хана Тохтамыш Гирая, кандидатуру которого не утвердил султан, и его брата Сефер Гирая, совершенное Мехмед Гираем (будущий хан Мехмед Гирай III) в пользу другого претендента на ханский престол – Селямет Гирая. Несколько позже тот же Мехмед Гирай совершает неудачную попытку отнять ханский престол у своего бывшего союзника Селямет Гирая, после провала которой вместе со своим братом Шахин Гираем скрывается поблизости Аккермана. Там же братья были разбиты ханом Джанибеком Гираем, правившим после Селямет Гирая, однако им удалось сбежать [12, с. 471-476].

Наиболее ранние крымские монеты из прилагаемого описания принадлежат ко времени правления хана Менгли Гирая I. На территории к западу от Днестра известны также другие находки монет этого хана [13, с. 103, 106, №№ 28, 33; 14, с. 92; 15, с. 355]. Однако на этой территории известны также находки и более ранних монет Крымского ханства, относящихся ко времени правления Хаджи Гирая [13, с. 102, 103, №№ 27, 28; 14, с. 92; 15, с. 355; 16, с. 64] и Нур Девлет Гирая [15, с. 355]. Причем среди всех известных находок крымских монет западнее Днестра большинство относится именно ко времени правления Хаджи Гирая и Менгли Гирая, то есть к начальному этапу чеканки монет Крымского ханства – с середины XV до начала XVI вв. [15, с. 88]. Одной из причин этого могло быть упомянутое выше участие войск Менгли Гирая во взятии османами Килии и Белгорода в 1484 г. [7, с. 86-87], а также участие крымских войск во главе с мурзой Эминаком в предыдущей неудачной осаде молдавского Белгорода турецкими войсками в 1476 г. [17, с. 149].

Монеты ханов, правивших в первой половине XVI в., начиная с Мехмед Гирая I (1515-1523), крайне редко встречаются не только на территории вне Крыма (исключе-

чением являются находки клада монет Саадат Гирия I в Очакове и единичных монет в Голопристанском районе Херсонской области [18, с. 10]), но даже на территории самого полуострова. М. М. Чорев объясняет сокращение эмиссии крымских монет в первой половине XVI в. политикой завышения курса иностранной монеты в фискальных целях, а также перенасыщением денежного обращения ханства золотом и серебром иностранного чекана в указанный период [19].

Вследствие дефицита золота и серебра в Крымском ханстве с середины XVI в., как и в Османской империи с 80-х гг. XVI в., начинается порча монеты. Биллонные акче, которые чеканились в период правления Девлет Гирия I (1550-1577), Мехмед Гирия II (1577-1584) и Ислам Гирия II (1584-1588), вытеснили из обращения монеты предыдущих эмиссий [20, с. 430] (к периоду правления Девлет Гирия I принадлежит монета № 4 из представленного ниже описания).

В результате монетной реформы султана Мурада III 1584-1586 гг. вес османского акче был снижен с 0,862 до 0,384 г. [21, с. 72]. В Крымском ханстве при Гази Гириае II (1588-1596, 1596-1607), начинается выпуск монет (к ним относится монета № 5 из представленного описания), приравненных к новому весу османских акче (т.е. ок. 0,26-0,37 г). Вместе с тем, у этих монет было более высокое содержание серебра по сравнению с крымскими акче предыдущих выпусков [20, с. 432].

В дальнейшем вес как османского, так и крымского акче продолжал снижаться [21, с. 70-72], что обусловило уменьшение количества обесцененных акче на местном рынке [22, с. 254-255] и, соответственно, отсутствие среди известных находок в Аккермане крымских монет с начала XVII до начала XVIII вв.

Следующие по хронологии крымские монеты, которые фиксируются среди белгородских находок, относятся уже к XVIII в. О возобновлении обращения монет Крымского ханства в XVIII в. не только в Аккермане, но и в целом в Днестровско-Прутском междуречье могут также свидетельствовать находки клада из г. Басарабьяска [23, с. 13] и единичных монет в Кишиневе [24, с. 37-38]. К этому времени вместо обесцененного акче роль основной денежной единицы играет бешлык, приравненный к пяти акче (хотя чеканка акче продолжается по-прежнему). Крымские бешлыки чеканились со второй половины XVII в., первоначально с достаточно высоким содержанием чистого серебра (как это демонстрирует бешлык Саадат Гирия IV (1717-1724) № 6 из представленного ниже описания). Впоследствии происходит та же ситуация, что и некогда с акче – ханы начинают заниматься порчей монеты, уменьшая содержание чистого серебра. Так, из представленных ниже экземпляров №№ 6 и 7 следует, что при Менгли Гириае II вес чистого серебра в бешлыке уменьшается на 0,4 г, при этом общий вес уменьшился всего на 0,09 г, так как при этом увеличивается доля лигатуры. При Арслан Гириае вес серебра в бешлыке был уменьшен практически в три раза по сравнению с монетами предыдущих ханов [25, с. 280] (по сравнению с Менгли Гириае II мы видим, что в монете Арслан Гирия № 9 вес серебра меньше в 2,67 раз). По сравнению с предыдущими, более качественными бешлыками, монеты новых эмиссий называли кара-бешлыками (черными бешлыками) [25, с. 289].

Хан Крым Гирай (1758-1764, 1768-1769) провел монетную реформу, в результате которой крымский куруш² (20 крымских бешлыков) приравнялся к весу османского куруша. Ранее шесть крымских курушей приравнялись к одному османскому курушу, соответственно, крымский бешлык нового образца приравнялся к шести старым крымским бешлыкам [25, с. 284]. Вес бешлыка нового образца составлял 0,9-1,05 г [29, р. 246-247], а содержание чистого серебра в нем, как доказал А. В. Якушечкин (что подтверждает монета № 10 из представленного описания), составляло около 0,5725 г [25, с. 285].

При хане Шахин Гирае вес бешлыка был увеличен приблизительно до 1,5 г, но при этом было значительно уменьшено содержание серебра в монете (к этому периоду относится монета № 11 из представленного описания).

Рассмотрение пространственного распределения монет крымского чекана на Белгород-Тирском городище показало его спорадический характер. Однако не слишком многочисленные находки происходят с большей части участков памятника, подвергавшихся раскопкам в 2000-х гг. Такую же спорадичность показывает и хронологическое распределение находок: единичными экземплярами среди аккерманских материалов представлены эмиссии далеко не всех ханов-эмитентов, зато в почти полном хронологическом диапазоне существования Крымского ханства – от Менгли Гирая I до Шахин Гирая, при котором территория государства была аннексирована Российской империей. По-видимому, данное наблюдение следует распространить и на общий характер связи Белгорода османской (а отчасти и молдавской) эпохи с соседним ханством, чья территория начиналась сразу за Днестром. Аккерманско-крымские связи были постоянными во времени и пространстве, но не слишком тесными.

Описание монет (рис. 1) Менгли Гирай I (1468-1515)

1. Акче. Кырк-Йер. 883 г. хиджры (1478-1479 гг.). AR 600°, 0,35/0,21 г³, 12 мм, 6 h, сколы по гурту (ОАМ № 54481).

л.с.: منکلی آرا[ی]
بن
حاجی آرا[ی]
خان

«Менгли Гира[й], сын Хаджи Гир[а]я, хан».

о.с.: В центре: тамга Гираев в точечной окружности.

Вокруг надпись: ضرب فرق یر ٨٨٣ – «Чекан Кырк-Йера, (год) 883».

Тексты на обеих сторонах вписаны в точечные окружности [26, р. 284, № 25].

² Куруш, или пиастр в Крымском ханстве, в отличие от Османской империи, до монетной реформы Шахин Гирая не чеканился, а играл роль счетной единицы.

³ Указан вес монеты с лигатурой / чистый вес.

2. Акче. Кырк-Йер. 1475-1491 гг. AR-BI 400°, 0,39/0,16 г, 14 мм, 9 h, стерта, проколота (ОАМ № 54460).

л.с.: [لكتم]ىارك ى

[ب]ان

[ح]اجى آراى

[خ]انا

«[Менг]и Гирай, сын [Х]аджи Гирая, [х]ан».

о.с.: В центре: тамга Гираев в точечной окружности.

Вокруг надпись: [ضرب]ارق ير – «[Чекан Кы]рк-Йера...».

Тексты на обеих сторонах вписаны в линейные и точечные окружности.

Монеты этого типа чеканились в 1475-1491 гг. [26, Gruppe 2, p. 279-295]. К этому же типу можно отнести следующую монету-подражание № 3.

3. Акче. Кырк-Йер. 1475-1491 гг. Подражание. AR 400°, 0,62/0,25 г, 11-15 мм, 9 h, частично стерта (ОАМ № 54493).

л.с.: Зеркальное отображение аверсного штемпеля Менгли Гирая I.

о.с.: В центре: тамга Гираев в точечной окружности.

Вокруг надпись: [ضرب]ارق ير – «[Чекан] Кырк-Йе[ра]...».

Текст вписан в линейную окружность.

Девлет Гирай I (1550-1577)

4. Акче. Монетный двор стерт. AR-BI 200°, 0,38/0,08 г, 11,5 мм, 6 h, стерта (ОАМ № 54495).

л.с.: [دولت]كرى

[بن]بم[ارک]ك رى

«[Дев]лет [Гирай], [сын Муб]арака Ги[ра]я».

Между ними – точечная разделительная линия. В слове ىارك отсутствует буква ا.

о.с.: В центре: тамга Гираев в точечной окружности. Круговая легенда почти совершенно стерта [27, p. 26-28, №№ 5-7, 13].

Плохое состояние биллонных монет Девлет Гирая I долгое время вносило путаницу в прочтение монетного двора. О. Ретовский считал, что эти монеты по-прежнему чеканились в Кырк-Йере [27, p. 26-33]. М. М. Чорев утверждает, что они чеканились на монетном дворе Крым [28, с. 379-380]. Представленный экземпляр, вероятно, также можно отнести к чекану Крыма.

Гази Гирай II (1588-1596, 1596-1607)

5. Акче. Гезлев. AR-BI 600°, 0,26/0,1 г, 11,3 мм, 6 h, стерта (ОАМ № 55291).

л.с.: [ك]ىزاغ[راى]خ[ان]

[ب]ان

[ود]ىارك نل [خ]انا

«[Гази Ги]р[ай] х[ан], сын [Дев]лет Гирая, [х]ана».

о.с.: [برض]قاي

وك[ولز]

[هنس]

[۹۹۶]

«Чеканено в [Ге]злеве, [год 996]».

Во второй строке между буквами و и ل, над буквой ز – тамга Гираев.

Текст вписан в точечную окружность [27, р. 49, № 39].

Саадат Гирай III (IV) (1717-1724)

6. Бешлык. Бахчисарай. AR 800°, 0,90/0,72 г, 17 мм, 6 h (ОАМ № 54510).

л.с.: اخ[ن] ى ارك تدا عس

[ب]م يلس ج اح ن ك[ر] ى

«Ха[н] С'аадат Гирай, сын Хаджи Селима Ги[р]ая».

о.с.: يف برض

س[م]چ غا[ب] [ى]

[هنس]

[۱۱۲۹]

«Чеканено в Бахчиса[r]a[e], [год 1129]».

Текст вписан в линейную и точечную окружности.

Над первой строкой – тамга Гираев [29, р. 196, № 6].

Менгли Гирай II, 1 правление (1724-1730)

7. Бешлык. Бахчисарай. AR-VI 400°, 0,81/0,32 г, 17 мм, 12 h (ОАМ № 54501).

л.с.: ى لك نم ناخ [ارك] ى

ى ارك م يلس ج اح ن ب

«Хан Менгли Гирай, сын Хаджи Селима Гирая».

После буквы ج – виньетка.

о.с.: يف برض

[ب] ى ارس مچ غا

هنس

۱۱۳۷

«Чеканено в [Б]ахчисарае, год 1137».

Над первой строкой – тамга Гираев.

Тексты на обеих сторонах вписаны в линейные и точечные окружности [29, р. 201, № 15].

Селим Гирай II (1743-1748)

8. Бешлык. Бахчисарай. AR⁴, 0,74 г, 13-15,5 мм, 12 h, стерта.

л.с.: اخ[ك] م يلس ن [ار] ى

[ب] ى ن [پ] لا [ن]

«[Ха]н Селим Ги[р]а[й], сын Ка[n]ла[на]».

о.с.: يف برض

[ب] غا [چ] رس [ى]

⁴ Монета не апробирована.

[قنس]

[۱۱۵۶]

«Чеканено в [Б]ах[чи]сар[ае, год 1156]».

Над первой строкой – тамга Гираев (стерта) [29, p. 216].

Арслан Гирай, 1 правление (1748-1756)

9. Бешлык. Бахчисарай. AR-BI 200°, 0,59/0,12 г, 16,5 мм, 12 h (ОАМ № 54467).

л.с.: [را ن اخ]الس[ى ارك ن]

[ب]لود ن[ت]

«[Хан Ар]сла[н Гирай], сын Девле[та]».

о.с.: [برض]يف

[ب]چغا[۴]س[ى ارك ن]

[قنس]

[۱۱۶۱/۱۱۸۰]

«Чеканено [в Б]ахчиса[рае, год 1161/1180]».

Над первой строкой – тамга Гираев (стерта) [29, p. 218, №№ 1, 2].

Крым Гирай I (1758-1764, 1768-1769)

10. Бешлык. Бахчисарай. AR 600°, 0,92/0,55 г, 18,5 мм, 6 h (ОАМ № 54503).

л.с.: [ن اخ]

ى ارك مي خرق

[ب]ان

تلود[ى ارك ن]

اخ[ن]

«[Хан] Крым Гирай, сын Девлет [Гира]я ха[на]».

о.с.: [برض]يف

[ب]غا[۴]رس[ى ارك ن]

قنس(?)

[۱۱۷۲/۱۱۸۲]

«Чеканено [в Б]ахчисарае, год(?) [1172/1182]».

Над первой строкой – тамга Гираев.

Шахин Гирай (1777-1783)

11. Бешлык. Бахчисарай. 1777-1781 гг. AR-BI (?)⁵, 1,5 г, 14-17,5 мм, 6 h, почти совершенно стерта (ОАМ № 54503).

л.с.: [ن اخ]

[نيھ]رك[۱]ى

[اش]

«[Шахин] Гир[а]й [хан]» (снизу вверх).

о.с.: يف برض

[ب]غا[۴]ى ارس

[۱۱۹۱]

⁵ Монета не апробирована

«Чеканено [в Б]ахчисарае, [1191]».

Над первой строкой – тамга Гираев или цифра, обозначающая год правления (стерта). Бешлыки этого типа, согласно каталогу О. Ретовского, чеканились с первого по четвертый годы правления Шахин Гирая – 1191-1195 гг. хиджры, 1777-1781 гг. н. э. [29, р. 266-267, №№ 1а-1е; р. 272-274, №№ 18-30а; 276, № 37; р. 278-283, №№ 42-67; 291-292, № 100-103].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богуславський Г. С.* Фрагмент турецького Аккерману (будівельні рештки османського часу з охоронних розкопок 2005 року в Аккерманській фортеці) // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2007. Вип. 10.
2. *Богуславский Г. С., Дергачева Л. В.* Молдавские монеты из раскопок 2005-2007 гг. в Гражданском дворе Белгород-Днестровской крепости и некоторые проблемы постройки стен Гражданского двора // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса, 2011. Вип. 1.
3. *Богуславський Г. С.* Деякі зауваження до стратиграфії середньовічних шарів Білгород-Тирського городища // Древнее Причерноморье. Материалы международной конференции, посвященной памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 2008. Вип. VIII.
4. *Кравченко А. А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.). Киев, 1986.
5. *Boldureanu A., Vasumenco-Pîrnău L.* Un lot de monede medievale și moderne descoperite la Cetatea Albă. Observații și preliminare // Al XI-lea simpozion de numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău, 2010.
6. *Beļjaeva S., Boldureanu A., Dergaciova L.* Câteva aspecte privind periodizarea construcției barbacanei din Cetatea Albă în baza descoperirilor monetare (campaniile arheologice din anii 2006-2007) // Al XIII-lea simpozion de numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău, 2012.
7. *Бачинский А. Д., Добролюбский А. О.* Буджакская Орда в XVI-XVII вв. (историко-археологический очерк) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988.
8. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вип. I. Земли Молдавии и Украины / Пер. под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1961.
9. *Серета А. Г.* Силистренско-Очаковският еялет през XVIII – нач. на XIX в. София, 2009.
10. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625) / Пер. П. Юрченка // ЗООИД. 1879. Т. 11.
11. *Прохоров Д. А.* Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV-XVIII вв.) // МАИЭТ. 2001. Вип. VIII.
12. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
13. *Нудельман А. А.* К опросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV – начале XVI вв. (по материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.
14. *Нудельман А. А.* Топография кладов и находок единичных монет. Кишинев, 1976. (Сер. Археологическая карта Молдавской ССР. Вип. VIII).

15. *Чокану М.* Коллекция монет со средневекового поселения у с. Тарасова // *Stratum plus*. Причерноморские этюды. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. № 6/2005-2009.
16. *Абызова Е. Н., Бырня П. П., Худельман А. А.* Древности Старого Орхья. Молдавский период. Кишинев, 1982.
17. *Iorga N.* Studii istorice asupra Chilieii și Cetății Albe. București, 1899.
18. *Пиворович В. Б.* Монеты и клады юга Украины. Херсон, 2008.
19. *Чореф М. М.* О причинах активизации монетного производства в Крымском ханстве во второй половине XVI в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/science/lasarev/2006/03-06-choref.rar>.
20. *Сидоренко В. А.* Номиналы в монетном обращении Крымского ханства по кадиаскерским записям 1608/9 г. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
21. *Болдуриану А.* К вопросу о хождении османских аспров в Молдове // Древнее Причерноморье. Материалы международной конференции, посвященной памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 2008. Вып. VIII.
22. История народного хозяйства Молдавской ССР / Под. ред. П. В. Советова и др. Кишинёв, 1976.
23. *Болдуриану А.* Клад крымско-османских монет начала XVIII в. из Буджака // II Международный нумизматический симпозиум «ПриPONТийский меняла: деньги местного рынка». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012.
24. *Tentiuc I.* Câteva monede din săpăturile de salvare din centrul Chișinăului // Al XIII-lea simpozion de numismatică. Programul și rezumatele comunicărilor. Chișinău, 2012.
25. *Якушечкин А. В.* Монетная стопа Крымского ханства в середине XVIII в. (по письменным источникам) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2012. Вып. IV.
26. *Retowski O.* Die Münzen der Girei // Труды московского нумизматического общества. М., 1901. Т. 2. Вып. 3.
27. *Retowski O.* Die Münzen der Girei // Труды московского нумизматического общества. М., 1903. Т. 3. Вып. 1.
28. *Чореф М. М.* К вопросу о периоде функционирования монетного двора г. Кырк-Йера // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
29. *Retowski O.* Die Münzen der Girei // Труды московского нумизматического общества. М., 1905. Т. 3. Вып. 2.

Богуславский Г. С., Янов Д. М.

**Серебряные и биллонные монеты Крымского ханства
из новейших находок в Белгороде (Аккермане)**

Резюме

В статье рассматриваются серебряные и биллонные монеты Крымского ханства, найденные в г. Белгород-Днестровский (Аккерман) Одесской области. Находки монет Крымского ханства свидетельствуют об их участии в денежном обращении в городе с середины XV-го до последней четверти XVIII вв. Среди факторов обращения монет Крымского ханства на территории на запад от Днестра могли быть пребывание там ханских войск во время их уча-

ствия в военных походах Османской империи, либо во время внутренней борьбы в Крымском ханстве, а также торговые связи Аккермана с Крымом. Распространение крымских монет на данной территории можно также связать с ногайскими кочевниками, в частности, с Буджакской Ордой, возникшей в 1596 г., которая подчинялась крымскому хану.

Boguslavsky G. S., Yanov D. M.

**The silver and billon coins of Crimean Khanate
from the latest finds in Belgorod (Akkerman)**

Summary

The article focuses on the silver and billon coins of Crimean Khanate, which was found in Belgorod-Dnistrovskiyi (Akkerman), Odessa region. Finds of the coins of the Crimean Khanate show their involvement in money circulation in the city from the middle of XV to the last quarter of the XVIII centuries. Among the factors of circulation of coins of the Crimean Khanate in the area to the west of the Dniester river could be staying there the Khan's troops during their participation in military campaigns of Ottoman Empire, or during the internal strifes in the Crimean Khanate, and also the trade relations of Akkerman with Crimea. The distribution of the Crimean coins in this territory can also be associated with the Nogai nomads, in particular, with Bujac Horde, which was emerged in 1596 and subordinated to the Crimean Khan.

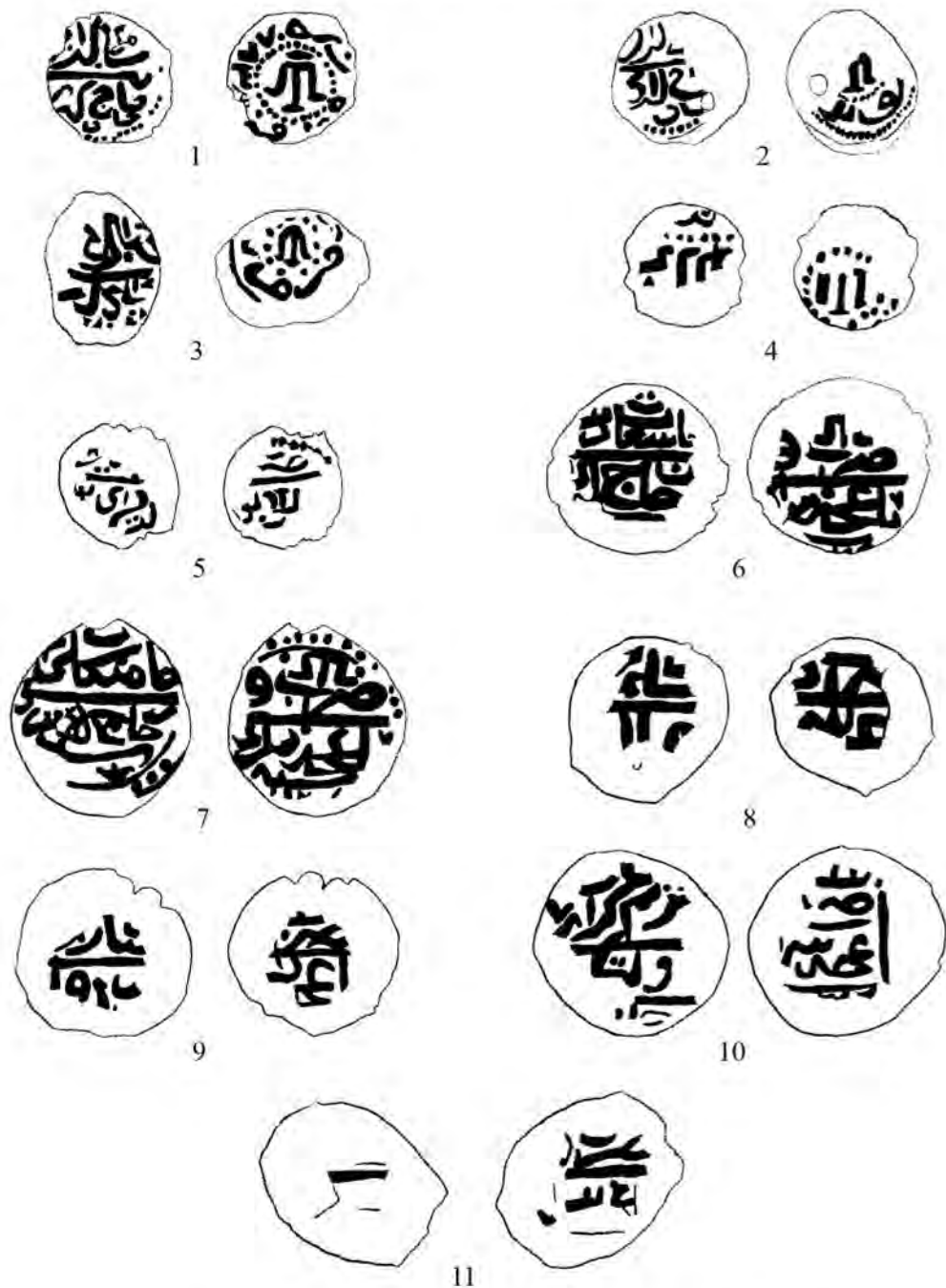

Рис. 1. Монеты Крымского ханства из раскопок в Белгороде.

ИСТОРИЯ

Т. Ю. ЯШАЕВА

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В КРЫМСКИХ ПИСЬМАХ РИМСКОГО ПАПЫ МАРТИНА I¹

*Имею единственное желание:
всегда утешать своими посланиями Вашу милость и
избавлять Вас от волнения, которое Вы [испытываете] из-за нас:
вместе с Вами же и всех священнослужителей и
братьев наших, кои, ради Господа, имеют о нас попечение.
Вот и сейчас пишу Вам о том, что стесняет нас.
Говорю правду, во имя Христа, Бога нашего.*

Св. Мартин I, Римский папа

Одним из святых, широко почитаемых в восточном и западном христианском мире, был папа Мартин I, возглавивший римскую кафедру в 649 г., в сложный период христианской церкви, когда господствующим богословско-догматическим учением в Восточной части империи стало монофелитство, вызывавшее большие церковные смуты. Как известно, адепты монофелитской или «единовольческой» ереси, представлявшей собой по сути видоизмененное монофизитство, признавали в Христе две природы: Божественную и человеческую, но волю – одну, Божественную, пытаясь, таким образом, выработать компромисс между монофизитами и ортодоксальной церковью [1, с. 69]. Император Ираклий, желая положить конец распрям, в 638 г. издал составленный константинопольским патриархом Сергием так называемый «Экфесис» («Изложение веры»), который окончательно повелевал исповедовать учение об одной воле при двух природах Христа. После смерти Ираклия (648 г.) императорский престол занял Констант II, откровенный сторонник монофелитов. Вместо «Экфесиса» вышел другой указ – «Типос» («Образец веры»), составленный по поручению Константа новым константинопольским патриархом Павлом, который запрещал всякие рассуждения равно как об одной, так и о двух волях при признании двух природ Иисуса Христа. Папа Мартин – непримиримый противник монофелитов – созвал по просьбе константинопольского монаха Максима (Исповедника) в октябре 649 г. в Риме Латеранский Поместный Собор, осудивший монофелитство как ересь, а его защитники Константинопольские патриархи Сергей, Павел и Пирр были преданы анафеме, что вызвало ярость императора-монофелита. По распоряжению Константа папа-оппозиционер был обвинен в политической измене и приговорен к смертной казни, которая по ходатайству раскаявшегося патриарха Павла, лежавшего к этому времени на смертном одре, была заменена ссылкой

¹ Статья написана по материалам доклада, прочитанного автором в 2005 г. на международной конференции по церковной археологии в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический».

в византийский Херсон. Здесь, пробыв 124 дня (с 15 мая по 16 сентября 655 г.), папа скончался и был погребен на херсонском загородном «некрополе святых» [см. с лит.: 2].

Из крымской ссылки папа Мартин отправил несколько писем, два из которых, сохранившиеся до наших дней, в русском переводе с комментариями опубликованы О. Р. Бородиным [2, с. 173-190]. Крымские письма папы Мартина представляют большой интерес не только в связи с имеющимися в них сведениями об экономическом и религиозном положении региона в середине VII в., но и «для воссоздания жизненного пути и характеристики личности самого Мартина» [2, с. 179]. К этому уникальному историческому источнику обращалось не одно поколение исследователей, но все же многое из написанного папой Мартиным в Таврике по-прежнему оставляет вопросы. Так, например, очевидны явные несоответствия между экономической и религиозной ситуацией, сложившейся в Херсоне в VII в., и ее характеристикой в письмах ссыльного папы.

Чтобы разобраться в наиболее противоречивых строках писем Мартина, обратимся к экономическому положению Херсона в VII в., ориентируясь на данные историко-археологических исследований последних лет. По мнению большинства современных историков, Херсон в этот период являлся главным византийским городом в Юго-Западном Крыму, с развитым товарным производством, широкими торговыми связями, с такими традиционными городскими ремеслами, как металлообработка, стекольное, гончарное; в самом городе проводились широкомасштабные строительные работы, сопровождавшиеся кардинальной перестройкой кварталов [3, с. 164-170; 4, с. 52; 5, с. 165-168; 6, с. 95; 7, с. 231-321].

Что же пишет папа Мартин о месте своей ссылки? Вспомним уже ставшие классическими строки (см. Приложение):

«...голод и нужда в этой стране таковы, что хлеб в ней упоминается только по названию, однако его совсем не видят...

...в этой стране невозможно ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание...

...ни разу не смог бы я купить хлеба, ...так же, как и других продуктов какого-либо рода, если бы, повторяю, не с суденышек, кои изредка заходят сюда, чтобы уйти с грузом соли...».

Второй аспект, отраженный Мартином в письмах, – это религиозное окружение, в котором он оказался: «Те, кто обитает в этой области, – писал ссыльный папа, – все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь». Но исторические и археологические источники опять же свидетельствуют об обратном. Хорошо известно, что религиозная жизнь в Херсоне конца VI – VII вв. была в стадии активной христианизации: строились крестообразные храмы и базилики, баптистерии и странноприимницы, основывались городские и загородные монастыри [3, с. 164-170; 5, с. 165-168; 6, с. 95]. К этому времени Херсон приобрел значение религиозного, миссионерского и паломнического центра, причем не только для неофитов Таврики, но и далеко за ее пределами [8, с. 155-158].

Трудно представить, что и в первом, и во втором случаях речь идет об одном и том же месте. Не случайно историков уже более столетия волнует вопрос: в какой степени можно доверять письмам папы Мартина, насколько достоверны сообщаемые им сведения?

Большинство исследователей полагают, что ссыльному папе верить нельзя, так как его жалобы носят субъективный характер [см. с лит.: 7, с. 267]. Причины этого субъективизма определяются по-разному. Как правило, его связывают либо с психологией ссыльного, которому на чужбине все не мило, либо с преклонным возрастом и болезнями, или же с иными мотивами. А. И. Романчук, например, видит причину субъективизма папы Мартина в невольном сравнении им «образов» двух городов: столичной Равенны и провинциального Херсона, разумеется, не в пользу последнего [9, с. 85-86]. По мнению С. Б. Сорочана, «на Мартина – экспансивного, общительного италика – не могли не произвести удручающего впечатления суровый характер дорийцев и характерное для них немногословие» [7, с. 312]. Опальный папа, словно предвидя дискуссию, которая через тысячу лет разгорится вокруг его эпистолярного наследия, говорит в одном из своих писем: «Вот и сейчас пишу Вам о том, что стесняет нас. *Говорю правду*, во имя Христа, Бога нашего» (курсив наш – Т.Я.). По странному капризу истории человек, имевший огромный авторитет среди современников, признанный религиозно-политический лидер, «доблестно борющийся за истину» [15, с. 60], предстал в глазах потомков лишь как голодный немощный старик, мучимый дизентерией и подагрой, пытающийся разжалобить своих корреспондентов.

О. Р. Бородин, наиболее последовательный и объективный современный исследователь этой значительной исторической фигуры, характеризует папу Мартина как выдающегося деятеля Римской церкви эпохи раннего средневековья, который, «приняв на себя роль лидера ортодоксального христианства как на Западе, так и в пределах самой империи, с успехом проводил самостоятельную религиозную политику в условиях разрыва с Константинополем» [10, с. 87]. В борьбе за цельность и чистоту православия, он «ни на йоту не отступил от своих принципов ни в ходе допросов, ни в суде, ни на ипподроме, ни в заключении, ни в ссылке» [2, с. 174]. Житие св. Мартина, составленное, как известно, еще при его жизни, описывает унижения и мучения, которые обрушились на папу-антимонофилита после «неправедного суда», однако «ничто не могло сломить святого, ничто не могло заставить его изменить свои убеждения». Оказавшись в суровых условиях ссылки, будучи действительно крайне истощенным и тяжело больным, он не оставлял пастырскую деятельность и продолжал наставлять своих учеников. За несколько дней до кончины папа Мартин оставил своего рода завещание для священства, сохранившее свою актуальность и сегодня: «Истинно, пусть Бог, коий желает всем спастись и прийти к уразумению истины при посредничестве Святого Петра, утвердит сердца их в православной вере и укрепит против любой еретической и враждебной нашей церкви личности и сохранит непоколебимыми, особенно же пастыря, который ныне оказывается во главе ее, чтобы нигде не оступившись, не отклонившись и не покинув того, что они письменно засвидетельствовали перед

лицом Бога и его святых ангелов» (см. Приложение). По мнению О. Р. Бородина, этот отрывок свидетельствует также о незаурядной смелости папы Мартина, так как содержит намек на патриарха Пирра, а, возможно, и на императора Константа [2, с. 190].

Приведенные факты говорят о необычайной силе духа папы Мартина, которую он, вероятно, сам осознавал. Не случайно, в одном из писем он цитирует слова Христа, сказанные ученикам в Гефсиманском саду: «дух бодр, плоть же немощна», которые, надо полагать, как нельзя лучше отражали его физическое и духовное состояние. Вряд ли от такого стойка могли исходить малодушные жалобы. По нашему мнению, в крымских письмах – не столько стенания изгоя, сколько констатация реальной ситуации, но без той эмоциональной окраски, которую ей вольно или невольно придают наши современники. К примеру, можно с различными эмоциональными оттенками произнести фразу «у нас нет хлеба»: бесстрастно, просто отмечая факт отсутствия хлеба, либо с элементами легкой паники или же, почти умирая от страха перед возможным голодом. Также отметим, что все «жалобы» ссыльного папы, цитируемые в публикациях, оказываются, как правило, выдернутыми из контекста, в то время как до или после них часто следует важное продолжение, которое многое объясняет. Так, узнав, что ему в очередной раз не привезли продукты из Италии, св. Мартин не только не упрекает или тем более не проклинает виновных в этом, но пишет полные христианского смирения и философского спокойствия слова: «...и удивился я и даже за то прославил Бога, что как Ему ведомо распределяет несчастья наши...». И вряд ли его, не побоявшегося в борьбе за восстановление христианской истины восстать против императора и церковных иерархов, осознанно шедшего на унижения, мучения, смерть, могло ввергнуть в депрессию «немногословие дорийцев». Столь незаурядный человек, «великий муж», как называли его современники, вряд ли мог поддаться «минутной слабости» или, тем более, месяцами лукавить перед своими корреспондентами из-за куска хлеба – слишком это была мощная и цельная личность. К тому же не следует забывать, что вся жизнь папы в тот период была на виду. Как отмечают исследователи, «сведения о поведении папы Мартина в плену, его письма, протоколы допросов сразу же становились известны широкому кругу христиан, распространялись и переписывались» [2, с. 174], так что скрыть какое-либо лицемерие, сознательное или невольное, вряд ли было бы возможно.

В свете изложенного, мы полагаем, что не верить папе Мартину нет причин. Ссылный папа просто и правдиво описал те реалии, в которых оказался в качестве ссыльного, однако пребывал папа в изгнании, по нашему мнению, не в самом Херсоне. С каким же «пустынным» районом Таврики можно связать место ссылки св. Мартина? Где он мог видеть в середине VII в. «голод и нужду», «суденышки, изредка приплывавшие за солью», сплошное языческое население и прочие ситуационные подробности? Несомненно одно: это должно было быть морское побережье с соляными озерами и портом, хотя бы небольшим.

Путеводной нитью в этих поисках, наряду с немногочисленными археологическими и письменными источниками, являются письма папы. Судя по имеющейся в них ин-

формации, место ссылки, казалось бы, следует искать в Херсоне, так как в письме XVI папа прямо указывает: «мы прибыли в Херсон». Однако в самом городе не было соляных озер, да и Херсон, как отмечалось выше, имел совершенно иные экономические и религиозные характеристики. Обратимся к городскому предместью на Гераклейском полуострове, всегда воспринимавшемуся как единое целое с городом. Как известно, здесь было не менее 12 соляных озер, в которых соль добывалась в античный период; сохранялся этот промысел и в последующие эпохи [11, с. 21]. Особый интерес для нас представляют соляные озера в бухте с современным названием «Казачья» (рис. 1). По наблюдениям Г. М. Николаенко, еще в античное время здесь находился порт, сооружения которого, в том числе «сухие доки и пакгаузы», располагались в районе островка с фланговой башней восточной оборонительной стены, а жилые и хозяйственные постройки портового поселка – на террасах склона [12, с. 68]. Вполне вероятно, что порт оставался здесь и в средневековый период. Археологическими раскопками и разведками последних лет на этом участке выявлен амфорный материал, синхронный крымской ссылке папы Мартина². Однако в целом этот район в рассматриваемый период, как, собственно, и все городское предместье, характеризуется упадком. По нашим наблюдениям, к концу VI – VII вв. значительно сокращается число сельскохозяйственных усадеб и обрабатываемых сельскохозяйственных площадей [13, с. 79], первой половиной VII в. датируется зарытие кладов [14, с. 437-451]. Показательно, что на Гераклейском полуострове не выявлен ни один раннесредневековый христианский приходской храм (исключая небольшие монастырские комплексы в загородном юго-восточном некрополе и на мысе Виноградном), что в определенной степени характеризует религиозность его обитателей.

Таким образом, по нашему предположению, местом ссылки папы Мартина была ближняя округа Херсона на Гераклейском полуострове в районе бухты Казачьей. Именно там он мог лично наблюдать все то, что описывал в своих письмах. Предложенная нами версия согласуется с сообщением Феофана Исповедника в «Хронографии» о ссылке папы Мартина в «климаты Херсона» [15, с. 60]. Не останавливаясь на дискуссии о термине «климаты», отметим, что «большинство исследователей едины во мнении, что применительно к территории Крыма как имя нарицательное термин “κλίματα” означает “область, округ, регион”» [см. с лит.: 16, с. 570-586]. Конкретизация местонахождения папы Мартина в климатах Херсона («в землях городских общин Херсона») неизбежно приведет нас в его предместье на Гераклейском полуострове, в район Казачьей бухты. Тогда все становится на свои места: и «суденьшки, груженные солью», и отсутствие продуктов на обезлюдевшей к середине VII в. ближней округе Херсона, и язычество ее немногочисленных обитателей, а с папы Мартина «снимаются обвинения» в субъективизме и утрировании ситуации.

Гипотетическую реконструкцию пути торгового судна с опальным папой восстановить несложно: корабль сначала прибыл в Херсон и через какое-то время после разгрузки в городском порту порожним отправился далее в одну из соседних бухт –

² Приношу благодарность Н. В. Гинькут за предоставленную информацию.

Казачью, расположенную в 8 км к западу от города, где, с соблюдением определенной конспирации, и был высажен оппозиционер. Небезынтересно, что с этим районом херсонского предместья А. Л. Бертье-Делагард связывал пребывание в ссылке еще одного опального римского папы – Климента I. По предположению ученого, в древних каменоломнях, следы которых были выявлены «близ вершин балок, впадающих в Камышовую и Казачью бухту», отбывали наказание сосланные в Херсон [17, с. 62].

И в заключение хотелось бы подчеркнуть, что в письмах папы Мартина, отправленных из Херсона в 655 г., почти 1360 лет назад, кроме пресловутых «жалоб» присутствует и другое: сила духа, стойкость убеждений, мудрость пастыря – то, что снискало папе глубокое уважение современников, побудив еще при жизни составить его Житие, а после кончины – канонизировать; гробница же святого Мартина в херсонском «некрополе святых» на многие столетия стала местом паломничества христиан всех конфессий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995.
2. *Бородин О. Р.* Римский папа Мартин и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века. М., 1991.
3. *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
4. *Айбабин А. И.* Херсон / Крым в VI-VII вв. // Археология: в 20-ти т. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. М., 2003.
5. *Голофаст Л. А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
6. *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
7. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть I. Харьков, 2005.
8. *Яшаева Т. Ю.* Средневековый Херсонес как малый паломнический центр // Православные древности Тавриды. Киев, 2002.
9. *Романчук А. И.* Образ города – одна из причин субъективизма папы Мартина // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003.
10. *Бородин О. Р.* Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» папы римского Мартина I // ВВ. 1992. № 53(78).
11. *Кадеев В. И.* Очерки истории и экономики Херсонеса Таврического в I-IV вв. Харьков, 1970.
12. *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Часть I. Севастополь, 1999.
13. *Яшаева Т. Ю.* Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклеяском полуострове // ХСб. 1994. Вып. X.
14. *Алексеев Н. А.* Денежное обращение округи византийского Херсона в VII в. // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
15. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана Исповедника, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
16. *Никифоров М. А.* Таврические Климаты византийских источников // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
17. *Бертье-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. Вып. 12.

Яшаева Т. Ю.

**К вопросу о достоверности информации
в крымских письмах римского папы Мартина I**

Резюме

К письмам ссыльного римского папы Мартина I, отправленным в 655 г. из Таврики в Константинополь, обращалось не одно поколение ученых, однако многое в них по-прежнему оставляет вопросы. Например, видны явные несоответствия между экономической и религиозной ситуацией, сложившейся в Херсоне к VII в., и ее характеристикой в письмах Мартина. Большинство историков полагают, что эта информация недостоверна и носит субъективный характер. Это связывается, как правило, с психологией ссыльного, преклонным возрастом, болезнями и прочими мотивами.

По мнению автора статьи, письмам папы вполне можно доверять. Папа Мартин обладал необычайной силой духа, был религиозно-политическим лидером, не побоявшимся в борьбе за восстановление христианской истины восстать против императора и церковных иерархов. Он осознанно шел на унижения, мучения, смерть. Такой незаурядный человек вряд ли бы стал лукавить перед своими корреспондентами из-за куска хлеба, слишком это была мощная и цельная личность.

Папа правдиво описал те реалии, в которых оказался в качестве ссыльного, однако он пребывал в изгнании, по предположению автора, не в самом Херсоне, а в его предместье на Гераклейском полуострове (район современной Казачьей бухты), воспринимавшемся современниками папы как одно целое. Именно там, на обезлюдившей к середине VII в. ближней округе Херсона, папа Мартин мог видеть «суденышки, груженные солью», ощущать отсутствие продуктов и хлеба и язычество ее немногочисленных обитателей.

Yashayeva T. Yu.

**On the Problem of Authenticity of Information in Crimean Letters
of Roman Pope Martin I**

Summary

Some generations of scholars referred to the letters of exile Roman Pope Martin I sent from Taurica to Constantinople in 655; however, there are still many questions there. For example, there are some obvious discrepancies between economic and religious situation formed in Cherson by the 7th century and the way Martin characterized it in his letters. Majority of historians believe that this information is inadequate and of subjective character. As a rule it is connected with psychology of the exile, his advanced age, illnesses and other motives.

The author of the article thinks that Pope's letter can be quite trusted. Pope Martin had a really strong spirit; he was a religious and political leader who in his struggle for restoration of Christian truth rose against the emperor and ecclesiastic hierarchs. He was consciously ready for humiliation, torment, death. Such an outstanding person could hardly be insincere with his correspondents because of a piece of bread; he was a very powerful and solid personality.

Pope described the realities where he appeared as an exile true to fact; however, the author thinks that he was not in Cherson itself but in its outskirts on Heracleia peninsula (the district of modern Kazachiya bay); the Pope's contemporaries thought it was incorporated. It was just there,

in the nearest district of Cherson that had become depopulated by the mid-7th century, Pope Martin could see “small boats loaded with salt”, perceive the lack of products and bread, and paganism of not numerous inhabitants.

Приложение

ПИСЬМА ПАПЫ МАРТИНА I ИЗ ХЕРСОНЕСА

Письмо XVI

Извещаем родственную милость Вашу, брат и господин, что после того, как мы отправились от [места], именуемого Иерон, из Константинополя, плывя в святую пятую ферию Трапезы Господней, мы миновали Фарос и, проходя мимо различных мест, в майские иды прибыли в Херсон. Итак, [письмо]носец, который вручает Вам настоящее письмо, через 30 дней после нас прибыл в Херсон из области Византия. И возрадовались мы его приходу, полагая, что средства, присланные нам из Италии, которые с его приездом должны были облегчить нашу участь, находятся уже на этой земле. Но когда спросили, то узнали у него, что ничего он не привез сюда из Италии, и удивился я и даже за то восславил Бога, что он как ему ведомо распределяет несчастья наши; особенно поскольку голод и нужда в этой земле таковы, что хлеб в ней только упоминается по названию, однако его совсем не видят. Поэтому, если нам не пришлют содержания из этой страны или из области Понта, жить здесь мы вовсе не сможем. Ибо дух бодр, плоть же немощна, как ты и сам знаешь. Ведь в этой стране невозможно ни за какую цену найти в обеспечение себе хотя бы умеренное пропитание. Поэтому, если, как сказано, сюда будут присланы оттуда хлеб и вино или оливковое масло и всякое иное прочее, поторопись, как можно скорее, переслать все это нам. Ибо я полагаю, что не сделал ничего столь дурного тамошним священнослужителям, а также тем [людям], кои пребывают в той церкви, чтобы они до такой степени презрели веление Господа: ведь главное, что когда апостол писал филиппийцам, благодаря их за то, что и раз, и два они присылали на нужду ему в Фессалонику, то добавил: «Я получил все и избыточествую» (Филипп. IV.13). Если уж чужеземцев там, то есть в Риме, так подкрепляет Святой Петр, то что же говорить о нас, являющихся его собственными рабами, служившими ему, по крайней мере, до сего времени и пребывающими в подобном изгнании и [толикой] скорби? Я все же поставил в известность Вашу милость о кое-каких вещах, которые должны быть там куплены; и прошу, чтобы обычным образом, как сам разумеешь, ты бы позаботился об их приобретении и отправке нам ради многих наших нужд и многочисленных недугов.

Письмо XVII

Имеем единственное желание: всегда утешать своими посланиями Вашу милость и избавлять Вас от волнения, которое Вы [испытываете] из-за нас: вместе с Вами же и всех священнослужителей и братьев наших, кои, ради Господа, имеют о нас попечение. Вот и сейчас пишу Вам о том, что стесняет нас. Говорю правду, во имя Христа, Бога нашего. Ибо, будучи удалены от всякой земной суеты и освобождены от наших грехов, ныне мы лишены и самой жизни. Ведь те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь; они не имеют совершенно никакой человечности, кою природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в нередко [проявляемом] ими сострадании. Ведь знает Бог, что если бы не с суденышек, которые

приходят из пределов Романии, как ее называют те, что здесь живут, именуя, стало быть, страну греков Понтийской землей... Так вот, ни разу не смог бы я купить хлеба, происходящего из этой страны, хоть на тремиссий, так же, как и других продуктов какого-либо рода, если бы, повторяю, не с суденышек, кои изредка заходят сюда, чтобы уйти с грузом соли. Так мы могли приобретать три или четыре модия за номисму вплоть до нынешнего месяца сентября. Но до сих пор мы не смогли купить [зерна] из нового урожая иначе, чем за номисму четыре модия. Право, удивлен я был и дивлюсь поныне черствости и безжалостности всех, кои некогда находились в моем подчинении, и друзей моих, и близких, ибо они начисто забыли о моем несчастье, и, как я понимаю, не желают знать, есмь я на земле или нет меня. Много же более удивляюсь тем, кои пребывают в церкви Святого апостола Петра, ибо они заботятся о теле и о плоти своей настолько больше, чем о нашей к ним любви, что бросили нас без попечения. По крайней мере — в отношении телесной потребности и ежедневного обеспечения... Ну даже если церковь Святого Петра не имеет золота, то ведь хлеба и вина и других необходимых припасов она, по милости Божьей, не лишена, чтобы не позаботиться хотя бы об умеренном пропитании. Какое, ты думаешь, мы представим свидетельство перед судом Христа обо всех обвинявших нас и утративших разум людях, кои созданы из одного и того же комка праха? Что за ужас обрушился на людей, принудив их не выполнять веления Бога, или страх, там где и нету страха? Или распространяют на нас гонения духи зла? Или я проявил себя врагом всяческого благополучия церкви и ее противником? Истинно, пусть Бог, коий желает всем спастись и прийти к уразумению истины при посредничестве Святого Петра, утвердит сердца их в православной вере и укрепит против любой еретической и враждебной нашей церкви личности и сохранит непоколебимыми, особенно же пастыря, который ныне оказывается во главе ее, чтобы нигде не оступившись, не отклонившись и не покинув того, что они письменно засвидетельствовали перед лицом Бога и его святых ангелов, [все] они, вплоть до какого-либо [самого из них] ничтожного, вместе с моей униженностью получили бы корону справедливой веры православной из рук Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа! О брэнном же сем теле моем позаботится и сам Господь, как угодно будет ему распорядиться, и в непрестанных мучениях, и в незначительном утешении. Ибо Господь близко, и чего же я беспокоюсь? Конечно, я уповаю на его милосердие в том, что не замедлит завершить мой путь, коий он предначертал. Да здравствуют во Господе [все] Ваши и все, кто из любви к Богу сочувствует моим узам. Да предохранит Вас Всевышний Бог мощной рукою ото всякого наказания и спасет во царствии своем!

Перевод О. Р. Бородина

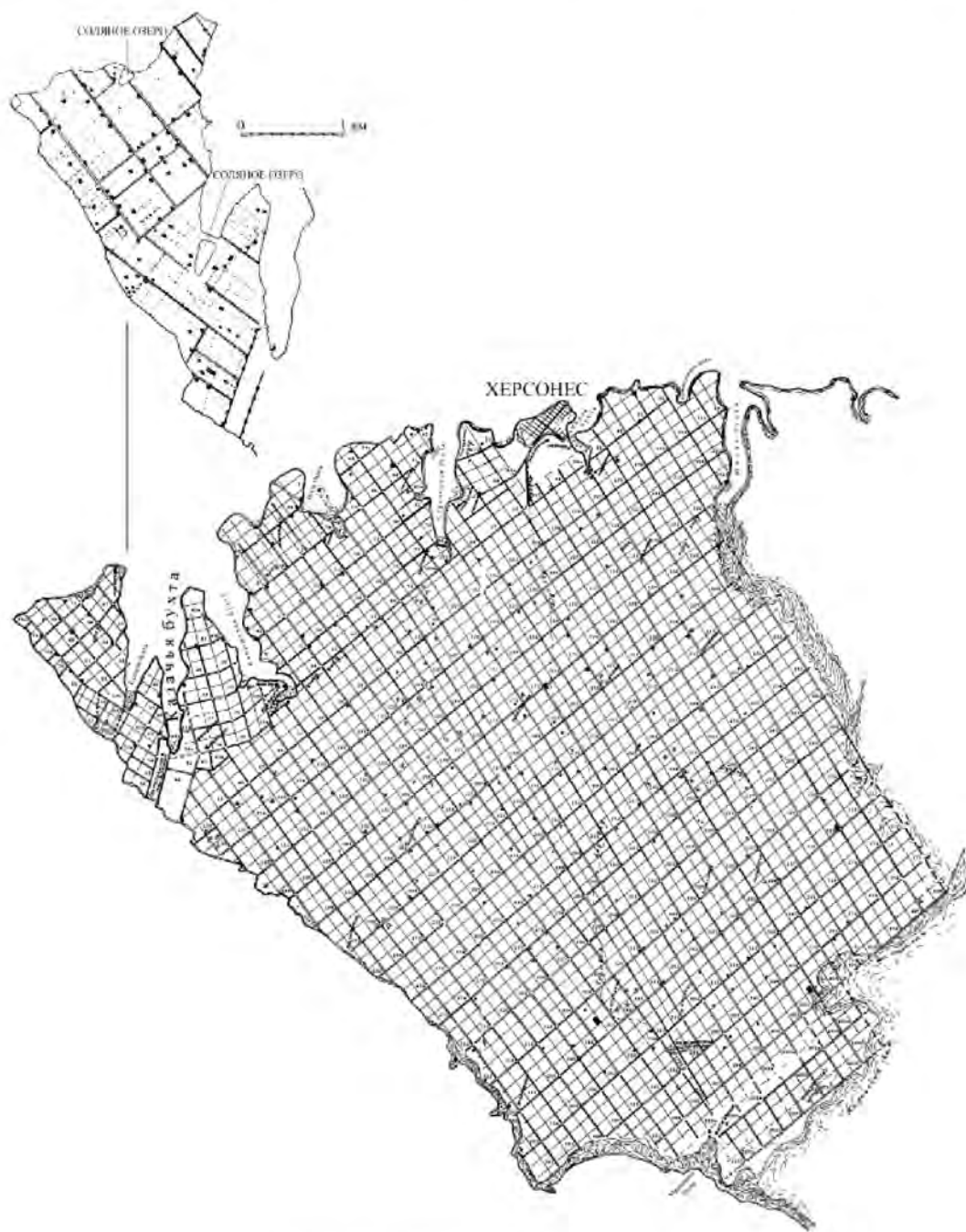

Рис. 1. Гераклейский полуостров с соляными озерами на Маячном полуострове.

В. П. СТЕПАНЕНКО

ЕЩЕ РАЗ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ХАЗАРИИ В XI в.

После появления моей работы о мятеже Георгия Цулы в 1016 г. [31, с. 127], ряд коллег, по преимуществу археологов, при обсуждении проблем политической истории Крыма XI в. категорически возражали против локализации «Хазарии после Хазарии» в Крыму, преимущественно в северо-восточной его части с центром в Керчи [23, с. 109-110; 37, с. 313-319].

Еще раз обратимся к источникам. Первое упоминание Хазарии в XI в. содержится в пассаже из хроники Иоанна Скилицы о мятеже Георгия Цулы. Он пишет: «Возвратясь в Константинополь, василевс в январе 6524 г. посылает флот в Хазарию, имеющий в качестве экзарха Монга, сына Андроника Дуки Лида, и совместно со Сфенгом, братом Владимира, зятем василевса, он подчинил страну, когда ее архонт Георгий Цула был пленен в первом же столкновении» [4, 354,88].

Историография мятежа Цулы, в целом, и его локализации в пределах Крыма, в частности, велика и разнообразна. А. Л. Якобсон считал Цулу хазарским правителем, который захватил Херсон после ухода отсюда князя Владимира [44, с. 384]. Данная точка зрения вызвала резкие возражения Е. Ч. Скржинской. Отметим, что заслуга локализации мятежа Цулы в Херсоне принадлежит ей, и в дальнейшем исследователи принимали это как аксиому [27, с. 252-269].

При этом сама исследовательница делает три допущения, излагая их как аксиомы. Во-первых, Цула был императорским протоспафарием и стратигом Херсона накануне экспедиции 1016 г. Во-вторых, Хазария Скилицы тождественна Таврике-Крыму. Она пишет: «В источнике XI-XII вв. название Таврики “Хазарией” вполне естественно (известно, что “Крым” назывался так в XIII-XV вв.). В Константинополе могли так называть страну, через которую в течение веков пролегал путь в коренную Хазарию, т.е. на Северный Кавказ, и в подчиненные хазарам области по восточному побережью Дона (Саркел). Корабли, отплывшие в “Хазарию”, *должны были – вероятнее всего – направиться к Херсону* (курсив наш – В.С.)». В-третьих, использование Скилицей (тогда еще Кедриным) термина *χωρα* как синонима *πολις*. Отрицая статус Цулы как хакана или представителя хазарской власти в Крыму, она пишет:

«Таким образом, флот не был послан сокрушать хазарское владычество в Крыму, а направился к крымским берегам с иной целью, которая определена в самом тексте. Ведь в нем говорится, что начальник флота Монг подчинил “область” (χωρα, т.е. страна, земля, область, но и “город”) и захватил в плен ее архонта Георгия Цулу. На его имени сходятся свидетельства хроники и печати. Напрашивается вывод, что флот Василия II в 1016 г был послан в Таврику (“Хазарию”) для усмирения Херсона. ... Преувеличивать значение и силу хазар в Таврике, да еще в начале XI в., после походов Святослава и Владимира, нет никаких исторических оснований. Следует отметить, что до А. Л. Якобсона эту же ошибку допускали и А. А. Васильев, и В. Г. Васильевский» [27, с. 266-267].

Что касается тождества Хазарии с Таврикой, кажущегося исследовательнице вполне естественным, то логика здесь такова: так как Хазария Скилицы – это Таврика, а центром византийского владычества в регионе был Херсон, то экспедиция Монга была направлена именно против него. Известная печать Цулы как стратига Херсона использована как аргумент в пользу этого.

Таким образом, аргументация Е. Ч. Скржинской в пользу тождества архонта Хазарии со стратигом Херсона и, как следствие, локализации мятежа Цулы в Херсоне остается предельно гипотетичной. Тем не менее, с данной интерпретацией фактов согласился М. И. Артамонов и позже Л. А. Якобсон [12, с. 266; 42, с. 436]. В дальнейшем локализация мятежа Цулы в Херсоне стала общепринятой, хотя А. В. Гадло и писал, что он восстал «в принадлежавших по договору 989 г. империи областях и городах Таврики», что также достаточно неопределенно [17, с. 26]. Но показательно, что у специально занимавшейся данным вопросом И. В. Соколовой сложившаяся традиция связывать мятеж Цулы с Херсоном вызвала известные сомнения. Исследовательница, впервые введшая в научный оборот ранее неизвестные моливдовулы Цулы и давшая частичную реконструкцию его *cursus honorum*, столкнулась с тем, что новый материал отнюдь не подкреплял традиционную версию о мятеже Цулы в Херсоне и, в частности, приписанный ему моливдовул в качестве протоспафария Боспора [28, с. 68-74; 29, с. 103-106]. Как следствие, И. В. Соколова пыталась примирить обе версии, полагая, что мятеж начался в Херсоне, но завершился на Боспоре.

А. П. Каждан отверг предложенное И. В. Соколовой чтение патронима в надписи последней печати как Цула и ее атрибуцию, констатировав лишь существование фемы Боспор в данный период [20, с. 298]. Н. М. Богданова, принимая локализацию мятежа в Херсоне и аргументацию И. В. Соколовой, писала, что исследователи, «точка зрения которых получила обоснованные доказательства в последнее время, рассматривают экспедицию в Крым не как “войну с независимым хазарским государством”, а как “подавление восстания против Византии правителя стратига Херсонской области империи в Крыму”» [14, с. 118].

В свое время мы обратили внимание на то, что локализация мятежа в Херсоне основана лишь на датировке моливдовула Цулы как стратига Херсон 1016 г. и

априорном отождествлении фемы Херсон с Хазарией [32, с. 153-155], из чего и был сделан вывод о том, что в качестве ее стратига он и поднял мятеж.

Обратившийся к данному вопросу Г. Г. Литаврин воспроизвел традиционную точку зрения, полагая, что мятеж произошел в Херсоне, и во главе его стоял стратиг [21, с. 923-931]. Что касается Хазарии, то автор полагал, что «в это время данный топоним означал уже не разгромленное Святославом государство Хазарию или ее владения в Крыму, а (в память о былом господстве хазар) лишь Крым или крымские колонии империи. Именно такой смысл имеет этот топоним у Скилицы в цитируемом месте» [22, с. 216, прим. 1], ссылаясь на мнения М. И. Артамонова и О. Прицака.

Из еврейско-хазарской переписки известно, что под контролем хазар оставался весь Северо-Восточный Крым, южное побережье и Горный Крым, а территория фемы Херсон сводилась к самому городу и его ближайшим окрестностям. Как следствие, архонтатом Хазарии она быть не могла [16, с. 21-23; 23; 44, с. 12-13]¹.

Естественно, что после краха Хазарского каганата к началу XI в. ситуация в Крыму должна была коренным образом измениться, но все исследователи в той или иной степени согласны с тем, что отнюдь не вся территория полуострова вошла в состав византийских фем, считать ли ими только Херсон или также мало и плохо известные Сугдею и Боспор. В любом случае создается впечатление, что империя более или менее стабильно контролировала лишь побережье от Херсона до Боспора с некоторыми изъятиями.

Отвергая, вслед за А. П. Кажданом, предложенное И. В. Соколовой чтение надписи печати протоспафария Боспора, Г. Г. Литаврин соглашается с предположением В. и Н. Зайбт, что фема Боспор могла быть возвращена Византии князем Владимиром как «вено», выкуп за Анну [18, с. 95; 22, с. 218, прим. 7]². Но мы не знаем, захватили ли войска князя этот район в 989 г. Тем более, что фема известна по Тактикону Икономидиса 971-975 гг., т.е. до похода Владимира на Херсон [9, с. 269]. А. И. Романчук воспроизвела сложившуюся традицию, а priori утверждая, что «итогом военной экспедиции было пленение *архонта Херсона* Георгия Цулы» [26, с. 500]. Но в нашем единственном источнике он – архонт Хазарии, но никак не Херсона! Здесь

¹ На это обратил внимание еще В. Юргевич [41, с. 12-13].

² Забывая о том, что ранее, со ссылкой на В. и Н. Зайбт, он упомянул печати стратигов Боспора, Г. Г. Литаврин пишет, что «известная надпись Льва Алиата как стратига Херсона и Сугдеи (1059), как и печати стратигов Сугдеи и Готфии свидетельствуют о власти империи не только в Херсоне, но и в других районах Крыма в середине XI в. Однако эти печати не дают никаких прав на заключение о принадлежности Византии также и Боспора» [22, с. 220, прим. 6]. Но выше [с. 218-219, прим. 7] он констатировал существование печатей стратигов Боспора, датированных рубежом X-XI вв. Отсутствие их для середины XI в. не свидетельствует об исчезновении фемы. Считать же, что уже в это время оба берега Боспора постоянно, а не эпизодически принадлежали Тмутараканскому княжеству, у нас нет оснований. К тому же сами В. и Н. Зайбт предполагали, что Владимир вернул Василию II только Херсон. О Боспоре в этой связи они не упоминают.

же она констатировала, что «восстанавливать послужной список Георгия Цулы на основании весьма сомнительного прочтения имени на боспорской печати вряд ли правомерно. К тому же данных о том, что Боспор входил в состав владений империи, нет». И если с первым можно отчасти согласиться (изданные моливдовулы дают нам лишь краткий период карьеры Цулы, и мы не знаем, какие посты занимал он до появления в Херсоне и после), то второе утверждение несомненно ошибочно, так как фема Боспор названа в Тактиконе Икономидиса, т.е. она была создана к 971-975 гг. Известны печати ее страгигов рубежа X-XI вв. Отсутствие данных о ее существовании в более позднее время не должно смущать. О феме Сугдея до находки судакского архива было известно лишь по надписи Льва Алиата, страгига Херсона и Сугдеи (1059 г.).

Как восстание Цулы в Херсоне фигурирует оно и в сводке Ж.-Кл. Шене о мятежах в Византии [5, р. 35-36, п. 19]. При этом информация Скилицы и надписи печати объединены, и Цула фигурирует здесь как архонт Хазарии и страгиг Херсона.

Представляется очевидным, что исследователи предельно произвольно отождествили архонтию Хазарию с фемой Херсон, не имея на то ни малейших оснований. Никто не обратил внимания, что вслед за сообщением об экспедиции в Хазарию Скилица пишет о передаче Византии Васпуракана в Армении его царем Сенекеримом Арцруни в 1016 г., Скилица называет его архонтом Мидии [4, 354.94-355]. У Скилицы Георгий Цула – не страгиг Херсона, но архонт Хазарии, подобно тому, как царь Васпуракана Сенекерим Арцруни – архонт Мидии-Аспракании, шаханшах Ширак в Анийском царстве в Армении Иовханнэс Смбат у Скилицы – архонт Ани [4, 435.72], царь Грузии Георгий – архонт Абазгии [4, 366.32], правитель Тао-Кларджети Давид Багратид – архонт иверов [4, 277.30], Самуил – архонт Болгарии, а Святослав, соответственно, – Руси [4, 277.30]. В надписи печати Владимира Мономаха он – «благороднейший архонт Руси» [43, с. 16]. А принявший христианство и признавший сюзеренитет василевса ромеев половецкий хан Кеген в надписи его печати – магистр и архонт Патчинакии [8, 53.1]. Болгарский наместник Моглен Илица – архонт, но речь идет не только о городе, но и его районе – хоре Моглен (1015 г.) [4, 352.26-34; 19, с. 747]. Относительно функций архонта существует достаточно большая литература [6, р. 254-266; 7, р. 128-138; 36, р. 310-318; 43, с. 26-27, прим. 48-50; библиография: 35, с. 180-190]. Но, по Скилице, архонт – автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией.

Еврейский путешественник Р. Петахия ок. 1173 г. отправился на восток из Регенсбурга, через Польшу, Киев, переправился через Днепр, прошел через кыпчакские степи, после чего «прошел землю хазарскую в восемь дней. В конце этой земли семнадцать рек сливаются в одну и в этом месте собираются все желающие пуститься в морское путешествие. Там с одной стороны есть море, которое издает большое зловонье, с другой море чистое без запаха, и расстояние между тем и другим около дня пути» [3, с. 365]. Комментаторы XIX в. полагали, что речь идет о Сиваше и Азовском море. Иной интерпретации сообщения Петахии предложить невозможно. Но в этом случае его Хазария – Северо-Восточный Крым от Перекопа до Керчи.

Гийом Рубрук, в ходе своего путешествия на восток в мае 1253 г. посетивший Крым, писал: «Мы прибыли в область Газарию, которая представляет собой как бы треугольник, имеющий с запада город, именуемый Херсоном... В середине же, приблизительно в направлении южной оконечности, Кассария имеет город, именуемый Солдайя... В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика... Итак, вышеупомянутая область Газария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Херсон..., с юга, где город Солдайя, к которому мы пристали, он вершина области, с востока, где город Маритандис или Матрика, и устье моря танаидского» [2, с. 89]. Сведения эти Рубрук почерпнул в Солдае явно от местных жителей. Так что к середине XIII в. Газария – это Крым от Херсона до Тмутаракани, включая Таманский полуостров, на котором Газария граничит с Зихией.

Для монаха Матфея, совершившего путешествие из Алустона в Феодоро в конце XIV в., Хазария также не отождествляется с Херсоном [13, с. 387]. Это более широкое географическое понятие, прилагаемое Матфеем к территории восточнее Херсона. Для Иоанна Евгеника владетель Феодоро Алексей в начале XV в. – столп Хазарии и «солнце, обливающее своими лучами всю землю Готфии» [30, с. 94]. И лишь в данном случае Хазария может быть отождествлена со всем Крымом. Но Херсон к этому времени перестал существовать...

К сожалению, политическая ситуация в Крыму второй половины X – начала XI вв. практически неизвестна. Это вынудило еще А. А. Васильева прибегнуть к более чем рискованным реконструкциям событий, в дальнейшем уже как аксиома воспринятых позднейшими исследователями [15, с. 239-248]³.

По мнению К. Цукермана, после падения Хазарского каганата собственно хазар вытеснили из Крыма венгры не позже конца IX в. [39, с. 91-92]. Но С. А. Плетнева констатировала сохранение хазарского населения в Крыму в X в., «хотя и там жизнь на большинстве поселений замерла примерно в конце X в. Хазарское население сосредоточилось в городах» [25, с. 71]. Именно в это время Византия предпринимает определенные шаги по возвращению ранее утраченных территорий в Таврике, свидетельством чего является возрождение фемы Боспор к 971/5 гг. При этом политическая ситуация здесь оставалась предельно сложной.

Русь на какое-то время смогла закрепиться на европейском берегу Боспорского пролива в Тмутаракани [33, с. 254-262; ср.: 37, с. 313-319]. Считать это государ-

³ Так, применительно к Готии он писал, что ослабление Хазарского каганата позволило Крымской Готии обрести некоторую самостоятельность. Но возобновившиеся набеги хазар, стремившихся восстановить свое преобладание в Таврике, побудили готскую администрацию обратиться к русскому князю Святославу. В 962 г. в Киеве был заключен договор, и Готия на некоторое время подпадает под протекторат древнерусского княжества. Вместе с тем, продолжавшиеся военные столкновения Византии с Русью, по всей вероятности, заставили побежденного Святослава, согласно договору 971 г., отказаться от недавно приобретенного протектората. Ни одно из данных утверждений не подтверждается источниками.

ственное образование древнерусским княжеством вряд ли правомерно. В известной степени оно находилось в политической зависимости от киевских князей, но показательно, что в то же время оно было и убежищем князей-изгоев, чья внешняя политика вряд ли контролировалась Киевом. Изолированное положение Тмутаракани имело следствием то, что ее судьбы прослеживаются крайне отрывочно лишь в той степени, в коей они интересовали древнерусских летописцев. Но существует печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, традиционно датируемая концом XI в. [43, с. 16]. Но Хазария здесь явно не Волжская. В последнее время ее пытались найти на Северном Кавказе, восточнее Зихии. И опять же отождествлять ее с Херсоном или с территорией фемы Херсон нет оснований, ибо стратигом Херсона Михаил явно не был, а на весь Крым вряд ли претендовал.

Судя по надписи князя Тмутаракани Глеба, в 1074 г. он контролировал оба берега Керченского пролива, в противном случае он вряд ли бы нуждался в измерении его ширины. Находка в Керчи двух из семи монет, приписываемых одному из его преемников Олегу-Михаилу, также может косвенно свидетельствовать о принадлежности Корчева-Керчи князьям Тмутаракани, по крайней мере, в 70-90-е гг. XI в. [33, с. 254-262]. Чеканка этих монет имела сугубо репрезентативный характер, и вряд ли они широко использовались в обращении. Отметим также, что статус Олега-Михаила в 80-90-е гг. двойственен. Он правит как автономный владетель, явно признающий византийский сюзеренитет, и рассматриваемый в Константинополе в качестве вассала. По крайней мере, в надписи приписываемого ему моливдовула он архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии.

Как известно, в 1079 г. некие «козары» выдали Олега Византии. Два года князь провел в ссылке на Родосе, после чего был возвращен в Тмутаракань. Во время его отсутствия здесь правил наместник киевского князя Всеволода Ратибор, в 1081 г. изгнанный очередными беглецами с Руси князьями Давидом Игоревичем и Володаром Ростиславичем. Их то и пленил возвратившийся из Византии Олег, перебив и «козар» [1, с. 63]. Князь сидел в Тмутаракани до 1094 г., когда в союзе с половцами вернулся на Русь и водворился в Чернигове. Учитывая, что князь был сослан на Родос и вернулся в Тмутаракань через Константинополь, то и данный моливдовул может быть датирован 1083-1094 гг., после возвращения князя из византийской ссылки.

Мы полагаем, что печать отражает византийское видение статуса Олега как архонта, в данном случае территорий, им контролируемых. Обычно смущает включение в титулатуру князя термина «всей Хазарии», но создается впечатление, что в данном случае речь идет лишь о Северо-Восточном Крыме с Керчью, а не о всем Крыме и уж тем более не о давно исчезнувшем Хазарском каганате. Но в этом случае Олег действительно был вассалом Византии, так как она признала за ним и европейский берег Боспора Киммерийского, принадлежавший империи. До этого Олег правил Тмутараканью чуть более года и вряд ли успел бы формализовать свой статус.

Но недавно А. Алферов издал новый моливдовул Олега-Михаила, матрицы которого, судя по качеству, явно были сделаны в Константинополе. Надпись печати

гласит «Господи, помоги своему рабу Михаилу, архонту и дуке Таматрахи и всей Хазарии» [11, с. 28-29]. Из географической номенклатуры выпала Зихия. Вышла ли она из под контроля архонта, или здесь образовалась отдельная византийская фема, существовавшая недолго, нам неизвестно. Печать датируется широко – 1083-1094 гг., ближе ко второй дате. Судя по всему, за прошедшие десять лет произошли определенные изменения как в подконтрольных архонту территориях (отпала Зихия), так и в статусе самого архонта, утратившего часть своей автономии. Ныне он архонт и дука. Упоминание в надписи печати «всей Хазарии», как кажется, свидетельствует о сохранении князем неких управленческих функций и в византийских владениях в районе Боспора-Керчи между 1083-1094 гг.

Для практики отношений Византии с вассальными владетелями это было вполне традиционно. Правитель Южной Грузии (Тао Кларджети) Багратид Давид за предоставление Василию II воинских контингентов для подавления мятежа Варды Склира получил титул куропалата и территории византийских фем в Закавказье на условиях пожизненного владения. После участия в неудачном мятеже Варды Фоки он был вынужден завещать императору и свои наследственные владения, под угрозой вторжения византийских войск (990 г.). Завещание было реализовано после отравления Давида в 1000 г. [40, с. 136].

Положение Олега в Тмутаракани было несколько иным. Его статус несравним со статусом Давида – одного из наиболее могущественных владетелей Закавказья и инициатора объединения Грузии в единое государство. К тому же русские князья византийских титулов не получали. По крайней мере, об этом ничего неизвестно. Но передача византийских владений во временное управление вассальному архонту, с последующим возвращением империи и его наследственных владений, имела место. К тому же, находясь в Византии на положении пленника, Олег явно был вынужден принять ее условия. Все исследователи соглашаются с тем, что князь возвратился в Тмутаракань с византийскими контингентами, присланными из Константинополя или собранными на месте в Крыму. Иных у него просто не было. Отсюда, после ухода князя на Русь, около 1094 г. все его владения вошли в состав Византии. Что касается статуса князя «архонт и дука», то и здесь существуют параллели в истории Закавказья. Так, К. Н. Юзбашян детально исследовал процесс инкорпорации Таронского княжества Багратидов в состав Византии, завершившийся в 966 г. превращением его в фему после смерти очередного князя, показав изменение его статуса на протяжении первой половины X в. [40, с. 124]. Князья Тарона как вассалы Византии постепенно утрачивали свои прерогативы, превращаясь в пожизненных и наследственных стратигов Тарона, получавших от империи титулы, денежное и натуральное содержание, подобно ее функционерам, и в то же время император принимал в Мангаврском дворце магистра и архонта Тарона как вассала империи.

В Тмутаракани ситуация сходна, хотя положение князя было несколько иным. Во-первых, это была далекая окраина византийской ойкумены, отделенная от территории собственно империи морем, во-вторых, в отличие от сыновей последнего кня-

зя Тарона, получивших византийские титулы и высланных в пожалованные им владения в феме Халдия, князю было куда возвращаться. И дождавшись смерти Всеволода, а смерть киевского князя традиционно сопровождалась перемещением князей на уделах, Олег вернулся в Чернигов в 1094 г. По-видимому, после этого Тмутаракань и стала византийской фемой или частью уже существовавших к этому времени фем (так как печати стратигов фемы пока неизвестны). Эта дата подтверждается датировкой панегирика Алексею Комнину Михаила Страворомана, в котором Боспор Киммерийский упомянут как возвращенный императором в состав Византии – до 1098 г. [32, с. 131].

Решающим аргументом, на наш взгляд, в пользу локализации Хазарии в Северо-Восточном Крыму является недавно изданная печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии [10, с. 5-18]. Она может быть датирована 90-ми гг. XI в., после ухода Олега на Русь. Показательно, что Тмутаракань в состав фемы не вошла, по-видимому, составив отдельную административную единицу, тогда как Хазария стала частью катепаната. Будучи византийским стратигом фемы, никаких претензий на командование территорией исторической Хазарии, будь-то Поволжская или Северокавказская, он явно не имел. Следовательно, Хазария печати – это все тот же Северо-Восточный Крым. Вернемся к сообщению Скилицы о мятеже Цулы. В свете вышесказанного он не может быть локализован в Херсонесе, но – на территории Боспора-Хазарии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38.
2. Путешествие в восточные страны Гийома де Рубрука в лето благодсти 1253. М., 1997.
3. Три еврейских путешественника. М., 2004.
4. *Ioannis Scylitzae*. Synopsis historiarum. Rec. I. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973.
5. *Cheyne J.-Cl.* Pouvoir et conrestations a Byzance (963-1210). Paris, 1996.
6. *Ferluga J.* Archon. Ein Beitrag zur Untersuchung der sudslawischen Herrschertitel im 9 und 10 Jahr. im Lichte der Byzantinischen Quellen // Tradition als historische Kraft. Berlin, 1982.
7. *Koder J.* Zu den Archontes der Slaven in De Administrando imperio // Wiener Slavistischen Jahrbuch. 1983. Bd. 29.
8. *Jordanov I.* Corpus of byzantine seals from Bulgaria. Vol. 1. Sofia, 2003.
9. *Oikonomides N.* Les listes de preseance Byzantines des IX-XI siecles. Paris, 1971.
10. *Алексеевко Н. А., Цепков Ю. А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // ХСБ. 2013. Вып. XVII.
11. *Алфьоров О. А.* Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрахи та всієї Хазарії, з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан: КИЇВ – КОРСУНЬ/ХЕРСОН – ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΙΣ. Мат-лы междунар. коллоквиума по русско-византийской сфрагистике. – Киев; Севастополь, 2013.
12. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
13. *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Федоро. Екатеринбург, 2001.
14. *Богданова Н. М.* Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991.

15. *Васильев А. А.* Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. 1927. Т. 5.
16. *Герцен А. Г.* К вопросу о территории Херсонской фемы // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988 гг. Тез. докл. Севастополь, 1988.
17. *Гадло А. В.* Тмутараканские этюды. III, Мстислав // Вестник ЛГУ. 1990. Серия 2. Вып. 2.
18. *Зайбт В., Зайбт Н.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. 1994. Вып. 27. Византия и средневековый Крым.
19. *Златарски В.* История на българско царство през средните векове. Т. 1, ч. 2. София, 1994.
20. *Каждан А. П.* Анн.: Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник, 1971, 23, с. 69-74 // Byzantinoslavica. 1972. XXXIII, 2.
21. *Литаврин Г. Г.* Восстание в Херсоне против византийской власти // Полутропов. К 70-летию В. Н. Топоркова. М., 1998.
22. *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000.
23. *Науменко В. Е.* Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – XI вв. (историко-археологический комментарий) // Империя и полис. Севастополь, 2013.
24. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство. М., 1990.
25. *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976.
26. *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Екатеринбург, 2007.
27. *Скржинская Е. Ч.* Рец. на: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII-XIV вв. // МИА. 1950. Вып. 17 // ВВ. 1953. Вып. 6.
28. *Соколова И. В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // Палестинский сборник. 1971. Вып. 23.
29. *Соколова И. В.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
30. *Стиридов Д. С.* Заметки из истории эллинизма в Крыму // ИТОИАиЭ. 1928. Вып. 2(59).
31. *Степаненко В. П.* К истории средневековой Таврики: I. К датировке восстановления власти Византии на Боспоре // АДСВ. 1992. Вып. 23. Византия и средневековый Крым.
32. *Степаненко В. П.* К статусу Тмутаракани в XI в. // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
33. *Степаненко В. П.* Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // ХСб. 2011. Вып. XVI.
34. *Степаненко В. П.* Архонт и дука Тмутаракани в конце XI в. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013.
35. *Степанова Е. В.* Архонты Балкан VIII-X вв. (на примере печатей Государственного Эрмитажа) // ТГЭ. 2011. Вып. LXII. Балканский сборник.
36. *Шене Ж.-Кл.* Поздний архонт на примере Херсона // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
37. *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань в XI в. и восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011.
38. *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-х гг. X – 90-х гг. XI в. // Сугдейский сборник. Киев, 2012. Вып. V.
39. *Цукерман К.* Венгры в Крыму // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции (Севастополь, 6-11 июня 1997 г.). Симферополь, 1997.
40. *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX-XI вв. М., 1988.
41. *Юргевич В.* Две печати, найденные в византийском Херсоне // ЗООИД. 1886. Вып. 14.
42. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес XII-XIV вв. // МИА. 1950. Вып. 17.
43. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970.

Степаненко В. П.

Еще раз о локализации Хазарии в XI в.

Резюме

Первое упоминание Хазарии в XI в. содержится в пассаже из хроники Иоанна Скилицы о подавлении в 1016 г. мятежа «архонта Хазарии Цулы». Историография мятежа Цулы и его локализации в пределах Крыма велика и разнообразна. И. В. Соколова полагала, что мятеж начался в Херсоне, но завершился на Боспоре. Фема Боспор названа в Тактиконе Икономидиса, т.е. она была создана к 971-975 гг. Известны печати ее стратигов рубежа X-XI вв. Статус Цулы неизвестен, но Скилица называет архонтами царей Грузии, Армении, Болгарии, т.е. нет оснований отождествлять архонтию Хазарию с фемой Херсон.

Еврейский путешественник Р. Петахия ок. 1173 г. локализует Хазарию в Северо-Восточном Крыму от Перекопа до Керчи. Для Гийома Рубрука (1253 г.) Газария – это Крым от Херсона до Тмутаракани, включая Таманский полуостров, на котором Газария граничит с Зихией. Для монаха Матфея, совершившего путешествие из Алустона в Феодоро в конце XIV в., Хазария – географическое понятие, территории восточнее Херсона. Для Иоанна Евгеника владетель Феодоро Алексей в начале XV в. – столп Хазарии и «солнце, обливающее своими лучами всю землю Готфии». И лишь в данном случае Хазария может быть отождествлена со всем Крымом. Но Херсон к этому времени перестал существовать...

Но существует печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии конца XI в. Отождествлять ее с Херсоном или с территорией фемы Херсон нет оснований, ибо стратигом Херсона Олег-Михаил как князь Тмутаракани явно не был, а на весь Крым вряд ли претендовал.

В 1079 г. некие «козары» выдали Олега Византии. По возвращению из плена он перебил «козар». Недавно был издан моливдовул Олега-Михаила как архонта и дуки Таматархи и всей Хазарии. Скорее всего, он был архонтом Таматархи и дукой Хазарии, т.е. неких византийских владений в Крыму.

Решающим аргументом, на наш взгляд, в пользу локализации Хазарии в Северо-Восточном Крыму является недавно изданная печать Никифора Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии. Она может быть датирована 90-ми гг. XI в., после ухода Олега на Русь и возвращения Тмутаракани и Хазарии под власть Византии. Хазария печати – это все тот же Северо-Восточный Крым. Вернемся к сообщению Скилицы о мятеже Цулы. В свете вышесказанного он не может быть локализован в Херсонесе, но – на территории Боспора-Хазарии.

Stepanenko V. P.

And Again on the Problem of Localization of Khazaria in the 11th Century

Summary

The first mention of Khazaria in the 11th century can be found in the chronicles of John Skylitzes on suppression of “archon of Khazaria Tzoulas” revolt in 1016. Historiography of Tzoulas revolt and its localization within Crimea is large and various. I. V. Sokolova thought that the revolt had begun in Kherson but finished in Bosphorus. Theme of Bosphorus was mentioned in Taktikon of Oikonomides, i.e. it had been created by 971-975. Seals of its stratigs dating back to the turn of the 10th-11th centuries are known. The status of Tzoulas is not known, but Skylitzes called the tsars of Georgia, Armenia, and Bulgaria as archons, i.e. there are no any grounds to identify archontia Khazaria with theme of Kherson. A Jewish traveler R. Petakhia about 1173 localized Khazaria in the North-Western Crimea from Perekop to Kerch. For Guillaume de Rubrouck (1253) Gazaria is Crimea from Kherson to Tmutorakan including Taman peninsula, where Gazaria borders with Zichia. For monk Matthew who travelled from Aluston to Theodoro in the end of the 14th century, Khazaria is a geographical concept, territories to the east from Kherson. For John Eugenikos, the владетель of Theodoro Alexis at the beginning of the 15th century was the pillar of Khazaria and “the sun covering the whole land of Gothia with its rays”. And only in this very case Khazaria can be identified with whole Crimea. But Kherson had ceased to exist by that time...

But there is a seal of Michael, archon of Matrakha, Zichia, and whole Khazaria of the end of the 11th century. There are no grounds to identify it with Kherson or the territory of Kherson thema because, obviously, Prince of Tmutorakan Oleg-Michael was not stratig of Kherson; he did not pretend on whole Crimea.

In 1079 some “cosare” gave Oleg away to Byzantium. Having returned from captivity he killed “cosares”. The seal of Oleg-Michael as archon and doux of Tamatarcha and whole Khazaria has been published recently. Most likely, he was archon of Tamatarcha and doux of Khazaria, i.e. of some Byzantine properties in Crimea.

In our opinion a determinant argument in favour of localizing Khazaria in the North-Western Crimea the seal of Nicephorus Alan, vestarches and katepan of Kherson and Khazaria; this seal has been recently published. It can be dated back to the 90s of the 11th century, after Oleg had left for Russia and Tmutorakan and Khazaria had returned under the rule of Byzantium. Khazaria of the seal is the same the North-Western Crimea. Coming back to the information of Skylitzes about the revolt of Tzoulas. Having analyzed the above mentioned it cannot be localized in Kherson but on the territory of Bosphorus-Khazaria.

Н. И. ХРАПУНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ ДЖЕЙМСА УЭБСТЕРА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ (1827 г.)

В 1830 г. в Лондоне были опубликованы записки недавно умершего Дж. Уэбстера о его путешествии по Востоку [1; 2]. Это издание не осталось незамеченным в английской печати [3, р. 434-449; 4, р. 489, s. v. Webster]. Сочинение Уэбстера рассказывало читателю о Восточной Европе и Ближнем Востоке – о регионах, которые в то время вызывали большой интерес образованных европейцев, стремившихся «встроить» эти страны и народы в картину мира, нанести их на «ментальную карту» [см.: 5; 6]. Впрочем, о записках Уэбстера быстро забыли.

«Путешествия» Уэбстера представляют собой интересный материал для исследования благодаря двум факторам. Во-первых, в «краеведческом измерении», это историческая, этнографическая и археологическая информация о местах, где побывал автор, и в частности – о Крымском полуострове. Уэбстер касается реалий крымской жизни, говорит о проблемах, связанных с российским освоением полуострова, рассказывает о встречах с представителями высшего общества, описывает населявшие Крым народы, отдельные аспекты их культуры и образа жизни, информирует о первых раскопках в Херсонесе, об открытии городища Керменчик (столицы позднескифского государства) и о состоянии других археологических памятников (например, в Балаклаве и Инкермане).

Во-вторых, Уэбстер демонстрирует своеобразный опыт восприятия и осмысления новых земель, не только Крыма, но шире – Восточной Европы, Балкан и Ближнего Востока, где нашлось место как распространенным стереотипам эпохи, так и индивидуальным особенностям, связанным с личностью автора. Оригинальность некоторых воззрений Уэбстера удивляла его современников. Так, будучи британским патриотом и поклонником поэзии Дж.-Г. Байрона, стихи которого не раз цитирует в своих записках, Уэбстер становится оппонентом великого поэта в «греческом вопросе», полагая грекофилию заблуждением и ошибкой [1, р. 24, 154-155; ср.: 3, р. 434-435]. В этом смысле Уэбстера можно считать продолжателем «традиционного» взгляда на Грецию, присущего XVIII в., когда акцент делался на отсутствии видимой преемственности между величием греческой античности

и жалким состоянием современных греков. Положение резко изменилось в XIX в., когда Грецию начали воспринимать как «колыбель европейской цивилизации», и возникла мысль об ответственности «европейцев» за судьбы греков, во многом под влиянием Байрона [см.: 52]. Таким образом, Уэбстер рассматривает историю как линейный, а не циклический процесс, отказываясь от использования «наследия прошлого» для идеологического обеспечения современных ему войн и политических процессов. Одновременно можно говорить о гуманизме Уэбстера, который, пусть и смотрит на представителей других этнических групп несколько свысока, все же пытается их понять, отыскать причины их «особости» и проводит параллели между их поведением и действиями «цивилизованных» европейцев [например: 1, р. 23-24, 84-86, 88, 89-91].

Учитывая сказанное, думается, что сочинение Уэбстера заслуживает полного и комментированного издания в русском переводе, сопровождающегося анализом его места в ряду записок иностранцев о посещении Крыма и Восточной Европы, поиском текстуальных параллелей, источников информации Уэбстера и пр. Предлагаемая публикация – это не исследование в прямом смысле, а материал для будущего анализа. К сожалению, объем записок слишком велик, потому в рамках одного сборника можно издать перевод только «крымской» части, правда, в полном объеме¹.

Отметим, что в последнее время «Путешествия» Уэбстера стали предметом изучения коллег, предложивших краткий пересказ «крымской» части книги и перевод одного фрагмента текста [7; 8]². По-видимому, издатели русского перевода оценили сочинение Уэбстера скорее как литературный памятник, нежели как исторический источник, и потому в некоторых случаях пожертвовали точностью ради стиля, а также ограничили количество комментариев. В других статьях рассмотрено значение данного травелога для истории изучения археологических памятников Херсонеса и скифского Неаполя [10, с. 617-620; 11]. Общий анализ записок Уэбстера стал предметом специальной статьи [12], потому здесь можно ограничиться краткими выводами.

Биография Уэбстера (7 ноября 1802 г. – 1 августа 1828 г.) подробно изложена в первом томе его «Путешествий» [13]. Сын священника-шотландца из Инвирарити (графство Форфар), он рано проявил интеллектуальные способности и тягу к путешествиям. Уэбстер обучался в одном из колледжей старейшего в Шотландии университета св. Андрея (Сент-Эндрюс) под руководством доктора Роберта Холдейна, основное внимание уделяя математике, юриспруденции и политической экономии, а также в Эдинбургском университете. Получив в 1822 г. степень магистра университета Сент-Эндрюс, он в следующем году переехал в Лондон, где изучал право в

¹ Я признателен друзьям и коллегам, советы которых позволили значительно улучшить как перевод, так и комментарии, прежде всего, М. А. Никифорову и Д. В. Конкину.

² В них фамилия путешественника передана как «Вебстер», что не соответствует правилам транслитерации [см.: 9, с. 484].

юридической ассоциации Иннер-Темпл. В 1824 г. Уэбстер прервал обучение и начал серию поездок по континенту, чтобы познакомиться с жизнью других народов. В XVII – первой половине XIX в. путешествие считалось важным элементом образовательной программы для представителей высшего класса [14; 15].

Уэбстер побывал на Мальте и в Италии, во Франции и Нидерландах, в Германии и Австрии. В 1827 г. он, через Краков и Львов, выехал в Южную Россию. Его спутниками были Уильям Гринвилл и У.-Х. Ньюем. С последним Уэбстер был знаком много лет: одногодки, обладавшие схожими вкусами, они вместе учились в Иннер-Темпле. Через несколько лет Ньюему предстояло разобрать и опубликовать записки своего друга. Путешественники планировали из Одессы отправиться морем в Константинополь, но обстоятельства задержали отплытие, побудив его совершить дополнительную поездку в Крым. Путешествие в Османскую империю и на Ближний Восток завершилось в Египте. Уэбстер уже собирался возвращаться на родину, но заболел скоротечной лихорадкой и через три дня умер. Его похоронили на греческом кладбище за городской стеной Каира. Путешественнику было всего 25 лет.

Дневники Уэбстера привез из Египта в Британию лорд Ярборо, а редактировал и готовил к печати Ньюем, решив таким образом почтить память своего друга. По-видимому, именно он дал запискам общее название и разбил текст на главы, предпослав каждой аннотацию. Описание Крыма находится в главах IV–VII первого тома. В предисловии к книге мать Уэбстера благодарит «д-ра Ли за ценнейшую информацию» [1, р. vii-viii]. Речь идёт о Роберте Ли, лечащем враче графа М.С. Воронцова, который находился на юге России в 1825-1826 гг. Впоследствии он издал книгу воспоминаний [16; перевод отрывка: 17, с. 321-331]. Информация, которую Ли предоставил или самому Уэбстеру, или, что более вероятно, издателям его «Путешествий», вероятно, помещена в приложении ко второму тому [2, р. 333-435]. Это рассказ о болезни и смерти императора Александра I, описание Одессы и ее окрестностей (здесь имеются дословные совпадения с впоследствии опубликованными записками Р. Ли, пусть и без указания авторства), а также перевод «Донесения следственной комиссии 1826 г.» по делу декабристов.

Не вполне понятно, планировал ли сам Уэбстер издание путевых записок. Однако подготовка материалов публикации после возвращения из поездки неминуемо влечет за собой переосмысление увиденного³, тогда как в данном случае «Путешествия» Уэбстера имеют одно очень важное достоинство – они отражают непосредственные впечатления самого автора.

Нужно иметь в виду, что Уэбстер занимает позицию христианина-интеллектуала, при этом воспринимая жителей Восточной Европы благожелательно, но с

³ О том, что оценки увиденного могли сильно меняться уже после возвращения домой, под влиянием осмысления на расстоянии, свидетельствует, например, сопоставление знаменитых «Путешествий» другого британца – Э.-Д. Кларка, написанных через несколько лет после поездки, с его письмами непосредственно из Крыма [18; 19, р. 292-309].

позиций британского превосходства, как «других», стоявших на более низких ступенях интеллектуального, религиозного и экономического развития. Религиозное чувство самого Уэбстера апеллирует к разуму, эстетике и морали, тогда как религии «других» (включая католиков-поляков) он описывает как нечто более приземленное, недостаточно рафинированное. Для него важнейшим фактором является среда, окружение – не случайно усилия немногих «прогрессивных» администраторов, пытающихся облагородить юг России, создав современную инфраструктуру, индустрию, сельское хозяйство, торговлю и мягкий режим правления, вязнут в коррупции и показухе, а оказавшиеся здесь британцы приобретают различные, вряд ли мыслимые на родине пороки.

С другой стороны, если для упомянутого выше Кларка важным моментом является стремление обличить несовершенство жизни в Российской империи, пороки ее экономики, общественной жизни, нравов и указать пути их исправления (пускай даже путем иностранного вмешательства), то Уэбстер стремится понять и объяснить. Он не стесняется полемизировать с трудом Кларка, несмотря на то, что тот на протяжении десятков лет был для европейцев чем-то вроде «энциклопедии Восточной Европы и Ближнего Востока». Конечно, записки Уэбстера наполнены куда меньшим количеством фактов. Помимо Кларка, они, вольно или невольно, вступают в диалог с рассказами других путешественников, создавших свои картины крымской жизни конца XVIII – начала XIX в. – Э. Крейвен и М. Хоулдернесс, Ш.-Ж. де Линя и Р. Лайалла, П.-С. Палласа и Дж.-Э. Александера.

Уэбстер, иногда отвлекаясь на романтические картины природы или меланхолические размышления о смысле жизни, приводит массу разнообразных сведений об истории и археологии, этнографии и природе, экономике и торговле, а также рассказывает о встречах с разными людьми, нередко – весьма известными в ту эпоху. Думается, с точки зрения жанра, авторской интонации и содержания его работу можно сравнить с записками двух других британцев – Р. Хебера [20, р. 91-268; ср.: 21] и Дж.-Э. Александера [22-24], побывавших в Восточной Европе соответственно в 1805-1806 и 1829 гг.

Следует отметить еще два немаловажных обстоятельства. Во-первых, особую привлекательность Крыма как объекта для путешествия, тем более – поездки с познавательными целями. Здесь можно было наблюдать действующие имперские проекты по освоению и развитию окраинных территорий и задаться вопросом об исторической роли России и Оттоманской Порты; здесь европейцам открывался загадочный и романтический Восток; здесь, на небольшой территории, можно было увидеть представителей совершенно непохожих народов, религий и культур, услышать очень разные языки; здесь имелись многочисленные археологические памятники, позволявшие поговорить о древней Греции и Риме, Византии, Киевской Руси и европейском средневековье; наконец, здесь можно было увидеть совершенно разные природные зоны, а горы и субтропики южного берега не могли не оказать особого эмоционального воздействия на людей, измученных долгим переездом по

монотонной южнорусской степи. В результате травелоги, как правило, уделяют Крыму значительно больше места по сравнению с описаниями других местностей.

Во-вторых, в записках Уэбстера, как и любого другого путешественника, несомненна дистанция между наблюдаемой реальностью и литературным описанием. Иногда она больше, иногда меньше, иногда осмыслена самим автором, а иногда возникает помимо его желания. Именно это, с одной стороны, снижает их ценность для реконструкции объективной действительности, а с другой делает важным источником для понимания того, как воспринимали Крым – и шире, «чужую» часть мира и ее население – европейцы, для выявления их комплексов, представлений и познавательных практик. Путешественники нередко привозили с собой заранее сформулированные представления о том, что они собирались увидеть, и это воображаемое существенно влияло на их восприятие местностей, людей и вещей. В отдельных моментах травелоги могут не столько отражать, сколько подменять реальность. Сформулированные путешественниками в Крым конца XVIII – начале XIX вв. суждения и оценки могли очень долго сохраняться в общественной мысли Западной Европы и Северной Америки, иногда – вплоть до нашего времени.

Для перевода была взята только та часть записок Уэбстера, где речь идет о пребывании в Крыму. Это, конечно, компромисс между предельным объемом публикации в сборнике и тем обстоятельством, что перевода заслуживает вся часть книги, начиная от появления автора в Польше и заканчивая его отъездом в Турцию. Судя по тексту, на Крымском полуострове путешественники находились в конце августа – начале сентября 1827 г. Точность перевода казалась предпочтительнее его литературности. Имена и географические названия приведены к современному написанию. При первом появлении термина в угловых скобках <> указано его оригинальное написание. Судя по всему, автор записывал названия со слуха, стараясь передать их звучание так, чтобы это было понятно английскому читателю. В таких же скобках указаны номера страниц и колонтитулы по оригинальному изданию – перед соответствующей частью текста, а также слова, отсутствующие в оригинале и добавленные в русский текст для связности там, где это кажется необходимым. Перенос слов на другую страницу в оригинальном издании обозначен двойной косой чертой //. Выделение *курсивом* соответствует оригиналу. Подстрочные примечания, отмеченные знаком *, воспроизводятся по изданию источника (вероятно, их сделал Ньюем при редактировании текста), остальные принадлежат переводчику. Для удобства читателя примечания с комментариями поставлены при первом появлении личного имени или топонима в тексте, а не в аннотациях к главам. Источником биографических, административных и географических сведений, кроме случаев, оговоренных особо, были справочные издания [25; 26; 27; 28].

В издании 1830 г. опубликованы четыре гравюры и столько же виньеток с видами Крыма, сделанные по рисункам Ньюема. Хотя качество доступных материалов не очень высоко, гравюры и виньетки воспроизводятся на иллюстрациях (рис. 1-8).

Путешествия по Крыму, Турции и Египту, предпринятые в 1825-1828 годах, включая обстоятельства последней болезни и смерти императора Александра и русского заговора 1825 г. <Сочинение> покойного г-на Джеймса Уэбстера, из Иннер-Темпля. В двух томах.

Том I

<42>

ГЛАВА IV

Одесса. – Политические обстоятельства. – Греческая свадьба. – Путь из Одессы в Симферополь. – Султанша Кати-Гирей. – Сады генерала Башмакова близ Саблов. – Анекдот о мадам де Сталь. – Страна между Симферополем и Алуштой. – Татарское гостеприимство и суеверия. – Алушта. – Подъем на Чатырдаг. – Татарские женщины.

...

<Р. 48>

Ближе к середине дня мы прибыли в Перекоп <Perikop>, который является воротами в Крым <Crimea>. Здесь нам повстречались татары <Tartars>, которые поехали с караваном из около сотни фургонов,

<49: СИМФЕРОПОЛЬ В КРЫМУ>

запряжённых иногда быками, иногда верблюдами. Эти люди никогда не смазывают колеса. Скрип одного достаточно неприятен, но шум четырёх сотен – совершенно невыносим. К тому же, татары пели, что в их случае можно назвать воем; для полноты концерта не хватало только ведущего с коровьим рогом и по точильщику пил в каждом фургоне⁴. Наш путь лежал через такие же равнины, как те, по которым мы уже проезжали, но пейзаж до некоторой степени изменился. Татары в чёрных шапках из шкуры ягненка и восточных платьях, верблюды, пасущиеся по обеим сторонам дороги, масса дроф, бродивших по этой стране, представляли собой новую и весьма интересную картину. Этой ночью мы остановились на почтовой станции в несколько

⁴ Ср. описание татарской повозки у анонимной дамы, которая, по ее словам, девять лет провела в Крыму. «“Мажаром” <majar> называют повозку, нечто среднее между телегой и фургоном, на четырех колесах. Колеса и оси целиком сделаны из дерева, а так как татарин слишком ценит жир, чтобы тратить его на что-то кроме себя самого, вы можете представить себе, какой ужасный скрип, треск и писк сопровождают длинный караван тяжело нагруженных мажаров. Для того, кто привык к степной тиши, встреча с таким караваном почти невыносима, однако на расстоянии шум множества колес странным образом меняется и перестает быть // неприятным...» [29, р. 106-107]. А вот что писала об этом Мери Хоулдернесс, жившая в селении Карагоз (ныне часть села Первомайское Кировского района Крыма) в 1816-1820 гг.: «...скрип колёс их <татар> неуклюжих фургонов можно услышать с расстояния в одну – две версты. На вопрос, почему же они не борются с этим неприятным звуком с помощью небольшого количества жира, обычно отвечают, что они не воры и не стыдятся того, что все вокруг узнают, что они // едут...» [30, р. 270-271; ср. 17, с. 275].

лучших условиях⁵, а поутру показались синие горы, что на крымском побережье. К середине дня мы прибыли в столицу, Симферополь <Symferapol>.

Симферополь, который татары называют Ак-Мечеть <Ak-Metchet>, лежит в прекрасной долине у подножья горной гряды, что на южном берегу Крыма, над речушкой, которую называют Салгиром <Salgheer>. Он состоит из двух частей – той, что построили русские после того, как завладели Крымом, и оставшейся от древнего татарского городка. Вторая часть – скучна, грязна и омерзительна, ведь всякий татарский дом с двором окружает стена, где нет ни единого окна, выходящего на

<50: СУЛТАН ГИРЕЙ И ЕГО СУЛТАНША>

улицу, <да это и не улицы, а>, скорее, переулки. Здесь не было ни души, лишь иногда взгляд привлекал бродивший татарин, ведь местные жители, особенно женщины, редко появляются на публике, да и тогда всегда укрыты покрывалом. Наоборот, построенная русскими часть города (где нет ни одного значительного общественного здания, кроме кафедральной церкви) и окружающий пейзаж с горами на заднем плане и побеленными домами на фоне древесной листвы, перемежающимися с садами, обнаруживают приятный и живописный контраст с унылыми однообразными равнинами, по которым мы недавно проезжали. В городе есть новая церковь и несколько небольших мечетей с башнями. На окраине города находится церковное кладбище со множеством памятников и могил на древнем кургане <tumulus>.

Поселившись на постоялом дворе, мы сразу же отослали свои визитные карточки Султану Крым-Гирею Кати-Гирею <Sultan Krim Gherri Katti Gherri> с вопросом, можем ли мы нанести ему визит и представить рекомендательные письма⁶. Ответ был, что султана нет дома, но султанша <sultana> будет рада увидеть нас⁷. Султанша,

⁵ Накануне Уэбстер и его спутники заночевали в крестьянской избе. «Быстро проглотив ужин, мы сразу же приказали положить соломы у входа в дом, где улеглись и заснули, к несчастью, не заметив у себя над головой насеста, о существовании которого, однако же, узнали на следующее утро по состоянию своей одежды и других <вещей>» [1, р. 48].

⁶ История Александра Ивановича Султана Крым-Гирея (1789-1847 гг.), перешедшего в христианство потомка крымских ханов (до крещения его звали Кати- или Ката-Гирей), занимавшегося просвещением и благотворительностью, подробно изложена Х. Кырымлы [31, р. 71-99]. Султан Крым-Гирей встречался практически со всеми англичанами-путешественниками, оказывавшимися в Симферополе, в частности, Р. Лайаллом в 1822, Дж.-М. Джоунзом в 1823 г. и Дж.-Э. Александером в 1829 г. [32, р. 237-239; 33, р. 227-233; 22, р. 249-250, 207-208]. Известный русский мемуарист Ф. Ф. Вигель обвинял Султан Крым-Гирея в самозванстве [34, с. 101-102], возможно, в связи с неудачным обращением последнего в российский Сенат с ходатайством о подтверждении его благородного происхождения [31, р. 71, п. 48]. Впрочем, не исключено, что мемуарист, известный своей желчностью и пристрастностью, принес им в жертву объективность. Сомневаться в его словах заставляет уже то, что он именует Султан Крым-Гирея «полудикарем», тогда как другие путешественники, наоборот, подчеркивают его воспитанность и приятный характер.

⁷ Уэбстер превратил часть фамилии Крым-Гиреев в титулы «султана» и «султанши». Такое случилось и с другими путешественниками [32, р. 237-239].

родом из Эдинбурга, дочь полковника ...⁸, приняла нас очень приветливо и внимательно, совершенно в английском стиле. Любопытна история ее брака с султаном. Будучи около пятнадцати лет от роду, султан познакомился с некими миссионерами, разбившими свой лагерь близ Кавказа⁹, по какому случаю он при//нял

<51: ПЛОДОРОДНЫЙ КЛИМАТ>

христианскую веру, оставил родную страну и, по их протекции, отправился в С.-Петербург, откуда вскоре выехал в Шотландию, где быстро усвоил английский язык, обычаи и манеры. В Эдинбурге он свёл знакомство со своею женою, которое со временем закончилось браком, хоть и против воли её семьи. Поскольку он является прямым потомком древних ханов Крыма, трон нынешнего султана Махмуда¹⁰ перейдет к нему, если угаснет правящее семейство. У него есть сыновья и, если кто-нибудь из них впоследствии взойдет на османский престол, возникнет необычайная ситуация, когда князь британского происхождения и христианского исповедания будет править империей неверных турок¹¹.

⁸ Джеймса Нильсона (James Neilson). На родине ее звали Энн (Anne), в России – Анной Яковлевной Султан Крым-Гирей (?-1855 гг.). Любопытно, что в России иногда (и совершенно безосновательно) слухи называли ее дочерью знаменитого адмирала Горацио Нельсона (Nelson). Даже после смерти мужа она не вернулась на Родину. Хотя во время Крымской войны 1853-1856 гг., по меньшей мере, двое сыновей Султан Крым-Гиреев воевали в российской армии, главнокомандующий русской армией в Крыму А. С. Меншиков пытался выслать Анну Яковлевну в Екатеринослав, и лишь заступничество императора Николая I спасло пожилую женщину от ссылки. Переживания свели ее в могилу в июне 1855 г. [31, р. 98-99].

⁹ Р. Лайалл сообщает, что это были миссионеры из колонии Каррас [32, р. 237-238], или Шотландка, ныне поселок Иноземцево в Ставропольском крае. В 1797 г. Шотландское и Глазвиганское миссионерские общества решили основать колонию в Африке, в Сьерра-Леоне, но уже через год руководитель миссии Питер Григ был убит туземцами. В результате было принято решение оставить Сьерра-Леоне, и в 1801 г. миссионеры во главе с Генри Брентоном переехали в Россию. Для поселения избрали абазинский аул Каррас, опустевший после эпидемии чумы начала XIX в., но уже через четверть века миссионеры решили еще раз поменять место проповеди: представители Шотландского общества переехали в Индию, а Глазвиганского – в Южную Африку [35].

¹⁰ Махмуд II (1785-1839 гг.), османский султан в 1808-1839 гг.

¹¹ У Александра Ивановича и Анны Яковлевны было четырнадцать детей, шестеро из которых умерли во младенчестве. Сыновья Султан Крым-Гиреев служили в армии, дочери же вышли замуж, кое-кто переехал в Данию, Германию или Шотландию. Николай Александрович (Адиль-Гирей) Султан Крым-Гирей (?-1921 г.) сделал прекрасную карьеру, дослужившись до чина тайного советника и членства в Сенате, и, между прочим, став одним из основателей Таврической Ученой архивной комиссии. Он подарил Симферополу деревянный мост (сейчас на его месте находится каменный, названный «Архивным») и землю, на которой разбита улица Султанская (современная имени Горького); был и бульвар Крым-Гирей (нынешний имени Франко) [31, р. 99-102].

В четверг, в десять, мы поехали навестить генерала Башмакова¹² (Bachmacoff), <жившего> недалеко от Саблов¹³ <Sablis>*. У него есть ценнейшие питомники фруктовых деревьев – груш, яблоней разных сортов, трапезунтского ореха и т.д., и т.п. Большая часть фруктов, потребляемых в России, поступает из Крыма. Их отправляют в Москву и С.-Петербург. Когда мы были в Саблах, начиналась вторая весна. Опали увядшие первые листья и появлялись другие.

<52: АНЕКДОТ О МАДАМ ДЕ СТАЛЬ>

Иногда во второй раз появлялись цветы, но не плоды. Это вредно для деревьев. В этом году вторая весна началась с листопада, а увядшая зелень первой листвы придавала стране облик приближавшейся осени.

В здешних таможах необычайно велики придирки и проволочки. Целых пятнадцать дней генерал перевозил части мебели из своей нынешней резиденции в местечко на побережье¹⁴ через Балаклаву¹⁵ <Balacava>. На это <обстоятельство> он пожаловался в крепких выражениях.

Мадам Б.¹⁶ безупречно бегло говорила по-английски и прочла отрывок из томика Байрона, который лежал на столе, если не настолько точно в отношении произношения, как то могла бы сделать англичанка, то с бесконечно большим воодушевлением и чувством. Она много говорила о мадам де Сталь¹⁷, которую хорошо узнала в Италии. Эта знаменитая женщина побывала на празднестве, данном в С.-Петербурге¹⁸ дедом г-на Башмакова и, при общем восхищении от «Montagnes Russes»¹⁹, дочь мадам де

¹² Дмитрий Евлампиевич Башмаков (1792-1835 гг.), герой войны 1812 г., полковник кавалергардского полка, действительный статский советник, таврический губернский предводитель дворянства. В 1825 г. Д. Е. Башмаков был чиновником особых поручений при губернаторе Новороссийского края М. С. Воронцове (см. прим. 40).

¹³ «Саблами» назывались долина к югу от Симферополя и несколько деревушек (ныне села Партизанское и Каштановое).

* Во время этой экскурсии мы впервые увидели одно из тех живописных кладбищ, столь многочисленных в Крыму, как на ксилографии в начале этой главы. На знатность и пол погребенного указывают различия в форме тюрбана.

¹⁴ Вероятно, имеется в виду принадлежавшее Д. Е. Башмакову (см. прим. 12) имение «Варино» во Мшатке, на южном берегу, близ Фороса.

¹⁵ Таможня в Балаклаве, обслуживавшая исключительно российские торговые суда, учреждена 20 декабря 1807 г. [53, с. 229].

¹⁶ Жена Д. Е. Башмакова (см. прим. 12) – Варвара Аркадьевна, в девичестве Суворова-Рымникская (1802-1885 гг.), внучка А. В. Суворова.

¹⁷ Мадам де Сталь (Анна-Луиза-Жермена, баронесса де Сталь-Гольштейн, 1766-1817 гг.), французская писательница и критик, основоположник направления романтизма во французской литературе.

¹⁸ В Россию мадам де Сталь приезжала в 1812 г. и описала эту поездку в своих мемуарах [36, с. 198-237].

¹⁹ Русских горок (франц.).

Сталь, Альбертина,²⁰ выказала сильное желание на них покататься. Этому мадам де Сталь воспротивилась, но после отчаянных мольб со стороны Альбертины желаемое разрешение было получено. Но как только Альбертина оказалась в кабине и начала спуск, мадам де Сталь в муке воскликнула: «Albertine! Albertine! elle est partie!»²¹ и упала в обморок. Мадам Б. рассказала нам о причуде французской писательницы, которую

<53: ОГРОМНЫЙ БАЗАР>

можно легко извинить в женщине, ведь мы уже давно проявляем снисходительность в столь малом к гениальным мужчинам. Во время беседы мадам де Сталь всегда клала локти на стол, чтобы продемонстрировать изгиб холёной круглой руки. *Au reste*²², она, как известно всему миру, была необыкновенно уродлива и имела громкий пронзительный голос, с которым никак не могла совладать. Она всегда носила с собой ветку лавра и, если принять во внимание те эксцентричные оценки, согласно которым в наше время наделяют почестями, мы никак не станем порицать этот большой и несомненный гений за то, что она тем самым вынесла себе приговор, надев неувядающую эмблему, полученную более чем заслуженно.

Поскольку генерал отнесся к нам с величайшим гостеприимством, мы покинули его с искренними выражениями благодарности и возвратились в Симферополь, где получили фирман <firman>, то есть распоряжение, согласно которому татары должны были снабдить нас лошадьми.

В семь часов мы поехали на Базар²³ <Bazaar> – это обширное открытое пространство в двенадцать–пятнадцать акров. Там были прилавки и множество повозок и фургонов с быками, лошадьми и многочисленными верблюдами – последние лежали, ели или жевали жвачку. На земле на корточках сидели менялы; группы людей ели и пили; татары торговали фруктами – главным образом, арбузами. Почти все присутствующие носили татарскую одежду.

Мы уехали <из города> в три пополудни; неподалеку, слева

<54: ТАТАРСКАЯ АПАТИЯ>

видели незаконченный новый дом вице-губернатора*²⁴. Следующим привлёк наше внимание татарин, у которого сломалось колесо повозки. Нераспряжённые

²⁰ Альбертина-Ида-Густавина де Сталь (в замужестве Брольи) (1797-1836 гг.), дочь мадам де Сталь (см. прим. 17) и швейцарского философа и писателя Бенжамена Констана (1767-1830 гг.).

²¹ Игра слов (возможно, невольная), которую можно понять и как «Альбертина! Альбертина! она уехала!», и как «...она умерла!» (*франц.*).

²² Что до остального (*франц.*).

²³ Похоже, автор (или редактор) воспринял это слово как имя собственное и потому написал его с заглавной буквы.

* Графа Нарышкина <Naritskin>.

²⁴ Вероятно, имеется в виду Дмитрий Васильевич Нарышкин (?-1829), таврический губер-

быки улеглись, сломанное колесо оставалось в неприкосновенности, а сам татарин спокойно сидел, с величайшей безмятежностью ожидая земной или небесной помощи.

Мы продолжали свой путь, лежавший через исключительно пустынную страну. Встречавшиеся нам теперь повозки запряжены были, главным образом, буйволами. Внезапно мы въехали в очень плодородную страну, напоминающую сад. Фруктовые деревья, мечеть с минаретом и несколько могил дервишей и татар со стороны дороги образовали сцену, приятно отличавшуюся от той угрюмой страны, через которую мы недавно проезжали. Переночевали мы в доме одного татарина между Симферополем и Алуштой <Alushta>. Он примыкал к почтовой станции, где мы предполагали остановиться на ночь, но оказалось, что это бедный грязный сарай, где жили русские. Тем временем подошёл сын владельца соседнего дома, чтобы предложить нам ночлег. Войдя внутрь, мы были сильно удивлены исключительной чистотой этого дома. Комнату покрывали ковры в два слоя, вдоль стен лежали подушки, достаточно широкие, так что путешественник мог с удобством на них растянуться. Огонь развели прямо на земле, в большом открытом камине. В одном из углов комнаты лежала груда подушек

<55: ТАТАРСКИЙ НАРЯД>

высотой почти до самой крыши, а мебель состояла, в основном, из примерно двух дюжин горшков, сковородок и бутылок, помещавшихся вдоль стропил. Всё внутреннее помещение было аккуратно выбелено и содержалось в большой опрятности и чистоте. Нас приветствовал старик-татарин; через полчаса его жена приготовила вкуснейший обед, состоявший из супа с макаронами, жаркого из подстреленной нами дрофы и арбуза. Дав нам все, что мог, татарин отнесся к нам с полнейшим гостеприимством. Однако он намекнул нашему слуге, что надеется получить вознаграждение за ночлег, а не такое обращение, как со стороны части русских служащих²⁵, которые не только отказывались ему платить, но и сопровождали отказ побоями; несомненно, в Крыму такие жалобы не являются чем-то необычным.

Женщины находились в соседней комнате маленького дома, где мы заночевали, но ни одна из них, кроме жены татарина, не должна была попадаться нам на глаза. Однако на следующее утро мы могли заметить, как они украдкой бросают на нас взгляды, входят и выходят. Они были одеты по-простому, в штаны, без чулок, носили плотно облегающие голову красные шапки, а волосы заплетали и завязывали сзади в длинные косы, к которым подвешивали мелкие монеты.

В одиннадцать часов мы уехали и, миновав Чатырдаг <Tscheterdag>, в четыре

натор в 1823-1829 гг. Автор назвал его «вице-губернатором», видимо, для того, чтобы подчеркнуть его подчиненное положение по отношению к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору (М. С. Воронцову, см. прим. 40), которого он именуется просто «губернатором» [1, р. 64].

²⁵ Английское «*officer*» может означать и «офицер», и «чиновник».

часа прибыли в Алушту. Склоны горы, которая называется Чатырдаг, везде покрыты буйной листвой деревьев. Вершины

<56: АЛУШТА>

деревьев были одеты в горные туманы, которые время от времени, по мере того, как в них появлялись разрывы, открывали голые остроконечные скалы, вокруг которых парили орлы и другие хищные птицы. Алушта построена как будто террасами, так, что плоская крыша одного дома служит местом прогулок для жителей верхней постройки. Существует семь или восемь ярусов таких домов (в каждом – не более одной квартиры), очень низких, с портиком впереди, примерно восьми футов шириной²⁶. Мечеть окружают громадные старые грецкие орехи. Это грубое сооружение из дерева и глины с выступающей крышей и деревянным балконом впереди. С этого балкона во всю глотку орал священник, да так, что это казалось довольно забавным тем, кто его не понимал. Наконец, увидев, что никто не пришел, он тихонько достал табачный кисет, набил свою трубку, и не спеша, словно на религиозной церемонии, пошел за огоньком на мельницу по соседству. Когда он вернулся, то к нему присоединился старик, присевший рядом на лавку, которая шла вдоль фасада мечети, и они стали очень быстро бормотать; за этим благочестивым упражнением мы их и оставили. Несколько татар сидели на корточках на плоских крышах домов в окружении своих детей и курили. Мы устроились в очень чистом и комфортабельном месте, с подушками и <всем> прочим. Когда готовили суп, один из нас бросил туда кусок свинины, после чего кухонные служители воскликнули: «Мы больше не будем есть из этой посуды!» Однако их убедили в том, что это не свинина,

<57: СТЕСНИТЕЛЬНОСТЬ ТАТАРСКИХ ЖЕНЩИН>

а бараний окорок, и таким образом спасли посудину от последствий осквернения. Нам подали молоко, дичь, яблоки, виноград, грецкие орехи и пр.

В воскресенье мы покинули Алушту, которая с некоторого отдаления представляла собой приятнейший вид, причём террасные дома выглядывали из наполовину скрывавших их деревьев. Кажется, в то время у народа было два основных занятия – обмолот хлеба с помощью трёх лошадей, бодро бегавших по кругу, и стрижка овец. Всякий раз, когда мы приближались к незамужней женщине, она убегала и пряталась за трубой или снопом, или же бросалась в дом. Если же они встретили вас на дороге, то опускают покрывало, а если это случилось неожиданно, то они, особенно очень молодые, поворачиваются и грациозно бегут за ним. Однако следует отметить, что они обычно выглядывают из своего убежища, вероятно, чтобы посмотреть, ушёл ли чужак. Все они одеваются в татарском или турецком стиле, носят штаны и, когда находятся вне дома, туфли; волосы заплетают в косы, а замужние перевязывают платком.

Подъем на Чатырдаг нетороплив. Мы приступили к нему через час после того, как покинули Алушту, и, продолжая подниматься в течение полутора часов, всё ещё

²⁶ Очень похожее, но более подробное описание алуштинских домов встречается в путевых записках француза Шарля Жильбера Ромма, побывавшего в Крыму в 1786 г. [38, с. 59].

были в трёх четвертях часа пути от вершины, хотя высота горы всего тысяча двести футов²⁷. Начал спускаться туман, со временем окутавший все окрестные холмы. Продолжать подъём стало бесполезно; мы зря затеяли это рискованное предприятие при неустановившейся погоде и так и вернулись в

<58: ПАЛОМНИКИ В МЕККУ>

Алушту. Здесь мы повстречали людей, копавших две ямы, примерно в двадцать футов, за оградой кладбища при мечети. Этим занималось около восьми или десяти человек. Двое самых старших, ради которых и затеялась эта церемония, через два дня должны были отправиться в паломничество в Мекку, и, если они не вернутся назад, то на том месте, где были выкопаны ямы, будут установлены памятники – увенчанные тюрбанами вертикальные камни. Там было десять или двенадцать больших горшков, в которых за день до отъезда должны были приготовить супы и другие вещи; все крестьяне и другие <жители> тех мест должны были принять участие в пире, который устраивался за счет добровольных пожертвований.

<59: ТАТАРСКАЯ УСАДЬБА>

ГЛАВА V

Татарская усадьба. – Кучук-Ламбат. – Генерал Бороздин. – Его жалобы на ошибку Кларка. – Русское правительство Крыма. – Кизилташ (красная скала). – Связанная с ней легенда. – Сады графа Воронцова. – Никита. – Алушка: необычная красота её садов. – Мердвенский перевал. – Татарские женщины. – Долина Мускомья. – Греческое селение Балаклава. – Обитель св. Георгия. – Каверны Инкермана. – Пещеры. – Возвращение в Севастополь.

Мы снова отправились в путь, выбрав дорогу вдоль берега. Живописнейшую картину представляла собой петлявшая среди серых скал группа татар-путешественников –

<60: ИСКАЖЕНИЯ ФАКТОВ У КЛАРКА>

пожилая пара верхом на лошадях, шедшая пешком молодая женщина под белым покрывалом, двое молодых парней, один из которых носил тюрбан и курил, другой же был в куртке через плечо. В Кучук-Ламбате <Couchut Lampat> мы доставили письма генералу Бороздину <Borozdin>, первому из русских, кто поселился на берегу, что случилось около сорока лет назад²⁸. Он был владельцем Саблов, тем, кто создал там

²⁷ 1200 футов равняются 366 м, а высота Чатырдага 1525 м над уровнем моря. Можно было бы предположить, что путешественник оценивал не общую высоту горы, но расстояние до вершины или верхнего плато от начала восхождения, если бы слова о высоте Чатырдага в 1200 футов «над поверхностью моря» не появились также у Н. Мурзакевича [68, с. 662]. Возможно, они пользовались общим – и неточным – источником.

²⁸ Андрей Михайлович Бороздин (1765?-1838 гг.), генерал-лейтенант, член Сената, в 1807-1816 гг. – таврический губернатор. В начале XIX в. он обустроивает свое имение в Кучук-Ламбате, разбивает здесь ландшафтный парк и плодовые рощи. В 1820-е гг. Бороздин постро-

питомники для растений и пр. Продал же он Саблы за пятьсот тысяч рублей²⁹. Генерал сильно жаловался на Кларка <Clarke>³⁰, который, на протяжении шести недель, пока был в Симферополе, усвоил привычку едва ли не ежедневно у него обедать³¹. Бороздин был тогда командующим войсками в Крыму. Кларк часто делал опрометчивые высказывания, но, поскольку он был приятным молодым человеком, еще и переполненным информацией, то единственной реакцией на его излишне резкую манеру выражаться был легкий укор. Генерал заявил нам, что Кларк сообщил ложные сведения о многих обстоятельствах, среди которых – история о русском, стрелявшем в муллу <moulah>, то есть священника³². Кажется, для Кларка всегда главенствовали личные переживания. Говоря о том, как тот искажал факты, Бороздин сказал: «Je ne sais pourquoi, parce qu'il a été si bien accueilli partout»³³. Ему разрешили выехать из С.-Петербурга и путешествовать по всей стране без всяких препятствий.

ил новый дом на западном склоне мыса Плака, а старый с частью сада продал надворному советнику А. Н. Андрееву.

²⁹ А. М. Бороздин приобрел имение Саблы в бытность свою таврическим губернатором. По его приказу здесь были построены сукновальная фабрика, пинок, водяная мельница, разбиты фруктовые сады, виноградник, парк и питомник, где выращивали саженцы различных деревьев. В 1826 г. он продал имение графу Завадовскому, от которого оно в 1826 г. (по другим данным – в 1828 г.) перешло к графине А. Г. Лаваль. Впоследствии имение унаследовала дочь графини, Екатерина Ивановна Трубецкая, жена декабриста Сергея Петровича Трубецкого.

³⁰ Британский минеролог Э.-Д. Кларк (1769-1822 гг.) совершил путешествие по Европе в 1799-1800 гг. Выпущенные через несколько лет энциклопедические «Путешествия» стали бестселлером, выдержали несколько изданий и были переведены на французский и немецкий языки. Несмотря на популярность этого издания, вскоре отправившиеся по следам Кларка путешественники с удивлением обнаружили, что он далеко не всегда объективен и беспристрастен [10, с. 607-608; 38, с. 399-400, 403-404].

³¹ Любопытно, что Кларк не упоминает о генерале Бороздине в своих «Путешествиях». Значительную часть рассказа о пребывании в Симферополе занимает восхищение личностью П.-С. Палласа, который, если судить по тексту, казался Кларку едва ли не единственным жителем Симферополя, достойным упоминания [18, р. 160-164, 300].

³² Имеется в виду следующий отрывок: «Если бы мы рассказали подробнее даже о половине тех жестокостей, вымогательств, грабежей и варварства, которые практиковали русские по отношению к обреченным жителям *Крыма* и их обманутому *хану*, этот рассказ вышел бы за пределы всякого доверия. Следующей информацией мы обязаны авторитету одного из их командиров, имени которого называть не будем. Когда *муллы*, то есть *татарские* священники, в середине дня поднимались на минареты, чтобы, по обычаю, возгласить час молитвы, *русские* солдаты развлекались, стреляя по ним из мушкетов; при одном из таких случаев был убит священник. Отвращение, которое не позволит всякому английскому читателю поверить в столь гнусное преступление, может заставить его усомниться в достоверности этого рассказа, хотя он приведен в том же самом виде, в каком был услышан от свидетеля этого факта» [18, р.173].

³³ Не знаю, почему, ведь его повсюду так хорошо принимали (*франц.*).

Дом генерала Бороздина расположен у красивого залива, где газон спускается к подножью скал, а сад изобилует прекрасными виноградными лозами. Ему принадлежат также апельсина//синовые

<61: ГЕНЕРАЛ БОРОЗДИН>

деревья (укрытые на зиму), оливы, лавровые деревья, яблони всех сортов, груши, миндалевые деревья, алоэ и пр.

Бороздин – старик лет около шестидесяти от роду, бодрый, весьма знающий и очень коммуникабельный. Он говорит по-французски, по-итальянски, по-немецки и по-русски. Он был женат и остается в браке, но они с женой уже давно живут порознь. Нас он принимал с большим гостеприимством и, во время своего там пребывания, мы отведали продукт его собственных, только что выращенных лоз. Было три сорта вин: одно напоминало портвейн, ещё два – белые, и все они оказались очень не дурны на вкус. Он, как, впрочем, и всякое сведущее лицо, с которым нам довелось беседовать о делах политики, особенно интересовался известиями о Каннинге³⁴. Все считали Каннинга величайшим человеком и первым оратором своего времени; его смерть привела в уныние либерально-настроенных представителей всех народов. Как кажется, опасались того, что свобода и счастье человечества должны будут непременно отступить, когда первый человек в первой из наций ушел, не исполнив до конца свои широко и далеко идущие планы. Но, как показало время, эти опасения были неоправданными. Каннинг представлял всеобщие чувства; и, хотя печаль о его смерти ещё была сильна в сердцах у всех людей, мир увидел, как поднимаются другие защитники того дела, за которое пал бессмертный государственный деятель.

Сентябрь 1827 г. Позавтракав с

<62: ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В РОССИИ>

генералом Бороздиным и осмотрев его земли, сады и пр., мы поскакали вдоль залива к резиденции графа Олизара³⁵ <Lizari>, где повстречали Султана Кати-Гирея Крым-Гирея³⁶ в обществе доктора и г-жи Ланг³⁷ <Lainge>. Граф только что приобрел здесь имение, которое очень хотел улучшить, и уже возвел несколько усадеб и произвёл разметку участка для собственной виллы. У него имеется виноградник с тремя тысячами растений. Мы пообедали с графом и, после обеда, генерал Бороздин разъяснил нам систему военной колонизации³⁸ в России. В принадлежавшей короне

³⁴ Джордж Каннинг (1770-1827 гг.), британский политик, секретарь иностранных дел (1807-1809 и 1822-1827 гг.) и премьер-министр (1827 г.).

³⁵ Речь идет об имении «Кардиатрикон» польского литератора и общественного деятеля Г. Олизара (1798-1865 гг.), которое находилось по соседству с поместьем А. М. Бороздина близ Кучук-Ламбата [39].

³⁶ У. А. И. Султана Крым-Гирея (см. прим. 6) было имение в Гурзуфе [69, с. 35].

³⁷ Петр Иванович Ланг (1779-1863 гг.), в описываемое время – инспектор Таврической врачебной управы, статский советник, и его супруга Иустиния Андреевна. У них тоже было имение на южном берегу, но к востоку от Алушты [70, с. 20 слл.].

³⁸ military colonization. Очевидно, имеется в виду система военного постоя.

деревне имеется пятьсот или шестьсот солдат, поставленных на постой у местных жителей, которые обязаны их содержать, причём каждая семья получает одного солдата, которого они должны одевать и кормить. Помимо этого, деревенский житель должен обучать своего старшего сына, который займёт место солдата в случае его гибели. Ввиду этой службы такие деревни пользуются коронной землей бесплатно. Прежде крестьянин был обязан носить военное платье, но это правило отменил император Николай <Nicholas>, ввиду того, что тот и так отдаёт известную часть продукции своего хозяйства. Некоторые считают, что гора Аюдаг <Ayudagh> является Криуметопоном <Crion Metoron> древних, но с этим мнением не согласен генерал Бороздин, высказавший предположение, что Криуметопон – это самая южная точка Крыма. По выражению Страбона, он решил, что этот

<63: ЛЕГЕНДА КИЗИЛТАША>

мыс вместе с соответствующим ему мысом Серамбис <Serambis> пересекают Эвксин <Euxine> на две части³⁹. Весь западный склон Аюдага засажен виноградом и пр. Склоны этой горы весьма отвесные; вершина покрыта лесом, а раньше её занимал монастырь, один из столбов которого мы увидели на следующий день перед домом графа Воронцова <Woronzow>⁴⁰. Он мраморный, в двенадцать – пятнадцать футов длины, с изображением рельефного креста в фут длиной – обстоятельство, разрушившее многие теории.

Кизилташ <Keesil-tash>, или «кизил красного камня» <Red Rock Keesil>,⁴¹ расположен в красивом месте, почти перпендикулярно возвышаясь среди фруктовых деревьев, дикого винограда и пр. Своё имя он получил от западного склона, имеющего красноватый цвет. Существует связанная с этой скалой легенда, которой татары всецело верят. Она такова: некая молодая дама, обрученная против собственной воли с соседним вождем, в день своей свадьбы находилась посреди брачного торжества, когда появился её истинный возлюбленный и подал знак; получив его, она пришла в отчаяние, громко закричала и раскрыла свою тайную привязанность. Она молила Аллаха укрыть её от мира и похоронить заживо в центре Кизилташа. Эта молитва была исполнена, и невидимая рука увлекла её прочь. Говорят, она живет в скале. Рассказывают, что каждое полнолуние, в полночь скала раскрывается, и из неё выходит дама в

³⁹ Имеется в виду следующий фрагмент из сочинения античного географа Страбона: «Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг... под названием Криуметопон. Против него – мыс... Карамбий, который делит Евксинский Понт на два моря...» [Strabo *Geogr.*, 7. 4. 3; перевод Г. А. Стратановского, цит. по: 54, с. 283]. Эвксин, Евксин, Эвксинский или Евксинский Понт – античное название Черного моря, мыс Карамбис (а не Серамбис) ныне отождествляется с Керемпе-Бурун в Турции, близ Синопы, а Криуметопон (в буквальном переводе «бараний лоб») – с одним из мысов южного берега Крыма: Аюдагом, Ай-Тодором или Сарычем [40, с. 112-114; 41, с. 22-24].

⁴⁰ Михаил Семенович Воронцов (1782-1856 гг.), губернатор Новороссийского края и Бессарабии в 1823-1844 гг., с 1844 г. – наместник Кавказа, с 1853 г. – фельдмаршал.

⁴¹ На самом деле, тюркское «кизилташ» означает просто «красный камень».

<64: ГРАФ ВОРОНЦОВ>

подвенечном платье, и в эти моменты в ее власти – предсказывать события⁴². Граф Олизар приезжал посоветоваться с этим призраком; но, как сказал ему один татарин, то, что он ее не видел, легко объясняется тем обстоятельством, что он был не один.

Ближе к вечеру мы отправились к дому графа Воронцова, который раньше принадлежал герцогу де Ришелье <Richelieu>⁴³. Это уютное жилище с широкой верандой спереди, откуда открывается прекрасный вид на Юрзуф <Yoursouf>⁴⁴ и Аюдаг. Туда мы добрались поздно вечером, а на следующее утро поднялись на Кизилташ, откуда открывается особенно замечательный вид на окрестную страну. Мы вернулись к дому графа Воронцова за багажом и уехали, сильно впечатлённые оказанным нам гостеприимством, а затем отправились посмотреть на его виноградник, который располагался на пологом берегу по направлению к морю. На этих землях у него было более пятидесяти пяти тысяч лоз, главным образом, бургундского и мускателя. Следует отметить, что граф Воронцов, нынешний губернатор Новороссии⁴⁵ <New Russia>, многое сделал для улучшения этой страны, не только потраченным здесь капиталом, но и своими либеральными, умиротворяющими действиями. Его усовершенствования не ограничиваются собственными владениями. Его главный проект – дорога по всему берегу Крыма, которая значительно улучшит сообщение между различными деревнями и городами – станет материальным

<65: АЛУПКА>

стимулом, побуждающим других поселенцев искать здесь свой дом⁴⁶; несомненно, через много лет эта живописная и плодородная часть Крыма станет одним из самых населённых и любимых районов в обширной Российской империи. В деревне нас на час задержал дождь. Мы остановились в доме одного татарина, который угостил нас трубками, грецкими орехами и пр. Из Кизилташа мы поехали в Никиту <Niketa>, где

⁴² В окрестностях Кизилташа были распространены разные легенды, связанные со страданиями юных дам, вероятно, потому, что его название созвучно также тюркскому *кизил*, то есть «девушка» [71, с. 167].

⁴³ Арман-Эммануэль де Ришелье (1766-1822 гг.), государственный деятель в России и Франции, в 1805-1814 гг. – гражданский губернатор Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, основатель города Одессы. Его дом в Гурзуфе построен в 1811 г., правда, был он там всего два раза – при начале и завершении строительства. Впоследствии имение в Гурзуфе перешло к М. С. Воронцову (см. прим. 40). Сейчас в этом доме находится музей А. С. Пушкина.

⁴⁴ Вариант названия Гурзуфа.

⁴⁵ Новороссия или Новороссийский край – название земель на юге современной Украины и, впоследствии, в Молдавии. Ее территория не была стабильной, меняясь по мере имперской экспансии и в результате административных преобразований. В указанное время новороссийским генерал-губернатором был М. С. Воронцов (см. прим. 40).

⁴⁶ Первая шоссейная дорога Симферополь – Алушта – Ялта – Севастополь была проложена по инициативе М. С. Воронцова (см. прим. 40) в конце 20-40-х гг. XIX в. [42, с. 32-34]. В результате южный берег Крыма оказался связан с центральными российскими губерниями.

переночевали в доме одного татарина. Здешние сады, находящиеся под управлением полковника Стевена <Steven>⁴⁷, которого нам, к сожалению, не случилось застать дома, очень хороши. Они были учреждены короной в 1811 г. с целью снабжения поселенцев плодовыми деревьями, а также в качестве ботанического сада. В них есть храм, в котором находится бюст Линнея⁴⁸. С того места, где находится это сооружение, открывается прекрасный вид на море. На следующее утро мы проследовали в Алупку <Alouпка>, что на расстоянии двадцати пяти вёрст. Здесь есть пять садов и две мечети, в одну из которых мы вошли и увидели молящегося, перебивавшего чётки, качавшегося взад-вперёд и периодически издававшего восклицания. Во всей мечети нет никаких украшений, которая представляет собой маленькую комнату с нишей. Парк⁴⁹ необычайно красив, с озером и множеством крупных камней и скал, громоздящихся на склоне. Некоторые скалы, вроде той, что позади мечети, пятидесяти или более футов длиной. Этот парк можно спокойно величать не имеющими

<66: АЛУПКА>

себе равных! В Версальском парке⁵⁰ есть скалы, для соединения которых в одном месте потребовались огромные расходы; тамошние гроты и нависающие обрывы показывают как выдающиеся объекты – они и являются таковыми, демонстрируя, насколько далеко могут зайти каприз и богатство в попытках имитировать природу. В Алупкинском парке вы на каждом шагу встретите скалы, куда как более внушительные, чем версальские чудеса, такие, что не собрать и тысяче «grands monarques»⁵¹. Разговаривая с нами на эту тему, директор <парка> отпустил замечание, показавшее представления об Англии, свойственное как ему, так и большинству людей. Желая выразить, сколь прекрасным он считает этот парк, он сказал: «Le Roi d'Angleterre, tout puissant qu'il est, ne peut pas en avoir de pareils»⁵². В этих садах в изобилии цве-

Уэбстер и его спутники ехали из Симферополя в Алушту по только что сооруженному первому участку дороги.

⁴⁷ Христиан Христианович Стевен (1781-1863 или 1864 гг.), шведский ботаник, поступивший на русскую службу и впоследствии осевший в Крыму. В 1812 г. он основал в Никите ботанический сад и стал его первым директором.

⁴⁸ Карл Линней (1707-1778 гг.), знаменитый шведский ботаник, автор классификации растений и животных. Ротонда с бюстом Линнея в Никитском ботаническом саду была одной из местных достопримечательностей [например: 72, с. 159; 71, с. 176].

⁴⁹ Вероятно, автор имеет в виду первый парк в Алупке, разбитый у дороги из Мисхора в Ялту по приказу Г. А. Потемкина. Во время путешествия Уэбстера современный Алупкинский парк (М. С. Воронцова, см. прим. 40) только планировался.

⁵⁰ Речь идет о роскошном парковом ансамбле при резиденции французских королей, который после Французской революции превратился в музей и один из самых посещаемых туристических объектов в стране. Уэбстер, по-видимому, побывал в Версале, но сведений об этом в его записках не сохранилось [ср.: 13, р. xxxiv-xxxviii].

⁵¹ Великих монархов (*франц.*).

⁵² Английский король, при всем своем могуществе, не может иметь равных (*франц.*).

тут оливы и гранаты. Алупка расположена красиво, под обрывами; да и обо всех селениях можно сказать, что для них нельзя было избрать более живописную местность. Берег, в основном, имеет бесплодный вид, но по нему разбросаны плодородные долины, в которых находятся селения, почти полностью скрытые среди грецких орехов и других деревьев. Въехав в одну из этих обширных рощ, представлявшую собой столь разительный контраст с бесплодной местностью, через которую прежде лежал наш путь, наш глаз радовали фрукты, цветы, деревья и сады, а также уютные жилища, где явно поселились мир и довольство. Стоя на уступе, вы издалека увидите с

<67: МЕРДВЕН>

одной стороны – море, <шум> которого изредка можно услышать, а с другой, за деревьями, скрывающими пустошь посередине, колоссальные серые, туманные стены гор, словно бы отгородившие этот народ от мира. Покинув парк, мы поднялись на гору и вскоре прибыли к подножью необыкновенного и живописного Мердвенского перевала⁵³ <pass of Meerdveen>. Здесь мы спешили и по деревянным галереям поднялись на вершину горы, после чего наш путь лежал через лес, который, на нескольких поворотах дороги, давал возможность бегло взглянуть на прекрасную Байдарскую долину <vale of Baidar>. Этот плодородный участок земли населён исключительно татарами, и, до некоторой степени, достоин звания Таврической Аркадии⁵⁴, данного ему леди Крейвен⁵⁵.

Тут нас захватила жестокая буря, к тому же наступал вечер, и мы решили остановиться в деревне.

Мы направились в дом земледельца-татарина, где повсюду лежал отпечаток опрятности и уюта. Женщинам не позволялось входить в комнату, но у них была возможность подглядывать за чужестранцами через два маленьких отверстия. Пока мы ели, они не преминули воспользоваться ею, но немедленно бежали, стоило лишь взглянуть на них. На следующее утро мы собрались в Балаклаву <Balaclava>, а жен-

⁵³ Речь идет о Шайтан-Мердвене (тюрк. «чертова лестница») – горном перевале близ совр. с. Оползневое, который в описываемую эпоху был важнейшим путем, соединявшим южный берег с районами к северу от главной гряды Крымских гор. Через естественный проход в горах шла средневековая тропа, усиленная подпорными кладками, местами вымощенная [55, с. 374-379].

⁵⁴ Аркадия – область в древней Греции, изолированная от других районов; предполагалось, что ее жители ведут простую, счастливую, пасторальную жизнь. Впоследствии это название стало нарицательным.

⁵⁵ Англичанка баронесса Элизабет Крейвен (1750-1828 гг.) совершила в 1786 г. длительное путешествие по Франции, Италии, Германии, Польше, России, Турции и Греции, однако в соответствующем месте о Таврической Аркадии не говорится [43, р. 190-191]. Можно предположить, что Уэбстер спутал ее книгу со знаменитым сочинением другой путешественницы – Марии Гатри, по ее словам, ездившей по Крыму в 1795-1796 гг., где это сравнение неоднократно используется [44, р. 116-117].

пины выказали необычайное к нам любопытство. При взгляде на них оказалось, что их ногти и даже волосы выкрашены хной. Заплетённые в косы волосы

<68: БАЛАКЛАВА>

свешиваются очень низко. Они носят низкий кушак вокруг талии, стянутые у лодыжек штаны и очень длинное белое покрывало.

Мускомья <Moscomia>⁵⁶ – долина вроде Байдарской. Балаклава – греческое селение, здесь чувствуется явное различие в облике, манерах, costume и пр. На коническом холме, господствующем над восточной стороной гавани и ограничивающем её, находятся развалины замка⁵⁷. Со стороны моря этот холм поднимается отвесно; он представляет собой скалу из постепенно размягчающегося конгломерата, так что утес и башня, вероятно, скоро обрушатся. Величественные развалины в основном образуют две линии, поднимающиеся вверх по склону с внутренней стороны гавани, с башнями здесь и там. Стиль постройки не тяжёл и не в тёсаном камне он заключается: она и сейчас производит приятное впечатление, пусть и представляет собой развалины, но развалины средневековые. Это впечатление усиливают гряда утёсов, выступающих в море справа, и такие же обрывы на западе. Лицей <Lyceum> – это большой белый дом на возвышенности слева⁵⁸. Это место – греческая колония, здесь стоит греческий полк под командованием полковника Ревелиоти <Revoliotti>.⁵⁹ В субботу мы поехали в монастырь св. Георгия и, покинув его, осмотрели массу развалин, некоторые из которых не уступают итальянским и, без сомнения, более древние⁶⁰. В обители св. Георгия мы осмотрели монастырь и новую церковь, для постройки которой разрушили старую. Монастырь находится в исключительно здоровом месте.

<69: ИНКЕРМАН>

Проехавши через него и проведя некоторое время в беседе с епископом, рассказавшим нам о храме Дианы⁶¹, что на небольшом расстоянии к западу от монастыря, мы вместе с их преподобием отведали легких закусок и уехали.

⁵⁶ Имеется в виду западный рукав Байдарской долины, протянувшийся в сторону Балаклавы, с деревнями Биюк-Мускомья (или Мискомия, Мискамя; современное село Гончарное) и Кучук-Мускомья (современное село Резервное). Судя по картам первой половины XIX в., здесь проходила дорога с южного берега Крыма на Балаклаву.

⁵⁷ Крепость на горе Кастрон в Балаклаве выстроили генуэзцы в XIV-XV вв., а впоследствии использовали османы [56, с. 95-110]. После присоединения Крыма к России в 1783 г. на берегу Балаклавской бухты у подножья горы поселили греков – беглецов из Османской империи [53].

⁵⁸ Возможно, имеется в виду военно-сиротское отделение в Балаклаве, основанное по указанию Александра I [53, с. 232, 234].

⁵⁹ Феодосий Ревелиоти (Ревелиотис) появился в Крыму около 1802 года, а в 1809 г. возглавил балаклавский греческий батальон.

⁶⁰ Монастырь св. Георгия на морском берегу близ Балаклавы, возникший по научным данным в XVI в., был одним из объектов, привлекавших путешественников благодаря красоте местоположения и традиции, относившей основание монастыря к незапамятным временам [см.: 57].

⁶¹ Герои античной трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» Орест и Пилад отправились в

Из обители мы двинулись к местности, где, как говорят, был храм Дианы, видевший кораблекрушение Ореста и Пилада; к тому же, голые и бесплодные утесы этого негостеприимного берега, кажется, удачно приспособлены для кровавых жертвоприношений, некогда сделавших его столь известным у древних⁶². Переpravляясь из этой местности в Севастополь <Sevastopoli>, мы попытались отыскать стену, которая, как утверждают, построена поперёк полуострова⁶³. Несколько разрозненных камней и фундаменты каких-то квадратных башен еще можно проследить, но древние остатки настолько немногочисленные и неясные, что оставляют путешественника в состоянии неуверенности⁶⁴. Вечером мы прибыли в Севастополь и, остановившись у одного еврея, подготовились к посещению каверн Инкермана⁶⁵ <Inkerman>. На следующее утро, около шести, мы взяли лодку и отплыли. Мы поднялись вверх по обширному Севастопольскому заливу, в конце которого находятся каверны Инкермана. Пещеры, которые часто называют местом, где жили киммерийцы, находятся в горе, склоны которой почти перпендикулярны и совершенно изрыты, а вершины венчают осыпающиеся развалины древнего замка. Прибыв на место, мы поднялись по грубой лестнице, ведущей к выкопанной в скале молельне.

<70: ИНКЕРМАН>

Её разрушенный, изуродованный вид – достаточное свидетельство неистовства и фанатизма завоевавших Крым магометан. Почти стёртый крест и испорченные

Таврику (Крым), где находился храм богини Артемиды (Дианы), чтобы забрать оттуда деревянную статую богини и доставить ее в Афины. Активные поиски этого храма на южном берегу Крыма начались еще в XVIII в. [48, с. 534-535; 46, с. 375], но сам храм создан фантазией драматурга и потому искать его материальные остатки, скорее всего, бесполезно [58, с. 122-129].

⁶² Имеется в виду обычай тавров сбрасывать пленников со скалы в море [Herod. *Hist.*, 4. 103]. Еврипид в трагедии «Ифигения в Тавриде», которую, очевидно, читал Уэбстер, говорит, что пленников приносили в жертву в храме Артемиды (Дианы) [Eur. *Iphig T.*, 38-39, 277-280].

⁶³ По-видимому, речь идет о неправильно понятых словах античного географа Страбона о древней стене в окрестностях Херсонеса [Strabo *Geogr.*, 7. 4. 7; ср.: 7. 4. 2]. В интерпретации П.-С. Палласа, которую мог знать Уэбстер, эта стена проходила от Балаклавы до нынешней Севастопольской бухты [45, с. 42].

⁶⁴ Путешественники, очевидно, видели развалины построек на сельскохозяйственной территории (хоре) Херсонеса.

⁶⁵ Далее Уэбстер рассказывает о посещении крепости Каламита на вершине Монастырской скалы в Инкермане, сохранившиеся постройки которой возводились в XV-XVII вв. сначала князьями Феодоро (средневековое государство в юго-западном Крыму с центром на плато Мангуп), а впоследствии османами. В обрывах скалы устроен огромный пещерный монастырь, включавший девять церквей и около двухсот прочих помещений в искусственных пещерах («кавернах» по Уэбстеру); он возник, вероятно, в XIV в. Другие пещерные монастыри находятся в окрестных скалах [59, с. 68 слл.; 47, с. 6 слл.; 56, с. 123]. Насколько можно судить, Уэбстер ошибочно воспринимает все эти памятники как единый комплекс. Его описания, в целом, следуют традиции, выраженной большинством трaвeлoгoвoв кoнцa XVIII – нaчaлa XIX в. [с.м.: 46, с. 368-373].

росписи показали, что раньше это был храм, где молились христиане, поселившиеся в выкопанных по соседству помещениях. Они хранят явные следы обитания: потемневшие от копоти крыши и высеченные в скале грубые шкафы и полки. Отсюда лестница ведёт в верхний замок, который, по всей вероятности, должен был служить безопасным местом, убежищем на случай неожиданного нападения. По соседству сооружены были другие, но похожие каверны. Кто был обитателем этих пещер – вопрос крайне недостоверный. Но византийские историки упоминают, что херсониты <Chersonites> принадлежали к секте ариан⁶⁶, а поскольку известно, что эта секта, столь многочисленная на востоке, испытала сильные гонения ко времени упадка Греческой⁶⁷ империи, предполагают, что эти пещеры были сделаны монахами и теми, кого они обратили, которые удалились в древний Херсон <Cherson> и, не найдя там пригодного убежища, вырыли эти каверны для жилья и молельню для религиозных целей. Хотя эта долина плодородна и живописна, сейчас она почти необитаема из-за многих болезнетворных лихорадок, порождённых болотистым характером почвы.

В Инкермане есть гавань и крутые, белые, мягкие

<71: ИНКЕРМАН>

утёсы, в которых высечено множество пещер. Отверстия в передней части скалы на правильном расстоянии друг от друга доказывают, что эти углубления должны быть жилыми помещениями, причём большие использовались для кроватей и пр., а меньшие для прессов, полок, ламп и пр. Кажется, некоторые <конструкции> были отчасти вырублены <в скале> и отчасти достроены – это доказывают отметки балок в скалах, а также то, что в некоторых случаях их снова заселили или перестроили татары. Уже упомянутая молельня расположена примерно в середине ряда пещер; она целиком высечена в скале, вместе с алтарем, полукруглыми скамьями, арками, которые поддерживали столбы (ныне разрушенные), местами для святой воды и маленькой смежной комнатой, которую использовали в качестве ризницы. Над алтарем находится высеченный в скале очень большой трёхфуртовый крест. Нет никаких при-

⁶⁶ Вероятно, это сведение взято из описания Крыма знаменитого путешественника-энциклопедиста П.-С. Палласа, или же у вдохновлявшего его им Кларка. Ср.: «Пещеры, однако, кажутся более этого времени отдаленными, и, по моему мнению, это – работа монахов во время средневековых императоров или более поздних. Так как херсониты, что известно из истории Византии, были секты ария, а эта секта, столь многочисленная на востоке, впоследствии потерпела многие преследования в Византийской империи, то очень вероятно, что многие монахи и приверженцы этой секты удалились в Корсунь, где, не найдя убежища, начали устраивать кельи и созидать часовни во многих местах Крыма в мягком местном известняке; здесь они продолжали обрядность своей монастырской жизни по уставам своей секты с надеждой, быть может, обратить в нее диких обитателей страны...» [45, с. 50; ср.: 18, р. 205]. Ариане – сторонники учения епископа Ария (256?-336 гг.), утверждавшего, что Иисус не равен Богу-отцу и является лишь высшим из сотворенных им созданий. Достоверных известий об арианах в Крыму не имеется.

⁶⁷ То есть Византийской.

чин считать эту молельню относящейся к другой эпохе по сравнению с остальными пещерами, среди которых она находится, и, таким образом, естественно умозаключение, что эти пещеры были жилищами христиан. Наблюдаемый в молельне архитектурный стиль может определять древность всех пещер. Этот стиль не кажется очень уж старинным. По всей вероятности, он принадлежит Средним векам. Напротив только что описанного утеса находится другой, с похожими пещерами, ступенями и длинным коридором⁶⁸. Здесь, в углу утёса, в центре целой серии <пещер>, также имеется молельня, несколько побольше другой,

<72: ИНКЕРМАН>

в форме равноконечного креста. В прилегающей комнате ещё видны многочисленные написанные буквы. В обеих молельнях сохранились остатки штукатурки и грубые росписи. В первом утесе имеется погреб, где найдены кости. Он совершенно не похож на обычные пещеры, не имея двери, но лишь маленькое оконце в построенной стене⁶⁹. То обстоятельство, что кости найдены только здесь, совершенно доказывает, что остальные пещеры не были гробницами. Многие из этих каверн, что у основания утёса, жилые, у них есть пристройки и выступы, придающие им форму домов. На Мальте, на холме напротив залива св. Павла, можно увидеть несколько каверн точно такой же формы, как в Инкермане. Мальтийские каверны устроены в мягкой скале и располагаются на высоком и почти недоступном хребте. Имея ступени, этажи и многочисленные ниши, они, фактически, образуют селение. Меньшие каверны имеются по всему острову. Точно так же на берегах Сены, между Руаном и Гавром, там, где скалы имеют мягкую меловую структуру и представляют собой частые утесы, можно увидеть высеченные в скале селения. Итак, существование таких пещер не должно удивлять, да и очень большого интереса они не представляют. В окрестностях этих мягких, пористых, меловых утесов работает большое число крестьян. Им оказалось проще выкопать дом, чем построить его. Обычное селение, построенное из дерева и камня или из сырца, гибнет, когда исчезают причины, создавшие это селение:

<73: ИНКЕРМАН>

если исчезает население, вскоре гибнет и селение, и о нём забывают; и правда, разве могут быть интересны жилища, которые ежедневно находятся у нас перед глазами? По какой-то причине население каверн сократилось, вероятно, (как в случае Инкермана) от малярии; но здесь ещё остаётся селение. Но заслуживает ли оно большего интереса по этой причине? Является ли оно чем-то большим, чем просто селение? Писатели слишком стремятся воздействовать на воображение своих читателей. Они говорят нам о живших в пещерах людях, которые должны были быть

⁶⁸ Это скала на левом берегу реки Чёрной, у впадения ее в море, где находится так называемый монастырь св. Софии [см.: 47, с. 22-25]. Далее Уэбстер описывает храм № 1 этого комплекса.

⁶⁹ Речь идет о помещении с костницей – высеченным в скале погребальным сооружением.

отшельниками, или преследуемыми христианами, или сказочными аборигенами, допотопными дикарями, или героями, греками или римлянами, или еще кем-то, но только не обычными людьми, которыми двигали обычные мотивы; бедными труженниками, которые, на самом деле, искали ближайшее и простейшее убежище.

Близ замка на утёсе протекает маленькая речка⁷⁰, почти стоячая, петляя среди лугов, обрамлённая с обеих сторон перпендикулярными белыми утёсами. Здесь много деревьев. Нанесенная таким образом на оба берега почва имеет любопытный вид. Через маленькую речушку переброшен мост, очень старый, довольно массивный, из тёсаного камня. Он состоял из трех арок; сейчас сохранились две небольшие, в пятнадцать футов или около того.

Мы возвратились в город Севастополь, который находится в трёх верстах от Инкермана. Мы посетили гавань и поднялись на борт 132-пушечного корабля «Париж», оснащённого самым изысканным образом. Мы

<74: СЕВАСТОПОЛЬ>

обошли под парусом вокруг гавани, где было несколько линейных и др<угих> кораблей, приготовленных к отплытию. Судно, которое уходило в Константинополь, чтобы доставить посланника, вернулось без него; это обстоятельство вернуло к жизни надежды на мир⁷¹.

К сожалению, оказалось, что, в результате какой-то ошибки, у нас не было рекомендательных писем в этот город⁷², и, вследствие этого, к большому нашему сожалению, мы лишились возможности раздобыть полезную информацию.

⁷⁰ Река Чёрная, вопреки мнению Уэбстера, является одной из самых полноводных в Крыму.

⁷¹ Уэбстер имеет в виду следующие обстоятельства. В 1821 г. в Греции началось анти-турецкое восстание, которое к 1827 г. было в значительной мере подавлено. Однако 6 июля 1827 г. Англия, Франция и Россия заключили в Лондоне конвенцию, потребовав от Турции прекратить военные действия против греков, отозвать из Греции армию и флот и предоставить ей автономию. В конечном итоге, это привело к Наваринскому морскому сражению 20 октября 1827 г. и русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Уэбстер и его спутники желали мирного разрешения кризиса, поскольку в дальнейшем собирались отправиться в Стамбул [ср.: 1, р. 43-44]. Любопытно, что впоследствии Уэбстер осудил европейские державы за поддержку греков, сравнив их действия со спасением воров от виселицы. В дневнике путешественник не скрывал весьма резких оценок. Он полагал, что греки предали свой долг защитников христианства, это «те, кто своими интригами и малодушием проложили путь для турецкого вторжения, кто склонил крест перед полумесяцем и пал в пыль к ногам османской власти, кто равен завоевателям в фанатизме и превосходит их порочностью, не обладая ни единым проблеском той чести и доблести, которые всегда отличали турецкий характер». На основании личного опыта Уэбстер крайне невысоко оценивал моральные качества греков и сделался пылким сторонником Турции. Наконец, путешественник полагал, что независимость Греции на руку России, а не Англии, которая тем самым утрачивала рычаги влияния на Балканах [1, р. 24; 2, р. 150-155].

⁷² Севастополь.

<75>

Глава VI

Развалины Херсонеса. – Бахчисарай. – Ханский дворец. – Экскурсия на Чуфут-кале. – Ханские могилы в Бахчисарае. – Мулла призывает на молитву. – Размышления о жизни и манерах татар.

В понедельник мы поехали в Херсонес⁷³ <Chersonesus>, развалины которого представляют собой, без малейшего преувеличения, картину самых жестоких разрушений, какие только можно вообразить. С двух сторон <от него> находится море, а с двух других фрагменты массивных, высоченных стен окружают

<76: РАЗВАЛИНЫ ХЕРСОНЕСА>

поле обвалившихся камней, иногда громоздящихся курганами, иногда полускрытых длинной травой и кустами. О них спотыкалось стадо скота, искавшее пищу, а одинокий страж озирает пустынные раскопки. Думал ли он о том, кем были его предки, и знал ли о земле, которую был поставлен охранять?

Раскопки продвигались очень медленно, а поддающиеся обнаружению памятники и остатки едва ли могли вознаградить усилия и затраты по их поиску. Все остатки древнего Херсонеса до крайности разрушены; те из них, что открыты в настоящее время, в основном относятся к средним векам. Рабочие раскапывали развалины, скрывавшие древнюю молельню, но их труды не открыли ничего, кроме немногих плохих ионийских колонн с крестами, вырезанными на стволах и капителях. В центре находится длинная и высокая зелёная насыпь, с которой вид на серые кучи можно обозреть целиком. Стены прослеживаются от моря и до моря, причём некоторые их части имеют высоту от двадцати до двадцати пяти футов. На поворотах имеются следы круглых башен. Та, что вблизи карантинной гавани <quarantine harbour>, почти не повреждена. Эти остатки показывают степень разрушения. Варвар проявил свою дикость и, возможно, пожелал показать, какой огромный город он разрушил.

Имеющиеся в раскопах грубые столбы с крестами и другие остатки такого рода, вероятно, относятся к сравнительно недавнему времени⁷⁴.

⁷³ Развалины этого древнегреческого, впоследствии византийского, города (VI/V в. до н. э. – XIV/XV в. н. э.) находятся на территории современного Севастополя [см.: 60].

⁷⁴ Автор оказался очевидцем первых раскопок в Херсонесе, во время которых были открыты три церкви, водопровод, различные артефакты [см.: 10, с. 617-619; 11, с. 353-356; 48, с. 509-514]. Стоит отметить, что на обратном пути в Одессу путешественники побывали в Николаеве, где осмотрели Черноморское депо карт «или небольшой музей: один большой торс с ногами, греческой работы; несколько капителей; барельеф; небольшие статуи, головы и пр., а также значительное число медалей <т.е. монет>, обнаруженных или в окрестностях, или в Крыму» [1, р. 99]. Известно, что в Кабинет редкостей при этом Депо были переданы, в частности, некоторые находки из первых раскопок Херсонеса [48, с. 514].

<77: БАХЧИСАРАЙ>

Мы поскакали в Бахчисарай <Bachchiseraï> и натолкнулись на группу цыган, которые жили в палатках, крытых родом войлока. Многие из детей были голыми. Те из них, кому исполнилось от десяти до двенадцати лет, носили небольшую повязку вокруг талии, а те, кто постарше, одевались в лохмотья. Всё племя выбривало себе головы, оставляя лишь локон на макушке. Они были смуглые, толстогубые, и смахивали на негров. Мальчики танцевали, лягались, иногда занимались кулачным боем, чтобы урегулировать спорные вопросы о нескольких копейках.

Живописный город Бахчисарай расположен в узкой долине, со всех сторон окружённой скалистыми горами. Его белые, подобные минаретам печные трубы, колышущиеся тополя, мечети и татарские жилища разнообразных конструкций производят очень сильное впечатление, которое, конечно же, не превзойдёт ни один из крымских городов. Самый интересный объект – ханский дворец⁷⁵, занимающий обширное пространство, его фасад скрывается от города за службами, которые некогда занимала ханская прислуга. Мы вошли во внутренний двор, который открыл нашему взору дворец, мечеть и гробницы. Сначала наше внимание привлёк дворец. Войдя внутрь, мы миновали мраморный фонтан и поднялись по широкой лестнице, которая привела нас в большую комнату, называвшуюся «золотым залом» <golden chamber>, потолок которой, разделённый на отсеки и усеянный позолоченными звездами, должно быть, имел великолепный вид, когда его освещала

<78: ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ>

подвешенная в центре люстра. Малиновые стены, позолоченные украшения, витражные окна и пышные диваны, пусть сейчас они сильно поблёкли и обветшали, всё равно дают некоторое представление о величии татарских правителей. Дальняя часть комнаты, окружённая диванами и покрытая турецким ковром, была примерно на шесть дюймов выше той части, что у входа; последняя предназначалась для стражи или посетителей, которые могли дожидаться хана. Такую структуру можно увидеть во всех тех домах, где преобладают восточные черты. Затем мы вошли в так называемый «большой диван» <grand divan>, или зал суда <hall of justice>, который находился в полном беспорядке из-за ремонта, производившегося в то время по указанию российского правительства с целью восстановления дворца в его прежнем блеске.

Комната Потопкой <Potocki>, или «золоченый зал» <gilded chamber>, названная так по имени одной из дочерей этого знаменитого семейства, выданной за крымского хана⁷⁶,

⁷⁵ Дворец крымских ханов в Бахчисарае представляет собой совокупность нерегулярных построек XVI-XVIII вв., в том числе залы для приемов, жилые и служебные помещения, гарем, сады, внутренний двор, две мечети и ханское кладбище [см.: 61, с. 7-27].

⁷⁶ Популярная легенда о романтической любви одного из крымских ханов к пленнице-христианке имела несколько вариантов, в одном из которых девушку звали Марией Потопкой, правда, неясно, лежали ли в ее основе действительные факты [49].

находится в первоначальном состоянии и представляет собой квадратную комнату примерно в тридцать или двадцать пять футов. Пол покрыт циновками.

Там есть маленькая комнатка с камином, где изображен крест под полумесяцем; еще там есть различные покои, как, например, спальня, комнаты для купания и т. д., и т. п., ныне запертая молельня Потоцкой, и обширное позолоченное помещение с фонтаном в центре. В окнах – витражи, пол из мрамора. Из этой комнаты дверь открывается в

<79: ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ>

небольшой, окружённый террасами сад продолговатой формы с виноградными лозами на террасе. Он идет вокруг золоченого зала и завершается деревянной восьмиугольной башней. Мы прошли по разным другим дворцовым помещениям, причём все они в большей или меньшей степени повторяли стиль золотого зала; нам показали молельню, где было разрешено исполнять свои обряды замужней даме из семейства Потоцких, о чем сказано выше (она осталась христианкой). Спустившись вниз, мы вошли в сад, на противоположной стороне которого находится гарем. Этот гарем – квадратное здание с верандами, состоящий всего из трёх комнат – они большие и очень высокие. Большая часть гарема занята верандами. В каждой комнате имеется двойной ряд маленьких окошек с деревянными решётками. Из этого двора есть дверь в другое огражденное пространство, где имеется большая восьмиугольная башня с решётками наверху. Здание обнесено высокой стеной. Внешний вид дворца со стороны сада представляет собой низкое здание, местами всего в один этаж. Крыша у него белая, а трубы напоминают множество минаретов; это замечание можно отнести ко всем трубам в городе. Имеется большой двор, четырёхста на двести футов, с несколькими тополями по одной стороне, где открывается очень выгодный вид на минареты мечети. Мавзолеи ханов находятся рядом с мечетью, на небольшом кладбище, которое заполняют усыпальницы в

<80: ХАНСКИЕ МОГИЛЫ>

турецком стиле, некоторые из них мраморные⁷⁷. Это кладбище заросло ломоносом, из которого устроены беседки. Есть два больших восьмиугольника под куполами около тридцати футов в диаметре, в которых находятся тела и памятники многих ханов. В первом – десять или двенадцать деревянных гробов, покрытых чёрной тканью, с тюрбанами умерших наверху. Во втором восьмиугольнике – три деревянных гроба и два каменных памятника. Восьмиугольный экран окружает памятник еще одного князя или хана.

Улицы Бахчисарая состоят из одноэтажных домов и прилавков. Татары сидят в своих лавках, курят, скрестив ноги, в терпеливом ожидании заказов. Ремёсла

⁷⁷ Кладбище расположено в закрытом дворе при дворце крымских ханов. Всего здесь находятся три мавзолея (дюрбе) и более девяноста отдельных захоронений правителей и высших сановников Крымского ханства, увенчанных художественными надгробиями [62, с. 14 сл.].

распределены по кварталам: одну часть улицы занимают кузнецы, другую портные, третью торговцы трубками и табаком, а четвёртую башмачники. В этом месте христиане, мусульмане и евреи живут вместе без опаски.

Во вторник, в семь часов мы отправились в Чуфут-кале <Tchufutkali>, где живут евреи⁷⁸. Дорога туда шла по прекрасной долине со скалами по обеим сторонам. Вьющийся ручей, тополя и другие деревья, деревни и мечети придавали неописуемое очарование этой укромной долине. Крепость, к которой мы направлялись, находилась на большой высоте; виднелись тянувшиеся вдоль обрыва дома. Мы поднялись на вершину и всту//пили

<81: ЕВРЕИ ЧУФУТ-КАЛЕ>

в Чуфут-кале, который очень похож на татарский город. Женщины одеваются и прячутся, словно магометанки. Мы посетили синагогу и узнали от раввина⁷⁹, что евреи живут в этом месте в течение тысячи лет. Чуфут-кале помещается на высоком холме с обрывами по трём сторонам. Перешеек между ними имеет укрепления, но они недостаточно надежны. Чтобы сделать эту позицию неприступной, потребовалось бы совсем немного усилий. Город в его нынешнем состоянии не представляет собой ничего особенного. Дома в основном одноэтажные, с небольшим внутренним двором. Улицы, по недостатку окон, скучны и настолько узки, как будто это всего лишь проулки. У дверей синагоги находится цистерна. Раввин сообщил нам, что в их вере омовение не является частью ритуала, но те, кто хочет, совершают омовение перед входом в синагогу⁸⁰. Мы сочли этого раввина невежественным сверх меры; когда мы захотели узнать о тех моментах, которыми его секта отличается от других евреев, он не смог нам об этом рассказать, но, по нашему желанию, послал за другим раввином, которого представил как более образованного, чем он сам. Это был немецкий еврей, поведавший, что секта караимов отвергает Талмуд и пренебрегает многими другими церемониями, которые практикуют ортодоксальные иудеи. Однако он или не смог или не захотел раскрыть суть этих особых церемоний.

⁷⁸ Чуфут-кале – средневековая крепость на юго-восточной окраине Бахчисарая, занимающая плоскую вершину горы, возвышающейся над окрестными долинами. В описываемое время ее единственными жителями были караимы – этноконфессиональная группа, представители которой говорят на тюркском языке и исповедуют особую разновидность иудаизма: они почитают только Ветхий завет и отвергают свод его толкований – Талмуд [59, с. 163 слл.; 63, с. 91 слл.].

⁷⁹ Сегодня крымские караимы избегают слов «синагога» и «раввин», чтобы избежать возможных параллелей с евреями-иудаистами. Свои молитвенные дома они называют «кенассами», а религиозных лидеров – «гахамами» или «газанами».

⁸⁰ Перед посещением молитвенного дома караимы омывали руки, тем самым осуществляя ритуальное очищение. Хотя Уэбстер ниже связывает этот обряд с татарским влиянием, возможно, причина его в буквальном толковании текста Священного писания [Исход 30: 17-21]. Возможно, Уэбстер видел бассейн для омовения, который до сих пор сохранился у входа в большую синагогу Чуфут-кале [63, с. 156-157].

<82: МУЛЛА ПРИЗЫВАЕТ НА МОЛИТВУ>

Что касается евреев, то обычай <совершать> омовение, вероятно, местный, произошедший от общения с татарами, которыми они окружены со всех сторон. Возле города, в заросшей дубами долине находится еврейское кладбище. Могилы иногда помещаются одна на другой, но лишь немногие из них сделаны из мрамора и ни одна не выделяется размерами или красотой – тем не менее, общий вид впечатляет. Это кладбище, быть может, треть мили длиной и двести ярдов шириной. Евреи называют это место Иосафатовой долиной⁸¹ <the valley of Jehosaphat>.

На обратном пути мы осмотрели греческий монастырь в Марианполе <Marionopoli>⁸². Необитаемый сейчас, он находится на полпути вверх по утёсам. Спереди – три деревянных балкона, нависающие над большой молельней с низким сводом, пятьдесят на тридцать футов. Она высечена в скале и имеет четыре столба и грубые рисунки трёх апостолов. В этом углу горела лампада, а на апостольских рисунках были укреплены некоторые приношения по обету, например, копейки <coracs>, люльки⁸³, верёвки и другая столь же желанная дань.

Затем мы посетили ханское кладбище в Бахчисарае. С минарета мечети⁸⁴ мулла призывал людей на молитву, для чего он удивительно мерзко выл. Приложив руки к ушам, вероятно для того, чтобы не оглохнуть от собственного рёва, он орал во всю глотку, издавая долгий, высокий, протяжный звук, медленно прохаживаясь по балкону. Этот отвратительный, дол//гий,

<83: ТАТАРСКИЕ МОЛИТВЫ>

неблагозвучный шум наводил истинное уныние. Мы разместились в галерее, откуда могли наблюдать за совершавшимися в мечети обрядами, которые были достаточно странными, если не сказать впечатляющими. Внутри вошло большое число степенных бородатых персонажей, некоторые из них несли в руках свои верхние туфли, которые поставили на окно – бедняки же были босиком. Каждый из них, пройдя на избранное для молитвы место, исполнял следующую обрядовую пантомиму. Сложив руки перед собой, он в течение минуты стоял в полной неподвижности, глядя на верхний конец мечети. Потом, положив руки на колени, наклонялся вперёд и оставался

⁸¹ Это кладбище находится в узкой горной долине к юго-востоку от Чуфут-кале. Свое название оно получила за сходство с одноименной долиной кладбищ в Иерусалиме, где, по мнению многих богословов, должен состояться Страшный суд [Иоиль 3: 2]. Погребальные процессии спускались в долину по дороге от восточных ворот Чуфут-кале. Здесь хоронили и караимов, и ортодоксальных иудаистов. Всего на кладбище находится около семи тысяч надгробий, древнейшие из которых относятся к XIV в. [59, с. 178].

⁸² «Марианподем» назывался Успенский монастырь близ Бахчисарая и окружавшая его долина [50, с. 410-411].

⁸³ Слово *cradle* может означать косу с рамкой, которая позволяет укладывать скошенное зерно плашмя, сито (для промывки золота) или колыбель.

⁸⁴ Речь идет о большой мечети в Ханском дворце (Хан-Джами).

в таком положении ещё минуту, пристально глядя в пустоту, после чего, вернувшись в вертикальное положение, решал, что следует упасть на колени. Вслед за этим простирался ниц, лицом в пол, и минуту оставался в таком положении; потом вставал на колени и, распростёршись на полу ещё раз, снова вставал <на колени> и оставался в этой позе ещё какое-то время. Потом поднимался и примерно минуту стоял почти неподвижно; повторив это три или четыре раза, те, кто умел читать, взяли по книге Корана, которые во множестве были под рукой, на специальных скамеечках. Проведя некоторое время за чтением, возвращались к описанным выше телесным упражнениям. Затем сидевший на галерее мулла стал монотонно петь магометанскую молитву, причём все, кто молился в мечети, двинулись к её

<84: ТАТАРСКИЕ МОЛИТВЫ>

верхнему концу. Выстроившись в шеренгу, они вместе проделали своё благочестивое упражнение, а мулла с помощью пения или команды указывал время для очередного искривления тел. Словно солдаты в шеренге, все они вместе кланялись, падали ниц, становились на колени, выпрямлялись и поднимались. Проделав это три или четыре раза, последователи пророка потёрли глаза, погладили себя по бороде и разошлись по разным углам мечети. Теперь каждый продолжал представление самостоятельно и, доставши чётки, начинал их пересчитывать, совершая множество необычных восклицаний, простирая руки и раскачиваясь из стороны в сторону с очень важным видом. Наконец, закончив свои эволюции и ещё раз потеряв глаза и ещё раз погладив себя по бороде, добросовестный мусульманин шёл своей дорогой, причём под конец мулла запел, что, без сомнения, оказалось наилучшим способом поскорее очистить мечеть. Все это дело заняло от пятнадцати до двадцати минут. Такие молитвы повторяются, или же должны повторяться, четыре раза в день⁸⁵. Четыре раза в день с каждого минарета слышно муллу, издающего омерзительный вой, пробуждающий всю долину. Однако, как кажется, слушают его немногие. В только что описанной шеренге было не более восемнадцати человек. Сама форма поклонения, непрерывный крик «Бог есть Бог», должна утомить и перестать оказывать влияние. Все религии имеют тенденцию превращаться

<85: РАЗМЫШЛЕНИЯ>

в повторение обрядов, как это случилось и с католической, и с англиканской церковью. Магометанский обряд короче, чем у двух церквей, приведённых здесь в качестве примера, и в этом отношении больше подходит для своей цели. Постоянно сосредоточенный на одной мысли разум разогревается до исступления; если обряд короткий, то он, подобно музыке, возбуждает дух. Здесь нет упражнения для ума; воображением и страстью движет повторение одинаковых звуков и одинаковых жестов, а также присутствие толпы, занятой тем же загадочным волхованием. Вот

⁸⁵ Согласно предписаниям ислама, обязательная молитва (намаз) совершается не четыре, а пять раз в сутки. Однако о принятом у крымских татар обычае молиться четырежды в день сообщает также Кларк [18, р. 171]. Причина появления этих сведений неясна.

любопытный предмет для исследования: как лучше пробудить благочестие в сознании – переменами или повторами, обращаясь к интеллекту или взывая к страстям, обещаниями или угрозами? Всё это испробовано большинством религий, так что о характере религии лучше всего судить по тому, какого рода возбуждение в ней преобладает. О магометанской же нужно сказать одно: она преуспела, и это скорее благодаря обещаниям, чем угрозам.

Кто из тех, кто когда-нибудь слышал, как в тишине итальянских сумерек колокола медленно вызванивают «Аве, Мария», может усомниться в том, что действие этих звуков (ведь их отношение к религии известно) должно порождать в умах людей стремление к благочестию и созерцанию? Без этих звуков можно не заметить, как умирает день, и без внимания останутся многообразные картины жизни человека и его судьбы, нарисованные закатом и бесшумным наступлением ночи.

<86: РАЗМЫШЛЕНИЯ>

Эти звуки приковывают ум; они волнуют чужестранца, но куда как больше – тех, у кого с ними связаны самые первые ассоциации! Так обстоит дело и с призывом магометанского священника. Конечно, это более грубый обряд, которому не хватает поэтического воздействия «Аве, Мария», но отмеченный простотой примитивного культа. Во всём городе слышен призыв на молитву; этот долгий вой, настолько неприятный человеку другой страны и веры, для магометанина – священный звук, который напоминал ему в детстве и напоминает в зрелом возрасте об обязательствах, которые он несёт перед богом, перед соплеменниками и перед собой самим. Мулла, что на каждом минарете ходит кругами и выкликает: «Аллах! Аллах!», – это зримый посланник Высочайшего, призывающий верующих со всех четырёх концов света.

По нашей просьбе мулла убедил дервишей совершить обряд, или, как его иногда называют, танец дервишей⁸⁶. В два часа мы вошли в мечеть и увидели, что приготовления к танцу начались. Каждый из дервишей снял обувь; они встали в круг. Их танец, как это называется, был во всех отношениях достоин сопровождавшей его музыки. Они кланялись, становились на колени, садились, падали ничком, вставали, причём всё это время пели в нос, да так, что наш друг мулла показался ещё неплохим мелодистом. Они продолжали вести себя таким образом в течение пяти минут или около того, раскачиваясь из стороны в сторону, так, что весь их круг колебался одновременно, и медленно кланялись. То, что последовало за этим,

<87: ТАНЕЦ ДЕРВИШЕЙ>

никакими словами не описать. Издаваемые ими звуки невозможно сравнить ни с одним известным способом создавать ужасный шум. Сперва они фыркали с большой яростью, затем столь же яростно ревели; это был рев на трёх нотах, как рев телёнка или быка. Каждый раз они в диком порыве наклонялись вперёд. Весь обряд был совершенно ужасен и, должно быть, исключительно утомителен. Вставшие в круг

⁸⁶ Обряд *мевлеви* – ритуальный экстатический танец для достижения единства с Богом, практикуется мусульманскими монахами – дервишами.

тринадцать человек казались тринадцатью пильщиками, издавая шум, не сильно отличающийся от шума плохо идущей пилы или напильника; больно было слышать этот издаваемый с величайшей яростью звук – не пение, не фырканье, не рёв и не вздохи, но не поддающийся никакому описанию астматический хрип и рык. Пока все они занимались созданием этого сверхъестественного шума, один из их числа продолжал пение в той же октаве, а иногда то ли он, то ли ещё кто издавал быстрые и громкие звуки, чтобы придать храбрости упревшим пуританам. Потом рёв и скрип ускорились. Потом появился новый звук; дервиши задвигались быстрее, пока вдруг одновременно не остановились. Однако, услышав резкий носовой звук, они возобновили свой ужасный обряд и продолжали его в течение примерно часа, повторив его за это время трижды. Назвать это действие странным, страшным и невероятным – это не сказать о нем ничего; для того, чтобы составить себе хоть какое-нибудь представление о его внушающей отвращение нелепости, нужно самому его увидеть. Иногда дервиши падали без сознания от перенапряжения⁸⁷.

<88: ТАНЕЦ ДЕРВИШЕЙ>

Как правило, они носят белые тюрбаны. Не все тринадцать были дервишами; ими были лишь пятеро, остальных же привлекли в качестве помощников. Странно: чтобы провести подобную церемонию, нам нужно было дать некоторую сумму денег – но дух торговли свойственен не только магометанам. В Харлеме, Люцерне и Катании⁸⁸ для нас играл орган по той же причине, которая заставила выступать этих бедных дервишей. Как много мыслей, на которые такое представление не было рассчитано! Оно происходило в мечети ханов, в пределах их дворца, в нескольких шагах от их могил.

Когда мы впервые оказались в мечети, мулла был точно также благодарен нам за два рубля, как и дервиши, получившие двенадцать рублей на всех по случаю нашего второго визита. В действительности это вызывает сожаление. Должен ли возраст, должна ли вера быть на побегушках у молодости и любопытства? Но любопытство не было непочтительным, и, каким бы грубым не был исполненный дервишами ритуал, он всё равно оставался цивилизованным по сравнению с теми жестокими побоями, свидетелями которых мы были в Риме⁸⁹. Жесты дервишей доказывают всего лишь силу их внутренней веры; они могут сравниться с обильными и нелепыми движениями, которые совершают немые, чтобы выразить свои мысли. Тем, кто умеет

⁸⁷ Танец дервишей – популярный сюжет у европейских путешественников по Крыму [37, с. 39-41; 64, с. 56, 60; 65, р. 58-59; 69, с. 12-14, 16]. Некоторые находили его забавным, другие описывали с недоумением, но, в целом, они были далеки от понимания сути происходящего. Отметим объективность Уэбстера, который ниже говорит о том, что исполнение религиозных обрядов за деньги свойственно не только мусульманам, но и европейцам.

⁸⁸ Города на западе Нидерландов, в центральной Швейцарии и на итальянском острове Сицилия, где прежде бывал Уэбстер.

⁸⁹ В издании 1830 г. этот эпизод отсутствует.

говорить, такие движения покажутся абсурдными, но они доказывают, что и у немых есть мысли, которые им хочется выразить.

Интерьер мечети не очень впечатляет; крыша у неё плоская. В дальнем конце находится ниша, а

<89: БАХЧИСАРАЙ>

вдоль верхней части пола расстелен ковер. Сюда приходят молиться богачи; позади них бедняки возносят молитвы с каменного пола.

Справа от гарема – дворцовый сад, который сообщается с гаремом через окованную железом маленькую дверцу.

Бахчисарайская долина, ограниченная скалой с одной стороны и крутым подъёмом с другой, широко распахивается в устье и сужается по направлению к дворцу, оставляя место только для дворца и его парка, причем часть последнего находится на склоне. Ближе к концу города по обеим сторонам появляются скалы. Наверное, это самое красивое место в Крыму, с минаретами, тополями, скалами и белыми домами деревень, а также странным разнообразием костюмов местных жителей. Бахчисараю недостает лишь бегущей по долине реки, чтобы сделать его одной из самых живописных сцен, которую только можно представить. Но и таким, как он есть, город сильнейшим образом поражает чужестранца. Это новый мир; и по той причине, что обитатели его находятся во власти христиан, у путешественника есть возможность для его изучения, которой ему неплохо было бы воспользоваться. Татары покорены, но воспоминания об их древней связи с Портой и их религиозное сознание еще сохранились. Придет время, да оно почти уже пришло, когда новые хозяева будут лепить их по собственной мерке, и древние привычки должны будут выйти из употребления.

<90: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТАТАРСКОЙ ЖИЗНИ>

Может показаться, что жизнь не оставляет татарину возможности иметь какие-нибудь мечты. Он и правда ленив и беден; но его желания также ограничены, как и его возможности. Он подбирает упавший рядом плод и, сидя на крыше своего дома, в тени старого грецкого ореха, под которым укрывался еще отец его отца, целиком отдается наслаждению тихим счастьем отдыха. Русские возмущаются ленностью татар – но почему они должны работать? Они и без того – счастливейшие из крестьян, и, естественно, не желают превращаться в обычных тружеников. Однако даже проехав через эту страну, многого не узнаешь ни о том, как они управляются со своими домашними делами, ни о том, как тратят своё время; к тому же, не понимая их языка, мы могли принять видимость за настоящее счастье. Конечно же, их оставляет равнодушным всё то, что восхищает путешественника: как швейцарцы редко смотрят на свои горы, за исключением тех случаев, когда многие часы перегоняют по ним скот, как римлянин идёт мимо развалин вечного города, не обращая на них внимания, так и татарин с безразличием смотрит на туманные вершины Чатырдага, красоты Юрзуфа, чудеса Алупки, античную почву Херсонеса и минареты Бахчисарая; его взгляд привык к предметам, которые наполняют чужестранца изумлением и восхищением. Так

мы можем рассуждать бесконечно и не прийти ни к каким выводам, кроме того, что человек никогда не бедствует слишком долго. Он сопротивляется

<91: РАЗМЫШЛЕНИЯ>

обстоятельствам и, если не в силах их обуздать, приспосабливается к их течению. Он получает не то, что хочет, а то, что может. Потому он всегда счастлив настолько, насколько может: а так как природа уравнивает свои дары, предлагая одному мягкий климат, другому вольный дух, одному хорошее правительство, другому хорошую религию, одному свободу от чумы, другому умение побороть болезнь, то Провидение, в конце концов, справедливо, и все люди оказываются если не в равной степени разумными существами, то, по крайней мере, у них есть равные возможности для счастья⁹⁰.

<92>

Глава VII

Симферополь. – Жалобы на ошибки английских путешественников. – Саранча. – Суеверие, связанное с её уничтожением. – Неуважение русских к найденным в Крыму древностям. – Наказание кнутом. – Русский офицер. – Платье русского крестьянина. – Дорога в Николаев. – Адмирал Грейг. – Кларк. – Лайалл. – Одесса. – Оскорбления в паспортном столе. – Результат вмешательства графа Палена. – Отъезд в Константинополь.

В СРЕДУ утром, в восемь часов, мы отправились в Симферополь <Symferapol> и проехали тридцать вёрст за два с четвертью часа. Султан Кати-Гирей оказался дома. Мы пообедали

<93: САРАНЧА>

у мадам Нарышкиной <Narizkin>, супруги губернатора и дочери <того> Ростопчина <Rostopchin>, который был московским генерал-губернатором во время вторжения Наполеона в 1812 г.⁹¹ Во время разговора за обедом и вечером много жаловались на английских путешественников – за то, что они представляют русских в ложном свете.

Саранча – проклятие Крыма⁹² – бывает двух видов: жёлтая, или обыкновенная,

⁹⁰ Рассуждение о праздности крымских татар [ср. 1, р. 54 и перевод выше] были популярным мотивом в записках иностранцев конца XVIII – начала XIX в. и в русской общественной мысли, причем, по крайней мере, некоторые крымские татары об этой оценке знали и считали ее несправедливой [66, с. 466-467]. Интересно, что в XVIII в. некоторые западные путешественники рассматривали лень как важное свойство самих русских [67, с. 118]. Очевидно, лень маркировала нецивилизованность и «молодость» народа в противопоставлении с «Европой».

⁹¹ Фёдор Васильевич Ростопчин (1763-1826 гг.), в 1812 году – московский главнокомандующий (генерал-губернатор). За Ростопчиным утвердилась слава поджигателя Москвы при оставлении города Наполеону [51]. Его дочь Наталья Фёдоровна (1797-1866 гг.) вышла замуж за Д. В. Нарышкина (см. прим. 24), который был таврическим губернатором.

⁹² Возможно, этот фрагмент написан под влиянием книги Кларка, который подробнейшим

и чёрная саранча, причём последняя куда более вредоносна. Её стаи опускаются на поля, и через час здесь уже нет никакой зелени. Она следует за ветром; молодая летит очень низко, или даже прыгает, словно кузнечики; старая летает высоко. Медленно продвигаясь вперёд, она везде, где ни прошла, оставляет за собой широкую полосу пустой земли. Встретив реку, переправляется через неё по телам тех, кто летел впереди и утонул; таким образом водные потоки оказываются заражены, и скот не может из них пить. Опасаясь заражения, часто закрывают и придомные колодцы. Эти опустошающие всё на своём пути насекомые размножаются в чрезмерном количестве. Яйца они откладывают на землю, где те остаются до следующего года, когда вылупятся мириады чего-то вроде чёрных червей⁹³. Суеверие побудило татар пригласить дервишей из Малой Азии, ведь саранча приходит из Азии. Эти дервиши молились вокруг мечетей, приказав вывесить на минаретах воду в качестве оберега – чтобы таким образом, вместе с молитвами, привлечь черных дроздов определенного вида, которые должны были явиться во множестве

<94: СУЛТАН КАТИ-ГИРЕЙ>

и пожрать крымскую саранчу. Собранная таким образом вода до сих пор сохраняется в мечетях. По этому случаю, дервиши собрали восемьдесят тысяч рублей, причем даже самые бедные пастухи давали по полтине⁹⁴.

образом описывает крымскую саранчу и даже приводит ее изображения [18, p. 133-136, 196, <vignettes> 1-2].

⁹³ В дальнейшем, рассказывая об Одессе и ее окрестностях, Уэбстер подробно и почти дословно цитирует записки Р. Ли о сфексах – насекомых-наездниках, убивающих саранчу. «В окрестностях Одессы, в Степи <Steppe> можно встретить мириады необычных мушек-наездников, которые заняты тем, что убивают и хоронят саранчу. Способ, с помощью которого они это делают, весьма необычен. Эти мушки скрытно подбираются к саранче, залезают к ней на спину, и крепко обвивают ее тело своими длинными сильными членами, чтобы та не смогла спастись, расправив крылья и взлетев воздух. Когда попытки вырваться из объятий противника утомят саранчу, мушка сжимает шею саранчи // сильными жвалами, которыми оснащен ее рот, и впускает свое острое жало между головой и телом саранчи, которая через несколько секунд умирает. Исследование показало, что жало это состоит из двух заостренных частей, в которых имеется небольшая пустая трубочка. Некоторое время мушка остается связанной с телом саранчи, но до сих пор не ясно, вызвано ли это целью отложить в него свои яйца. Перед тем, как вылететь на поиск саранчи, которую мушка собирается убить, она с помощью ног и жвал prepares небольшую норку в земле. В эту норку она затаскивает тело, а затем нагребает сверху землю, и, как кажется, прилагает много стараний, чтобы гладко выровнять поверхность земли, для чего взад-вперед бегаёт по этому месту, постукивая по нему ногами. Такой способ уничтожения саранчи ранее отмечен не был, но нет сомнений, что он весьма распространен во всех южных Степях. Д-р Ли с Арджил-стрит наблюдал этих насекомых в окрестностях Одессы осенью 1825 г. Несколько превосходных экземпляров можно обнаружить в коллекции насекомых Крыма и Кавказа, которую он подарил Музею Королевского института после возвращения из России в 1826 г.» [2, p. 340-341 and n. *, ср.: 16, p. 16-18].

⁹⁴ Ср. анонимное описание сер. XIX в. (прим. 3). «Этих существ <саранчу> особенно любят

Мы пообедали у Султана, который показал нам грубо исполненный рельеф скифского воина верхом на коне. Возле него была надпись, где упоминался царь Скилур <Scelerius>⁹⁵. По словам Султана, её нашли в миле от Симферополя. Он полагает, что соседний холм – это место, где была третья крепость Скилура. Там есть много очень древних и интересных развалин, которым, однако, русские выказывают немного уважения, употребляя рельефы и камни с надписями для ремонта дорог. Чтобы убедить нас в этом, Султан выехал на участок дороги и, указывая на камни, сказал: «Они лежали там». Можно ли вообразить что-то более варварское?

По дороге в Симферополь мы останавливались позавтракать на почтовой станции. Пока мы там были, в кибитке <kibidka> прибыл русский капитан и, войдя в дом, потребовал стакан крепкого⁹⁶, но хозяина нигде не нашли. Тщетно посылал он мальчика на поиски; не помогли ни клятвы капитана, ни его брань. Наконец, переменяв лошадей, он погрузился в свой экипаж и отправился в путь. Когда он скрылся из глаз, в тот же миг появился хозяин и, когда мы выразили удивление тем, что он прятался,

<95: НАКАЗАНИЕ КНУТОМ>

наш переводчик сказал, что, если бы капитан получил свою выпивку, им бы за нее не заплатили.

С утра в четверг на рыночной площади собралась толпа. Увидев чёрный флаг и заключив, что вскоре должно произойти нечто необычное, мы подошли к собравшемуся люду и обнаружили, что они наблюдают за тем, как наказывают кнутом десять или двенадцать заключённых, которые, пытаясь бежать из тюрьмы, замучили священника и убили нескольких сопротивлявшихся им стражников. К нашему приходу трое из них уже понесли наказание, а четвёртый как раз ему подвергался. Военные образовали большой круг и, примкнув штыки и направив их к центру, образовывали

собаки и всякая домашняя птица. За ними все время следуют стаи скворцов, пожирающие их без счета. Особенно прославлен этим один из видов скворца, который прилетает из Азии. В Крыму его можно встретить лишь по такому случаю. У него черно-белое оперение, напоминающее сороку. По преданию, эти птицы будут следовать за водой из священного колодца возле Мекки, куда бы ее ни отвезли. Соответственно, когда несколько лет назад страну заполонила саранча, из Бахчисарая <Baghtché Sarai> в Мекку за этой бесценной водой послали депутацию мулл. Через несколько дней после их возвращения появились черно-белые скворцы, а на следующий год в этой стране не видали ни единой саранчи. Татары, конечно же, связали избавление от нее с результатами паломничества в Мекку. И в самом деле, я никогда не встречала человека, который смог бы дать удовлетворительное объяснение столь внезапному исчезновению саранчи» [29, р. 139-140].

⁹⁵ Уэбстер рассказывает об открытии столицы позднескифского государства, в археологической терминологии – городища Керменчик (предположительно скифский Неаполь), причем его сведения несколько отличаются от версии, принятой в современной науке [подробнее: 10, с. 619-620]. Скилур – скифский царь, правил во второй половине II в. до н. э.

⁹⁶ Английское *spirits* может означать любой крепкий алкогольный напиток: коньяк, виски, водку, джин и пр.

охрану заключённых и сдерживали толпу на расстоянии. Преступника укрепили на наклонной доске, с одной стороны которой было два больших кольца, к которым были прикреплены его руки, а сверху – большая выемка, куда поместили его шею, притянув её ремнём книзу. Его ноги были также стянуты у лодыжек, и, сорвав с него рубашу, обнажили спину до самой талии. В этом положении он получил в наказание сорок ударов кнутом, который представляет собой род бича с рукоятью примерно двух с половиной футов в длину и тяжёлой плетью примерно той же длины, что и рукоять, на конце которой, к тому же, крепился белый кожаный ремень. Взяв в руку плеть и отмерив

<96: НАКАЗАНИЕ КНУТОМ>

расстояние, палач отходил примерно на восемь или десять шагов, поворачивался и наносил удар. Таким образом, удары разделял промежуток примерно в двадцать секунд. Наказание было таким жестоким, что голова преступника свесилась на плечо прежде, чем нанесли все сорок ударов; со столба его сняли в бессознательном состоянии. Пока приговор приводили в исполнение, любопытство заставило нас подойти к той части круга, где стояли ожидавшие подобного наказания. Отразившийся на их лицах ужас, вызванный предвкушением приближавшейся пытки, явно усиливал наказание, сделав его, если только такое возможно, более тяжёлым, чем настоящая боль. По диким и отчаянным возгласам, время от времени срывавшимся у них с губ, нам легко было оценить жестокую душевную пытку, которой они подверглись. Один из них мечтал о ноже, который мог бы положить конец агонии. Как только получивший назначенное число ударов был снят <со столба>, вперёд вытолкнули следующего, который стал очень неохотно готовиться, но гораздо более действенной оказалась помощь палача, который сорвал с него рубашку, швырнул на доску, растянул вниз лицом и, привязав, приступил к исполнению приговора. Невозможно вообразить что-либо более варварское и бесчеловечное, чем наружность палача. Его плешивая голова и падавшие на плечи длинные спутанные локоны, большие черные усы, блестящие глаза и

<97: НАКАЗАНИЕ КНУТОМ>

отвратительный облик увеличивали, если такое вообще было возможно, ужас и омерзение, вызванные у нас этой сценой. Вопли страдальца, повторявшиеся при каждом ударе, его мучительные судороги, стекающий по лбу пот, и бившая из спины кровь сделали эту сцену слишком отталкивающей, чтобы на неё можно было смотреть и дальше, и мы покинули это место⁹⁷. Хотя это наказание может считаться варварским, тем не менее, поразмыслив, можно прийти к выводу, что оно лучше, чем повешение, достигает цели, которую оба они преследуют. Конечно, с точки зрения страданий преступника первое является более суровым наказанием; но после выздоровления,

⁹⁷ Наказание кнутом, неизвестное в то время в Англии, поражало британцев. Так, его подробно описала Хоулдернесс, весной 1818 г. наблюдавшая порку в Феодосии [30, р. 267-269; 17, с. 273-275].

которое случится через несколько дней, у него будет шанс изменить свою жизнь, которым он скорее воспользуется, если вспомнит о своих недавних страданиях. Его воздействие на преступников еще до того, как те ему подвергнутся, как мы уже говорили, оказывается даже большим, чем само наказание, а предупреждение, которое оно посылает зрителям, кажется, производит на них впечатление, что, как хорошо известно, редко случается при казнях в Олд-Бэйли⁹⁸. Нам рассказали, что, как только преступники оправятся от результатов наказания, их на весь остаток жизни отправят работать в сибирских рудниках. Остаток дня был занят отдыхом у наших гостеприимных друзей; на следующее утро мы покинули Симферополь.

Обычная одежда русского крестьянина – это, как правило,

<98: КОСТЮМ КРЕСТЬЯН>

чёрная овечья шапка, покрывающая его длинные гладкие волосы, обрезанные ниже ушей, и синяя или розовая рубаша в клетку, выпущенная поверх штанов, которые заправляют в башмаки. Поверх рубахи, стянутой поясом на талии, носят верхнюю одежду – овечью шубу <souba>, то есть длинный плащ мехом внутрь. Женщины носят похожее верхнее платье и платок на голове.

Уплатив в полицейском участке обычную сумму, мы получили заполненные новые паспорта и покинули Симферополь, чем, казалось, завершили свою экскурсию в Крым. Плоская пустыня, где не было ничего, способного пробудить воспоминания или размышления, – вот и всё, что нас ожидало впереди. Мы с глубоким сожалением ощутили, что эта интересная страна осталась позади уже, наверное, навсегда. Природа ее оказалась красивой, а нравы ее древних жителей необыкновенными, оправдав наши ожидания. К нам отнеслись с величайшим гостеприимством; теперь же, уезжая навсегда, мы ощутили глубокую грусть при мысли о том, что все пробудившиеся и узнанные недавно добродетели и чувства стали лишь воспоминанием о безвозвратно ушедшем видении.

Теперь же пустыня протянулась во всю свою ширь, до самого горизонта. Пропал Симферополь; исчезли вдали синие, покрытые облаками горы; и лишь широкий Чатырдаг с длинной линией

<99: ХЕРСОН>

холмов-спутников по обеим его сторонам виднелся какое-то время на краю всё расширяющейся пустоты. Среди необитаемых земель бродили дрофы; время от времени мы видели стаи жаворонков и длинные линии фургонов, запряжённых боками, лошадьми или верблюдами. Периодически встречались очень глубокие колодцы, воду из которых доставали, привязав верёвку к лошади, которая бежала вокруг колодца. Мы переночевали на третьей почтовой станции, что в шестидесяти пяти верстах от Симферополя...

⁹⁸ Центральный уголовный суд Англии, находится в Лондоне и рассматривает важнейшие уголовные дела по преступлениям, совершенным в городе и, изредка, в других районах Англии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825-1828; including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and of the Russian conspiracy of 1825. By the late James Webster, Esq. of the Inner Temple. In Two Volumes. Vol. I. London, 1830.
2. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825-1828; including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and of the Russian conspiracy of 1825. By the late James Webster, Esq. of the Inner Temple. In Two Volumes. Vol. II. London, 1830.
3. The Monthly Review. 1830. Vol. XIV (From May to August inclusive).
4. *Gorton J.* A General Biographic Dictionary. A New Edition. Vol. IV. London, 1851.
5. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
6. *Саид Э. В.* Ориентализм: западные концепции Востока. СПб., 2005.
7. *Вебстер Дж.* Путешествие по Крыму, Турции и Египту (Лондон, 1830. Отрывок) // Воронцовы и русское дворянство между Западом и Востоком. Симферополь, 2012.
8. *Прохорова Т. А.* Экскурсия по Крыму. Путешествие Джеймса Вебстера в Симферополь (1827 г.) // Симферополь на перекрестках истории. Материалы конференции. Симферополь, 2012.
9. *Рыбакин А. И.* Словарь английских фамилий. М., 1986.
10. *Храпунов Н. И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
11. *Храпунов Н. И.* Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // *Chersonos themata: империя и полис.* Севастополь, 2013.
12. *Храпунов Н. И.* Восточная Европа в дневнике шотландского путешественника Дж. Уэбстера (1827) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (105). Екатеринбург, 2012.
13. *Memoir of Mr. James Webster // Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. 1. London, 1830.
14. *Chaney E.* The Evolution of the Grand Tour: Anglo-Italian Cultural Relations since the Renaissance. 2nd ed. Routledge, 2000.
15. *Trease G.* The Grand Tour. London, 1967.
16. *Lee R.* The Last Days of Alexander, and the First Days of Nicholas (Emperors of Russia). London, 1854.
17. *Калашиников В. М.* Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой четверти XIX столетия). Днепрпетровск, 2013.
18. *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1817.
19. *Otter W.* The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York, 1827.
20. *The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta.* Vol. I. New York, 1830.
21. *Храпунов Н. И.* Крым в описаниях Реджинальда Хебера // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
22. *Alexander J. E.* Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. 1. London, 1830.
23. *Alexander J. E.* Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. 2. London, 1830.

24. *Александр Дж.* Россия глазами иностранца. М., 2008.
25. *Encyclopedia Britannica.* 32 vols. Chicago, 2003.
26. *Русский биографический словарь* / Под ред. А. А. Половцова и др. 30 т. М., 1992.
27. *Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783-1998 гг.* Справочник. Симферополь, 1999.
28. *Ласковский В.* Правители Тавриды // ИТУАК. 1903. № 35.
29. *The Crimea: Its Towns, Inhabitants, and Social Customs.* London, 1855.
30. *Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia. 2nd ed. London, 1827.
31. *Kırmılı H.* Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans // *Cahiers du Monde russe.* 2004. Vol. 45/1-2 (janvier-juin).
32. *Lyall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia; in two volumes. Vol. I. London, 1825.
33. *Jones G. M.* Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia, and Turkey... Vol. II. London, 1827.
34. *Воспоминания Ф. Ф. Вигеля.* Ч. 7. М., 1865.
35. *Hair P. E. H.* A Scottish missionary in the Caucasus: Henry Brunton // *Bulletin of Scottish Institute of Missionary Studies.* 1973. Vol. XIII.
36. *Сталь Ж. де.* Десять лет в изгнании. М., 2003.
37. *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 г. Л., 1941.
38. *Храпунов Н. И.* Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Александр Дж. Россия глазами иностранца // *Ab Imperio.* 2011. 2.
39. *Громенко С. В.* Густав Олизар и его воспоминания как источник по истории Крыма // *Историческое наследие Крыма.* 2006. № 15.
40. *Азбунов М. В.* Античная лоция Чёрного моря. М., 1987.
41. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
42. *Мальгин А. В.* Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2004.
43. *Craven E.* A journey through the Crimea to Constantinople in a series of letters... London, 1789.
44. *Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea... London, 1802.
45. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. М, 1999.
46. *Храпунов Н. И.* Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // *Климентовский сборник.* Севастополь, 2013.
47. *Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
48. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
49. *Бронштейн А. И.* Трансформация легенды Фонтана слез // *Бахчисарайский историко-археологический сборник.* 1997. Вып. I.
50. *Марков Е. Л.* Очерки Крыма. Киев, 2006.
51. *Горностаев М. В.* Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин: страницы истории 1812 года. М., 2003.

52. *Eisner R.* Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor, 1993.
53. *Сафонов С.* Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы. Исторический очерк // ЗООИД. 1844. Т. 1.
54. *Страбон.* География в 17 книгах. [б. м.], 1964.
55. *Фирсов Л. В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
56. *Мыц В. Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
57. *Бертье-Делагард А. Л.* К истории христианства в Крыму // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII.
58. *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.
59. *Могаричев Ю. М.* «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.
60. Крымский Херсонес. Город, хора, музей и окрестности. Остин; Севастополь, 2003.
61. Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник. Путеводитель. Симферополь, 2000.
62. *Гайворонский О.* Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь, 2006.
63. *Кизилов М. Б.* Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караймов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.
64. *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской Империи. М., 2001.
65. *Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne.* 2nd éd. Paris; Genève, 1809.
66. *Храпунов Н. И.* Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Балътазара фон Каменгаузена // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII.
67. *Нойманн И. Б.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
68. *Мурзакевич Н.* Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 3. Ч. XIII.
69. *Сафонов С.* Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года. Одесса, 1840.
70. *Орехов В. В.* Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму. Киев, 2011.
71. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым... Симферополь, 2009.
72. [*Муравьев-Апостол И. М.*] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.

Храпунов Н. И.

Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.)

Резюме

Публикация представляет собой перевод дневниковых записей шотландца Джеймса Уэбстера о поездке в Крым в 1827 г. с аннотацией и комментариями. Данный трaвeлог содержит разнообразную историческую, этнографическую и археологическую информации о Крымском полуострове и его жителях, о российском освоении этой территории, о начале ее археологического изучения и пр. Уэбстер демонстрирует своеобразный опыт восприятия и осмысления новых земель, где нашлось место как распространенным стереотипам эпохи, так и индивидуальным особенностям, связанным с личностью автора.

Khrapunov N. I.

James Webster's and His Fellows' Travel to the Crimea (1827)

Summary

This publication presents a Russian translation of James Webster's journal on his travel to the Crimea in 1827, with an annotation and a commentary. This travelogue supplies varied accounts on the history, ethnography, and archaeology of the Crimean peninsula and its populations, on the Russian imperial development of this territory, on the beginning of archaeological researches there, etc. Webster demonstrates a specific experience of perception and reflection on new lands, with popular stereotypes of his age and individual features related to his personal qualities.

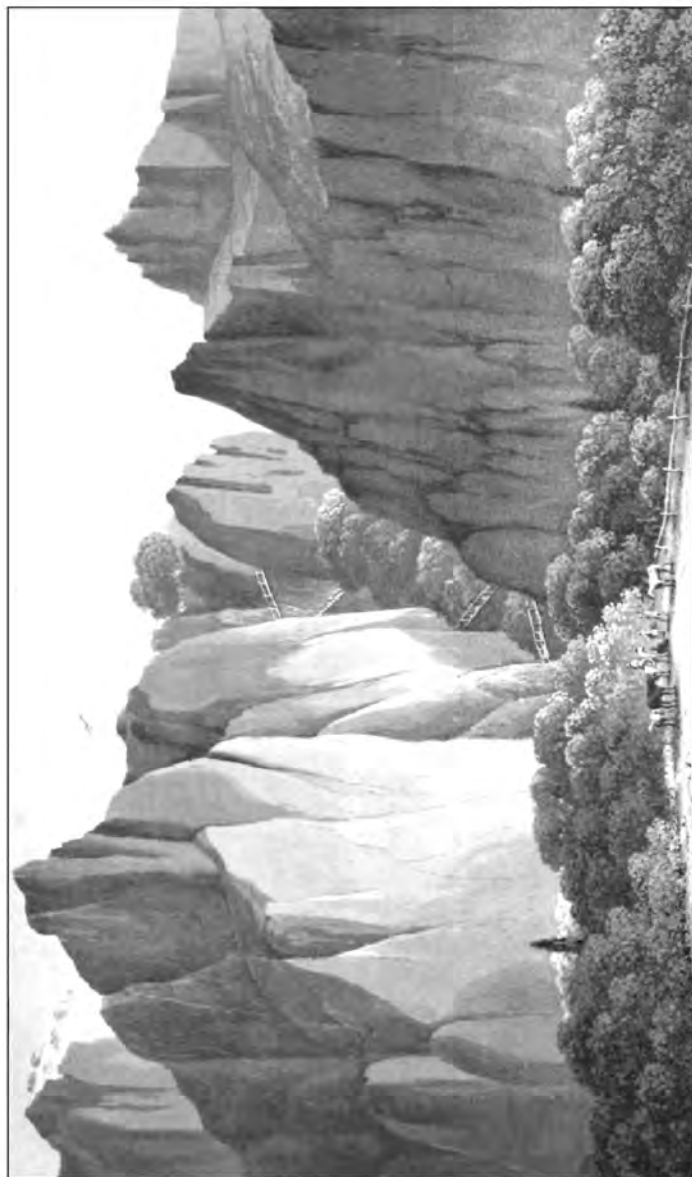

Рис. 1. «Перевал Мердвен». Гравюра по рисунку У.-Х. Ньюнема [1, р. iii].

Рис. 2. «Вид на Балаклаву». Гравюра по рисунку У.-Х. Ньюнема [1, р. 68].

Рис. 3. «Каверны Инкермана». Гравюра по рис. У.-Х. Ньюнема [1, р. 70].

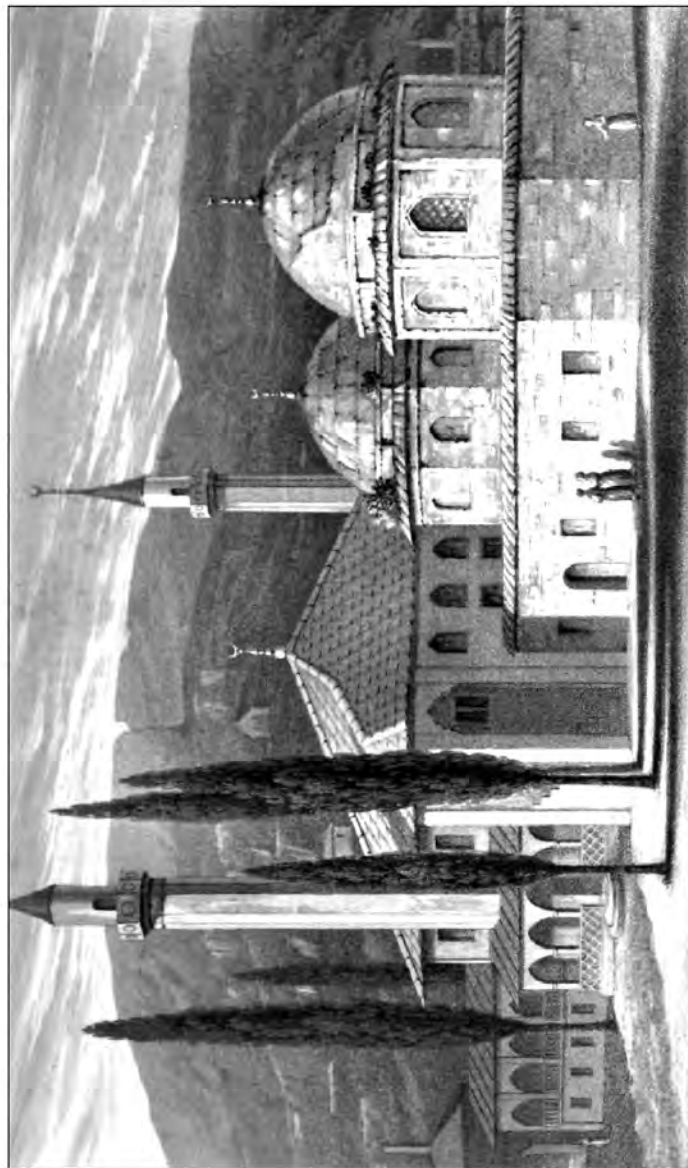

Рис. 4. «Могилы крымских ханов». Гравюра по рис. У.-Х. Ньюнема [1, р. 80].

Рис. 5. «Турецкое кладбище». Виньетка, вероятно, по рисунку У.-Х. Ньюнема [1, р. 42].
Очевидно, речь идет о некрополе крымских татар [1, р. 51, н. *].

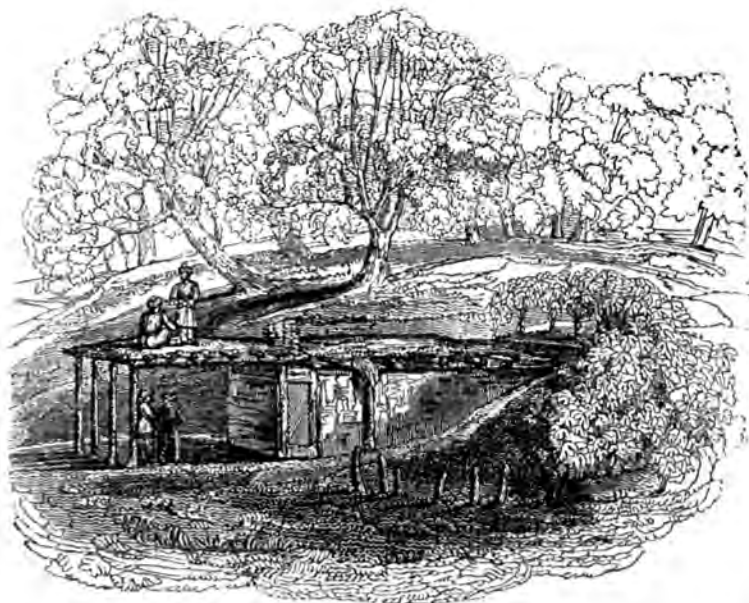

Рис. 6. «Татарская усадьба». Виньетка, вероятно, по рисунку У.-Х. Ньюнема [1, р. 59].

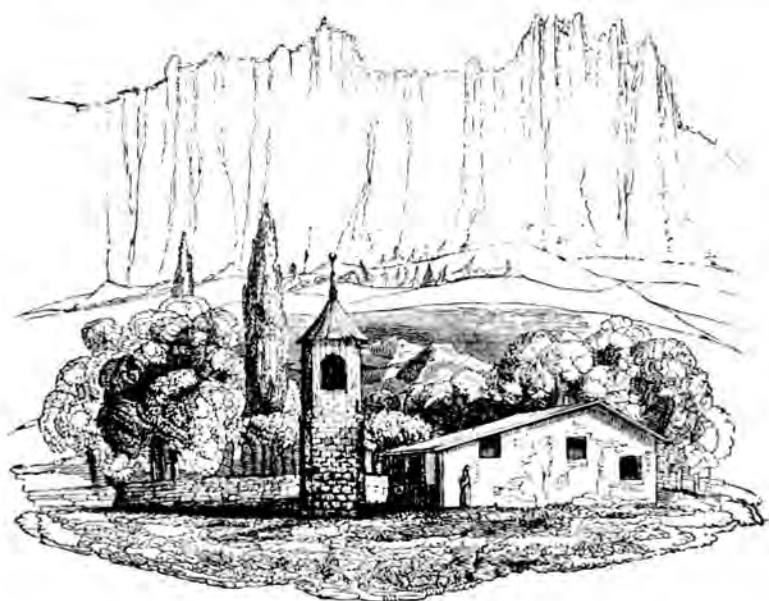

Рис. 7. Мечеть на южном берегу Крыма (?), ошибочно названная «развалинами Херсонеса». Виньетка, вероятно, по рисунку У.-Х. Ньюнема [1, р. 75].

Рис. 8. «Наказание кнутом». Виньетка, вероятно, по рисунку У.-Х. Ньюнема [1, р. 92].

О. С. МАВРИНА

ПЕРЕВОД ДОКУМЕНТОВ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЗНАТИ В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЯНСКОМ ДЕПУТАТСКОМ СОБРАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ТРУДНОСТИ И ОТКРЫТИЯ

Основой для публикации послужили несколько разновременных архивных дел фонда Таврического Губернского Дворянского Депутатского Собрания (далее – ТГДДС) Государственного архива Республики Крым, касающиеся перевода документов мусульманской знати Таврической губернии на русский язык. Процесс перевода документов длился почти до середины XIX века. С одной стороны, это усложнило процесс получения дворянского звания для представителей мусульманской знати, а с другой привело к интересным открытиям.

После издания указов от 22 февраля 1784 года «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» [1, № 15936] и от 25 апреля 1785 года «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» [1, № 16187] в дворянские собрания Новороссийской, а с 1802 года Таврической губернии начало поступать значительное количество документов на турецком и татарском языках, подтверждающих знатность происхождения мусульманской знати, претендовавшей на дворянское достоинство.

22 августа 1807 года ТГДДС получило указ Герольдии № 2564 от 4 июля 1807 года, в котором сообщалось, что Новороссийское губернское правление передало на рассмотрение Герольдии документы, присланные от дворянских руководителей различных уездов, в том числе «свидетельства из Таврической области от беев, мурз, аг, служивших до присоединения Крымского полуострова к России при дворе крымских ханов». В указе приводился список этих свидетельств, насчитывающий 61 позицию [2, л. 1-5].

Дела, касающиеся дворян Таврической губернии, были переданы после ее создания в 1802 году в ТГДДС из Новороссийской губернии [3, с. 50]. О передаче документов свидетельствует также дело 1804 года «О переводе дворянских документов в связи с разделением Новороссийской губернии в Таврическое дворянское собрание. Списки и родословные дворян» [4]. Новороссийская губерния, центр которой находился в г. Екатеринославе (сейчас г. Днепропетровск, с 1797

по 1802 г. – г. Новороссийск), в 1802 году была разделена на три губернии – Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую.

Фонд Таврического Губернского Дворянского Депутатского Собрания начал формироваться в 1803 году, через год после образования губернии. Если проанализировать в количественном отношении ранние дела о дворянстве мусульманской знати из фонда ТГДДС, которые значатся в описи под 1803 годом, то их насчитывается 63: из них 2 дела 1791 года, 1 дело 1794 года, 1 дело 1796 года и 59 дел 1797 года. Эти дела, как правило, небольшие по объему – от 1 до 3 листов, датируются по дате первого документа, не имеют даты окончания дела. Дела, которые значатся в описи под 1804 годом, как правило, большие по объему, имеют начальную и конечную дату, причем дата начала дела соответствует году, под которым оно значится в описи [3, с. 51].

Очевидно, что дела, значащиеся в описи под 1803 годом, были переданы из Новороссийской губернии, и, возможно, большинство из них были возвращены в ТГДДС согласно указу Герольдии № 2564 от 4 июля 1807 года. По крайней мере, дела 41 и 85 из этого фонда (Ф. 49, Оп. 1), значащиеся под 1803 годом, значатся также в списке свидетельств, приведенных в указе Герольдии от 4 июля 1807 года, номера 32 и 58 соответственно [2, л. 3, 4].

Указ постановлял – передать перечисленные бумаги Таврическому губернскому правительству для перевода с турецкого и татарского языков на русский с тем, чтобы после перевода они были переданы в Дворянское Собрание для рассмотрения и вынесения решения. В том случае, если Дворянским Собраниям будут необходимы дополнительные доказательства из официальных учреждений, свидетельства о дворянстве рекомендовалось принимать только согласно с именным указом от 4 февраля 1803 года [2, л. 5]. Кроме того, в указе Герольдии отмечалось о необходимости более взвешенно принимать решение о внесении во 2-ю часть родословной книги: тех офицеров, которые не служили на действительной военной службе и чин получили при выходе в отставку, в родословную книгу не вносить [2, л. 5].

ТГДДС на заседании 31 августа 1807 года, согласно указу Герольдии, подготовило справки о рассмотрении подобных дел в Собрании [2, л. 7-11]. Оказалось, что еще 19 мая 1804 на заседании Собрания было принято решение об информировании министра юстиции П. В. Лопухина о том, что Собрание рассматривает обращения от «таврических дворян, которых именуют мурзами, то есть от тех, кто остался после присоединения Крыма к России», о внесении их в родословную книгу. Отмечалось, что некоторые из мурз не имели документов, подтверждающих дворянское достоинство, так как «во времена, когда они жили на Волге и во времена, когда переселились в Крым и жили при крымских ханах, не было необходимости в получении документов, подтверждающих их достоинство». Поэтому Собрание постановило, что мурзы должны представлять свидетельства от своих уездных собраний согласно указу от 4 февраля 1803 г. [2, л. 12-16].

28 июля 1808 года ТГДДС было извещено Таврическим губернским правительством, что 11 сентября 1807 года документы беев и мурз, направленные из Герольдии для перевода (61 дело) получены, и перевод их поручен переводчику Ивану Бендерскому. Так как у И. Бендерского возникли некоторые трудности с переводом турецких терминов на русский язык, то документы было решено передать по описи в Собрание. Собрание должно было создать условия И. Бендерскому для перевода, а сам переводчик должен был появляться в Собрании в свободное время от исполнения обязанностей по его основной должности [2, л. 18-19]. В деле также имеется копия описи дел, переданных из Герольдии (52 позиции) [2, л. 20-21 об.].

Дворянское Собрание приняло решение создать И. Бендерскому условия для скорейшего перевода документов, после его появления в учреждении [2, л. 22-22 об.]. Однако И. Бендерский не спешил являться в Собрание и заниматься переводом.

26 января 1809 года И. Бендерский обратился в ТГДДС в связи со смертью в ноябре 1808 года переводчика Собрания при прежней комиссии по рассмотрению земельных споров титулярного советника Зимайлова. И. Бендерский сообщал, что титулярный советник Зимайлов был его родственником и после смерти оставил бумаги, связанные с должностью – документы помещиков на татарском языке, представленные для перевода. Так как бумаги и личные вещи Зимайлова были опечатаны полицией и находились под наблюдением местного жителя Паракева Иванова, то И. Бендерский, «чтобы вещи не поддались тлению, а помещики не имели необходимости в бумагах», просил отправить к нему из Собрания чиновника для разбора бумаг и продажи вещей [2, л. 25-25 об.].

15 февраля 1809 года ТГДДС просьбу И. Бендерского удовлетворило и направило для разбора бумаг и продажи вещей депутата Симферопольского уезда коллежского асессора Жеребцова. Бумаги Зимайлова были разобраны, опись их составлена (насчитывает 49 единиц и хранится в деле), вещи подготовлены для продажи, о чем и сообщено губернскому предводителю дворянства, статскому советнику Евстафию Ивановичу Нотаре [2, л. 26-28, 31, 32].

Перипетии дела, связанные с бумагами и вещами Зимайлова заканчиваются в марте 1809 года [2, л. 29], а вот в отношении того, занимался ли И. Бендерский документами, представленными татарскими мурзами на дворянство или нет, неизвестно, так как никаких данных по этому вопросу в деле не имеется.

К рассмотрению вопроса о переводе документов Собрание вернулось только в 1835 году, когда 12 марта на заседании были подняты «дела прежнего времени», а именно: выполнение указа Герольдии № 2564 от 4 марта 1807 года. Дворянское Собрание, заслушав донесения секретарей, пришло к выводу, что документы остались непере переведенными, и решение, изложенное в указе Герольдии, выполнено не было. Собрание отмечает, что неизвестно, занимался ли переводом документов И. Бендерский и появлялся ли он в Собрании вообще – «бумаги остались в том же состоянии, что и были». Так как перевод документов согласно указу был поручен Таврическому губернскому правительству, которое, не выполнив его, без перевода направило дела в Собрание,

то ТГДДС приняло решение обратиться в Таврическое губернское правление (далее ТГП) для распоряжения о переводе документов [2, л. 33-36].

16 сентября 1836 года ТГДДС направило в ТГП документы на татарском и турецком языках для перевода и несколько раз обращалось в Правление с просьбой уведомить Собрание о принятом решении [2, л. 37-38].

12 января 1837 года ТГДДС получило ответ из ТГП, что документы направлены Симферопольскому исправнику для передачи их переводчику, прикомандированному по распоряжению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, а после осуществления перевода будут возвращены в Собрание [2, л. 39, 40].

Через полгода, 2 июля 1837 года, ТГДДС обратилось в ТГП за разъяснением, как обстоит дело с переводом документов, на что получило ответ от 11 августа 1837 года, что Симферопольскому земскому исправнику Говорову поручено выяснить, почему документы не переведены [2, л. 43-43 об., 44-44 об.]. 29 октября 1837 года ТГДДС вновь обратилось в Правление с просьбой сообщить о сроках перевода документов. Но ответа не получило [2, л. 46-46 об.]. На этой не слишком оптимистической ноте в октябре 1837 года заканчивается первое дело о переводе документов мусульманской знати.

О проблемах, с которыми столкнулась канцелярия ТГДДС в дальнейшем, а также о некоторых неожиданных находках и обстоятельствах, выяснившихся в ходе рассмотрения документов в ТГДДС, дает представление дело № 1436 «О переводе с татарского языка документов о дворянском достоинстве баев и мурз, служивших при дворе Крымских ханов до присоединения Крымского полуострова к России» [5]. Дело начато 27 января 1838 года, закончено – 1 мая 1845 года. Очевидно, что дело не полное, так как не все документы приведены в хронологическом порядке, имеются некоторые лакуны в информации. Работниками архива также сделано примечание, что дело сформировано «из россыпи».

Одним из первых документов дела является доклад секретаря ТГДДС от 18 января 1838 года о проблеме с переводом «татарских грамот». В докладе приводится ответ ТГП на письмо-отношение ТГДДС от 2 июня 1837 «о переводе с татарского на русский диалект документов..., служивших до присоединения Крымского полуострова к России при дворе крымских ханов». Правление сообщило о причине задержки с переводом документов. Документы о «дворянском достоинстве беев и мурз крымских, писанные на древних турецких и татарских языках» в связи с отсутствием переводчика, который бы хорошо знал эти языки, отосланы Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору для распоряжения о переводе их в Одесском училище восточных языков или в Азиатском департаменте МИД [5, л. 1-2]. Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором с 1823 по 1844 годы был почетный член Петербургской Академии наук, князь Михаил Семенович Воронцов.

Снова к рассмотрению этого вопроса ТГДДС вернулось только через год, о чем свидетельствует доклад секретаря от 3 марта 1839 года относительно документов,

посланных ТГП Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору для перевода в Одесском училище восточных языков. Отмечено, что никаких сведений о том, осуществлены ли эти переводы или нет, ТГДДС не имеет. В связи с этим, ТГДДС не могло завершить дела о дворянстве, начатые еще в начале века по указу Сената от 22 августа 1807 года [5, л. 3-4].

Дальнейшая переписка между канцелярией ТГДДС и ТГП свидетельствует, что документы о дворянстве крымских мурз и беев Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором были переданы 31 марта 1838 года вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде [5, л. 5-6]. К. В. Нессельроде с 1828 по 1845 гг. занимал должность вице-канцлера, а с 1822 года курировал Иностранную Коллегию при Министерстве иностранных дел.

25 января 1840 года на заседании ТГДДС было рассмотрено отношение Таврического гражданского губернатора от 16 ноября 1839 года за № 9511, в котором разъяснялось, что среди грамот, выданных различными ханами и отправленных в МИД, оказались весьма древние и интересные, особенно одна, выданная «Тохтамыш-ханом в год разорения им Москвы». В связи с этим, в Собрание был прикомандирован чиновник Борзенко из штата канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Его задача состояла в том, чтобы пересмотреть татарские грамоты в ТГДДС; важнейшие из них списать (т.е. сделать копии), для чего грамоты необходимо было взять на некоторое время в Одессу под расписку [5, л. 7-8]. ТГДДС дала разрешение для работы с документами чиновнику штата канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора Борзенко, но он в Собрание до ноября 1840 года так и не появился [6, л. 1-5].

Поскольку дела о переводе татарских документов стали вызывать определенную заинтересованность как у общественности, так и в правительственных кругах, канцелярия Собрания решила выяснить историю поступления и перевода этих документов в ТГДДС. Из постановлений по делам 1820 года, которые рассматривались «Комиссией для разбора магометанские и греческих дворянских родов», было установлено, что некоторые из крымских мурз представили в эту комиссию среди прочих документов и грамоты от бывших крымских ханов. Грамоты эти (копии и оригиналы) вместе с делами были направлены через Херсонского военного губернатора в Сенат по Герольдии и оттуда еще не были возвращены. Герольдия также рассмотрела документы, представленные из бывшего Новороссийского губернского правления, и отправила их в ТГП для перевода с турецкого и татарского языков (указ Сената по Герольдии от 4 июня 1807 г. № 2564). Документы остались в Собрании неперевереденными, и канцелярия в 1840 году так и не выяснила, почему это произошло [5, л. 7-8].

Так как сами документы с переводами не поступили в Собрание, ТГДДС 25 января 1840 года принимает решение информировать об этом гражданского губернатора и предоставить ему полную информацию о ходе рассмотрения дел по переводу документов мусульманской знати в Собрании [5, л. 7-8].

В июле 1840 года документы с переводами вернулись в Собрание, о чем

свидетельствует письмо Таврического губернского правления от 31 июля 1840 года [5, л. 9-12], к которому прилагалась копия письма от 23 июня 1839 года вице-канцлера графа К. В. Нессельроде Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору. В письме излагалась информация о ходе и результатах работы над переводами татарских грамот [5, л. 13-14]. В частности, граф К. В. Нессельроде сообщил М.С. Воронцову, что 63 документа на турецком и татарском языках, присланные еще 31 марта 1838 года, не удастся быстро перевести, поскольку при МИД ограниченное количество переводчиков восточных языков. Перевод этих документов осуществлялся в течение года первым драгоманом татарского языка статским советником Я. Ярцовым. Во время работы над документами Я. Ярцов пришел к следующим выводам.

Во-первых, из документов, которые переводились, 12 являлись жалованными грамотами крымских ханов на «недвижимую собственность, и служащих вместо крепостных актов». Эти грамоты, по выражению Я. Ярцова, «писаны почти назад тому 300 лет, различными самыми трудными и связанными (почерками – О.М.) на древнем татарском языке, коего иные слова вышли уже ныне из употребления, грамматические формы изменены, и многие утверждены алыми тамгами (печатами с государственным гербом) и синими печатами (собственно ханскими) в большем виде изображенными куфскими буквами» [5, л. 10].

Среди этих грамот, по мнению переводчика, наибольшую ценность представляет грамота Тохтамыш-хана 1382 года, «писанная на шелковой бумаге длиною почти в 2 аршина самым превосходным почерком Джерри с особыми знаками орфографии, украшенная золотом и хорошо сохраненная» [5, л. 10]. Также большую ценность представляет грамота 1523 года хана Саадет-Гирея (1524-1532), внука основателя Крымского ханства, которая, по определению Я. Ярцова, также написана «превосходным почерком, но другого рода и старинным языком». Я. Ярцов приходит к выводу, что эти грамоты очень важны в историческом аспекте, поэтому их необходимо приобрести для государства [5, л. 10].

Во-вторых, было представлено 18 оригиналов султанских грамот и фирманов разных лет, написанных почерком дивани. На некоторых грамотах надписи практически стерлись от времени. Эти документы были или пожалованием на пенсии различным чиновникам Порты, или подтверждающими актами от султанов, вступающих на престол. Большая часть документов выдана на имя Османа-паши [5, л. 11].

В-третьих, среди документов содержатся «20 крепостных документов и описей имений, заменяют в Мухаммедан-паши метрические свидетельства о рождении: ибо переход наследства от отца к детям (у них) есть законное доказательство нисходящих по линии родства» [5, л. 11].

В-четвертых, среди документов также содержатся 6 копий писем верховного визиря с копиями султанских фирманов на имя «Баттал-Хусейн-паши, прощенного и возведенного в прежнее достоинство». Копии эти, по мнению Я. Ярцова, прилагаются в связи с тем, что в них упоминаются чиновники, тогда служившие [5, л. 11 об.].

Кроме этого, драгоман татарского языка Я. Ярцов отмечает, что для всех терминов, нуждавшихся в объяснениях, а именно: монеты, меры, весы, одежда и др. даются его объяснения в кратких заключениях при самих переводах. Также Я. Ярцов просил сообщить ему о возможности приобретения для правительства двух грамот – хана Тохтамыша и хана Саадат-Гирея [5, л. 11 об.].

Рассмотрев письмо Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора от 30 апреля 1840 г., а также 63 грамоты с переводами и с описью документов, ТПП решило направить эти документы в июле 1840 года в ТГДДС. Опись документов, присланных из Герольдии, также поступила в ТГДДС и сегодня хранится в деле. Всего опись насчитывает 52 позиции дел с указанием количества страниц в каждом [5, л. 15-16].

Что касается грамот Тохтамыша и Саадат-Гирея, то поскольку из описания документов было непонятно, кому именно они принадлежат, ТПП решило обратиться к ТГДДС, собрать сведения о принадлежности грамот и попросить согласия владельцев на передачу их правительству [5, л. 12].

Работа над документами началась в ТГДДС только в январе 1841 года, после получения из ТПП всех дел и наведения необходимых справок. Началась она с выяснения, кому именно принадлежат грамоты Тохтамыша и Саадат-Гирея, и согласны ли владельцы уступить их для правительства. С этой целью уездным руководителям дворянства (Симферопольскому и Ялтинскому, Феодосийскому, Евпаторийскому, Перекопскому, Днепровскому, Мелитопольскому) были направлены копии грамот и соответствующие обращения 31 января 1841 года [5, л. 17-22], так как уездные руководители дворянства на местах непосредственно были знакомы с «дворянами магометанских родов» [5, л. 26-27].

О том, какой интерес вызвало возвращение дел с документами и переводами в ТГДДС среди научной интеллигенции и общественности Таврической губернии, свидетельствует переписка между ТПП и ТГДДС в январе 1841 года [5, л. 23, 28]. Значительный интерес к документам проявил председатель Таврической казенной палаты, основатель и президент Одесского общества истории и древностей (ООИД), действительный статский советник Д. М. Княжевич. ООИД было создано в 1839 году и стало первым в России научным историческим обществом, целью которого был сбор, описание и сохранение всех древностей, касающихся Южной России.

Д. М. Княжевич обратился к Таврическому гражданскому губернатору с просьбой снять копии с некоторых документов и их переводов. В ТГДДС был направлен реестр из 15 позиций тех документов, из которых ООИД хотело иметь копии. Такие копии были Обществу представлены. Реестр из 15 позиций документов, из которых ООИД пожелало иметь копии: «1. Количество татарского духовенства в Крыму в 1798 г. (тетрадь в четверку на русском языке); 2. № 31 – черновая опись пространства земли под садами в деревне Тобечек; 3. № 4 – Султана Абдул Хамида фирман; 4. № 9 – Султана Мухамеда Первого; 5. Копия с милостивого фирмана, данного Баттал-паше; 6. Копия с милостивого фирмана ему же на управление Трапезондскою областью; 7.

Жалоба жителей деревни Донуйчи; 8. Фирман султана Мухаммеда о коменданте крепости Азу; 9. № 7 – Султана Мустафы фирман о разорении Молдавии буджакскими татарами; 10. № 3 – ярлык Сагиб Гирей хана; 11. № 5 – ярлык Мухаммед Гирей хана; 12. № 7 – ярлык Девлет Гирей хана; 13. № 8 – ярлык Мухаммед Гирей хана; 14. № 15 – ярлык Шагин Гирей хана; 15. Копия с письма графа Нессельроде с примечаниями о происхождении актов...» [5, л. 24-25].

Таврический гражданский губернатор также дал распоряжение, чтобы документы, заинтересовавшие ООИД, а также те ханские грамоты и ярлыки, которые имеют древнее происхождение и относятся к истории Крыма, были напечатаны в приложении к «Губернским ведомостям», имея в виду документы, содержащиеся в списке Одесского общества №№ 3-6, 8-14 [5, л. 25].

Несмотря на интерес со стороны научных кругов и общественности, в мае 1841 года в делах ТГДДС не появилось документов, свидетельствующих о сдвигах в вопросе о владельцах двух древнейших ярлыков. Очевидно, именно с этим связано решение ТГДДС повторно 30 мая 1841 года обратиться к уездным предводителям дворянства для выяснения принадлежности ярлыков [5, л. 29].

После повторного обращения ТГДДС к уездным предводителям дворянства становится понятным, почему довольно длительное время не было ответа с мест. ТГДДС в первых числах июня получило уведомления от Евпаторийского и Феодосийского уездных предводителей дворянства, в которых они сообщили, что не получили копии грамоты Тохтамыша и обратились с просьбой в ближайшее время выслать им копию грамоты на «татарском языке» [5, л. 30-32, 38]. Симферопольский и Ялтинский предводитель дворянства сообщил Собранию письмом от 9 июня 1841 г., что ведется переписка с известными мурзами о принадлежности грамот, и он проинформирует Собрание о результатах [5, л. 34].

Работа по выяснению принадлежности грамот и переписка между Собранием и предводителями уездного дворянства продолжалась до января – февраля 1842 года. Уезды информировали Собрание о проводимой работе. Например, предводитель дворянства Мелитопольского уезда сообщал, что большая территория уезда, а также отсутствие в это время (летом) на местах многих жителей из магометанских родов не дает возможности собрать достоверную информацию, потому он будет выяснять эти вопросы через земский суд [5, л. 36].

Что касается Днепровского уезда, то предводитель сообщил Собранию, что работа проводится через пристава 2-го стана Днепровского уезда, в котором на учете и находятся татарские села, но пока информации относительно владельцев грамот не получено [5, л. 39].

Ни один из уездов не предоставил информации о владельцах грамот [5, л. 41, 43, 45, 47, 49]. И только в конце января 1842 года от Симферопольского и Ялтинского окружного предводителя дворянства были получены данные по этому вопросу. Вследствие информирования дворян мусульманских родов о грамотах, губернский секретарь Али бей Булгаков 14 января 1842 года сообщил о том,

что, будучи поверенным в делах своего отца коллежского регистратора Меметчи мурзы Булгакова и обладая знанием арабского и русского языка, после получения уведомления о грамотах, обратился в Дворянское Собрание. Изучая грамоты, Али бей Булгаков пришел к выводу, что грамота Тохтамышпа на имя Хаджи Бека принадлежит роду его матери – «Девлет-султан-ханым, дочери статского советника и кавалера князя Мегметчи-бея, сына трехбунчужного паши Абдувели-бея, обладателя Кокозской долины, убитого татарами при присоединении Крыма к Российской державе, за предложение войску в его команде состоявшему покориться... без сопротивления» [5, л. 57, 63].

Что касается денежной компенсации за грамоту, то Али бей Булгаков обратился к матери с просьбой отдать грамоту государству без денежной компенсации в связи с тем, что российское государство воспитывало его «за счет казны» в корпусе Дворянского полка. Предводитель дворянства, поинтересовавшись историей рода Али бея, сообщил, «что владение Кокозами и существование сей древней фамилии Хаджи-Бека подтверждается надписями на татарском языке на построенном при доме фонтане». Владельцев грамоты Саадат-Гирея Симферопольский и Ялтинский окружной предводитель дворянства не выявил [5, л. 62].

После получения в январе 1842 года сведений о владельце грамоты Тохтамышпа больше никаких известий по этому вопросу в канцелярию Собрания не поступало. Поэтому ТГДДС еще раз решило обратиться к Симферопольскому и Ялтинскому окружному и Днепровскому уездному предводителям дворянства с просьбой проверить информацию о принадлежности грамот [5, л. 51]. На свой запрос Собрание в конце июня 1842 года получило ответ от Симферопольского и Ялтинского, а также Днепровского предводителей дворянства, что никто из татарских мурз не признал этих грамот своими [5, л. 52, 55, 58].

В конце сентября 1842 года состоялось заседание ТГДДС, на котором было заслушано дело об определении принадлежности татарских документов, которые необходимо было приобрести для правительства. Собрание было проинформировано, что никто из татарских мурз Феодосийского, Евпаторийского, Перекопского, Днепровского, Мелитопольского уездов не признал грамот собственными. Только Симферопольский и Ялтинский окружной предводитель дворянства получил информацию, что грамота Тохтамышпа принадлежит к роду матери Али бея Булгакова, правнука трехбунчужного паши Абдувели бея, владельца Кокозской долины; семья также согласна передать грамоту правительству без компенсации. Владельца грамоты Саадат-Гирея не обнаружено. Поэтому Собрание приняло решение передать обе грамоты в Таврическое губернское правление [5, л. 59-61].

Решение было выполнено 20 октября 1842 года, о чем свидетельствует расписка секретаря Таврического губернского правления ТГДДС в том, что грамоты Тохтамышпа и Саадат-Гирея были переданы в ТГП [5, л. 66].

Окончательно дело «О переводе с татарского языка...» была завершено 1 мая 1845 года, о чем свидетельствует доклад секретаря ТГДДС. Но, кроме заключения

об окончании дела по переводу 63 татарских документов и приобретения для правительства грамот Тохтамышша и Саадат-Гирея, в деле присутствуют еще две описи. Первая опись на 3-х листах содержит «Свидетельства Таврической области от беев и мурз, служивших при дворе крымских ханов» – 61 свидетельство [5, л. 72, 77-79]. Вторая – опись документов крымских беев и мурз, насчитывает 60 позиций, хотя документов, как неоднократно упоминалось в переписке ТГДДС, было 63 [5, л. 73-76]. Следует отметить, что в деле 206 также существуют разногласия между описью дел, содержащейся в указе Герольдии, и описанием дел, полученных ТГП [2, л. 1-21].

Также в деле имеются 3 копии грамот: копия грамоты Тохтамышша (выполнена первым драгоманом Я. Ярцовым, с копии списывал канцелярский служащий ТГДДС Ибрагим бей Булгаков) [5, л. 63, 71], перевод с ярлыка Тохтамышша на двух листах, выполненный Я. Ярцовым [5, л. 64, 70], перевод с ярлыка Саадат-Гирея, также выполненный Я. Ярцовым [5, л. 65, 69].

Таким образом, дело о переводе татарских документов была завершено, но касалось это только тех документов, которые были представлены мусульманской знатью в Дворянские собрания в конце XVIII – начале XIX веков, то есть сразу после принятия указов Екатерины II о привилегиях российского дворянства. Дела на получение дворянского звания в ТГДДС пополнялись документами, требующими переводов, вплоть до 30-40-х гг. XIX в.

Дело о переводе татарских документов в ТГДДС демонстрирует, каким длительным был путь к получению дворянского звания для татарской знати. Не всегда канцелярия срабатывала оперативно, документы иногда терялись, и не всегда администрация на местах была заинтересована в скорейшем решении этих вопросов.

Что касается грамоты Тохтамышша, то впервые она была опубликована в журнале Министерства народного просвещения в 1840 году, где был помещен первый ее перевод, выполненный Я. Ярцовым [7].

В 1844 году были опубликованы обе грамоты (Тохтамышша и Саадат-Гирея) в первом номере «Записок Одесского общества истории и древностей» с транскрипциями и новыми переводами Я. Ярцова и комментариями В. Григорьева [8]. В частности, В. Григорьев указывал, что «акты представлены различными крымскими владельцами в доказательство законности владения принадлежащими им землями и угодьями». Снимок первого ярлыка для публикации был предоставлен Обществу корреспондентом А. Борзенко, снимок второго ярлыка самим В. Григорьевым [8, с. 338].

В 1851 году ярлыки Тохтамышша и Саадат-Гирея были переизданы И. Березиным, поскольку, по его мнению, в издании ООИД были допущены ошибки. Ученый отмечал важность ярлыка Тохтамышша для истории монголов и Золотой Орды как наиболее древнего из тюркских ярлыков, известных в оригинале.

Несмотря на то, что прошло достаточно немного времени (всего 6 лет), как за-

кончилось дело по установлению владельца ярлыка Тохтамышша, И. Березин, очевидно, ничего не знал об этом факте. Публикуя ярлык, он отметил, что тот принадлежит какому-то крымскому владельцу. Таким образом, имя Али бея Булгакова и его семьи сохранилось только на страницах архивных документов ТГДДС [9, с. 11]. Что касается ярлыка Саадат-Гирея, то И. Березин отмечает, что он имеет одинаковое происхождение с ярлыком Тохтамышша [9, с. 15]. В дальнейшем публикация ярлыков Тохтамышша и Саадат-Гирея дала новый толчок для исследования истории монголов, внутреннего устройства Золотой Орды и Крымского ханства [10-12; 13, с. 905].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1830. Т. 22.
2. ГАРК. Ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание. Оп. 1. Д. 206. О рассмотрении документов на доказательство дворянства татарских помещиков, присланных из Новороссийского губернского правления. 1807-1837 гг.
3. *Маврина О. С.* Щодо процедури розгляду документів татарської знаті в Таврійському Дворянському Депутатському Зібранні // Сходознавство. Київ, 2011. № 53-54.
4. ГАРК. Ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание. Оп. 1. Д. 114. О переводе дворянских документов в связи с разделением Новороссийской губернии в Таврическое дворянское собрание. Списки и родословные дворян. 1804 г.
5. ГАРК. Ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание. Оп. 1. Д. 1436. О переводе с татарского языка документов о дворянском достоинстве баев и мурз, служивших при дворе Крымских ханов до присоединения Крымского полуострова к России. 1838-1845 гг.
6. ГАРК. Ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание. Оп. 1. Д. 1479. О выдаче разрешения на допуск чиновника штата канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора к пересмотру татарских документов. 1839-1841 гг.
7. *Мурзакевич Н.* Письменные памятники Тохтамышш-хана // ЖМНП. СПб., 1840. Ч. 27.
8. *Григорьев В.* Ярлыки Тохтамышша и Сеадет-Герая // ЗООИД. 1844. Т. I.
9. *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея, с введением, переписью, переводом и примечаниями. Казань, 1851.
10. *Березин И.* Внутреннее устройство Золотой орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850.
11. *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1863.
12. *Лашков Ф. Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1894. № 21.
13. История татар с древнейших времен: в 7 т. Казань, 2009. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв.

Маврина О. С.

Перевод документов мусульманской знати в Таврическом Дворянском Депутатском Собрании в первой половине XIX века: трудности и открытия

Резюме

На основе документов фонда Таврического Дворянского Депутатского Собрания проанализирована деятельность Собрания в делах перевода документов мусульманской знати на русский язык, предоставлявшихся для получения дворянского звания. Материалы дают представление о грамотах и ярлыках крымских ханов и турецких султанов, поданных в канцелярию Собрания, трудностях, с которыми столкнулось правительство в деле их перевода, а также проливают свет на происхождение и принадлежность известных ярлыков Тохтамыша и Саадат-Гирея.

Mavrina O. S.

The translation of documents Muslim elite in the Tauride Nobility Assembly of Deputies in the second half of the XIX century: the difficulties and discoveries

Summary

On the basis of the fund documents Taurian Nobility Assembly of Deputies reviewed the activities of the Assembly in the affairs of the translation of documents Muslim elite in the Russian language, which provided for noble titles. The documents give an idea of firmans and yarlyks of the Crimean khans and Turkish sultans, submitted to the Office of the Assembly, the difficulties faced by the Government in their translation, as well as shed light on the origin and ownership of the well-known yarlyks Tokhtamysh and Saadat Giray.

Д. В. КОНКИН

ПРОЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВАКУФАМИ В КРЫМУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вакуф – неотчуждаемое имущество, вид мусульманской благотворительности, в результате которого учредитель вакуфа навечно передавал свою бесспорную собственность на определенные, как правило, религиозные цели [1, с. 45; 2, с. 390, 391; 3, с. 485, 486].

Традиционно исследователи выделяют две основные разновидности вакуфа. Это так называемый *wakf khayrī*, в российское имперское законодательство вошедший под названием «духовный вакуф», и *wakf ahlī* – в российских законах он стал называться «частным» вакуфом. Духовный вакуф полностью контролировался мусульманским духовенством, которое осуществляло наблюдение за добросовестным соблюдением условий посвящения вакуфа. Частный вакуф – продукт влияния местного права на шариат, суть которого состояла в формальной передаче имущества на благотворительные цели. На самом деле, доходы, извлекаемые из такого имущества, почти в полном объеме оставались в роде посвяtitеля.

Целью статьи является реконструкция общественно-политических взглядов на проблему реформирования управления вакуфными имуществами в Крыму в начале XX в. Для достижения цели необходимо рассмотреть различные точки зрения заинтересованных сторон на указанную проблему, проследить и оценить правительственные действия, направленные на изучение и решение вакуфного вопроса, а также проанализировать предложенные проекты по преобразованию данного института. Актуальность настоящей работы обусловлена, прежде всего, остротой современной ситуации в сфере земельных отношений в Крыму и все возрастающей ролью религии и религиозных организаций в жизни общества¹.

Отдельные эпизоды, связанные с проблемой вакуфов в Крыму в конце XIX – начале XX вв., изучались и упоминались некоторыми современными исследователями. Так, различные моменты общественно-политической жизни крымских татар,

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить М. А. Араджиони (г. Симферополь) за оказанную помощь в процессе подготовки окончательного варианта статьи.

включая и вопросы преобразования вакуфного управления, рассматривались в работах В. Ю. Ганкевича [4, с. 106-107; 5, с. 38-40], а также в совместных монографиях В.Ю. Ганкевича и С. П. Шендриковой [6], А. В. Тимощука и П. Е. Тарана [7, с. 84-94, 102-104, 114-115]. Обзор публикаций о вакуфах на страницах газеты «Переводчик-Терджиман» был проведен З. З. Абдуллаевой [8]. Позиции И. Гаспринского на будущее вакуфов, в контексте происходивших в начале XX в. эмиграционных процессов среди крымских татар, касалась в своей статье Д. И. Абибуллаева [9]. Тем не менее, целенаправленно данная тема не освещалась в отечественной науке, поэтому представленная публикация позволит отчасти заполнить имеющийся пробел.

Как известно, вакуфы в Крыму получили повсеместное распространение в период Крымского ханства. После 1783 г. этот мусульманский институт был сохранен на территории полуострова и позднее получил законодательное оформление в российских юридических кодексах. К концу XIX в. управление вакуфами было сосредоточено в учрежденной в 1885 г. «Особой Комиссии о вакуфах» (далее – ОКоВ), находившейся в подчинении Министерства внутренних дел Российской империи (далее – МВД). Комиссия изначально имела временный статус (3 года), но в силу различных причин продолжала действовать и в XX в.

В общих чертах структура вакуфных владений в Крыму и механизм по их эксплуатации в конце XIX в. выглядели следующим образом.

Частные вакуфы продолжали находиться в пользовании тех крымскотатарских родов, за которыми они были закреплены в момент их учреждения. ОКоВ, после завершения работы по учету данного вида имущества и определению его статуса, стала выполнять в отношении частных вакуфов исключительно надзорные функции, контролируя, чтобы они, в случае полного пресечения рода – пользователя вакуфом, не переходили в посторонние руки, а поступали в распоряжения казны, как это было предусмотрено российским законодательством [10, с. 451].

Более широкие полномочия ОКоВ имела в отношении **духовных вакуфов**.

Духовновакуфные имущества Крыма в конце XIX в. состояли из объектов недвижимости и капиталов. Все они делились на две большие группы: 1) принадлежавшие действующим мусульманским учреждениям (мечетям, мектебе, медресе) – т.н. «существующие мусульманские установления»; 2) принадлежавшие мусульманским учреждениям, прекратившим свое функционирование (т.н. «упраздненные мусульманские установления»).

К объектам недвижимости относились вакуфные земли, в большинстве своем находившиеся в сельской местности, и различного рода городские постройки – торговые лавки, общественные фонтаны и т.п.

Вакуфы действующих мечетей, учебных заведений, находились в непосредственном управлении соответствующего мусульманского духовенства этих учреждений. Надзорно-хозяйственной деятельностью в отношении вакуфных имуществ и функциями по распределению доходов от них занималось специально назначенное лицо – мутевелли [11]. Как правило, мутевелли становился духовный глава уч-

реждения, в пользу которого был завещан вакуф, или же человек, получивший положительную рекомендацию мусульманского духовенства конкретного прихода, за которым был закреплен вакуф. Должность мутевелли не была зафиксирована официально в российском законодательстве, но неофициальные правила, связанные с этой традицией, неизменно выполнялись практически. Мечетские служители могли напрямую пользоваться вакуфами (например, самостоятельно возделывать землю, ухаживать за садом, собирая ежегодный урожай), в противном случае вакуфное имущество передавалось в аренду посторонним лицам, с тем, чтобы вырученные деньги использовались согласно предназначению вакуфа. Срок аренды не должен был превышать 3-х лет, а условия арендного договора должны были согласовываться в ОКоВ [12, п. 2; 13, с. 2]. Духовные лица несли ответственность за уплату всех необходимых налогов и сборов, выпадавших на закрепленный за ними вакуф [12, п. 3; 13, с. 3].

На вакуфных землях действовавших мечетей могли быть поселены по соглашению сторон безземельные крымские татары. В этом случае крестьяне несли повинности в пользу духовенства в виде доли урожая или определенной платы за пользование выгонами для домашних животных [12, п. 7; 13, с. 5]. Размер таких повинностей определялся частным образом на добровольной основе, и, как правило, не был большим, поскольку крымские татары, поселенные на вакуфной земле, являлись прихожанами той же мечети, в пользу которой данный вакуф был завещан. Следовательно, как часть местной общины такие поселенцы могли оказывать прямое воздействие на решения духовенства своего прихода и ограничивать возможное завышение платы за пользование вакуфной землей.

Вакуфная недвижимость «упраздненных мусульманских установлений» находилась в прямом подчинении ОКоВ. В обязанность Комиссии входила задача ежегодного извлечения из этого имущества максимально возможного дохода, который пополнял денежный фонд упраздненных мечетей [12, п. 10; 13, с. 7]. Выполнялась данная задача путем передачи земель и другой вакуфной недвижимости в арендное содержание третьим лицам (без различия их вероисповедания и национальности). Арендатор определялся с помощью прозрачных открытых торгов, процедура которых была тщательно выписана. Срок арендного договора, как правило, ограничивался 3 годами, с возможностью его продления при взаимной заинтересованности участников сделки.

Если вакуфы «упраздненных мусульманских установлений» передавались в аренду безземельным крымским татарам, то процедура торгов могла не проводиться [12, п. 10; 13, с. 7-8]. Срок аренды в таком случае так же составлял 3 года, но с правом продления на 12 лет, а арендная плата насчитывала минимальную сумму от 1,5 до 3 рублей [14, л. 4].

Все доходы, полученные в результате эксплуатации вакуфной недвижимости мусульманских учреждений, прекративших свое функционирование, Комиссия в обязательном порядке направляла на счет особого депозита, хранившегося в Таврическом губернском казначействе [12, п. 14; 13, с. 9-10].

Этот денежный фонд постоянно пополнялся, и из него производились различного рода выплаты как на текущие нужды мусульманской общины Крыма, так напрямую и не связанные с благотворительными расходами. Например, из этого фонда финансировалось содержание самой «Особой Комиссии о вакуфах» Таврического магометанского духовного правления (далее – ТМДП). Все свободные от текущих расходов капиталы фонда «упраздненных мусульманских установлений» обращались ОКоВ в государственные процентные бумаги или же размещались в государственных кредитных учреждениях, что способствовало их стабильному наращиванию и гарантировало от неприятностей, свойственных частным финансовым структурам.

Еще один депозит Комиссии, хранившийся в губернском казначействе, состоял из капиталов «существующих мусульманских установлений». Они также обращались в государственные процентные бумаги. Функции ОКоВ в отношении этих средств ограничивались ежегодным распределением начисляемых процентов соответствующему мусульманскому учреждению («по принадлежности») [12, п. 9; 13, с. 6-7].

Благодаря активной деятельности Комиссии по управлению вакуфным имуществом общий вакуфный капитал постоянно и достаточно быстро увеличивался и к 22 августа 1900 года насчитывал 461 195 руб. 50 коп. [14, л. 34]. Отметим, что вакуфные капиталы, переданные в 1886 году в распоряжение ОКоВ, составляли всего 71 888 руб. 89 коп. [15, л. 872].

Несмотря на внешнюю успешность Комиссии в выполнении задач по учету и администрированию вакуфного имущества, внутри крымского социума (причем не только мусульманской его части) работа ОКоВ давно уже подвергалась настойчивой критике. Раздражало местных общественных активистов, прежде всего, то обстоятельство, что ОКоВ значительную часть средств, получаемых от эксплуатации вакуфов, накапливала на депозитах, вместо того, чтобы направить их на первоочередные, с их точки зрения, нужды крымскотатарского народа. Здесь высказывались различные точки зрения в отношении дальнейшей судьбы вакуфных имуществ. Причем происходивший обмен мнениями накладывался в наступавшем XX веке на такое драматическое событие, как новая эмиграционная волна крымских татар, отчетливо проявившаяся уже к началу 1901 года [16, с. 173]. Обсуждение причин начавшейся эмиграции, предложения по ее остановке стали лейтмотивом развернувшегося вакуфного дискурса.

Важным коммуникатором настроений местной городской «читающей публики» (с большим процентом аутентичности) являлась пресса. Различного рода вопросы, связанные с вакуфами, работой ОКоВ последовательно рассматривались в крымских периодических изданиях («Крымский вестник», «Переводчик-Терджиман», «Вестник Таврического земства», «Таврические губернские ведомости», «Южные записки», «Салгир», «Крым» и др.). Так, практически с первого номера бахчисарайской газеты «Переводчик-Терджиман» вакуфная тема стала объектом пристального внимания ее корреспондентов [8, с. 7-10]. Сам редактор-издатель газеты И. Гаспринский еще в 1890 г. высказывался за передачу управле-

ния духовными вакуфами в ТМДП, но при условии, «если предварительно само это Правление будет преобразовано и поставлено на уровень требований своих задач» [17]. Начиная с 1901 года, И. Гаспринский опубликовал ряд статей об активизировавшихся эмиграционных процессах на полуострове, которые, конечно, не могли его не волновать [9, с. 5-8]. Одной из причин эмиграции крымских татар И. Гаспринский называл неустроенность «вакуфного дела» в Крыму. Об этом он высказался в своем выступлении на дворянском собрании Таврической губернии, состоявшемся в январе 1903 года. В результате собранием единогласно была одобрена резолюция о мерах к пресечению эмиграции, в которой, между прочим, звучала просьба к императору «ускорить разрешение вакуфного дела, согласно шариата и современных нужд населения...» [18; цит. по: 9, с. 7-8].

Значительную часть своих «Крымских писем», публиковавшихся в начале XX в. в бакинской газете «Каспий», посвятил освещению вакуфной проблемы другой известный представитель крымскотатарского народа А. Медиев [19]. Так, он информировал своих читателей о предложениях таврических земских деятелей, общественных активистов использовать вакуфные земли, капиталы для решения первоочередных проблем крымских мусульман. Важнейшие из которых: обезземеливание и, как следствие, эмиграция крымских татар [19, с. 34], реформирование мусульманской образовательной системы [19, с. 31]. Сам А. Медиев предлагал часть вакуфных средств направить на профилактику туберкулеза среди крымских татар, особенно в мусульманских конфессиональных учебных заведениях [19, с. 12]. Весьма сочувственно относился А. Медиев к предложению таврических земцев расформировать «Вакуфную Комиссию» и переложить функции по управлению вакуфами на ТМДП [19, с. 47-49].

Необходимо отметить, что идея закрытия ОКоВ была актуальной и пользовалась популярностью в крымском сообществе, что также находило отражение в газетных публикациях. Например, в январском номере от 1902 г. севастопольского «Крымского вестника» указывалось, что ОКоВ уже выполнила свою задачу – составила «новую опись» крымским вакуфам. Новая же цель – передача вакуфов в арендное содержание безземельным крымским татарам – несоизмерима с расходами Комиссии, которые за 17 лет ее существования превысили уже 300 000 рублей [20].

В схожем духе оценивал ситуацию симферопольский корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» [21]. Он отмечал, что когда ОКоВ была учреждена, то крымские татары позитивно восприняли это события, надеясь, что в вакуфной сфере будет наведен порядок. В целом, задача Комиссии была выполнена еще в 1893 году, и дальнейшее ее существование, по мнению мусульман Крыма, являлось нецелесообразным. Также автор заметки сообщал о «недавно прошедшем в Симферополе» Таврическом губернском собрании, которое ходатайствовало о возврате вакуфного имущества «на первоначальные цели», то есть «на удовлетворение религиозных и образовательных нужд народа» [21]. Таким образом, существование Комиссии признавалось «излишним». Вместо нее собрание предлагало сосредоточить управление

вакуфами в особом органе при ТМДП, в составе авторитетных мусульманских духовных лиц, а также представителей таврического земства и дворян [21].

Присоединилось к критике ОКоВ и местное начальство. Например, новоназначенный в 1902 г. таврический губернатор В. Ф. Трепов (один из четырех сыновей петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, оставивших заметный след в истории Российской империи конца XIX – начала XX вв.) был возмущен, что Комиссия подчинена напрямую МВД, минуя местную администрацию («...единственное учреждение ведомства МВД, действующее в губернии, но не подчиненное местному губернатору...»). «Такая ситуация закрепляется на будущее время и в проекте учреждения в Симферополе «Управления духовными вакуфами Крыма». Это ненормально», – писал губернатор [14, л. 116]. И предлагал передать управление вакуфами в администрацию Таврической губернии [14, л. 117]. Как видно, критика его имела главным образом институциональный характер и отчасти перекликалась с критикой, высказанной в 1888 г. другим таврическим губернатором А. Н. Всеволожским, по поводу недостаточной степени координации действий Комиссии с местной администрацией [15, л. 133, 133 об., 136]. Содержательной части вакуфного вопроса (возврат к традиционному управлению имуществом), В. Ф. Трепов не касался, что и не удивительно, поскольку сложно было ожидать уступок в конфессиональной сфере от человека, известного своими крайне правыми убеждениями [22, с. 71-74]. Тем не менее, правые взгляды не помешали губернатору признать российское правительство ответственным за развернувшуюся эмиграцию крымских татар и, в частности, осудить тех чиновников Таврической губернии, которые поощряли данный процесс [9, с. 5].

Постоянными участниками обсуждения и проектирования управления вакуфными имуществами Крыма являлись общественные организации (земства, различного рода уездные комитеты, благотворительные фонды).

Так, неоднократно публично высказывался в отношении вакуфной проблемы известный российский специалист в агропромышленной отрасли [23, с. 911], а также активный член таврического земства М. В. Неручев [24; 25, с. 213; 26]. Он поддерживал идею правительства о наделении безземельных крымских татар участками из фонда вакуфов «упраздненных мусульманских учреждений». Но не останавливался на этом, а предлагал еще задействовать и капитал, образовавшийся от эксплуатации вакуфных земель (по его подсчетам, более 50 000 рублей ежегодно), который «мог бы послужить своего рода мелиоративным фондом или источником средств для ссуд хозяйственно-устройства татар» [24, с. 44-45].

Еще дальше в своих идеях пошел член «Евпаторийского уездного комитета о нуждах с/х промышленности» К. Н. Куломзин. В составленной им «Докладной записке» ярко и убедительно описывалось бедственное положение крымских татар. Главную причину такого состояния К. Н. Куломзин видел в обезземеливании народа. Следствием этого процесса стали крайняя нужда, массовая эмиграция, болезни и т.д. Поэтому, чтобы «спасти крымских татар от постепенного вымирания» необходима была, по мнению автора записки, «скорая помощь» в виде предоставления крестьян-

нам земли. В программе наделения земель крымских татар К. Н. Куломзин предлагал, помимо фонда вакуфных земель «упраздненных мусульманских учреждений», использовать и вакуфы действующих мечетей и мусульманских училищ, которых только в Евпаторийском уезде насчитывалось 34 000 дес. [27, с. 5]. При этом автор не беспокоился, что такое использование вакуфных земель являлось бы нарушением мусульманских традиций и правил шариата. Эти осложнения К. Н. Куломзин считал «предрассудком», раздуваемым самим мусульманским духовенством. «...В пользовании этими (т.е. вакуфными – Д.К.) землями само духовенство давно уже уклонилось от требований шариата, на который оно так часто любит ссылаться», – считал земец [27, с. 5]. Вакуфный капитал К. Н. Куломзин предлагал направить на покупку земель для нуждающихся крымских татар [27, с. 5].

Близкие предложения поступили и от «Перекопского уездного комитета о нуждах с/х промышленности» [28; цит. по: 19, с. 33-34]. В частности, по сообщению А. Медиева, член этого комитета М. Джемилев для «регрессирования эмиграции» безземельных крымских татар считал необходимым наделить их «вакуфными землями упраздненных мечетей», а также снабдить средствами из вакуфных капиталов [29; цит. по: 19, с. 15].

В 1901 году в Таврическое губернское земство обратились крымскотатарские крестьяне и духовенство (всего 93 человека) с прошением ходатайствовать о скорейшем наделении безземельных татар вакуфными землями [30; цит. по: 19, с. 45-49]. Причем добивались рядовые жители права безвозмездного пользования вакуфами, что противоречило замыслам МВД и его структурного подразделения – Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее – ДДДИИ). Земство откликнулось на прошение и выступило с ходатайством перед министром внутренних дел и Комитетом министров об удовлетворении просьбы 93-х крымских мусульман. Также Таврическая губернская земская управа предложила упразднить «Вакуфную Комиссию», а сами крымские вакуфы передать в «Особое управление» при ТМДП, где председателем должен быть муфтий, а состав учреждения сформировать из представителей таврического дворянства, губернского земства, министерства внутренних дел, кадиаскера, уездных кадиев, а также назначенного правительством юрисконсульта [30; цит. по: 19, с. 48-49]. Аналогичные предложения были в феврале 1902 г. направлены и Таврическому губернатору [14, л. 152].

Таким образом, в обсуждении вакуфной проблематики был задействован широкий спектр крымского сообщества. Эта тема волновала и местную администрацию, и таврическое дворянство, и таврическое земство, и рядовое население. Причем все участники процесса сходились в одном параметре – необходимости упразднить или кардинальным образом реорганизовать ОКоВ, для того чтобы допустить к управлению вакуфами представителей местной общественности и власти. Особенно активную позицию в этом вопросе занимали прогрессивные крымскотатарские деятели.

На столь энергичную дискуссию и многочисленные реплики в свой адрес имперское правительство не могло не реагировать. И параллельно со всей развернувшейся

в начале XX в. «вакуфной» критикой, его структуры стали последовательно заниматься выработкой проекта преобразований в данной сфере. Однако ведомственные планы в отношении вакуфов серьезно расходились с общественным мнением.

Восстановим последовательность правительственных действий, направленных на преобразования в вакуфной сфере в рассматриваемый период.

В 1900 г. по предложению министра внутренних дел в Крым с целью инспекции делопроизводства ОКоВ отправился лично директор ДДЦИИ тайный советник А.Н. Масолов. Свои впечатления от поездки он изложил в итоговом рапорте. В целом, высокопоставленный чиновник положительно оценил результаты деятельности Комиссии. В частности, А. Н. Масолов отметил, что «...Вакуфная Комиссия представляется образцовым учреждением не только в отношении внешнего благоустройства и порядка делопроизводства, но и в смысле разумного, стройного ведения порученного ей дела. Вследствие этого ее благотворное влияние распространяется на все магометанское духовенство и отчасти на все мусульманское население Крыма, поставленного в экономическую от нее зависимость» [14, л. 15 об.]. Свою первоначальную цель – выявление, систематизация и обмежевание вакуфов, по мнению директора ДДЦИИ, Комиссия выполнила и теперь сосредоточила свои усилия на улучшении быта безземельных крымских татар путем предоставления им в долгосрочную аренду вакуфных земель [14, л. 15 об., 20].

Но именно в выполнении этой, следующей уже для Комиссии задачи, одобренной императором Николаем II, чиновник прогнозировал наступление неминуемых проблем. Суть их сводилась к ограниченности земельных ресурсов, предназначенных для предоставления безземельным крымским татарам. Дело в том, что, как говорилось выше, в прямом распоряжении ОКоВ находились только вакуфные земли упраздненных мусульманских учреждений (по данным А. Н. Масолова – около 28 000 десятин). Значительная часть их уже была роздана нуждающимся, что имело «большой экономический эффект» [14, л. 16 об.]. Учитывая поддержку правительством данного проекта, он активно продвигался, и объем свободных земель указанной категории быстро сокращался. Таким образом, в резерве оставалась только вакуфная земля «существующих установлений» (еще около 60 000 десятин), которая находилась в распоряжении мусульманского духовенства. Это обстоятельство не могло остаться без внимания имперского правительства.

Необходимо заметить, что к этому моменту в чиновничьих кабинетах Санкт-Петербурга окончательно утвердилась идея, что мусульманское духовенство Крыма несостоятельно в качестве распорядителя вакуфными имуществами. По характеристике сотрудников ДДЦИИ мусульманские духовные лица «...ищут исключительно материальную выгоду и не идут навстречу планам правительства об обеспечении безземельных татар землей... Стесняют их землепользование и обездоливают их», проявляют «корыстность и полную беспорядочность в пользовании вакуфами...» [14, л. 75].

Подобной точки зрения придерживался и А. Н. Масолов как глава ведомства. «Даже если «Особая Комиссия о вакуфах» их (т.е. мусульманского духовенства –

Д.К.) земли сдаст в аренду за цену чуть больше двух рублей (а это мало для Крыма), то получит доход в 2 раза больший, чем получает сейчас духовенство», – писал он в своем рапорте [14, л. 20]. Вырученные таким образом дополнительные средства, по мнению А. Н. Масолова, можно было пустить на увеличение содержания ТМДП, на введение во всех медресе и части мектебе преподавания русского языка, на хозяйственные мероприятия (рытье колодцев, обсадку деревьями вакуфных поселений в степи), и, наконец, на покупку земли для безземельных крымских татар [14, с. 22 об.].

В связи с этим директор ДДДИИ изложил свои идеи председателю ОКоВ В. П. Ласковскому (возглавлял Комиссию с 1894 г. [32, л. 1-1 об.]) и поручил ему разработать проект управления вакуфными имуществами, способствующий увеличению эффективности их эксплуатации.

Вполне понятно, что получив предписание от начальства с прозрачным намеком, в каком ключе необходимо решать проблему повышения экономической отдачи от вакуфных имуществ, В. П. Ласковский быстро разработал соответствующий документ. Проект «Положения об управлении духовными вакуфами в Крыму» В.П. Ласковского [14, лл. 52-57] подтверждал правительственную фикцию о том, что духовные вакуфы – неприкосновенная собственность мусульманского духовенства Крыма (§3). Но при этом, предусматривалось изъятие у мусульманского духовенства функций по непосредственному распоряжению вакуфной недвижимостью в пользу особого созданного «Управления духовными вакуфами Крыма» (по сути – преобразованная ОКоВ), в прямом подчинении которого, таким образом, сосредотачивались все духовно-вакуфные имущества полуострова (§4). Управление должно было располагаться в Симферополе и находиться в структуре МВД (§4). Духовенству планировалось перечислять исключительно доходы, извлекаемые Управлением «по правилам благоустроенного хозяйственного учреждения» из соответствующих вакуфов. Вырученные средства затем расходовались согласно их предназначению (§§ 6, 12). За эти услуги по администрированию Управление удерживало 10% от заработанных денег (§13) [14, л. 54]. Так же предусматривались другие изъятия на различного рода хозяйственные цели, содержание ТМДП и Управления, а также налоги (§§ 12, 17).

Данный документ был «подробно рассмотрен» таврическим губернатором П. М. Лазаревым (находился на данном посту с 30.12.1889 г. по 19.12.1901 г.) и директором ДДДИИ (по-видимому, когда последний еще находился в Крыму) и нашел полную их поддержку. «...Мы единогласно пришли к заключению, что при таких условиях не может возникнуть никаких усложнений со стороны магометанского духовенства, а если возникнут, то ввиду настроения массы населения... не может иметь никакого значения и не должно останавливать столь полезного дела», – отмечал А. Н. Масолов [14, л. 21].

Далее проект «Положения об управлении духовными вакуфами в Крыму» был направлен для оценки и согласования в министерство финансов, министерство юстиции и в службу Государственного Контроля Российской империи. В течение 1901-1902 гг. в этих властных структурах документ был рассмотрен. У каждого ве-

домства нашли свои замечания, но касались они, главным образом, частных. Например, министр финансов С. Ю. Витте считал завышенными классы должностей и оклады чиновников будущего «Управления духовными вакуфами», в то же время не возражал против повышения окладов в ТМДП, хотя и «значительно увеличенных против норм... других магометанских управлений» [14, л. 119 об.]. Службу Государственного Контроля удивили «метаморфозы» в планах МВД в отношении вакуфов. Если еще в 1894 г. министерство планировало изъять вакуфы в пользу правительства с выдачей соответствующей компенсации мусульманскому духовенству, то в предложенном проекте уже поддерживался тезис о духовных вакуфах как неприкосновенной собственности духовенства [14, лл. 120-123 об.]. Министерство юстиции также откликнулось на проект своими предложениями, которые, несмотря на то, что получились наиболее пространными, не содержали решительных возражений по существу вопроса [14, лл. 124-132 об.].

В целом же подготовленный В. П. Ласковским документ в своих главных принципах нашел поддержку профильных государственных структур: «...означенные ведомства не имеют вообще возражений против главных оснований указанного проекта...», – отмечалось в заключении министерства внутренних дел [14, л. 135 об.].

Тем неожиданнее была итоговая резолюция (от 18 ноября 1902 г.) министра внутренних дел В. К. Плеве, в которой высокопоставленный чиновник признал «устройство вакуфного управления слишком сложным и дорогим», потребовал «упростить его» и связать с общегубернской системой власти путем предоставления губернатору больших возможностей в сфере управления и распоряжения вакуфами [14, л. 135]². В резолюции были выделены пять главных принципов, исходя из которых, предполагалось осуществлять управление вакуфами в Крыму:

1) вакуфы – неприкосновенная собственность мусульманского духовенства Крыма;

2) хозяйственное управление духовными вакуфами осуществляется особым учреждением, через посредничество которого духовенство получает предназначенную ему часть доходов;

3) безземельные крымские татары имеют преимущественное право арендовать вакуфные земли (в этом случае аренда – долгосрочная, проводится без торгов и не предусматривает залогов);

4) все эксплуатационные и др. расходы по обслуживанию вакуфов, а также содержание ТМДП производятся за счет доходов вакуфных имуществ и капиталов;

5) порядок управления вакуфными землями устанавливается «применительно к правилам о порядке управления и пользования казенными землями и оброчными статьями...» [14, лл. 135, 135 об.].

2 декабря 1902 г. проект В. П. Ласковского вместе с предложениями министра внутренних дел был возвращен в Крым для внесения соответствующих изменений

² Т.е. то, на чем настаивал таврический губернатор В. Ф. Трепов.

[14, л.154]. ОКоВ работала над новой редакцией проекта почти год и 6 октября 1903 г. направила в столицу в ДДДИИ очередной, кардинально переработанный вариант «Положения об управлении духовными вакуфами в Крыму» [14, лл. 154-159 об.]. Изменения касались не только пожеланий министра внутренних дел (так, например, хотя духовные вакуфы и оставались под общим надзором МВД, но оперативное управление этими имуществами сосредотачивалось в «Особом отделении» при Таврическом губернском присутствии (ст.6)), но были также учтены и замечания министерства финансов, министерства юстиции и Государственного Контроля. 1 декабря 1903 года обновленный и одобренный столичным начальством проект был отправлен таврическому губернатору В. Ф. Трепову «для местного обсуждения» [14, л. 198; 33, л. 1].

Как мы видели, в Крыму вопрос о дальнейшей судьбе ОКоВ и новых правилах управления вакуфами, уже давно и активно обсуждался местной общественностью. Однако предметно, с участием губернской администрации, этот вопрос был рассмотрен только в 1904 г. в рамках особой Комиссии «по татарскому вопросу», учрежденной в Симферополе под председательством таврического губернатора [30, цит. по: 19, с. 43; 34, цит. по: 19, с. 58]. Но, по-видимому, слишком противоречив был предмет обсуждения, слишком много мнений высказывалось по этому поводу, из-за чего в 1904 г. консенсуса найти не удалось, и ответ губернатора с оценкой проекта управления вакуфами так и не был отправлен в ДДДИИ.

Зато в самом начале января 1905 г. уже в Санкт-Петербурге на заседании Комитета министров была обсуждена записка главы МВД П. Д. Святополка-Мирского, составленная по мотивам ходатайства таврического земства, о возможности предоставления безземельным крымским татарам права безвозмездного пользования вакуфами и передаче их управления в особый орган при ТМДП [14, л. 195, 195 об.; 31, цит. по: 19, с. 59]. В вопросе безвозмездного пользования Комитет министров согласился с мнением министра внутренних дел о том, что предоставление такого права «близко подходит к дарению», и «едва ли оправдано», учитывая особый религиозный статус вакуфа и связанные с этим ограничения [14, л.195, 195 об.]. Доводы же земства, подкреплявшие ходатайство, о том, что существующий порядок пользования вакуфными землями не соответствует мусульманской традиции и идет в разрез завещаниям учредителей, были признаны ошибочными и голословными [31; цит. по: 19, с. 59]. По поводу реорганизации управления вакуфами было отмечено, что ОКоВ уже подготовила соответствующий проект, который должен быть представлен императору на утверждение. Причины, которые задерживали рассмотрение проекта, будут «незамедлительно устранены» [14, л.195 об.].

В 1905 г. сложностей в рассмотрении вакуфного вопроса добавили январские события в Санкт-Петербурге. В результате начавшейся революции имперская власть была вынуждена пойти на ряд демократических уступок для своих подданных, в том числе в конфессиональной и национальной сферах. У крымскотатарского народа появилась надежда на положительное решение ряда проблем. В Крыму максимально активизировались национальные общественные деятели, которые получили

возможность публично заявить о тяжелом положении местных мусульман, и, самое главное, возможность быть выслушанными властью.

Проблем и требований в Крыму накопилось столь много, что, конечно, вакуфная тематика не стала среди них главной или единственной. Так, из 18 (17?) просительных пунктов петиции к российскому правительству, составленных в апреле 1905 г. по результатам съезда представителей крымскотатарского народа, только 2 были посвящены вакуфам [35; см. также: 7, с. 84-85; 36; 6, с. 44-46]. Также вакуфы стали важной (но не основной) частью другого интересного документа – прошения мусульманского духовенства, дворянства и др. сословий Крыма к председателю Совета министров С. Ю. Витте [37, лл. 1, 1 об.]. Прощение это появилось по инициативе таврического муфтия А. Карашайского и выражало позицию консервативной части мусульман полуострова, шедшую вразрез с тезисами апрельской петиции съезда представителей крымских татар [6, с. 47-49].

Таким образом, весомость проблемы оставалась достаточно велика и не оказалась «размыта» в общем потоке обращений к центральной власти. Российское правительство продолжало интересоваться вакуфным вопросом в Крыму. И, например, дважды, в январе и декабре 1905 г. директор ДДДИИ запрашивал у таврического губернатора информацию о судьбе обсуждения проекта В. П. Ласковского, но внятного ответа получено так и не было [14, л. 198, 198 об.; 33, л. 1]. В целом же, вопросами будущего реформирования управления вакуфами не только Крыма, но и других российских регионов, было поручено заниматься учрежденному в Санкт-Петербурге в мае 1905 г. «Особому Советанию по делам веры» под председательством графа А. П. Игнатьева [38; 39; 6, с. 56-57].

Новый импульс и новое направление в попытках решить вакуфную проблему связаны с именем Петра Аркадьевича Столыпина. С июля 1906 года знаменитый реформатор стал выполнять функции премьер-министра Российской империи. Уже в ноябре 1906 г. в правительственном офицозе – газете «Россия» публикуется развернутая статья «Магометанские вакуфы России», в которой излагалось новое видение проблемы, близкое точке зрения властей. В частности, заявлялось намерение правительства распорядительную часть по управлению вакуфами передать представителям мусульманского населения, а у государства сохранить функции надзора за вакуфными имуществами, с тем, чтобы они использовались в соответствии с волей учредителя [38; 39].

В декабре 1906 г. к П. А. Столыпину обратился таврический муфтий А. Карашайский с ходатайством провести в Симферополе съезд мусульман Крыма для обсуждения вакуфного вопроса. Право принять решение о целесообразности организации данного мероприятия премьер-министр предоставил таврическому губернатору [14, лл. 204-205].

Не давали снять остроту с вакуфной проблемы и «заволокитить» ее в чиновничьих кабинетах активная позиция общественных и политических деятелей, не только в Крыму, но и в столице империи.

Так, летом 1906 г. председатель симферопольской земской управы М. Карашайский получил телеграмму от депутата Государственной Думы известного в Крыму предпринимателя, филантропа и политика С. С. Крыма, в которой последний интересовался, каким образом на полуострове оптимально решить вопрос с вакуфными землями для крымских татар. На что М. Карашайский отвечал, что необходимо изъять вакуфы из управления ОКоВ и передать их в ведение выборного «особого учреждения» [40, с. 351/9]. Но наиболее резонансным проявлением подобных действий, пожалуй, можно назвать выступление 9 апреля 1907 г. А. Медиева с трибуны Государственной Думы [41, стб. 1788-1795; 42, с. 254-255]. Свою яркую речь депутат посвятил аграрному вопросу, акцентировав внимание слушателей на примерах масштабного обезземеливания мусульманских крестьян и их нищенского существования. Особое внимание парламентарий уделил крымским вакуфам. В частности, рассказал о стремительном сокращении их числа и злоупотреблениях при управлении ими. А. Медиева возмутило то обстоятельство, что при остром недостатке земельного фонда, находившегося в пользовании крымских татар, вакуфной недвижимостью и деньгами в Крыму распоряжалась «Вакуфная комиссия», которая не согласовывала свои действия с местным населением. «Вакуфные земли расхищаются, а те, которые имеются, приносят пользу и выгоду только нашему духовенству, а не всему нашему народу», – зачитывал депутат с парламентской трибуны слова из наказа обратившихся к нему крымских татар [41, стб. 1793]. О том, что эта речь стала заметным событием в общественно-политической жизни России можно судить хотя бы по тому факту, что она была прокомментирована В. И. Лениным, который оценил ее как «революционную...» в защиту «земли и воли» [43, с. 389; 44, с. 124-125].

Продолжившееся в 1906-1907 гг. активное муссирование вакуфного вопроса в прессе и в обществе вынудило премьер-министра лично вмешаться в ход событий. В своем письме, направленном 12 января 1908 г. таврическому губернатору В. В. Новицкому, П. А. Столыпин отмечал, что «вопрос о вакуфах в последнее время сделался предметом оживленных толков как в мусульманских повременных изданиях, так и в магометанских общественных кружках, указывающих на необходимость изменения существующего ныне порядка управления означенными имуществами» [33, л. 1 об.]. И далее обязал крымского чиновника не позднее 1 марта 1908 г. представить письменное заключение по указанной проблеме [33, л. 1 об.].

Реагируя на предписание министра, В. В. Новицкий 25 и 26 февраля 1908 г. провел в Симферополе «Особое совещание по вакуфному вопросу». В совещании приняли участие представители всех заинтересованных и компетентных в проблеме сторон. Так, председательствовал сам таврический губернатор, присутствовали вице-губернатор П. Н. Масальский, управляющий государственными имуществами в Таврической губернии Н. Н. Ярцев, председатель губернской земской управы Я. Т. Харченко, прокурор симферопольского окружного суда В. С. Никулин, и.о. председателя ОКоВ С. А. Плаксин (сменил в 1904 г. заболевшего В. П. Ласковского [32, лл. 90, 91, 93, 96]), и.о. таврического муфтия А. Карашайский, начальник

отделения казенной палаты Э. Н. Нерсесов, чиновник особых поручений управления государственных имуществ Н. С. Беляев. Также приглашены были известные и авторитетные общественные и национальные деятели: ученый-аграрий и активный землец М. В. Неручев, бывший городской голова Бахчисарая и действующий Алушты М. Давидович, член Крымского отделения «Иттифак эль муслимин» А. Муфтий-заде [см.: 45, с. 68], бывший муфтий М. Кипчакский, председатель симферопольской уездной земской управы М. Карашайский, избранный от дворян гласный той же управы А. Тайганский, а также Ш. Б. Крымтаев [33, лл. 9-10].

В результате было утверждено два проекта управления вакуфами: 1) «Положение об управлении духовно-благотворительными вакуфами в Крыму» и 2) «Правила о частных в Крыму вакуфах». Однако в процессе обсуждения и принятия окончательного решения между членами совещания проявились все те противоречия, которые не давали выработать единого мнения по вакуфному вопросу и ранее. В частности, «Положение об управлении духовно-благотворительными вакуфами в Крыму» предполагало учреждение при ТМДП «Особого Присутствия», которое, собственно, и должно было осуществлять управление этими имуществами. «Особое Присутствие» задумывалось как коллегиальный орган под руководством таврического муфтия, в который должны были входить представители от мусульманского духовенства, сельского и городского крымскотатарского населения, а также специально назначаемый министром внутренних дел «непременный член». А. Муфтий-заде во время совещания предложил, чтобы «непременный член» назначался не правительством, а избирался обществом. Из числа присутствовавших крымских татар его предложение поддержали М. Кипчакский и М. Давидович. В то же время муфтий А. Карашайский, Ш. Б. Крымтаев, А. Тайганский и М. Карашайский не согласились с таким мнением и посчитали назначение «непременного члена» правительством более правильным [33, лл. 9 об., 10].

Возникла дискуссия и в отношении частных вакуфов. Разногласия касались, в первую очередь, судьбы имущества после прекращения рода, который им пользовался. Участниками совещания выдвигались три позиции, в соответствии с которыми необходимо было поступать: 1) передавать такие вакуфы в распоряжении казны (как выморочное имущество); 2) оставлять в распоряжении законных наследников на основании общероссийских правил о наследовании; 3) отдавать на благотворительность (предложение А. Муфтий-заде). В итоге вопрос решился в результате голосования: председатель и еще 10 участников заседания поддержали предложение передавать частно-вакуфное имущество в случае пресечения рода пользователей в распоряжение законных наследников. За идею А. Муфтий-заде проголосовало только 6 человек [33, л. 10].

Несогласные с содержанием проектов могли выразить свою позицию письменно в особых мнениях. Воспользовался такой возможностью М. Давидович. Суть его записки – передать управление духовными вакуфами в губернское земство, как наиболее приспособленное к выполнению этой задачи. «Особое мнение» участника совещания Н. С. Беляева было посвящено частным вакуфам. Он считал, что пред-

ложенный правительству проект, по сути, придумывает новый институт. И частные вакуфы необходимо, в случае пресечения рода владельцев, все-таки предавать в распоряжение казны [33, лл. 38-43]. Такая позиция не удивительна, учитывая, что Н. С. Беляев был чиновником управления государственных имуществ.

Протокол Особого Совецания, вышеназванные «особые мнения» участников, а также выработанные проекты управления вакуфами таврический губернатор 2 марта 1908 года отправил к П. А. Столыпину.

Более широкими возможностями для изложения своей позиции главе российско-го правительства в отношении вакуфного вопроса обладал депутат Государственной Думы Исмаил Муфтий-заде. Весной 1908 г. крымскотатарский парламентарий добился личной аудиенции с П. А. Столыпиным, где изложил ему свою точку зрения. В докладной записке премьер-министру И. Муфтий-заде указывал на бесполезность дальнейшего функционирования «Особой Комиссии о вакуфах» в Крыму. Предлагал все ее дела сосредоточить в ведении губернского земства [33, л. 8]. Такое мнение депутата вполне объяснимо. Общеизвестно, что И. Муфтий-заде являлся благотворителем с большим опытом. И удачно и эффективно действовал, в том числе, через земство, оказывая реальную помощь мусульманам в Крыму [46]. Поэтому понятно его желание передать управление вакуфами земству – проверенному им на личном опыте общественному институту.

Информация об этом событии просочилась в прессу (в частности, в кадетскую газету «Речь» [33, л. 8]) и вызвала неоднозначный отклик в Крыму. Дело в том, что реализация предложения И. Муфтий-заде напрямую задевала интересы мусульманского духовенства, которое в результате возможных преобразований максимально дистанцировалось от управления духовными вакуфами. Духовные лидеры крымских мусульман считали такие действия И. Муфтий-заде прямой угрозой своему праву пользоваться и получать доходы от духовно-вакуфных имуществ. Поэтому их реакция последовала незамедлительно. Уже 31 марта 1908 г. к П. А. Столыпину было направлено «Прошение мусульманского духовенства, дворянства и прочего сословия татар Феодосийского уезда», в котором выражалось возмущение действиями И. Муфтий-заде. Сообщалось, что депутата никто не уполномочивал обращаться к премьер-министру, что татарское население против его предложения. В то же время отмечалось, что новость об обсуждении вакуфной проблемы затронула «один из самых болезненных вопросов татарского быта, породила большую тревогу среди всех крымских татар без исключения». Далее в документе утверждалось, что вакуфный вопрос «с точки зрения татарских нужд и шариата» давно уже проработан: «Единодушные пожелания всех татар Крыма нашли выражение в проекте нашего муфтия Адиля мурзы Карашайского», согласно которому вакуфы «принадлежат татарам» и управляются ТМДП [33, лл. 46-47 об.]. Прошение с таким же текстом, но уже от «мусульманского духовенства, дворянства и прочих сословий татар» всей Таврической губернии с подписями на 8-ми листах поступило в канцелярию премьер-министра в апреле 1908 г., а затем в мае того же года.

Наконец, в сентябре 1908 г. мусульманским духовенством было направлено прошение к таврическому губернатору, где отмечалось, что его мнение в отношении вакуфного вопроса, высказанное во время февральского «Особого Сопевания», «наиболее близко» мусульманскому духовенству. Что последнее возражает против планов передать управление вакуфами «в особое присутствие с выборными лицами, а тем более сосредоточение мусульманских вакуфов в одном общем учреждении» [33, л. 64 об.]. Все это противоречит шариату. И поэтому духовенство просит губернатора управление всеми вакуфами «непременно» сосредоточить в ТМДП, «без всякого участия выборных...» [33, л. 65]. Подписало прошение более чем 100 духовных лиц, в том числе хатип и имам симферопольской мечети Кебир-Джами Абдул Куддус эфенди, имам евпаторийской ханской мечети Муртаза эфенди Абла оглу и др.

Все описанные события в очередной раз иллюстрировали отсутствие единой позиции по вакуфному вопросу не только в крымском сообществе, в целом, но даже среди самих крымских татар. Как видно, с одной стороны, прогрессивная национальная общественность в лице таких ее лидеров, как А. Медиев, И. и А. Муфтийзаде, М. Давидович, отчасти И. Гаспринский и др.³, ратовала за ряд ограничений в пользовании вакуфами мусульманским духовенством, за активное распределение духовно-вакуфных земель среди безземельных крымскотатарских крестьян. С другой стороны, такая позиция встречала резкую неприязнь и отпор среди мусульманского духовенства, которое не хотело лишаться стабильной финансовой подпитки и считало пользование вакуфами своим естественным и традиционным правом. Любые попытки оспорить это право, по их мнению, являлись наступлением на религию и нарушением шариата. Собственные возражения по вакуфному вопросу высказывали и таврический губернатор, и представители министерства госимуществ и др. участники процесса.

В этой связи интересно понять взгляды П. А. Столыпина на вакуфы. Кого глава правительства мог или хотел поддержать в данных обстоятельствах? Необходимо отметить, что П. А. Столыпин изначально придавал большое значение мусульманскому вопросу в России. От успешности решения этого вопроса во многом зависела стабильность всей государственной системы. Определяя направление, в котором необходимо было двигаться власти для поиска новых форм сотрудничества с огромным мусульманским миром империи, П. А. Столыпин исходил из внутреннего восприятия проблемы [59, с. 196-205]. А в этом восприятии сильны были мифологемы и фобии в отношении ислама, характерные для многих государственных деятелей того времени, к тому же подкрепленные выводами таких советников, как В. П. Череванский [см.: 48, с. 122-128], А. Н. Харузин [49, с. 316; 59, с. 198]. Известный

³ Сюда же можно отнести и Д. Сейдамета, который в первой своей известной брошюре «Крик отчаяния молодого татарского юноши: Угнетение татарского народа в XX столетии» (1911 г.) призывал к реформированию мусульманского духовенства и передаче вакуфного имущества в «общественное ведение» [47, с. 8].

российский историк Д. Ю. Арапов выделяет среди подобных опасений как «архаично-традиционные стереотипы восприятия» («магометанин» – «фанатик»), так и «новые фантомы» – «панисламизм» и «пантюркизм» [49, с. 11].

Исходя из этих позиций, имперская власть проявляла крайнюю осторожность к любым попыткам и предложениям реформировать устоявшуюся структуру управления мусульманскими делами. Царское правительство опиралось в своих действиях на старую, уже проверенную и показавшую свою надежность форму взаимодействия с миром ислама через систему духовных правлений, или же предпочитало вовсе не регламентировать духовную жизнь мусульман [50, с. 9]. Система духовных правлений была четко отлажена и показывала стабильный результат. Через нее, например, МВД осуществляло частичный контроль над духовной жизнью мусульман, а также получало информацию о настроении населения, а мусульманское духовенство, в свою очередь, имело стабильную финансовую поддержку от государства. Ортодоксальные «стародумы магометанства» считались в российском полицейском департаменте гораздо менее опасными, в сравнении с модерновыми новометодистами, джадидистами [51, с. 139]. Поэтому поиск контактов с активными прогрессивными мусульманскими деятелями представлялся власти неоправданным риском. Именно в этих общественных деятелях и их взглядах имперскому правительству виделся источник пантюркизма, панисламизма, пантатаризма. На эту особенность точно указал Д. Ю. Арапов, отмечая, что «важнейший принцип государственной политики тех лет заключался в том, что правительственные круги не хотели вступать ни в какой конструктивный диалог с представителями мусульманской общественности, видя в них лишь «радикалов» и «ниспровергателей основ»» [49, с. 11].

Следует также напомнить, что к 1908 г. уже стартовала и активно развивалась знаменитая столыпинская аграрная реформа. Принято считать, что одной из основных ее задач являлось постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земли. Между тем, по замечанию современных исследователей, вакуфы, учрежденные, например, на территории, входившей в юрисдикцию Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС), являлись средством сохранения общинного землевладения, основанного на религиозном объединении [52, с. 116; 53, р. 118]. Такая оценка, в целом, справедлива и для Крыма, где с конца XIX в. действовала программа по поселению безземельных крымских татар на вакуфных землях целыми общинами. Программа эта, напомним, была одобрена императором Николаем II [14, л. 4]. За ее расширение, вплоть до изъятия всех духовных вакуфов у мусульманского духовенства и безвозмездной раздачи их безземельным татарам, призывала и наиболее либеральная часть крымскотатарской интеллигенции. И в данном аспекте очевидно, что поощрение вакуфного землевладения, с находившимися на них татарскими крестьянами-общинниками, противоречили реформаторским устремлениям премьер-министра.

Таким образом, с учетом перечисленных обстоятельств, позиция П. А. Столыпина в отношении вакуфов должна была быть направлена на поддержку идеи сохранения

вакуфов в собственности мусульманского духовенства и ограничения поселенческой программы крымскотатарских крестьян на духовно-вакуфных землях. В условиях «тлеющей» революции российское правительство опасалось, что любое наступление на религиозное имущество могло привести к возмущению населения, которое мусульманское духовенство обязательно бы настроило против власти. Поэтому П. А. Столыпину в условиях нестабильного внутреннего состояния государства, выгоднее было воздержаться от каких-либо радикальных шагов и реформ как в вакуфной сфере, в частности, так и в мусульманском вопросе, в целом. При этом он вынужден был вести политическую беседу с отдельными активистами из крымских татар (которые, конечно, в сравнении с мусульманским духовенством не имели такого влияния на массы), демонстрировал внешнюю готовность к диалогу и преобразованиям, тем самым «заговаривал» проблему, но реально ничего не предпринимал.

В целом, именно такую тенденцию в общеимперском масштабе фиксируют современные историки [54, с. 114, 115, 124-126; 55, р. 164-165; 56, с. 52-53; 48, с. 42; 52, с. 102]. В частности, тот же Д. Ю. Арапов отмечает, что «с 1905 г. практически ни одно серьезное предложение по изменению системы государственного регулирования ислама в России так и не было реализовано, причем это касалось как мусульманских проектов, так и предложений самих царских администраторов». И объяснялась чиновниками данная ситуация тем, что «частные вопросы духовной жизни мусульман нельзя решить без подготовки общего кардинального «решения по мусульманству», и это произойдет, но не сейчас, а в будущем». Подобного рода отговорки, по словам исследователя, «продолжали звучать до самого конца самодержавия в России» [49, с. 11].

В рамках отмеченной политики «заговаривания» проблемы развивался и вакуфный вопрос. Ни в 1908 году, ни позднее правительством П. А. Столыпина никаких конкретных шагов по реформированию вакуфного управления сделано не было.

Последняя попытка царских властей обсудить вакуфный вопрос на высоком уровне относилась к 1914 году и была связана с работой «Особого Сопещения по мусульманским делам», проходившего в Санкт-Петербурге в апреле-мае указанного года. Организатором сопещения выступил ДДДИИ. Приглашены к участию были представители всех основных ведомств, так или иначе курирующих мусульманский вопрос в империи, губернаторы «мусульманских окраин» России или их уполномоченные, представители мусульманского духовенства и ряд других заинтересованных участников [57, с. 17]. В результате был обсужден широкий круг проблем и утверждена «Общая сводка положений» Особого Сопещения [58, с. 245-251]. Таврическую губернию в работе Сопещения представляли таврический вице-губернатор С. С. Дьяченко и и.д. симферопольского кадия Омар эфенди. Последний прибыл вместо приглашенного, но заболевшего таврического муфтия А. Карашайского [57, с. 20,21]. Вакуфная тема не являлась центральной в затронутых проблемах. И акцентированно прозвучала лишь дважды.

В первый раз – во время заседания, прошедшего 2 мая 1914 г. На этом заседании

и.д. симферопольского кадия Омар эфенди сообщил, что в ТМДП не поступает из ОКоВ информация о порядке распределения пользования вакуфами между отдельными духовными чинами. В связи с чем, Правление не могло в ряде случаев разрешить возникавшие споры между духовными лицами в отношении прав эксплуатации вакуфных имуществ. Омар эфенди просил обязать ОКоВ предоставлять такую информацию. Мнение Особого Совещания по этому вопросу было однозначным: ТМДП не вправе получать подобные и другие сведения о вакуфах, поскольку, в соответствии с действовавшими законами, вакуфы не состояли в ведении Правления. Единственным уполномоченным в отношении вакуфов органом оставалась ОКоВ, куда и следовало обращаться спорящим сторонам [58, с. 74-75].

Во второй раз о вакуфах заговорили на заседании 12 мая 1914 г., когда в обсуждении уже не принимали участие представители мусульманского духовенства. Собственно, в этот день не было задействовано вообще ни одного мусульманина. Особое Совещание коснулось полномочий ОМДС применительно к вакуфам. Выяснилось, что оренбургское правление самостоятельно возложило на себя ряд хозяйственных и административных функций в отношении данного вида имуществ, хотя эти обязанности не были регламентированы российским законодательством. При этом участники заседания разделились в оценке обстоятельств дела. Одни посчитали подобную практику «требованиями самой жизни». Поскольку в условиях законодательного вакуума в вакуфном вопросе, ОМДС, «естественно, должно было принять со своей стороны известные меры в смысле установления необходимого надзора за ... использованием таких имуществ» [58, с. 158]. Однако большинство заседателей выразили беспокойство применением в данном случае принципа «что не запрещено, то дозволяется». Они были против «централизации вакуфного дела», поскольку, по их мнению, такая практика могла привести к усилению значения ОМДС, что «не отвечает государственным интересам» [58, с. 159].

Таким образом, после 20-летнего периода обсуждения, критики действовавшей системы управления вакуфами, поиска оптимальных и взаимоприемлемых форм администрирования этого имущества имперская власть, через уполномоченных чиновников, не просто подтвердила все прежние права «Особой Комиссии о вакуфах», но также озвучила свой принципиальный отказ концентрировать управление вакуфами в мусульманских духовных правлениях.

С учетом изменившихся в 1914 г. внешнеполитических обстоятельств, реализация решений «Особого Совещания по мусульманским делам», включая и решения по вакуфному вопросу, на несколько лет утратила свою актуальность. Новые инициативы по реорганизации вакуфного управления связаны были с обострением национально-религиозных проблем уже в период революции и Гражданской войны в России.

В целом же, можно констатировать, что вакуфный вопрос в наступившем XX в. являлся важным элементом выстраивания сложного диалога российского правительства со своими мусульманскими подданными. Тема крымских вакуфов не являлась местечковой, а звучала на общеимперском уровне.

Наибольшее раздражение среди крымскотатарской общественности, мусульманского духовенства, земских активистов Таврической губернии вызывало то обстоятельство, что основные функции по управлению благотворительным имуществом крымских мусульман были сконцентрированы в казенном учреждении, подчиненном непосредственно министерству внутренних дел. Таким образом, реальная возможность влиять на вакуфное управление у местной общины практически отсутствовала.

Следует отметить отсутствие единой точки зрения внутри крымского общества на суть предполагаемых изменений по управлению и распределению вакуфных имуществ. Разногласия имели устойчивый характер и укладывались, прежде всего, в рамки хорошо известного в историографии противостояния консервативного мусульманского духовенства и прогрессивных общественно-политических национальных деятелей. Первое хотело сосредоточить управление вакуфами в ТМДП, вторые стремились активно привлечь к администрированию вакуфными имуществами земские, общественные благотворительные учреждения.

В то же время российское правительство предпочитало оставить управление вакуфами в компетенции государства. Несмотря на многочисленные официально задекларированные намерения царского правительства изменить систему управления вакуфами, никаких конкретных шагов в этом направлении так и не было сделано. Высочайше утвержденная «Особая Комиссия о вакуфах» по-прежнему оставалась единственным легитимным органом в вакуфной сфере. Фактически получалось, что наиболее критикуемое и требующее реформирования учреждение, давно уже выполнившее изначально возложенные на него обязанности, к тому же имевшее временный статус, продолжало функционировать в XX в.

Одновременно необходимо заметить, что идея реформирования управления вакуфами таким образом, чтобы эти имущества и получаемые от них доходы максимально были направлены на удовлетворение первоочередных нужд беднейших слоев крымскотатарского населения, находила все большую поддержку в крымском сообществе. Причем не только среди крымскотатарских политических активистов и интеллектуалов, но и среди немусульманских общественных деятелей. Что позволяет говорить о зарождавшемся на местном уровне консолидирующем самосознании, в рамках которого появилась возможность продуцировать региональные, локальные смыслы, объединявшие местное население вне зависимости от национальности и конфессии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Большаков О. Г.* Вақф // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
2. *Яновский А. Е.* Вакуф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1891. Т. V.
3. *Вормс А.* Вакуфы // Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А.и И. Гранат и Ко». Изд-е VII. М., 1910-1948. Т. VII.

4. *Ганкевич В. Ю.* Висвітлення питань шариату та фікху на шпальтах газети «Терджиман» // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения. Сборник научных статей. Симферополь, 2009.
5. *Ганкевич В. Ю.* Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в 19 – начале 20 вв.). Симферополь, 1998.
6. *Ганкевич В. Ю., Шендрикова С. П.* Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. Симферополь, 2008.
7. *Тимошук О. В, Таран П. Є.* Кримськотатарська політико-правова думка кінця XVIII – початку XX століття: особливості генезису та автономістські процеси еволюції. Харків, 2004.
8. *Абдуллаева З. З.* Вакуфный вопрос в освещении газеты «Переводчик-Терджиман» // Актуальные вопросы истории крымских татар. К 120-летию типографии газеты «Терджиман»: 1-е научные чтения. Симферополь, 2002.
9. *Абибуллаева Д. И.* Проблема эмиграции крымских татар на страницах газеты «Терджиман» // Ученые записки Таврического Национального университета им. В. И. Вернадского: Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23 (62). № 1: спецвыпуск «История Украины».
10. № 3956. 29 сентября 1886. Высочайшее повеление, объявленное министром государственных имуществ. «О возложении на Крымскую Вакуфную Комиссию розыскания и приведения в известность частных вакуфов в Крыму» // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1888. Т. VI: 1886.
11. *Конкин Д. В.* Некоторые особенности функций мутевелли по управлению вакфными имуществами в Крыму (по материалам Государственного архива в Автономной республике Крым) // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XIX вв.: Материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2010.
12. № 7604а. 5 апреля 1891. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. «Об утверждении временных правил для заведывания духовными вакуфными имуществами» // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1898. Т. XIV: 1894. Дополнение к XI т. (1891 г.)
13. Высочайше утвержденное 5 апреля 1891 г. Положение Комитета Министров Временного правила об Управлении и заведывании духовными вакуфными имуществами Таврической губернии. Бахчисарай, 1891.
14. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 931.
15. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 907.
16. *Кучеренко А. Н.* Крымские татары. Третья волна эмиграции // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму: Сб. науч. статей. Симферополь, 2008.
17. *Гаспринский И.* О вакуфах // Переводчик-Терджиман. 20 сентября 1890. № 31.
18. *Гаспринский И.* Дворянские выборы // Переводчик-Терджиман. 31 января 1903.
19. *Медиев А.* Крымские письма. Симферополь, 2005.
20. Крымский вестник. 6 января 1902. № 5.
21. Санкт-Петербургские ведомости. 29 декабря 1901. № 356 (суббота).
22. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II: В 2-х т. Т. II, Ч. III: Думская Монархия (1907-1914 г.). Мюнхен, 1949.

23. А. С. [Соколов А.] Неручев // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. XX-A: «Наказной атаман – Неясыти».
24. Неручев М. В. Безземельные татары и устройство их быта // Вестник Таврического Земства. 1904. № 5 (март).
25. Неручев М. В. Очерк поземельных отношений в Таврической губернии. На основании собранных Губернскою Земскою Управою материалов. Симферополь, 1907.
26. Неручев М. В. Земельный вопрос. Симферополь, 1906.
27. Куломзин К. Н. Докладная записка о положении безземельных татар в Евпаторийском уезде, представленная в Евпаторийский Уездный Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Б.м., 1902.
28. Маади. Крымские письма. Эмиграция татар и ее причины. I. // Каспий. 18.VI.1903. № 131.
29. Медиев Р. Крымские письма // Каспий. 13.XII.1902. № 268.
30. Рашид М. Крымские письма. XIII. Татарский вопрос и Таврическое земство // Каспий. 27.VI.1904. № 145.
31. Рашид М. Крымские письма. XX. Что дала крымским татарам петербургская «весна»? // Каспий. 24.II.1905. № 31.
32. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 929.
33. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 947.
34. Рашид М. Крымские письма. XV. Вакуфный вопрос // Каспий. 18.XII.1904. № 281.
35. Медиев Р. Крымские письма. XXI. Петиция крымских татар // Каспий. 07.VI.1905. № 064.
36. Ганкевич В. Ю. Депутация крымских татар в Санкт-Петербурге в 1905 г. // Материалы научно-практической конференции «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы». Симферополь, 1996.
37. ГАРК. Ф. 315. Оп. 3. Д. 9.
38. Магомеданские вакуфы в России // Россия. 18 ноября 1906. № 800.
39. Магомеданские вакуфы в России // Россия. 21 ноября 1906. № 801.
40. По губернии // Вестник Таврического земства. 18 июля 1906. № 28.
41. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая: в 2-х тт. Т. 1: Заседание 1-30. СПб., 1907.
42. Таран П. Є. Депутатська діяльність А. Медієва із забезпечення ісламської релігійно-культурної автономії в Росії // Етніонаціональні чинники в історії державно-правового будівництва: Матеріали XII Міжнародної історико-правової конференції, 10-13 вересня 2004 р., м. Бахчисарай / За ред. О. В. Тимощука; Центр Українознавства Таврійського національного ун-ту ім. В. І. Вернадського. Сімферополь, 2005.
43. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: [изд. 5-е]. Т. 16: июнь 1907 – март 1908. М., 1973.
44. Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905-1917 гг. М., 1976.
45. Богданович И. А., Шендрикова С. П. Газета «Терджиман» как источник по истории возникновения общественно-политического движения мусульман Российской империи // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 21.
46. Корольова Л. О. Діяльність І. Муфтії-заде в органах земського самоврядування (кін. XIX – поч. XX ст.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2004. № 54.

47. *Куриштов Т. Н.* Публицистика Джафера Сейдамета // Сейдамет Дж. Публицистика: малоизвестные статьи / Сост. Куриштов Т. Н. Симферополь, 2012.
48. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
49. *Арапов Д. Ю.* Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.): Сборник материалов. М., 2006.
50. *Рыбаков С. Г.* К вопросу об устройстве духовного быта мусульман в России // Арапов Д.Ю., Ларина Е. И. С. Г. Рыбаков и его «Обзор» организации духовной жизни мусульман России (Апрель 1917 г.). Учебный материал. М., 2006.
51. *Батунский М. А.* Россия и ислам: в 3-х т. [Электронный ресурс]. Т. 2. Режим доступа: <http://читать-онлайн.рф/new/index.php?id=33065&pages=139>
52. *Наганова Н.* Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции (Казань, 27-28 сентября 2005 г.). Казань, 2006.
53. *Naganava N.* Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Ma alla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905 // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2006. Т. 23.
54. *Усманова Д. М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906-1917). Казань, 1999.
55. *Usmanova D.* The Legal and Ethno-Religious World of Empire: Russian Muslims in the Mirror of Legislation (Early Twentieth Century) // Ab Imperio. 2000. № 2.
56. *Воробьева Е. И.* Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Омский государственный университет. Исторический ежегодник. Омск, 1997.
57. *Загидуллин И. К.* Предисловие // Особое Совецание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. прим. и сокр. И. К. Загидуллин. Казань, 2011.
58. Особое Совецание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., авт. прим. и сокр. И. К. Загидуллин. Казань, 2011.
59. *Арапов Д. Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004.

Конкин Д. В.

Проекты реформирования управления вакуфами в Крыму в начале XX века

Резюме

В статье рассмотрены различные точки зрения на проблему реформирования вакуфного управления в Крыму в начале XX в. Оценены правительственные действия, направленные на изучение и решение вакуфного вопроса, а также проанализированы предложенные проекты по преобразованию данного института.

Сделан вывод о том, что в Крыму, несмотря на многочисленные официально задекларированные намерения изменить систему управления вакуфами, предложения передать их в ведение Таврического магометанского духовного правления, местного земства, администрации, никаких конкретных шагов царским правительством в этом направлении так и не было сделано. Учрежденная в 1885 г. при министерстве внутренних дел «Особая Комиссия о вакуфах», оставалась единственным легитимным органом в вакуфной сфере. Фактически получалось, что наиболее критикуемое и требующее реформирования учреждение, давно уже выполнившее изначально возложенные на него обязанности, к тому же имевшее временный статус, продолжало функционировать и в XX в.

Konkin D. V.

**Projects of Reforming Governance by Waqfs in Crimea
at the Beginning of the 20th Century**

Summary

Different points of view on the problem of reforming Waqf governance in Crimea at the beginning of the 20th century are examined in the article. The activities of the government to study and solve the Waqfs problem were estimated; suggested projects to transform this institute were analyzed as well.

The conclusion was drawn that despite numerous official declarations to change the system of governance by Waqfs, suggestions to transfer them to Mohammedan religious board of administration, local Zemstvo, administration no particular moves were undertaken in this direction by tsarist government. "Special Commission on Waqfs" established in 1885 and attached to the Ministry of Home Affairs was the only legitimate body in the Waqf sphere. In fact, the most criticized and requiring reforms institution which had an interim status had carried out their responsibilities and had been functioning in the 20th century.

Д. А. ПРОХОРОВ

КАРАИМЫ СЕВАСТОПОЛЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1914-1917 гг.: БИОГРАФИИ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одним из активно развивающихся в последнее время направлений в исторической науке является биографическое исследование; приоритет личности определяет особое внимание специалистов к индивидуальным биографиям деятелей прошлого и настоящего (т.н. персонография). Биографический жанр получил новый импульс создания персональной истории; все более активно используется и включение в контекст научного исследования индивидуальной биографии как неотъемлемой его части. Это имеет непосредственное отношение и к истории караимов, интерес к изучению которой за последние годы заметно вырос. В научной и научно-краеведческой литературе имеются разрозненные сведения относительно участия караимов в Первой мировой войне. Однако следует отметить, что эти данные не отличаются полнотой и носят, в большинстве своем, отрывочный характер; в ряде случаев встречаются фактические ошибки и неточности. В монографии М. А. Зайончковского «Караимы в Армии» [1], основанной, прежде всего, на краеведческих изысканиях автора, приведена информация о том, кто из представителей караимского населения (преимущественно, западных губерний Российской империи) находился в рядах российской армии и флота во время Первой мировой войны. М. А. Зайончковскому удалось собрать уникальный фактический и иллюстративный материал о караимах-военнослужащих вооруженных сил России того периода. Однако составленные им краткие биографические заметки об участниках боевых действий основаны лишь на неполных сведениях мемуарного характера; помимо этого, некоторые из приведенных автором данных требуют серьезной корреляции с архивными источниками.

Исследование А. И. Фуки стало попыткой «создать памятную книгу, посвященную караимам-участникам войн России в XIX-XX веках» [2, с. 3]. В работах крымских краеведов В. С. Кропотова [3], Э. И. Лебедевой [4, с. 50-70] также была обобщена информация о караимах-военнослужащих; в том числе, приведены данные об их участии в Первой мировой войне. Краткие биографические очерки посвящены выдающимся военным и деятелям медицины из числа караимов, состоявших на воинской службе в период Первой мировой войны [5-7]. Следующим шагом в этом

направлении стало издание «Караимской народной энциклопедии», в тематических выпусках которой указанная проблема также нашла свое отражение [8, с. 390–428; 9, с. 25, 34, 62, 83, 90, 140, 215, 239]. Тем не менее, следует заметить, что большинство вышеупомянутых публикаций базируются, в основном, на результатах краеведческих поисков авторов; к тому же, они во многом дублируют ранее опубликованную информацию. Существенным недостатком подобных работ является недостаточная источниковая база, отсутствие комплекса архивных материалов и справочной литературы.

Среди современных исследователей, затрагивавших отдельные аспекты проблемы участия караимов в Первой мировой войне, следует назвать таких авторов, как А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин, В. В. Крестьянников, Н. М. Терещук, И. А. Дьяконова [10–14]. В работах одесских исследователей К. К. Васильева, П. Г. Чуева и К. Г. Васильева, рассматривающих историю развития медицины в Одессе, приведены малоизвестные сведения о медицинском персонале из числа караимов, проходивших службу в российской армии и флоте во время Первой мировой войны [15–19].

В статьях, опубликованных в № 4 и № 5 «Вестника морского врача» [20, с. 128–135; 21, с. 108–117], а также в «Сборнике научных трудов по иудаике» [22, с. 366–385], автором настоящей публикации была проанализирована деятельность врачей и младшего медицинского персонала из числа крымских караимов, находившихся в рядах российской армии на фронтах Первой мировой войны; обобщены данные о числе караимов, принимавших участие в боевых действиях, приведены краткие биографические справки о некоторых из них. Работа по выявлению сведений о караимах, проходивших службу в российских армии и на военно-морском флоте, была продолжена. В результате дальнейшего изучения архивных материалов, хранящихся в фондах Государственного архива АР Крым, появилась возможность существенно дополнить сведения о лицах, призванных в период с 1911 по 1917 гг. в ряды российской армии не только из числа крымских караимов, но также и караимов западных губерний Российской империи.

Целью статьи является анализ выявленных сведений о караимах, проживавших в Севастополе и призванных в ряды российской армии с 1914 по 1917 гг. Кроме того, в задачи публикации входит также реконструкция биографий караимов-военнослужащих российской армии, проходивших воинскую службу в Севастополе в указанный период. Актуальность данной темы вызвана и тем, что в 2014 г. исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны и вступления в нее России. При работе над статьей использовались архивные документы, хранящиеся в делах фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) Государственного архива в Республике Крым (Симферополь), в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива г. Севастополя, Военно-исторического музея Черноморского флота России (Севастополь) и Национального музея героической обороны и освобождения г. Севастополя; сборники по статистике конца XIX – начала XX вв., сведения, содержащиеся в различных биографических

справочниках, мемуары участников военных действий, а также материалы дореволюционной периодической печати. Документы с некоторыми биографическими сведениями о караимах-военнослужащих были обнаружены Н. М. Терещук (о Б. Ю. Тонгуре, Л.(Э.) С. Харсуне, И. С. Леви-Бабовиче), В. В. Крестьянниковым (о И. М. Казасе) и М. Б. Кизиловым (о А. В. Хаджи), любезно предоставившими их для настоящей публикации, за что автор выражает им свою признательность.

В предвоенные годы, по сведениям Управления по делам о воинской повинности МВД в 1911 г., общее число новобранцев в российскую армию и флот составляло 1 млн. 176 тыс. 996 чел. Недобор для пополнения назначенного по разверстке числа новобранцев составил: «великороссов», «малороссов», белорусов – 1 тыс. 696 чел., прочих христиан – 5 тыс. 225 чел., евреев – 13 тыс. 338 чел., караимов – 19 чел., мусульман – 1 тыс. 225 чел., представителей иных, нехристианских вероисповеданий – 84 чел.; а всего было недобрано 19 тыс. 587 чел. [23, с. 125]. В Таврической губернии в 1911 г. в призывные списки было внесено 18 тыс. 710 чел., призыву подлежало 6 тыс. 907 чел., из них караимов – 8 чел. [24, с. 17]. В 1912 г. эти цифры составили, соответственно, 18 тыс. 154, 6 тыс. 442 и 19 новобранцев [25, с. 20, 21]; в 1914 г. принятых на воинскую службу караимов вновь числилось 19 чел. [26, с. 16, 17].

По мнению исследователя Г. Ф. Кривошеева, перед началом Первой мировой войны численность российской армии составляла 1 млн. 423 тыс. чел. (по данным на 18 июля 1914 г.) [27, с. 91]. После объявленной в стране мобилизации, помимо лиц, призванных в первую очередь в силу ст. 324 «Устава о всеобщей воинской повинности», призыву также подлежали все отставные офицеры, не перешедшие т.н. «предельный» возраст (для генералов, адмиралов, штаб-офицеров он устанавливался в 55 лет, а для обер-офицеров – в 50 лет), чины запаса и ратники ополчения первого разряда; помимо этого, в ополчение зачислялись офицеры, достигшие предельного призывного возраста, уволенные ранее от воинской службы по ранениям или болезням, но, тем не менее, годные по состоянию здоровья для службы и пожелавшие служить добровольно в регулярных частях и в ополчении [28, с. 1].

В 1914 г. ряды российской армии и флота пополнились 5 млн. 130 тыс. чел., а всего было взято нарастающим итогом из населения 6 млн. 553 тыс. чел.; всего же за два года войны было мобилизовано 13 млн. 955 тыс. чел. [27, с. 91, 92]. Что касается Таврической губернии, то в 1915 г. подлежало призыву 21 тыс. 200 чел.; однако точное число караимов, принятых на службу, неизвестно, т.к. в призывные списки они были внесены в графу «прочие нехристиане» [30, с. 40, 41]. К 1 сентября 1917 г. российские вооруженные силы насчитывали 7 млн. 70 тыс. 700 чел.; из этого числа в действующей армии состояло 5 млн. 973 тыс. 700 чел., а в тыловых запасных частях – 1 млн. 87 тыс. чел. [27, с. 92, 93]. В соответствии с данными военной статистики, можно утверждать, что в армию ушла половина трудоспособных мужчин (из 1 тыс. – 474 чел.); в целом (без различия пола и возраста) из каждой тысячи граждан России на войну было отправлено 112 чел. [27, с. 91].

По сведениям, опубликованным в «Общем списке офицерских чинов русской

императорской армии» по состоянию на 1 января 1909 г., караимов среди них насчитывалось только 7 чел. [30, кол. 62, 76, 241, 292, 459, 492, 528]. Что касается личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства России, среди военнослужащих этой категории в 1914-1916 гг. числился лишь 1 караим (морской врач **Яков Иосифович (Осипович) Кефели** (1876-1967), состоявший в должности младшего врача во 2-м Балтийском флотском экипаже; с сентября 1914 г. – при Управлении Санитарной частью флота) [31, с. 8, 796; 32, с. 8, 893; 33, с. 9, 1136]. Но уже в первую и вторую мобилизации в российские армию и военно-морской флот было призвано значительное число караимов; многие записывались добровольцами. По утверждению ряда авторов, на фронтах русско-японской и Первой мировой войны в общей сложности сражалось около 700 караимов; из них 200 человек рядовыми, а 500 – в составе офицерского корпуса [3, с. 66; 8, с. 395; 34, с. 24]. Численность караимов, проживавших в Российской империи перед началом Первой мировой войны, достигала приблизительно 13 тыс. 200 чел. (только в Таврической губернии в 1914 г. их насчитывалось 10 тыс. 307 чел. – 5 тыс. 229 муж. и 5 тыс. 78 жен.) [35, с. 79; 36, с. 702, 703]. На основании проанализированных архивных данных можно заключить, что всего в Российской империи в течение 1914-1917 гг. было призвано более 600 караимов (без учета сестер милосердия и врачей, не состоявших во время Первой мировой войны на действительной военной службе) [22, с. 380]. Следовательно, в действующей армии могло находиться от 40 до 45% караимского населения страны (т.е., без различия пола и возраста из каждой тысячи караимов на войну было призвано примерно 45 чел.). Помимо этого, сохранились также разрозненные данные о некоторых представителях караимских общин, призванных в армию или ушедших на фронт добровольно; при этом сведения о них не были внесены в общие списки, присланные газзанами в Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП, центральный орган конфессионального самоуправления караимов). В частности, речь идет о тех рядовых, офицерах и сестрах милосердия, которые оказались на фронтах Первой мировой, а затем Гражданской войны в 1914-1920 гг.

Для упорядочения сведений о числе состоявших на действительной воинской службе и воевавших на фронтах Первой мировой, ТОКДП в циркуляре от 4 февраля 1915 г., направленном всем газзанам караимских общин Таврической губернии, а также юго-западных губерний Российской империи¹, распорядилось о доставлении сведений о числе караимов, призванных с началом Первой мировой войны в ряды вооруженных сил России. «Для Духовного Правления, – говорилось в документе, – представ-

¹ В частности, циркуляр ТОКДП был направлен газзанам Бахчисарая, Севастополя, Симферополя, Бердянска, Перекопа, Евпатории, Ялты, Феодосии, Керчи, Калуги, Киева, Костромы, Либавы, Мелитополя, Николаева, Нижнего Новгорода, Новороссийска, Орла, Одессы, Петрограда, Екатеринослава, Елизаветграда, Кременчуга, Казани, Кишинева, Полтавы, Риги, Харькова, Херсона, Курска и Харбина [37, л. 1 (об.)].

ляется особая надобность в точных данных о тех караимах, которые в общем порядке по призыву или по собственному побуждению в настоящую войну поступили в ряды действующей русской армии и флота». В числе пунктов, на которые предлагалось ответить газзанам, в частности, были такие, как: 1) кто именно поступил на службу; 2) каким воинским присутствием принят; 3) в каком звании, в какой полк или воинскую часть зачислен; 4) где проходит службу, и т.д. Отдельно предлагалось указать – если занесенный в списки караим погиб на войне, то при каких именно обстоятельствах это произошло, и «какие на то имеются указания» [37, л. 1].

Списки, затребованные ТОКДП, вскоре были доставлены. В соответствии с собранной на местах газзанами информацией, в ряды российской армии в начале войны было призвано около 450 караимов. В декабре 1915 г., в связи с тем, что прошел год с момента подачи призывных списков, ТОКДП распорядилось о том, чтобы подведомственные газзаны собрали дополнительные сведения о караимах, мобилизованных в российскую армию и флот за истекший период. В течение декабря 1915 г. и января – февраля 1916 г. требуемые рапорта были составлены и присланы Таврическому и Одесскому караимскому гахаму (духовному главе караимов) С. М. Шапшалу. Однако следует отметить, что эти сведения все же не были полными и окончательными, т.к. собирались газзанами путем опроса близких родственников лиц, призванных в армию, и поэтому существует вероятность погрешности. Следовательно, собранная информация требует значительного уточнения путем корреляции с другими источниками.

В контексте научной реконструкции персональных биографий караимов-участников Первой мировой войны практический интерес представляет весь массив документов и материалов по этому вопросу; безусловно, важны сведения как о довоенном, так и послевоенном периодах их жизни и деятельности. Помимо всего прочего, при изучении архивных документов, а также в результате работы с биографическими и тематическими справочниками появилась возможность восстановить сведения и о составе их семей, выявить данные об их близких и родственниках.

Следует сказать, что среди караимов, призванных из Севастополя или проходивших там службу, было несколько видных представителей интеллигенции, деятелей культуры и искусства. Так, например, в составе российского воинского контингента числился **Михаил Моисеевич Казас** (1889-1918) – известный в Крыму и за его пределами художник. Родился он 13 сентября 1899 г. в Севастополе в семье караимского педагога Моисея Ильича Казаса². Семья Казасов проживала в Севастополе на ул. Чесменской, в доме № 63 (ныне – ул. Советская). Первым учителем рисования у Михаила Казаса стал воспитанник Санкт-Петербургской

² **Моисей Ильич (Моисей бен-Элиагу) Казас** (1847-1929) – педагог, на протяжении 50-ти лет преподавал в Константиновском реальном училище (ныне – СОШ № 3 г. Севастополя) и более 25 лет в Севастопольской женской казенной гимназии такие дисциплины, как русский язык, история, география, педагогика и французский язык. М. И. Казас приходился родным братом выдающемуся караимскому просветителю **Илье Ильичу Казасу** (1832-1912).

Академии художеств Н. М. Янышев. Именно он способствовал развитию у М. М. Казаса таланта и чутья настоящего мастера. В 1905 г. первые работы художника были продемонстрированы создателю панорамы «Оборона Севастополя» Ф. А. Рубо, который посоветовал начинающему художнику отправиться в Германию для поступления в Мюнхенскую академию художеств. Это престижное учебное заведение М. М. Казас окончил в 1911 г.; к тому же периоду относится и первая (она же единственная) прижизненная выставка его работ, на которой экспонировалось более 100 произведений художника (в составе т.н. «Выставки четырех»; 1910 г., Севастополь) [38, с. 342; 39, с. 141-143; 40, с. 3-5]. Среди работ М. М. Казаса на этой выставке были представлены: этюды натурщиков, животных, академические рисунки, жанровые сценки, пейзажи Крыма, серия «Старый Мюнхен», портреты, иллюстрации к «Слову о полке Игореве» и к русским былинам [10, с. 320].

Впоследствии М. М. Казас работал в Германии, Франции, Закавказье и Крыму; наиболее плодотворно художник трудился в период с 1909 по 1914 гг. В это время он создал такие произведения, как «Рыцарь с копьем», «У ворот замка» (германский эпос), «Городовой», «Новое платье короля» и др. Наиболее известны его графические работы («Танцовщица», «Раб», «Учитель», «Скифы»). Кроме того, он оформлял литературные произведения (циклы «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Слово о полку Игореве»). К сожалению, многие живописные творения М. М. Казаса не сохранились.

По стилистике картины М. М. Казаса близки работам художников объединения «Мир искусства» (куда входили такие мастера, как А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих, меценат и знаток искусства С. П. Дягилев и др.). Отличительной особенностью художников «Мира искусства» была многогранность – они занимались и живописью, и оформлением театральных постановок, и декоративно-прикладным искусством (тем не менее, центральное место в их творчестве все же принадлежало графике). Что касается творческого наследия М. М. Казаса, в настоящее время коллекция его картин хранится в Крымском республиканском учреждении «Симферопольский художественный музей», где они экспонируются, начиная с 1960-х гг. (кстати, это единственный музей, владеющий произведениями М. М. Казаса – в основном, это пейзажи, портретные зарисовки и композиции на исторические темы, выполненные акварелью) [101]. Сестре художника, Анне Моисеевне Казас удалось сохранить более трехсот его работ, которые она в 1965 г. передала музею. Одним из «первооткрывателей» творчества М. М. Казаса в советское время стал крымский искусствовед Р. Т. Подуфалый [39, с. 141-143; 41, с. 46; 42, с. 24-27; 100, с. 242].

Среди произведений Михаила Казаса есть картины, в которых ярко проявились его мироощущение и фантазия: «Богач и нищий», «Уличная сценка», «Праздничное шествие», «Кентавры», «Сидящий фавн», «Водяное общество», «Северные олени», «Волки». А его работа «Портрет отца» (находится в экспозиции Симферопольского художественного музея), написанная художником в возрасте 19 лет, по мнению искусствоведов, является «едва ли не лучшим портретом в крымском искусстве» [43;

44, с. 99; 45, с. 229]. Некоторые из графических произведений М. М. Казаса были использованы в качестве иллюстраций к книге «Транскрипция мысли» современного крымского поэта А. Коротко [46]. Образцы творчества М. М. Казаса экспонировались всего несколько раз на временных выставках; одна из первых послевоенных экспозиций его работ открылась лишь в 1957 г. в Симферополе [98]. В последнее время с творчеством художника ценители живописи смогли ознакомиться в июле 2004 г. в Одессе (выставка проходила в Одесском доме-музее имени Н. К. Рериха); в Симферопольском художественном музее в 2009 г. в течение нескольких месяцев действовала полномасштабная экспозиция работ М. М. Казаса (всего было представлено около 200 его рисунков и полотен; среди них – автопортреты и портреты современников, шаржи, эскизы, иллюстрации, театральные афиши и пр.) [98; 99].

Однако военная часть биографии М. М. Казаса так и не стала предметом исследования, и поэтому практически не нашла отражения в литературе. При анализе архивных материалов удалось выяснить, что перед началом Первой мировой войны М. М. Казас был вынужден прервать свою творческую деятельность – он был призван в действующую армию, в 37-й Екатеринбургский пехотный полк (в санитарные войска), где проходил службу в чине офицера [37, л. 30 (об.)]. В 1914-1917 гг. этот полк принимал участие в кровопролитных боях с австрийскими и германскими войсками [47]. За отличие в делах против неприятеля прапорщик М. М. Казас был награжден орденом Св. Станислава III степени с мечами и бантом. М. М. Казас был убит в Севастополе 23 февраля 1918 г. во время осуществлявшегося большевиками «красного террора» [13, с. 204; 48; 49; 50, с. 26, 27].

Старший сын М. И. Казаса, **Илья Моисеевич Казас** (1876-?) в 1900 г. окончил с отличием Горный институт им. Императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге «с правом на чин коллежского секретаря», после чего был призван в ряды русской армии, в Севастопольскую крепость. В 1901 г. фейерверкер Севастопольской крепостной артиллерии И. М. Казас был произведен в прапорщики запаса и затем уволен в запас по Ялтинскому уезду [92, с. 187]. В 1902 г. его командировали в распоряжение начальника Кавказского горного управления [51; 52]. Впоследствии Илья Моисеевич получил определение на службу по Горному ведомству, служил на рудниках А. А. Мелик-Азарьянца в Зангезурском уезде (с 1902 г.). В 1907 г. ему был присвоен чин коллежского асессора. Находился «без занятий» по Главному Горному Управлению с 18 декабря 1906 г.; был уволен от службы по этому ведомству 18 декабря 1907 г. [53, л. 47]. С началом Первой мировой войны И. М. Казаса призвали из запаса по Севастопольскому воинскому присутствию; в июле – августе 1915 г. он служил прапорщиком в Севастопольской крепостной артиллерии (имевшей тогда в своем составе 8 крепостных артиллерийских рот, сведенных в 2 батальона)³ [38, л. 30 (об.);

³ В 1918 г., по условиям Брестского мирного договора, Севастопольская крепость была оккупирована германскими войсками, когда Черноморский флот со всей инфраструктурой передавался Центральным державам (Германии, Австро-Венгрии, Турции, Италии и Болгарии).

93, л. 206, 209]. В конце 1916 г. И. М. Казас был прикомандирован к штабу отрядов средств борьбы с подводными лодками, где и находился в указанной должности до 23 января 1917 г. [94; 95]. За безупречную службу и проявленную храбрость И. М. Казас был представлен командованием к ордену Св. Анны IV степени [37, л. 35]. В феврале 1918 г., согласно приказу ЦК ЧФ № 7 от 3 января 1918 г., И. М. Казаса назначили старшим флот-офицером оперативной части штаба отрядов средств борьбы с подводными лодками [96, л. 2 (об.)]. По состоянию на 4 марта 1918 г., И. М. Казас являлся помощником начальника отрядов средств борьбы с подводными лодками, состоял в звании прапорщика; тем же числом датирована и его просьба вернуть личное оружие, сданное им в начале декабря 1917 г. в соответствии с постановлением Центрофлота [97, л. 631].

Авраам Иосифович Баккал (19.09.1884-1920) – выпускник Александровского караимского духовного училища в Евпатории (АКДУ) в 1903 г. [56, л. 7]; в 1912 г. окончил юридический факультет Московского университета. Был призван из запаса в 1914 г. Симферопольским по воинской повинности присутствием, поступил в Севастополь вольноопределяющимся (по некоторым сведениям, был прапорщиком в запасе) [34, с. 43]. Находился в действующей армии, в 70-м Рижском полку, XIV армейском корпусе, 18-й пехотной дивизии, 34-м запасном батальоне [37, л. 18]. А.И. Баккалу было присвоено звание штабс-капитана. За боевые заслуги был награжден несколькими боевыми орденами. А. И. Баккал был расстрелян большевиками в Симферополе 24 ноября 1920 г. по постановлению тройки Особого отдела ВЧК при РВС 6-й армии [34, с. 45; 57, с. 252]. **Иосиф Исаакович Баккал** (1892-1914) родился в Евпатории; также проходил обучение в АКДУ. По окончании этого учебного заведения устроился на работу учителем в Киеве, одновременно получая военное образование. Перед войной вступил в брак (жена – Гулеш Баккал). Согласно сведениям, сообщенным бахчисарайским газзаном И. Сапаком в феврале 1915 г., И. И. Баккал был призван в 1914 г. Симферопольским по воинской повинности присутствием; поступил в Севастополь вольноопределяющимся, затем был произведен в прапорщики. Находился в действующей армии, в 70-й пехотной дивизии, в 279-м Лохвицком 2-й очереди пехотном полку, в 32-м резервном батальоне; был назначен командиром роты. Пал смертью храбрых 10 ноября 1914 г. в дер. Щитове Меховского уезда Келецкой губернии, поднимая солдат своей роты в атаку [37, л. 18, 36 (об.); 8, с. 397; 34, с. 45].

Соломон Аронович Казас (31.12.1889-?) – студент-медик Московского государственного университета; до войны проживал с семьей в Севастополе, в доме № 30 по Нахимовскому проспекту (домовладение Кефели). Был призван в 1915 г., находился в составе контингента российских войск в Персии [58, л. 4, 13]. С. А. Казас являлся представителем известной в Севастополе купеческой семьи⁴ – его отец, Арон

⁴ В семье деда С. А. Казаса, севастопольского 1-й гильдии купца Соломона Ароновича Казаса и его супруги Сарры было четверо сыновей (Мордехай, Арон, Моисей, Бераха) и две дочери, Тотеке и Анна [60, л. 31, 32].

Соломонович Казас (1869/1870-1918) погиб в феврале 1918 г. в Севастополе во время большевистского «красного террора», достигавшего в те дни такого размаха, что тела некоторых убитых 23 и 24 февраля 1918 г. их родственники не могли разыскать на протяжении длительного времени. Вдове А. С. Казаса Эстер Казас свидетельство о смерти ее мужа было выдано севастопольским газзаном Т. С. Леви-Бабовичем лишь 23 апреля 1918 г., причем с формулировкой: «был убит в городе Севастополе неизвестными лицами, но тело его не предано земле по караимскому обряду за неразысканием трупа», который все же был обнаружен, но только спустя несколько месяцев, и затем погребен на Севастопольском караимском кладбище 28 июня 1918 г. [58, л. 9, 9 (об.), 12].

Рядовой **Михаил Давидович Харченко** (1893-1944) был призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.) и проходил службу в 33-м резервном батальоне в Симферополе. В 1920-х – 1930-х гг. проживал в Севастополе. С началом Великой Отечественной войны красноармеец М. Д. Харченко ушел на фронт, в составе 51-й армии сражался в боях за Крым. Пропал без вести в апреле 1944 г. [59, с. 516]. Последнее письмо родным было датировано 27 сентября 1941 г. «Дорогой сынок, – писал М. Д. Харченко, – я прошу тебя, как отец, чтобы ты хорошо овладел военным делом и смог бы в любую минуту громить фашистов. Я хотя в данное время нестроевой, но в нужное время, как 13 и 14 августа, сумею уничтожить не одного фашиста, а винтовку держу крепко в своих руках» [3, с. 83, 84]. Трагически сложилась судьба близких М. Д. Харченко: его отец, известный караимский общественный деятель, учредитель и владелец старейшей в Севастополе типографии купец Давид Иосифович Харченко, вместе с младшими братьями, подполковником в отставке Юлианом Иосифовичем Харченко (1861-23.02.1918) и гласным Севастопольской городской думы, председателем севастопольского караимского благотворительного общества, штабс-капитаном в отставке Феликсом (Финеесом) Харченко (1857-23.02.1918) (последнему также принадлежал мыловаренный завод по производству соды, хозяйственного и туалетного мыла «кил» на ул. Очаковской) [14, с. 19; 61, с. 9] были убиты в Севастополе в дни «красного террора» 23 и 24 февраля 1918 г., когда в городах Крыма погибло до 600 человек разных национальностей (в том числе в Севастополе их насчитывалось не менее 250 чел.) [21, с. 215; 50, с. 26-28; 62, с. 101-103; 63, с. 199; 64, с. 172, 173].

Илья Абрамович Фуки (05.08.1880-04.09.1951) – уроженец Севастополя; участник русско-японской войны, был награжден за отвагу медалью на Анненской ленте и Георгиевским крестом IV степени; на войне получил тяжелое ранение. С началом Первой мировой войны был призван Севастопольским по воинской повинности присутствием; находился с частями российской армии на Юго-Западном фронте. Проходил службу в чине рядового 62-й пехотной дивизии, в 245-м Бердянском 2-й очереди пехотном полку; за проявленное мужество был награжден двумя Георгиевскими крестами II и III степени. И. А. Фуки был комиссован в 1917 г. в связи с полученным ранением. До 1929 г. состоял на службе в 121-м стрелковом

полку Красной армии, дислоцировавшемся в Крыму; затем работал на Морском заводе. Во время Великой Отечественной войны вместе с заводом был эвакуирован в Казахстан; в 1946 г. вернулся в родной город, был награжден медалью «За оборону Севастополя» [34, с. 41, 42; 37, л. 29].

Нахаму-Бабакай Исаакович Фуки (1884-1914) имел высшее агрономическое образование, работал в должности агронома в Симферопольском уездном земстве. Был призван из запаса Севастопольским по воинской повинности присутствием, мобилизован 1 августа 1914 г. Служил в чине прапорщика в XII армейском корпусе, 19-й пехотной дивизии, 73-м пехотном Крымском Е. И. В. Великого Князя Александра Михайловича полку; командовал ротой. Во время ведения боевых действий за взятие стратегически важного объекта противника в сентябре 1914 г. получил личную благодарность от командующего 8-й армией в Галицийской битве А. А. Брусилова. Н. И. Фуки был убит в бою 4 октября 1914 г. при взятии укрепленного объекта неприятеля [34, с. 52; 37, л. 29 (об.), 36].

Борух (Борис) Юфудович (Ефимович) Тонгур (9.01.1888-?) – из мещан, уроженец г. Армянский Базар; отец – Юфуда Тонгур, мать – Эстер Вениаминовна Тонгур. В возрасте 14 лет был отдан родителями на обучение в Севастопольское городское училище, где проучился с 1901 по 1904 гг. Затем он сдал экзамен по программе 6-го класса гимназии; впоследствии поступил и окончил юридический факультет Новороссийского университета в Одессе (на оплату обучения зарабатывал частными уроками, а также получал средства из Кассы взаимопомощи студентов университета) [65, л. 19]. По его окончании Б. Ю. Тонгур в 1913 г. был принят в адвокатуру. Числился ратником 2-го разряда (категория солдат ополчения, физически негодных к службе в постоянных войсках, но способных носить оружие, а также лиц из 1-го разряда, имевших льготы). Проживал в Севастополе по адресу ул. Приморская (ныне – ул. Корнилова), 19/21; являлся (вместе с Верой Тонгур) наследником домовладения на ул. Садовой, 14 [65, л. 28].

В 1916 г. по мобилизации попал в Севастопольскую крепостную артиллерию; там же выдержал экзамен на звание прапорщика. С установлением советской власти в Крыму в 1918 г. состоял на службе в Севастопольской крепостной артиллерии помощником командира батареи по хозяйству [65, л. 7]. После занятия Крыма германскими оккупационными войсками был уволен с воинской службы; занимался адвокатурой, служил в конторе севастопольского театра «Ренессанс» (на Приморском бульваре) в должности юриста [65, л. 20]. По собственному свидетельству Б. Ю. Тонгура, в 1919 г. он «пытался уклониться от службы у белых – два раза был на комиссии врачей морского госпиталя и получил, согласно прилагаемой справки, отсрочку на 2 месяца, но все же вынужденно был мобилизован в части Белой армии и назначен на нестроевую должность «в сторожевую охрану разрушенных батарей». «За службу советской власти» в период с 1917 по 1918 гг. на него в декабре 1919 г. было наложено наказание в виде заключения на гауптвахте, как вспоминал сам Б. Ю. Тонгур, там он «не раз подвергался оскорблениям»

[65, л. 21, 24]. Затем Б. Ю. Тонгур длительное время болел сыпным тифом, о чем свидетельствует заключение комиссии врачей Севастопольского морского госпиталя [65, л. 13, 22].

После освобождения Крыма от частей Добровольческой армии Юга России под командованием П. Н. Врангеля Б. Ю. Тонгур добровольно вступил в организованную охрану Севастопольской крепостной артиллерии до прибытия частей Красной армии, затем был вновь мобилизован и состоял на воинской службе с декабря 1920 по апрель 1922 г. (служил на различных командных должностях) [65, л. 10]. В феврале 1922 г., совместно со всеми служившими тогда в артиллерии и ранее служившей у белых группой военнослужащих, Б. Ю. Тонгур был направлен в Москву, однако, как не военный специалист, он снова попал под демобилизацию. Будучи бывшим офицером Белой армии (как явствует из архивных документов, имел чин поручика) [65, л. 28], Б. Ю. Тонгур вскоре был выслан на 3 года за пределы Крыма за контрреволюционную деятельность [65, л. 26]. С 1922 г. он состоял в административном запасе состава Красной армии. 14 декабря 1922 г., в соответствии с распоряжением комотдела штаба РККА, Б. Ю. Тонгур был снят с учета как служивший ранее у белых и зачислен в запас административного состава РККА. В конце 1920-х гг. Б. Ю. Тонгура лишили избирательных прав, однако затем, после многочисленных ходатайств, он был все же в них восстановлен (в частности, Б. Ю. Тонгур сообщал в своем заявлении в Севастопольский горисбирком от 25 января 1929 г., что, «будучи сторонником Советской власти, я подвергал себя опасности, когда в 1919 г., находясь на службе у белых, я скрывал у себя в комнате от преследования белыми партийца, что видно из прилагаемого документа за подписью члена РКП(б) т.[оварища] Дауге⁵, засвид. [етельствованного] Институтом Красной профессуры от 12.08.22 г.») [65, л. 7].

Демобилизовавшись в 1922 г., Б. Ю. Тонгур переехал в Москву, где устроился на работу в канцелярию московского жилтоварищества, одновременно подрабатывая частными уроками; проживал у родственников. В середине 1923 г. вернулся из Москвы в Севастополь «по случаю болезни матери-вдовы»; зарегистрировался на Севастопольской бирже труда, подрабатывал частными уроками до мая 1926 г.; в период с 1926 по 1928 гг. служил юрисконсультom в центральной ревизионной комиссии «Труд». Тем не менее, служба в рядах Добровольческой армии Юга России все же имела свои негативные последствия – постановлением тройки при ПП СГПУ по Крыму от 16 мая 1931 г. Б. Ю. Тонгур был приговорен, согласно обвинению по ст. 58-1С-П УК РСФСР, как бывший врангелевский офицер, к заключению сроком на пять

⁵ Даугул-Дауге (Дангель) Александр Георгиевич (Густавович) (1887-1942) – уроженец Феодосии, участник революции 1905-1907 гг. в Латвии. В 1915-1917 гг. состоял в должности учителя при Феодосийской городской управе. Один из организаторов феодосийской ячейки РСДРП(б). В 1921 г. вошел в состав Полномочной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма как ответственный секретарь; после Октябрьской революции был членом революционного комитета Феодосии [66, с. 338].

лет с отбыванием его в лагере (Беломорско-Балтийский исправительный трудовой лагерь ГУЛАГ) с 9 марта 1931 г. [65, л. 53, 56]. Однако 4 марта 1932 г. по пересмотру дела он был досрочно освобожден из исправительного трудового лагеря ОГПУ «с правом свободного проживания по СССР» [12, с. 210, 211; 65, л. 56, 57].

Лазарь (Элиезер) Семенович Харсун (Хорсун) (1884-?) – родился в Феодосии, происходил из семьи караимов-мещан. С 1898 по 1911 гг. работал на табачной фабрике «Стамболи» в Феодосии, а с 1911 по 1913 гг. служил в Симферополе, в музыкальном магазине Чорефа. С началом Первой мировой войны был призван Севастопольским по воинской повинности присутствием, проходил службу в чине рядового, а затем ефрейтора в 32-м резервном батальоне в Симферополе [37, л. 29 (об.); 67, л. 18]. Однако в 1915 г. он серьезно заболел и был помещен в Севастопольский крепостной временный госпиталь с диагнозом «туберкулез легких», в результате чего от военной службы был освобожден. В процессе лечения Л.(Э.) С. Харсун, как свидетельствуют архивные документы, «выполнял случайные работы по счетной части» [67, л. 4]. В конце 1920 г. он работал в Наробразе, с февраля по апрель 1921 г. состоял при рабочей роте Севастопольской крепостной артиллерии. Согласно аттестату, выданному командиром рабочей роты артиллерии Севастопольского укрепрайона морской Севастопольской крепости, бывший писарь рабочей роты Л.(Э.) С. Харсун «возложенные на него обязанности исполнял аккуратно с видимым желанием принести службе пользу» [67, л. 20]. Уволился он, согласно приказу ВРК Совета Республики как достигший предельного для военной службы возраста. Проживал с семьей в Севастополе, в доме № 6 по ул. Луначарского. С 1926 по 1928 гг. Л.(Э.) С. Харсун работал в севастопольском магазине Наробраза (ул. К. Маркса, 1; ныне – ул. Б. Морская) продавцом нотного-музыкального отдела (до ликвидации магазина) и в магазине Севастопольского представительства Госиздата РСФСР (пр. Фрунзе, 54; ныне – Нахимовский пр.) – также в качестве продавца нотного-музыкального отдела (с 16 октября по 31 декабря 1928 г.), откуда уволился по состоянию здоровья (с диагнозом, установленным врачебной комиссией: «хронический миокарбит, атеросклероз в начальной стадии, невралгия, полиартралгия, общее истощение, малокровие»). В конце 1920-х гг. Л.(Э.) С. Харсун был лишен права голоса на основании ст. 14, п. «б» «Инструкции ВЦИК о выборах», как живущий на нетрудовые доходы; позже в избирательных правах был восстановлен [12, с. 208; 67, л. 1, 5, 6 (об.), 7, 8, 14].

Юфуда (Ефим) Симович (Семенович) Хаджи (1893-?) – уроженец Симферополя, из мещан, получил среднее образование, затем закончил школу прапорщиков; во время Первой мировой войны нес службу в роте государственного ополчения в Севастополе [37, л. 27 (об.)]. По окончании войны Ю. С. Хаджи проживал в Симферополе, работал приказчиком; беспартийный, женат не был. Был арестован 21 ноября 1920 г. Особым отделом (ОО) 46-й дивизии; ему вменялась в вину служба в Белой армии в чине офицера. Однако уже 22 ноября 1920 г. по решению того же ОО 46-й дивизии Ю. С. Хаджи был из-под стражи освобожден за недока-

занностью обвинения [68, с. 240]. Еще один представитель симферопольских караимов, **Авраам Симович (Семенович) Хаджи**⁶, был призван в роту государственного ополчения в Севастополе; впоследствии получил чин подпоручика [37, с. 27 (об.)]. С началом Гражданской войны А. С. Хаджи перешел на сторону белых; вместе с другими военнослужащими сдался в плен частям Красной армии в Симферополе. Но, несмотря на обещание сохранить жизнь, согласно постановлению чрезвычайной тройки ВЧК при РВС Южного фронта от 22 ноября 1920 г. он был расстрелян в Симферополе 22 ноября 1922 г. вместе с другими 857 военнопленными [57, с. 250; 68, с. 51].

Подполковник **Авраам Вениаминович Хаджи** (1875-1947) состоял на воинской службе с 1893 г. (в офицерском чине – с 1896 г.). До начала Первой мировой войны он находился в Севастополе, в крепостном пехотном батальоне [31, кол. 528]. Во время боев 21-26 февраля 1915 г. у д. Быстра⁷, происходивших в ходе Карпатской операции на линии Конечна – Свидник – Медзилаборце – Балигород⁸, где 3-я и 8-я армии российских войск отражали австрийское наступление на Днестре, подполковник 49-го пехотного Брестского полка (входившего в 7-й армейский корпус, 13-ю пехотную дивизию, 1-ю бригаду) А. В. Хаджи, командовавший участком позиции в составе 5 рот, сумел отбить более 10 атак двух австрийских полков, потерявших, в свою очередь, более 1 тыс. чел. убитыми. «Лично руководя обороной участка, с потерей которого дивизия должна была бы отступить, и находясь под не прекращавшимся ружейным, пулеметным и артиллерийским огнями тяжелых батарей противника, перешел в контратаку и окончательно отбросил атаковавшего противника, захватив при этом 158 пленных и пулемет» [69]. За этот подвиг А. В. Хаджи Высочайшим приказом от 21 августа 1916 г. был удостоен Георгиевского оружия с формулировкой

⁶ В списках, присланных в ТОКДП в апреле 1915 г. симферопольским газзаном Б. С. Ельщевичем, фигурировали еще несколько представителей семьи Хаджи. Например, Хаджи Марк Симович в годы Первой мировой войны состоял в чине рядового и находился в 32-м резервном батальоне в Симферополе [37, л. 27 (об.)]. **Хаджи Моисей Симович (Семенович)** (1890-?) проживал до и после войны в Симферополе; в начале 1920-х гг. – беспартийный, не женат, занимался торговлей. 21 ноября 1920 г. был арестован Особым отделом 46-й дивизии по обвинению как состоявший на службе в белогвардейской контрразведке. Однако уже 22 ноября 1920 г. ОО 46-й дивизии М. С. Хаджи из-под стражи освобожден за недоказанностью обвинения [68, с. 240].

⁷ Быстра – село, расположенное в южной части Польши в Силезских Бескидах на реке Бялка, левом притоке р. Белой (бассейн Вислы). Ныне входит в состав гмины (волости) Вильковице Бельского повята, Силезское воеводство.

⁸ Конечна – село в Польше, ныне находится на территории гмины Усце-Горлицке Горлицкого повята Малопольского воеводства; Свидник – город в Восточной Словакии, в северной части Низких Бескид на р. Ондава; Медзилаборце – небольшой город на востоке Словакии на р. Лаборец; Балигород (Балигруд) – ныне сельская гмина (волость) в Польше, административная единица Лесковского повята, Подкарпатского воеводства. Эти населенные пункты и их окрестности были сильно разрушены во время Первой мировой войны.

«за отличие в делах против неприятеля» [70]. В 1918 г. полковник А. В. Хаджи находился в армии гетмана П. П. Скоропадского; 30 сентября 1918 г. был назначен помощником командира 15-го полка. Затем числился военнслужащим Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и Русской армии; с марта 1920 г. был назначен командиром 49-го пехотного Брестского полка. Принимал участие в боях под Феодосией против частей Красной армии. После Гражданской войны эмигрировал с остатками полка в Галлиполи (ныне – г. Гелиболу в Турции), где это воинское подразделение вошло в состав Алексеевского пехотного полка [71, с. 224, 585; 72, с. 577]. Впоследствии проживал в эмиграции во Франции; являлся членом сформированного там из белых офицеров-эмигрантов «Русского Обще-Воинского союза» (РОВС)⁹ [8, с. 407]. А. В. Хаджи был женат, воспитывал 2 пасынков (по свидетельству современников, он, будучи еще молодым офицером, после смерти своего армейского товарища взял на свое попечение его жену и двух сыновей). Скончался в доме инвалидов в Ницце (Франция) 20 июля 1947 г., «после многих месяцев больших страданий» [73, с. 17].

Еремей (Иеремия) Давидович Коджак (18.05.1894, Севастополь – 22.02.1966, деп. Луаре, Орлеан, Франция), сын севастопольского мещанина Давида Коджака¹⁰, был призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.); в начале службы числился рядовым в 49-м резервном батальоне в Симферополе [37, л. 38 (об.)]. Затем – поручик Крымского конного полка (по некоторым данным, впоследствии был произведен в есаулы) [3, с. 67]. В 1920-х гг. эмигрировал во Францию, где устроился на работу шофером такси. Член «Русского Общевоинского союза». Во время Второй мировой войны вместе с бывшим евпаторийским городским головой С. Э. Дуваном, по словам современников, «сыграл

⁹ «Русский Обще-Воинский союз» (РОВС) был создан в белой эмиграции Главкомандующим Русской армии генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем 1 сентября 1924 г. непосредственно из Русской армии путем преобразования в организацию, объединяющую кадры ее воинских частей. Включал также почти все остальные русские воинские организации, сохранявшие свои названия, порядок внутреннего управления и самостоятельность во внутренней жизни; являлся самой массовой организацией русской эмиграции – в период своего расцвета, в начале 1930-х гг. РОВС насчитывал до 40 тыс. членов. Штаб РОВС находился в Париже, а его отделы и отделения – в странах Европы, Южной Америки, США и Китае. После смерти П. Н. Врангеля РОВС возглавляли генералы А. П. Кутепов (1928-1930), Е. К. Миллер (1930-1937), генерал-лейтенант А. П. Архангельский (1938-1957), генерал-майоры А. А. фон Лампе (1957-1967), В. Г. Харжевский (1967-1979), капитан М. П. Осипов (1979-1984), в. ст. В. И. Дьяков (1984-1985), поручик П. А. Калининченко (1985-1986), капитан Б. М. Иванов (1986-1988), сотник Н. И. Иович (июнь – август 1988), поручик В. В. Гранитов (1988-1999), капитан В. Н. Бутков (с 1999 г.) [74, с. 476-479].

¹⁰ Давид Бабакаевич Коджак в 1870-х гг. работал приказчиком в магазине севастопольского потомственного почетного гражданина Д. О. Ага [60, л. 31]. Впоследствии Д. Б. Коджак получил право на торговлю и патент купца 2-й гильдии. Умер в 1890 г., похоронен на караимском кладбище Севастополя (могила с надгробной плитой была обнаружена А. Ефимовым).

главную роль в спасении европейских караимов от репрессий»¹¹. Е. Д. Коджак является автором «Краткого обзора караимской религии и ее распространения среди различных народов» (Париж, 1948 г.) [73, с. 514, 708].

Илья Бабакаевич Коджак (19.09.1897, Севастополь – 7.06.1967, Австралия, Сидней) – литератор, философ. Окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве. Прадед И. Б. Коджака – С. Я. Коджак, участник обороны Севастополя в Крымскую (Восточную) войну [4, с. 22; 8, с. 392]. Во время Первой мировой и Гражданской войн И. Б. Коджак служил в должности прапорщика в железнодорожных войсках в Харбине, а затем – в авиационном отряде в Чите (Забайкалье). Эмигрировал во Францию, с 1922 г. жил в Париже. Окончил Высшее коммерческое училище. В 1929 г. вернулся в Харбин¹². Занимался литературной деятельностью, опубликовал несколько трудов по социософии – например, его перу принадлежит очерк «"Еврейский вопрос". Культурно-государственная проблема еврейства (перцепта)», изданный тиражом 450 экз. на личные средства автора (Харбин, 1935 г.) [77]. В предисловии к этой работе И. Б. Коджак замечал, что «в переживаемый момент приближающихся громовых раскатов, всякое мнение о еврейской проблеме должно считаться особенно своевременным и ценным. Настоящий труд имеет своей задачей лучшее и безболезненное (профилактическое) разрешение еврейского вопроса, основанное на философско-позитивной оценке еврейства с точки зрения государственно-культурной» [77, с. 5]. И. Б. Коджаком были также изданы такие брошюры, как «Социософия: Новая наука о государстве как социальном организме, и его душе – прогрессе» [78], «Патетическая симфония. К 50-летию 6-й симфонии

¹¹ В сентябре 1938 г. С. Э. Дуван предпринял поездку в Берлин, где совместно с 18 караимами-офицерами бывшей врангелевской армии, проживавшими в Германии, обратился в письмах к министру внутренних дел по поводу определения этнического происхождения и вероисповедания караимов. 5 января 1939 г. С. Э. Дуваном из Государственного Расового Бюро Германии было получено разъяснение, в соответствии с которым караимы не были признаны евреями ни по вероисповеданию, ни по расе [75, с. 30; 76, с. 307].

¹² 28 декабря 1934 г. в Харбине было создано «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» (БРЭМ), сформированное из видных представителей эмигрантских кругов, наделенное особыми административными полномочиями в отношении российских эмигрантов. На БРЭМ были возложены такие функции, как: укрепление материального и правового положения российских эмигрантов; установление связей с правительством Маньчжу-Ди-Го по всем вопросам, касающимся эмигрантов; оказание содействия японской администрации в решении эмигрантских вопросов. В сохранившихся архивных документах БРЭМ фигурируют и другие представители семьи Коджак, являвшиеся членами караимской общины Харбина: Бабакай Иосифович Коджак, Иосиф Бабакаевич Коджак (ум. 11.04.1971 г. в Австралии), Мария Ильинична Коджак и Наталья Алексеевна Коджак (последняя в 1956 г. окончила Харбинскую среднюю школу; ум. 12.12.1997 г. в Австралии) [82; 83, с. 357]. Часть эпистолярного архива Ильи Бабакаевича Коджака сегодня хранится в фондах Русского зарубежного исторического архива в Праге [84, с. 333].

П.И. Чайковского» [79] и «Око в окне» (последняя включала краткий очерк об этногенезе и истории караимов, их религии) [80, с. 31–43]. Рецензия на эту часть сборника И. Б. Коджака «Око в окне», подготовленная караимским гахамом С.М. Шапшалом, была опубликована в одном из номеров журнала «Myśl karaimska» в 1934 г. [81, с. 107, 108]. После 1949 г. И. Б. Коджак переехал в Австралию [73, с. 708].

Михаил (Моше) Бабакаевич Коджак (19.09.1897, Севастополь – ?) – брат-близнец И. Б. Коджака¹³, архитектор. С началом Первой мировой войны ушел на фронт добровольцем; являлся участником Гражданской войны, воевал на стороне белых. В 1920 г. эмигрировал из Севастополя, жил во Франции. В 1926 г. окончил Высшую архитектурную школу (Ecole Spésial D’Architecture) и Школу изобразительных искусств (Ecole des Beaux Arts) в Париже. Получил французское подданство; работал во французской столице в период с 1928 по 1934 гг. В 1931 г. М. Б. Коджак стал участником «Общества осенних салонов» (Société du Salon d’automne), более известного как «Осенний салон» (Salon d’automne) – объединения деятелей искусства во Франции, основанного в 1903 г. архитектором Ф. Журденом. В 1934 г. М. Б. Коджак провел выставку своих работ в престижной художественной галерее Vignon. Помимо этого, он проектировал общественно-торговые здания, торгово-промышленные выставки, став в этой области признанным специалистом. Состоял членом правления «Кружка молодых инженеров» (в 1934 г.), неоднократно выступал с докладами на заседаниях этой организации. После того, как М. Б. Коджак переехал в Харбин, в 1936 г. он основал там «Французское бюро архитектурных работ», разработал проект крупной Международной торгово-промышленной выставки на месте заболоченного Бадеровского озера в Харбине (однако этот проект так и не был реализован). Под Дайреном (Далянем) в дачном местечке Какагаши построил собственную виллу. С началом Второй мировой войны М. Б. Коджак вынужден был отставить архитектурную практику. В 1945 г. был назначен почетным французским консулом, представлял интересы французов и других иностранных граждан, занимался проблемами их выезда из Китая. Данный пост М. Б. Коджак занимал вплоть до 1951 г., когда из Харбина выехал во Францию. В 1952 г. он получил место во французском консульстве в Бразилии, в Сан-Паулу, куда переехала и вся его семья [85, с. 102; 86].

Среди военных врачей, младшего медицинского и вспомогательного персонала из числа караимов, проходивших службу в российской армии в период с 1914 по

¹³ В Севастополе во второй половине XIX в. проживало несколько караимских семей с фамилией Коджак, предположительно, близких родственников братьев И. Б. и М. Б. Коджак. Например, у севастопольского мещанина Шолеме (Соломона) Бобовича Коджака и его жены Султан было трое сыновей – Бабакай (1856/1857-?), Яков, Юфуда и две дочери, Эстер и Гулюш. В семье севастопольского мещанина Осипа (Иосифа) Бобовича Коджака (брата Ш. Б. Коджака) и его жены Анны были сыновья Бабакай, Илья и Юфуда. Севастопольская 1-й гильдии купчиха Сеадет Коджак имела двух сыновей, Осипа Давидовича и Соломона Давидовича Коджак [60, л. 31 (об.), 34].

1917 г., числился **Иосиф Эфραίмович Кефели** – житель Бахчисарая, был принят на действительную службу Севастопольским воинским присутствием в 1915 г.; находился в Керчи в фельдшерском училище; закончив его, служил фельдшером [38, л. 105, 125]. **Илья Симович (Семенович) Леви-Бабович** (1875-?) – родной брат севастопольского караимского газзана Т. С. Леви-Бабовича; как следует из автобиографии, он с «15-летнего возраста служил в Екатеринославе, в магазине И. М. Эля [на протяжении] 7 лет, с 1890 года по 1898 год, а потом был принят на военную службу и служил 4 года в городе Кишиневе в 24-м Драгунском Лубенском полку рядовым, а по окончании военной службы служил в Бахчисарее у С. М. Крымтаева¹⁴ при фруктовой отправке 5 лет, с 1903 по 1908 год, несколько времени был безработным, а потом служил в Кременчуге и в Феодосии»; затем он «приехал в Севастополь и был вызван с запаса при первой мобилизации в 1914 году и отправлен на фронт при дивизионном лазарете 13-й дивизии в качестве санитаря» [87, л. 1]. В соответствии с архивными данными, И. С. Леви-Бабович был призван Севастопольским воинским присутствием; 24 января 1915 г. (по другим сведениям – 20 января 1915 г.) он был уволен со службы в связи с болезнью, «как негодный на военную службу» [37, л. 36 (об.); 87, л. 1].

В Севастополе И. С. Леви-Бабович проживал по адресу: ул. К. Маркса (ныне – ул. Б. Морская), 31, кв. 1, а затем – на ул. Боско (ныне – ул. Новороссийская), 33. В 1916 г. он устроился приказчиком в один из магазинов Ф. С. Кунева (владельца нескольких винно-бакалейных, рыбно-гастрономических и колбасного магазинов Севастополя), а также трудился в магазине Я. Э. Цукермана. С приходом советской власти, в начале 1921 г. И. С. Леви-Бабович стал сотрудником санитарно-технической части управления курортами Крыма. Тогда же, в 1921 г. техническая часть этой организации была переподчинена «Управлению главного руководителя военно-необоронительных работ особой важности»¹⁵, где И. С. Леви-Бабович числился (вплоть до сокращения) служащим 7-го строительно-ремонтного участка. С 1923 г. он работал дворником по месту своей прописки [87, л. 8]; в 1927 г. получил в фи-

¹⁴ Крымтаев Сулейман мурза – бахчисарайский городской голова и член военной призывной комиссии в Симферополе.

¹⁵ «Управление главного руководителя военно-необоронительных работ особой важности» было образовано приказом Чусоснабарма № 220 от 30 ноября 1919 г. при Центральном управлении снабжения с целью срочного восстановления и ремонта госпиталей и санитарных учреждений, военно-учебных заведений, складов и других объектов на территории Московского гарнизона. В соответствии с постановлением СТО от 12 января 1921 г. (объявлено приказом РВСР № 147 от 18 января 1921 г.), признавшим восстановление крымских курортов работами чрезвычайной государственной важности, руководство ими было возложено на ГВИУ, а непосредственное выполнение – на главного руководителя военно-необоронительных работ, который был подчинен начальнику ГВИУ и переведен в марте 1921 г. из Москвы сначала в Симферополь, затем в Севастополь. После выполнения задания СТО приказом начальника ГВИУ № 74 от 28 февраля 1922 г. управление было расформировано [88, с. 124].

подделе патент 1-го разряда на торговлю (как сообщил сам И. С. Леви-Бабович, он «торговал мелочью», «овощами и зеленью», при этом называл это временной мерой, вызванной «исключительно большой безработицей»; к тому же, эта мелочная торговля, по его собственным словам, «едва давала ему возможность существовать») [87, л. 6, 8, 11]. Однако в опросной карточке 1928 г. уже было указано, что И. С. Леви-Бабович – «безработный, на учете в Бирже труда не состоит», «живет на средства брата» [87, л. 3; 89, л. 17]. В своей анкете, направленной в комиссию по выборам в Севастопольский горсовет для восстановления избирательных прав, которых он был лишен в конце 1920-х гг. (согласно ст. 15, п. «з» «Инструкции ВЦИК о выборах» от 4 ноября 1926 г. – за торговую и посредническую деятельность), И. С. Леви-Бабович сообщил: «Сам я пролетарского происхождения, отец мой также всю жизнь был служащим, бывшее звание мое – севастопольский мещанин, собственности никакой ни я, ни родители мои не имели, не имеют <...> и к тяжелому труду я не гожусь» [87, л. 1]. Тем не менее, Севастопольский горизбирком несколько раз отклонял ходатайство И. С. Леви-Бабовича [87, л. 4, 5], и поэтому тот вынужден был 2 февраля 1930 г. направить свое заявление непосредственно в КрымЦИК. «Имея от роду 55 лет, – сообщал «лишенец», – я нахожусь без всяких средств к жизни, испытывая тяжелое положение, согласно последних разъяснений Центризбиркома, прошу о восстановлении меня в избирательных правах» [87, л. 6]. Приняв во внимание, что с 1930 г. И. С. Леви-Бабович находился на иждивении своей сестры, Анны Семеновны Леви-Бабович (которая, согласно справки караимского общества «Взаимопомощь» от 16 апреля 1930 г. № 669, работала в швейно-одежной мастерской указанного общества и была принята через Биржу труда), в апреле 1930 г. на заседании КрымЦИК было принято решение: «признать лишение избирправ гр. Леви-Бабовича Ильи Семеновича неправильным и исключить его из списка лишенцев» [87, л. 6].

В Приложении к настоящей статье помещен «Реестр караимам Севастополя, призванным для прохождения службы в ряды российской армии в период с 1914 по 1917 гг.». В нем приведена доступная на сегодняшний день информация относительно представителей караимской общины, проживавших в Севастополе и призванных в ряды российской армии в рассматриваемый период, а также сведения о лицах из других караимских общин России, проходивших службу в Севастополе.

Следует сказать о том, что Севастопольским воинским присутствием с 1914 по 1917 гг. было мобилизовано 34 караима; всего же представителей караимских общин, призванных из Севастополя или проходивших здесь службу (как самих севастопольцев, так и выходцев из других городов), насчитывался 61 чел. К сожалению, по некоторым персоналиям данных о призывной инстанции не сохранилось. Кроме того, необходимо отметить, что общий подсчет призванных в российскую армию и добровольцев затруднен тем, что фамилии некоторых караимов были занесены в списки газзанами ряда подведомственных им караимских общин дважды. Так, например, житель Севастополя Азарья Яковлевич Джумук, призванный из ополчения Новороссийским по воинской повинности присутствием в 1915 г., фигуриро-

вал как в списках, составленных газзаном Севастополя Т. С. Леви-Бабовичем, так и в отчете, присланном феодосийским газзаном (причем совпадало и место прохождения им службы) [37, л. 35, 41 (об.)]. Подобные расхождения касались и места приписки Иосифа Исааковича Баккала (Севастополь и Бахчисарай), Эммануила Самуиловича Пенерджи, Якова Михайловича Прика, Нахаму-Бабака Исааковича Фуки (Севастополь и Симферополь), Симхи Яковлевича Круглевича (Севастополь и Одесса) и др. [37, л. 18, 27 (об.), 29, 35 (об.), 36, 38 (об.)]. Часть призванных в армию и ушедших на фронты Первой мировой войны мужчин являлись близкими родственниками и представляли отдельные караимские семьи Севастополя (в списках числятся родные и двоюродные братья). Кроме того, встречаются и полные тезки: например, севастопольские караимы с фамилией Кумыш, у которых, к тому же, совпадали имена, отчества (Самуил Абрамович), и проходили они службу, соответственно: один в 62-й артиллерийской бригаде, а другой – в XXV армейском корпусе, 3-й гренадерской дивизии, 11-м гренадерском Фанагорийском Е. И. В. Великого Князя Дмитрия Павловича полку [37, л. 29]. Подполковник 49-го пехотного Брестского полка Авраам Вениаминович Хаджи фигурировал в списках одесской караимской общины [37, л. 119].

На основании архивных данных можно констатировать, что среди призванных из Севастополя, а также проходивших здесь службу караимов было: 12 офицеров, 41 рядовой (впоследствии один из них произведен в офицеры), 4 вольноопределяющихся (двое повышены в чине), 2 представителя санитарного и медицинского персонала, 1 военный чиновник; по двум военнослужащим данные о воинском чине обнаружены не были. В числе военнослужащих: находившихся в действующей армии в районе боевых действий (подтверждено документами) – 32 чел.; служивших в ротах государственного ополчения – 15 чел. Многие из числа севастопольских караимов в период с 1914 по 1917 гг. были представлены к различным боевым наградам как особо отличившиеся в военных операциях против неприятеля. Среди них – кавалеры орденов Св. Георгия (М. А. Шайтан и М. С. Леви) и Георгиевского оружия (А. В. Хаджи). Некоторые из воинов были тяжело ранены или убиты в бою; сведений о попавших в плен не обнаружено. С началом Гражданской войны немало военнослужащих-караимов остались верны присяге и продолжали сражаться в составе Добровольческой армии Вооруженных сил Юга России, а также других воинских подразделений белых. В 1918-1920 гг. многие из них погибли в боях или в результате репрессий и красного террора; часть из военнослужащих-караимов была вынуждена эмигрировать за пределы России.

Пока не удалось обнаружить полных сведений о местах прохождения службы некоторыми представителями караимских общин, о наградах, ими полученных; неизвестна дальнейшая судьба многих солдат и офицеров. Однако можно констатировать, что информацию о караимах, состоявших на службе в рядах российской армии во время Первой мировой войны, удалось значительно дополнить неизвестными ранее фактами, а в отдельных случаях – исправить ее. При дальнейшей работе по сбору

сведений о караимах-военнослужащих предстоит решить следующие задачи: расширить область поиска в связи с недостаточностью биографических данных о многих караимах, находившихся в армии – в частности, необходимо выяснить, каким был их боевой путь, как сложилась дальнейшая судьба многих из них в послевоенное время и т.д. Перспективным в этом направлении выглядит продолжение работы с массивом архивных документов, собранных в архивохранилищах России, Украины, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. *Zajackowski M.* Karaimai kariuomenėje. Vilnius: Lietuvos Nacionalinis Muzejus, 2000.
2. *Баскаков Н. А.* Памятник малому народу [предисловие к кн.] // Фуки А. Караимы – сыновья и дочери России. Рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной. М., 1995.
3. *Кропотов В. С.* Военные традиции крымских караимов. Симферополь, 2004.
4. *Лебедева Э. И.* Крымская война и караимы. Симферополь, 2004.
5. *Полканова А., Полканов Ю.* Последний слуга старой России генерал Яков Кефели // Брега Тавриды. Симферополь, 1997. № 2-3.
6. *Родионов (Гаммал) И.* Карайские фамилии. Гаммал // Къырымкъарайлар. 2012. № 84 (1644). 31 октября.
7. *Полканова Т.* В традициях Гулпош-Тота и Алтын-Апай: [об участии женщин-караимок в войнах] // Къырымкъарайлар. 2011. № 3.
8. Ратный труд в жизни караимского народа // Караимская народная энциклопедия: В 10 т. / Ю. А. Полканов, М. Э. Хафуз, Р. А. Айваз, А. И. Очан и др.; Под ред. М. М. Казаса. СПб., 2006. Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков).
9. Караимская народная энциклопедия: В 10 т. / Ю. А. Полканов, М. Э. Хафуз, Р. А. Айваз, А. И. Очан и др.; Под ред. М. С. Сарача. М., 2000. Т. 6, ч. I.: Караимский дом.
10. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Изд. 2-е. Симферополь, 2008.
11. *Терецук Н. М.* История караимской общины Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX – 1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Крыму. Сб. научных статей. Симферополь, 2008.
12. *Терецук Н. М.* К вопросу о лишении избирательных прав севастопольских караимов (на материалах Государственного архива г. Севастополя) // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Академическая серия, Вып. 35. М., 2011. Т. II.
13. *Крестьянников В. В.* Варфоломеевские ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Сб. научн. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В. В. Крестьянников. Севастополь, 2006.
14. *Дьяконова И. А.* Караимская община Севастополя (в XIX – начале XX века) // Х Дмитриевские

- чтения (16-17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма: Сб. науч. статей / Ялтинский ист.-лит. музей; Сост. Л. В. Петренко. Симферополь, 2008.
15. Очерки истории высшей медицинской школы в Одессе: (К 100-летию мед. ун-та) / К. Г. Васильев, П. Н. Чуев, К. К. Васильев; Одес. гос. мед. ун-т. Одесса: [б. и.], 1999.
 16. *Васильев К. К.* Эмиграция российских врачей в Турцию (1919-1923 гг.) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. М., 2004. № 1.
 17. *Васильев К. К.* Морской врач Российского императорского флота Яков Иосифович (Осипович) Кефели (1876-1862) // Вестник морского врача. Севастополь, 2010. № 10.
 18. *Васильев К. К.* Медицинский факультет Новороссийского университета. Одесса, 2008.
 19. *Васильев К. К.* Медицина Южной Пальмиры. Одесса, 2009.
 20. *Прохоров Д. А.* Вклад крымских караимов в развитие военно-полевой медицины: к вопросу об участии врачей-караимов в русско-японской и Первой мировой войне // Вестник морского врача. Материалы V Международной научно-практической конференции. Севастополь, 2007. № 4(4).
 21. *Прохоров Д. А.* Караимы юго-западных губерний России в составе врачебного и санитарного персонала русской армии и военно-морского флота в Первую мировую войну: По данным Государственного архива АР Крым // Вестник морского врача. Севастополь, 2008. № 5(5).
 22. *Прохоров Д. А.* Участие представителей караимских общин Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917 гг.) // Научные труды по иудаике: Материалы XVII ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Академическая серия, Вып. 30. М., 2010. Т. 1.
 23. Хроника текущей жизни. Общие известия. Караимы и воинская повинность // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9, январь–февраль.
 24. Обзор состояния Таврической губернии за 1911 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1912.
 25. Обзор состояния Таврической губернии за 1912 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1913.
 26. Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год; Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета; Под ред. Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1914. II отд.
 27. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование; Г. Ф. Кривошеев (руководитель), В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин, А.И. Крутлов, Е. И. Родионов, М. В. Филимошин; Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.
 28. От таврического губернатора // Таврические губернские ведомости. Симферополь, 1914. № 59. 1 августа.
 29. Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год; Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета; Под ред. Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1915.

30. Общий список офицерским чинам русской императорской армии. Составлен по 1 января 1909 г. СПб.: Военная типография, 1909.
31. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства; Изд-е Статистического комитета Главного Морского штаба (январское 1914 г.). СПб.: Тип. Морского министерства, 1914.
32. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства; Изд-е Статистического комитета Главного Морского штаба (октябрьское 1914 г.). СПб.: Тип. Морского министерства, 1914.
33. Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства; Изд-е Статистического комитета Главного Морского штаба (исправлено по 11 апреля 1916 г.). СПб.: Тип. Морского министерства, 1916.
34. *Фуки А.* Караимы – сыновья и дочери России. Рассказы и очерки об участии в боях от Крымской войны до Великой Отечественной. М., 1995.
35. *Куповецкий М. С.* Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983.
36. *Прохоров Д. А.* Статистика караимского населения Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. // МАИЭТ. 2012. Вып. XVII.
37. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287.
38. Художники: Казас Михаил Моисеевич // Караимская народная энциклопедия: В 10 т. / Ю. А. Полканов, М. Э. Хафуз, Р. А. Айваз, А. И. Очан и др.; Под ред. М. М. Казаса. СПб., 2006. Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков).
39. *Подуфальный Р.* Любовь к человеческому, слишком человеческому Михаила Казаса // Русская галерея / Третьяковская галерея. М., 2001. № 2.
40. *Алексеева Е. Н.* Графика Михаила Казаса // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Мистецтвознавство. Архітектура. Харків, 2008. № 12.
41. *Подуфальный Р. Т.* Крымские акварели серебряного века // Культура Крыма на рубеже веков (XIX–XX вв.): Материалы республик. науч. конф., 27-29 апреля 1993 г. Симферополь, 1993.
42. *Прохоров Д. А.* Караимский художник Михаил Казас: К 120-летию со дня рождения // Українська культура та ментальність: самобутність в умовах глобалізації. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції, 13-15 лютого 2009 р. Сімферополь, 2009.
43. *Паврушина Е.* Шедевры графики // Крымские известия. 2005. № 126(3356). 13 июля.
44. Казас Михаил Моисеевич (1889–1918) // Когонашвили К. К. Краткий словарь истории Крыма. Симферополь, 1995.
45. *Барановская Л. В.* Казас Михаил Моисеевич // Севастополь. Энциклопедический справочник. Севастополь, 2000.
46. *Коротко А.* Транскрипция мысли. Симферополь, 2002.
47. *Веремеев Ю.* Екатеринбургский пехотный полк. Краткий очерк истории одного полка

- Русской армии // Анатомия армии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://army.armor.kiev.ua/hist/ekaterin_polk.shtml (12.02.2014).
48. Путь борьбы (Севастополь) // Крымский вестник. 1918. 15 марта.
 49. М. Памяти погибших (23 февраля 1918 – 23 февраля 1919) // Крымский вестник. 1919. 23 февраля.
 50. А. К. [Катык А. И.] Скорбный лист // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, июль 1918. № 1.
 51. Летопись: Определен на службу... [о назначении И. М. Казаса] // Салгир. 1902. № 24. 28 января.
 52. *Заболоцкий Е. М.* «Вероисповедание иудейское». Евреи – горные инженеры. Горное профессиональное общество дореволюционной России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russsmin.narod.ru/judmin01.html> (24.01.2013).
 53. РГИА. Ф. 34. Оп. 48. Д. 2969.
 54. Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917-1920 гг.; Сост., научн. ред. и коммент. В. В. Крестьянникова. Симферополь, 2005.
 55. *Крестьянников В. В.* Структура Черноморского флота и крепостей Черноморского побережья в годы Первой Мировой войны // Севастополь: память о прошлом. Сб. научн. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В. В. Крестьянников. Севастополь, 2007.
 56. ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 84.
 57. *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920-1921 годы. Киев, 2005.
 58. ГАРК. Ф. 376. Оп. 5. Д. 13600.
 59. Книга памяти города-героя Севастополя; Севастопольская городская редколлегия «Книги памяти»; Музей героической обороны Севастополя; Под ред. В. А. Заичко, П. Я. Веселова, Е. И. Жуковой, П. М. Рогачева и др.; В 4-х т. Симферополь, 1994. Т. 1.
 60. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1387.
 61. *Терещук Н. М.* Роль представителей купеческого сословия Севастополя в формировании межнациональной толерантности в Крыму и укреплении нравственных устоев общества в XIX – начале XX века // Caraimica. Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. Слипери-Рок, США; Симферополь, Украина, 2010. Vol. XII.
 62. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* 1918 год в Крыму: Большевики приходят к власти // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 16.
 63. *Ельяшевич Б. С.* Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»; Под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
 64. Воспоминания Ю. Гавена «Первые шаги советской власти в Крыму». «Варфоломеевская ночь в Севастополе» // Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917 – февраль 1918 гг. Документы и материалы / Сост. В. В. Крестьянников, Н. М. Терещук. Севастополь, 2009.
 65. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 2661.

66. *Бобков А.А.* Разворот Солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в русской смуте. Год 1918. Феодосия; Симферополь, 2008.
67. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 2762.
68. Реабилитированные историей. В 27 т.; Под общ. ред. Д. В. Омельчука; М. Р. Акулов, Н.Ю. Булгаков, А. Ю. Вакатов, Л. П. Вакатова и др. Симферополь, 2009. Кн. VI: Автономная республика Крым.
69. Высочайшим приказом... [о награждении Авраама Хаджи Георгиевским оружием] // Крымский вестник. 1916. № 234. 11 сентября.
70. Алфавитный список кавалеров ордена св. Георгия и Георгиевского оружия, награжденных за отличия в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Георгиевские кавалеры периода Первой мировой войны: именные списки: литера «Х». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.history-gyazan.ru/node/11671> (27.01.2014).
71. Флот в Белой борьбе / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М., 2002.
72. *Волков С. В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: В 2 т. М., 2012. Т. 2.
73. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-2001: В 6 т. / Рос. гос. б-ка; Сост. В. Н. Чуваков; Под ред. Е. В. Макаревич. М., 2007. Т. 6, кн. 3: «Х–Я».
74. *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003.
75. *Дуван С. Э.* Я люблю Евпаторию; Сост. и авторы вступ. статьи М. В. Кутайсова, В. А. Кутайсов; Под общ. ред. Т. Н. Смекаловой. Симферополь, 2013.
76. *Вихнович В. Л.* Поразительна судьба караимов в XX веке // Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012.
77. *Коджак И.* Еврейский вопрос. Культурно-государственная проблема еврейства (перцепта). Харбин, 1935.
78. *Коджак И. Б.* Социософия: Новая наука о государстве как социальном организме, и его душе – прогрессе. [Харбин], 1937. Ч. 1.
79. *Коджак И. Б.* Патетическая симфония. К 50-летию 6-й симфонии П. И. Чайковского. Харбин, 193(?)
80. *Коджак И.* Око в окне. Харбин, 1932.
81. Szparszal S. Oko w oknie – Pja Kodzak, Kharbin, 1932 [Рецензия на очерк И. Коджака «Око в окне»] // *Myśl Karaimska*. Wilno, 1934. Zeszyt 10.
82. Коджак Илья Бабакаевич // Архивы Хабаровского края. «Главное Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.khabkrai.ru/brem/?q=202&p=13> (09.02.2014).
83. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-2001: В 6 т. / Рос. гос. б-ка; Сост. В. Н. Чуваков; Под ред. Е. В. Макаревич. М., 2001. Т. 3: «И–К».
84. Русский заграничный исторический архив в Праге – документация. Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном

- архиве Российской Федерации; Сост. Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева. Praga: Nacional'naja biblioteka Āešskoj respubliki – Slavjanskaja biblioteka, 2011.
85. *Крадин Н. П.* Художники Дальнего Востока (XIX – середина XX вв.). Хабаровск, 2009.
 86. Коджак Михаил Бабакаевич // Искусство и архитектура Русского зарубежья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.artz.ru/places/1804818685/1804870089.html>
 87. ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 2032.
 88. Центральный государственный архив Советской армии. Путеводитель: В 2-х т; Под ред. Л. В. Двойных, Т. Ф. Каряевой, М. В. Стеганцева; Сост. Т. Ф. Каряева, Н. Н. Волкова, Н.Е. Елисеева. Миннеаполис, 1991-1993. Т. 1.
 89. ГАГС. Ф. Р-420. Оп. 6. Д.137.
 90. Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915. Т. 15.
 91. *Габаев Г. С.* Роспись русским полкам 1812 года. Справочник. Киев, 1912.
 92. Высочайший приказ от 16 октября 1901 г. // Артиллерийский журнал. СПб., 1902. № 1. Часть официальная. Приказы.
 93. ГАГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 130.
 94. Приказание командующего Черноморским флотом № 606 от 6 января 1917 г. // Военно-исторический музей Черноморского флота России, г. Севастополь.
 95. Приказание командующего Черноморским флотом № 282 от 23 января 1917 г. // Военно-исторический музей Черноморского флота России, г. Севастополь.
 96. Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя (НМГООС). К-997.
 97. ГАГС. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 30.
 98. *Бровко Л.* Язык символов Михаила Казаса. К 120-летию со дня рождения художника // Крымские известия. 2009. № 144(4347). 8 августа.
 99. Выставка работ художника Михаила Казаса открылась впервые в Одессе // Одесские новости. 2004. № 279. 3 августа.
 100. *Подуфальный Р.* Мотивы «Шествий» Михаила Казаса в контексте крымского искусства // Пилигримы Крыма. Осень-98. Симферополь, 1999.
 101. Античные сюжеты в творчестве Михаила Моисеевича Казаса (1889-1918) // Симферопольский художественный музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://simhm.com/picture/119-antichnye-syuzhety-v-tvorchestve-mihaila-moiseevicha-kazasa-1889-1918.html>

Прохоров Д. А.

**Караимы Севастополя в составе российской армии в 1914-1917 гг.:
биографии участников Первой мировой войны**

Резюме

В научной и научно-краеведческой литературе имеются разрозненные сведения относительно участия караимов в Первой мировой войне. Однако следует отметить, что эти данные не отличаются полнотой и носят, в большинстве своем, отрывочный характер; в ряде случаев встречаются фактические ошибки и неточности.

Целью статьи является анализ выявленных сведений о караимах, проживавших в Севастополе и призванных в ряды российской армии с 1914 по 1917 гг. Кроме того, в задачи публикации входит реконструкция биографий караимов-военнослужащих российской армии, проходивших воинскую службу в Севастополе в указанный период. При работе над статьей использовались архивные документы, хранящиеся в делах фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления Государственного архива в Республике Крым (Симферополь), в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива г. Севастополя, сборники по статистике конца XIX – начала XX вв., сведения, содержащиеся в различных биографических справочниках, мемуары участников военных действий, а также материалы дореволюционной периодической печати.

Сделан вывод о том, Севастопольским воинским присутствием с 1914 по 1917 гг. было мобилизовано 34 караима; всего же представителей караимских общин, призванных из Севастополя или проходивших здесь службу (как самих севастопольцев, так и выходцев из других городов), насчитывался 61 человек. Среди призванных из Севастополя, а также проходивших здесь службу караимов было: 12 офицеров, 41 рядовой (впоследствии один произведен в офицеры), 4 вольноопределяющихся (двое повышены в чине), 2 представителя санитарного и медицинского персонала, 1 военный чиновник; по двум военнослужащим данные о воинском чине обнаружены не были. В числе военнослужащих: находившихся в действующей армии в районе боевых действий (подтверждено документами) – 32 человека; служивших в ротах государственного ополчения – 15 человек. Многие из числа севастопольских караимов в период с 1914 по 1917 гг. были представлены к различным боевым наградам как особо отличившиеся в военных операциях против неприятеля.

Prokhorov D. A.

**The Karaites of Sevastopol in the Russian Army in 1914-1917:
Biographies of Participants in World War I**

Summary

There is scattered information on the Karaites' participation in World War I in scientific and scientific-local history literature. However, it should be noted that these data is not complete and have fragmentary character; in some cases, there are some factual mistakes and inaccuracies.

The purpose this article is the analysis of discovered information on the Karaites who lived in Sevastopol and were called up to military service in the Russian Army from 1914 to 1917. The task of this publication is reconstruction of biographies of the Karaites-servicemen of the Russian Army who served in Sevastopol in this very period. Archive documents kept in the funds of Taurida and Odessa Karaite Religious Management of the State Archive in Republic of Crimea (Simferopol), in the Funds of Russian State Historic Archive (St Petersburg), the State Archive in Sevastopol, collections on statistics dating to the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries, data from various bibliographic reference books, memoirs of participants of military operations and the materials of pre-revolutionary periodicals were used during the work on this article.

The conclusion was drawn that from 1914 to 1917, 34 Karaites were mobilized; all in all there were 61 representatives of Karaite communities mobilized from Sevastopol or they served here. Among those who were mobilized from Sevastopol and those who served here, there were 12 officers, 41 privates (later one of them was promoted to the rank of an officer); 4 volunteers (two of them were promoted to a higher rank), 2 representatives of sanitary and medical personnel, 1 military official; no information on 2 of military personnel was found. Among military personnel in the Army in the Field in the district of combat operations (proven with documents) – 32 people, 15 people served in companies of volunteer corps. In the period from 1914 to 1917 many Karaites from Sevastopol were nominated for different awards as particularly distinguished in military operations against enemies.

Реестр караимов Севастополя, призванных для прохождения службы в ряды российской армии в период с 1914 по 1917 гг.¹⁶

№ п/п	Ф.И.О., социальный статус	Населенный пункт, в котором проживал	Место и дата призыва, каким по воинской повинности присутствием призван	Место прохождения службы, дислокация воинского подразделения	Особые отметки (награды, ранения и пр.)
1	2	3	4	5	6
1.	Баккал Авраам Иосифович	Бахчисарай	призван из запаса в 1914 г. Симферопольским по воинской повинности присутствием; поступил в Севастополь вольноопределяющимся ¹⁷	находился в действующей армии; 70-й Рижский полк, XIV-й армейский корпус, 18-я пехотная дивизия, 34-й запасной батальон; присвоено звание штабс-капитана	награжден боевыми орденами (?) с мечами; был убит в 1920 г.
2.	Баккал Иосиф Исакович	Бахчисарай Севастополь	/ призван в 1914 г. Симферопольским по воинской повинности присутствием ¹⁸ ; поступил в Севастополь вольноопределяющимся	произведен в прапорщики; находился в действующей армии, 70-й пехотной дивизии, в 279-м Лохвицком 2-й очереди пехотном полку; 32-м резервном батальоне, командир роты	убит 10 ноября 1914 г. в дер. Щитове Меховского уезда Келецкой губернии

¹⁶ С включением данных о караимах из других общин, призванных и проходивших службу в Севастополе во время Первой мировой войны.

¹⁷ Вольноопределяющийся – согласно «Уставу о воинской повинности», нижний чин Российской императорской армии, поступивший на воинскую службу добровольно и пользовавшийся определенными льготами. Например, вольноопределяющиеся несли все обязанности нижних чинов, кроме участия в хозяйственных работах.

¹⁸ По другим данным, был призван Бахчисарайским по воинской повинности присутствием [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1287. Л. 36 (об.)].

3.	Кефели Иосиф Эфраимович	Бахчисарай	призван на действительную службу в 1915 г. Севастопольским по воинской повинности призывом	находился в Керчи в фельдшерском училище; по его окончании присвоено звание фельдшера	
4.	Коген-Пенбек Давид Яковлевич	Бахчисарай	призван на действительную службу в 1914 г. Севастопольским по воинской повинности призывом	ополченец 1-го разряда; находился в Симферополе; в 34-м резервном батальоне, 6-я рота	
5.	Майгоп Бераха Исаакович	Евпатория	<i>данных нет</i>	нижний чин (рядовой), службу проходил в Севастополе	
6.	Аксуяк Исаак (?)	Севастополь	призван Симферопольским по воинской повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 84-я рабочая рота государственного ополчения, в Севастополе	
7.	Аппак Моисей Вениаминович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, 82-я пехотная дивизия, 326-й Белгородский 2-й очереди пехотный полк	
8.	Аппак Эзра Моисеевич	Севастополь	призван Рижским по воинской повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии	
9.	Бешеш Исаак Тохтамышевич	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой)	уволен от службы в связи с выслугой лет 1 января 1915 г.

10.	Джумук Азарья Яковлевич, (19.10.1892-?), феодосийский мещанин	Севастополь / Феодосия	призван из ополчения Новороссийским по во- инской повинности при- сутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, штаб Кавказского армей- ского корпуса; в мае 1915 г. – в 12-м Кавказском стрелковом полку 3-й Кавказской стрелковой дивизии	
11.	Дормадор Марк Пашевич	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, XXV армейский корпус, 3-я гренадерская диви- зия, 2-я гренадерская бригада, 11-й гренадер- ский Фанагорийский Е. И. В. Великого Князя Дмитрия Павловича полк	
12.	Дубинский Илья-Шломо Авраамович	Бахчисарай / Симферополь	призван в 1914 г. Симферопольским по во- инской повинности при- сутствием	ополченцем 1-го разряда, находился в Бельбеке ¹⁹ , в 84-й саперной роте госу- дарственного ополчения	
13.	Дубинский Нисан Наганович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), (?) резервный батальон в Симферополе	

¹⁹ Бельбек – ныне с. Фруктовое в Нахимовском районе Севастопольского горсовета, в составе Верхнесадовского сельсовета.

14.	Казас Илья Моисеевич	Севастополь	призван из запаса Севастопольским по военной повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	прапорщик запаса; Севастопольский крепостной пехотный батальон. В конце 1916 г. прикомандирован к штабу отрядов средств борьбы с подводными лодками (до 23 января 1917 г.). В январе 1918 г. – старший флот-офицер оперативной части штаба отрядов средств борьбы с подводными лодками	за безупречную службу и проявленную храбрость был представлен ордену Св. Анны IV степени
15.	Казас Михаил Моисеевич	Севастополь	призван Севастопольским по военной повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	прапорщик; в действующей армии, V армейский корпус, 10-я пехотная дивизия, 37-й пехотный Екатеринбургский полк	награжден орденом Св. Станислава III степени с мечами и бантом (за отличие в делах против неприятеля); погиб в Севастополе 23 февраля 1918 г., во время «красного террора»
16.	Казас Соломон Аронович	Севастополь	студент-медик Московского государственного университета, был призван в 1915 г.	в действующей армии, в составе российского контингента войск в Персии	
17.	Камач Абрам Эммануилович	Севастополь	призван Севастопольским по военной повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 62-я пехотная дивизия, 246-й Бахчисарайский 2-й очереди полк	
18.	Каракаш Марк Пашевич	Севастополь	призван Евпаторийским по военной повинности призывом (в период до апреля 1915 г.)	чиновник, в действующей армии, 62-я пехотная дивизия; в управлении интенданта	

19.	Кефели Давид Моисеевич	Севастополь	призван Евпаторийским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	вольноопределяющийся, в действующей армии, полевая артиллерия 13-й Сибирской артиллерийской бригады	награжден орденом Св. Анны IV степени
20.	Кефели Юфуда Симович, потомственный почетный граж- данин	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	офицер, 77-я пехотная дружина государственного ополчения в Балаклаве	
21.	Коген-Пенбек Давид Яковлевич	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 4-е кавалерийское резервное отделение, в Александровске	
22.	Коген-Пенбек Илья Берухович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 33-й резервный батальон в Симферополе	
23.	Коджак Еремей (Иеремия) Давидович (1894– 1966)	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 49-й резервный батальон в Симферополе; впоследствии – поручик Крымского конного полка	
24.	Коджак Илья Бабакаевич (1897–1967)	Севастополь	<i>данных нет</i>	служил в должности прапорщика в железнодорожных войсках в Харбине, а затем – в авиационном отряде в Чите (Забайкалье)	после 1920 г. в эмиграции; с 1922 по 1929 г. жил во Франции

25.	Коджак Михаил (Моле) Бабакаевич (1897-?)	Севастополь	<i>данных нет</i>	с началом Первой мировой войны ушел на фронт добровольцем	был участником Гражданской войны, воевал на стороне белых. В эмиграции с 1920 г.
26.	Круглевич Сима (Симха) Яковлевич	Севастополь / Одесса	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	интендантское управление в Севастополе; старший унтер-офицер, пионер, продовольственный магазин в Севастополе	
27.	Культе Юфуда Маркович	Севастополь	призван Евпаторийским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 470-я Таврическая пехотная дружина государственного ополчения	
28.	Кумыш Илья Абрамович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 81-я рота ополчения в Севастополе	
29.	Кумыш Марк Абрамович	Севастополь	призван Бахчисарайским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), VII армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 51-й пехотный Литовский Е. И. В. Наследника Цесаревича полк	был ранен в бою; по данным на апрель 1915 г. находился в команде выздоравливающих в госпитале в Симферополе
30.	Кумыш Самуил Абрамович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, 62-я артиллерийская бригада	

31.	Кумыш Самуил Абрамович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, XXV армейский корпус, 3-я гренадерская дивизия, 11-й гренадерский Фанагорийский Е. И. В. Великого Князя Дмитрия Павловича полк	уволен со службы по болезни 24 января 1915 г.
32.	Леви[-Бабович] Илья Симович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), VII армейский корпус, дивизионный лазарет 13-й пехотной дивизии ²⁰	
33.	Леви Марк Симович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 456-я пешая Херсонская дружина государственного ополчения в Николаеве	представлен к 2-м Георгиевским крестам III и IV степени
34.	Леви Товия Эммануилович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), Севастопольский крепостной батальон	уволен со службы в связи с выслугой лет 1 января 1915 г.

²⁰ По сообщению севастопольского газзана Т. С. Леви-Бобовича в ТОКДП от 22 апреля 1915 г., «относительно некоторых лиц полных требуемых сведений нельзя было получить, поему некоторые вопросы, относящиеся к таким лицам, оставлены без ответа» [37, л. 28]. Брат газзана И. С. Леви-Бабович проходил службу в 51-м пехотном Литовском полку, входившем в состав VII армейского корпуса 13-й пехотной дивизии 2-й бригады, дислоцировавшемся, по данным на июль 1914 г., в Симферополе [90, с. 17; 91, с. 182].

35.	Леви Эммануил Симович	Севастополь	призван Севастопольским по военной повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	вольноопределяющийся, VII армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 50-й пехотный Белостокский полк	был тяжело ранен в бою 28 августа 1914 г. у г. Русская Рава (под Львовом); отправлен в отпуск «для поправки здоровья»
36.	Майтоп Бераха Исаакович	Севастополь	призван Евпаторийским по военной повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), Севастопольская крепостная артиллерия в г. Севастополе	
37.	Ормели Эзра Моисеевич	Севастополь	призван Севастопольским по военной повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), Ливадийская караульная команда в Ялте	
38.	Паша Илья Яковлевич	Севастополь	призван Бахчисарайским по военной повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), Севастопольская крепостная артиллерия в Севастополе	
39.	Пенерджи Эммануил Самуилович	Севастополь / Симферополь	призван Симферопольским по военной повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 84-я рабочая рота государственного ополчения, в Севастополе	
40.	Прик Яков Михайлович	Севастополь / Симферополь	призван Симферопольским по военной повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 85-я рабочая рота государственного ополчения, в Севастополе	

41.	Савускан Авраам Исаакович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии	был ранен в бою; в апреле 1915 г. находился в слабосильной команде ²¹ в г. Ярославле
42.	Савускан Сарпалом Исаакович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии	в апреле 1915 г. в слабосильной команде в г. Петрограде
43.	Сарибан Самуил Абрамович (1880–?)	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 85-я крепостная рабочая рота в Севастополе	21 октября 1908 г. С.А. Сарибан сочетался в Севастополе вторым браком с дочерью евпаторийского мецаннина Саррой Кальфа ²²
44.	Тонгур Борис Ефимович (Юфудович)	Севастополь	в 1916 г. был мобилизован в Севастопольскую крепостную артиллерию	нижний чин, числился рядником 2-го разряда; согласно законам военного времени, получил звание прапорщика	с установлением советской власти в Крыму в 1918 г. состоял на службе в Севастопольской крепостной артиллерии помощником командира батареи по хозяйству. После занятия Крыма германскими оккупационными войсками был уволен с военной службы

²¹ «Слабосильная команда» – воинское подразделение или отделение госпиталя в российской армии, предназначенное для восстановления боеспособности военнослужащих после завершения лечения, прообраз команды выдворяливающих.

²² ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1074. Л. 10.

45.	Фарумда Исаак Юфудович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, XXII армейский корпус, 4-я Финляндская стрелковая бригада, 13-й Финляндский стрелковый полк	комиссован из рядов российской армии по ранению в 1917 г.
46.	Фуки Илья Абрамович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, 62-я пехотная дивизия, 245-й Бердянский 2-й очереди пехотный полк	убит в бою 4 октября 1914 г. при взятии укрепленного объекта неприятеля
47.	Фуки Нахаму-Бабакай Исаакович	Севастополь / Симферополь	призван из запаса Севастопольским по воинской повинности присутствием, мобилизован 1 августа 1914 г.	прапорщик, XII армейский корпус, 19-я пехотная дивизия, 73-й пехотный Крымский Е. И. В. Великого Князя Александра Михайловича полк; командовал ротой	в 1918 г. в армии гетмана П.П. Скоропадского; 30 сентября 1918 г. – помощник командира 15-го полка. Военнослужащий Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и Русской армии; с марта 1920 г. был назначен командиром 49-го пехотного Брестского полка
48.	Хаджи Авраам Вениаминович (1875–1947)	Севастополь		Севастополь, пехотный батальон Севастопольской крепости; затем – подполковник, впоследствии полковник 49-го пехотного Брестского полка, 7-й армейский корпус, 13-я пехотная дивизия, 1-я бригада	

49.	Харсун Элизер (Лазарь) Семенович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 32-й резервный батальон в Симферополе	в 1915 г. заболел и был помещен в Севастопольский крепостной временный госпиталь, был уволен как больной туберкулезом.
50.	Харченко Михаил Давидович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 33-й резервный батальон в Симферополе	в 1920-х – 1930-х гг. проживал в Севастополе; участник ВОВ; пропал без вести в апреле 1944 г.
51.	Шайтан Анука (Ганука) Юфудович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 2-я саперная рота в Севастополе	
52.	Шайтан Мордехай Абрамович	Севастополь	призван Евпаторийским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, 82-я пехотная дивизия, 326-й Белгорайский 2-й очереди пехотный полк	награжден 2-мя Георгиевскими крестами II и III степени; комиссован по ранению
53.	Шайтан Самуил Абрамович	Севастополь	призван Евпаторийским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), 77-я пехотная дивизия, 308-й Чебоксарский 2-й очереди пехотный полк	был ранен в бою 23 августа 1914 г.; по излечении вернулся к месту прохождения службы
54.	Эрак Соломон Юфудович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	офицер, 70-я пехотная дивизия, в 279-м Лохвицком 2-й очереди пехотном полку	был ранен в бою 10 октября 1914 г., награжден боевым орденом
55.	Япшиш Иосиф Юфудович	Севастополь	призван Севастопольским по воинской повинности присутствием (в период до апреля 1915 г.)	нижний чин (рядовой), в действующей армии, при штабе 62-й пехотной дивизии	

56.	Хаджи Авраам Симович	Симферополь	<i>данных нет</i>	рога государственного ополчения в Севастополе; в чине подпоручика	согласно постановлению чрезвычайной тройки ВЧК при РВС Южного фронта от 22 ноября 1920 г. был расстрелян в Симферополе 22 ноября 1922 г.
57.	Хаджи Юфуда Симович	Симферополь	<i>данных нет</i>	нижний чин (рядовой), (?) рота государственного ополчения в Севастополе; закончил школу прапорщиков	арестован 21 ноября 1920 г. ОО 46-й дивизии; 22 ноября 1920 г. был из-под стражи освобожден за недоказанностью обвинения
58.	Рофе Исаак Юфудович	Ялта	призван Севастопольским по военной повинности присутствием (в период до 22 мая 1915 г.)	прапорщик запаса, в действующей армии; XIX армейский корпус, 17-я пехотная дивизия, 66-й пехотный Бугурский герала Дохтурова полк	
59.	Безикович Леви Моисеевич	Одесса	призван в 1-ю мобилизацию Одесским уездным воинским начальником	капитан, 458-я пешая Херсонская дружина государственного ополчения в Севастополе	
60.	Ичаджик Илья Исаакович	Одесса	призван в 1-ю мобилизацию Одесским уездным воинским начальником	прапорщик, 458-я пешая дружина государственного ополчения, в Севастополе	
61.	Прик Моисей Абрамович	Одесса	призван в 1-ю мобилизацию Одесским уездным воинским начальником	нижний чин (рядовой), 564-я пешая Саратовская дружина государственного ополчения в Севастополе	

Рис. 1. Прапорщик Михаил Моисеевич Казас (1889-1918). Фото из фондов Симферопольского художественного музея.

Рис. 2. Художники М. М. Казас, Л. Афанасьев, Ф. Копп, В. Золотарев в интерьере «Выставки четырех» в Севастополе (1910 г.). Фото из фондов Симферопольского художественного музея.

Рис. 3. М. М. Казас в чалме.
Фото из фондов Симферопольского художественного музея.

Рис. 4. М. М. Казас в художественной мастерской с натурщиком. Фото из фондов Симферопольского художественного музея.

Рис. 5. М. М. Казас. Спящий старший брат (Илья Моисеевич Казас). Бумага, картон. Декабрь 1913 г. Фонды Симферопольского художественного музея.

Рис. 6. М. М. Казас. Портрет отца. Холст, масло. 1909 г. Фонды Симферопольского художественного музея.

Рис. 7. Титульный лист книги И. Б. Коджака «Еврейский вопрос. Культурно-государственная проблема еврейства (перцепта)» (1935 г.).

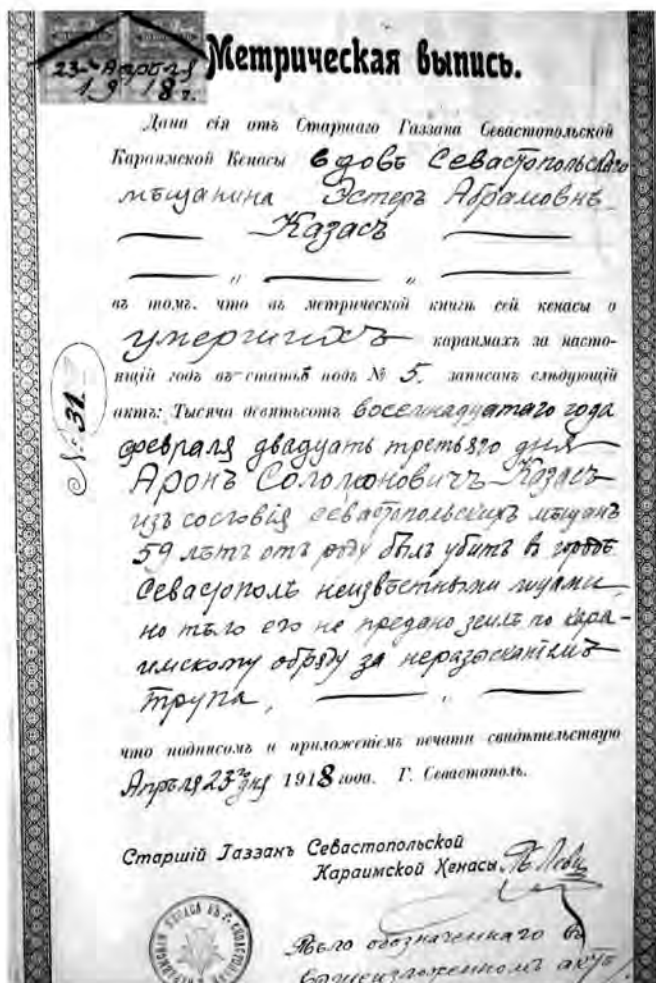

Рис. 8. Метрическая выписка о смерти севастопольского купца А. С. Казаса (1918 г.). ГАРК.

РЕЦЕНЗИИ

В. П. СТЕПАНЕНКО

Рец. на: Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. – СПб.: Евразия, 2012. – 496 с., 90 илл., 48 с. цв. илл.

В одной из статей сборника, посвященного юбилею Марка Григорьевича Крамаровского, он назван джучиеведом, что, несомненно, значительно сужает масштаб личности юбиляра как исследователя. Название рецензируемой работы значительно расширяет и уточняет круг его интересов – от Золотой Орды до Италии. Заголовок «человек улицы» призван продемонстрировать, что объектом исследования является культура средневекового города на основе совокупности всех категорий источников – от археологических до нарративных.

Город вполне конкретен – М.Г. Крамаровский вот уже тридцать лет работает в Старом Крыму-Солхате, одной из столиц Золотой Орды и, несомненно, одном из типичных городов эпохи. Особенностью Солхата является его местоположение – в Крыму, на стыке, как минимум, четырех культур: собственно ордынской, при всей сложности составляющих ее компонентов, малоазийской («румской»), провинциальной итальянской и столь же провинциальной византийской.

Монография состоит из трех неравноценных по объему разделов и 25 очерков. Естественно, что раздел I «Дешт-и-Кыпчак и Крым в монгольскую эпоху» наиболее полон – 15 очерков, раздел II «Золотая Орда и Византия» состоит из 3 очерков и раздел III «Золотая Орда и Италия» – из 7. Вероятно, возможно было бы выделить разделы, посвященные контактам Орды с Румом и Египтом, но соответствующие очерки

попали в первый раздел. Часть работ была издана ранее в виде отдельных статей, часть публикуется впервые. В первом очерке автор ставит проблемы специфики культуры Дешт-и-Кыпчак в границах улуса Джучи. Далее эта проблематика продолжается и детализируется в очерках, посвященных ордынской торевтике (I.2,6) и керамике (I.3,4).

Автор характеризует особенности ордынской цивилизации, отмечая ее сложность и многокомпонентность, во многом связанную как с теми хозяйственными укладами, которые ее породили – кочевым скотоводческим и оседлым земледельческим, так и этно-культурным многообразием ее населения, особенно в Крыму XIII-XIV вв. В том же Солхате проживали сармато-алано-готы, как называет А. И. Айбабин местное население, потомки монголов, кыпчаки, тюрки, в том числе и выходцы из Малой Азии (т.н. сельджуки), греки и армяне, вероятно, персы и арабы, «франки», преимущественно генуэзцы, владевшие в это время крымским побережьем от Керчи до Чембало. На юго-западе Крыма в это время медленно умирал византийский Херсон и формировалось христианское княжество его округи (будущее Феодоро), позже – юрт Гиреев. В устье Дона находилась венецианская Тана. Все это предопределило предельную пестроту и сложность как этнического и конфессионального состава населения Крыма золотоордынского периода, так и многовекторность его внешних контактов от Армении, Рума, Киликии и мамлюкского Египта до Византии и Италии.

Название книги предельно широко и охватывает всю пестроту сюжетов и многогранность исследований. Вряд ли человек средневековой улицы применительно к золотоордынскому городу носил золотой пояс или же пояс с эмальями (I.6), хотя находка венецианского стекла в округе Солхата дала возможность исследователю констатировать достаточно широкий в социальном плане ареал его использования (III.24).

Как отмечалось ранее, основные научные интересы М. Г. Крамаровского связаны с археологическими исследованиями золотоордынского Солхата. Как следствие, большая часть разделов книги прямо или косвенно посвящена ему или основана на добытых здесь материалах. В то же время основой ряда статей явились как прошлые находки в Крыму (Симферопольский клад), так и недавние в Азове (чаша с фениксами).

Раздел «Монгольский пир и чингизидская сокровищница» основан как на анализе группы монгольских поясных чаш, так и текстах хронистов эпохи. Пир как ритуал был достаточно формализован, анализ источников дал возможность исследователю определить «место посуды из золота и серебра в обыденной жизни и на пиру». Как выясняется, наличие поясной чаши из драгоценного металла в известной степени было связано со статусом ее обладателя в монгольском обществе.

Полиэтничность населения Золотой Орды имела следствием и его полилингвизм. В монгольской среде говорили на старомонгольском, уйгурско-карлукском и тюркском, до перехода на арабскую графику пользуясь уйгурским письмом. Позже

монгольский был вытеснен среднеазиатским, тюркским с заимствованиями из арабского и персидского языков. Но постепенно на основе кыпчакских диалектов формируется разговорный язык, тогда как арабская графика в связи с исламизацией монголов становится преобладающей в рукописной традиции. Немногочисленность сохранившихся до наших дней рукописей в известной степени компенсируется эпиграфическими памятниками, дошедшими до нас в большом количестве. И если распространение арабского языка, языка Корана, было связано с процессом исламизации, то формирование городской культуры в известной степени опиралось на персидский язык и связанные с ним традиции. Определенную роль здесь играли не только непосредственные контакты с государствами Чагатаидов и Ильханов, но и опосредованные – через Румский султанат, где фарси был языком двора, бюрократии и культуры.

Культуре христианских общин Золотой Орды посвящены очерки I.4 и I.9. Яркими представителями данных общин, в большей степени, являются армянские, чье появление на территории Орды было связано как со сложной внешнеполитической ситуацией в Закавказье и Киликии, так и с формированием золотоордынского города, в коем они приняли активное участие как ремесленники и торговцы. Существование армянских скрипториев на ордынской территории и особенно в Крыму общеизвестно, а их контакты со скрипториями вне Орды, от Египта до Италии, давно исследованы. Особенно показательны это для Солхата, где рукописи переписывали как в самом городе, так и в армянских монастырях округи. Косвенные данные свидетельствуют в пользу существования в том же Солхате католической общины, преимущественно итальянской, и, вероятно, генуэзского квартала или подворья.

На основании множества примеров автор демонстрирует значимость конфессиональной принадлежности, которая в данный период явно преобладала над этнической. Тюрки принимали православие, армяне – католицизм, греки – ислам. Для XIII в. это ярко описано армянским поэтом Ованесом Ерзынкаци Плузом в его «песне любви» «Ованес и Айша».

Проблемы контактов Крыма с Малой Азией в период существования Румского султаната и в эпоху бейликов ставятся и решаются в трех очерках. Основой для выделения малоазийского (сельджукского) компонента в культуре золотоордынского Крыма явились как памятники архитектуры самого Солхата («мечеть Узбека», медресе Инджи бек Хатун и др.) (I.13), так и произведения прикладного искусства – торевтики, керамики, стекла, как, например, пояс из погребения в Мангупской базилике (I.10), знаменитая ныне благодаря публикациям М. Г. Крамаровского чаша («тазик») с пиршественной сценой из Солхата (I.11) и стеклянная лампа мечети оттуда же (I.12).

Анализируя данные памятники и привлекая немногочисленные аналогии, исследователь рассматривает парадные пояса, выделяя группу, созданную на территории Малой Азии и стилистически близкую к ней, по его мнению, созданную в Крыму.

Более детален анализ технологии производства, декора и сюжетной композиции

чаши из Солхата. По причине единичности и уникальности памятника, и не только для Крыма, М. Г. Крамаровскому пришлось обратиться к ближневосточной ремесленной традиции Сирии и Малой Азии (керамика из Эль Мины и Амасьи), истолковав сцену на чаше как изображение молодежной пирушки в духе футтувы. Как следствие, из массы крымской керамики данного периода удалось впервые выделить группу, связанную с малоазийскими центрами, мало и плохо известную «сельджукскую» керамическую традицию.

Архитектурным памятникам Солхата посвящены очерки I.13 и I.14. Автор рассматривает их в контексте малоазийской архитектурной традиции, приводя в качестве аналогий декор малоазийских сооружений румского периода. К сожалению, большая часть зданий Солхата как религиозного, так и светского предназначения известна нам или по «Запискам» Эвлии Челеби, или же находится в руинированном состоянии. Судя по зарисовкам М. М. Иванова, ныне хранящимся в Русском музее, в конце XVIII в. портал медресе еще не был разрушен. К сожалению, этот рисунок в очерке не воспроизведен, хотя он и дает относительно полное представление об архитектурных формах и декоре памятника. Продолжаются дебаты относительно принадлежности портала, аркады и михраба т.н. мечети Узбека ныне существующему зданию. По мнению М. Г. Крамаровского, они были заимствованы из старой мечети, местоположение которой ныне неизвестно, и встроены в новое здание. И медресе, учитывая, что фрагменты его декора хранятся в разных музеях Украины и России, и мечеть нуждаются в отдельном монографическом исследовании.

Несколько вне контекста раздела оказались два очерка, посвященных предельно ярким и уникальным памятникам, имеющим косвенное отношение к золотоордынскому Крыму, но ярко характеризующие восточные контакты Золотой Орды со Средней Азией-Ираном и юаньским Китаем. Первый посвящен кубку с фениксами из Азова (I.5), второй – поясу с эмальями из Киргизии (I.15). При кажущейся уникальности азакского кубка автору удалось обнаружить аналогии в плане декора и технологии производства на территории государства Чагатаидов в Ургенче и Сарайчике и проследить истоки сюжетной композиции в фарфоре юаньского Китая. Пояс с эмальями из Шельджи атрибутирован юаньскому Китаю, хотя подобная технология известна там не ранее минского периода, т.е. со второй половины XIV в.

Второй раздел работы состоит из трех очерков, призванных охарактеризовать контакты ордынского Крыма с Византией и с тогда уже не принадлежавшими им Балканами, преимущественно Вторым Болгарским царством. Исследователь анализирует поливную керамику эпохи на примере чаш из Крыма (замегаим, что иллюстрации 59 и 60 переставлены местами) и Болгарии (Несебр), интерпретируя сюжет последней как эпизод «Дигениса Акрита», а саму чашу рассматривая как характерный образец византийского сграффито.

Кладам из крепости Долище около Варны, изданным в свое время В. Павловой, посвящен большой очерк «Анатолия, Добруджа и Восточный Крым во второй половине XIII – XIV вв. по данным археологии». В Долище найдены византийские

наперсные иконки с изображениями Христа св. воинов (нагрудные, а не наградные – как в тексте) и пять парадных поясов, атрибутированных как воинские и наградные. Много сложнее проблема места их изготовления и принадлежности к той или иной ремесленной традиции, так как стилистически они весьма разнородны, а временами и эклектичны. Тем не менее, исследователь приписывает, по крайней мере, два пояса болгарским мастерам, отмечая в то же время в их декоре малоазийские мотивы, как-то византийские и преимущественно сельджукские. По его мнению, в данный период имело место появление тюркских контингентов на Балканах в связи с усобицами в Руме, одним из последствий которых было бегство султана Изз ад дина Кейкавуса II в Крым и его пребывание в Солхате.

И, наконец, последний раздел «Золотая Орда и Италия» состоит из 7 очерков, призванных хотя бы фрагментарно, насколько это позволяют источники, проследить прямые или опосредованные контакты Крыма, и не только золотоордынского, с Италией.

Первый очерк – комментарий к посланию Петрарки к архиепископу Генуи Гвидо Сетте, один из пассажей которого посвящен «бедам Скифии», голоду, вынудившему местное население, ранее поставлявшее в Италию зерно, продавать в рабство своих близких. Единственно, что смущает, конечным пунктом этого потока невольников Петрарка называет не Геную, а Венецию... М. Г. Крамаровский не без основания полагает, что экзотическая внешность подобного раба позже привлекла внимание А. Пизанелло, написавшего его на втором плане фрески «св. Георгий и принцесса» в церкви Сан Анастасия в Вероне (1443-1438).

Менее убедительна трактовка автором второстепенных персонажей фрески А. Лоренцетти в церкви Сан Франческо в Сиене, посвященной мученичеству францисканцев, казненных в Тане (Индия!) в 1321 г. Так, он полагает, что, не имея представления об Индии, но, имея его о половцах (те же рабы!), художник изобразил именно их в монгольских костюмах. Половецкая экзотика заменила индийскую, что вероятно, но строго недоказуемо.

Третий очерк посвящен вполне конкретным памятникам, известным по находкам от Константинополя и Варны до Херсонеса и Солхата, – поливной керамике сграффито. Судя по клейму Дуччо, «Брак в Кане» на обратной стороне его «Маэсты» 1311 г. в сиенском Дуомо, этот тип керамики как византийский экспорт не был чужд и Италии. Кроме публикации самих предметов, М. Г. Крамаровский получил возможность, прибегнув к помощи коллег по работе, издать и византийский моливдовул пинкерна (виночерпия) и охарактеризовать сам институт пинкернов в Византии в социокультурном плане, так как, по его мнению, ныне ставшему общепризнанным, именно византийскую посуду изобразил Дуччо в сцене брака в Кане. В очерке приведены немногочисленные образцы данной керамики, как собственно византийские, так и их локальные варианты и подражания (тот же Солхат).

Четвертый очерк посвящен гарнитуре серебряного пояса XIV в., поступившего в Эрмитаж из Северного Кавказа. На четырех из девяти накладок помещен герб, по

мнению М. Г. Крамаровского, принадлежавший арагонскому кругу геральдики, что дало ему возможность развернуть перед читателем впечатляющую картину торговой и военной экспансии Арагона, с 1302 г. владевшего Сицилией в Средиземноморье. В пользу прямых или, что вероятнее, опосредованных через Италию торговых контактов Арагона с Крымом свидетельствуют и редкие образцы люстровой керамики валенсийского производства. Наличие на одной из накладок персонажа в монгольском костюме дало исследователю возможность высказать предположение об изготовлении пояса в одной из итальянских колоний, возможно, в Кафе.

Памятник, найденный в Кафе и созданный неким Михаилом из Падуи в 1331 г., фрагмент сруба колодца, послужил поводом для исследования системы водоснабжения Кафы и Солхата. Действительно сохранилось предельно мало памятников, которые можно твердо приписать местному производству, к тому же так документированных (III.5).

Уникальной является находка фрагментов венецианского стеклянного кубка в хозяйственной яме поселения сельской округи Солхата. Ранее венецианское стекло считалось предметом роскоши и показателем высокого социального статуса его владельца. Признавая принадлежность кубка к кругу муранских изделий, М. Г. Крамаровский в то же время пытается оспорить эту атрибуцию, приводя в качестве аргументов наличие на кубке герба, определенного как принадлежащего семейству Монелья из Генуи, известного в Кафе. По мнению автора, из этого следует два предположения. Во-первых, кубок выполнен по специальному заказу в Мурано, что, на наш взгляд, очевидно, исходя хотя бы из наличия герба заказчика. Во-вторых, мастерская могла находиться вне Венеции и, скорее всего, располагалась в Кафе. Второе предположение имеет право на существование, не будучи опять же строго документированным, как и вывод автора о том, что «рыночная цена на европейское стекло с эмальями оказывается посильной даже для сельского гончара» (с. 239). Но был ли кубок куплен или отнят его новым собственником у представителя семейства Монелья из Кафы? В таком случае новый владелец редкого произведения искусства вряд ли знал его истинную цену, потребляя из него в солхатском захолустье.

Седьмой и последний очерк посвящен уникальному и до сих пор не изданному полностью комплексу погребения местного феодала из Белореченского могильника второй половины XIV – начала XV вв., характеризуемого М. Г. Крамаровским как «адыгский вождь на монгольской службе». В пользу данной гипотезы приводится находка наверху шапки орбелге, аналогичного навершию из Симферопольского клада, и золотого парадного пояса. Термин «монгольской» здесь желательно заменить более точным «ордынской», учитывая датировку погребения. Его инвентарь от стеклянной сирийской бутылки с эмальями и капинной ордынской чаши до итальянских тканей и чаш исследователь характеризует как свидетельство того, что «элита области Кремука жила грабежом купеческих караванов». Полное издание материалов погребения дало бы представление о торговых маршрутах данного периода. Как и о номенклатуре перемещаемых товаров.

В целом можно констатировать, что автором проделана колоссальная работа, продемонстрировано блестящее знание разнообразных источников и литературы, что, впрочем, всегда было присуще исследователям из Эрмитажа. С ним можно соглашаться (малоазийский феномен) или не соглашаться (место производства чаши из Азова), но вопросы, им поставленные и в основном им же разрешенные на современном уровне наших знаний, являются предельно актуальными как для Золотой Орды, так и для Причерноморья и Восточного Средиземноморья в целом. Конечно же, нуждаются в монографическом издании результаты многолетних раскопок автора в Солхате, полная публикация комплексов медресе и мечети, поливной керамики, резьбы по камню и многого другого. Является ли данная работа итоговой? Надеюсь, что нет. И необходимые вышеперечисленные публикации все же появятся и явятся темами дискуссий, как и многие очерки данной книги, в свое время вызвавшие отнюдь не однозначные отклики коллег по принципу «не может быть, потому что быть не может», а позже, в основном, принятые и признанные.

И, наконец, последнее. Что касается полиграфического уровня издания, то продолжающаяся (надеюсь!) серия издательства «Евразия» почти безукоризненна, и в этом, и в редакторском смысле, как, впрочем, и многие другие научные и научно-популярные его издания.

Н. И. ХРАПУНОВ

Рец. на: Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837-1920). – Киев; Симферополь: Антиква, 2012. – 340 с., ил.

История науки, и в частности история изучения археологического и исторического наследия Крымского полуострова, в последние десять-пятнадцать лет стала популярной темой, к которой обращались А. А. Формозов [1], И. В. Тункина [2; 3], А. И. Романчук [4, с. 14-123; 5, с. 12-87], В. М. Зубарь [6], А. С. Смирнов [7], Ю. А. Виноградов [8], А. В. Шаманаев (большая часть его многочисленных статей доступна в электронном архиве Уральского федерального университета – <http://elag.urfu.ru>) и другие исследователи. Рецензируемая монография ставит своей целью освятить деятельность представителей церкви по изучению и охране памятников древности в Крыму, а также их взаимодействию со светскими научными учреждениями (с. 16-18).

Монографию открывает введение, написанное научным руководителем автора – А.А. Непомнящим, в котором обосновывается важность и актуальность темы исследования, а также дается высокая оценка работе В. В. Калиновского (с. 6-14). Если с первым сложно не согласиться, то второе становится далеко не очевидным после прочтения книги. Кстати, сообщается, что *«труды деятелей Церкви сохранили для нас неоценимую по важности информацию о крымском некрополе...»* (с. 13). Интересно, что имеется в виду?

Нужно сказать, что хронологические рамки работы практически не обоснованы. Автор начинает изложение от создания Херсонской и Таврической епархии

(с. 64) и заканчивает на закрытии монастырей после утверждения власти большевиков (с. 321), но здесь нужны дополнительные аргументы. С одной стороны, несмотря на заявленную нижнюю дату (1837 г.), исследование фактически начинается с рукоположения Херсонского и Таврического епископа Иннокентия в 1848 г. С другой стороны, автор игнорирует то обстоятельство, что и задолго до того были клирики, занимавшиеся изучением памятников христианства в Крыму.

Интерес к прошлому полуострова возникает во второй половине XVIII в. в связи с экспансией России в Северное Причерноморье. Этот интерес стимулировался государством, которое таким образом обосновывало свои права на Крым, становившийся тем самым едва ли не венцом политических устремлений империи [9; 10]. Именно поэтому князь Г. А. Потемкин, бывший главным «двигателем» покорения Крыма, инициировал изучение истории и древностей полуострова с упором на памятники христианства [2, с. 39-46; 7, с. 211-213]. Среди первых исследователей крымских древностей были церковные иерархи. Это не удивительно – они в силу своего положения должны были знать древние языки, то есть могли читать сочинения античных и средневековых авторов в подлиннике (а переводов тогда почти и не было).

Небольшую работу о Крыме написал по поручению Г. А. Потемкина архиепископ Славянский и Херсонский, грек по происхождению Евгений Булгарис [11]. Важную роль на первом этапе изучения Крыма сыграли католические иерархи. Итальянский аббат Гаспар-Луиджи Одерико поднес Екатерине II рукописное описание гонузских памятников Крыма и впоследствии опубликовал его на родине [3, с. 29]. Другую книгу о Крыме презентовал императрице Смоленский епископ Адам-Станислав Нарушевич – ее издали и в польском оригинале, и в русском переводе. Много лет собирал материалы по истории Крыма Могилевский архиепископ Станислав Богуш-Сестрэнцевич. Его труд, напечатанный на французском и русском языках, был очень популярен в первой половине XIX в., в частности, среди путешественников и исследователей Крыма [2, с. 40, 42]. В первой четверти XIX в. среди тех, кто интересовался прошлым полуострова и его «религиозной картой», были протестанты Стевен Греллет и Эбенезер Хендерсон. Оба они оказались в Крыму по миссионерским делам и впоследствии опубликовали записки, рассказывающие, в частности, о прошлом Крыма и о сохранившихся религиозных памятниках [12; 13]. Игнорировать усилия всех этих людей, конечно, можно, но лучше было бы оговориться, что в монографии речь идет только о православных служителях Таврической епархии, кратко рассказав во введении о заслугах их предшественников, в том числе представителей других конфессий.

В главе 1 монографии рассмотрена историография вопроса (с. 19-45). Правда, не вполне ясны критерии, по которым отобраны проанализированные публикации. Так, среди них встречаются работы по истории науки, не имеющие отношения к Крыму, но зато нет крымоведческих исследований, выполненных зарубежными авторами, да и вообще работы на иностранных языках в монографии не фигурируют. О причинах можно лишь догадываться, но вряд ли это можно отнести к достоинствам книги.

Так, например, ряд вопросов, совпадающих с темой рецензируемого исследования, недавно изучала североамериканская исследовательница М. Козелски [14; 15]. Отметим и немецкое издание книги А. И. Романчук, первая глава которой посвящена истории исследования Херсонеса [16, S. 7-38].

В главе 2 описаны использованные автором источники (с. 48-61). Это разного рода официальные документы, материалы делопроизводства, переписка между учреждениями и частными лицами, статьи в периодической печати, научные и научно-популярные сочинения духовных лиц, хранящиеся в библиотеках и архивах Украины и России. Часть архивных материалов уже опубликована.

В главе 3 рассказывается о деятельности архиепископа Херсонского и Таврического (1848-1857 гг.) Иннокентия и о его проекте по превращению Крымского полуострова в «Русский Афон», связанным с восстановлением прежде существовавших монастырей и основанием новых (с. 64-103). Правда, об изучении Крыма в главе почти ничего не сказано, за исключением краткой информации о раскопках А. С. Уварова в Херсонесе в 1853 г. Приходится признать, что данная глава имеет лишь условное отношение к заявленной теме, причем от авторского взгляда ускользает ряд аспектов – укажем лишь некоторые из них.

Амбициозный план архиепископа Иннокентия не ориентировался на изучение прошлого – напротив, как показала М. Козелски, он был устремлен в будущее, открывая перед Крымом новую перспективу. Учреждая «Крымский Афон», Россия утверждалась в роли покровителя христиан, в том числе живших на территории Османской империи. Крым становился примером нового типа взаимоотношений между церковью и государством. Полуостров окончательно превращался из исламского в христианский. Переселившиеся в Крым многочисленные эмигранты с Балкан обретали свое место в структуре империи, а представители разных православных народов получали возможность к интеграции вокруг общих ценностей [15, p. 62-88].

Что же касается памятников древнего христианства, они в результате обрели новую реальность, причем как виртуальную, так и физическую. Например, учреждение Кизилташского монастыря близ Судака материализовало легенду о том, что некогда на этом месте стояла резиденция св. Стефана Сурожского. Это реальное историческое лицо, местный епископ во второй половине VIII в., но никаких связанных с ним построек на месте нынешнего Кизилташа не известно ни по письменным, ни по археологическим источникам [17, с. 146-149]. «Воссоздание» же обители в Инкермане как бы «легитимировало» представление о том, что в эти места в конце I – начале II вв. был сослан св. Климент – представление, которое полностью отвергает современная наука. Возникновение многочисленных пещерных церквей в инкерманских скалах, в том числе и тех, что вошли в состав нового монастыря, относится приблизительно к XI-XV вв. [18, с. 7-30]. Менялся и физический облик древних храмов. Так, «реставрация» Успенского монастыря в Бахчисарае фактически уничтожила древнюю монастырскую церковь. Пострадал от строителей XIX в. и инкерманский храм св. Мартина [18, с. 8, 91]. Складывалась парадоксальная ситу-

ация, когда вопреки призывам архиепископа Иннокентия сохранять памятники христианской старины, его собственная деятельность способствовала их разрушению.

Можно констатировать, что нежелание использовать данные археологии и средневековой истории крайне ограничивает возможности исследования. Так, рассказывая о монастырях, которые планировалось «восстановить» (а по сути дела – создать заново), автор рецензируемой монографии не пытается осветить древнюю историю этих памятников, сопоставить церковное предание с историческими фактами, как делали его предшественники [17, с. 101-141; 15, р. 105-122]. Деятельность архиепископа Иннокентия следует рассматривать в контексте церковной политики и развития науки. Потому сюжет о поиске места крещения русского князя Владимира (с. 81-83) обогатили бы сведения о том, как по-разному представляли себе его путешественники и исследователи конца XVIII – первой половины XIX вв. [19; 20]. А в рассказе о раскопках А. С. Уварова в Херсонесе (с. 86-88) стоило бы уточнить, где находилась открытая им церковь, как она датируется и что, по современным представлениям, крещение Владимира произошло именно в этой базилике [21, с. 101-103].

Глава 4, вероятно, призвана обозначить роль Херсонесского монастыря как центра археологических исследований на городище. Так, в разделе 4.1 рассказывается о раскопках, которые вели монахи в 1857-1874 гг. (с. 106-126). Из текста непонятно, были ли их работы хоть сколько-нибудь научнообразными (хотя бы по меркам своего времени), или же просто перекапыванием земли в поисках древних вещей. Неясно, что конкретно было найдено: приводится общий список части артефактов, отправленных на Политехническую выставку в Москву в 1872 г., а потом оставшихся в Историческом музее, но нет ни сведений о том, хранятся ли они в ГИМ до сих пор, ни попыток конкретизировать, что это были за вещи (с. 119-123). Остается открытым вопрос, насколько деятельность братии можно назвать «охранной памятников», как поступает автор (с. 126). Ничего не говорится о дальнейшей судьбе монастырского музея.

Рассказывая о строительстве современного Владимирского собора в Херсонесе, исследователь называет достижением настоятеля монастыря то, что в новом соборе были сохранены остатки находившейся на его месте византийской церкви (с. 110, 126). При этом умалчивается, что строительство собора разрушило часть комплексов главной площади древнего Херсонеса, сделав невозможным археологические исследования. Далее автор, правда, со ссылкой на Н. Н. Мурзакевича, сообщает, что фасад нового собора строился по образцу константинопольской церкви Свв. Сергия и Вакха, ныне мечети Кючук-Айя-София (с. 110). То, что это сопоставление – историографическая фикция, ясно даже из опубликованных на соседней странице фотографий херсонесского и стамбульского храмов – они совсем разные (с. 111). Вероятно, изменения в проект были внесены в процессе строительства, занявшего два десятилетия [см.: 22, с. 54].

В разделе 4.2 рассматривается участие монастыря в раскопках под руководством Одесского общества истории и древностей в 1876-1887 гг. (с. 127-156). Говорится,

главным образом, об организации и финансировании работ, результаты которых автор оценивает по материалам прессы того времени (с. 154-156), не задумываясь о том, где конкретно велись раскопки, фиксировались ли они на планах и чертежах, какова судьба находок и пр. Отметим, что взгляд на происходившее «со стороны Одесского общества» был проанализирован А. В. Шаманаевым [23, с. 299-305], но эта публикация в монографии не использована.

В разделе 4.3 разбираются взаимоотношения монастыря и Императорской археологической комиссии при раскопках в Херсонесе в конце XIX – начале XX вв. (с. 157-224). К сожалению, при всем обилии приведенных материалов из раздела не вполне понятно, какую пользу монахи принесли для изучения и сохранения Херсонеса, но зато возникает картина бесконечных склок между клириками и светскими раскопщиками, и частично – разных светских органов между собой, вот только неясно, какое отношение все это имеет к заявленной теме монографии.

Отметим следующее обстоятельство: автор ссылается на архивные документы, забыв упомянуть, что некоторые из них прежде публиковались и становились предметом изучения. Так, например, обращение П. С. Уваровой к Александру III о необходимости принять срочные меры для спасения херсонесского городища (с. 157-158) приводится в монографии А. И. Романчук [4, с. 54-58]. Комплекс источников, возникший в результате отстранения монастыря от раскопок в Херсонесе (с. 157-163), рассмотрен, а соответствующие документы опубликованы А. В. Шаманаевым [24]. Опубликован и «Согласительный акт» между настоятелем монастыря и заведующим раскопками (с. 176-180), причем издатель проанализировал проблему с вниманием к историографии [25], которую В. В. Калиновский проигнорировал. Не будем увеличивать число примеров, чтобы не раздувать объем рецензии.

Как отметил А. В. Шаманаев [25, с. 305-306], многие проблемы взаимоотношений между светскими археологами и херсонесским монастырем были вызваны несовершенством законодательства, связанного с изучением и сохранением памятников археологии. Это позволяет отметить и другой момент: рецензируемая монография рассматривает «церковное краеведение» Крыма вне контекста эпохи, включавшего не только юридические моменты, но и вообще развитие археологии, которая в течение XIX – начала XX вв. постепенно превращалась в научную дисциплину в современном понимании. Именно внимание к историческому контексту могло бы вывести исследование на совершенно иной уровень.

Хорошим примером авторского подхода является рассказ об островке в Казачьей бухте на территории современного Севастополя. Сообщается, что «согласно некоторым данным» там был убит св. Климент, и, кроме того, на островке находились остатки каких-то древних построек, что и сделало его объектом интереса археологов и священников. Далее рассказывается о неудачных попытках приобретения островка у частного владельца (с. 219-223). Сравним эту информацию с работами А. В. Шаманаева на ту же тему. В них говорится, что развалины построек на островке были известны с конца XVIII в., приводятся сведения об истории изучения памят-

ника, рассказывается о прежних контактах духовенства и государства относительно островка и сделанных там находок, а также о возникновении легенды о гибели св. Климента в Крыму, недостоверной с точки зрения нынешней науки, и лишь на этом фоне рассматривается история с неудачной покупкой [26; 27]. Иначе говоря, читатель получает цельную и ясную картину происходящего, так что разница и в подходе, и в уровне исследований, кажется, очевидна.

Глава 5 рассматривает усилия крымского духовенства, направленные на изучение, сохранение и популяризацию крымских древностей. В разделе 5.1 говорится о мероприятиях, предпринятых во второй половине XIX – начале XX вв. под эгидой Таврической епархии (с. 226-278). К ним относятся популярные публикации в виде отдельных изданий и на страницах прессы, прежде всего епархиального вестника, издание путеводителей по монастырям и художественных открыток. Руководство епархии периодически издавало инструкции о недопущении разорения памятников. Сюда же автор относит деятельность по увековечиванию памяти Крымской войны путем сооружения храмов и часовен, изучение новой истории епархии, а также организацию экскурсий по «святым местам». В числе последних – крестный ход симферопольского общества трезвости в Успенский монастырь (с. 276), который, очевидно, способствовал сохранению и популяризации памятника.

Иногда автора подводит небрежность в формулировках. Так, сообщается, что в 1872 г. «появилось первое обобщающее исследование, посвященное непосредственно Крымскому полуострову» (с. 237). Автор, очевидно, забыл о трудах И.-Э. Тунманна (1774 г.), П.-С. Палласа (1792, 1799, 1801 гг.) и Ж. де Рейи (1806 г.), не говоря уже об их последователях.

Достаточно характерен эпизод, когда не без пафоса рассказывается о «восстановлении» некоего пещерного храма в Инкермане – в честь сражения Крымской войны (с. 266-268). При этом не указывается, что это была за церковь, и никак не отмечен тот факт, что заброшенный храм византийской эпохи превратили в памятник, посвященный битве XIX в. Читателю предлагается самому догадаться, что речь идет о «монастыре св. Софии», что на левом берегу р. Черной, у железной дороги и шоссе, изначальному облику которого был нанесен огромный ущерб в результате церковной «реставрации» XIX в. [18, с. 22]. Рассказывая о строительстве новой церкви на вершине Монастырской скалы в Инкермане, поблизости от стен древней крепости Каламита, автор умалчивает о его дальнейшей судьбе (с. 261-264). В этом проявляется характерная узость исторического взгляда, охватывающего лишь узкий период в существовании того или иного памятника, несколько лет (или десятилетий) в XIX – начале XX вв., но лишаящего его прошлого и будущего.

В разделе 5.2 повествуется об участии таврических священнослужителей в органах по изучению Крыма – Одесском обществе истории и древностей и Таврической ученой архивной комиссии (с. 279-307). Раздел весьма информативен, но и тут не обошлось без курьеза. Во-первых, рассказывая о научной работе А. В. Иванова, исследователь называет его автором заметки «К вопросу о каменных бабах в Крыму»

(с. 288). Очевидно, В. В. Калиновский видел лишь оглавление сборника, в которое вкралась ошибка. В титуле самой заметки слова «в Крыму» отсутствуют. Это и не удивительно, учитывая, что речь в ней идет о Бердянском уезде, то есть о территории нынешней Донецкой области [28]. Во-вторых, автор монографии сообщает, что «каменные бабы» (статуи, установленные на курганах в причерноморской степи) – это «памятники сарматской древности», хотя в реальности они относятся к половецкой культуре и моложе, по меньшей мере, на тысячелетие.

В разделе 5.3 описано создание Церковно-археологического общества Таврической епархии, просуществовавшего всего несколько лет (с. 308-322). Фактически, раздел сводится к пересказу официальной стенограммы создания общества и его устава, а наполнились ли благие намерения реальным содержанием – понять невозможно.

В книге очень много иллюстраций – в основном это портреты «действующих лиц», а также изображения разных уголков Крыма на открытках и фотографиях XIX – начала XX вв. Некоторые из них не имеют прямого отношения к теме монографии. Таковы, например, фотографии музея обороны Севастополя (ныне – Черноморского флота), памятника П. С. Нахимову, Братского кладбища, Владимирского собора и Панорамы в Севастополе (с. 273-276), Александро-Невского собора и памятника В. М. Долгорукову в Симферополе (с. 287, 289), Покровской церкви в Судаке (с. 293) и т. п. Вместо них имело бы смысл поместить фотографии и планы археологических памятников, без которых читателю сложно разобраться в описаниях. Так, например, в книге не раз говорится о монастырской ограде, мешавшей раскопкам в Херсонесе (с. 173-174, 196, 198, 202, 204). Было бы логичным привести план городища с указанием этой стены и раскопов. Хорошим примером использования планов и чертежей в исследовании по истории науки является статья А. В. Шаманаева и А. Е. Мусина [29].

Монография оставляет больше вопросов, чем дает ответов. И дело даже не в фактических ошибках или отсутствии ссылок на работы коллег. Проблема шире: сложно заниматься историей науки, игнорируя саму науку, в нашем случае – археологию. Обильные цитаты из документов скрывают от читателя сами памятники. Когда и кем они были созданы? Каковы были представления о них в исследуемый период, и, следовательно, насколько уровень знаний деятелей церкви соответствовал тому, что было известно светским археологам того времени? Какие конкретно церкви и кварталы исследовали херсонесские монахи? Что сохранилось из их находок? Делали ли они чертежи и рисунки раскопок и вещей? Какие представления о прошлом и конкретных памятниках формировались в обществе благодаря деятельности священнослужителей? Насколько они отражали объективную реальность? Какова роль в интеллектуальном творчестве государственной и церковной пропаганды?

Хорошим примером того, как исследование христианских древностей Херсонеса, в том числе при участии деятелей церкви, ставится в контекст развития русской науки XIX в., является уже цитированная статья И. В. Тункиной [19]. Об идеологи-

ческих мотивах, возникающих при исследовании христианских древностей Крыма, пишет М. Козелски [15]. Характерно, что обе работы В. В. Калиновскому не знакомы. Но и автор прекрасно известного ему исследования о крымских монастырях в XIX – начале XX вв. В. Г. Тур в начале делает экскурс «вглубь веков», обращаясь к византийским корням местного монашества и его истории в османский период, а в дальнейшем не раз возвращается к средневековому прошлому той или иной обители, которая позволяет лучше понять значение происходившего с ней в российскую эпоху [17, с. 9 слл., 87 слл., 117 слл., 132 слл., 142 слл.].

Если же говорить о влиянии православной церкви на изучение прошлого, нельзя избежать обсуждения новых мифов, возникавших и укоренявшихся в общественном сознании в результате деятельности клира. Речь идет, прежде всего, о попытках отнестись к утверждению христианства в Крыму к глубокой древности. Отсюда популяризация легенд о пребывании на полуострове апостола Андрея и св. Климента, отсюда и виртуальное удревление Успенского и Георгиевского монастырей. Выдающийся ученый А. Л. Бертье-Делагард на примере Георгиевского монастыря показал, как возникают подобные сюжеты, не имевшие отношения к действительной истории памятника [30]. Эта сторона проблемы требует глубокого и всестороннего исследования в масштабах всего Крыма, которое могло бы значительно обогатить рецензируемую монографию.

Если же вернуться к теме, заявленной во введении – о роли церкви в изучении и охране памятников Крыма, то, вопреки мнению В. В. Калиновского, опубликованные им материалы вряд ли позволяют дать положительную оценку действиям православного духовенства по изучению и охране памятников Крыма. Собственно, само выражение «памятникоохранная деятельность» в этом контексте звучит иронически, учитывая, например, ущерб, нанесенный византийским сооружениям в результате неумелой «реставрации» монастырей и церквей, или же разрушенные хозяйственной деятельностью и современным строительством участки городища Херсонеса. Возможно, дело обстояло совсем не так, но рецензируемая книга, несмотря на желание автора позитивно оценить вклад церкви, фактически предоставляет материалы для противоположного вывода. Пока, к сожалению, приходится согласиться с мнением, высказанным другим исследователем, признавшим действия церкви по охране древних памятников несостоятельными и ненаучными [31, с. 105].

Недавно появилась хвалебная рецензия на монографию В. В. Калиновского [32]. В ней, в частности, констатируется, что эта книга *«отвечает всем требованиям, которые выдвигаются к современным научным исследованиям. Она отличается скрупулезностью подхода к изучению проблемы»* [32, с. 129]. Согласиться с этой оценкой невозможно по изложенным выше причинам – многочисленные недостатки, ошибки и пробелы в исследовании говорят об обратном. Рецензируемое издание – это подборка сведений о жизни и деятельности крымских священнослужителей, а также светских археологов, не всегда связанных с заявленной темой. Пожалуй, самое ценное в нем – это опубликованные впервые и переизданные документы и матери-

лы. Кроме того, книга, наверное, будет интересна непрофессиональному читателю, интересующемуся историей крымской православной церкви XIX – начала XX вв. Однако задача, задекларированная автором, вряд ли может считаться выполненной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. 2-е изд. М., 2000.
2. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
3. *Тункина И. В.* Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771-1871. Киев, 2011.
4. *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Античный полис. Тюмень, 2008.
5. *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2. Византийский город. Тюмень, 2008.
6. *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (1914-2005 гг.) // МАИЭТ. 2009. Suppl. 6.
7. *Смирнов А. С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX вв.). М., 2011.
8. *Виноградов Ю. А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859-1917) // Боспорские исследования. 2012. Вып. XXVII.
9. *Зорин А. Л.* Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. 1998. № 31.
10. *Гончарова О. М.* Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст в русской культуре. СПб., 2008.
11. *Βούλγαρης Ε.* Εκθεσις της Ταυρικῆς Χερσονήσου ἤτοι της λεγομένης Μικρᾶς Ταταρίας. Ἐκδοσις ἀπὸ τοῦ ἀυτῶραφο κώδικα Mscr. Dresd. DA 54 καὶ ἐπίμετρο Ἰλμα Χατζηπαναγιώτη. Αθήνα, 2008.
12. *Храпунов Н. И.* Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
13. *Henderson E.* Biblical Researches and Travels in Russia... London, 1826.
14. *Kozelsky M.* Ruins into Relics: The Monument to St. Vladimir on the Excavations of Chersonesos, 1827-1857 // Russian Review. 2004. Vol. 63. No. 4.
15. *Kozelsky M.* Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb, 2010.
16. *Romančuk A. I.* Studien zur Geschichte und Archäologie des byzantinischen Cherson // Colloquia pontica. Leiden; Boston, 2005. Vol. 11.
17. *Тур В. Г.* Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. 2-е изд. Киев, 2006.
18. *Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Гаврики. Симферополь, 1997.
19. *Тункина И. В.* К истории изучения Херсонеса-Корсуня в конце XVIII – середине XIX вв. (Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира) // Москва – Крым. 2001. № 3.
20. *Храпунов Н. И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
21. *Крымский Херсонес. Город, хора, музей и окрестности.* Остин; Севастополь, 2003.

22. *Веникеев Е. В.* Севастополь и его окрестности. М., 1986.
23. *Шаманаев А. В.* Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40-80-е гг. XIX в.) // АДСВ. 2005. Вып. 36.
24. *Шаманаев А. В.* Отстранение монастыря св. Владимира от участия в раскопках Херсонесского городища: документы ГАГС 1887 г. // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Вып. 10.
25. *Шаманаев А. В.* Раскопки Херсонеса и монастырь св. Владимира: компромисс интересов (на примере Согласительного акта 1896 г.) // Документ. Архив. История. Современность. 2008. Вып. 9.
26. *Шаманаев А. В.* Нереализованный проект: монастырь Св. Владимира в Херсонесе и археологический памятник на острове в Казачьей бухте // Документ. Архив. История. Современность. 2011. Вып. 12.
27. *Шаманаев А. В.* Культовый средневековый комплекс в Казачьей бухте и монастырь Св. Владимира в Херсонесе: проблемы сохранения реликвии // *Sacrum et profanum*. 2012. Вып. V.
28. *Иванов А.* К вопросу о каменных бабах // ИТУАК. 1888. № 6.
29. *Шаманаев А. В., Мусин А. Е.* Исследования Херсонеса и Императорская археологическая комиссия в 1860 г. // Археологические вести. 2010. № 16.
30. *Бертъе-Делагард А. Л.* К истории христианства в Крыму // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII.
31. *Шаманаев А. В.* Охрана археологических памятников Крыма в XIX – начале XX вв.: позиция Русской Православной Церкви // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3.
32. *Кутайсов В. А.* Содержательное исследование по церковному крымоведению // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2012. Т. 25(64). № 2.

М Е М О Р И А

В. А. КУТАЙСОВ

СУДЬБА УЧЕНОГО

(к 100-летию со дня рождения О. И. Домбровского)

В этом году научная общественность Крыма отмечает 100-летие выдающегося ученого Олега Ивановича Домбровского. Он родился 25 (7) октября 1914 года в Феодосии, а вернее, по дороге из нее в город Старый Крым, куда направлялась его мать, спасаясь от обстрела побережья немецким крейсером «Бреслау». Его родословная интернациональна, что типично для крымчан. Прадед по отцовской линии Никита Домбровский – поляк, беглый из Австро-Венгерской империи, только в начале Первой империалистической войны, ввиду принятия дискриминационных мер к гражданам враждебных стран, принял российское подданство. Их большая крестьянская семья проживала в деревне Шибань Феодосийского уезда, недалеко от впадения реки Биюк-Карасу в Сивашский залив (ныне с. Лужки Акимовского сельсовета Нижнегорского района). У деда ученого Симеона Никитича было четыре сына – Яков, Иван, Григорий, Сергей и две дочери – Мария и Татьяна. Все они получили не только гимназическое, но и высшее образование в столичных и крымских вузах (юридическое, политехническое и биологическое). Доходов от хозяйства, вероятно, вполне хватало на оплату обучения и содержание детей как в Феодосийской гимназии, так и в университетах. Правда, на уборку урожая все семейство собиралось вместе, сезонных рабочих не нанимали.

Дед и бабка по другой ветви – Георгий Тарасович Щербина и Елизавета Франческовна Бианки. Ее итальянская фамилия, если даже судить только по путеводителям начала XX столетия, была достаточно популярной в Крыму, и особенно в Феодосии. Г. Т. Щербина работал бухгалтером на известной табачной фабрике

Стамболи. Гимназист Иван Домбровский квартировал в его доме. Судьба свела юношу с дочерью хозяина квартиры Ниной. Когда Иван окончил гимназию и не без поддержки будущего тестя устроился в частную фирму на должность бухгалтера, влюбленные стали мужем и женой. От своей матери Нины Георгиевны Олег Иванович унаследовал внешность смуглого южанина – жителя того далекого полуострова, на котором ему никогда не удалось побывать. Несмотря на столь интернациональное происхождение, сам Олег Иванович по своему мировосприятию и культуре считал себя русским человеком, являясь настоящим интеллигентом в полном смысле этого слова. Он был мастером русского языка.

В голодном 1921 году семья в поисках работы переезжает в село Ново-Романовка на окраине Симферополя (ныне в черте города). Как-то Олег Иванович показывал из окна машины мне точное местоположение их усадьбы: у подножия южного склона одного из массивов первой гряды Крымских гор. Отцу вскоре предложили место бухгалтера, а мать нашла место машинистки. На следующий год родители отвели 8-летнего Олега в школу, в первый класс.

После окончания школы с 1929 по 1934 год Олег Иванович работал на новостройках Крыма. Памятный для него объект – производственные корпуса Симферопольского консервного завода имени Кирова. Так получилось, что последние свои годы Олег Иванович прожил в квартире с видом на упомянутый завод. Обладая незаурядным чувством юмора, он не упускал случая пошутить, обращая внимание гостя на заводские корпуса за окном: «Этот неказистый индустриальный пейзаж я сотворил собственными руками». За годы, проведенные на стройках Симферополя, Олег Домбровский в совершенстве овладел профессией каменщика, что в дальнейшем, когда он нашел главное дело жизни, оказало ученому неопценимую услугу. Этим строительным навыкам он обучал нас, подростков, ибо в экспедиции все строилось своими руками.

В те же годы Олег занимался в домашнем кружке рисования у знаменитого художника-баталиста Н. С. Самокиша, школа которого ощущалась в зрелых работах О.И. Домбровского. По рекомендации известного художника в 1934 году он поступил на подготовительное отделение Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Всероссийской Академии художеств (с 1947 года – Академии художеств СССР), а в 1938 году был зачислен студентом живописного факультета. Он получил блестящее образование, обучаясь на архитектурном, искусствоведческом и живописном факультетах. Закончил Академию в 1948 году по классу монументально-декоративной живописи, специальности искусствовед, с дипломом на тему «Монументальная мозаика. Техника, материалы, изобразительные возможности». В стенах Академии О.И. Домбровский познакомился и подружился с известным ученым и опытным реставратором М. В. Фармаковским. На память о себе Мстислав Владимирович подарил молодому ученику свою реликвию, сохранившуюся и поныне – готовальню И. Н. Крамского.

Уже в 1938 году О. И. Домбровским была выполнена факсимильная копия галечной мозаики в Херсонесе. С Херсонесом в последующем будет связана большая

часть его жизни и кончина, а самой мозаике посвящена последняя его прижизненная работа. В январе-феврале 1940 года по поручению мозаичной мастерской и лаборатории по изучению цвета Всероссийской Академии наук О. И. Домбровским были исследованы мозаики Софии Киевской XI века и Михайловского Златоверхого собора XII века, в том числе составлена коллекция подлинных колерных и золотых смальт характерной палитры.

Впереди был последний год учебы, когда грянула Великая Отечественная война. Олег Иванович в числе перспективных выпускников получил бронь и мог спокойно продолжить учебу, писать дипломную работу по классу монументально-декоративной живописи, в общем, готовиться к высокооплачиваемой, престижной работе, но выпускник Домбровский добровольцем ушел на фронт. С 5 июля 1941 года О.И. Домбровский на фронте: сначала – Ленинградском, затем – Карельском. Война ему отплатила сполна: двумя ранениями, после последнего тяжелого в июне 1944 года лишь чудом остался жив. За оборонительные бои уже в августе 1941 года был награжден медалью «За боевые заслуги». В архиве Академии художеств хранятся письма студентов-фронтовиков, в том числе и большое количество посланий самого Олега Ивановича. Один из корреспондентов сообщает об ожесточенном бое у деревни Райкузи, между Ропшей и Ленинградом, в котором Олег Иванович сначала вытаскивал из горящего от прямого попадания снаряда и продолжающимися разрываться боезапасами дота своих друзей, а затем, до прихода подкрепления, фактически руководил боем. Этот военный эпизод всплыл в ходе переписки при подготовке к печати книги «Письма ленинградских художников периода войны и блокады», к сожалению, пока еще не опубликованной (составитель В. Д. Сурис). В ответном письме, на просьбу составителя книги сообщить подробности, Олег Иванович вспоминал, что кроме ожогов, полученных при спасении солдат из дота, позже он был ранен в ногу и не мог передвигаться самостоятельно. Носилки с раненым стояли на пристани, затрудняя отступающим погрузку на катер. Поэтому раненый Олег Иванович был взят на борт в числе первых. Когда катер отошел, пристань была уже захвачена фашистами, стрелявшими вслед. Правда, сам Олег Иванович считал описанный случай одним из заурядных на войне. Те же, кто хорошо знал его, помнят, как всю жизнь беспокоили Олега Ивановича последствия ожогов рук, особенно при реставрационной работе с химикатами и известью.

В период жестоких поражений на фронте, в октябре 1942 года, после больших потерь, когда нужно было усилить передовые позиции готовыми на самопожертвование воинами, Олег Иванович вступил в ВКП(б). Как он неоднократно вспоминал впоследствии, членом партии быть не собирався, но отказаться от предложения пополнить сильно поредевшие ряды коммунистов означало бы в то время, что у него нет веры в победу над врагом. Став коммунистом, он оставался им до конца. К тяжелым потерям близких друзей, любимой, добавилось также известие о гибели в первые дни ноября 1941 года матери на теплоходе «Армения», почти на рейде Ялты, на глазах отца.

Еще до войны, на лекциях по истории искусства древнего мира, он повстречался с человеком, полностью изменившим его жизненные планы – Павлом Николаевичем Шульцем. После демобилизации в июле 1945 года Олег Иванович был привлечен П. Н. Шульцем в качестве художника-реставратора только что созданной ГМИИ им. А. С. Пушкина и ИИМК им. Н. Я. Марра Тавро-Скифской экспедиции. *“Ненавязчиво, исподволь, но, как всегда, последовательно и методично, – вспоминал Олег Иванович много лет спустя, – перестраивал он вчерашних фронтовиков с покалеченными телами и израненными душами в “гражданских” – тех прежних мирных научных работников и студентов, какими были мы накануне войны и, оказывается, в глубине души продолжали оставаться. Это походило на пробуждение от кошмара, в котором, увы, ничто не было сном...”*¹.

Как вспоминал Олег Иванович позже, перемена рода деятельности была необходима ему для восстановления душевного здоровья и равновесия, ведь казалось, что не осталось сил для продолжения учебы без довоенных друзей. Благодаря О. И. Домбровскому-реставратору для нас были спасены такие уникальные объекты искусства, как саркофаг царицы, одежда и вооружение из так называемого погребения Скилура из мавзолея и декоративная живопись Неаполя Скифского. *«Необыкновенно увлекательные реставрационные работы шли при раскопках погребений мавзолея Неаполя Скифского..., – вспоминала профессор Новосибирского государственного педагогического университета, доктор исторических наук Т. Н. Троицкая². – Верхняя часть стен мавзолея была сложена из глины-сырца, когда здание рухнуло, эта глина затекла между всеми погребениями, среди которых имелось одно, находившееся в художественно оформленном деревянном саркофаге. Глина обволокла его резные доски, которые со временем истлели, а на их месте в сплошной глине образовались пустоты. Их расчистка производилась по методу, известному по раскопкам Помпей. Из пустот мехами осторожно выдували древесную труху (иногда даже приходилось выдувать ее собственными легкими), а затем заливали гипсом. Так были получены отпечатки досок этого изумительного саркофага. На отливках сохранились и остатки краски, саркофаг оказался ярко раскрашенным. Доски саркофага были украшены гирляндами из цветов, а на его углах были изображения сфинксов. Реконструкцию всего саркофага провел мой большой друг Олег Иванович Домбровский, окончивший Академию художеств и посвятивший затем всю свою жизнь археологическим раскопкам в Крыму».*

Уже в 1945 году Домбровский на городище Красное *«обнаружил следы древней керамической обжигательной печи и, – по словам П. Н. Шульца³, – мастерски*

¹ Домбровский О. И., Столбунов А. А., Баранов И. А. Аю-Даг – “Святая” гора // Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1975. С. 100-102.

² Троицкая Т. Н. Мое призвание. Новосибирск, 2010. С. 26.

³ Шульц П. Н. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. 1946. № 2. С. 111.

исследовал ее». «Эта работа, – как было отмечено в рецензии О. Д. Дашевской⁴, – может служить образцом для археологов, исследующих подобные памятники».

На основе Тавро-Скифской экспедиции в 1948 году был создан сектор истории и археологии Крымского филиала АН СССР (с 1956 года – отдел античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР), в котором до января 1956 года О. И. Домбровский был заведующим организованной им лабораторией археологической технологии. В этой должности он руководил различными работами по реставрации памятников искусства, археологических предметов, в том числе древних тканей, документов, металлических изделий. Кроме того, проводил исследования и экспериментальные работы в области реставрации и восстановления археологических памятников. В 1958 году О. И. Домбровский работал под руководством выдающегося советского антиковеда, профессора, доктора искусствоведения В. Д. Блаватского в совместной советско-албанской археологической экспедиции, исследовавшей Аполлонию Иллирийскую – один из крупнейших городов древности на Адриатике, где участвовал в реставрации мозаик римского времени. В ходе практической полевой деятельности Олег Иванович приобрел новую профессию и сейчас нам трудно сказать, кто он больше – археолог или искусствовед-реставратор, ибо в каждом из перечисленных направлений творчества ему принадлежит ряд значительных свершений и уникальных открытий.

В 1958-1962 гг. О. И. Домбровский руководил археологическим отрядом Комплексной карстовой экспедиции АН УССР, в ходе которой провел стационарные раскопки в Красной, Енисальской и Змеиной пещерах, а также обследовал прилегающие участки горных плато, где были обнаружены археологические находки.

В конце 1966 года П. Н. Шульц уехал из Крыма и стал работать в Ленинграде в отделении Института археологии АН СССР. С этого времени все бремя руководства Отделом античной и средневековой археологии Крыма ИА АН УССР (при постоянно проживающем в Киеве заведующим отделом С. Н. Бибикове) легло на плечи О. И. Домбровского, занимавшего скромную должность ученого секретаря⁵. Именно тогда проявились уникальные способности Олега Ивановича как организатора научной работы и вдохновителя археологических исследований памятников разных эпох. Результаты этих исследований были изданы в виде ряда научных сборников, среди которых «Археологические исследования средневекового Крыма» (1968), «Феодальная Таврика» (1974), «Архитектурно-археологические исследования в Крыму» (1988).

Уже в предисловии к первому из перечисленных изданий О. И. Домбровский изложил основные теоретические подходы к изучению средневекового Крыма: «Процесс возникновения и развития феодальных отношений в Крыму имел как бы

⁴ Дашевская О. Д., Якобсон А. Л. Два сборника по истории и археологии Крыма // СА. 1961. № 2. С. 286.

⁵ Махнева О. А. Воспоминания о Павле Николаевиче Шульце // У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004. С. 243.

три стороны. Одной из его сторон была внутренняя феодализация аборигенного населения – неизбежный и закономерный результат его собственного развития. Второй стороной являлось укоренение в местной среде привнесенных извне (сначала византийскими, а затем итальянскими пришельцами) готовых форм феодального сельского хозяйства, ремесла, торговли, а с ними и более зрелых общественных отношений. Третьей стороной процесса было, наоборот, влияние наиболее отсталых, хотя и весьма своеобразных социальных отношений протекавших в Крыму кочевых народов. Хотя все три явления не могут рассматриваться как изолированные одно от другого, однако, каждое из них имело в средневековом Крыму свой район оптимального проявления»⁶.

О. И. Домбровский – автор свыше 80 научных работ, в том числе шести книг: «Фрески средневекового Крыма» (1966), «Крепость в Горзувитах» (1972), «Столица Феодоритов» (1973), «Аю-Даг – Святая гора» (1975), «Солхат и Сурб-Хач» (1978), «Мозаики византийского Херсонеса» (2004). Две предпоследние работы написаны в соавторстве с его учениками. Результатом его деятельности на научном поприще стало создание археологической и реставрационной школы в Крыму. Как ее руководитель, он организовал систематические раскопки многих памятников, исследование которых продолжают ныне его ученики и приемники. Основной своей заслугой О. И. Домбровский считал (как он сам заметил на торжественном собрании в честь своего 70-летия) лишь то, что, будучи по образованию не археологом, которым он к тому же никогда не собирался становиться, ему удалось собрать и организовать коллектив настоящих археологов-профессионалов. От себя заметим, большая часть которых были его учениками.

«И еще один памятник себе создал исследователь, – писала профессор Уральского государственного университета, доктор исторических наук А. И. Романчук, – он воспитал целую плеяду талантливых крымских археологов. Ученики О.И. Домбровского работают по всему Крыму, исследуя прибрежные города и поселения (Алушта-Алустон, Судак, Керкинитиды), и крепости горной Таврики, памятники средневековья и античности. Среди учеников О. И. Домбровского, прежде всего, следует назвать И. Баранова, занимающегося исследованием Судака, В. Кутайсова, блестяще раскопавшего Керкинитиду, В. Мыца, занимающегося изучением крепостей Таврики, и многих других»⁷.

Персональные опубликованные работы О. И. Домбровского без преувеличения составляют золотой фонд науки. Их отличает симбиоз искусствоведческого, архитектурного и археологического анализа. Другой их особенностью является прекрасный литературный стиль, то же можно сказать и о редактировании работ его младших коллег. *«Остается сожалеть о том, – писала московская исследова-*

⁶ Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С. 5.

⁷ Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 32, прим. 70.

тельница христианских памятников, доктор исторических наук Л. Г. Хрушкова, – что читатель не избалован подобными отчетами [О. И. Домбровского], которые, сверх их научной ценности, являются еще и увлекательным чтением, – случай в археологии не частый»⁸.

Художественное образование определило основную направленность научной деятельности О. И. Домбровского: две его главные книги – «Фрески средневекового Крыма» (1966) и «Византийские мозаики Херсонеса Таврического» (2004) – посвящены памятникам искусства, а именно: христианской живописи и мозаикам. Каждой из этих работ предшествовали десятилетия реставрации и факсимильного копирования объектов исследования. Монографию «Фрески средневекового Крыма» с цветными рисунками настенной живописи мы сейчас уже вправе назвать книгой об утраченных памятниках Таврики – большинство из них либо не сохранилось, либо находится в плачевном состоянии. Напомним, что рукопись этой книги пять лет пролежала на издательских полках, так как, по мнению отдела науки ЦК КПУ, она была посвящена христианской церкви. Лишь после того, как во введении была подчеркнута необходимость «умело применять такие памятники в историко-атеистической пропаганде», работа увидела свет. Об этой, искусственно вставленной в текст, фразе О. И. Домбровский искренне сожалел всю оставшуюся жизнь. «В период Шелеста (и Скибы), при Хрущеве, – писал Олег Иванович в 1969 году, – иначе было нельзя, то есть «вульгаризмы»; без них нельзя было сделать ни шагу в издательстве («боги», значит нельзя)». И далее: «Это – не более чем пропуск в издательство. Написано для Скибы – он только это и прочел»⁹.

Вторая монография «Византийские мозаики Херсонеса Таврического» увидела свет через десять лет после кончины ученого. Она была издана в Польше, в городе Познань. Как ни странно, на родине ученого не нашлось организации, способной осуществить издание. Созданию книги предшествовала полная реставрация всех мозаичных панно Херсонеса, для чего Олег Иванович разработал методику, выдержавшую испытание временем. Даже трудно представить, что до 1972 года мозаичные полы были закрыты для обозрения не только посетителей музея, но и ученых. По-существу, для общества был спасен целый пласт художественной культуры, сохранившейся на Украине и в России только в Херсонесе. Методика реставрации мозаик, ранее разрабатывавшаяся О. И. Домбровским в коллективе студии И. Э. Грабаря, была усовершенствована в направлениях подборки и использования оригинальных материалов (природного камня естественной окраски), применения новых современных закрепляющих средств. Сама же технология реставрации заключалась в тщательной очистке мозаичного набора от субструкции на месте на-

⁸ Хрушкова Л. Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. II. С. 394, прим. 1.

⁹ Цитаты взяты из заметок на полях отзыва о книге, подписанном академиком Б. А. Рыбаковым от 19.12.1969 г.

ходки с неперменной графической фиксации этапов работ, закреплении поверхности мозаичного набора на эластичной основе, переносе разделенной на фрагменты мозаики на рабочий стол, где она оказывалась перевернутой поверхностью вниз, окончательная очистка ее от остатков субструкции, восстановление лакун и одиночных камней, в том числе и замена разрушившихся от времени камня или смальты, наконец – закрепление реставрированной структуры на армированной бетонной основе и монтирование мозаики на месте будущего экспонирования. Оригинальность разработанной и постоянно совершенствуемой методики, позволяющей не нарушать целостность мозаичного набора, деликатность в восполнении утрат способствовали эффективному и широкому применению на памятниках различных исторических эпох. Кроме реставрации всех мозаик Херсонеса, была восстановлена мозаика X века монастыря Панеа в Симеизе. Созданный в 1972 году по инициативе О. И. Домбровского коллектив, шефствование над которым и научное руководство он продолжал до последних дней жизни, в процессе планировавшейся и направляемой им работы прошел школу профессиональной, в том числе и теоретической подготовки. Впоследствии большинство специалистов получило подтвержденную дипломами высшую квалификацию художника-реставратора. Уже получившие квалификацию реставраторы работали над снятием и переносом на новое основание фрески XVI века из церкви Иоанна Предтечи в селе Верхоречье, что являлось беспрецедентным не только для Крыма, но и Украины. Представителями крымской реставрационной школы были возвращены к жизни мозаики храма Диониса в селе Дзалиси (Грузия), мозаики 1903-1906 годов Н. К. Рериха Храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Пархомовке Киевской области, мозаики памятника Н. В. Ватутина в Киеве, мозаичные композиции 1964 года из музея Т. Г. Шевченко в Киеве, Крестовоздвиженской церкви Ливадийского дворца, а также воссозданы мозаики Семинарской церкви, собора св. Петра и Павла в Симферополе. За осуществление полной реставрации всех мозаичных панно – неотъемлемой части Национального заповедника «Херсонес Таврический» – представителям крымской реставрационной школы А. И. и Ю. И. Кравченко, В. В. Кузьминову, В. И. Лобанову вместе с их учителем в 1997 году была присвоена Государственная премия Автономной Республики Крым.

Трудно переоценить вклад О. И. Домбровского в организацию археологического изучения разновременных памятников Крыма. Он проводил изучение «исаров» (крепостей) Горного Крыма, крепостей капитанства Готия, был инициатором раскопок его учеником И. А. Барановым Судака. Только благодаря организаторским способностям Олега Ивановича удалось начать раскопки античной Керкинитиды и т.д.

Настоящим событием в 60-е годы прошлого века стало издание под редакцией О. И. Домбровского двух научно-популярных книг под общим заголовком «Дорогой тысячелетий», первая из них называется «Экскурсии по средневековому Крыму» (1966), вторая – «Очерки о древнем Крыме» (1969). Они были переизданы без изменений более чем через 30 лет.

Резонанс в общественной жизни Крыма в 1970-е годы вызвало издание научно-

популярной серии «Археологические памятники Крыма», включившей в себя 15 книг¹⁰. Книги самого О. И. Домбровского стали настоящим украшением серии. Помню, с каким нетерпением крымчане ожидали выхода очередного тома, а для многих из нас эти книги стали путевкой в науку. В конце 80-х годов прошлого столетия была предпринята попытка возродить серию¹¹. Однако не хватило той энергии, настойчивости и готовности прийти на помощь каждому автору, которой обладал О. И. Домбровский, чтобы продлить жизнь изданию.

Особенно большой вклад О. И. Домбровский внес в изучение Херсонеса, где кроме открытия им пока единственного в Северном Причерноморье античного театра, окончательно доследовались такие памятники византийской архитектуры, как Загородный крестообразный храм, «Уваровская базилика», храм «с ковчегом» и многое другое.

Олег Иванович реставрировал экспонируемую в залах средневекового отдела Херсонесского заповедника византийскую фреску VIII века из Базилики 1935 года. В процессе изучения византийской живописи Таврики художник Домбровский скопировал, опубликовал и таким образом сохранил для будущих поколений средневековые фрески Крыма, сейчас в значительной степени утраченные. По его же факсимильным копиям мы имеем возможность сейчас изучать стенную роспись склепов столицы поздних скифов и склепа Деметры в Керчи.

О. И. Домбровский всегда был активным защитником культурно-исторического наследия полуострова от невежества и дилетантства. Благодаря его участию и настойчивости удалось предотвратить разрушение и гибель многих памятников прошлого. С самого создания в 1966 году он являлся членом президиума Крымского правления Украинского общества охраны памятников истории и культуры. В 1991

¹⁰ Всего в издательстве «Крым» (в дальнейшем «Таврия») было издано 15 книг: В. Драчук. Шаг в неведомое (1971); Когонашвили К., Махнева О. Алустон и Фуна (1971); Домбровский О. Крепость в Горзувитах (1972); Щепинский А., Черепанова Е. Степные курганы (1972); Домбровский О., Махнева О. Столица Феодоритов (1973); Фирсов Л. Чертова лестница (1973); Даниленко В., Токарева Р. Башня Зенона (1974); Марченко И. Город Пантикапей (1974); Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Аю-Даг – «Святая» гора (1975); Высотская Т. Скифские городища (1975); Щеглов А. Полис и хора (1976); Веймарн Е., Чореф М. «Корабль» на Каче (1976); Колосов Ю. Белая скала (1977); Драчук В., Кара Я., Челышев Ю. Керкинитиды – Гёзлэв – Евпатория (1977); Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб-Хач (1978). При публикации первой из названных книг была допущена досадная оплошность: на обложке вместо «Археологические памятники Крыма» значилось «Архитектурные памятники Крыма». Весь уже напечатанный тираж был направлен обратно в типографию и перелицован (отсюда на обложке книги с левой стороны появилась дополнительная черная полоса).

¹¹ В новой серии вышло пять книг: Высотская Т. Н. Скифские городища (1989); Ольховский В. С., Храпунов И. Н. Крымская Скифия (1990); Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса (1990); Кутайсов В. А. Керкинитиды (1992); Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-Кале (1993).

году О. И. Домбровскому названной организацией была присуждена одна из первых премий имени В. В. Хвойко.

Олег Иванович никогда не занимал высоких постов, не имел почетных званий, но благодаря своей неутомимой энергии и личной бескорыстности та скромная должность, на которой он находился с 1956 по 1983 гг. – ученый секретарь Отдела археологии Крыма Института Археологии АН УССР – всегда была уважаемой и весомой. Прежде всего, он исходил не из конъюнктурных соображений, а только из интересов Крыма. Именно этим и объясняются его столь высокий авторитет и известность на полуострове и за его пределами. В одном из изданий Олег Иванович вполне справедливо назван патриархом крымской археологии¹².

Олег Иванович обладал человеческой притягательностью, общение с ним обогащало собеседника, вызывало потребность вновь встретиться, поделиться своими планами. Он бескорыстно делился своими мыслями и идеями, для него никогда не имело значения, с чьим именем будет связано то или иное научное открытие. Поэтому, вероятно, к нему так тянулась молодежь, которой он отдал более сорока лет своей жизни. С 1953 года О. И. Домбровский руководил Археологическим кружком при ОДЭТС, через который прошло не одно поколение подростков и студентов. За педагогическую деятельность О. И. Домбровский был награжден знаком «Отличник народного образования».

Несмотря на годы, до последних часов своей жизни Олег Иванович активно трудился в Херсонесе на реставрации античного театра. Он очень хотел успеть закончить эту работу, которую считал своей лебединой песней. Судьба распорядилась иначе... Тогда мы еще не знали, что его уже одолевала страшная мучительная болезнь, о которой он никому не говорил. В 1994 году О. И. Домбровский ушел из жизни. Судьба отвела Олегу Ивановичу долгие годы жизни, насыщенной многими событиями и творческими успехами. Созидательные дела О. И. Домбровского останутся навсегда в памяти крымчан, а его публикации навеки включены в золотой фонд науки. Нам же посчастливилось учиться и находиться рядом с таким удивительным Человеком.

¹² Айбабин А. И. От редактора-составителя // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 3.

Пам'яті Віктора Юрійовича Ганкевича

30 квітня 2014 р. у місті Сімферополь на сорок шостому році життя пішов у вічний світ видатний український науковець, дослідник історії кримськотатарського народу, доктор історичних наук, професор Віктор Юрійович Ганкевич.

Відомий вчений давно і тісно співпрацював з Кримським відділенням Інституту сходознавства: входив до редколегії серії збірок наукових праць «Межкультурный диалог: история и современность», рецензував наукові теми і програми, успішно здійснював наукове керівництво над написанням деякими співробітниками кандидатських дисертацій. В. Ю. Ганкевич був членом спеціалізованої вченої ради з захисту докторських дисертацій Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України з історії.

Віктор Юрійович Ганкевич народився 20 вересня 1968 р. у с. Гладківка Голопристанського р-ну Херсонської обл. Навчаючись у херсонській середній школі № 11, проявляв жвавий інтерес до історії рідної землі. По завершенню навчального закладу в 1985 р. він успішно склав вступні іспити на історичний факультет Сімферопольського державного університету ім. М. В. Фрунзе. Після другого курсу був призваний у лави Збройних Сил СРСР. З 1 липня 1987 по 30 травня 1989 рр. проходив службу у в/ч 01003 ордена Леніна в/ч 52605 (Семипалатинський полігон, Казахська РСР). Після демобілізації продовжив навчання в університеті й перевівся на кафедру історії України.

В. Ю. Ганкевич пройшов великий й складний шлях від учителя середньої школи до професора Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. З

серпня по жовтень 1992 р. працював учителем історії у Херсонській середній школі № 11; в 1992-1995 рр. навчався в аспірантурі на кафедрі історії України та допоміжних історичних дисциплін Сімферопольського державного університету ім. М. В. Фрунзе (науковий керівник професор Шарапа В. Ф.), яку успішно закінчив, та достроково захистив кандидатську дисертацію на тему «Життя та діяльність І.Гаспринського (1851-1914)» у спеціалізованій вченій раді Запорізького державного університету.

20 вересня 2000 р. рішенням спеціалізованої вченої ради Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України В. Ю. Ганкевичу присуджено вчений ступінь доктора історичних наук. Тема дисертації: «Джадидистська реформа просвіти кримських татар (межа XIX–XX ст.)».

18 лютого 2003 р. рішенням Атестаційної колегії МОН України В. Ю. Ганкевичу присвоєно вчене звання професора кафедри історії України та допоміжних історичних дисциплін.

Науковий доробок професора В. Ю. Ганкевича склав більше 300 робіт (з яких 10 монографій та брошур) в Україні та закордоном (Російська Федерація, Туреччина, Німеччина, Польща). Він брав участь у міжнародних наукових конференціях в Україні, Нідерландах, Італії, Австрії, Чехії, Росії, Туреччині, Німеччині, Польщі.

Саме Віктор Юрійович знаходився біля витоків дослідження історії кримсько-татарського народу у незалежній Україні. Але сферою його наукових інтересів була не лише історія кримських татар у XIX – на початку XX ст. В останні роки свого життя, будучи сином херсонської землі, він вивчав історію біосферного заповідника Асканія-Нова й вплив германо-російських зв'язків на історію України. Його наукові праці отримали широке визнання серед науковців не лише країн СНД, але й за кордоном.

В. Ю. Ганкевич був не лише видатним науковцем, але й плідно займався підготовкою наукових кадрів. Під його керівництвом за 14 років було підготовлено 15 кандидатів історичних наук, а троє з його учнів вже успішно захистили й докторські дисертації. Випускники професора В. Ю. Ганкевича плідно працюють у системі закладів науки, освіти і культури, в органах державного управління різних рівнів.

В. Ю. Ганкевич був членом спеціалізованої вченої ради з захисту докторських дисертацій Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського з політології, входив до складу редколегій наукових часописів «Ученые записки ТНУ (история)» та «Культура народів Причорномор'я».

За значні здобутки на ниві наукових досліджень В. Ю. Ганкевич був відзначений стипендією АР Крим (1991-1992 рр.); стипендією Президента України (1994-1995 рр.); премією Асоціації національних громад і спільнот народів Криму ім. І. Гаспринського (1997 р.); Почесною Грамотою МОН України (1998 р.); премією Абдель Азіз Сауд Аль-Баптіна для нащадків імама Аль Бухарі (Саудівська Аравія) (2000 р.).

Віктор Юрійович був чудовим науковцем та педагогом, великодушною, доброю, порядною і чуйною людиною. Пам'ять про нього надовго залишиться в наших серцях. Це велика втрата для наукового світу, учнів та близьких.

І.П. та А.А. Задерейчук

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
- ВВ – Византийский временник
- ВДИ – Вестник древней истории
- ГАРК – Государственный архив в Республике Крым (Симферополь)
- ГАГС – Государственный архив г. Севастополя
- ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- ЗРАН – Записки Российской Академии Наук
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
- ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
- ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
- ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
- МАР – Материалы по археологии России
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НА БИКЗ – Научный архив Бахчисарайского историко-культурного заповедника
- НА НЗХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика

- ОАМ – Одесский археологический музей
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- РА – Российская археология
- РГИА – Российский государственный исторический архив
(Санкт-Петербург)
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
- ХСб. – Херсонесский сборник
- ЯИЛИМ – Ялтинский историко-литературный музей
- BAR – British Archaeological Reports
- BSH – Bulletin de correspondance hellénique
- BSA – British School at Athens
- DOP – Dumbarton Oaks Papers
- JRA – Journal of Roman Archaeology
- LRCW 2 – Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in
the Mediterranean: Archaeology and archaeometry
- RCRF Acta – Rei Cretariae Romanae Fartorum Acta
- RGZM – Römische-Germanischen Zentral museums
- SCIVA – Studii si cercetari de istorie veche si Archaeologie

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Крапивина В.В., Диатроптов П.Д.</i> Дипинги и граффити на амфорах римской Ольвии	3
<i>Смокотина А.В.</i> Амфоры LR 1 на Боспоре	68
<i>Радочин В.Ю.</i> Антропологический материал из раскопок некрополя Эски-Кермена в 2006-2008 гг.	88
<i>Турова Н.П.</i> Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея	118
<i>Хайрединова Э.А.</i> Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое	147
<i>Завадская И.А.</i> Периодизация культового строительства на городище Тепсень (о кафедральном храме Фульской епархии)	211
<i>Айбабин А.И.</i> Город на плато Эски-Кермен в XIII в.	240
<i>Моисеев Д.А.</i> Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька	278
<i>Гинькут Н.В.</i> Производство поливной керамики во второй половине XIV – середине XV вв. в крепости Чембало	311

НУМИЗМАТИКА

<i>Богуславский Г.С., Янов Д.М.</i> Серебряные и биллонные монеты Крымского ханства из новейших находок в Белгороде (Аккермане)	345
---	-----

ИСТОРИЯ

<i>Яшаева Т.Ю.</i> К вопросу о достоверности информации в крымских письмах римского папы Мартина I	358
--	-----

<i>Степаненко В.П.</i>	
Еще раз о локализации Хазарии в XI в.	368
<i>Храпунов Н.И.</i>	
Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.)	379
<i>Маврина О.С.</i>	
Перевод документов мусульманской знати в Таврическом Дворянском Депутатском Собрании в первой половине XIX века: трудности и открытия	427
<i>Конкин Д.В.</i>	
Проекты реформирования управления вакуфами в Крыму в начале XX века	439
<i>Прохоров Д.А.</i>	
Караимы Севастополя в составе русской армии в 1914-1917 гг.: биографии участников Первой мировой войны	463

РЕЦЕНЗИИ

<i>Степаненко В.П.</i>	
Рец. на: Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. – СПб.: Евразия, 2012. – 496 с., 90 илл.	509
<i>Храпунов Н.И.</i>	
Рец. на: Калиновский В.В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непечатый уголок»: Церковное крымоведение (1837-1920). – Киев; Симферополь: Антиква, 2012. – 340 с., ил.	516

MEMORIA

<i>Кутайсов В.А.</i>	
Судьба ученого (к 100-летию со дня рождения О. И. Домбровского)	526
Памяти В. Ю. Ганкевича	536
Список сокращений	538

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

<i>Krapivina V.V., Diatroptov P.D.</i> Dipinti and Graffiti on Amphorae from Roman Olbia	3
<i>Smokotina A.V.</i> Amphorae LR 1 in Bosphorus	68
<i>Radochin V.Yu.</i> Anthropological Material from the Excavations of the Necropolis of Eski-Kermen in 2006-2008	88
<i>Turova N.P.</i> Field and Historic-Archival Materials of “Simeiz Vault of 1955” in the Funds of Yalta History-Literature Museum	118
<i>Khairedinova E.A.</i> Medallions with the Image of Holy Rider from the Necropolis near the Village of Luchistoye	147
<i>Zavadskaya I.A.</i> Periodization of the Church Building on Tepsen Settlement (On the First Cathedral of Fuly’s Diocese)	211
<i>Aibabin A.I.</i> City on the Plateau of Eski-Kermen in XIII century	240
<i>Moiseyev D.A.</i> Complex of Building Ceramic Wares Dating to the 14 th Century from the Excavations of Christian Church in the Neighbourhood of Ilka Mountain	278
<i>Ginkut N.V.</i> Glazed Ware Manufacture from the Second Half of the Fourteenth to the Mid-Fifteenth Century in Cembalo Fortress	311

NUMISMATIC

<i>Boguslavsky G.S., Yanov D.M.</i> The silver and billon coins of Crimean Khanate from the latest finds in Belgorod (Akkerman)	345
---	-----

HISTORY

<i>Yashayeva T.Yu.</i> On the Problem of Authenticity of Information in Crimean Letters of Roman Pope Martin I	358
--	-----

<i>Stepanenko V.P.</i> And Again on the Problem of Localization of Khazaria in the 11 th Century	368
<i>Khrapunov N.I.</i> James Webster's and His Fellows' Travel to the Crimea (1827)	379
<i>Mavrina O.S.</i> The translation of documents Muslim elite in the Tauride Nobility Assembly of Deputies in the second half of the XIX century: the difficulties and discoveries	427
<i>Konkin D.V.</i> Projects of Reforming Governance by Waqfs in Crimea at the Beginning of the 20th Century	439
<i>Prokhorov D.A.</i> The Karaites of Sevastopol in the Russian Army in 1914-1917: Biographies of Participants in World War I	463

REVIEWS

<i>Stepanenko V.P.</i> Review of: Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. – СПб.: Евразия, 2012. – 496 с., 90 илл.	509
<i>Khrapunov N.I.</i> Review of: Калиновский В.В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непечатый уголок»: Церковное крымоведение (1837-1920). – Киев; Симферополь: Антиква, 2012. – 340 с., ил.	516

MEMORIA

<i>Kutaisov V.A.</i> The Fate of a Scholar (of the occasion of 100 th anniversary of O. I. Dombrovsky)	526
In memory of V. Yu. Gankevich	536
List of Abbreviations	538

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Вып. XIX

Сборник

Ответственные редакторы

д.и.н. А.И. Айбабин

д.и.н. В.Н. Зинько

Техническая редакция и набор *С.И. Власовой*

Перевод на английский язык *Н.И. Радочиной*

Верстка *Л.К. Мусихиной*

Корректурa *В.Н. Солина*

Формат 70x100 ¹/₁₆, Усл. печ. л. 44,2.

Тираж 300. Заказ 611.

ФЛП Озаркив А.М.

ул. Борзенко, 2, кв. 20, г. Керчь, Республика Крым, 298302

свидетельство субъекта издательской деятельности

КМ № 44 от 27.02.2008 г.

ООО «Керченская городская типография»

ул. Кирова, 13, г. Керчь, Республика Крым, 298300

свидетельство гос. регистрации изготовителя

КМ № 002 от 05.05.2000 г.